№ 7
июль
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права,судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Танюша
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора
по научному развитию:
Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief
for Scientific Development:
Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,
г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow,Green Avenue, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель СевероКавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the R ussian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V.

Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПОЛИТИКА И ПРАВО
Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * Компонент толерантности. 15
Лагуткина Н.Б. * Государственная политика в сфере физической культуры спорта. 20
Царькова Е.Г. * Искусственный интеллект как фактор продовольственной безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. 24
Бутов А.Р. * Правовая институционализация финансового сотрудничества БРИКС: между «мягким правом» и международными договорами. 30
Дикусар Я.С. * Юридическая фикция «дискредитации» в доктрине уголовного права: пределы действия ст. 280.3 УК РФ в информационном пространстве. 37
Нассер Н.Х. * Международно-правовые проблемы реализации института ответственности за применение химического оружия: современные вызовы и пути совершенствования. 44
Брик А.Д. * Направления повышения эффективности правового регулирования муниципального имущества. 50
Солодов В.В. * Перспективы цифровизации государственных закупок в России и интеграции Искусственного Интеллекта. 56
Арутюнян А.А. * Предотвращение размещения оружия в космосе: позиции государств БРИКС. . . . 63
Остроушков Д.А. * Противоречие сделки антисанкционным указам Президента Российской Федерации: конкуренция оснований недействительности. 66
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Велиев Р.Р., Велиев А.Р., Кузин Н.Р., Фадельман М.В. * Смертная казнь как мера предотвращения угроз национальной безопасности России и правовые условия ее восстановления в современном уголовном праве. 74
Ковалев О.Г. * Особенности исполнения наказаний не связанных с изоляцией осужденных от общества в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы. 84
Макоева Е.Р., Кравцова А.М. * О некоторых вопросах противодействия и профилактики коррупции 91
ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ
Гаджиева Ф.Г. * Правовое регулирование Искусственного Интеллекта в Европейском Союзе: AI act как новая модель нормативного контроля технологий. 96
Ковалев О.Г. * Служебная проверка в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: правовая основа и порядок проведения. 102
Радченко Е.П., Зорина Н.С.* Долгосрочные последствия пребывания несовершеннолетних в исправительных учреждениях. 108
Царькова Е.Г. * Применение диалоговых систем искусственного интеллекта в деятельности уголовно-исполнительных инспекций как инструмент повышения эффективности службы пробации. . . . 115
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО
Аббуд Р.Р. * Киберпреступления в рамках международного коммерческого арбитража и способы их предотвращения. 120
Шевелёв Н.Д. * Доктрины res judicata и issue estoppel в международном коммерческом арбитраже: теоретические основы и современная практика. 125
Самусевич А.Ю. * Налогообложение на профессиональный доход. К вопросу о формировании самостоятельного института судебной практики. 132
Березовская М.О., Еремина Д.С. * Некоторые вопросы правоприменения при установлении происхождения ребенка в порядке искового производства. 139
Чернявская С.К. * Критерии разграничения приостановления производства по уголовному делу и заочного судебного разбирательства при отсутствии подсудимого. 145
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА
Борисова М.И., Климентьев И.О. * Проблемы психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, участвовавших в выполнении задач в особых условиях. . 153
Мисроков Т.З. * К вопросу о совершенствовании речевых навыков сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в процессе осуществления их профессиональной подготовки. 159
ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
Мугинова З.Р. * Цели наказания в уголовном праве: диалектика доктрины, законодательства и правоприменительной реальности. 163
Дмитриев Г.Г. * Первичная, вторичная и третичная профилактика зависимости от психоактивных веществ. 168
Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Мошенничество и коррупционные преступления: основные аспекты сопоставления составов. 173

Фиалковская Е.В. * Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки получения взятки. . 181
Факов А.М. * Общие меры противодействия финансированию террористической деятельности: системный анализ и пути совершенствования. 186
Казберов П.Н. * К вопросу о теоретико-методологических и прикладных аспектах использования пенитенциарными работниками аксиологического подхода в профилактике терроризма. 193
Хакимова Э.Р., Гарифуллина Р.Ф. * Некоторые вопросы профилактики незаконного оборота контрафактной продукции органами внутренних дел Российской Федерации. 198
ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
Тищенко Ю.Ю. * Конфликтные ситуации как проявления агрессивности. 202
Фиалковская Е.В. * Микросреда осужденных и ее особенности. 208
Шувалов А.П., Сидоров А.В. * О некоторых вопросах профилактики преступности на современном этапе. 214
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
Ильясова Р.Р. * К вопросу о производстве осмотра места происшествия. 218
Корнева К.А. * О некоторых проблемах субъектов преступления, предусмотренного ч.1 ст. 303 УК РФ. 221
Тарасов А.А. * Цифровые и квазифинансовые каналы содействия терроризму: государственно-правовое регулирование и проблемы квалификации преступлений. 225
Далелов М.Л. * Новые вызовы и современные решения в противодействии терроризму и преступлениям экстремисткой направленности. 231
Быковский Т.Н. * Омоложение контингента преступников: рост вовлеченности несовершеннолетних в незаконный оборот оружия. 234
Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * Отграничение получения взятки от смежных составов. 239
Седых Т.В. * Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность: уголовно-правовые аспекты. 244
Гудченков О.С. * Уголовно-правовая характеристика незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершаемых без цели сбыта с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. 250
Кангезов М.Р. * Обстоятельства, исключающие преступность деяния: современные проблемы толкования и применения. 257
Иванкова А.Ю. * Восстановление социальной справедливости при назначении наказания за экологические преступления. 262
Омелин В.Н. * Документирование противоправных действий и его роль в создании оптимальных условий осуществления оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений. 268
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
Кашкина Е.В. * Взаимосвязь исправления и самовоспитания осужденных. 273
Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Организационно-правовые риски при ликвидации объектов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. 278
Магомедалиев М.М. * К вопросу реализации меры принуждения в виде задержания в российском уголовном процессе. 283
Ковалев О.Г. * Испытание при поступлении на службу в уголовно-исполнительной системе: современное правовое регулирование и перспективы применения. 288
Бажанов С.А. * Передача исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в государство гражданства осуждённого иностранца: проблемы возмещения вреда потерпевшему. 294
Купцов И.А. * Анализ законодательства, регламентирующего инициирование уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ. 302
Давыдов Е.В., Финогенов В.Ф. * Использование систем биометрической идентификации личности на основе искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании: современные реалии и правовые перспективы. 308
Зорина Н.С. * Личностные особенности агрессивности у несовершеннолетних осужденных. 315
Фиалковская Е.В. * Формирование социально-психологического климата исправительного учреждения. 318
Казберов П.Н. * Вопросы духовно-нравственного развития и реализации аксиологического подхода пенитенциарными работниками. 322
Омелин В.Н. * К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений. 326

Ковалев О.Г. * Современные вопросы правового регулирования совмещения обязанностей и совместительства на службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. 330
Казберов П.Н. * К вопросу о воспитании духовно-нравственных качеств пенитенциарных работников в образовательном процессе. 336
Соколова Т.С. * К вопросу мерах принуждения, направленных на обеспечение надлежащего поведения участников уголовного процесса. 341
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
Асланов М.А., Бокова И.Б. * Реализация административных процедур органами внутренних дел в условиях цифровой трансформации. 347
Жданова Н.С., Пономарева О.М. * Развитие административно-правовых отношений в условиях цифровизации. 351
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Шайхутдинова З.З. * Российский спортивный фонд как новый финансовый институт. 358
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Иовенко А.Р. * Характер выполняемых функций, как признак должностного лица: проблемы теории и практики. 364
Волков А.В. * Бремя содержания жилого помещения, предоставленного по завещательному отказу: распределение между собственником и отказополучателем. 369
Павлов Т.А. * Свобода договора и критерии допустимости непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве. 373
ЭКОНОМИКА И ПРАВО
Дмитриева С.Д., Патрушева О.Д., Кирсанова Д.М. * Применение риск-ориентированного подхода в онлайн-банкинге: регулирование и практика. 380
ДИСКУССИЯ
Полякова Я.Н. * Понятие толерантности в психологии. 385
Быков А.Ю. * Экстремизм в современном обществе: понятие и его виды. 390
Корнаухова Т.В. * Комплексный подход к профилактике терроризма в образовательных учреждениях. 394
Переверзев М.М. * Проблемные вопросы применения разных методов изготовления субъективных портретов. 400
Маздогова З.З. * Педагогические этнопедагогические факторы противодействия экстремизму в современных условиях. 405
Савченков А.В., Зинина Н.А., Лукашенко Д.В. * Воспитание традиционных семейных ценностей у кадетов: методологическая основа. 409
Хаматханов А.М-Б. * Причины и факторы профессионального выгорания у работников социальной сферы. 413
Катунина Н.П., Крестникова Е.П., Артёмов А.В., Абдуллин С.Н. * Границы адаптации: комплексный анализ вклада анаэробных и аэробных систем в энергообеспечение мышц при интенсивных нагрузках. 419
ЦИФРОВОЕ ПРАВО
Шайхутдинова З.З. * Сравнительно-правовой анализ отдельных аспектов регулирования искусственного интеллекта в странах СНГ: правовые регуляторы, ключевые понятия, классификации. . 426
Арсамакова Х. * Электронные доказательства в корпоративных спорах: допустимость переписки, цифровых подписей и данных CRM. 432
Машуков А.С. * О вопросе успешности борьбы с экстремизмом в условиях цифровизации современного общества. 440
Бегичева Е.В., Примак В.Г. * Международно-правовое регулирование систем искусственного интеллекта: проблемы и решения. 443
Шумакаева С.Е. * Проблемы определения доминирующего положения на цифровых рынках с нулевой ценой. 448
Масалимова Э.И. * Правовые механизмы пресечения злоупотребления доминирующим положением на цифровых платформах. 452
Хаметова А.Р. * Проблемы правовой регламентации контроля и записи переговоров в условиях цифровой коммуникации. 456
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Щедрин Г.А. * Асимметричный коллизионный эффект Гаагской Конвенции о трастах: опыт Италии, Нидерландов и Швейцарии для государств континентального права. 460
Мужухоева Э.Д. * Терская область в период наместничества И.И. Воронцова-Дашкова. 467

POLICY AND LAW
Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * Tolerance component. 15
Lagutkina N.B. * State policy in the field of physical culture and sports. 20
Tsarkova E.G. * Artificial intelligence as a factor in the food security of institutions of the Russian penal system. 24
Butov A.R. * Legal institutionalisation of BRICS financial cooperation: between soft law and international treaties. 30
Dikusar Ya.S. * Legal fiction of "discrediting" in the doctrine of criminal law: limits of the st.280.3 of the criminal code of the Russian Federation in the information space. 37
Nasser N.Kh. * International legal problems of implementing the institution of responsibility for the use of chemical weapons: modern challenges and ways of improvement. 44
Brik A.D. * Directions for improving the effectiveness of legal regulation of municipal property. 50
Solodov V. * Prospects for the digitalization of public procurement in Russia and the integration of Artificial Intelligence. 56
Harutyunyan A.A. * Preventing the deployment of weapons in space: positions of the BRICS states. 63
HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES
Veliyev R.R., Veliyev A.R., Kuzin N.R., Fadelman M.V. * Capital punishment as a measure for preventing threats to Russia's national security and the legal conditions for its restoration in modern criminal law. . . . 74
Kovalev O.G. * Features of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society in the modern conditions of the development of the penal enforcement system. 84
Makoeva E.R., Kravtsova A.M. * On some issues of combating and preventing corruption. 91
LAW AND ENFORCEMENT
Gadzhieva F. * Legal regulation of Artificial Intelligence in the European Union: the Ai act as a new model of normative technology control. 96
Kovalev O.G. * Internal audit in institutions and bodies of the penal enforcement system: the legal basis and procedure for conducting. 102
Radchenko E.P., Zorina N.S. * Long-term consequences of juvenile detention in correctional institutions 108
Tsarkova E.G. * Application of artificial intelligence dialogue systems in the activities of criminal execution inspections as a tool for improving the effectiveness of the trial service. 115
JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS
Abbud R.R. * Cybercrimes in the framework of international commercial arbitration and ways to prevent them. 120
Shevelev N.D. * The doctrines of res judicata and issue estoppel in international commercial arbitration: theoretical foundations and modern practice. 125
Samusevich A.Yu. * Taxation of professional income. On the formation of an independent judicial practice institution. 132
Berezovskaya M.O., Eremina D.S. * Some issues of law enforcement in establishing the origin of a child in the order of claim proceedings. 139
Cherniavskaia S.K. * Criteria for distinguishing between suspension of criminal proceedings and trial in absentia in the absence of the defendant. 145
LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY
Borisova M.I., Klimentyev I.O. * Problems of psychological rehabilitation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation who participated in performing tasks in special conditions. 153
Misrokov T.Z. * To the question of improving speech skills of employees of the ministry of internal affairs of the Russian Federation during their professional training. 159
CRIMINAL LAW THEORY
Muginova Z.R. * Punishment goals in criminal law: dialectics of doctrine, legislation and law enforcement reality. 163
Dmitriev G.G. * Primary, secondary and tertiary prevention of substance dependence. 168
Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Fraud and corruption crimes: main aspects of comparison of the elements 173
Fialkovskaya E.V. * Qualifying and special qualifying signs of receiving a bribe. 181
Fakov A.M. * General measures to counter the financing of terrorist activities: system analysis and improvement tendencies. 186
Kazberov P.N. * On the theoretical, methodological, and applied aspects of the use of an axiological approach by penitentiary staff in terrorism prevention. 193

Khakimova E.R., Garifullina R.F. * Some issues of prevention of illegal trafficking of counterfeit products by the internal affairs bodies of the Russian Federation. 198
CONTROL THEORY
Tishchenko Yu.Yu. * Conflict situations as manifestations of aggressiveness. 202
Fialkovskaya E.V. * Microenvironment of convicts and its features. 208
Shuvalov A.P., Sidorov A.V. * On some issues of crime prevention at the present stage. 214
CRIME AND PUNISHMENT
Ilyasova R.R. * On the issue of conducting a crime scene examination. 218
Korneva K.A. * On some problems of the subjects of the crime provided for part 1 of article 303 of the criminal code of the Russian Federation. 221
Tarasov A.A. * Digital and quasi-financial channels of complicity in terrorism: state-legal regulation and problems of crime qualification. 225
Dalelov M.L. * New challenges and modern solutions in countering terrorism and extremist crimes. 231
Bykovsky T.N. * Rejuvenation of the contingent of criminals: increasing involvement of minors in illegal arms trafficking. 234
Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * Delimitation of receiving bribes from adjacent trains. 239
Sedykh T.V. * Involvement of minors in criminal activity: criminal law aspects. 244
Gudchenkov O.S. * Criminal-legal characteristics of the illegal acquisition, storage, transportation, manufacturing, processing of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, committed without the intention of sales using electronic or information and telecommunication networks. 250
Kangezov M.R. * Circumstances precluding criminality: contemporary problems of interpretation and application. 257
Ivankova A.Yu. * Restoring social justice by imposing punishments for environmental crimes. 262
Omelin V.N. * Documentation of illegal acts and its role in creating optimal conditions for operational and search support in crime investigation. 268
CRIMINAL PROCEDURE
Kashkina E.V. * Relationship between correction and self-education of convicts. 273
Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Organizational and legal risks in liquidation of facilities of the penal system of the Russian Federation. 278
Magomedaliev M.M. * On the implementation of a force meter in the form of detention in the russian criminal procedure. 283
Kovalev O.G. * Probation for admission to service in the penal system: modern legal regulation and application prospects. 288
Bazhanov S.A. * Transfer of the execution of non-custodial sentences to the state of citizenship of a convicted foreigner: problems of compensation for harm to the victim. 294
Kuptsov I.A. * Analysis of legislation regulating the initiation of criminal prosecution for crimes provided for in articles 198-199.2 of the criminal code of the Russian Federation. 302
Davydov E.V., Finogenov V.F. * Use of biometric identification systems based on artificial intelligence in criminal procedure evidence: modern realities and legal prospects. 308
Zorina N.S. * Personality characteristics of aggression in juvenile convicts. 315
Fialkovskaya E.V. * Formation of socio-psychological climate of correctional institution. 318
Kazberov P.N. * Issues of spiritual and moral development and implementation of the axiological approach by penitentiary workers. 322
Omelin V.N. * On the concept of operational and search support for crime investigation. 326
Kovalev O.G. * Modern issues of legal regulation of combining duties and part-time employment in the penal system of the Russian Federation. 330
Kazberov P.N. * On the question of developing spiritual and moral qualities in penitentiary workers in the educational process. 336
Sokolova T.S. * On the issue of enforcement measures aimed at ensuring proper behavior of participants in the criminal process. 341
ADMINISTRATIVE LAW
Aslanov M.A., Bokova I.B. * Implementation of administrative procedures by internal affairs bodies in the context of digital transformation. 347
Zhdanova N.S., Ponomareva O.M. * Development of administrative and legal relations in the context of digitalization. 351
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
Shaykhutdinova Z.Z. * The russian sports fund as a new financial institution. 358
CIVIL LAW ISSUES

Iovenko A.R. * The nature of the functions performed as a sign of an official: problems of theory and practice. 364
Volkov A.V. * The burden of maintaining a dwelling provided by way of a testamentary legacy: allocation between the owner and the legatee. 369
Pavlov T.A. * Freedom of contract and admissibility criteria for innominate security devices in civil law. . 373
ECONOMICS AND LAW
Dmitrieva S.D., Patrusheva O.D., Kirsanova D.M. * Applying a risk-based approach to online banking: regulation and practice. 380
DISCUSSION
Polyakova Ya.N. * The concept of tolerance in psychology. 385
Bykov A.Yu. * Extremism in modern society: concept and its types. 390
Kornauhova T.V. * An integrated approach to terrorism prevention in educational institutions. 394
Pereverzev M.M. * Problematic issues of using different methods of making subjective portraits. 400
Mazdagova Z.Z. * Pedagogical and ethnopedagogical factors in countering extremism in modern conditions. 405
Savchenkov A.V., Zinina N.A., Lukashenko D.V. * Educating traditional family values in cadet: methodological approaches. 409
Khamatkhanov A.M-B. * Causes and factors of professional burnout among social workers. 413
Katunina N.P., Krestnikova E.P., Artyomov A.V., Abdullin S.N. * Limits of adaptation: a comprehensive analysis of the contribution of anaerobic and aerobic systems to muscle energy supply under intense loads 419
DIGITAL LAW
Shaykhutdinova Z.Z. * Comparative legal analysis of certain aspects of artificial intelligence regulation in the CIS countries: legal regulators, key concepts, classifications. 426
Arsamakova H. * Electronic evidence in corporate disputes: the permissibility of correspondence, digital signatures, and CRM data. 432
Mashukov A.S. * On the successful fight against extremism in the context of digitalization of modern society. 440
Begicheva E.V., Primak V.G. * International legal regulation of artificial intelligence systems: problems and solutions. 443
Shumakaeva S.E. * Problems of determining dominant position in zero-price digital markets. 448
Masalimova E.I. * Legal mechanisms for suppressing abuse of dominant position on digital platforms. . 452
Khametova A.R. * Problems of legal regulation of control and recording of negotiations in digital communication. 456
HISTORICAL ARCHIVE
Shchedrin G.A. * The asymmetric conflict-of-laws effect of the Hague Convention on the law applicable to trusts and on their recognition: insights from Italy, the Netherlands and Switzerland for civil law jurisdictions 460
Muzhukhoeva E.D. * The Terek region during the period of I.I. Vorontsov-Dashkov's viceroyalty. 467

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-15-19

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат юридических наук, e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

КОМПОНЕНТ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Традиционно для описания сложных психологических процессов и явлений используется триада компонентов.*

Ключевые слова: *толерантность, когнитивный компонент, эмоциональный компонент, поведенческий компонент.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

TOLERANCE COMPONENT

Annotation. *The paper looks at the cognitive, emotional and behavioral components. Traditionally, a triad of components is used to describe complex psychological processes and phenomena.*

Key words: *tolerance, cognitive component, emotional component, behavioral component.*

Традиционно для описания сложных психологических процессов и явлений (например, общения) используется триада компонентов – когнитивный, эмоциональный и поведенческий, в поведенческом мы также выделяем волевой и нравственный компонент. Появились попытки применения этой схемы и для толерантности (см., например. Скрябина, 2000 и др.). В самом общем виде, как отмечает С.Л. Братченко, основное содержание этих компонентов или, точнее – «измерений» толерантности, может быть описано следующим образом.

Когнитивный компонент толерантности (интеллектуальная сфера).

Эта составляющая наиболее очевидная, в наибольшей мере исследована и поэтому толерантность чаще всего и описывается в когнитивной «транскрипции». Центральным моментом здесь является признание сложности, многомерности и нередуцируемого многообразия мира и интерпретативной природы индивидуальных суждений о нем, а потому – невозможности сведения

всего многообразия точек зрения к «общей истине» и неизбежной множественности индивидуальных картин мира. Именно эти аспекты подчеркиваются в Декларации принципов толерантности, когда утверждается, что толерантность – это прежде всего «…правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» (Декларация …, 2001).

Когнитивный компонент толерантности состоит в осознании и принятии человеком сложности, многомерности – как самой жизненной реальности, так и вариативности ее восприятия, понимания и оценивания разными людьми, а также относительности, неполноты и субъективности (по меньшей мере – частичной) собственных представлений и своей картины мира. Толерантность в когнитивном «измерении» ярче всего проявляется именно в ситуациях противоречий – при расхождении мнений, столкновении взглядов и т.д. - и позволяет рассматривать это несовпадение как проявление плюрализма, богатства индивидуальных восприятий и интерпретаций. Когнитивная интолерантность – наоборот, исходит из позиции наличия «нормы», «соответствия правильному» и т.п., и потому отвергает саму возможность множественности взглядов, сводя всякие расхождения между взглядами и оценками разных людей к ошибкам, заблуждениям или даже намеренному противодействию. Толерантность, т.о., означает еще и такое важное качество, как способность человека расхождение с собеседником во мнениях, когнитивный «конфликт» не переводить в конфликт межличностный. Особенно характерно при анализе общения осужденного и курсанта.

Эмоциональный компонент толерантности

Роль эмпатии в толерантных отношениях достаточно очевидна и с этим соглашаются почти все исследователи. Эмоциональная составляющая толерантности имеет особое значение благодаря тому, что именно в этом измерении коммуникативной ситуации собеседники имеют возможность обрести некую общность, восстановить разрыв человеческих связей, который во многом и делает людей разобщенными и нетерпимо настроенными друг по отношению друга… Более того, эмпатия позволяет компенсировать (или хотя бы смягчить) возможные разногласия между собеседниками в когнитивной или поведенческой плоскостях, препятствуя их перерастанию в межличностное противостояние и нетерпимость. Полноценная эмпатия – безоценочна и в этом смысле по сути своей толерантна.

В качестве отдельной составляющей эмоционального компонента может быть назван и особый вид эмоциональной устойчивости – «аффективная толерантность» (Кристалл, 2001), суть которой состоит в способности справляться с эмоциональным напряжением, терпимо относиться к болезненным переживаниям, тревоге – без того, чтобы подавлять или искажать их… Другой аспект этого вида толерантности связан с терпимым отношением к различным (включая яркие, индивидуальные, непривычные формы) эмоциональным проявлениям других людей. Развитая аффективная толерантность позволяет человеку лучше осознавать как собственные эмоциональные процессы, так и переживания других людей, не раздражаясь и не приписывая им негативного смысла.

Поведенческий компонент толерантности

Это измерение составляет наиболее видимую часть «айсберга толерантности» и традиционно привлекает особое внимание – как при диагностике, так и при обучении. К поведенческой толерантности относится большое число конкретных умений и способностей, среди которых выделим:

способность к толерантному высказыванию и отстаиванию собственной позиции как точки зрения (Я-высказывания и т.п.);

готовность к толерантному отношению к высказываниям других (восприятие мнений и оценок других людей как выражение их точки зрения, имеющей право на существование – независимо о степени расхождения с их собственными взглядами), способность к «взаимодействию разномыслящих» и умение договариваться (согласовывать позиции, достигать компромисс и консенсус);

толерантное поведение в напряженных и эксквизитных ситуациях (при различии в точках зрениях, столкновении мнений или оценок).

Другая традиция рассмотрения толерантности как личностного начала была заложена в известной концепции «авторитарной личности» Т. Адорно (Адорно, 2001), а также связанных с ней теории Э. Фромма, исследовании предрассудков М. Хоркхаймера, подходе М. Рокича к догматизму, концепции «одномерного человека» Г.Маркузе. В работах данного направления, в частности, была показана связь авторитарности с «интолерантностью к неопределенности», которая может служить важным индикатором нетерпимости на личностном уровне. Также представляет интерес и разработанный в этой традиции богатый арсенал диагностики «авторитарного потенциала» – шкала антисемитизма, шкала этноцентризма, шкала фашизма и др., – который часто применяется для диагностики толерантности.

Таким образом, основными измерениями межличностной толерантности в предлагаемом подходе являются:

Личностный (ценностные ориентации, направленность)

Когнитивный

Эмоциональный

Поведенческий (воля, мотивы)

Как отмечает С. Л. Братченко, такое «структурирование» (как и любое другое в сфере психологии) – очень условно, между компонентами существуют сложные взаимосвязи и взаимовлияния.

Следует отметить, что толерантность особенно ярко проявляется в межличностных отношениях. Суть межличностной толерантности – в готовности человека выйти за пределы ограниченного круга «своих» (отличных от «других» по любому признаку – по национальности, вере, социальному происхождению, возрасту и т.д.) навстречу «Миру миров» - равнозначных, «равноразных» человеческих миров (М. Гефтер) [10]. В этом измерении главное «внутриличностное условие» толерантности – это понимание естественности и неизбежности различий между людьми и готовность уважать эти различия, а также признание прав и свобод каждого человека, способность к сосуществованию с другими (иными) людьми, к вступлению с ними в ненасильственные формы взаимодействия, т.е. – готовность и способность к диалогу.

Известная диалогическая концепция М. М. Бахтина утверждает диалогическую природу личности и фиксирует онтологическую несамодостаточность личности, для которой диалог с другой личностью есть способ ее наиболее полноценного существования и развития (М. М. Бахтин, 1963). В этом смысле диалог – это наиболее естественный, полноценный и развивающий способ бытия человека как личности, это «здоровое начало» общения, конструктивный потенциал межличностных отношений, который важно уметь увидеть и поддержать. Соответственно, толерантность, – как важнейший атрибут диалога – будет условием полноценного личностного бытия и развития человека.

Межличностная толерантность в концепции диалога может быть раскрыта и исследована также с помощью такого конструкта как «коммуникативные права личности» (С. Л. Братченко, 1997) – с помощью которого описывается система психолого-правовых оснований общения, определяющих границы свободы собеседников таким образом, чтобы обеспечить их взаимодействие на основе взаимного признания и ненасилия. Среди основных, базовых коммуникативных прав личности (КПЛ) – право на свою систему ценностей, право на достоинство и его уважение, право на индивидуальность и своеобразие, на отличие от собеседника, право на точку зрения и др. Эти права могут рассматриваться и как операционализация коммуникативной толерантности, как фиксация конкретных направлений усилий, необходимых для поддержания полноценного мирного со-существования и сотрудничества. Именно поэтому признание человеком основных КПЛ (как своих, так и собеседника) и следование им в реальном общении могут служить важными критериями межличностной толерантности.

Психологическое основание межличностной толерантности, по мнению С.Л. Братченко является – осознанный и ценностно-осмысленный личностный выбор, в соответствии с которым человек, имея собственное мнение, позицию, уважает и признает право другого воспринимать и мыслить иначе, видит ценность многообразия, а также готов строить взаимодействие на основе понимания и учета других точек зрения. Таким образом, основываясь на данные положения мы можем диагностировать выраженность толерантной позиции, как в своей личности, так и у партнера по общению.

Мы солидарны с мнением С.Л. Братченко, что многие «составляющие» толерантности, видимо, могут быть сформированы – путем специального обучения, социально-психологических тренингов и т.д. В психолого-педагогических разработках отдается предпочтение именно формирующим подходам и даже «целенаправленному изменению личности» (Комогоров, 2000; Скрябина, 2000); более того – именно подход «формирования и внедрения норм толерантности» заложен и в Федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания…».

Рассмотренный подход С.Л. Братченко к проблеме толерантности, по нашему мнению, может служить основой для разработки различных психокоррекционных программ по развитию и формированию толерантного сознания. Также мы поддерживаем С.Л. Братченко, который говорит о необходимость проведения гуманитарной экспертизы развития толерантности в образовании, что на наш взгляд будет являться вспомогательным фактором подготовки будущих сотрудников УИС к современным требованиям профессиональной деятельности.

Таким образом, мы разделяем данную точку зрения, но на наш взгляд необходимо изучать толерантность как системное социально-психологическое качество, что позволит более детально и глубинно корректировать личность.

Толерантность, таким образом, призвана играть важную роль в формировании базовых морально-нравственным качеств, представляет собой основу для конструктивного коммуникативного процесса.

Таким образом, проведя анализ научной литературы мы считаем, что наиболее полно отражается суть понятия толерантности, является следующее определение «Толерантность – интуитивное восприятие единства человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех, и состоит в уважении прав другого (в том

числе права быть иным), а также воздержании от причинения вреда для всех и для самого себя» [11]. Также, концептуально в своей работе мы основываемся на следующие теоретические подходы психологии: теория отношений Мясищева, экзистенционально-гуманнистический подход, личностный подход, системный подход Ломова, диалогический подход, экзистенционально-гуманистический, фасилитативный подход, диверсификационный подход, личностный подход в рассмотрении Бахтина. Структура системного качества толерантности нами рассматривается в соответствии с психологической триадой личности (эмоциональный, когнитивный и поведенческий компонент). На наш взгляд толерантность необходимо изучать в системе отношений, наиболее ярко она представлена в общении -коммуникативные умения и навыками личности.

В научной литературе толерантность рассматривается, прежде всего, как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований и отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения.

Толерантность предполагает готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия. Толерантность не должна сводиться к индифферентности, конформизму, ущемлению собственных интересов. В первую очередь она предполагает взаимность и активную позицию всех заинтересованных сторон. Толерантность является важным компонентом жизненной позиции зрелой личности, имеющей свои ценности и интересы и готовой, если потребуется, их защищать, но одновременно с уважением относящейся к позициям и ценностям других людей.

Преступники, представители сексуальных меньшинств, наркоманы - все эти люди, несомненно, также являются «иными» в нашем обществе, что определяет необходимость оптимизации отношений между сотрудниками УИС и осужденными, с целью повышения эффективности ресоциализационного воздействия в ходе исполнения наказания [12].

Анализ научных источников дал нам возможность определить основные характеристики толерантности, требующие изучения. Так мы можем сделать вывод, что уровень личностной толерантности характеризуется следующими качествами, свойствами, образованиями, состояниями психики личности: способность к эмпатии, уровень тревожности, адаптивность, нервно-психическая устойчивость, коммуникативной компетентность, уровень выраженности субъективного контроля. Достаточно важным, является рассмотрение механизмов психологических защит, так как они характеризуют особенности социально-психологических установок, определяющих толерантное или интолерантое отношении к другим людям.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинико-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С, 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-испол-

нительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Гефтер М.Я. Многоукладность – характеристика целого. // Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972.

[11] Сайт: http://www.col.ru/mpsi/KOI8/met_7.htm.

[12] Материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти доктора психологических наук, профессора В.Г. Деева // Формирование толерантного отношения сотруднкиов пенитенциарных учреждений к ВИЧ-инфицированным осужденным . 33-36.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S, 6-8.

[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Gefter M.Ya. Multiplicity is a characteristic of the whole . // Questions of the history of capitalist Russia. Problems of multi-layering. Sverdlovsk, 1972.

[11] Сайт: http://www.col.ru/mpsi/KOI8/met_7.htm.

[12] Materials of the V scientific-practical conference dedicated to the memory of Doctor of Psychological Sciences, Professor V.G. Deev // Formation of a tolerant attitude of prison staff towards HIV-infected convicts. 33-36.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-20-23

ЛАГУТКИНА Нина Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и массовых коммуникаций в спорте Санкт-Петербург НГУ имени П.Ф. Лесгафта,
e-mail: nina_lagutkina@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПОРТА

Аннотация. *В данной статье были рассмотрены понятие, сущность, цели, задачи и функции государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Сохранение и преумножение человеческого капитала, повышение средней продолжительности и качества жизни населения в настоящее время является одной из ключевых задач внутренней политики РФ. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта направлена на улучшение качества жизни населения, активное долголетие и здоровый образом жизни людей. Вовлечение населения страны в активное занятие физической культурой и спортом способствует укрепления организма и укреплению здоровья. В данной статье рассмотрены государственные программы, направленные на активное вовлечение населения страны в занятия физической культурой и спортом, причины и проблемные вопросы в данной сфере.*

Ключевые слова: *политика, физическая культура, спорт, программы, социальная политика, отрасль, массовые спортивные мероприятия, государство, физическое здоровье, долголетие.*

LAGUTKINA Nina Borisovna,
Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor of the Department of Social Technologies and Mass Communications in Sports St. Petersburg Lesgaft National State University

STATE POLICY IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Annotation. *In this article, the concept, essence, goals, objectives and functions of state policy in the field of physical culture and sports were considered. Preserving and increasing human capital, increasing the average life expectancy and quality of life of the population is currently one of the key tasks of the domestic policy of the Russian Federation. The state policy in the field of physical culture and sports is aimed at improving the quality of life of the population, active longevity and a healthy lifestyle of people. Involvement of the country's population in active physical culture and sports contributes to strengthening the body and improving health. This article discusses state programs aimed at the active involvement of the country's population in physical culture and sports, the causes and problematic issues in this area.*

Key words: *politics, physical culture, sports, programs, social policy, industry, mass sports events, state, physical health, levels.*

В Конституции нашей страны четко определено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Государственная политика – это совокупность целей, принципов и действий, которые правительство и органы власти реализуют для управления обществом и развития страны. Это направленные меры для решения экономических, социальных, политических и международных задач.

Политика государства проявляется на разных уровнях – от федерального до регионального и охватывает разные сферы: экономику, образование, здравоохранение, оборону, экологию, культуру и прочее. Сущность государства есть то наиболее характерное, значимое в нем, что определяет его содержание, социальное назначение и

функционирование.

Государственная социальная политика нацелена на охрану труда и здоровья людей, обеспечение поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан. Основным средством развития организма и укрепления здоровья человека выступает именно физическая активность. Россия, как и многие зарубежные государства достаточно внимательно относится к улучшению качества жизни населения, что мы видим в связи с активным долголетием и здоровым образом жизни людей.

Холостова Е.И. и Климантова Г.И трактуют социальную политику в широком значении — как «...систему отношений, возникающих между социальными субъектами по реализации основных целей общества, в центре которых главная цель — человек, его жизнеобеспечение, благосостояние, социальное развитие, социальная защита и безопасность. В узком смысле – как систему конкретных мер, направленных на жизнеобеспечение населения» [1С.17].

Социальная политика находит свое отражение в поставленных целях; как конкретно должна улучшиться жизнь граждан, определенных социальных групп; как социальная политика имплементирована в определенные действия чиновников, профессионалов, которые «отрабатывают» насущные потребности людей в образовании, здравоохранении, в сфере социальной защиты, социального обслуживания, обеспечения безопасности и т. д. Несмотря на сложные социально-экономические и политические условиях социальная политика остается приоритетом в государственном управлении, что подчеркивает актуальность и значимость.

В указе Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года...» четко обозначены проблемные аспекты реализации социальной политики в нашей стране. Они связаны с «сохранением населения, укреплением здоровья и повышением благополучия людей, поддержкой семьи; с реализацией потенциала каждого человека, развитием его талантов, воспитанием патриотичной и социально ответственной личности; комфортной и безопасной средой для жизни людей…»[2].

В ряде зарубежных стран основной акцент государственной политики строится не на количественных изменениях, связанных с занятиями физической культурой и спортом, а на качественных. Противопоставляется количественным результатам одно из наиболее важных нововведений государственной политики – практики учета результатов, в основе которой лежат пять измерений, такие как физическое здоровье, психическое благополучие, личностное развитие, социализация и развитие сообществ и экономическое развитие [7 С.30-35].

Физическая культура и спорт находятся в сфере социальной политики государства и как самостоятельная отрасль оказывают влияние на создание системы государственных органов. Каждый государственный орган в соответствии с возложенными на него полномочиями выполняет определенные функции. В научной литературе встречаются различные классификации (и критерии для такой классификации) функций государства [3 С.169-173], например их деление на внутренние и внешние, постоянные и временные, основные и неосновные, регулятивные и охранительные. Набор функций государства во многом зависит от общественных потребностей, поэтому с течением времени одни функции отмирают, а другие возникают. Содержание (наполнение) отдельных функций также может меняться, но все функции, реализуемые государством, вне зависимости от отнесения их к той или иной классификации, должны в конечном счете быть направлены на решение социальных задач и достижение благополучия человека.

Полномочия Российской Федерации в области физической культуры и спорта достаточно широкие и в полном объеме они раскрыты в Федеральном законе от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.06.2026)"О физической культуре и спорте в Российской Федерации". Одно из них заключается в разработке и реализации государственной политики в области физической культуры и спорта, принятие и реализация программ развития физической культуры и спорта в Российской Федерации. Министерство спорта Российской Федерации (Минспорт России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере физической культуры и спорта[4].

На региональном уровне важную роль в формировании и реализации политики в сфере физической культуры и спорта играют органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Эти органы ответственны за адаптацию и реализацию федеральных программ и инициатив в соответствии с региональными особенностями и потребностями. Важным аспектом их деятельности является координация с федеральными органами власти для обеспечения эффективного выполнения задач данной политики. В частности, они определяют основные задачи и направления развития физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации, принимают и реализуют государственные региональные программы развития физической культуры и спорта и межмуниципальные программы в области физической культуры и спорта.

В Указе № 309 определены приоритетные цели развития сферы физической культуры и спорта, стратегические задачи и принципы государственной политики и реализуются в рамках государственной программы Российской Федерации "Развитие физической культуры и спорта"[2]. Данная программа планирует за период 2025 - 2030 годов достижение основных показателей, предусмотренных государственной программой Российской Федерации "Развитие физической культуры и спорта" (ГП "Спорт") путем формирования новой, современной модели управления спортивной отраслью.

Сформированы задачи, направленные на дальнейшее развитие спорта и физической культуры внутри страны:

создание условий для занятий физической культурой и спортом для всех категорий и групп населения, включая сельскую местность и малые города;

развитие спортивной инфраструктуры и рынка услуг в сфере физической культуры;

обеспечение разнообразия форм организации физкультурно-спортивной работы, в том числе адаптивного спорта.

Среди новых государственных инициатив - программа "Земский тренер" в рамках ГП "Спорт", стартовавшую пилотно с 2025 года в Центральном и Дальневосточном федеральных округах. С 2026 года программа будет реализована во всех регионах, ее цель - привлечение квалифицированных специалистов в сферу физической культуры и спорта для работы в сельской местности и малых городах численностью до 50 тысяч человек.

Кроме того, планируется увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом к 2030 году до 70%, планируется путем мотивации населения, активизации спортивно-массовой работы на всех уровнях и в корпоративной среде, через формирование эффективной системы студенческого спорта, создание условий для занятий плаванием[5].

Основными задачами государственной политики в области физической культуры и спорта являются поиск и разработка дополнительных механизмов по привлечению населения к систематическим занятиям физической культурой и спортом, включая развитие спортивной инфраструктуры, создание рекреационных зон спортивной направленности, обеспечение профессиональной подготовки квалифицированных специалистов спортивной отрасли и многое другое.

Следует отметить, что в результате этого последние годы возросло количество занимающихся физкультурой и спортом в России. Увеличилось количество участников массовых спортивных мероприятий. Так, например в Санкт-Петербурге значительно увеличилось число желающих участвовать в массовых спортивных мероприятиях. Вместе с тем и необходимо отметить, что у молодежи есть желание и потребность заниматься игровыми видами спорта, плаванием, но, к сожалению, таких спортивных площадок и залов не хватает, аналогичная ситуация и с бассейнами. что связано с недостаточностью спортивной инфраструктуры, все более актуальной становится необходимость приведения объектов спорта в нормативное состояние.

Вместе с тем, не смотря на имеющиеся трудности государство планомерно создает условия для развития физкультуры и спорта в Росси и что способствует увеличению количества занимающихся физической культурой и спортом. Современное состояние физической культуры и спорта является результатом реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в соответствии с указами и поручениями Президента Российской Федерации, Стратегией развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, [6] утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р., но к сожалению, пандемия, санкции, военные вызовы вносят свои коррективы в сроки выполнения ряда программ.

Список литературы:

[1] Социальная политика / под ред. Е. И. Холостовой, Г. И. Климантовой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. С. 17.

[2] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Болгов В.А., Шуваева Ю.В. Функции государства: классификация, роль и характер в разные периоды в Российской Федерации // Территория науки. 2017. № 3. С. 169 - 173.

[4] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.06.2026) "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов (разработан Минэкономразвития России) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р (ред. от 07.02.2026) Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Гридина Н.А. Государственное управление сферой физической культуры и спорта в зарубежных странах / Н.А. Гридина // Менеджер.

Вестник Донецкого государственного университета управления. – 2016. – № 1. – С. 30–35.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Social policy / edited by E. I. Kholostova, G. I. Klimantova. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Yurayt, 2015. P. 17.

[2] Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2024 No 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036" // ATP "ConsultantPlus".

[3] Bolgov V.A., Shuvaeva Y.V. Functions of the state: classification, role and character in different periods in the Russian Federation. 2017. № 3. Pp. 169 - 173.

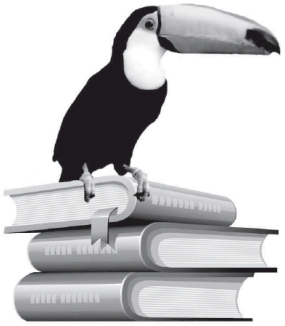
[4] Federal Law dated 04.12.2007 No 329-FZ (as amended on 24.06.2026) "On Physical Culture and Sport in the Russian Federation" // ATP "ConsultantPlus".

[5] Forecast of the socio-economic development of the Russian Federation for 2026 and for the planning period of 2027 and 2028 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia) // ATP "ConsultantPlus".

[6] Decree of the Government of the Russian Federation dated 24.11.2020 No 3081-r (as amended on 07.02.2026) On Approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the Period up to 2030 // ATP "ConsultantPlus".

[7] Gridina N.A. State management of the sphere of physical culture and sport in foreign countries / N.A. Gridina // Manager. Bulletin of Donetsk State University of Management. – 2016. – № 1. – P. 30–35.

[8] Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030" // ATP "ConsultantPlus".

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-24-29

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена обоснованию применения технологий компьютерного зрения, сверточных нейронных сетей и беспилотных летательных аппаратов в сельскохозяйственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Поскольку коммерческие системы точного земледелия слабо адаптированы к режимным, кадровым и инфраструктурным ограничениям пенитенциарных учреждений, предложена архитектура гибридной интеллектуальной системы, объединяющей подсистемы компьютерного зрения, предиктивной аналитики и поддержки принятия решений, рассчитанной на работу в условиях ограниченного доступа к связи и учитывающей ведомственную специфику. Сформулированы предложения по созданию ведомственной инфраструктуры размеченных данных и адаптации отечественных программно-аппаратных решений с учетом требований информационной безопасности и технологического суверенитета.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, компьютерное зрение, продовольственная безопасность, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, беспилотные летательные аппараты, точное земледелие, сверточные нейронные сети, экономическая эффективность, трудовая адаптация осужденных, синергетический интеллект, окупаемость инвестиций, технологический суверенитет.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR IN THE FOOD SECURITY OF INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN PENAL SYSTEM

Annotation. *The article examines the issues of formulating qualification requirements for employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN) involved in the operation of artificial intelligence (AI) systems and the implementation of digital transformation measures within the agency. With due regard to the provisions of the Concept for the Development of the Penitentiary System until 2030 and the Code of Ethics in the Sphere of Artificial Intelligence, a gap is identified between the strategic objectives of digital transformation and the human resources provision for this process. It is shown that the current departmental regulations describe project roles in digital transformation and the stages of AI technology implementation without linking them to the professional training of the personnel concerned. The author proposes a differentiated competency model that integrates various subject roles (digital project managers, system operators, instructors at departmental universities, and staff of legal clinics) and four blocks of requirements (regulatory-legal, technological, ethical-disciplinary, and practical-organisational). A competency-regulatory compliance matrix is proposed, linking minimum requirements with the forms of their departmental codification. The author formulates original additions, including a criterion for differentiating competencies according to the level of legal risk of the automated function, a certification procedure for operators on their knowledge of the*

limitations of the systems in use, and a mandatory module for documenting decisions made with the use of algorithmic recommendations.

Key words: *artificial intelligence, computer vision, food security, Penitentiary System of the Russian Federation, unmanned aerial vehicles, precision agriculture, convolutional neural networks, economic efficiency, labour adaptation of convicts, synergetic intelligence, return on investment, and technological sovereignty.*

Сельскохозяйственный блок формирует значимую часть продукции, производимой в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Рост числа подсобных хозяйств почти на 8% за десятилетие при одновременном сокращении числа колоний-поселений с 47 до 43 отражает консолидацию аграрного сектора вокруг более крупных и технически оснащенных площадок. Этот процесс создает объективные предпосылки для внедрения цифровых систем мониторинга вместо точечной автоматизации отдельных небольших хозяйств [1, С.115].

Продовольственная безопасность учреждений УИС определяется способностью системы обеспечивать спецконтингент основными видами продовольствия за счет собственного производства без критической зависимости от внешних поставщиков и рыночных колебаний цен. Ведомственная продовольственная программа УИС решает задачу по покрытию потребностей системы с известной численностью довольствующихся, что делает точное управление урожайностью и потерями внутри контролируемого контура полей экономически целесообразным.

Двойственная природа сельскохозяйственной деятельности УИС задает специфические требования к любой технологии, претендующей на внедрение. С одной стороны, аграрное производство служит источником продовольственной независимости учреждения от внешних контрактов. С другой стороны, сельхозработы – один из немногих видов труда, доступных для колоний-поселений и подсобных хозяйств, где задействован спецконтингент с ограниченной квалификацией и высокой ротацией. Технология, которая просто заменяет ручной труд автоматикой без учета задачи ресоциализации, противоречит смыслу существования этих подразделений; технология, игнорирующая экономику земледелия, увеличивает удельные затраты на гектар вместо их сокращения. Экономический риск усугубляется административно-правовым: за 9 месяцев 2025 года Россельхознадзор выявил нарушения земельного законодательства на 1,7 млн га сельхозземель по стране, из них свыше 85 тыс. га – зарастание сорной и древесно-кустарниковой растительностью. Статья 8.8 КоАП РФ предусматривает за неиспользование сельхозземли по назначению штраф для юридических лиц от 1,5 до 2% кадастровой стоимости участка, но не менее 100 тыс. руб., независимо от формы собственности на землю; порядок принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования землей, закрепленной за государственными и муниципальными учреждениями, отдельно урегулирован постановлением Правительства РФ от 18.09.2013 № 821. Для учреждений УИС, которые используют закрепленную землю именно на этом праве, это означает, что несвоевременное выявление очагов сорняков создает для ведомства не только потерю урожая, но и штрафную и надзорную нагрузку со стороны Россельхознадзора [2].

Исследование направлено на рассмотрение аспектов создания интеллектуальной системы точечной обработки полей гербицидами, удобрениями и средствами защиты растений, способной по данным компьютерного зрения заменять сплошное внесение локальным там, где это не снижает агрономический результат. Основное требование к архитектуре интеллектуальной системы состоит в следующем: она должна сокращать не объем вовлеченного труда, а долю непроизводительных операций (сплошную обработку полей гербицидами и удобрениями там, где локальная обработка дает тот же агрономический результат за меньшие деньги и то же количество человеко-часов).

Коммерческие платформы точного земледелия, доступные на российском рынке, в подавляющем большинстве спроектированы для крупных агрохолдингов с постоянным доступом к сотовой связи, специализированным IT-персоналом и капитальными бюджетами на закупку многофункциональной техники с GNSS-RTK-навигацией [4, С.329; 5, С.120]. Для учреждений УИС эти условия могут быть выполнены лишь частично. Режимные требования ограничивают использование беспилотных летательных аппаратов внутри и вблизи охраняемого периметра. Кадровый дефицит агрономов и специалистов по анализу данных в удаленных территориальных управлениях снижает эффект от покупки готового программного обеспечения без адаптации интерфейса и без обучения личного состава работе с картами заданий. Наконец, значительная часть сельхозугодий УИС расположена в удаленных и труднодоступных районах, где наземный мониторинг требует несопоставимо больше человеко-часов, чем в условиях типового агрохолдинга с компактным земельным банком.

Ключевое значение имеет экономическое обоснование применения технологий компьютерного зрения и искусственного интеллекта, в том числе на базе беспилотных летательных аппаратов, для сельскохозяйственной деятельности ФСИН России, а также формулирование архитектурных и организационных решений, снимающих перечисленные ограничения. В основе предлагаемого автором подхода – переход от точечной задачи идентификации отдельных видов сорняков к системной задаче управления продовольственной безопасностью учреждения через снижение затрат на средства защиты растений, сокращение потерь урожая и повышение производительности ограниченного кадрового ресурса.

Технической основой автоматического мониторинга посевов служит сверточная нейронная сеть (Convolutional Neural Network, CNN) – архитектура, которая благодаря разделяемым ядрам свертки на порядок сокращает число обучаемых параметров по сравнению с полносвязными сетями и надежно работает на ограниченных выборках изображений, характерных для полевых условий.

Предлагаемая архитектура обработки данных строится по схеме:

захват изображения камерой видимого диапазона, установленной на мультироторном БПЛА или наземной платформе;

предобработка (цветокоррекция, приведение к единому масштабу, устранение бликов и теней);

выделение признаков сверточными слоями с постепенным укрупнением рецептивного поля – классификация зон посева по четырем типовым категориям (норма, поражение сорняком, дефицит влаги или питания, поражение болезнью);

принятие решения о точечной обработке с генерацией карты-задания для опрыскивателя или бригады.

В отличие от гибридных решений, дополняющих CNN рекуррентным LSTM-блоком для учета пространственных зависимостей между соседними кадрами, предлагаемая конфигурация заменяет рекуррентный слой легким модулем пространственного внимания (spatial attention), который взвешивает вклад периферийных областей кадра при классификации центральной зоны без последовательной обработки временного ряда кадров. Такое решение снижает вычислительную нагрузку на бортовой процессор, что является важнейшим фактором при выборе российских аналогов одноплатных компьютеров для использования в условиях отсутствия гарантированного канала связи с облачным сервером обработки [6, С.3].

Восполнение недостатка обучающих данных для условий конкретного региона размещения колонии решается методами аугментации: поворотом кадра, зеркальным отражением, изменением цветового баланса и яркости, наложением шума и имитацией размытия при движении носителя [7, С.12]. Эти приемы, ставшие стандартом в задачах идентификации сорняков на ограниченных выборках, позволяют кратно расширить обучающий набор без дополнительных полевых съемок и снижают риск переобучения модели на нехарактерных условиях освещенности конкретного дня съемки. Для территориально распределенной сети учреждений УИС, где растительный покров и состав сорняков существенно различаются между Северо-Западным и Южным федеральными округами, аугментация не заменяет необходимость сбора локальных данных, но снижает объем требуемой региональной выборки до нескольких сотен, а не тысяч изображений на класс.

Отдельного внимания заслуживают вопросы аренды оборудования учреждениями УИС без необходимости покупки собственного парка дронов каждой отдельной колонией. Аренда дрона-как-сервиса на уровне территориального управления, а не отдельного учреждения, решает сразу две проблемы: капитальные затраты распределяются на группу подсобных хозяйств одного региона, а обслуживание и калибровку оборудования выполняет единая техническая служба, а не личный состав колонии, для которого обслуживание БПЛА не входит в основной круг компетенций.

Практика гражданского АПК подтверждает и вклад дистанционного мониторинга в трудосбережение, значимое для учреждений с ограниченным штатом агрономов: беспилотная фотофиксация полей с последующим автоматическим распознаванием сорняков сокращает время осмотра участка агрономом с 45 минут до 10-15 минут, то есть в три раза, при сопоставимой или более высокой полноте выявления проблемных зон. Автоматизация мониторинга при этом не отменяет функцию трудовой адаптации осужденных, но смещает распределение труда. Система компьютерного зрения по итогам обзора кадров БПЛА выделяет проблемные зоны, которые, по опыту цифрового контроля сорняков в гражданском земледелии, обычно занимают от нескольких процентов до пятой части площади поля. Именно на этих участках концентрируется ручная или полумеханизированная обработка, тогда как остальная площадь исключается из процедуры сплошной обработки. Такая модель сокращает не численность занятых, а долю непроизводительного труда (прохождение по здоровым участкам поля с тем же объемом гербицида, что и по зараженным). Одновременно появляется новая производственная роль – оператор БПЛА и оператор системы разметки данных, что расширяет спектр осваиваемых осужденными профессий за

пределы традиционных механизаторских специальностей и создает дополнительный ресурс для последующего трудоустройства после освобождения.

Использование беспилотных летательных аппаратов в периметре учреждений УИС требует отдельного регламентирования, поскольку исторически ведомство рассматривало БПЛА, как правило, как угрозу (канал доставки запрещенных предметов), а не как инструмент производственного мониторинга. Производственное применение дронов предполагает выделение согласованных маршрутов и высот полета вне зоны визуального контроля периметра безопасности, обязательную регистрацию бортового номера и полетного задания в системе учета территориального управления, а также локальную (бортовую или наземную, без выхода в Интернет) обработку изображений. Последнее требование дополнительно обосновывает выбор легких CNN-архитектур для встраиваемых устройств вместо облачных сервисов распознавания, обычно предлагаемых зарубежными платформами точного земледелия.

Реализация принципа технологического суверенитета в данной сфере означает опору на отечественные программно-аппаратные решения на всех уровнях – от бортового вычислителя до платформы анализа данных. Примером работающей отечественной альтернативы служит программная платформа с элементами искусственного интеллекта True Fields, которая позволяет растениеводческим предприятиям без привлечения сторонних специалистов получать карты плодородия полей и организовывать дифференцированное внесение материалов. Для встраиваемых вычислительных модулей на борту БПЛА и в наземных постах анализа целесообразна ориентация на отечественные одноплатные компьютеры и процессорные архитектуры, сертифицированные для использования в объектах с режимом ограниченного доступа, что снимает часть рисков, связанных с санкционными ограничениями поставок зарубежных компонентов и обязательствами по защите служебной информации. Первое авторское дополнение к описанной методологии состоит в построении архитектуры гибридной интеллектуальной системы для сельскохозяйственного сектора УИС с тремя взаимодействующими контурами: контур компьютерного зрения (легкие CNN-модели на бортовых и наземных устройствах для классификации состояния посевов), контур предиктивной аналитики (прогнозирование урожайности и рисков дефицита влаги на основе временных рядов вегетационных индексов методами, близкими к авторегрессионным моделям типа ARIMA, применяемым для краткосрочного агрономического прогноза) и контур поддержки принятия решений (формирование карт-заданий и графиков полевых работ с учетом доступного контингента и погодного окна). Синергетический эффект такой архитектуры заключается не в замене человеческого агронома алгоритмом, а в сокращении цикла «обнаружение проблемы – решение – исполнение» с недели, типичной для визуального обхода полей вручную, до одного-двух дней, определяемых расписанием облета и подготовкой карты-задания.

Отдельного внимания заслуживает экономическая модель внедрения с явным расчетом срока окупаемости для трех сценариев масштаба: подсобное хозяйство до 300 га, колония-поселение с земельным банком 300-1500 га и участки с площадью свыше 1500 га. Для первого сценария целесообразно использование сервисной модели обслуживания (аренда облета БПЛА у территориального управления) ввиду недостаточной площади для окупаемости собственного оборудования; для второго целесообразно совместное владение оборудованием двумя-тремя учреждениями; для третьего – собственный комплект с окупаемостью. Модель учитывает также остаточную стоимость оборудования и возможность его использования для смежных задач: оценки состояния лесополос, контроля периметра, мониторинга состояния кровель хозяйственных построек, что дополнительно снижает удельные капитальные затраты на гектар обслуживаемой пашни [8, С.5].

Одним из ключевых аспектов являются вопросы инфраструктуры данных. Разрозненные подразделения УИС, расположенные в разных природно-климатических зонах, независимо накапливают снимки локальных сорных растений и культур, но не имеют общего размеченного набора данных, что приводит к необходимости решения задачи сбора и разметки данных для обучения моделей компьютерного зрения на уровне каждого территориального управления. Целесообразно создание централизованного ведомственного хранилища размеченных изображений сельскохозяйственных культур и сорняков, организованного по федеральным округам размещения учреждений, с обязательным соблюдением требований к защите служебной информации, в частности, с хранением геопривязки полей на отдельном контуре с ограниченным доступом и передачей в общий контур только обезличенных фрагментов изображений без географических метаданных [9, С.494; 10, С.313]. Технически такая схема реализуется по модели федеративного обучения, при которой параметры модели агрегируются на уровне ведомства, а исходные изображения не покидают инфраструктуру территориального управления. Такой подход снимает часть противоречий между потребностью в большом объеме обучающих данных и требованиями

режима. Совокупность рассмотренных решений (легкая CNN-архитектура для мониторинга состояния посевов, сервисная модель эксплуатации БПЛА на уровне территориального управления, экономическая модель окупаемости, дифференцированная по масштабу учреждения, и ведомственная инфраструктура размеченных данных с федеративным обучением) образует контур синергетического интеллекта, в котором вычислительные мощности, летные возможности БПЛА и опыт агрономов и сотрудников территориальных управлений работают на общую задачу снижения зависимости учреждений УИС от внешних продовольственных поставок. Экономический эффект такого контура переводит вопрос внедрения искусственного интеллекта в сельском хозяйстве УИС из категории технологического эксперимента в категорию управленческого решения с измеримым бюджетным эффектом и сроком окупаемости, сопоставимым с обычным циклом капитальных вложений территориального управления.

Список литературы:

[1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[2] Шумилов Ю.В., Лунева Н.Н., Ермоленко С.А., Савва А.П., Закота Т.Ю., Мысник Е.Н., Данилов Р.Ю. Использование беспилотных летательных аппаратов для целей фитосанитарного мониторинга в отношении сорных растений // Вестник защиты растений. 2018. № 4 (98).

[3] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.

[4] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[5] Курдюкова Е.А., Романченко М.Д. Искусственный интеллект в деятельности уголовно-исполнительной системы // Современное право. 2023. № 10. С. 119–121.

[6] Андреева Е.А., Беляев А.К., Еремин Ю.М., Царькова Е.Г. Методы биометрической идентификации на основе применения нейросетевых технологий // Информационные технологии в УИС. 2019. № 3. С. 2-10.

[7] Чураков Д.Ю., Царькова Е.Г., Беляев А.К. Точный расчет: возможности автоматизации при проведении оценки эффективности системы безопасности охраняемых объектов УИС // Информационные технологии в УИС. 2020. № 2. С. 10-21.

[8] Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.

[9] Зорина Н.С., Царькова Е.Г. Особенности психологической коррекции личности несовершеннолетних осужденных / Н. С. Зорина, Е. Г. Царькова // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11(198). С. 494-495.

[10] Зорина Н.С., Царькова Е.Г. Правонарушения в сети Интернет: классификация, возникающие риски и меры предотвращения // Евразийский юридический журнал. 2024. № 6(193). С. 313-314.

References:

[1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[2] Shumilov Yu.V., Luneva N.N., Ermolenko S.A., Savva A.P., Zakota T.Yu., Mysnik E.N., Danilov R.Yu. Use of unmanned aerial vehicles for phytosanitary monitoring purposes in relation to weeds // Bulletin of Plant Protection. 2018. № 4 (98).

[3] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[4] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[5] Kurdyukova E.A., Romanchenko M.D. Artificial intelligence in the activities of the penitentiary system // Modern law. 2023. № 10. S. 119-121.

[6] Andreeva E.A., Belyaev A.K., Eremin Yu.M., Tsarkova E.G. Methods of biometric identification based on the use of neural network technologies // Information technologies in UIS. 2019. № 3. S. 2-10.

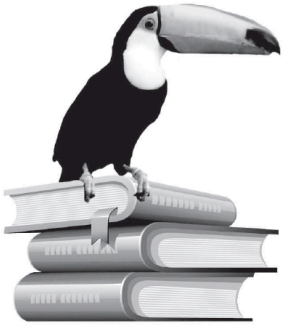
[7] Churakov D.Yu., Tsarkova E.G., Belyaev A.K. Accurate calculation: possibilities of automation when assessing the effectiveness of the security system of protected objects of the penal system // Information technologies in the penal system. 2020. № 2. S. 10-21.

[8] Talapina E.V. Transparency of artificial intelligence algorithms // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. T. 18. № 3. S. 4-27.

[9] Zorina N.S., Tsarkova E.G. Features of psychological correction of the personality of juvenile convicts/N.S. Zorina, E.G. Tsarkova //

Eurasian Law Journal. 2024. № 11(198). S. 494-495.

[10] Zorina N.S., Tsarkova E.G. Offenses on the Internet: classification, emerging risks and preventive measures // Eurasian Legal Journal. 2024. № 6(193). S. 313-314.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-30-36

БУТОВ Артем Русланович,
магистрант кафедры государственного управления факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: butov.artem2002@gmail.com

ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС: МЕЖДУ «МЯГКИМ ПРАВОМ» И МЕЖДУНАРОДНЫМИ ДОГОВОРАМИ

Аннотация. *Статья посвящена международно-правовой природе финансового сотрудничества БРИКС и выбору юридических форм его дальнейшей институционализации. Исследование исходит из того, что БРИКС в целом не является международной организацией с единой правосубъектностью, однако внутри объединения сформировалась многоуровневая нормативная система, сочетающая политические акты «мягкого права» и юридически обязательные международные договоры. Цель работы состоит в определении правовой формы, соответствующей различным видам финансового взаимодействия государств. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и институциональный методы, а также анализ соглашений о Новом банке развития и Пуле условных валютных резервов. Установлено, что декларационный формат сохраняет преимущества при согласовании целей, принципов и технических стандартов, но становится недостаточным при создании платежной, расчетно-депозитарной, цифровой и гарантийной инфраструктуры. Такие механизмы затрагивают имущественные права, окончательность расчетов, применимое право, распределение ответственности, защиту информации и разрешение споров. Особое внимание уделено пределам использования актов мягкого права при регулировании отношений, создающих финансовые обязательства государств и частных участников. Обоснована модель модульной правовой институционализации, включающая рамочное соглашение о финансовой инфраструктуре БРИКС, факультативные протоколы для отдельных проектов и модельные правила для национального законодательства. Предложенный подход позволяет сохранить межгосударственную гибкость объединения, обеспечить дифференцированное участие стран и одновременно создать юридическую определенность, необходимую для практической реализации финансовых инициатив. Результаты могут использоваться при подготовке российских предложений по развитию договорной базы БРИКС и согласованию трансграничных финансовых механизмов.*

Ключевые слова: *БРИКС, международное право, мягкое право, международные договоры, международные организации, Новый банк развития, трансграничные платежи, цифровые права, финансовая инфраструктура.*

Финансирование. *Исследование выполнено без внешнего финансирования.*

BUTOV Artem Ruslanovich,
Master's student, Department of Public Administration, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

LEGAL INSTITUTIONALISATION OF BRICS FINANCIAL COOPERATION: BETWEEN SOFT LAW AND INTERNATIONAL TREATIES

Annotation. *The article examines the international legal nature of BRICS financial cooperation and the legal forms required for its institutionalisation. BRICS is not an international organisation endowed with legal personality, although a multi-level normative system has emerged within the group, combining soft-law instruments with legally binding international treaties. The study determines which legal form is appropriate for different types of financial cooperation between states. Its methodology combines formal legal, comparative legal and institutional analysis, including examination of the agreements establishing the New Development Bank and the Contingent Reserve Arrangement. The research finds that declaratory instruments remain effective for coordinating objectives, principles and technical standards but become insufficient when states create payment, settlement, depository, digital and guarantee infrastructure. Such mechanisms affect property rights, settlement finality, applicable law, allocation of liability, information protection and dispute resolution. The article substantiates a modular model of legal institutionalisation consisting of a framework agreement on BRICS financial infrastructure, optional protocols for individual projects and model rules for national legislation. This approach preserves intergovernmental flexibility, permits differentiated participation and provides the legal certainty required for financial initiatives. The findings may support Russian proposals concerning the development of the BRICS treaty framework and the coordination of cross-border financial mechanisms.*

Key words: *BRICS, international law, soft law, international treaties, international organisations, New Development Bank, cross-border payments, digital rights, financial infrastructure.*

Funding. *The study received no external funding.*

Введение

Финансовая повестка БРИКС развивается быстрее, чем ее правовое оформление. В рамках объединения действуют созданные международными договорами механизмы, прежде всего Новый банк развития и Пул условных валютных резервов, одновременно обсуждаются трансграничные платежи, расчетно-депозитарная инфраструктура, гарантии, перестрахование и использование цифровых финансовых инструментов. Эти направления имеют разную юридическую природу. Их объединение под общим политическим обозначением «механизмы БРИКС» скрывает существенное различие между согласованным намерением государств и обязательством, обеспеченным нормами международного и национального права.

В современной литературе БРИКС обычно относится к неформальным межправительственным объединениям. Такие форматы не учреждаются единым уставным договором, не обладают развернутой системой постоянных органов и позволяют государствам сохранять полный контроль над принятием решений [8; 14]. Их документы способны направлять поведение участников, формировать устойчивые ожидания и служить основанием для последующих национальных мер, хотя сами по себе, как правило, не создают международно-правовых обязательств. Подобная конструкция соответствует понятию «мягкого права», которое используется в международном управлении для сочетания гибкости и нормативного воздействия [5].

Проблема возникает в тот момент, когда сотрудничество переходит от координации позиций к операциям, затрагивающим капитал, ценные бумаги, платежи, цифровые права и ответственность участников. Политическая декларация может определить направление работы, но не способна сама установить окончательность расчета, применимое право, порядок признания цифрового актива или распределение убытков при сбое инфраструктуры. В этих сферах юридическая неопределенность становится самостоятельным операционным риском.

Степень научной разработанности вопроса неоднородна. Исследования БРИКС подробно раскрывают институциональное уплотнение объединения, модели его взаимодействия с международными институтами, устройство Нового банка развития и финансовую стратегию государств-участников [1; 2; 4; 6; 12; 13]. В международно-правовой литературе разработаны общие подходы к неформальному нормотворчеству, правосубъектности международных организаций и взаимодействию обязательных и рекомендательных инструментов [5; 7; 10; 11]. Однако применительно к финансовым механизмам БРИКС недостаточно исследован вопрос о том, какая юридическая форма требуется на каждой стадии их развития.

Цель, задачи и методы исследования

Цель статьи состоит в определении модели правовой институционализации финансового сотрудничества БРИКС, которая обеспечивала бы юридическую определенность без преобразования объединения в наднациональную организацию. Для достижения цели решаются три задачи: раскрывается правовая природа БРИКС как неформального межгосударственного формата; сопоставляются договорные и недоговорные элементы его финансовой архитектуры; формулируются предложения по юридическому оформлению новых платежных, расчетных и гарантийных механизмов.

Методологическую основу составили формально-юридический метод, примененный к учредительным соглашениям и российским актам об их ратификации; сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить правовой режим Нового банка развития, Пула условных валютных резервов и формирующихся инфраструктурных инициатив; институциональный метод, использованный для анализа связи между юридической формой, объемом делегированных полномочий и операционным риском. Материалами исследования выступили официальные документы БРИКС, российское законодательство, а также российская и зарубежная научная литература.

Правовая природа БРИКС и значение «мягкого права»

БРИКС в целом не соответствует классической модели международной межправительственной организации. У объединения отсутствует единый учредительный договор, закрепляющий международную правосубъектность, компетенцию и систему органов. Нет постоянного секретариата, который действовал бы от собственного имени, а решения принимаются государствами на основе консенсуса и реализуются преимущественно через национальные органы. Поэтому корректнее говорить о неформальном межгосударственном объединении, существующем как устойчивая система координации, а не как самостоятельный субъект международного права [8; 9; 14; 15].

Неформальность не означает отсутствия нормативного воздействия. Декларации саммитов, совместные заявления министров, стратегии и руководящие принципы выполняют несколько юридически значимых функций. Они фиксируют согласованную позицию государств, задают направления деятельности национальным ведомствам, формируют стандарты добросовестного поведения и служат основой для подготовки договорных решений. В терминах теории легализации такие документы обладают ограниченной обязательностью, но могут отличаться высокой определенностью содержания и развитым механизмом политического контроля [5].

Для БРИКС «мягкое право» имеет особое значение, поскольку позволяет учитывать различия правовых систем и финансовых режимов государств. Оно снижает издержки согласования, дает возможность запускать пилотные проекты и не требует одновременной ратификации всеми участниками. Гибкость особенно полезна на ранних стадиях, когда предмет сотрудничества еще меняется, а последствия правового решения трудно оценить. Именно поэтому технические стандарты, обмен информацией, дорожные карты и общие принципы могут длительное время развиваться без международного договора.

Одновременно пределы такой модели определяются характером регулируемых отношений. Чем сильнее решение затрагивает имущественные права, публичные финансовые обязательства и интересы третьих лиц, тем выше потребность в юридически обязательной форме. Отсутствие договора допустимо при обмене опытом или согласовании стандарта сообщений, но становится проблематичным при передаче денежных средств, признании обеспечительных инструментов или установлении режима иммунитетов. Следовательно, выбор формы должен зависеть не от символической важности инициативы, а от объема юридического риска.

Договорный уровень финансовой архитектуры БРИКС

Соглашение о Новом банке развития от 15 июля 2014 г. демонстрирует переход от политической координации к полноценному международно-правовому институту. Соглашение закрепило цели Банка, капитал, органы управления, порядок членства, операции, правовой статус, привилегии и иммунитеты. В Российской Федерации оно было ратифицировано Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 29-ФЗ. Новый банк развития обладает собственной правосубъектностью и действует независимо от ежегодной смены председательства в БРИКС. Его решения создают права и обязанности для Банка, заемщиков и иных участников операций. В этом отношении НБР является международной организацией, учрежденной государствами БРИКС, но юридически не тождественной самому объединению [6; 10].

Особое значение имеет разграничение политической принадлежности и юридической самостоятельности. Расширение состава НБР происходит по правилам его учредительного соглашения и не совпадает автоматически с расширением БРИКС. Органами Банка являются Совет управляющих, Совет директоров и президент; их компетенция возникает из международного договора, а не из деклараций саммитов. Такое устройство обеспечивает устойчивость операций и предсказуемость управления, но одновременно ограничивает возможность прямого политического вмешательства в отдельные решения.

Пул условных валютных резервов также создан международным договором от 15 июля 2014 г., ратифицированным Российской Федерацией Федеральным законом от 2 мая 2015 г. № 107-ФЗ. Однако его юридическая конструкция отличается от НБР. Договор устанавливает взаимные обязательства государств по предоставлению ликвидности и процедуру принятия решений, но не создает развернутой международной организации с собственным капиталом, персоналом и операционной автономией. Механизм функционирует через согласованные действия централь-

ных банков и финансовых ведомств. Его договорная обязательность выше, чем у декларационных инициатив, тогда как степень организационного обособления ниже.

Сопоставление двух механизмов показывает, что международный договор не обязательно ведет к созданию самостоятельной организации. Он может закреплять сеть взаимных обязательств, процедуру координации и условия использования национальных ресурсов. Выбор между организационной и договорно-сетевой моделью определяется функцией механизма. Постоянное проектное финансирование требует юридического лица, капитала и органов управления. Резервная поддержка может строиться как условное обязательство государств, активируемое при наступлении предусмотренных договором обстоятельств [6].

Правовые пробелы новых финансовых механизмов

Платежные и расчетно-депозитарные инициативы БРИКС пока развиваются преимущественно в форме политических мандатов, технических исследований и согласования стандартов. На этом этапе «мягкое право» позволяет участникам тестировать совместимость национальных систем. Однако переход к реальным трансграничным операциям требует ответа на вопросы, которые не могут быть решены только техническим протоколом.

Первый блок вопросов связан с применимым правом и окончательностью расчетов. Необходимо определить момент исполнения денежного обязательства, последствия отзыва платежного распоряжения, правовой режим средств на промежуточных счетах и распределение убытков при операционном сбое. Если инфраструктура объединяет несколько национальных платежных систем, правила одной юрисдикции не могут автоматически распространяться на всех участников. Неопределенность в отношении окончательности расчета повышает кредитный и системный риск.

Второй блок касается цифровых прав и цифровых валют. Российское законодательство после принятия федеральных законов от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ и № 223-ФЗ допускает использование цифровой валюты и отдельных цифровых прав во внешнеторговых расчетах в рамках экспериментального правового режима. Эти нормы создают национальную правовую основу для пилотирования, но не обеспечивают признание соответствующего актива в другой юрисдикции. Для трансграничного механизма требуются согласованные критерии квалификации цифрового объекта, правила идентификации владельца, порядок обращения взыскания и защита добросовестного приобретателя [3].

Третий блок образуют требования противодействия легализации преступных доходов, валютного контроля, защиты информации и киберустойчивости. Их унификация в полном объеме малореалистична, поскольку государства БРИКС сохраняют различные модели финансового надзора. Более практичным является взаимное признание результатов отдельных процедур при установлении минимальных общих требований. Аналогичный подход может применяться к идентификации клиентов, проверке происхождения средств и обмену данными, если он сопровождается гарантиями конфиденциальности и ограничением целей использования информации.

Четвертый блок относится к гарантийным и перестраховочным инструментам. Обещание создать многосторонний механизм не определяет правовую природу гарантии, круг бенефициаров, основания отказа в выплате, суброгацию и порядок разрешения спора. Если обязательства принимает Новый банк развития, они могут быть встроены в его существующую договорную компетенцию. Если же гарантии предоставляются консорциумом национальных институтов, необходимо отдельное соглашение, распределяющее ответственность и устанавливающее применимое право.

Российская доктрина справедливо связывает развитие платежной инфраструктуры с финансовым суверенитетом, но правовая автономия не тождественна изоляции [3]. Устойчивая трансграничная система предполагает совместимость норм, предсказуемое признание прав и механизм разрешения конфликтов. Поэтому задача состоит не в замене одного закрытого контура другим, а в создании юридически надежных маршрутов взаимодействия между национальными системами.

Модель модульной правовой институционализации

Для дальнейшего развития финансовой архитектуры БРИКС предлагается модель модульной правовой институционализации. Ее исходный принцип состоит в том, что юридическая форма должна соответствовать функции и риску конкретного механизма. Не требуется учреждать единую международную организацию с общей компетенцией в финансовой сфере. Достаточно создать базовую договорную рамку, к которой государства смогут присоединять отдельные функциональные модули.

Первым уровнем могло бы стать рамочное соглашение о сотрудничестве в области финансовой инфраструктуры БРИКС. В нем следует закрепить общие принципы: добровольность участия в отдельных механизмах, технологическую нейтральность, недискриминационный доступ, уважение национального регулирования, защиту информации, функциональную совместимость и распределение ответственности. Рамоч-

ное соглашение должно определить органы координации и общую процедуру урегулирования межгосударственных разногласий, не передавая им наднациональных полномочий.

Второй уровень составили бы факультативные протоколы. Платежный протокол мог бы регулировать окончательность расчетов, возврат операций, валютный контроль и ответственность операторов. Депозитарный протокол — признание учета прав на ценные бумаги, корпоративных действий и обеспечительных интересов. Протокол о цифровых правах — критерии допустимых активов, взаимное признание операторов, идентификацию и обращение взыскания. Гарантийный протокол — форму обязательства, распределение риска, суброгацию и порядок выплат. Факультативность позволила бы запускать проекты группой заинтересованных государств без ожидания одновременного присоединения всех членов.

Третий уровень должен включать модельные правила и стандартные договорные условия. Они могут утверждаться совместными решениями финансовых регуляторов и использоваться участниками частноправовых отношений. К этой категории относятся типовые оговорки о применимом праве и арбитраже, единые требования к операционным соглашениям, форматы раскрытия информации и минимальные стандарты киберустойчивости. Такие документы сохраняют характер «мягкого права», но получают практическую силу через включение в договоры и национальные акты [7; 11].

Четвертым элементом является постоянный юридический координационный механизм финансового трека. Его задачей должна быть не разработка наднационального законодательства, а правовая экспертиза инициатив, сопоставление национальных режимов и подготовка проектов протоколов. В состав целесообразно включить представителей министерств финансов, центральных банков, органов юстиции и инфраструктурных организаций. Ротационное председательство может сохраняться, однако рабочая документация и реестр согласованных решений должны поддерживаться непрерывно.

Предлагаемая модель соответствует сложившейся природе БРИКС. Она не требует отказа от консенсуса и не создает общего регулятора. Вместе с тем она устраняет ситуацию, при которой технический проект опережает определение прав и обязанностей. Модульная конструкция также снижает политическую стоимость неучастия: государство может не присоединяться к отдельному протоколу, не блокируя сотрудничество остальных.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет уточнить распространенное представление о выборе между гибкостью и юридической обязательностью. Для БРИКС эти качества не являются взаимоисключающими. Гибкость может обеспечиваться не отсутствием права, а дифференцированным участием, факультативными протоколами и ограниченной предметной компетенцией. Международный договор способен закреплять только минимальный общий уровень, оставляя технические детали совместным стандартам и национальному регулированию.

В то же время преждевременная договорная формализация способна затормозить сотрудничество. Если технология или бизнес-модель еще не определены, жесткие нормы быстро устаревают и увеличивают издержки пересмотра. Поэтому предложенная модель предполагает последовательность: политический мандат, пилотный стандарт, оценка правовых рисков, факультативный протокол и только затем, при необходимости, создание отдельной организации. Такая последовательность согласуется с практикой постепенного институционального уплотнения БРИКС [12; 13].

Для Российской Федерации данный подход имеет дополнительное значение. Российская сторона заинтересована в развитии устойчивых каналов расчетов и цифровых инструментов, однако их международная применимость зависит от признания партнерами. Национальный экспериментальный режим позволяет проверить технологию и внутренний контроль, но не заменяет международного соглашения. Поэтому российские предложения целесообразно формулировать как взаимные правила, защищающие интересы всех участников, а не как перенос национальной модели на общее пространство.

Финансовая архитектура БРИКС имеет смешанную правовую природу. Само объединение остается неформальным межгосударственным форматом, основная нормативная продукция которого относится к «мягкому праву». Одновременно внутри него действуют международно-договорные механизмы различной степени организационного обособления. Новый банк развития представляет собой международную организацию с собственной правосубъектностью, тогда как Пул условных валютных резервов основан на договорной сети взаимных обязательств государств. Такое сочетание не является недостатком. Оно позволяет выбирать форму, соответствующую конкретной функции. Однако развитие платежной, депозитарной, цифровой и гарантийной инфраструктуры повышает требования к юридической определенности. Политические декларации и технические стандарты не могут самостоятельно урегулировать окончательность расчетов, имущественные права, ответственность и разрешение споров.

Оптимальным направлением представляется модульная правовая институционализация: рамочное соглашение, факультативные протоколы, модельные правила и постоянная юридическая координация. Эта конструкция сохраняет автономию государств и гибкость БРИКС, но создает договорную основу там, где сотрудничество переходит к операциям с правовыми и финансовыми последствиями. Научная новизна предложенного подхода состоит в разграничении юридических форм не по политической значимости инициатив, а по характеру возникающих рисков и требуемому уровню защиты прав участников.

Список литературы:

[1] БРИКС в мировых финансах и экономике: монография / Г. Д. Толорая, И. З. Ярыгина, М. И. Столбов [и др.]; под общ. ред. И. З. Ярыгиной, В. И. Герасимова. М.: МГИМО-Университет, 2024. 541 с.

[2] Ларионова М. В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 2. С. 113–139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113..

[3] Чернобровкина Е. Б. Правовое регулирование цифровизации финансового рынка и развития платежной инфраструктуры как направления обеспечения финансового суверенитета // Юридическая наука. 2025. № 7. С. 112–116.

[4] Худякова Л. С., Урумов Т. Р. Финансовое сотрудничество стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 9. С. 28–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-28-38..

[5] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, No. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[6] Batista Jr. P. N. The BRICS and the Financing Mechanisms They Created: Progress and Shortcomings. London: Anthem Press, 2021. 84 p.

[7] Berman A., Wessel R. A. The International Legal Form and Status of Informal International Lawmaking Bodies: Consequences for Accountability // Informal International Lawmaking / Ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 35–62. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199658589.003.0003..

[8] Biedermann S. Varieties of Informal Intergovernmental Organisations: How Differences in Design Matter for Informal Governance // Journal of International Relations and Development. 2026. Vol. 29. Art. 7. DOI: 10.1057/s41268-026-00372-1..

[9] Cooper A. F. The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/actrade/9780198723394.001.0001..

[10] Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. DOI: 10.1017/9781108899789.

[11] Papa M., Han Z., O'Donnell F. The Dynamics of Informal Institutions and Counter-Hegemony: Introducing a BRICS Convergence Index // European Journal of International Relations. 2023. Vol. 29, No. 4. P. 960–989. DOI: 10.1177/13540661231183352..

[12] Pauwelyn J., Wessel R., Wouters J. (eds.). Informal International Lawmaking. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199658589.001.0001..

[13] Ramos L., Garcia A., Pautasso D., Ribeiro Rodrigues F. C. A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process // Journal of China and International Relations. 2018. Special Issue. P. 1–15. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v0i0.2262..

[14] Roberts C., Armijo L. E., Katada S. N. The BRICS and Collective Financial Statecraft. New York: Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780190697518.001.0001..

[15] Vabulas F., Snidal D. Organization without Delegation: Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs) and the Spectrum of Intergovernmental Arrangements // The Review of International Organizations. 2013. Vol. 8, No. 2. P. 193–220. DOI: 10.1007/s11558-012-9161-x..

References:

[1] BRICS in world finance and economics: monograph/G. D. Toloraya, I. Z. Yarygin, M. I. Stolbov [and others]; under the general. ed. I.Z. Yarygina, V.I. Gerasimova. M.: MGIMO-University, 2024. 541 pp.

[2] Larionova M.V. Russian chairmanship in BRICS: models of interaction with international institutions // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. 2016. VOL. 11, NO. 2. S. 113-139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113..

[3] Chernobrovkina E. B. Legal regulation of the digitalization of the financial market and the development of payment infrastructure as a direction for ensuring financial sovereignty // Legal science. 2025. № 7. S. 112-116.

[4] Khudyakova L.S., Urumov T.R. Financial cooperation of the BRICS countries // World economy and international relations. 2025. VOL. 69, NO. 9. S. 28-38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-28-38..

[5] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, No. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[6] Batista Jr. P. N. The BRICS and the Financing Mechanisms They Created: Progress and

Shortcomings. London: Anthem Press, 2021. 84 p.

[7] Berman A., Wessel R. A. The International Legal Form and Status of Informal International Lawmaking Bodies: Consequences for Accountability // Informal International Lawmaking / Ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 35–62. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199658589.003.0003..

[8] Biedermann S. Varieties of Informal Intergovernmental Organisations: How Differences in Design Matter for Informal Governance // Journal of International Relations and Development. 2026. Vol. 29. Art. 7. DOI: 10.1057/s41268-026-00372-1..

[9] Cooper A. F. The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/actrade/9780198723394.001.0001..

[10] Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. DOI: 10.1017/9781108899789.

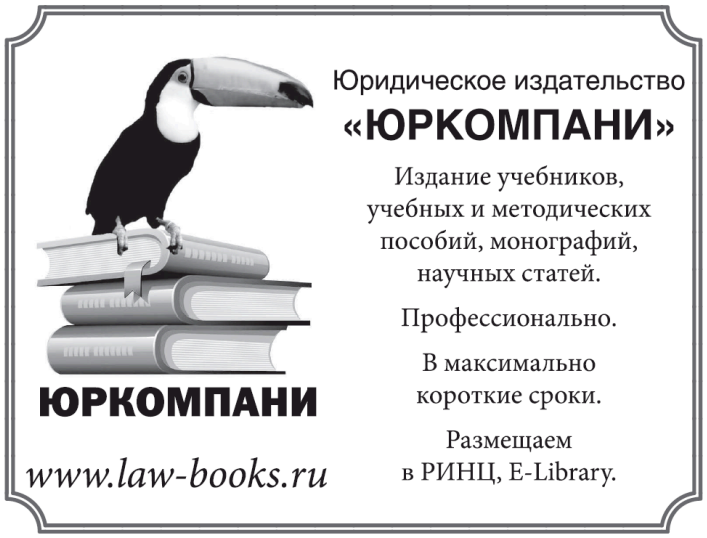
[11] Papa M., Han Z., O'Donnell F. The Dynamics of Informal Institutions and Counter-Hegemony: Introducing a BRICS Convergence Index // European Journal of International Relations. 2023. Vol. 29, No. 4. P. 960–989. DOI: 10.1177/13540661231183352..

[12] Pauwelyn J., Wessel R., Wouters J. (eds.). Informal International Lawmaking. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199658589.001.0001..

[13] Ramos L., Garcia A., Pautasso D., Ribeiro Rodrigues F. C. A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process // Journal of China and International Relations. 2018. Special Issue. P. 1–15. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v0i0.2262..

[14] Roberts C., Armijo L. E., Katada S. N. The BRICS and Collective Financial Statecraft. New York: Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780190697518.001.0001..

[15] Vabulas F., Snidal D. Organization without Delegation: Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs) and the Spectrum of Intergovernmental Arrangements // The Review of International Organizations. 2013. Vol. 8, No. 2. P. 193–220. DOI: 10.1007/s11558-012-9161-x..

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-37-43

ДИКУСАР Яна Сергеевна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права им. М.И. Ковалева УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ «ДИСКРЕДИТАЦИИ» В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СТ.280.3 УК РФ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье анализируется уголовно-правовая конструкция ст. 280.3 УК РФ, устанавливающая ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации, исполнения государственными органами своих полномочий, а также оказания содействия добровольческими формированиями в выполнении возложенных на них задач. Дискредитация рассматривается как юридическая фикция, которая, в отличие от других составов (ст. 207.3 УК РФ), не требует установления заведомой ложности сведений, что порождает сложности для правоприменителя в установлении объективной стороны состава преступления. В статье исследуется пробел: отсутствие легального определения «дискредитации» в уголовном законе и механизмов её отграничения от оценочных суждений, критики и политической полемики, охраняемых ст. 29 Конституции РФ. На основе анализа судебной практики и заключений лингвистических экспертиз выявляются типичные ошибки квалификации, связанные с подменой предмета преступления (действия, а не информация).*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, дискредитация Вооружённых Сил РФ, юридическая фикция, оценочные понятия в уголовном праве, свобода слова, коллизия норм, судебная практика, законодательная техника.*

DIKUSAR Yana Sergeevna,
Ph.D., Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M.I. Kovalev Ural State University named after V.F. Yakovlev

LEGAL FICTION OF "DISCREDITING" IN THE DOCTRINE OF CRIMINAL LAW: LIMITS OF THE ST.280.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INFORMATION SPACE

Annotation. *The article analyzes the criminal law structure of the article. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, establishing responsibility for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the execution by state bodies of their powers, as well as assisting volunteer formations in the performance of the tasks assigned to them. Discreditation is considered as a legal fiction, which, unlike other formulations, is considered as a legal fiction... 207.3 of the Criminal Code), does not require the establishment of deliberate falsity of information, which creates difficulties for the law enforcer in establishing the objective side of the crime. The article explores the gap: the lack of a legal definition of discrediting in criminal law and the mechanisms for its separation from value judgments, criticism and political polemics protected by the article... 29 Constitution of the Russian Federation. Based on the analysis of judicial practice and the conclusions of linguistic examinations, typical qualification errors associated with the substitution of the subject of the crime (actions, not information) are identified.*

Key words: *criminal liability, discrediting of the Armed Forces of the Russian Federation, legal fiction, evaluative concepts in criminal law, freedom of speech, conflict of norms, judicial practice, legislative technique.*

Информационная безопасность является основой для обеспечения информационного суверенитета государства в ходе специальной военной операции. Органы государственного управления, решая возложенные на них соответствующие задачи и полномочия, своевременно реагируют на деструктивные действия, направленные на раскол российского общества [1]. Говоря об уголовной политике, отмечу, что современное правотворчество в области уголовного права совершенно справедливо взяло курс на антилиберальное охранительно регулятивное воздействие на общественные отношения, входящие в круг объекта уголовно-правовых отношений. Такой вектор становится очевиден в свете последних законодательных новелл. В Конституции Российской Федерации 1993 года [2], являющейся основой общественной и государственной жизни нашей страны, право на свободу мысли и слова получило свое нормативное закрепление. Так, согласно ст.29 Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова. Никто не может быть принужден к выражению своего мнения и убеждения или отказу от них. Кроме того, гарантируется свобода массовой информации и запрещается цензура. Однако, информация не всегда несет позитивное начало. Некоторые мысли и слова имеют негативный характер и направлены на подрыв стабильности в обществе.

Возбуждение ненависти и вражды между социальными общностями и группами или отдельными их представителями, все это является потенциальной угрозой для нарушения внутренней безопасности государства.

В связи с этим, свобода слова на конституционном уровне несколько ограничена. Так, согласно ч. 3 ст. 29 Конституции Российской Федерации не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Кроме того, запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Помимо этого, реализация предоставленной Основным законом свободы слова, не должна нарушать права и свободы других лиц (ст. 17 ч. 3).

Свобода слова может быть ограничена федеральным законом в той мере, в которой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Во исполнение вышеуказанных положений, законодательство некоторых отраслей права, в частности уголовного права, ограничивает реализацию свободы слова.

Анализ деяний, за совершение которых Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность, позволяет выделить целый ряд преступлений, так или иначе связанных с реализацией права на свободу слова. Так, например, преступление, предусмотренное ст. 128.1 УК РФ – клевета, которая заключается в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или других сообщений граждан (ст. 138 УК РФ). Публичные действия, выражающие явное неуважения к обществу, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ). Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ). Это также публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а равно публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280-280.1 УК РФ). Возбуждение ненависти, либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) и т.д. Вышеперечисленные преступные деяния, связанные с разглашением какой-либо информации в рамках реализации права на свободу слова, разнообразны и могут причинить существенный вред, прежде всего, личности, обществу и государству, поэтому ограничения со стороны государства этой свободы под угрозой привлечения к уголовной ответственности и назначения уголовного наказания, являются верными и заслуживают позитивной оценки.

Одним из таких составов преступлений, ограничивающих свободу слова, является ст.280.3 УК РФ – публичные действия направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ).

Наибольший научный и практический интерес в данном составе представляет новый для уголовного закона термин - «дискредитация». В действующем уголовном законе данный термин не раскрывается, а его дефиницию можно найти лишь в ст. 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции», в соответствии с которой под дискредитацией понимается распространение ложных, неточных или искажённых сведений, кото-

рые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации [3]. На мой взгляд, распространить данную дефиницию на ст. 280.3 УК РФ не представляется возможным по следующим основаниям.

Во-первых, нормативные правовые акты регулируют различные общественные отношения, а в соответствии со специальными правилами языкового толкования без достаточных к тому оснований нельзя термин из одной отрасли права применять к другой.

Во-вторых, распространение заведомо ложных сведений охватывается отдельной ст. 207.3 УК РФ, а потому оно не является атрибутом понятия «дискредитация» в ст. 280.3 УК РФ. Поэтому в данной ситуации наиболее целесообразно будет применить языковой (грамматический) способ толкования права.

Дискредитация (от французского discréditer — подрывать доверие) означает умышленные действия или высказывания, направленные на подрыв авторитета, имиджа или доверия к кому-либо или чему-либо. Данное слово встречается в нескольких основных значениях: деловое и личное (репутационное) - целенаправленное очернение человека, компании или бренда. Цель — выставить объект в невыгодном свете, чтобы лишить его поддержки, клиентов или уважения общества. Политическое: попытка подорвать доверие к государственным институтам, общественным движениям или политическим лидерам.

Согласно современному Экономическому Словарю дискредитация – это умышленные действия, направленные на лишение субъекта доверия к нему, на подрыв его авторитета, имиджа [4]. Дискредитация представляет собой некие действия, которые создают негативный фон вокруг кого – либо или чего – либо [5].

Так, толковый словарь русского языка под редакцией Н. Ю. Шведовой даёт следующее лексическое значение глагола «дискредитировать»: «подрывать доверие к кому-нибудь, чему-нибудь, умалять чей-нибудь авторитет» [6]. В словаре С. И. Ожегова, на который имеются ссылки и в судебных решениях (например, постановление Кудымкарского городского суда по делу 5-305/2022) содержится идентичная формулировка.

В российском законодательстве под дискредитацией понимают публичные действия, направленные на умаление авторитета или формирование искаженного представления о деятельности госорганов или Вооруженных Сил.

Правоприменитель тоже предпринимает попытки к толкованию данного термина: под «дискредитацией Вооружённых Сил Российской Федерации» понимаются умышленные действия, противоречащие позиции Минобороны РФ, направленные на лишение и подрыв авторитета и имиджа российской армии [7]. Из указанных определений можно сделать вывод, что под дискредитацией следует понимать умышленные действия, направленные на умаление авторитета и подрыв доверия к объекту дискредитации.

Таким образом, в диспозиции ст. 280.3 УК РФ речь идёт о тех публичных действиях, которые умаляют авторитет Вооружённых Сил Российской Федерации (или государственных органов РФ), подрывают доверие к их деятельности. А. М. Шамаев и М. Л. Болобан приходят к выводу, что под эту формулировку подпадают любые публичные действия, противоречащие официальной позиции Министерства Обороны РФ [8]. Дискредитация должна быть направлена на использование Вооружённых Сил Российской Федерации, а также на исполнение государственным органом РФ своих полномочий за рубежом.

Практика на сегодняшний день выработала свои критерии для определения «дискредитации».

Во-первых, действия должны быть публичными, при этом это могут быть любые коммуникативные действия, т.е. форма выражения не ограничивается. Отметим, что в современной правоприменительной практике фигурируют статьи СМИ, посты, опросы и комментарии в соцсетях, пересылки сообщений в мессенджерах, пикеты с антивоенными плакатами, граффити, изображения, видео- и аудиозаписи, неофициальные символы СВО, надписи на всевозможных поверхностях (в том числе на снегу, на рюкзаке и пр.) и др. формы.

Во-вторых, содержанием действий является: негативная оценка целей использования ВС РФ; призывы к воспрепятствованию использования ВС РФ в указанных целях; негативная оценка целей исполнения государственными органами своих полномочий за пределами территории РФ. Цели использования ВС РФ при совершении "дискредитирующих действий" оцениваются как отличные от защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. В-третьих, действия должны быть направлены на подрыв доверия, на умаление авторитета. С нашей точки зрения, это означает, что недостаточно просто выразить негативное мнение по поводу использования ВС РФ. Необходимо, чтобы целью данных действий был подрыв доверия к использованию Вооруженных Сил у адресата. Подрыв доверия и умаление авторитета происходит не просто посредством демонстрации собственного мнения относительно целей использования ВС РФ, но и убеждением другого лица – адресата коммуникативного действия – в правильности этого мнения. Иными словами, дискредитации нет без другого лица, без адресата, которого хотят убедить в правильности собственного – негативного – мнения о целях использования ВС РФ. Дис-

кредитация, или умаление авторитета, осуществляется не просто высказыванием, но и аргументацией данного тезиса - «его цели не соответствуют декларируемым». Общее содержание дискредитирующего речевого акта можно выразить следующей семантической формулой: «Я считаю, что цели использования ВС РФ не соответствуют декларируемым, и хочу убедить тебя в этом». Таким образом, для применения нормы о дискредитации необходима попытка убедить в правильности своего мнения другое лицо и тем самым совершить действия, направленные на дискредитацию.

Такое понимание нормы о дискредитации, как мы полагаем, соотносится и с нормой закона, и с значением слова «дискредитация» в языке, и с данными Минюстом РФ разъяснениями по проведению комплексных психолого-лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования ВС РФ.

Судебная практика также подтверждает данные позиции.

По приговору Ленинского районного суда города Орска Оренбургской области от 26 сентября 2023 года подсудимый признан виновным в дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации и осужден по части 1 ст. 280.3 УК РФ. Согласно заключению эксперта от 5 апреля 2023 года, в деянии виновного содержится негативная оценка действий Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляемых на территории Украины в связи со специальной военной операцией. Негативная оценка автора выражается в высказываниях, где виновный публично исказил задачи по использованию Вооруженных сил и дискредитировал использование Вооруженных Сил Российской Федерации.

По приговору Симферопольского районного суда Республики Крым лицо признано виновным в дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации. К уголовной ответственности гражданин был привлечен за размещение публикации, состоящей из письменного текста, под которой разместил видеозапись с заголовком, в которых выражено побуждение пользователя, адресованное Вооруженным силам Украины, к совершению враждебных (насильственных) действий в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, а именно выражено побуждение к их полному истреблению, прекращению физического существования, причинению смерти.

По приговору Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан подсудимый признан виновным в дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации. К уголовной ответственности гражданин был привлечен за переписку, которую вел в социальной сети «Вконтакте» со своей страницы с другими пользователями сети «Что будет, если…?» на тему связанную с проведением специальной военной операции на территории Украины.

По приговору Октябрьского районного суда г. Кирова от 7 декабря 2023 года осужденный признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 280.3 УК РФ. В присутствии посторонних граждан, осознавая публичный характер своих действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации пытаясь подорвать авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации, умышленно в результате неоднократных попыток при помощи имевшейся при нем зажигалки поджег палатку, принадлежащую Федеральному казенному учреждению «Военный комиссариат Кировской области» агитационная палатка в качестве мобильного пункта отбора на военную службу по контракту для обеспечения участия в специальной военной операции, имеющего символику Вооруженных Сил Российской Федерации в виде военного геральдического знака и эмблемы, надпись «Мобильный пункт приёма на военную службу по контракту», а также символику Российской Федерации в виде государственного флага. Затем осуществил видеосъемку процесса горения палатки, после чего с использованием своего аккаунта распространил видеозаписи.

Так же хочется отметить, на практике очень важным является вопрос разграничения ст. 280.3 УК РФ и ст. 207.3 УК РФ. Во многом данные составы являются очень схожими, так как направлены на подрыв авторитета Вооруженных Сил Российской Федерации. При этом объектом ст. 207.3 УК РФ являются общественные отношения по охране общественной безопасности, в то время как объектом ст. 280.3 УК РФ являются общественные отношения по охране основ конституционного строя и безопасности государства. В ст. 280.3 УК РФ имеется административная преюдиция, а в ст. 207.3 УК РФ такая преюдиция отсутствует. Но самым главным отличием ст. 207.3 УК РФ от ст. 280.3 УК РФ является объективная сторона преступления. Объективная сторона ст. 207.3 УК РФ выражена в умышленном распространении недостоверных сведений, которые не соответствуют действительности. В ст. 280.3 УК РФ говорится исключительно о действиях по дискредитации. Определение дискредитации было дано в Методическом письме Министерства Юстиции РФ от 17.06.2022 г: «под дискредитацией понимаются умышленные действия, направленные на подрыв доверия к государственной власти и ее органам, умаление их авторитета и значения в связи с использованием ВС РФ и исполнением государственными органами Российской Федера-

ции своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» [9]. А.И. Рарог в комментарии к ст. 280.3 УК РФ пишет, что действия по дискредитации могут означать, например, голословное отрицание оснований для проведения специальной военной операции за пределами территории России; намеренное искажение ее действительных целей, либо методов осуществления; ложные измышления о применении запрещенных средств и способов ведения наступательных действий [10].

Таким образом, проанализировав вышесказанное, можно говорить о том, что и ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ направлены на подрыв авторитета Вооруженных Сил РФ. Но при разграничении данных составов необходимо исходить из того, что в первом случае главным признаком является заведомость. То есть, деяние, описанное в ст. 207.3 УК РФ является обманом — лицо осознает, что распространяет ложные сведения и желает совершить данное в целях формирования ложных убеждений у других лиц. В то же время, смысл деяния, описанного в ст. 280.3 УК РФ заключается в распространении негативных оценок, мнения, с возможным использованием ложных сведений, в достоверности которых лицо убеждено, либо находится в неведении об этом.

В судебной практике также возникают сложности отграничения ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ, и нередко встречаются ошибки при квалификации действий виновного лица. Одним из примеров является Апелляционное постановление Омского областного суда от 27.02.2023 г [11]. Круглов Е.Б. размещал информацию на своей странице в социальной сети, которая не соответствовала действительности, при этом он не указывал на правдивость информации, а цитаты, которые он использовал брал в кавычки, «поскольку хотел, чтобы вопрос о специальной военной операции обсуждался со всех сторон, а не однобоко». Судом деяния Круглова Е.Б. были квалифицированы по ст. 207.3 УК РФ, при этом имел значение лишь факт распространения информации не соответствующей действительности, что, на наш взгляд, является неверным, так как виновный высказал свое личное субъективное мнение о проведении специальной военной операции, при распространении своей позиции, которая подрывала авторитет Вооруженных Сил, информация не была опубликована под видом достоверных сообщений, поэтому деяние должно было быть квалифицировано по ст. 280.3 УК РФ, при условии, если виновный привлекался к административной ответственности в течение года по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Среди ученых также не существует единого мнения относительно того, как необходимо квалифицировать деяние лица, по совокупности ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ или же как одно из указанных преступлений.

Согласно позиции Шипуновой М.Н ст. 207.3 УК РФ и 280.3 УК РФ не исключают возможности квалификации по совокупности данных преступлений, когда сообщение лица будет содержать и признаки распространения заведомо ложной информации, и дискредитации использования ВС РФ [12].

Н.Г. Осадчая считает, что ст. 207.3 УК РФ является специальной, по отношению к обшей норме, предусмотренной ст. 280.3 УК РФ, а также не соглашается с мнением о возможности квалификации деяния лица по обеим статьям УК РФ за одно деяние одновременно [13]. В случае конкуренции общей и специальной нормы, квалификация должна производится по специальной норме.

В заключении хотелось бы отметить, что зреет серьезная необходимость в разъяснениях Верховного Суда РФ по всем указанным вопросам.

Список литературы:

[1] Агапов П. В. Приветственное слово // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации : сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 26 апр. 2023 г.). – Москва : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 90.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) Текст Конституции опубликован в "Российской газете" от 25 декабря 1993 г. N 237.

[3] Федеральный закон от 26.07.2006 N 135- ФЗ «О защите конкуренции» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/?ysclid=luy5iq1kgu658169761..

[4] Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М. 2023. 512 с.

[5] Артурович Г.Д. Уголовно – правовой анализ статьи 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-analiz-stati-280-3-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 25.04.2025).

[6] Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.

[7] Свердловское УФСБ объяснило, что

такое «дискредитация ВС РФ» [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5357212.

[8] Шамаев А. М., Болобан М. Л. Вопросы правоприменительной практики при квалификации деяний подпадающих под ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации» // Образование и право. - 2022. - № 4. - С. 186 - 190.

[9] Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации» (утв. ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол от 17.06.2022 N 2) https://legalacts.ru/doc/metodicheskoe-pismo-ob-osobennostjakh-kompleksnykh-psikhologo-lingvisticheskikh-sudebnykh-ekspertiz-informatsionnykh/.

[10] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации/ отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М., 2023 г. С. 787.

[11] Апелляционное постановление Омского областного суда от 27.02.2023 по делу № 22- 604/2023. Уникальный идентификатор дела 55RS0026-01-2022-003330-62.

[12] Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных Силах Российской Федерации. Российский следователь. № 3/2024. С. 45.

[13] Осадчая Н. Г. Судебная практика по статьям 2073 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий» и 2803 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования вооруженных сил Российской Федерации»: проблемы квалификации и разграничения составов // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции : в 2 т. Симферополь, 2023. С. 569.

References:

[1] Agapov P.V. Welcome speech // Responsibility for crimes against the peace and security of mankind committed by the nationalist regime of Ukraine, discrediting state authorities and the Armed Forces of the Russian Federation: Sat. materials scientific-practical. seminar (Moscow, April 26, 2023). - Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. – 90.

[2] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) The text of the Constitution was published in Rossiyskaya Gazeta dated December 25, 1993 N 237.

[3] Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition" [Electronic Resource] Access Mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/?ysclid=luy5iq1kgu658169761..

[4] Raisberg B.A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. Modern Economic Dictionary. M.: INFRA-M. 2023. 512 s.

[5] G.D. Arturovich. Criminal Law Analysis of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Issues of Russian Justice. 2023. № 25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-analiz-stati-280-3-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 25.04.2025).

[6] Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words/RAS. Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov. Resp. ed. N. Yu. Shvedova. - M., 2011: Publishing center "Azbukovnik." - 1175 s.

[7] Sverdlovsk FSB explained what "discrediting the Armed Forces of the Russian Federation" [Electronic resource] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5357212.

[8] Shamaev A. M., Boloban M. L. Issues of law enforcement practice in qualifying acts falling under Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation "Public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation "// Education and law. - 2022. - № 4. - S. 186-190.

[9] Methodological letter "On the features of complex psychological and linguistic forensic examinations of information materials related to the public discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation" (approved by ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол от 17.06.2022 N 2) https://legalacts.ru/doc/metodicheskoe-pismo-ob-osobennostjakh-kompleksnykh-psikhologo-lingvisticheskikh-sudebnykh-ekspertiz-informatsionnykh/.

[10] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation/rev. ed. A.I. Rarog. 14th ed., Revised and add. M., 2023 P. 787.

[11] Appeal decision of the Omsk Regional Court of 27.02.2023 in case No. 22- 604/2023. Case Unique Identifier 55RS0026-01-2022-003330-62.

[12] Shipunova M.N. On the qualification of disseminating inaccurate information about the Armed Forces of the Russian Federation. Russian investigator. № 3/2024. S. 45.

[13] Osadchaya N. G. Judicial practice under articles 2073 "Public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the exercise of powers by state bodies of the Russian Federation" and 2803

of the Criminal Code of the Russian Federation "Public actions aimed at discrediting the use of the armed forces of the Russian Federation": problems of qualification and delimitation of compositions // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes Simferopol, 2023. S. 569.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-44-49

НАССЕР Надежда Хадеровна,
Магистрант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия,
e-mail: vishenkakek23@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется проблематика международно-правовой ответственности государств в сфере химической безопасности в условиях политизации данного института. Актуальность работы обусловлена кризисом диалога государств и деятельностью Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), а также рисками повторения сценария геополитической эксплуатации существующих пробелов в праве, наблюдаемых в ходе сирийского и российско-украинского конфликтов. В работе критически анализируются коллизии норм международного права (Устав ООН) и «мягкого права» (Резолюция ОЗХО от 2018 г.) в части установления виновных в применении химического оружия, а также практика западных государств по реализации «коллективных мер» (ст. 12 КЗХО) как инструмента политического давления. На основе сравнительно-правового анализа судебной практики и позиций международных организаций обосновывается необходимость переосмысления подходов к правовой квалификации актов применения токсичных химикатов. Основным результатом исследования является разработка комплекса взаимосвязанных мер по совершенствованию механизма ответственности, включая имплементацию научных дефиниций на уровень «мягкого права» ООН, внесение конкретизирующих поправок в КЗХО и корректировку мандата ОЗХО с приоритетом роли Совета Безопасности ООН.*

Ключевые слова: *химическое оружие, международно-правовая ответственность, КЗХО, ОЗХО, политизация, химический терроризм, военные преступления, Совет Безопасности ООН, международное право.*

NASSER Nadezhda Khaderovna,
Master's Student Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE INSTITUTION OF RESPONSIBILITY FOR THE USE OF CHEMICAL WEAPONS: MODERN CHALLENGES AND WAYS OF IMPROVEMENT

Annotation. *The article examines the problems of international legal responsibility of states in the field of chemical security in the context of the politicization of this institution. The relevance of the work is due to the crisis of dialogue between states and the activities of the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW), as well as the risks of repeating the scenario of geopolitical exploitation of existing gaps in law observed during the Syrian and Russian-Ukrainian conflicts. The paper critically analyzes the conflicts between the norms of international law (the UN Charter) and "soft law" (the OPCW Resolution of 2018) regarding the identification of those responsible for the use of chemical weapons, as well as the practice of Western states in implementing "collective measures" (Article XII of the CWC) as a tool of political pressure. Based on a comparative legal analysis of judicial practice and the positions of international organizations the*

need to rethink approaches to the legal qualification of acts of using toxic chemicals is substantiated. The main result of the study is the development of a set of interrelated measures to improve the mechanism of responsibility, including the implementation of scientific definitions at the level of UN "soft law", the introduction of clarifying amendments to the CWC, and the adjustment of the OPCW mandate with priority given to the role of the UN Security Council.

Key words: *chemical weapons, international legal responsibility, CWC, OPCW, politicization, chemical terrorism, war crimes, UN Security Council, international law.*

Введение

Институт международно-правового регулирования запрещения химического оружия представляется в современных реалиях особенно актуальным и проблемным. Существующая архитектура химической безопасности содержательно универсализирована в политике нераспространения и запрета химического оружия в соответствии с Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. (далее – КЗХО). Вместе с тем, с учетом текущей геополитической напряженности, практики решения конфликтов военным путем, современных случаев применения химического оружия и химических провокаций международно-правовой режим запрещения химического оружия требует глубокого переосмысления посредством выявления всего многообразия проблемных аспектов и наиболее эффективных способов их нивелирования.

Проблематика международно-правового регулирования запрещения химического оружия выражается в политизации сферы химической безопасности в условиях отсутствия унифицированного подхода на уровне доктрины, источников и правоприменительной практики к вопросу правовой квалификации форм применения химического оружия и механизма ответственности. Это влечет фривольное толкование химических провокаций в качестве casus belli государствами западного блока, кризис диалога государств и деятельности ОЗХО [8, с. 46]. Научный дискурс по данному вопросу акцентирует внимание на правовой проблематике противодействия соответствующим преступлениям [1, с. 557-559], геополитической подоплеке института ответственности [9, с. 18-19] и необходимости исследования деструктивных правовых последствий политизации [7, с. 15-22].

Материалы и методы

В целях выработки наиболее оптимальных способов разрешения обозначенной проблематики необходимо критически проанализировать ее сущностное многообразие. Методологическая основа исследования базируется на комплексе общенаучных и специально-юридических методов.

Прежде всего, используется диалектический метод, позволяющий рассмотреть проблематику международно-правовой ответственности в динамике и взаимосвязи с геополитическими процессами. Применение формально-юридического метода необходимо для анализа содержания ст. 12 КЗХО, Резолюции Конференции государств-участников КЗХО от 27 июня 2018 г. и их соотношения с гл. VII Устава ООН. Метод сравнительно-правового анализа применяется для сопоставления подходов международных организаций к вопросам химической безопасности и юрисдикции различных судебных органов. Историко-правовой метод используется для исследования прецедентов применения и расследования химических инцидентов в Сирии и Ираке. Также задействован метод системного анализа для формирования комплекса взаимосвязанных рекомендаций по совершенствованию механизма ответственности.

Результаты и обсуждения

Во-первых, вопросы правовой квалификации актов применения химического оружия, ответственности в связи с таковыми раскрыты в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. (далее – КЗХО) поверхностно, несмотря на наличие специальной статьи 12 «Меры по исправлению положения и обеспечению соблюдения, включая санкции». Конвенцией предусмотрено полномочие Исполнительного совета ОЗХО вырабатывать рекомендации и предписания по прекращению нарушений, возможность по представлению данного органа ограничения прав и привилегий участников Конвенции в ответ на нарушения с их стороны на основании решения Конференции стран участниц. Кроме того, при наличии существенного ущерба актом в нарушение КЗХО Конференция рекомендует участникам применить коллективные меры ответственности, не конкретизируя их возможное содержание и пределы, соотношение с санкционным потенциалом СБ ООН. И только в особо исключительных и серьезных случаях предусматривается обращение Конференции за помощью к органам ООН, то есть регулятивный потенциал ООН рассматривается как факультативный и аддитивный несмотря на статус химического оружия как оружия массового поражения.

Сирийский конфликт показателен в плане демонстрации практики и рисков политизации. Так, по итогам международного расследования множественных опровергнутых и частично доказанных случаев применения токсичных химикатов в ходе сирийской гражданской войны стала очевидна несостоятельность и ангажированность механизмов реагирования и расследования ОЗХО, отсутствие с ее стороны адекватной реакции на политизацию химических инцидентов в Сирии в интересах стран запада. В частности, ОЗХО не провела должного расследования по факту обращения сирийского правительства в связи с первым химическим инцидентом в Алеппо 19.03.2013 г., и только в апреле 2014 г. с учетом последующих случаев применения химического оружия была создана Миссия по установлению фактов использования химического оружия в Сирии. В 2015 г. был сформирован институционально, но не содержательно более объективный формат – Совместный механизм ООН и ОЗХО по расследованию химических атак в Сирии (СМР) - во всех своих 7 докладах на основании вероятностных суждений, расплывчатых формулировок и доказательствах в виде свидетельских показаний и видеоматериалов установивших вину сирийского правительства и по сути квалифицировавших все акты применения химического оружия на 2015 г. как военные преступления САР в корреляции с западной риторикой и без учета возможности квалифицировать отдельные случаи применения токсических веществ как акты химического терроризма. Позднее В.А. Небензя, знаменуя общую критическую позицию России и Китая как членов СБ ООН по отношению к выводам СМР, назовет данный формат расследования «мертвым» в виду обозначенных пороков доказательной логики. Закономерен вывод о том, что базирующейся на содержании исследований Миссии ОЗХО формат СМР отличился изначальным пороком содержания в виду низкой эффективности деятельности ОЗХО и относительно объективной формой, выразившейся в полноправном участии России и Китая в данном формате с учетом его реализации на площадке ООН, что также подтверждается исторической важностью реализации этими государствами 29 августа 2013 г. права вето на резолюцию западных стран в СБ ООН, подразумевающую по сути военную интервенцию в Сирию «во имя мира», а также на резолюции по поводу введения санкций СБ ООН против Сирийской Арабской Республики (далее – САР) [7, с. 230-233]. Однако «химический казус белли» (Supotnitsky M.V., 2023) в обход полномочий Совета Безопасности ООН и с опорой на упомянутую ст. 12 все-таки был использован западными государствами после химического инцидента в Идлибе 4 февраля 2018 г.: в апреле 2018 г., ссылаясь на факт нарушения сирийским правительством КЗХО и угрозу национальным интересам США, Великобритания и Франция нанесли ракетные удары по военным объектам в Сирии, что очевидно противоречило принципам мирного урегулирования споров и неприменения силы, закрепленным в Уставе ООН, Заключительном акте СБСЕ 1975 г., Декларации ООН о принципах международного права 1970 г.

В этой связи, анализ случаев расследования на международно-правовом уровне предполагаемого применения химического оружия в ходе Гражданской войны в Сирии позволяет установить деструктивную причинно-следственную связь между поверхностным раскрытием форм и процедур механизма международно-правовой ответственности государств в ст. 12 КЗХО и, как следствие, неэффективным и ангажированным опытом расследования ОЗХО данных случаев, а также противоречащей нормам и принципам международного права практикой реализации ответственности Сирийской Арабской Республики.

Наряду с обозначенным пробелом нормативного регулирования в ст. 12 КЗХО, проблематику международно-правового режима запрещения химического оружия углубляет и коллизия между нормами международного права (гл. VII Устава ООН, п. 3 ст. 12 КЗХО) и нормами «мягкого права» (Резолюция Конференции государств-участников КЗХО от 27.07.2018 г.), которая существенно осложняет практику реализации института международно-правовой ответственности. Резолюция Конференции государств-участников КЗХО от 27 июня 2018 г., наделяющая ОЗХО мандатом установления виновных в применении химического оружия, п.3 ст. 12 КЗХО в части возможности применение коллективных мер (санкций) в ответ на нарушения в корреляции исключительным и прерогативным правом СБ ООН вводить санкций по случаю серьезных нарушений норм международного права на основании гл. 7 Устава ООН являют собой наложение иерархических и темпоральных коллизий: более новые, но иерархически слабые нормы упомянутой Резолюции, ст. 12 КЗХО прямо противоречат старым, но иерархически сильным нормам Устава ООН. Ранее проанализированный провальный опыт СМР как совместного формата ОЗХО и ООН, пагубного влияния односторонних ограничительных мер государств в связи с применением химического оружия в Сирии, а также применение силы западными странами в ответ на химические инциденты в Сирии с использованием широкий формулировки «коллективных мер» в КЗХО ярко доказывают последствия обозначенного пробела и выявленной коллизии.

Что же касается российско-украинского конфликта, то в этой связи стоит отметить, с уче-

том обозначенного геополитического фона расследования, правовой квалификации применения химического оружия и попыток реализовать ответственность сирийского правительства, важно рассматривать опыт деятельности ОЗХО и западных государств в период сирийского конфликта как потенциально реализуемый в ближайшей перспективе уже в рамках российского-украинского конфликта. Доказывает эту мысль позиция Постоянного представителя РФ при ОЗХО, Владимира Тарабрина, заявившего 15.07.2024 г. о возможной химической провокации со стороны западных государств и последующих попыток ограничить Россию в суверенных правах на манер того, как это было ранее реализовано в отношении САР.

В то же время существуют и позитивная практика, и рекомендательно-декларативное нормотворчество государств последних лет, направленные на выстраивание справедливой архитектуры химической безопасности и международно-правового режима запрещения химического оружия: в Заявлении членов ОДКБ от 11.12.2022 г. обозначена критика вольной интерпретации КЗХО. Аналогичная позиция отражена в Йоханнесбургской декларации БРИКС (23.08.2023) и Нью-Делийской декларации ШОС (04.07.2023). В рамках ЕС сохраняется приверженность подходу Стратегии от 12.12.2003 г. без акцента на рисках политизации.

Анализ международное судебной практики показывает, что история знает несколько случаев привлечения к ответственности в связи с применением химического оружия: квалификация Нюрнбергским трибуналом применения газа «Циклон-Б», попытки инкриминировать действия США во Вьетнаме, позиция Международного Суда ООН о недопустимости применения химоружия, выраженная в Консультативном заключении Международного Суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения N A/51/218, 19 июля 1996 г.

Показательно абстрагирование практики Международного уголовного суда в отношении вопросов привлечения к ответственности за акты применения токсичных химикатов, игнорирование проблематики актов химического терроризма. Римский статут, включая в компетенцию МУС разрешение дел по военным преступлениям, не предусматривает механизм эффективного противодействия актам применения химического оружия.

В этой связи важно отметить возможность рассмотрения в качестве более справедливой альтернативы бездействующему МУС национальные судебные механизмы ответственности за акты применения химического оружия. Так, в обособлении от геополитической подоплеки предыстории создания и функционирования Высшего Иракского трибунала нельзя не отметить важный прецедент квалификации применения химического оружия Ираком в Иракском Курдистане в 1998 г. (Операция «Аль-Анфаль», в частности атака в Халабдже) как военного преступления и привлечения к ответственности Хусейна Али Хасан аль-Маджида, непосредственно отдававшего преступные приказы против гражданского курдского населения, а также квалификацию как акта химического терроризма распыления зарина членами секты «Аум Синрикё» в токийском метро в 1995 г., вынесение в отношении террористов, соучастников и лидера секты смертного приговора [1, с. 558].

Идеи в поддержку развития национальной судебной системы в связи с разрешением военных преступлений в форме применения химического оружия находит отражение в Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ № 41-18 от 28.11.2014 г. «О Рекомендациях по имплементации Конвенции 1993 года о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении в национальном законодательстве государств - участников СНГ», подразумевающей развитие национального уголовного законодательства стран СНГ в части криминализации актов применения химического оружия, включая вопросы их юридического состава, соучастия и применением принципа экстерриториальности при установлении юрисдикции. Подтверждают состоятельность такого более застрахованного от политизации подхода и доктринальные идеи о возможности применения ст. 355 УК РФ «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения» на уровне российской уголовной юстиции в контексте применения химического оружия украинскими военными [4, с. 53-54].

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер по нивелированию проблематики.

Во-первых, в целях превенции рисков политизации и геополитической эксплуатации института международно-правовой ответственности предлагается классифицировать акты применения химического оружия на военные преступления (объективная сторона: факты производства, накопления, сохранения, применения химического оружия, приготовления к его военному использованию и соучастие в данных действия; субъект и субъективная сторона: преступные приказы представителей государства, действия должностных лиц, а также стихийных формирования, бунтов, революционных масс и восстаний в условия неосмотрительности правящей власти) и преступления международного характера – химический терроризм (применение токсичных хи-

микатов террористами). Предлагается в качестве оптимального и жизнеспособного варианта внедрить данные категории на уровень мягкого права (доклад Комиссии ООН по разоружению либо соответствующая Резолюция ГА ООН или проект статей Комиссии международного права ООН с возможным названием «Международно-противоправные деяния с использованием токсичных химикатов»). Предлагаемые дефиниции содержательно базируется на общих нормах и ценностях КЗХО, а также подходе Комиссии международного права ООН, обозначенном в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния от 2001 г. Продвижение инициативы по заключению Конвенции против химического терроризма, что предлагалось Россией, также считается целесообразным.

Во-вторых, внесение конкретизирующих правок в п. 3 ст. 12 КЗХО. Необходима текстуальная конкретизация недопустимость применения силы как коллективной меры в условиях доказанности практикой отсутствия аксиологического напутствия во фразе «в соответствии с международным правом». Также ст. 12 КЗХО необходимо дополнить пунктом о возможности разрешения вопросов ответственности на уровне национальной юрисдикции, что минимизирует политические риски.

В-третьих, корректировка мандата ОЗХО с точки зрения сужения полномочий ОЗХО предлагать обвиняемых на утверждение СБ ООН при условии проведения совместных расследований ОЗХО и ООН во всех случаях, а не только исключительных с учетом действующей редакции ст. 12 КЗХО.

Обсуждение. Дискуссионным остается вопрос о механизме имплементации предложенных дефиниций в национальное законодательство государств. Требует дополнительной проработки и механизм взаимодействия ОЗХО и СБ ООН в части совместных расследований, учитывая опыт СМР, который показал, что даже институциональное присутствие ООН не гарантирует объективности, если содержание расследования изначально ангажировано. Вместе с тем, как верно отмечает М.В. Супотницкий, именно формат с участием России и Китая в СБ ООН позволил предотвратить военную интервенцию в 2013 году, что доказывает необходимость институциональной интеграции ООН и ОЗХО на постоянной основе.

Заключение

Таким образом, комплексный анализ проблематики института международно-правового обеспечения запрещения химического оружия доказывает реальный деструктивный эффект политизации. Предложенные методы – научная проработка и имплементация на уровне «мягкого права» вопросов правовой квалификации, внесение поправок в КЗХО, специальное конвенциональное нормотворчество в части криминализации химического терроризма, а также корректировка мандата ОЗХО путем интеграции механизмов сотрудничества с СБ ООН – в совокупности восполняют пробелы КЗХО, нивелируют риски политизации и геополитического манипулирования, обеспечивая надежду на справедливую, устойчивую к политическим рискам архитектуру химической безопасности.

Список литературы:

[1] Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 3., с. 541-563.

[2] Жуков, И. Н. Историко-правовой анализ становления права международной безопасности как отрасли международного права / И. Н. Жуков // Право и правосудие в современном мире : Сборник научных статей молодых исследователей, Санкт-Петербург, 29–30 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2024. – С. 227-232. – EDN NFVAPZ.

[3] Лысенко, М. Н. К вопросу о правомерности применения военной силы иностранными государствами (на примере Сирии) / М. Н. Лысенко // Московский журнал международного права. – 2018. – № 3. – С. 65-71. – DOI 10.24833/0869-0049-2018-3-65-71. – EDN YQCTWP.

[4] Модестов, С. А. Политико- правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции / С. А. Модестов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2022. – № 2. – С. 52-59. – EDN ENVWPN.

[5] Моисеев, Д. А. Химическое оружие в вооружённых конфликтах и последствия его применения / Д. А. Моисеев, В. Т. Сибагатуллин, Ю. Л. Попов // Научный аспект. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 2239-2247. – EDN OVZZZO.

[6] Пунжин, С. М. Требования к имплементационному законодательству в Конвенции о запрещении химического оружия и их реализация на практике / С. М. Пунжин // Московский журнал международного права. – 1996. – № 4. – С. 28-45. – DOI 10.24833/0869-0049-1996-4-28-45. – EDN SJVBOM.

[7] Пунжин, С. М. Химическое оружие и международное право: Монография / С. М. Пунжин. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-466-00410-6. – EDN RYRQWN.

[8] Супотницкий М.В., Химическое оружие на Ближнем Востоке. – М.: Издательство «Наше завтра», 2023., 451 с.

[9] Толстопятенко Г.П., Малиновский А.А.,

Агеев С.С. Правовые основы санкционной политики Великобритании // Сравнительная политика. 2022. № 1-2., с. 12-24.

[10] Фатеенков, В. Н. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении: история подписания, основные положения / В. Н. Фатеенков // Вестник войск РХБ защиты. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 104-115. – DOI 10.35825/2587-5728-2020-4-1-104-115. – EDN MRLPBV.

References:

[1] Abashidze A.Kh., Malichenko V.S. Features of regulation of circulation of dual-use biotechnologies under international and national law // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2023. No. 3., p. 541-563.

[2] Zhukov, I. N. Historical and legal analysis of the formation of international security law as a branch of international law/I. N. Zhukov // Law and justice in the modern world: Collection of scientific articles by young researchers, St. Petersburg, March 29-30, 2024. - St. Petersburg: LLC Center for Scientific and Information Technologies Asterion, 2024. - S. 227-232. – EDN NFVAPZ.

[3] Lysenko, M.N. To the question of the legality of the use of military force by foreign states (on the example of Syria)/M.N. Lysenko // Moscow Journal of International Law. – 2018. – № 3. - S. 65-71. – DOI 10.24833/0869-0049-2018-3-65-71. – EDN YQCTWP.

[4] Modestov, S. A. Political and legal aspects of the fight against terrorism in the framework of a special military operation/S. A. Modestov // International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law. – 2022. – № 2. - S. 52-59. – EDN ENVWPN.

[5] Moiseev, D. A. Chemical weapons in armed conflicts and the consequences of their use/ D. A. Moiseev, V. T. Sibagatullin, Yu. L. Popov // Scientific aspect. – 2024. - T. 18, NO. 1. - S. 2239-2247. – EDN OVZZZO.

[6] Punzhin, S. M. Requirements for implementation legislation in the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons and their implementation in practice/S. M. Punzhin // Moscow Journal of International Law. – 1996. – № 4. - S. 28-45. – DOI 10.24833/0869-0049-1996-4-28-45. – EDN SJVBOM.

[7] Punzhin, S. M. Chemical Weapons and International Law: Monograph/S. M. Punzhin. - Moscow: Volters Kluver, 2009. - 432 p. - ISBN 978-5-466-00410-6. – EDN RYRQWN.

[8] Supotnitsky M.V., Chemical Weapons in the Middle East. - M.: Publishing house "Our Tomorrow," 2023., 451 p.

[9] Tolstopyatenko G.P., Malinovsky A.A., Ageev S.S. Legal foundations of the UK sanctions policy // Comparative policy. 2022. No. 1-2., p. 12-24.

[10] Fateenkov, V. N. Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction: History of Signing, Main Provisions/ V. N. Fateenkov // Bulletin of the RCB Protection Troops. – 2020. - T. 4, NO. 2. - S. 104-115. – DOI 10.35825/2587-5728-2020-4-1-104-115. – EDN MRLPBV.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-50-55

БРИК Анна Дмитриевна,
Кандидат юридических наук, доцент, Кафедра иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», п. Персиановский, Российская Федерация,
e-mail: brickad@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические аспекты правового регулирования института муниципального имущества в Российской Федерации. Автором обосновывается комплексная межотраслевая природа данного института, формирующегося на стыке конституционного, гражданского, земельного, жилищного, водного и иных отраслей права. В работе анализируются конституционные основы муниципальной собственности, гражданско-правовое регулирование отношений управления муниципальным имуществом, а также нормы отраслевого законодательства, участвующие в регулировании соответствующих правоотношений. Особое внимание уделяется проблеме идентификации и учёта бесхозяйного имущества как одному из приоритетных направлений повышения эффективности правового регулирования. По итогам исследования автором сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на систематизацию правовых норм, устранение пробелов в регулировании имущественных отношений на местном уровне и вовлечение бесхозяйных объектов в хозяйственный оборот. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления, в правоприменительной практике и в образовательном процессе.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, правовое регулирование, имущество, полномочия, распределение, муниципальное образование, собственность.*

BRIK Anna Dmitrievna,
Candidate of Law, Associate Professor Department of Foreign Languages and Social Sciences and Humanities Don State Agrarian University, Persianovsky, Russian Federation

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION OF MUNICIPAL PROPERTY

Annotation. *This article examines the theoretical and practical aspects of legal regulation of municipal property in the Russian Federation. The author substantiates the complex interdisciplinary nature of this institution, which is formed at the intersection of constitutional, civil, land, housing, water, and other branches of law. The paper analyzes the constitutional foundations of municipal property, the civil regulation of municipal property management relations, and the provisions of sectoral legislation involved in regulating the relevant legal relations. Particular attention is given to the problem of identifying and recording ownerless property as one of the priority areas for improving the effectiveness of legal regulation. Based on the results of the study, the author has formulated proposals for improving legislation aimed at systematizing legal norms, eliminating gaps in the regulation of property relations at the local level, and integrating ownerless assets into economic circulation. The practical significance of this work lies in the potential use of the findings in local government rulemaking, law enforcement, and educational processes.*

Key words: *local government, legal regulation, property, powers, distribution, municipal formation, ownership.*

Введение

Эффективность правового регулирования института муниципального имущества является одним из ключевых факторов устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований в Российской Федерации. В данном контексте особое значение приобретает оптимизация механизмов управления муниципальной собственностью, которая составляет материальную основу для решения вопросов местного значения.

Конституция РФ закрепляет самостоятельность местного самоуправления, признавая муниципальную собственность в качестве одной из равноправных форм собственности. Вместе с тем, внегосударственный статус органов местного самоуправления при их одновременной встроенности в систему публичной власти порождает объективные противоречия, связанные с распределением финансовых и имущественных ресурсов между уровнями бюджетной системы, разграничением полномочий и ответственности. Эти обстоятельства актуализируют необходимость научного осмысления проблем правового регулирования муниципального имущества и выработки практических рекомендаций по повышению его эффективности, особенно с учётом изменений в бюджетном, налоговом и гражданском законодательстве.

Материалы и методы

Информационная основа статьи сформирована законодательными и нормативными правовыми актами РФ, регулирующими правоотношния в сфере местного самоуправления (в т. ч. его экономическую деятельность), результаты научных исследований, посвящённые указанной проблематике. Использование автором таких методов научного познания, как анализ, синтез, дедукция, компаративистика обеспечивает высокий уровень достоверности итоговых результатов и выводов.

Результаты и обсуждение

Правовое регулирование экономической деятельности местного самоуправления находится в поле зрения российских учёных. В научных трудах Беликова В. И., Павлова Н. В., Очаковского В. А. [1], Джагарян А.А. [2], Каракотова Р. М. [3], Фисенко Е. Е. [4] раскрываются различные аспекты правоотношений в сферах муниципального бюджетного процесса, налогообложения, управления муниципальным долгом. Конституционно-правовое регулирование экономических основ местного самоуправления анализируют Ревунов Р. В. [5], Саблин Д. А., Михайлова М. А. [6], Суходольский Г. М. [7]. Исследователи Анопченко Т. Ю., Брик А. Д., Екешин Н. В. [8] рассматривают влияние правотворческой деятельности региональных, местных органов управления на результаты социально-экономического развития.

Признавая вклад уважаемых коллег в исследование различных аспектов правоотношений в сфере местного самоуправления, необходимо отметить, что вопросы повышения эффективности правового регулирования института муниципального имущества требуют дополнительной научной интерпретации.

Согласно Конституции РФ [9], в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Имущество может находиться в собственности граждан, юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. С учётом вышеизложенного, мы можем трактовать муниципальное имущество как имущественный комплекс муниципального образования, включающий в себя недвижимое имущество (в т. ч. земельные участки, здания, строения, и т. п.), движимое имущество, нематериальные активы. Указанные объекты находятся в муниципальной собственности, распоряжение муниципальной собственностью от имени муниципального образования осуществляют органы местного самоуправления пределах своей компетенции.

Институт муниципального имущества, являясь ключевым элементом муниципального права, отличается комплексной природой. Эта сложность обусловлена многообразием субъектно-объектных связей, возникающих в ходе реализации органами местного самоуправления собственных полномочий, а также переданных им государственных функций. Как отмечают исследователи, данная комплексность проявляется в следующих основных аспектах:

синтезе норм разных отраслей права, регулирующих весь спектр отношений по решению местных вопросов;

закреплении этих норм на федеральном, региональном и местном уровнях управления;

принадлежности этих норм одновременно к муниципальному, конституционному, гражданскому, земельному и иным отраслям права;

наличии сугубо муниципальных норм (например, определяющих статус субъектов имущественных прав внутригородских образований).

Специфика института также задается его целевой направленностью, а именно созданием и поддержанием ресурсной базы, необходимой для устойчивого социально-экономического роста территорий и эффективной работы местной власти. С учётом указанных обстоятельств, вектор правовой эволюция института муниципальной собственности, в целом, муниципального имущества, в частности в период после принятия Конституции РФ в1993 г. направлен на синергию правовых норм различных публичных и част-

ных отраслей права РФ. Реализуемый законодателем подход, основывающийся на регуляции муниципальных публично-правовых, общественно-экономических отношений посредством норм публичных отраслей права, с учётом частно-отраслевого правого регулирования правоотношений, возникающих в процессе деятельности публичных органов власти муниципалитетов, муниципальных предприятий, учреждений и. п. позволил сформировать правовую регуляторную конструкцию, в условиях которой у муниципалитетов имеется широкий диапазон возможностей организации эффективного управления собственным имущественным комплексом.

Принимая во внимание тот факт, что правовой институт муниципального имущества сформирован нормами различных отраслей права, в первую очередь необходимо рассмотреть нормы публичных отраслей, а именно конституционного права. Подобный подход обусловлен характером общественных отношений местного самоуправления, подразумевающим в том числе непосредственное участие граждан в решении вопросов местного значения.

Вследствие отмеченной нами выше комплексности правового института муниципального имущества, его практическая реализация осуществляется нормами как публичного, так и частных отраслей права. На основании вышеизложенного, в таблице 1 представлены конституционные основы правого института муниципального имущества.

Таблица 1 - Конституционные основы правого института муниципального имущества

Конституционная норма	Сущность
Статья 8, пункт 2	Равенство частной, государственной, муниципальной и иной форм собственности
Статья 9, пункт 1	Особый правовой режим использования земли и других природных ресурсов
Статья 36, пункт 2	
Статья 130	Гарантия экономической самостоятельности местного самоуправления, в т. ч. в части управления муниципальной собственностью (имуществом)
Статья 132	

Таблица составлена автором.

Рассмотренные нами в таблице 1 конституционные основы правого института муниципального имущества находят отражение в российском гражданском законодательстве, осуществляющем правовое регулирование в том числе отношений, возникающих при управлении имуществом муниципалитетов. В таблице 2 представлена авторская интерпретация гражданско-правовое регулирование отношений управления муниципальным имуществом, установленное Гражданским кодексом РФ [10].

Таблица 2 - Гражданско-правовое регулирование отношений управления муниципальным имуществом

Наименование источника регулирования	Сущность
Раздел II «Право собственности и другие вещные права»	определены основы правового регулирования муниципального имущества, порядок его образования, владения, пользования и распоряжения
часть 1 ст. 215	установлено понятие муниципальной собственности (объекта муниципальной собственности) как имущества, принадлежащего на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям
часть 2 ст. 215,	установлены субъекты реализации права муниципальной собственности
часть 3 ст. 125	
ч. 3 ст. 215	установлены основы правового статуса муниципального имущества, которое может закрепляться за муниципальными предприятиями и учреждениями во владение, пользование и распоряжение, либо не закрепляться за ними и составлять муниципальную каз-

	ну соответствующего городского, сельского поселения или другого муниципального образования
Статья 217	Установлено правовое регулирование процедур приватизации муниципального имущества
Статья 113	Установлено правовое регулирование деятельности муниципальных унитарных предприятий (МУП), в частности закреплено, что имущество МУП находится в муниципальной собственности и принадлежит такому предприятию на праве хозяйственного ведения или оперативного управления
Статья 120	Установлено правовое регулирование деятельности муниципальных учреждений

Таблица составлена автором.

Различные аспекты деятельности по управлению муниципальным имуществом регламентированы профильными законодательными актами. Федеральный закон об унитарных предприятиях [11] указывает, что имущество МУП, являющееся по своей правовой природе разновидностью муниципального имущества, может формироваться за счёт следующих источников:

имущества, закрепленного за унитарным предприятием на праве хозяйственного ведения или на праве оперативного управления собственником этого имущества;

доходов унитарного предприятия от его деятельности;

иных не противоречащих законодательству источников [11].

По мнению автора, среди приоритетов нормотворческой деятельности по совершенствованию правового института муниципального имущества необходимо выделить более чёткую фиксацию процедур идентификации различных видов бесхозяйного имущества, выявляемого в юрисдикции муниципалитета. С учётом тематики статьи, рассмотрим нормы отраслевого права, участвующие в регулировании правоотношений муниципального имущества (таблица 3 [12, 13]).

Таблица 3 - Основные нормы отраслевого права, участвующие в регулировании правоотношений муниципального имущества

Наименование источника регулирования	Сущность
Жилищное право	Жилищный кодекс РФ, статья 4
Устанавливает, что участниками жилищных отношений являются граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования; регулирует отношения по поводу возникновения, осуществления, изменения, прекращения права владения, пользования, распоряжения жилыми помещениями государственного и муниципального жилищных фондов	Земельное право
Земельный кодекс РФ, статья 19, глава VI-VIII	Закрепляет право муниципальных образований на земельные участки; регламентирует вопросы передачи земельных участков в аренду, пользования; куплю-продажу муниципальных земельных участков и др.
Экологическое право	Водный кодекс РФ, статьи 7, 27, Глава 3
Регулирует владение, пользование, распоряжение муниципальными водными объектами; установление ставок платы за пользование такими водными объектами, порядка расчета и взимания этой платы; установление правил использования водных объектов общего пользования, расположенных на территории муниципального округа или городского округа, для личных и бытовых нужд, включая обеспечение свободного до-	

ступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам и др.	

Таблица составлена автором.

С учётом вышеизложенного, отметим, что муниципальное имущество представляет собой комплексный правовой институт, сформированный конституционными, отраслевыми источниками права. Муниципальное имущество является одним из важнейших элементов экономической основы местного самоуправления. Законодатель предоставляет муниципальным образованиям РФ обширный диапазон правовых возможностей по организации эффективного управления муниципальным имуществом.

Заключение

Институт муниципального имущества в Российской Федерации представляет собой комплексное межотраслевое правовое образование, которое формируется на стыке конституционного, гражданского, земельного, жилищного, водного и иных отраслей права. Его правовая природа обусловлена необходимостью сочетания публичных и частных начал в регулировании имущественных отношений, возникающих в процессе решения вопросов местного значения.

Проведённый автором анализ конституционных и отраслевых норм позволяет констатировать, что действующее законодательство создаёт достаточную правовую базу для реализации муниципальными образованиями полномочий по владению, пользованию и распоряжению муниципальным имуществом. Вместе с тем, одним из перспективных направлений повышения эффективности правового регулирования является совершенствование процедур выявления и учёта бесхозяйного имущества, что позволит более полно использовать ресурсный потенциал муниципалитетов и повысить качество управления муниципальной собственностью.

Таким образом, для дальнейшего развития института муниципального имущества целесообразна систематизация правовых норм, усиление контроля за их реализацией и устранение пробелов в регулировании имущественных отношений на местном уровне, особенно в части идентификации и вовлечения в хозяйственный оборот бесхозяйных объектов.

Список литературы:

[1] Беликов В. И. К вопросу о правовом регулировании процесса становления и развития экономической основы местного самоуправления в городах федерального значения (на примере города Москвы и Санкт-Петербурга) / Беликов В. И., Павлов Н. В., Очаковский В. А. // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 8 (35). С. 415-419.

[2] Джагарян А. А. Местный бюджет в российском праве: конституционные аспекты институционализации / Джагарян А.А. // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 2-2. С. 274-280.

[3] Каракотов Р. М. Правовое регулирование экономических основ местного самоуправления / Каракотов Р. М. // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 337-341.

[4] Фисенко Е. Е. Финансово-экономическая основа местного самоуправления в РФ / Фисенко Е. Е. // Вопросы гуманитарных наук. - 2018. - № 6 (99). - С. 20-24.

[5] Ревунов Р. В. Конституционно-правовые основы экономики местного самоуправления / В сборнике: Актуальные проблемы публичного права: эволюция, современные тенденции и зарубежный опыт. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2025. С. 180-183.

[6] Саблин Д. А., Михайлова М. А. Конституционно-правовые основы осуществления местного самоуправления в РФ / Саблин Д. А., Михайлова М. А. // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 7-1. С. 20-25.

[7] Суходольский Г. М. Конституционно-правовые основы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: опыт системного исследования / Суходольский Г. М. // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 3 (28). С. 20-30.

[8] Анопченко Т. Ю. Концептуальные аспекты взаимодействия государства и бизнеса в современной экономике / Анопченко Т. Ю., Брик А. Д., Екешин Н. В. // Экономические науки. 2025. № 247. С. 13-18. DOI: 10.14451/1.247.13.

[9] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ.

[11] Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (последняя редакция) от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ.

[12] Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ.

[13] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ.

References:

[1] Belikov V.I. On the issue of legal regulation

of the process of formation and development of the economic basis of local self-government in cities of federal significance (on the example of the city of Moscow and St. Petersburg)/Belikov V.I., Pavlov N.V., Ochakovsky V.A. // Alley of science. 2019. VOL. 1. № 8 (35). S. 415-419.

[2] Dzhagaryan A. A. Local budget in Russian law: constitutional aspects of institutionalization/ Dzhagaryan A. A. // Terra Economicus. 2010. VOL. 8. № 2-2. S. 274-280.

[3] Karakotov R. M. Legal regulation of the economic foundations of local self-government/ Karakotov R. M. // Social and humanitarian knowledge. 2018. № 12. S. 337-341.

[4] E. E. Fisenko. Financial and economic basis of local self-government in the Russian Federation/ E. E. Fisenko // Issues of the humanities. - 2018. - № 6 (99). - S. 20-24.

[5] Revunov R.V. Constitutional and legal foundations of the economy of local self-government/ In the collection: Actual problems of public law: evolution, modern trends and foreign experience. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of faculty, graduate students and students. Simferopol, 2025. S. 180-183.

[6] Sablin D.A., Mikhailova M.A. Constitutional and legal basis for the implementation of local self-government in the Russian Federation/Sablin D.A., Mikhailova M.A. // Issues of Russian and international law. 2020. T. 10. № 7-1. S. 20-25.

[7] Sukhodolsky G. M. Constitutional and legal foundations of interaction between state power and local self-government in the Russian Federation: experience in system research/Sukhodolsky G. M. // Municipality: economics and management. 2019. № 3 (28). S. 20-30.

[8] Anopchenko T. Yu. Conceptual aspects of interaction between the state and business in the modern economy/Anopchenko T. Yu., Brik A.D., Ekeshin N.V. // Economic Sciences. 2025. № 247. S. 13-18. DOI: 10.14451/1.247.13.

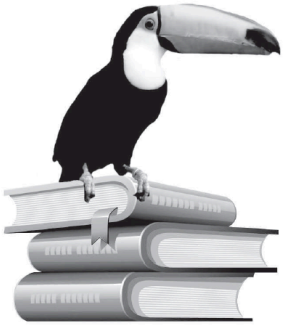
[9] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote in 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[10] Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation), No. 30.11.1994 dated 51-FZ.

[11] Federal Law "On State and Municipal Unitary Enterprises" (latest edition) No. 161-FZ dated 14.11.2002.

[12] Water Code of the Russian Federation No. 74-FZ dated 03.06.2006.

[13] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated 25.10.2001.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-56-62

СОЛОДОВ Владислав Викторович,
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет „Синергия“»., Москва, Россия,
e-mail: vsolodov25@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В данной статье исследуются перспективы цифровой трансформации системы государственных закупок, а также проблемные вопросы внедрения в систему государственных закупок технологий искусственного интеллекта (далее по тексту ИИ). Проведен анализ организационных, технологических и правовых аспектов применения в закупочной деятельности ИИ. Делается вывод, что для перехода от реактивного контроля к предиктивному управлению закупками необходимо комплексное решение кадровых, правовых и технологических задач. Обозначены рекомендации для заказчиков, регуляторов и законодателя по обеспечению прозрачности алгоритмов, регулированию ответственности по произведенным решениям ИИ и формированию единого цифрового контура.*

Целью исследования является проведения анализа перспектив цифровизации и применения технологий ИИ в сфере государственных закупок.

Предметом исследования выступают организационные и правовые проблемы, связанные с цифровизацией и внедрением технологий ИИ в сферу закупок.

Объектом исследования выступает система государственных закупок в условиях цифровизации.

Ключевые слова: *государственные закупки, искусственный интеллект, цифровизация.*

SOLODOV Vladislav,
Non-state educational private institution of higher education "Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia

PROSPECTS FOR THE DIGITALIZATION OF PUBLIC PROCUREMENT IN RUSSIA AND THE INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *This article explores the prospects for the digital transformation of the public procurement system, as well as the challenges of implementing artificial intelligence technologies in public procurement. It analyzes the organizational, technological, and legal aspects of using artificial intelligence in procurement activities. The article concludes that a comprehensive solution to personnel, legal, and technological issues is necessary to transition from reactive control to predictive procurement management. The article provides recommendations for customers, regulators, and lawmakers to ensure the transparency of algorithms, regulate the responsibility for artificial intelligence solutions, and create a unified digital framework.*

The purpose of the study is to analyze the prospects for digitalization and the use of artificial intelligence technologies in the field of public procurement.

The subject of the study is the organizational and legal issues related to digitalization and the implementation of artificial intelligence technologies in the field of procurement.

The object of the study is the system of public procurement in the context of digitalization.

Key words: *public procurement, artificial intelligence, digitalization.*

В настоящее время цифровизация распространилась практически на все сферы общественной жизни. Термин «цифровизация» был впервые применен К. Шваба в Давосе на всемирном экономическом съезде в 2016 г. говоря о том что в мире в скором времени будет 4 революция в сфере промышленности. Данная революция будет основана на возможностях ИИ, нано и биотехнологий, накопительной энергии и робототехникой.

Всемирный банк также посредством опубликования доклада «Цифровые дивиденды» в 2016 г. внес свой вклад в формирование понятия «цифровизация». В данном докладе говорилось о том, что цифровая революция несет человечеству как блага, так и определенные риски, а также дальнейшей цифровой трансформации. На национальном уровне в 2016 г. в Послании Президента РФ указывалось на необходимости развития цифровой экономики и цифровых технологий.

По мнению президента Microsoft в России Т. Боченек цифровая трансформация значительно увеличивает эффективность деятельность как отдельных организаций, так и государств в целом. Цифровая трансформация затронет в ближайшие 5 лет ¼ мировой экономики

Понятие цифровой трансформации зависит от контекста его использования и трактуется достаточно широко. Если рассматривать организацию, то здесь цифровая трансформация оказывает влияние на процессы в сфере управленческой и производственной части. В экономической части формирует между сторонами договора новые способы взаимодействия. В обществе, для решения ряда задач способствует появлению новых способов взаимодействия. Стоит отметить, что внутри данных групп понимание цифровой трансформации из-за отраслевой специфики может быть размыто.

Большинство ученых процесс трансформации рассматривают в качестве деятельности по перестраиванию, посредством введения цифровых технологий, устоявшихся экономических и социальных институтов.

Развитие контрактной системы в нашем государстве в настоящее время сопряжено с электронизацией закупок, вследствие перехода в электронную форму всех способов определения поставщика. В качестве факторов осуществления цифровизации закупок относятся наличие трудозатрат на составление документации на бумажном носителе, необходимость присутствия при подаче заявки, наличие коррупционных рисков, связанных с манипуляциями при проведении оценки заявок, а также невозможность осуществление полного контроля за расходованием средств бюджета [7].

Коррупционные преступления в сфере государственных и муниципальных закупок представляют собой специфическую форму противоправного взаимодействия между должностными лицами и участниками закупочного процесса. Основная роль в их реализации принадлежит должностному лицу-заказчику, обладающему управленческими полномочиями, через которого коррупционный умысел влияет на весь процесс закупок, вовлекая при этом других участников.

Многообразие коррупционных схем, большие суммы взяток, значительное количество дел, открываемых в отношении случаев коррупционных действий – все это дискредитирует институты государственной власти и порождает негативную реакцию в обществе. Каждое должностное преступление коррупционной направленности находит свое отражение в общественном правосознании.

При принятии Закона № 44 –ФЗ [1] о контрактной системе обозначилась необходимость создания в сфере закупок нового информационного портала (ЕИС). В качестве преимущества ЕИС можно отметить то, что процесс осуществления закупок стал полностью автоматизирован - от размещения информационного сообщения о предстоящей процедуре до исполнения контракта. Данная система является открытой, в связи с чем посредством поискового запроса можно просматривать результаты закупок. Также посредством ЕИС можно опубликовать информацию в других информационных системах [12].

Инструментами цифровизации сферы закупок в настоящее время являются:

Электронные торговые площадки способствующие проведению аукционов в режиме он-лайн;

b2b-маркетплейсы, интернет-магазины и каталоги поставщиков, способствующие осуществлению быстрой закупки товаров, либо услуг, имеющих малую стоимость;

система S2P, данная система объединяет в себе весь закупочный процесс;

система электронного документооборота;

SRM-системы, данные системы повышает эффективность взаиморасчетов, способствуют оптимизации взаимодействия и поиску контрагентов.

Преимуществами проведения закупок в электронной форме является:

уменьшение рисков коррупционного сговора;

возможность круглосуточной подачи заявки;

наличие по отношению к действиям участников закупок автоматизированного контроля;

не сложность и открытость подачи заявки.

Тем не менее несмотря на наличие данных преимуществ имеется также и проблемные во-

просы, связанные с цифровизацией закупок в получении и для необходимости в последующем продлении цифровой подписи, необходимости аккредитации участника и отсутствие взаимодействия по передаче документов между ЕИС и электронной торговой площадки.

Основными рисками при цифровизации закупок являются:

финансовый риск, связан с потерей финансовых ресурсов при не заключении контракта;

коррупционный риск (возможен сговор между участниками закупок);

технический риск (потеря данных либо сбой прогаммы при проведении закупки);

Цифровизация в современном мире является одним из ключевых факторов для развития общества и экономики. Цифровизация способствует повышению эффективности деятельности государственных органов [8].

Если рассмотреть статистику, то за 2025 г. в ЕИС опубликовано 11 872 456 процедур, за 1 полугодье 2026 г. опубликовано 1 047 326 процедур. Заказчиками в 2025 году размещено извещений на сумму 13,6 трлн рублей. За 1 полугодье 2026 года проведено тендеров на сумму 125,2 млрд рублей.

Для полной цифровизации закупок в дальнейшем планируется сформировать взаимодействие между ЕИС с системой «Электронный бюджет» и централизованной бухгалтерией заказчиков и поставщиков. В госзакупках для увеличения уровня профессионализма поставщиков и заказчиков предусмотрено создать для муниципальных и государственных закупок базу данных потенциальных поставщиков, в том числе создать цифровую платформу, которая для привлечения и выявления необходимых исполнителей, сможет определять рейтинг поставщиков.

В сфере государственных закупок цифровизация имеет большие перспективы развития. В качестве одного из направлений можно отметить формирование специальной информационной системы осуществляющий мониторинг работоспособности ЕИС и координацию деятельности участников на электронных площадках.

Способствовать развитию госзакупок будет также проведение методического сопровождения электронных процедур и обучения специалистов по закупкам – посредством данных действий информационная система будет профессионально и грамотно использоваться участниками.

Также, эффективному осуществлению закупок и эффективному расходованию средств бюджета будет способствовать увеличения степени ответственности операторов электронных площадок в части осуществления их устойчивой работы.

Если говорить о результатах цифровизации сферы закупок, то в настоящее время они являются неоднозначными. Так с одной стороны законодательство о контрактной системе находится в постоянном развитии, растет количество контрактов, увеличивается объем экономии бюджетных средств, растет доля договоров, заключенных с субъектами МСП, но с другой, можно отметить все еще наличие проблемы связанной с ограничением конкуренции и увеличением количества сговоров. В связи с чем для обеспечения прозрачной конкуренции необходимо продолжение развития функционалов электронных площадок и проведение совершенствования законодательства в сторону развития данного функционала [10].

Ввиду наличия множества проводимых процедур, без автоматизации невозможно производить анализ системы закупок. Низкий уровень межведомственной интеграции, ошибки в установлении НИЦК и сговоры приводят к неэффективным расходам, в связи с чем внедрение в сферу закупок технологий ИИ рассматривается исследователями в качестве средства для существенного прогресса в развитии сферы закупок [6].

Технологии ИИ в отличии человеческого не приспособлены мыслить расширено, а лишь фокусируются на решение конкретной поставленной задачи и не способны в умственной деятельности самостоятельно переключатся между профилями. ИИ дает возможность проектировать алгоритмы решений, распознавать и переводить текст и т. д.

Эффективное регулирование отношений в сфере государственных закупок без разрешения вопросов в части соотношения прав и обязанностей невозможно. Если говорить о применении технологий ИИ, то в контексте данных вопросов они обусловлены проблемами субъектности ИИ. А именно является ли ИИ субъектом правоотношений либо же рассматривать его в качестве инструмента применяемые другими субъектами.

Стоит отметить, что в настоящее время ни в юридической доктрине, ни в нормативных актах не существует четкого термина «искусственный интеллект». Если обращаться к исследовательской литературе, то там указывается на автономность проведения алгоритмов, возможности обработки большого количества информации, способности к самообучению и цифровой среде. К примеру, под ИИ понимают цифровую систему имеющие возможность автоматически обрабатывать большие объемы информации и имеющей ментальные свойства идентичные человеческому сознанию.

К категории «большие объемы информации» относят данные большого объема, которые могут быть как структурированными, так и неструк-

турированными, которые применяют для сбора статистики, прогнозов, анализа и утверждения решения и обрабатывают посредством специальных автоматизированных инструментов. Впервые термин «большие данные» появился в 2008 г. в журнале Nature,в котором редактором журнала К.Линчем указывалось на значительном повышении объемов информации в мире. Данный исследователь под большими данными подразумевал информацию потоком свыше 150 Гб за сутки, те не менее по настоящее время не имеется единого критерия данного объема.

По отношению к сфере закупок большая часть технологий ИИ основывается на алгоритмах машинного обучения. По мнению Казанцева Д.А. данные алгоритмы распознают неочевидные и сложные для восприятия человека закономерности исследуя большие объемы информации [4].

Под машинным обучением следует понимать совокупность инструментов и методологических подходов посредством которых компьютеры способны определять в своей памяти информацию ранее не планирующиеся к применению. Обучение осуществляется посредством выполнения однообразных задач.

По отношению к сфере государственных закупок технологии машинного обучения дают возможность:

проводить классификацию закупок и исходя из ОКПД либо Каталога товаров работ и услуг относить их автоматически к правильным кодам;

самостоятельно устанавливать неочевидные признаки нарушений (к примеру участие аффилированных лиц);

исходя из анализа участников закупок (к примеру, их финансового состояния) осуществлять прогноз рисков за неисполнение контрактов.

Так как большая часть информации о закупках (к примеру, тексты заданий, контрактов и др.) имеет неструктурированный вид, стоит отметить возможности применения технологии ИИ в части обработки естественного языка и генеративной нейросети дающие возможность:

сформировывать проекты документов (к примеру, протоколы рассмотрения заявок);

осуществлять поиск тендеров не по ключевым словам, а по смыслу;

осуществлять процедуру проверки закупочной документации на факт дублирования, противоречия информации, соответствия законодательным требованиям и т.д.;

формировать ответы на вопросы по законодательству о закупках, для чат – ботов.

технологией ИИ, применяемой в сфере закупок является прогнозная аналитика позволяющая:

автоматически устанавливать элементы коррупционных схем;

прогнозировать спросы на товары, работы либо услуги;

прогнозировать вероятность победы поставщика в аукционе;

формировать разумные сроки закупок [3].

В качестве примера внедрения технологий ИИ в сферу закупок является ГИС «Антикартель» применяемый ФАС для автоматического мониторинга закупок с августа 2025 г. Данная система устанавливает признаки сговоров исходя из снижения цены, мониторинга IP-адресов и т.д. данная система для последующих антимонопольных расследований автоматически формирует доказательственную базу [11].

В сфере государственных закупок одним из самых коррупциогенных факторов является завышение НМЦК. В целях предотвращения данного проблемного вопроса на портале исполнения контрактов внедряется новая функция по проверке расчёта НМЦК исходя из сопоставления рыночных цен. Система в автоматическом режиме проводит анализ представленных коммерческих предложений исходя из рыночных цен и устанавливает факты завышения. То есть сама система проводит сопоставление цен из открытых источников, сайтов магазинов и ЕИС. Данная функция способствует обеспечению прозрачности процесса проведения закупок, определяет завышенные цены и риск переплат [5].

Технологии ИИ кроме надзорных функций, также внедряют и в процессы для упрощения работы субъектов закупок. Так вводятся ИИ- помощники позволяющие как отвечать на заданные вопросы по применению законодательства так и осуществлять проверку документации на ошибки и несоответствия [2].

Развитие информационных технологий, безусловно положительно сказывается как на развитие сферы государственных закупок, но вместе с тем имеются и проблемные вопросы, для разрешения которых правовая система не всегда готова.

В настоящее время законодательство существенно отстает от развития технологий, что создает ряд этических и правовых проблем. Одним из вопросов является распределение ответственности за решения ИИ. Так в случае наличия ошибки ИИ (к примеру, по обвинению в сговоре) возникает вопрос о том, кто несет ответственность должностное лицо не проверившее решение, заказчик либо разработчик. Полагается необходимым осуществление детального регулирования внедрения в управленческие отношения ИИ.

При исследовании современной юридической науки можно говорить, что цифровое право в ней расценивается неоднозначно. С точки зрения действующей правовой системы возможно отметить несколько толкований ее сущности:

в качестве комплексного правового института, регулирующего цифровые отношения, возникающие как информационной среде, так и в сферах общественной жизни;

в качестве сферы исследования и учебной дисциплины, где бы изучалась правовая природа цифровых технологий и возникающих с данной сфере отношений.

Вполне состоятельно, что в будущем цифровое право будет рассматриваться в качестве основанного на комплексе широкого спектра регуляторов различной природы искусственно формируемый социобиотехнический нормативный механизм ориентированный на развитие, контроль и упорядочивание в цифровой среде отношений. В настоящий момент о цифровом праве допустимо говорить, как о формирующемся межотраслевом институте, где особое значение отделяющие данный вид права от других является цифровые данные и ИТ. В качестве специфики отношений, формирующихся в цифровой среде, можно выделить особенный правовой режим ИТ, специфический субъектный состав и др.

В настоящее время ИИ не имеет деликтоспособности, в связи с чем степень распространения технологий ИИ в сфере закупок должна быть пропорциональна риску. В исследовательской литературе предлагается теория введение ответственности за действия ИИ исходя из вины создателя и иных лиц, отвечающих за работу ИИ. Качестве альтернативного решения можно наделить ИИ правосубъектностью юридических лиц, в связи с чем посредством юридической фикции можно будет применить ответственность к ИИ и компенсировать причиненный ущерб.

Применение ИИ в сфере закупок с одной стороны даст возможность минимизировать риск субъективизма заказчика, а данный риск является одним из основополагающих в закупках, а с другой стороны в связи с несовершенством системы ИИ может предоставлять ошибочный результат, что может в последующем стать следствием наличия финансовых потерь.

При отсутствии правил распределения и критериев ответственности, применение технологий ИИ в сфере государственных закупок будет связано с неоправданными рисками. Принятие решений ИИ, где затрагиваются права и интересы граждан и бизнеса, должны быть ограничены либо сопровождаться обязательной перепроверке человеком.

Также необходимо уделить внимание вопросам защиты информации от утечек, так как технологии ИИ при проведении закупок требуют предоставление к персональным данным и сведениям, в том числе, составляющим государственную тайну (к примеру, при закупках с участием оборонных предприятиях). В связи с чем требуется создание механизмов по разграничению доступа и задействование криптографической защиты.

Так независимо от огромного потенциала и эффективности от внедрения технологий ИИ в сферу государственных закупок, данное внедрение также содержит и ряд серьезных проблемных вопросов, которые необходимо нивелировать.

Основная проблема состоит в том, что технологии ИИ обрабатываю огромный массив информации, и для более эффективной деятельности ИИ данная информация должна быть достоверная и структурированная. Но если обращаться к ЕИС, то в данной системе информация может быть не полной, содержать ошибки, противоречивой либо устаревшей. Также имеются случаи, когда поставщиками фальсифицируют документы. В связи с чем даже самые совершенные алгоритмы при обработке имеющейся информации будут предоставлять некачественные результаты [9].

Также значительной проблемой является проблема финансирования. Так осуществление внедрения новых технологий ИИ требуют значительных затрат на приобретение оборудования, разработку и интеграцию, а для большинства заказчиков данные затраты являются непосильными.

Возможно предложить следующие рекомендации по эффективному внедрению технологий ИИ в сферу закупок:

разработать методические рекомендации по внедрению технологий ИИ;

на законодательном уровне принять нормативный документ определяющий правовой статус решений ИИ, порядок распределения ответственности между пользователем, заказчиком и разработчиком, а также порядок обжалования принятых решений ИИ;

осуществить полную интеграцию государственных систем;

обеспечить повышение цифровой грамотности тендерных специалистов заказчиков и участников.

обеспечение комплексной системы защиты данных. В данную категорию входят как технические меры, связанные с защитой алгоритмов и данных, так и организационные связанные с повышением информационной безопасности тендерных специалистов заказчиков и участников.

Внедрение технологий ИИ это достаточно долгий и недешевый процесс. Данный срок определен несколькими крупными этапами:

создание культуры работы с данными;

сбор и обработка данных;

построение моделей;

проверка результатов;

брейн-штормы.

Финансирование разработки и внедрения технологий ИИ в сфере государственных закупок

зависит от сложности задач, выполняемых ИИ, сложности алгоритмов и построения моделей, многофункциональности самой системы, применяемых технологиях в разработке и внедрении ИИ.

В заключении хотелось бы отметить, что в настоящее время без внесения изменений в законодательство в сферу закупок невозможно внедрение технологий ИИ. При продуманном использовании технологий ИИ в сфере закупок не только снизятся организационные издержки, но и способствует развитию фундаментальных принципов закупок, а именно эффективности использования бюджетных средств, развития конкуренции между поставщиками, прозрачности процедур и обоснованности решений.

В настоящее время можно выделить следующие направления сферы государственных закупок, где возможно внедрение технологий ИИ:

подготовка закупочной документации;

оценка рисков;

прогнозирование потребности продукции и исследование рынка продукции;

управление поставкой;

сбор, оценка и сопоставление предложений поставщиков;

управление контрактами и осуществление контроля текущих событий.

Стоит отметить, что технологии ИИ должны заменить именно рутинные процессы для человека, но ни в коем случае не заменять его собой, а только помогать принимать взвешенные решения используя меньше сил и времени.

Перспективы цифровизации и развития технологий ИИ в сфере закупок напрямую связаны с эффективностью решения отмеченных выше проблемных вопросов. В настоящее время можно говорить о расширении применения технологий ИИ в сфере надзорных функций, оценки поставщиков и анализа рынка. Внедрение технологий ИИ в систему государственных закупок является как неизбежным, так и важным этапом для обеспечения прозрачности и повышения эффективности закупочных процессов. Однако преобразований в значительной степени обусловлено способностью участников процесса эффективно управлять возникающими рисками и приспосабливаться к новым технологическим реалиям.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[2] B2B-РТС запускает первого отечественного ИИ-помощника закупок // CNews : [Электронный ресурс]. — URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-09-11_b2b-rts_zapuskaet_pervogo (дата обращения: 15.07.2026).

[3] ИИ в госзакупках: как меняются запросы на интеллектуальные решения // РБК Компании : [Электронный ресурс]. — URL: https://companies.rbc.ru/news/r1O7jzlOTW/ii-v-goszakupkah-kak-menyayutsya-zaprosyi-na-intellektualnyie-resheniya/ (дата обращения: 15.07.2026).

[4] Казанцев Д. А. Использование нейросетей в закупочной работе: излишество или необходимость? // Научный юридический журнал «Закупки и право». — 2025. — № 1. — С. 53–56.

[5] Копылов С. В. Направления совершенствования контроля недостоверной информации в системе закупочной деятельности Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2026. — № 1. — С. 242–250.

[6] Мельников В.Е. Значение цифровизации как одного из факторов повышения прозрачности государственных закупок / В.Е. Мельников // Мировые научные дискуссии в эпоху ци ровизации: от теории к практике: материалы конференции. – Рязань, 2023. – С. 313-317.

[7] Никулина, С. С. Цифровая трансформация системы государственных закупок: современные тренды и перспективы развития / С. С. Никулина. // Молодой ученый. — 2025. — № 49 (600). — С. 118-119.

[8] Родионова О. М. Цифровизация устойчивых публичных закупок: перспективы правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3. С. 108–111.

[9] Романов Н.А. Перспективы использования программных роботов в деятельности рынка государственных закупок / Н.А. Романов // Проблемы современной науки и образования. – 2024. – №. 2 (189). – С. 9-13.

[10] Сергеева С. А., Билашенко Н. А., Польских В. П. Управление закупками в условиях цифровой трансформации // Инновации и инвестиции. — 2023. — № 4. — С. 99–102.

[11] Шелоумов М. Новая система ФАС Антикартель: что важно знать поставщикам и заказчикам // РБК Компании : [Электронный ресурс]. — URL: https://companies.rbc.ru/news/4Br2SLTXW9/novaya-sistema-fas-antikartel-chto-vazhno-znat-postavschikam-i-zakazchikam/ (дата обращения: 15.07.2026).

[12] Юсупова Г.Н., Чогулдурова Э.К., Исраилова А.А. Тенденции развития цифровизации в системе государственных закупок / Г.Н. Юсупова, Э.К. Чогулдурова, А.А. Исраилова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – №. 2-2 (108). – С. 163-168.

References:

[1] Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ (as amended by 28.12.2025) "On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652.

[2] B2B-RTS launches the first domestic AI procurement assistant // CNews: [Electronic resource]. - URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-09-11_b2b-rts_zapuskaet_pervogo (access date: 15.07.2026).

[3] AI in public procurement: how requests for intelligent solutions are changing // RBC Company: [Electronic resource]. — URL: https://companies.rbc.ru/news/r1O7jzlOTW/ii-v-goszakupkah-kak-menyayutsya-zaprosyi-na-intellektualnyie-resheniya/ (дата обращения: 15.07.2026).

[4] Kazantsev D. A. The use of neural networks in procurement work: excess or necessity ? // Scientific legal journal "Procurement and Law." — 2025. — № 1. - S. 53-56.

[5] Kopylov S.V. Directions for improving the control of inaccurate information in the procurement system of the Russian Federation // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. — 2026. — № 1. - S. 242-250.

[6] Melnikov V.E. The importance of digitalization as one of the factors of increasing the transparency of public procurement/V.E. Melnikov // World scientific discussions in the era of qi rovization: from theory to practice: conference materials. - Ryazan, 2023. - S. 313-317.

[7] Nikulina, S. S. Digital transformation of the public procurement system: modern trends and development prospects/S. S. Nikulina . // Young scientist. — 2025. — № 49 (600). - S. 118-119.

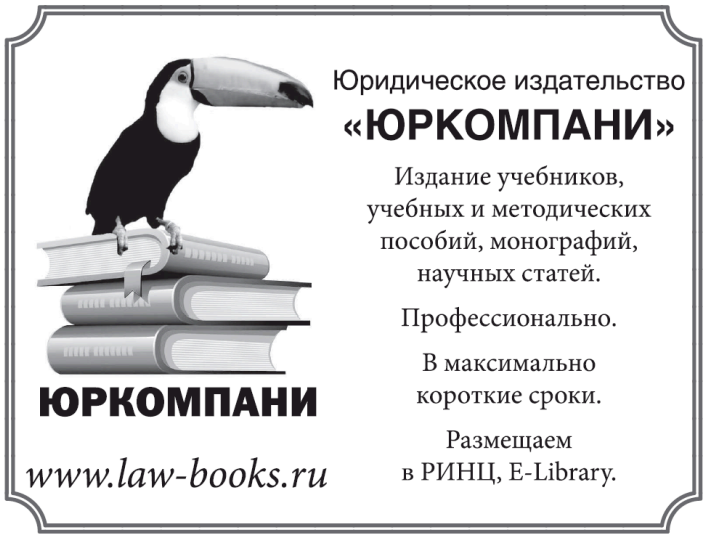
[8] Rodionova O. M. Digitalization of sustainable public procurement: prospects for legal regulation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. № 3. P. 108-111.

[9] Romanov N.A. Prospects for the use of software robots in the activities of the public procurement market/N.A. Romanov // Problems of modern science and education. – 2024. – №. 2 (189). - S. 9-13.

[10] Sergeeva S. A., Bilashenko N. A., Polskikh V. P. Procurement Management in the Context of Digital Transformation // Innovation and Investment. — 2023. — № 4. - P. 99-102.

[11] Sheloumov M. The new FAS Anticartel system: what is important for suppliers and customers // RBC Company: [Electronic resource]. — URL: https://companies.rbc.ru/news/4Br2SLTXW9/novaya-sistema-fas-antikartel-chto-vazhno-znat-postavschikam-i-zakazchikam/ (дата обращения: 15.07.2026).

[12] Yusupova G.N., Choguldurova E.K., Israilova A.A. Trends in the development of digitalization in the public procurement system/ G.N. Yusupova, E.K. Choguldurova, A.A. Israilova // Economics and business: theory and practice. – 2024. – №. 2-2 (108). - S. 163-168.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-63-65

АРУТЮНЯН Александра Александровна,
Аспирант кафедры международного права,
МГИМО МИД России,
специальность
5.1.5 «Международно-правовые науки»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РАЗМЕЩЕНИЯ ОРУЖИЯ В КОСМОСЕ: ПОЗИЦИИ ГОСУДАРСТВ БРИКС

Аннотация. *В статье анализируются консолидированные позиции государств-участников БРИКС по вопросу предотвращения размещения оружия в космическом пространстве. Рассматривается эволюция подходов объединения от двусторонних инициатив к формированию единой платформы в рамках многосторонних форумов ООН. Особое внимание уделяется критическому анализу «Соглашений Артемиды» как примера альтернативного (секторального или избирательного) правового режима, подрывающего универсальные принципы международного космического права. Обосновывается вывод о том, что БРИКС выступает ключевым субъектом, продвигающим проект юридически обязывающего договора о предотвращении гонки вооружений в космосе (ПГВК) в противовес западным инициативам, основанным на политических декларациях.*

Ключевые слова: *предотвращение гонки вооружений в космосе (ПГВК), размещение оружия, БРИКС, «Соглашения Артемиды», международное космическое право, юридически обязывающий инструмент, Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУС).*

HARUTYUNYAN Alexandra Alexandrovna,
Graduate student of the Department of International Law, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia, specialty 5.1.5 "International Legal Sciences."

PREVENTING THE DEPLOYMENT OF WEAPONS IN SPACE: POSITIONS OF THE BRICS STATES

Annotation. *The article analyzes the consolidated positions of the BRICS member states on the issue of preventing the deployment of weapons in outer space. The evolution of unification approaches from bilateral initiatives to the formation of a single platform in the framework of UN multilateral forums is being considered. Particular attention is paid to the critical analysis of the Artemis Agreements as an example of an alternative (sectoral or selective) legal regime that undermines the universal principles of international space law. The conclusion is justified that BRICS is a key actor promoting the draft legally binding treaty on the prevention of an arms race in space (PGVK) as opposed to Western initiatives based on political declarations.*

Key words: *prevention of an arms race in space (PGVK), deployment of weapons, BRICS, Artemis Agreements, international space law, legally binding instrument, UN Committee on the peaceful uses of outer space (COPUS).*

Проблема милитаризации космического пространства является одним из наиболее острых вызовов для современного международного правопорядка. В условиях нарастающей геополитической конкуренции и технологического прогресса риски трансформации космоса в арену вооруженного противостояния приобретают экзистенциальный характер. Уничтожение или вывод из строя критически важной спутниковой инфраструктуры одной из держав способно спровоцировать глобальный «эффект домино», парализовав экономику, связь и навигацию по всему миру. В этом контексте консолидированная позиция государств БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР, Египта, Ирана, ОАЭ, Эфиопии и Индонезии) приобретает стратегическое значение. Объединение последовательно выступает за сохранение космоса в качестве зоны, свободной

от оружия, и за укрепление центральной роли Организации Объединенных Наций в выработке универсальных правил поведения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизировать подходы БРИКС и оценить их потенциал в качестве альтернативы западным концепциям освоения космоса.

Методологическая основа исследования

В работе используется комплекс общенаучных и частно-научных методов познания. Общенаучный системный подход позволяет рассматривать проблему милитаризации космоса как элемент глобальной системы безопасности. В качестве специальных методов юридической науки применяются:

Формально-юридический метод - для анализа текстов резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, проектов международных договоров и официальных заявлений государств.

Сравнительно-правовой метод - для сопоставления универсалистского подхода БРИКС и альтернативного (секторального или избирательного) подхода западных стран (на примере «Соглашений Артемиды»).

Историко-правовой метод — для ретроспективного анализа эволюции позиций государств на площадках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУС) и Конференции по разоружению.

Правовые основы и эволюция позиций БРИКС

Фундаментальной основой позиции государств БРИКС является Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 года (Договор по космосу). Статья IV данного Договора прямо запрещает размещение ядерного оружия или любого другого оружия массового уничтожения на орбите Земли, а также установку такого оружия на небесных телах. Государства БРИКС исходят из того, что этот запрет должен быть расширен на все виды оружия, а не только на оружие массового уничтожения. Эволюция подходов объединения прошла путь от отдельных инициатив России и Китая к формированию единой платформы. Ключевым практическим воплощением этой линии стала совместная инициатива России и Китая по разработке проекта международного юридически обязывающего договора о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве, которая регулярно обновляется и представляется на рассмотрение Конференции по разоружению. В рамках Комитета ООН по космосу государства БРИКС координируют свои действия для продвижения мер по укреплению доверия и обеспечению транспарентности, однако подчеркивают их вспомогательный характер. По мнению объединения, политические декларации и своды правил не могут заменить собой полноценный международный договор.

Критика альтернативных подходов: анализ «Соглашений Артемиды»

Центральным объектом критики со стороны государств БРИКС является американская инициатива «Соглашения Артемиды» (Artemis Accords). Данный документ рассматривается как попытка создать альтернативный (секторальный или избирательный) правовой режим для узкой группы государств-единомышленников в обход универсальных механизмов ООН.

Ключевые претензии к «Соглашениям Артемиды» с точки зрения международного права и позиции БРИКС:

Интерпретация «Достояния человечества»: «Соглашения» вводят концепцию «зоны безопасности» (safety zones) на небесных телах. Государства БРИКС рассматривают это как завуалированную форму национального присвоения ресурсов и суверенитета над участками поверхности Луны или Марса, что прямо противоречит ст. II Договора по космосу.

Приоритет национального законодательства: Документ поощряет использование космических ресурсов в соответствии с национальным законодательством подписантов. Это создает риск правовой коллизии и подрывает принцип, согласно которому деятельность в космосе должна осуществляться в соответствии с международным правом.

Дестабилизирующий потенциал милитаризации: Хотя «Соглашения» декларируют мирные цели, они не содержат эффективных механизмов предотвращения размещения обычных вооружений в космосе для защиты лунных баз. Это создает опасный прецедент милитаризации внеземных объектов, в то время как проект договора, представленный РФ и КНР, предлагает прямой запрет на применение силы в отношении космических объектов, что может стать триггером для гонки вооружений.

Таким образом, позиция БРИКС заключается в том, что подобные альтернативные соглашения фрагментируют международное право и создают угрозу для мирного использования космоса всеми странами.

Консолидированная позиция государств БРИКС по предотвращению размещения оружия в космосе представляет собой последовательную и юридически обоснованную линию на укрепление универсального режима международного космического права. Объединение выступает безусловным сторонником разработки всеобъемлющего юридически обязывающего договора о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве. В противовес западным инициативам, основанным на политических деклара-

циях и создании эксклюзивных клубов («Соглашения Артемиды»), БРИКС настаивает на инклюзивном диалоге под эгидой ООН. Дальнейшее усиление координации позиций внутри объединения способно стать решающим фактором в деле сохранения космоса как общего достояния человечества и предотвращения его превращения в театр военных действий.

Список литературы:

[1] Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.).

[2] Совместный российско-китайский проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (PPWT). Последняя редакция представлена на Конференции по разоружению (2024 г.).

[3] Artemis Accords. Официальный сайт NASA. URL: [адрес сайта NASA].

[4] Материалы сессий Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУС).

[5] Вылегжанин А.Н. (ред.) Международное право: учебник для вузов / А.Н. Вылегжанин [и др.]. — М.: Юрайт, 2024.

[6] Юзбашян М.Р. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе // Право и управление. XXI век. — 2024. — № 1(20).

[7] Колосов Ю.М., Сташевский С.Г. Борьба за мирный космос: правовые вопросы. — М.: Статут, 2014.

References:

[1] Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies (1967).

[2] Joint Russian-Chinese draft treaty on the prevention of the deployment of weapons in outer space, the use of force or the threat of force against space objects (PPWT). The latest edition is presented at the Conference on Disarmament (2024).

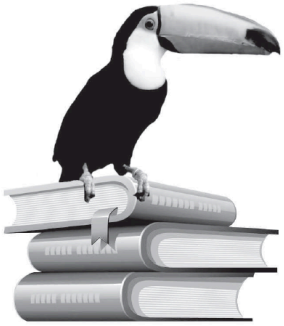
[3] Artemis Accords. Official NASA website. URL: [NASA website address].

[4] Proceedings of the sessions of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space (COPUS).

[5] Vylegzhanin A.N. (ed.) International law: a textbook for universities/A.N. Vylegzhanin [et al.]. - M.: Yurayt, 2024.

[6] M.R. Yuzbashyan. Current trends of cooperation/rivalry in space // Law and management. XXI century. — 2024. — № 1(20).

[7] Kolosov Yu.M., Stashevsky S.G. Struggle for peaceful space: legal issues. - M.: Statute, 2014.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-66-73

ОСТРОУШКОВ Даниил Алексеевич,
аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), юрист «АЛЬТХАУС», г. Москва, Россия,
e-mail: dostroushkov@althausgroup.ru

ПРОТИВОРЕЧИЕ СДЕЛКИ АНТИСАНКЦИОННЫМ УКАЗАМ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНКУРЕНЦИЯ ОСНОВАНИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам определения основания недействительности для сделок, противоречащих антисанкционным указам Президента Российской Федерации в части неполучения согласия публичного органа на их совершение. Актуальность работы обусловлена тем, что по общему правилу антисанкционные указы не содержат указания на правовые последствия для сделок, совершённых с их нарушением (ничтожность/оспоримость/иные последствия), в связи с чем вопрос о таких правовых последствиях решается на основании общих норм гражданского законодательства о сделках, что порождает конкуренцию оснований недействительности: ничтожность по пункту 2 статьи 168 ГК РФ и оспоримость по пункту 1 статьи 173.1 ГК РФ. На основе анализа элементов обоих составов недействительности и обобщения арбитражной практики автор приходит к выводу, что к указанным сделкам подлежит применению пункт 2 статьи 168 ГК РФ, влекущий их ничтожность, тогда как статья 173.1 ГК РФ неприменима по формальному критерию, однако автор отдельно отмечает возникающий диссонанс: отсутствие согласия в силу закона поражает сделку оспоримостью, а отсутствие согласия в силу нормативного акта более низкой юридической силы – ничтожностью, что и определяет научную новизну исследования и его значение для устранения выявленного противоречия в позитивном праве.*

Ключевые слова: *недействительность сделки, конкуренция оснований недействительности, антисанкционные указы, элементы составов недействительности сделок, ничтожная сделка.*

OSTROUSHKOV Daniil A.,
postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation lawyer ALTHAUS Moscow, Russia

CONFLICT OF A TRANSACTION WITH THE ANTI-SANCTIONS DECREES OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: COMPETITION OF GROUNDS FOR INVALIDITY

Annotation. *The article addresses the problem of determining the ground for the invalidity of transactions that contravene the anti-sanctions decrees of the President of the Russian Federation where the consent of a public authority required for such transactions has not been obtained. The relevance of the study stems from the fact that, as a general rule, the anti-sanctions decrees do not specify the legal consequences of transactions concluded in breach thereof (nullity, voidability, or other consequences); accordingly, the question of such consequences is resolved on the basis of the general provisions of civil legislation on transactions, which gives rise to a competition of grounds for invalidity: nullity under paragraph 2 of Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation and voidability under paragraph 1 of Article 173.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on an analysis of the elements of both grounds for invalidity and a synthesis of commercial (arbitrazh) court practice, the author concludes that paragraph 2 of Article 168 of the Civil Code applies to such transactions, rendering them void, whereas Article 173.1 is inapplicable on formal grounds. The author separately notes the resulting dissonance: the absence of consent required by a statute renders a transaction voidable, while the absence of consent required by a normative act of lower legal force renders*

it void — which constitutes the scholarly novelty of the study and its significance for eliminating the identified contradiction in positive law.

Key words: *Invalidity of a transaction, competition of grounds for invalidity, anti-sanctions decrees, elements of the grounds for invalidity of transactions, void transaction.*

Текущая геополитическая ситуация в мире ставит перед национальным правопорядком задачи по сохранению его экономических (имущественных) интересов. Так, с февраля 2022 года Президентом Российской Федерации был принят ряд указов, которые направлены на стабилизацию национальной экономики в связи с недружественными действиями стран, перечень которых установлен Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 430-р [1] (далее – «Антисанкционные Указы»). Многие из Антисанкционных Указов устанавливают особый порядок совершения (осуществления) различных гражданско-правовых сделок, которые могут совершаться только при наличии предварительного согласия публичного органа. Например, Указ Президента Российской Федерации от 8 сентября 2022 года № 618 [2] установил особый порядок осуществления (исполнения) между российскими резидентами и иностранными недружественными нерезидентами сделок в отношении долей в уставных капиталах российских обществ с ограниченной ответственностью, который заключается в необходимости получать на такие сделки предварительное разрешение Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Вводя особый порядок совершения (осуществления) некоторых гражданско-правовых сделок, Антисанкционные Указы не всегда устанавливают специальные правовые последствия для сделок, совершённых с нарушением таких Антисанкционных Указов, в связи с чем вопрос о таких правовых последствия разрешается на основании общих положений ГК РФ [3], в том числе, но не ограничиваясь, на основании общих положений о недействительности гражданско-правовых сделок. Обращаясь к составам недействительности сделок, предусмотренным § 2 Главы 9 ГК РФ, можно заметить явное противоречие применительно к выбору основания недействительности сделок, противоречащих Антисанкционным Указам. Так, пункт 2 статьи 168 ГК РФ устанавливает ничтожность сделки, совершённой с нарушением требований закона или иного правового акта и при этом посягающей на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, а пункт 1 статьи 173.1 ГК РФ вводит специальное основание недействительности сделки, совершённой без необходимого в силу закона согласия государственного органа, при этом поражая такую сделку лишь оспоримостью, возлагая на истца дополнительное бремя доказывания: знание другой стороны об отсутствии согласия. Таким образом, в ГК РФ есть два самостоятельных основания для недействительности сделки, которые догматически мыслимо применять к сделкам, противоречащим Антисанкционным Указам. Разрешение указанного вопроса имеет вполне очевидный практический эффект, так как анализируемые составы недействительности предполагают возникновение различных правовых эффектов: ничтожность сделки, противоречащей пункту 2 статьи 168 ГК РФ, и оспоримость сделки, совершённой с нарушением порядка получения согласия государственного органа по правилам статьи 173.1 ГК РФ, с возложением на истца дополнительного бремени доказывания знания контрагента об отсутствии согласия. Указанные различия в правовых эффектах анализируемых составов недействительности очевидны: ничтожная сделка (пункт 2 статьи 168 ГК РФ) не обладает никаким правовым эффектом с момента её совершения, так называемое «negotium nullum» («юридическое ничто») [4], а оспоримая сделка (пункт 1 статьи 173.1 ГК РФ) является действительной и влечёт правовые последствия, предусмотренные такой сделкой, до момента признания её судом недействительной. В связи с тем, что деловая активность в связи с введением Антисанкционных Указов не снижается, имеется необходимость детального анализа указанных правовых последствий нарушения порядка совершения сделок, подпадающих под регулирование Антисанкционных Указов.

Актуальность анализируемой проблематики не снижается недавно изданным Тематическим обзором Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026, утверждённым Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17 июня 2026 года № 11А/2026 [5], который, приводя примеры конкретных случаев применения Антисанкционных Указов, выразил правовую позицию по применению к таким случаям именно пункта 2 статьи 168 ГК РФ, так как, по точному замечанию Глухарёвой Л.И. [6], задача юридической догматики состоит не только в обслуживании законодателя, но и в неменьшей степени – в критике законодателя и правоприменителя в их деятельности по созданию и толкованию норм. Исходя из вышесказанного, автор в рамках настоящего исследования ставит цель по разграничению указанных оснований недействительности применительно к Анти-

санкционным Указам, с целью внесения правовой определённости в вопрос применения конкретного правового режима недействительности в отношении сделок, противоречащих Антисанкционным Указам. Автором не установлено сколько-нибудь фундаментальной юридической литературы по анализируемому вопросу (применительно именно к Антисанкционным Указам), однако общая российская правовая доктрина давно исследует вопрос соотношения указанных составов недействительности. При формировании своей позиции по анализируемому вопросу автором активно использовались труды следующих цивилистов: Д.О. Тузов, О.В. Гутников, А.Г. Карапетов, К.И. Скловский, А.В. Егоров, Р.С. Бевзенко, А.М. Ширвиндт, С.А. Синицын, Е.А. Суханов, В.В. Витрянский, В.А. Белов.

МЕТОДЫ

При проведении исследования автором использовалось несколько методов научного познания. Методологической основой исследования послужил диалектический метод, который позволил рассмотреть анализируемые вопросы в их системной и динамической взаимосвязи друг с другом. Формально-юридический (догматический) и общелогический методы использовались автором для доктринального разграничения анализируемых составов недействительности. Системно-структурный метод был применён в рамках определения правовой природы Антисанкционных Указов, а эмпирический метод и метод индукции в рамках анализа и обобщения судебной практики по обозначенному вопросу.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для целей разграничения анализируемых оснований недействительности, прежде всего, необходимо установить сферу применения пункта 2 статьи 168 ГК РФ и статьи 173.1 ГК РФ, точно определить, какой порок сделки влечёт оспоримость (применительно к статье 173.1 ГК РФ), а какой – ничтожность (применительно к пункту 2 статьи 168 ГК РФ). В соответствии с пунктом 2 статьи 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Важно подробно проанализировать каждый элемент юридического состава. Первым квалифицирующим элементом юридического состава является противоречие сделки требованиям закона или иного правового акта. Под «законом» по смыслу пункта 2 статьи 3 ГК РФ понимается сам ГК РФ и иные федеральные законы, регулирующие гражданско-правовые отношения. Таким образом, под термином «закон» понимаются нормативно-правовые акты, обладающие юридической силой федерального закона и регулирующие гражданско-правовые отношения: ГК РФ, специальные федеральные законы, регулирующие гражданско-правовые отношения (lex specialis). Важно отметить, что в силу пункта 3 статьи 3 ГК РФ гражданско-правовые отношения могут регулироваться также указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, которые не должны противоречить ГК РФ и иным законам. Указанное положение лишь устанавливает юридическую возможность регулирования гражданских правоотношений указанными нормативно-правовыми актами, однако автоматически не включает их в категорию «закона». Анализируемый элемент юридического состава также содержит указание на противоречие сделки «иным правовым актам». По поводу дефиниции «иные правовые акты» применительно к оспариванию сделки по статье 168 ГК РФ судебная практика сформировала два подхода. Первый из них гласит, что под «иными правовыми актами» следует понимать любой нормативно-правовой акт, который содержит нормы гражданского права, в том числе, но не ограничиваясь, указы Президента Российской Федерации, акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти [7]. Второй подход не так широко толкует анализируемую категорию и устанавливает, что под «иными правовыми актами» следует понимать только нормативно-правовые акты уровня указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации. При этом, акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти (инструкции, приказы, положения и т.п.), а также акты органов субъектов РФ и органов местного самоуправления - к законам и иным правовым актам не относятся [8].

По мнению автора правильным следует признать второй подход и не толковать категорию «иные правовые акты» расширительно, так как акты федеральных органов исполнительной власти в системе актов гражданского законодательства обладают наименьшей юридической силой и при этом, их принятие обусловлено наличием прямого указания в акте более высокого уровня. Указанное выше соответствует преобладающей доктринальной позиции, например Е.А. Суханов, анализируя категорию «иные правовые акты», намеренно не включает в неё акты министерств и ведомств, указывая на их подчинение актам более высокого уровня [9]. Таким образом, по анализируемому элементу юридического состава пункта 2 статьи 168 ГК РФ сделка должна нарушать ГК РФ, и/или федеральные законы, принятые по отдельным вопросам гражданского права и/или

указы Президента Российской Федерации, и/или постановления Правительства Российской Федерации.

Согласно устоявшемуся в доктрине подходу [10], гражданско-правовые нормы фундаментально подразделяются на диспозитивные (восполняющие) нормы и императивные, последние в свою очередь подразделяются на предписывающие нормы и нормы-запреты. В рамках анализа настоящего элемента юридического состава пункта 2 статьи 168 ГК РФ следует также исследовать нарушение каких именно норм гражданского законодательства поражает сделку ничтожностью. Исходя из самого характера вышеуказанных норм, ничтожными на основании пункта 2 статьи 168 ГК РФ могут признаваться лишь сделки, которые противоречат прямому (явно выраженному) законодательному запрету. Указанная позиция подтверждается практикой Верховного Суда РФ, который в пункте 75 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 [11] указывал, что сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной применительно к пункту 2 статьи 168 ГК РФ. Иными словами, само формулирование нормы (запрет, предписание и т.д.) имеет значение для квалификации сделки в качестве оспоримой (пункт 1 статьи 168 ГК РФ) или ничтожной (пункт 2 статьи 168 ГК РФ).

Кроме того, судебная практика выработала подходы, уточняющие сферу применения анализируемого основания недействительности сделки. Так, сделка признаётся ничтожной, если:

Противоречит цели и существу законодательного регулирования соответствующих гражданских правоотношений [12].

Формально не нарушает конкретных императивных норм, но совершена с целью причинить вред другому лицу (статьи 10 и 168 ГК РФ) [13].

Совершена с противоправной целью в обход императивных норм [14].

Как мы видим из анализа правоприменительной практики, сфера применения пункта 2 статьи 168 ГК РФ достаточно широка, и в неё включается не только нарушение сделкой прямого (явно выраженного) законодательного запрета, но и иные случаи отступления субъектов гражданского оборота от императивных норм.

Следующим элементом юридического состава пункта 2 статьи 168 ГК РФ является посягательство сделки на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. В силу пункта 75 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 под публичными интересами, в частности, понимаются: интересы неопределённого круга лиц (например, участников гражданского оборота в целом), обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, оборона и безопасность государства, охрана окружающей среды. При этом в анализируемом пункте 75 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25, указано, что само по себе несоответствие сделки законодательству ещё не означает автоматического нарушения публичного интереса.

При анализе нарушения сделкой интересов третьих лиц судебная практика выработала точечные позиции, в каких случаях интересы третьих лиц нарушаются конкретной сделкой. Например, сделка должника, направленная на вывод активов [15], или возложение на лицо, не являющееся стороной сделки, обязанностей по сделке [16]. Все вышеперечисленные случаи признаются судебной практикой как сделки, противоречащие императивным нормам и посягающие на интересы третьих лиц. Таким образом можно вывести, что под третьими лицами понимаются субъекты, которые не являются сторонами сделки, но чьё правовое положение или имущественная сфера могут пострадать от её совершения (так называемые «негативные экстерналии» [17]). Последний элемент юридического состава пункта 2 статьи 168 ГК РФ устанавливает, что если сделка соответствует элементам юридического состава пункта 2 статьи 168 ГК РФ, проанализированным выше, однако имеется закон, устанавливающий иные правовые последствия, не связанные с ничтожностью такой сделки, то применяются именно такие правовые последствия. Указанная норма введена законодателем с целью допущения возможности устанавливать иные правовые последствия для незаконных сделок, и не придавать им автоматическую ничтожность. Указанный элемент юридического состава анализируется судами при разрешении конкретных споров, и если судом не установлено в позитивном праве такой правовой нормы, то применяются общие правовые последствия – ничтожность незаконной сделки.

Проведя анализ юридического состава пункта 2 статьи 168 ГК РФ необходимо также исследовать юридический состав статьи 173.1 ГК РФ, а в дальнейшем приложить критерии указанных составов к сделкам, нарушающим Антисанкционные Указы. В силу пункта 1 статьи 173.1 ГК РФ сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого предусмотрена законом, является оспоримой. При этом, пункт 2 статьи 173.1 ГК РФ устанавливает дополнительное бремя доказывания знания контрагента по сделке об отсутствии такого согласия. Первым элементом юридического состава анализируемого основания недействительности является отсутствие согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного

органа либо органа местного самоуправления. Под третьими лицами здесь понимаются физические или юридические лица, которые не являются участниками сделки, однако их охраняемые законом интересы затрагиваются самим фактом совершения сделки. Ярким примером является совершение сделки без необходимого в силу пункта 3 статьи 35 СК РФ [18] нотариального согласия супруги. Важно отметить, что согласие лица может быть выражено в любой форме, за исключением случаев, когда законом установлена конкретная форма соответствующего согласия (простая письменная и/или квалифицированная письменная). При этом, согласие может быть предоставлено как непосредственно реципиенту согласия, так и контрагенту реципиента согласия (пункт 55 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25). Кроме того, лицо, предоставляющее согласие, вправе выдать согласие под условием. Такое согласие следует рассматривать в качестве условной сделки (статья 157 ГК РФ), а несоблюдение сторонами сделки условий согласия открывает простор для оспаривания такой сделки по правилам статьи 173.1 ГК РФ.

Следующим элементом юридического состава статьи 173.1 ГК РФ является установление необходимости получения согласия законом. Таким образом, необходимость получения согласия на сделку должна быть установлена нормативно-правовым актом юридической силы не ниже федерального закона. Установление необходимости получения согласия иным правовым актом формально не создаёт возможности для оспаривания сделки по статье 173.1 ГК РФ. Например, совершение генеральным директором хозяйственного общества сделки, на которую в соответствии с уставом этого хозяйственного общества требуется согласие общего собрания участников, подлежит оспариванию по правилам пункта 1 статьи 174 ГК РФ, а не по правилам статьи 173.1 ГК РФ, за исключением случаев, если необходимость получения соответствующего согласия общего собрания установлена законом (например, одобрение крупных сделок и т.д.) и лишь дублируется в уставе. Исходя из буквального толкования указанной нормы остаётся открытым вопрос о правовых последствиях для сделки, совершённой без согласия третьего лица или государственного органа, необходимость получения которого установлена иным правовым актом, например, указом Президента Российской Федерации.

В силу пункта 90 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 не может быть признана недействительной по этому основанию сделка, получение согласия на которую необходимо в силу предписания нормативного правового акта, не являющегося законом. При этом, Верховный Суд в этом же пункте устанавливает, что по общему правилу последствием заключения такой сделки без необходимого согласия является возмещение соответствующему третьему лицу причиненных убытков.

Встает следующий вопрос: Верховный Суд в анализируемом пункте установил специальные (единственные) правовые последствия (убытки) для сделок, совершённых без согласия, требуемого в силу нормативного акта, не являющегося законом, и тогда правовые последствия в виде недействительности не возникают, или же это лишь одно из возможных правовых последствий такой сделки? На первый взгляд, толкуя ограничительно указанную позицию Верховного Суда, хочется ответить утвердительно на первый вопрос. Как кажется, оспоримость сделки установлена законодателем только в отношении сделок, необходимость получения согласия на которые установлена в акте более высокой юридической силы (федеральный закон). Если необходимость такого согласия установлена в акте более низкой юридической силы (например, в указах Президента Российской Федерации или постановлениях Правительства Российской Федерации), то возникают специальные правовые последствия отличные от оспоримости – возмещение убытков.

Логически этот подход обосновать легко. Как верно указывает А.А. Громов: «При нарушении требований к согласованию сделки, установленных на уровне нормативных правовых актов более низкого уровня (например, указов Президента РФ), санкция вряд ли может быть более жесткой, чем при несоблюдении требований, закрепленных в актах более высокого уровня (в законе)» [19]. Однако, с другой стороны, отсутствие состава оспаривания по анализируемой статье не предполагает отсутствие состава оспаривания по другим основаниям недействительности. Например, как было указано выше, императивная норма, в том числе императивная норма, требующая получения согласия, может быть установлена не только законом, но и иным правовым актом. В таком случае должен применяться пункт 2 статьи 168 ГК РФ, а не статья 173.1 ГК РФ.

В доктрине идут дискуссии о соотношении указанных составов недействительности, в частности, о специальности норм статьи 173.1 ГК РФ по отношению к пункту 2 статьи 168 ГК РФ. Интересно, что до введения в позитивное право статьи 173.1 ГК РФ (специальной нормы, предусматривающей правовые последствия для сделок, совершённых без необходимого согласия) сделки, совершённые без необходимого согласия, оспаривались по правилам пункта 2 статьи 168 ГК РФ, так как при отсутствии такого согласия презюмируется нарушение сделкой прав и охраняемых законом интересов третьих лиц. В связи с чем, введение в гражданское законодательство статьи

173.1 ГК РФ, де-факто снизило правовую санкцию за совершение сделки с анализируемым пороком, что, по мнению автора, является не самым удачным решением. В доктрине также существует позиция, согласно которой статья 173.1 ГК РФ применяется только к частноправовым согласиям (согласия органов юридического лица, согласия супругов и т.д.), а к согласиям публичных органов следует применять пункт 2 статьи 168 ГК РФ [20]. По мнению автора, у такой позиции недостаточно позитивного подтверждения, как минимум, потому что диспозиция статьи 173.1 ГК РФ не содержит какого-либо разделения на частноправовые или публично-правовые согласия.

Таким образом, проанализировав элементы рассматриваемых составов недействительности необходимо переложить достигнутые выводы применительно к Антисанкционным Указам.

Антисанкционные Указы устанавливают необходимость получения согласия государственного (публичного) органа на совершение определённых сделок, однако по своей юридической силе не являются федеральными законами. Как было указано выше, диспозиция статьи 173.1 ГК РФ (специальная норма) не может быть применима к Антисанкционным Указам только по этому формальному критерию, в связи с чем открывается простор для применения пункта 2 статьи 168 ГК РФ (общей нормы).

Важно понимать, что в анализируемом вопросе необходимо также учитывать степень значимости регулируемых общественных отношений. Очевидно, что Антисанкционные Указы приняты в целях защиты публичного порядка, в связи с чем их нарушение должно влечь более серьёзные санкции, чем, например, за совершение сделки без согласия супруги. Безусловно, крайне сомнительно применять к сделкам, противоречащим Антисанкционным Указам, режим оспоримости и/или сохранять сделку в силе с предоставлением публичному органу права на взыскание убытков. Таким образом, исходя из проведённого выше анализа следует согласиться с позицией Верховного Суда, выраженной в Тематическом обзоре Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026 о применении пункта 2 статьи 168 ГК РФ к анализируемой ситуации, так как в действующем позитивном праве отсутствуют иные (специальные) основания для признания таких сделок ничтожными, а применение статьи 173.1 ГК РФ невозможно по формальным основаниям и нецелесообразно по политико-правовым причинам.

Указанное выше нисколько не снимает с законодателя обязанность по отлаживанию указанных механизмов в позитивном праве, в частности, установления явно выраженного законодательного разграничения анализируемых составов недействительности, так как на текущий момент мы имеем ситуацию, при которой отсутствие согласия в силу закона поражает сделку оспоримостью, а отсутствие согласия в силу нормативного акта более низкой юридической силы – ничтожностью, что абсурдно. Однако на текущий момент этот вопрос до сих пор остаётся скорее de lege ferenda, чем отечественной правовой реальностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей научной статьи автором были исследованы элементы юридических составов пункта 2 статьи 168 ГК РФ и статьи 173.1 ГК РФ, по результатам анализа которых установлены определённые сходства, заключающиеся в возможном применении обоих составов к сделке, совершённой без необходимого согласия, что позволяет ставить вопрос о специальности одного состава по отношению к другому. Полученные выводы применены автором к Антисанкционным Указам, по результатам чего установлено, что сделка, противоречащая Антисанкционным Указам, является ничтожной применительно к пункту 2 статьи 168 ГК РФ, а применение статьи 173.1 ГК РФ недопустимо по формальным критериям.

Автором отдельно выделена проблематика, в соответствии с которой в действующем позитивном праве формируется правовой диссонанс: отсутствие согласия в силу закона поражает сделку оспоримостью, а отсутствие согласия в силу нормативного акта более низкой юридической силы – ничтожностью, в связи с чем автором предложено обратить внимание законодателя на соотношение анализируемых составов недействительности и сделать их прямое законодательное разграничение.

Список литературы:

[1] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (в ред. от 29 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1748.

[2] Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами : указ Президента Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 618 (с изм. от 15 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 37. Ст. 6316.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[4] Герасимовский С. В. К вопросу о

недействительных сделках и их классификации // Отечественная юриспруденция. 2016. № 10 (12). С. 21–23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nedeystvitelnyh-sdelkah-i-ih-klassifikatsii (дата обращения: 28.07.2026).

[5] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026. О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации : утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 г. № 11А/2026 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/36053/ (дата обращения: 28.07.2026).

[6] Глухарева Л. И. Юридическая догматика и догматическое мышление в российской доктрине права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 4 (10). С. 28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-dogmatika-i-dogmaticheskoe-myshlenie-v-rossiyskoy-doktrine-prava (дата обращения: 28.07.2026).

[7] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2011 г. № 5-В11-116 // СПС Консультант Плюс.

[8] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 июля 2010 г. № 2142/10 по делу № А51-10815/2009 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 11.

[9] Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. 382 с.

[10] Бошно С. В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4. С. 36. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/norma-prava-ponyatiya-svoystva-klassifikatsii-i-struktura (дата обращения: 29.07.2026).

[11] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[12] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 7 апреля 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 7.

[13] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 ноября 2024 г. № Ф03-3765/2024 по делу № А51-1301/2024 // СПС Консультант Плюс.

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2025 г. № 307-ЭС24-18161 // СПС Консультант Плюс.

[15] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2021 г. № 56-КГ21-10-К9 // СПС Консультант Плюс.

[16] Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса Российской Федерации : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 103 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 4.

[17] Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1425 с.

[18] Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 марта 2026 г., с изм. от 15 мая 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[19] Недействительность сделки : комментарий к статьям 166–181 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2025. 1310 с.

[20] Баранов Д. Е., Новиков А. С. Проблемные аспекты применения статьи 173.1 ГК РФ // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 55. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-primeneniya-stati-173-1-gk-rf (дата обращения: 29.07.2026).

References:

[1] On approval of the list of foreign states and territories committing unfriendly actions against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals: Order of the Government of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 430-r (as amended on October 29, 2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 11. Art. 1748.

[2] On the special procedure for the implementation (execution) of certain types of transactions (operations) between certain persons: Decree of the President of the Russian Federation of September 8, 2022 No. 618 (as amended on October 15, 2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 37. Art. 6316.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[4] Gerasimovsky S.V. On the issue of invalid transactions and their classification //

Domestic jurisprudence. 2016. № 10 (12). S. 21-23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nedeystvitelnyh-sdelkah-i-ih-klassifikatsii (дата обращения: 28.07.2026).

[5] Thematic Review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8/2026. On the application by arbitration courts of legislation on special economic measures provided for in order to protect the national interests of the Russian Federation: approved Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2026 No. 11A/2026 // Supreme Court of the Russian Federation: office. site. URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/36053/ (access date: 28.07.2026).

[6] Glukhareva L. I. Legal dogma and dogmatic thinking in the Russian doctrine of law // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Economics. Management. Right." 2017. № 4 (10). S. 28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-dogmatika-i-dogmaticheskoe-myshlenie-v-rossiyskoy-doktrine-prava (дата обращения: 28.07.2026).

[7] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of December 13, 2011 No. 5-B11-116 // ATP Consultant Plus.

[8] Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 20, 2010 No. 2142/10 in case No. A51-10815/2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. № 11.

[9] Russian civil law: textbook: in 2 vols. 1: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights/resp. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2011. 382 pp.

[10] Boshno S.V. The norm of law: concepts, properties, classification and structure // Law and modern states. 2014. № 4. S. 36. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/norma-prava-ponyatiya-svoystva-klassifikatsii-i-struktura (дата обращения: 29.07.2026).

[11] On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.

[12] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021): approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 7, 2021 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 7.

[13] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated November 19, 2024 No. F03-3765/2024 in case No. A51-1301/2024 // SPS Consultant Plus.

[14] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of February 3, 2025 No. 307-ES24-18161 // SPS Consultant Plus.

[15] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 27, 2021 No. 56-KG21-10-K9 // SPS Consultant Plus.

[16] Review of the Practice of Arbitration Courts Applying Article 414 of the Civil Code of the Russian Federation: Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 103 dated December 21, 2005 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. № 4.

[17] Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0]/hole ed. A. G. Karapetov. M.: M-Logos, 2020. 1425 pp.

[18] Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on March 23, 2026, as amended on May 15, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16.

[19] Invalidity of transaction: commentary to articles 166-181 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0]/hole ed. A. G. Karapetov. M.: M-Logos, 2025. 1310 pp.

[20] Baranov D.E., Novikov A.S. Problematic aspects of the application of Article 173.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Modern scientific thought. 2017. № 3. S. 55. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-primeneniya-stati-173-1-gk-rf (дата обращения: 29.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-74-83

ВЕЛИЕВ Рамиль Рифанович,
кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (МГРИ), e-mail: mail@law-books.ru

ВЕЛИЕВ Амиль Рифанович,
Ассистент кафедры сравнительной политологии РУДН Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, e-mail: mail@law-books.ru

КУЗИН Никита Романович,
студент факультета юриспруденции и правового регулирования, Российский государственный социальный университет, e-mail: mail@law-books.ru

ФАДЕЛЬМАН Максим Валерьевич,
студент кафедры Международные отношения и геополитика транспорта, Российский университет транспорта, e-mail: mail@law-books.ru

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК МЕРА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Актуальность темы обусловлена ростом преступлений террористического характера и появлением в уголовном законе самостоятельного блока диверсионных составов, что обостряет дискуссию о пределах уголовно-правового реагирования на угрозы национальной безопасности. Проблема исследования состоит в противоречии между формальным сохранением смертной казни в ст. 59 УК РФ и сложившимся конституционно-правовым режимом ее неприменения. Цель статьи — определить правовые условия, при которых восстановление смертной казни могло бы обсуждаться не как общая мера ужесточения уголовной политики, а как исключительное уголовно-правовое средство реагирования на ограниченный круг преступлений, создающих прямую угрозу национальной безопасности. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и статистический методы. Анализируются правовая природа смертной казни, конституционно-правовой режим ее неприменения, цели наказания, современные террористические и диверсионные угрозы, а также судебная статистика по террористическим, экстремистским и диверсионным составам и отдельным преступлениям против безопасности государства. Особое внимание уделяется разграничению террористического акта и диверсии, поскольку эти составы имеют разную юридическую природу, но в практическом результате могут создавать сопоставимые последствия для жизни людей, устойчивости инфраструктуры и обороноспособности государства. В результате исследования обоснована поэтапная модель возможного восстановления смертной казни, включающая*

закрытый перечень особо квалифицированных составов, усиленные процессуальные гарантии, запрет обратной силы и обязательный учет правовых позиций Конституционного Суда РФ. Сделан вывод о том, что смертная казнь может обсуждаться только как исключительная, предельно ограниченная и процессуально защищенная мера, применимая к наиболее опасным террористическим и диверсионным преступлениям с доказанными особо тяжкими последствиями.

Ключевые слова: *смертная казнь; мораторий; национальная безопасность; терроризм; диверсия; пожизненное лишение свободы; уголовное наказание.*

VELIYEV Ramil Rifanovich,
Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Department of Humanities, Russian State Geological Exploration University named after Sergo Ordzhonikidze (MGRI)

VELIYEV Amil Rifanovich,
Assistant, Department of Comparative Political Science, RUDN University Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

KUZIN Nikita Romanovich,
student of the faculty of jurisprudence and legal regulation, Russian State Social University

FADELMAN Maxim Valerevich,
student of the Department of International Relations and Geopolitics of Transport, Russian University of Transport

CAPITAL PUNISHMENT AS A MEASURE FOR PREVENTING THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY AND THE LEGAL CONDITIONS FOR ITS RESTORATION IN MODERN CRIMINAL LAW

Annotation. *The relevance of the topic stems from the growth of terrorist crimes and the emergence of an independent block of sabotage offences in the Criminal Code of the Russian Federation, which sharpens the discussion on the limits of criminal-law response to threats to national security. The research problem lies in the contradiction between the formal preservation of capital punishment in Article 59 of the Criminal Code and the established constitutional regime of its non-application. The purpose of the article is to determine the legal conditions under which the restoration of capital punishment could be discussed not as a general tightening of criminal policy, but as an exceptional criminal-law means of responding to a limited range of crimes posing a direct threat to national security. The methodological basis includes formal-legal, comparative-legal, systemic and statistical methods. The article analyzes the legal nature of capital punishment, the constitutional regime of its non-application, the purposes of punishment, modern terrorist and sabotage threats, as well as judicial statistics on terrorist, extremist and sabotage offences and certain crimes against state security. Particular attention is paid to the distinction between a terrorist act and sabotage, since these offences have different legal natures but may produce comparable consequences for human life, the stability of infrastructure and the defence capability of the state. As a result, a step-by-step model of the possible restoration of capital punishment is substantiated, including a closed list of especially qualified offences, strengthened procedural guarantees, a prohibition of retroactive effect and mandatory consideration of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is concluded that capital punishment may be discussed only as an exceptional, strictly limited and procedurally protected measure applicable to the most dangerous terrorist and sabotage crimes with proven especially grave consequences.*

Key words: *capital punishment; moratorium; national security; terrorism; sabotage; life imprisonment; criminal punishment.*

Введение

Вопрос о смертной казни в России длительное время рассматривался преимущественно через призму гуманизации уголовного права, международных обязательств, конституционного права на жизнь и правовых позиций Конституционного Суда РФ. Такая постановка проблемы сохраняет значение, поскольку смертная казнь относится к наиболее спорным институтам уголовного права: она одновременно связана с идеей предельного воздаяния за особо тяжкое преступление и с риском необратимой судебной ошибки.

Однако современная дискуссия уже не ограничивается классическим спором о допустимости высшей меры наказания за убийство. Рост преступлений террористического характера, появление самостоятельного блока диверсионных составов в УК РФ, развитие дистанционной вербовки, использование сети Интернет для оправдания терроризма и вовлечения граждан в преступную деятельность усиливают вопрос о пределах уголовно-правового реагирования. При этом превращение смертной казни в эмоциональную реакцию на отдельные резонансные события юридически недопустимо. Такая мера, если она вообще обсуждается, должна оцениваться через статистику, цели наказания, конституционные ограничения, качество доказывания, правоприменительные риски и возможность альтернативного наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Методологическую основу статьи составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и статистический методы исследования. Формально-юридический метод использован при анализе Конституции РФ, прежде всего ст. 20, ст. 43 и 59 УК РФ, норм Особенной части УК РФ о террористических, диверсионных и иных преступлениях против безопасности государства, положений УПК РФ о судебном разбирательстве, участии защитника, суде присяжных и пересмотре приговоров, а также Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Сравнительно-правовой и системный методы позволили сопоставить террористический акт, диверсию, экстремистские преступления и отдельные преступления против безопасности государства с точки зрения их объекта, последствий и возможных пределов уголовно-правового реагирования. Статистический метод применен при обобщении официальных данных МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, включая сведения о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности, диверсионных составах и судебной практике по конкретным статьям УК РФ за 2021–2025 гг.

Нормативную основу исследования составляют Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму», а также правовые позиции Конституционного Суда РФ, включая Определение от 19.11.2009 № 1344-О-Р, сформировавшее устойчивый конституционно-правовой режим неприменения смертной казни.

Теоретическую основу статьи образуют научные работы С. В. Дубовиченко и В. П. Карлова, Ю. А. Кудрявцева, П. А. Григорьева, М. А. Артамоновой и О. Г. Савчишкиной [7], Ш. Э. Маликова и Б. О. Шмелева [8], В. В. Шрагера и Е. И. Поповой, С. В. Иванцова и С. В. Борисова, Н. В. Уманцева и К. А. Ершова, а также другие исследования, посвященные смертной казни, мораторию, терроризму, диверсионной деятельности и угрозам национальной безопасности. Эмпирическую базу составляют статистические сборники МВД России «Состояние преступности в России» за 2021–2025 гг., данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г., а также официальные материалы Следственного комитета РФ и Генеральной прокуратуры РФ по отдельным резонансным делам.

Научная новизна статьи заключается в том, что смертная казнь рассматривается как ограниченная правовая конструкция, потенциально применимая только к закрытому перечню особо квалифицированных террористических и диверсионных составов. В работе обосновывается необходимость разграничения террористических, экстремистских, диверсионных и государственных преступлений при обсуждении высшей меры наказания, предлагается поэтапная модель возможного восстановления смертной казни через изменения в УК РФ, УПК РФ и отдельные законодательные акты, а также формулируется система процессуальных гарантий, направленных на предотвращение судебной ошибки, расширительного применения и нарушения принципа правовой определенности.

Основная часть

Смертная казнь в российском уголовном праве сохраняет двойственную правовую природу. С одной стороны, она прямо предусмотрена ст. 59 УК РФ как исключительная мера наказания. С другой стороны, ее назначение и исполнение блокируются сложившимся конституционно-правовым режимом неприменения. Эта двойственность объясняет, почему дискуссия о смертной

казни не может быть сведена к простой формуле «отменить мораторий» или «оставить как есть».

В правовой литературе справедливо указывается, что в действующем российском праве отсутствует единый нормативный акт, который прямо и исчерпывающе устанавливал бы мораторий. С. В. Дубовиченко и В. П. Карлов пишут: «Не существует единого нормативного правового акта, устанавливающего такой мораторий. Этим можно объяснить существенные расхождения в его оценке» [1, с. 96]. Данное положение имеет принципиальное значение: мораторий не является обычным институтом Общей части УК РФ, не тождественен отсрочке исполнения наказания, амнистии или помилованию. Он возник как результат совокупного действия Конституции РФ, решений Конституционного Суда РФ, изменения судебной системы и международно-правового контекста.

Иная позиция акцентирует внимание на том, что Конституционный Суд РФ фактически придал режиму неприменения смертной казни бессрочный характер, так Ю.А. Кудрявцев, анализируя юридическую силу решений Конституционного Суда РФ, отмечает: «С одной стороны, смертная казнь как вид наказания формально продолжает сохраняться в действующем законодательстве, с другой – в России сложился «легитимный конституционно-правовой режим»» [2, с. 232]. В этой формуле зафиксировано ключевое противоречие: уголовный закон сохраняет смертную казнь, но правоприменитель не вправе использовать ее без пересмотра конституционно-правовых условий.

Особое значение имеет позиция В. Д. Зорькина, который утверждает следующее: «С формально-юридической точки зрения Конституционный Суд не отменил смертную казнь, поскольку это может сделать только законодатель. Суд лишь сделал практически бессрочным мораторий на ее назначение и применение» [2, с. 233]. Эта мысль позволяет избежать двух крайностей. Нельзя утверждать, что смертная казнь полностью исчезла из российского права: она остается в УК РФ. Но нельзя и считать, что ее применение может быть восстановлено простым политическим решением или ведомственной инициативой. Правовой режим неприменения смертной казни имеет конституционное измерение и связан с принципом правовой определенности.

П. А. Григорьев, в свою очередь, подчеркивает: «Изменения в международных обязательствах России, произошедшие в 2022 г., выразившиеся в выходе нашей страны из договоров Совета Европы, не могут и не должны обусловить отмену двух актов Конституционного Суда РФ» [3, с. 12]. Эта позиция важна для современной дискуссии: прекращение участия России в отдельных международных механизмах само по себе не устраняет внутренние конституционно-правовые ограничения.

Вместе с тем нельзя игнорировать и то, что уголовное наказание выполняет не только карательную, но и охранительную функцию. Статья 43 УК РФ связывает наказание с восстановлением социальной справедливости, исправлением осужденного и предупреждением совершения новых преступлений. В контексте национальной безопасности предупреждение приобретает особую значимость, поскольку речь идет не о единичном посягательстве на частный интерес, а о преступлениях, способных затронуть жизнь неопределенного круга лиц, устойчивость государства, транспорт, энергетику, связь, оборонные объекты и иные элементы критической инфраструктуры.

Именно поэтому смертная казнь в современной дискуссии не должна рассматриваться как универсальное средство борьбы с преступностью. Общая криминологическая логика здесь недостаточна. Юридически корректная постановка вопроса возможна только в иной форме: может ли смертная казнь быть восстановлена как исключительная мера за строго ограниченный круг особо тяжких преступлений террористического и диверсионного характера, если они повлекли смерть людей, массовые последствия, разрушение критической инфраструктуры или подрыв обороноспособности.

Терроризм и диверсия в уголовном праве России являются разными явлениями. Террористический акт по ст. 205 УК РФ связан с воздействием на принятие решений органами власти или международными организациями, устрашением населения, созданием опасности гибели человека, причинением значительного имущественного ущерба либо наступлением иных тяжких последствий. Диверсия по ст. 281 УК РФ направлена прежде всего на подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В статье В. В. Шрагера и Е. И. Поповой это различие выражено через специальную цель: «Ключевым, квалифицирующим признаком субъективной стороны является специальная цель – подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации» [4, с. 345].

Сходный вывод делают С. В. Иванцов и С. В. Борисов. Они указывают, что противодиверсионные уголовно-правовые новеллы во многом построены по модели антитеррористических составов: нормы о содействии диверсионной деятельности, обучении и диверсионном сообществе соотносятся со ст. 205.1, 205.3 и 205.4 УК РФ [5, с. 79]. Это не означает тождества терроризма и диверсии. Скорее речь идет о том, что законодатель видит в диверсионной деятельности самостоятельный блок угроз, сопоставимый по обще-

ственной опасности с терроризмом.

В практическом результате диверсия может создавать последствия, близкие к террористическому акту: гибель людей, разрушение транспортной инфраструктуры, повреждение энергетических объектов, нарушение связи, дезорганизацию оборонных или промышленных процессов. Но юридическое основание ответственности остается иным. Для терроризма центральны устрашение и воздействие на власть; для диверсии – подрыв экономической безопасности и обороноспособности. Это разграничение имеет прямое значение для вопроса о смертной казни: исключительная мера не может автоматически распространяться на весь блок «угроз национальной безопасности», иначе возникнет риск расширительного применения.

Современное уголовное законодательство уже демонстрирует тенденцию к усилению ответственности за террористические и диверсионные преступления. Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ в УК РФ были введены ст. 281.1, 281.2 и 281.3, закрепившие ответственность за содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, организацию диверсионного сообщества и участие в нем. В правовой литературе это оценивается как формирование самостоятельного института преступлений диверсионной направленности. Н.В. Уманцев и К. А. Ершов прямо пишут о «формировании в российском уголовном праве самостоятельного института преступлений против экономической безопасности и обороноспособности страны» [6, с. 278].

Такой подход показывает, что государство уже использует комплекс мер защиты населения и публичной безопасности: усиление ответственности, пресечение вербовки, противодействие пропаганде терроризма, выявление каналов вовлечения, контроль информационной среды, развитие уголовно-правовых составов превентивного характера. Однако именно наличие этих мер делает вопрос о смертной казни более сложным. Если уголовный закон уже содержит пожизненное лишение свободы и жесткие санкции за террористические и диверсионные преступления, то восстановление смертной казни требует не общей ссылки на рост угроз, а доказательства того, что для отдельных особо квалифицированных случаев пожизненное лишение свободы не обеспечивает целей наказания.

Немаловажным аргументом является и официальная статистика МВД РФ, которая показывает, что террористические и экстремистские преступления в последние годы имеют выраженную тенденцию роста. Указанные данные не предопределяют вывод о необходимости восстановления смертной казни, однако позволяют оценить изменение криминологической обстановки и определить, в каких пределах уголовно-правовое реагирование на угрозы национальной безопасности требует дополнительного анализа.

Таблица 1 – Общая динамика преступлений террористического характера и экстремистской направленности в России в 2021–2025 гг.

Год	Преступления террористического характера	Динамика	Преступления экстремистской направленности	Динамика
2021	2136	–8,8 %	1057	+26,9 %
2022	2233	+4,5 %	1566	+48,2 %
2023	2382	+6,7 %	1340	–14,4 %
2024	3714	+55,9 %	1719	+28,3 %
2025	5920	+59,4 %	2241	+30,4 %

Источник: МВД России, статистические сборники «Состояние преступности в России» за 2021–2025 гг.

Данные таблицы показывают не просто увеличение отдельных показателей, а структурное усиление блока преступлений, связанных с общественной и национальной безопасностью. Особенно показателен 2024 г., когда при общем снижении зарегистрированной преступности на 1,8 % МВД РФ зафиксировало рост преступлений террористического характера на 55,9 % и экстремистской направленности на 28,3 %. В 2025 г. рост продолжился: зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера и 2241 преступление экстремистской направленности. Это подтверждает, что обсуждение исключительных мер уголовно-правового реагирования возникает не в отрыве от практики, а на фоне изменения характера угроз.

Однако общая статистика не отвечает на вопрос, какие именно составы могут быть связаны с обсуждением смертной казни. Для этого необходим постатейный анализ судебной статистики.

Таблица 2 – Судебная статистика по террористическим составам УК РФ за 2024 год

Статья УК РФ	Краткое наименование	Осуждено в 2024 г.
ст. 205	Террористический акт	75
ст. 205.1	Содействие террористической деятельности	115
ст. 205.2	Публичные призывы, оправдание или пропаганда терроризма	410
ст. 205.3	Прохождение обучения в целях террористической деятельности	46
ст. 205.4	Организация террористического сообщества и участие в нем	44
ст. 205.5	Организация деятельности террористической организации и участие в ней	94
ст. 205.6	Несообщение о преступлении террористического характера	84
ст. 206	Захват заложника	2
ст. 207	Заведомо ложное сообщение об акте терроризма	682
ст. 208	Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем	25
ст. 211	Угон воздушного, водного транспорта или железнодорожного подвижного состава	4
ст. 220	Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами	1
ст. 221	Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ	0
ст. 360	Нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой	8
ст. 361	Акт международного терроризма	4

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, статистический портал, форма «Данные о назначенном наказании по статьям УК», 2024 год.

Постатейная статистика показывает, что основной массив осужденных приходится не только на террористический акт по ст. 205 УК РФ, но и на сопутствующие составы: публичное оправдание и пропаганду терроризма, содействие террористической деятельности, участие в деятельности террористической организации, несообщение о преступлении. Это означает, что современная террористическая угроза существует не только в форме совершенного теракта, но и в форме информационного сопровождения, вербовки, вовлечения, организационной поддержки и сокрытия информации.

Для вопроса о смертной казни из этого следует обратный вывод: не все террористические составы могут быть основанием для исключительной меры наказания. Статья 205.2 УК РФ, несмотря на высокий показатель осужденных, относится к информационным формам террористической активности. Статья 205.3 УК РФ охватывает обучение, то есть подготовительную деятельность. Статья 205.6 УК РФ связана с несообщением. Автоматическое включение таких составов в перечень преступлений, за которые возможна смертная казнь, разрушило бы исключительный характер меры и создало бы риск чрезмерного расширения.

Таблица 3 – Судебная статистика по экстремистским составам УК РФ за 2024 год

Статья УК РФ	Краткое наименование	Осуждено в 2024 г.
ст. 280	Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности	215
ст. 280.1	Публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности РФ	1
ст. 280.2	Нарушение территориальной целостности РФ	0
ст. 280.3	Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации	63
ст. 280.4	Публичные призывы к деятельности, направленной против безопасности государства	14

ст. 282	Возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства	42
ст. 282.1	Организация экстремистского сообщества	23
ст. 282.2	Организация деятельности экстремистской организации	274
ст. 282.3	Финансирование экстремистской деятельности	38
ст. 282.4	Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики	127
ст. 354.1	Реабилитация нацизма	52

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, статистический портал, форма «Данные о назначенном наказании по статьям УК», 2024 год.

Экстремистские составы важны для общей оценки радикализации и состояния информационной среды. Они показывают, что угроза национальной безопасности формируется не только через завершенные насильственные преступления, но и через идеологическую, организационную и коммуникационную подготовку. Вместе с тем экстремистская преступность не должна механически смешиваться с терроризмом и диверсией при обсуждении смертной казни. Она может создавать почву для радикализации, но сама по себе не является достаточным основанием для включения соответствующих статей в закрытый перечень преступлений, за которые могла бы обсуждаться исключительная мера наказания.

Таблица 4 – Судебная статистика по диверсионным составам УК РФ за 2024 год

Статья УК РФ	Краткое наименование	Осуждено в 2024 г.
ст. 281	Диверсия	48
ст. 281.1	Содействие диверсионной деятельности	3
ст. 281.2	Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности	0
ст. 281.3	Организация диверсионного сообщества и участие в нем	2

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, статистический портал, форма «Данные о назначенном наказании по статьям УК», 2024 год.

По ст. 281–281.3 УК РФ в 2024 г. зафиксирован меньший массив осужденных, чем по террористическим составам. Стоит отметить, важна не только численность, но и характер угрозы, так диверсия направлена на подрыв экономической безопасности и обороноспособности, может затрагивать транспорт, энергетику, связь, оборонные объекты и иную критическую инфраструктуру. Поэтому даже при меньших абсолютных показателях диверсионные составы имеют самостоятельное значение для дискуссии о национальной безопасности.

Приведенные статистические данные показывают, что вопрос о смертной казни не может решаться через простую реакцию на общественный резонанс. Превентивная функция наказания должна сопоставляться с отсутствием бесспорных доказательств большей эффективности смертной казни по сравнению с пожизненным лишением свободы. Защита общества и восстановление социальной справедливости должны соотноситься с риском судебной ошибки и необратимостью наказания. Общественный запрос на жесткое наказание не отменяет конституционные ограничения и требование правовой определенности.

Кроме того, сама статистика показывает неоднородность угроз. Одно дело – террористический акт, повлекший гибель людей; другое – публичное оправдание терроризма; третье – обучение в целях осуществления террористической деятельности; четвертое – несообщение о преступлении. Все эти составы важны для противодействия терроризму, но их общественная опасность различна. Поэтому смертная казнь, если она обсуждается, может относиться только к особо квалифицированным составам, где есть умышленное преступление, прямая связь с терроризмом или диверсией, гибель человека или массовая гибель людей, разрушение критической инфраструктуры, подрыв обороноспособности, особо тяжкие последствия и доказанная роль лица как исполнителя, организатора, руководителя или непосредственного соучастника.

Особого внимания требует соотношение смертной казни и пожизненного лишения сво-

боды. Сегодня пожизненное лишение свободы фактически выполняет функцию альтернативной исключительной меры. Оно устраняет возможность дальнейшего причинения вреда обществу конкретным осужденным и при этом сохраняет возможность пересмотра дела в случае судебной ошибки. Смертная казнь может обсуждаться только тогда, когда пожизненное лишение свободы признается недостаточным с точки зрения восстановления социальной справедливости и защиты общества. Но само по себе общественное возмущение после резонансного преступления не может быть достаточным основанием для назначения смертной казни. Критерием должна быть юридически установленная совокупность признаков: умысел, последствия, объект посягательства, роль виновного, степень общественной опасности и доказанность вины.

Правовая модель возможного восстановления смертной казни не может начинаться с простой формулы об «отмене моратория», поскольку в российском праве сложился не единичный запретительный акт, а комплексный режим неприменения высшей меры наказания. Дубовиченко и Карлов обоснованно указывают, что применительно к смертной казни речь идет именно о правовом режиме, включающем правоустанавливающую и организационную составляющие; авторы прямо пишут, что «в отношении смертной казни сложился особый правовой режим блокирования норм, допускающих назначение смертной казни по действующему УК РФ» [1, с. 95]. Это означает, что восстановление смертной казни не может быть оформлено ведомственным решением, указом или разовой политической инициативой, поскольку проблема находится на пересечении Конституции РФ, ст. 59 УК РФ, уголовно-процессуальных гарантий и правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В действующем праве смертная казнь формально не исключена из УК РФ, но фактически не применяется вследствие конституционно-правового режима, сформированного Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П и Определением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р. Кудрявцев подчеркивает, что Определение № 1344-О-Р закрепило бессрочность моратория и сделало назначение и применение смертной казни в условиях действующей Конституции РФ невозможным [2, с. 229]. Поэтому первичная юридическая задача состоит не в техническом добавлении смертной казни в санкции отдельных статей, а в устранении неопределенности между формальным сохранением этого наказания в уголовном законе и фактической невозможностью его назначения судом.

Юридически предпочтительной формой выступает федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением условий применения исключительной меры наказания». Такая конструкция позволяет не создавать самостоятельный чрезвычайный закон «о смертной казни», а встроить возможное восстановление высшей меры в систему действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В этом случае законодатель одновременно определяет пределы применения смертной казни в ст. 59 УК РФ, корректирует отдельные квалифицированные составы Особенной части УК РФ, закрепляет специальные процессуальные гарантии в УПК РФ и вводит переходные положения, исключающие обратную силу и расширительное толкование.

Данный подход согласуется и с позицией Григорьева, который, хотя и выступает за полное исключение смертной казни из законодательства, справедливо фиксирует, что сама проблема не может решаться ссылкой только на прекращение международно-правовых обязательств России. Автор отмечает, что выход РФ из Совета Европы не является неизбежной предпосылкой для отмены моратория, поскольку действующий режим связан не только с международным правом, но и с внутренними решениями Конституционного Суда РФ [3, с. 11]. Именно поэтому даже модель ограниченного восстановления смертной казни должна начинаться с конституционно-правовой оценки, а не с прямого изменения санкций статей УК РФ.

Центральной нормой, требующей изменения при любой модели восстановления смертной казни, является ст. 59 УК РФ. В действующей редакции она устанавливает, что смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, а также сохраняет запрет ее назначения женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесятипятилетнего возраста. Эти ограничения имеют системное значение, поскольку показывают, что даже формально предусмотренная смертная казнь в российском уголовном праве изначально мыслилась не как общее наказание за угрозу государству, а как предельная мера за наиболее опасные посягательства на жизнь.

Изменение ст. 59 УК РФ не должно сводиться к формуле о «разрешении» смертной казни. Такая редакция была бы юридически недостаточной, поскольку не определяла бы критерии отбора составов, пределы судебного усмотрения,

связь с последствиями преступления и гарантии от назначения необратимого наказания при сомнительной доказательной базе. Более обоснованная конструкция должна закреплять, что смертная казнь сохраняется как исключительная мера наказания, может применяться только за особо тяжкие преступления, предполагает посягательство на жизнь либо наступление смерти человека, массовой гибели людей или иных особо тяжких последствий, а само преступление должно быть связано с террористической или диверсионной деятельностью либо прямым подрывом национальной безопасности.

Возможная юридическая модель ст. 59 УК РФ должна также закреплять обязательное рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, прямой запрет назначения смертной казни при наличии неустранимых сомнений и сохранение действующих субъектных ограничений. Это означает, что смертная казнь не может назначаться несовершеннолетним, женщинам, мужчинам старше установленного возраста, а также лицам, в отношении которых применение такой меры исключается исходя из действующей логики ст. 59 УК РФ и общих принципов уголовной ответственности. Дополнительное условие о неустранимых сомнениях необходимо потому, что необратимый характер наказания требует более высокого стандарта судебной уверенности, чем по обычным уголовным делам.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что вопрос о смертной казни в современном уголовном праве России не может рассматриваться изолированно от состояния национальной безопасности, динамики террористических и диверсионных угроз, а также сложившегося конституционно-правового режима ее неприменения. Официальная статистика МВД РФ и судебные данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют о росте преступлений террористического характера и актуализации диверсионных составов, однако эти показатели сами по себе не дают основания для механического восстановления высшей меры наказания. Их значение состоит в другом: они показывают, что уголовно-правовая политика должна точнее разграничивать обычное усиление ответственности и исключительные меры реагирования на преступления, затрагивающие жизнь людей, критическую инфраструктуру, обороноспособность и устойчивость государства.

Ключевым условием возможного восстановления смертной казни является не только изменение санкций отдельных статей УК РФ, а комплексная правовая реформа. Она должна включать корректировку ст. 59 УК РФ, точное определение пределов применения исключительной меры в Особенной части УК РФ, специальные гарантии в УПК РФ, обязательное участие защитника, суд присяжных, полный судебный порядок рассмотрения дела, автоматический апелляционный и кассационный пересмотр, проверку Верховным Судом РФ, право на помилование, запрет назначения смертной казни при неустранимых сомнениях и запрет обратной силы. Без таких условий смертная казнь вступила бы в противоречие с принципами правовой определенности, индивидуализации наказания и недопустимости необратимого наказания при сомнительной доказательной базе.

Особое значение сохраняют правовые позиции Конституционного Суда РФ. Поскольку режим неприменения смертной казни сформирован не одним нормативным актом, а совокупностью конституционных, уголовно-правовых и процессуальных условий, его пересмотр невозможен в форме простой отмены моратория. Перед принятием соответствующих изменений требуется конституционно-правовая определенность относительно пределов ст. 20 Конституции РФ, допустимости расширения ст. 59 УК РФ и соотношения новой модели с ранее сформированным режимом неприменения смертной казни. Роль Верховного Суда РФ также является обязательной, поскольку без разъяснений о критериях особо тяжких последствий, причинной связи, роли соучастников и применении пожизненного лишения свободы судебная практика может стать неоднородной.

Итоговая позиция состоит в том, что смертная казнь может обсуждаться только как исключительная, предельно ограниченная и процессуально защищенная мера, применимая к наиболее опасным террористическим и диверсионным преступлениям с доказанными особо тяжкими последствиями. Плавная отмена моратория в таком подходе означает не немедленное возвращение смертной казни, а поэтапное создание правовой модели: анализ статистики и практики, обращение к Конституционному Суду РФ, принятие федерального закона о внесении изменений в УК РФ, УПК РФ и отдельные законодательные акты, установление закрытого перечня составов, переходный период, разъяснения Верховного Суда РФ и последующий мониторинг яприменения. Только такая конструкция позволяет обсуждать высшую меру наказания в связи с угрозами национальной безопасности, не разрушая действующую систему уголовного и конституционного права.

Список литературы:

[1] Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Правовой режим неприменения смертной казни в России: правовая природа и проблемы обратной силы // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2022. № 4. Т. 2. С. 93–99.

[2] Кудрявцев Ю. А. О юридической силе решений Конституционного Суда РФ в контексте дискуссии об отмене моратория на смертную казнь // Социология и право. 2025. Т. 17. № 2. С. 229–239.

[3] Григорьев П. А. Смертная казнь в уголовном праве РФ: новое решение старой проблемы // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 10–16.

[4] Шрагер В. В., Попова Е. И. Диверсионная деятельность: вопросы уголовно-правовой квалификации // Вестник науки. 2025. № 10 (91). Т. 4. С. 341–351.

[5] Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 78–84. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-3-78-84..

[6] Уманцев Н. В., Ершов К. А. Эволюция уголовно-правового противодействия диверсии в РФ: на основе законодательных новаций // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 12-2 (111). С. 278–282. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-12-2-278-282..

[7] Артамонова М. А., Савчишкина О. Г. К некоторым вопросам уголовной ответственности за преступления террористической направленности и моратория на вынесение смертной казни в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 316–318. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_316..

[8] Маликов Ш. Э., Шмелев Б. О. К вопросу о формировании общественного запроса об отмене моратория на смертную казнь в условиях специальной военной операции // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 394–396. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_4_394..

[9] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года : статистический сборник / МВД России, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». М., 2025.

[10] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года : статистический сборник / МВД России, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». М., 2026.

[11] Данные о назначенном наказании по статьям УК : 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : статистический портал. URL: https://stat.xn—7sbqk8achja.xn–p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 03.05.2026).

References:

[1] Dubovichenko S.V., Karlov V.P. The legal regime of non-use of the death penalty in Russia: legal nature and retroactive problems // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2022. № 4. VOL. 2. S. 93-99.

[2] Kudryavtsev Yu. A. On the legal force of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the discussion on the abolition of the moratorium on the death penalty // Sociology and law. 2025. VOL. 17. № 2. S. 229-239.

[3] Grigoriev P. A. The death penalty in the criminal law of the Russian Federation: a new solution to the old problem // Criminal justice. 2024. № 23. S. 10-16.

[4] Shrager V.V., Popova E.I. Sabotage: issues of criminal legal qualification // Bulletin of Science. 2025. № 10 (91). VOL. 4. P. 341-351.

[5] Ivantsov S.V., Borisov S.V. Topical issues of criminal law counteraction to sabotage activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3. S. 78-84. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-3-78-84..

[6] Umantsev N.V., Ershov K.A. Evolution of criminal law counteraction to sabotage in the Russian Federation: based on legislative innovations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 12-2 (111). S. 278-282. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-12-2-278-282..

[7] Artamonova M.A., Savchishkina O.G. On some issues of criminal liability for crimes of a terrorist nature and a moratorium on the imposition of the death penalty in modern conditions // Agrarian and land law. 2024. № 5 (233). S. 316-318. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_316..

[8] Malikov Sh. E., Shmelev B.O. On the formation of a public request to lift the moratorium on the death penalty in the context of a special military operation // Agrarian and land law. 2024. № 4 (232). S. 394-396. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_4_394..

[9] The state of crime in Russia in January - December 2024: statistical collection/Ministry of Internal Affairs of Russia, PKU "Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia." M., 2025.

[10] State of crime in Russia in January - December 2025: statistical collection/Ministry of Internal Affairs of Russia, PKU "Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia." M., 2026.

[11] Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code: 2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: statistical portal. URL: https ://stat.xn--7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (Accessed: 03.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-84-90

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Исследование посвящено комплексному анализу особенностей исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена последовательной гуманизацией уголовной политики, расширением практики применения альтернативных лишению свободы видов наказания, а также существенными изменениями законодательства, вступившими в силу в 2025-2026 годах. Целью исследования стали выявление правовых и организационных проблем, возникающих при исполнении наказаний без изоляции от общества, а также формулирование предложений по повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций и иных подразделений ФСИН России. Для реализации поставленной цели использовались диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). В ходе исследования проанализированы нормы Уголовного кодекса РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», а также ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России. Особое внимание уделено анализу изменений, внесенных Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ в статью 50 УК РФ и Федеральным законом от 23.07.2025 № 219-ФЗ в УИК РФ, которые с 20 января 2026 года существенно изменили порядок назначения и исполнения исправительных и принудительных работ. Рассмотрены вопросы поэтапной организации исполнения наказаний без изоляции от общества, а также проанализированы некоторые статистические показатели деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Выявлены проблемы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления, центрами занятости населения и работодателями. Изучены недостатки правового регулирования порядка замены исправительных работ более строгими видами наказания при злостном уклонении от их отбывания. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, направленные на повышение эффективности применения наказаний, связанных с обязательной трудовой деятельностью.*

Ключевые слова: *наказания без изоляции от общества, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, уголовно-исполнительные инспекции, исполнение наказания, гуманизация уголовной политики, пробация, удержания из заработной платы, злостное уклонение.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF THE EXECUTION OF PUNISHMENTS NOT RELATED TO THE ISOLATION OF CONVICTS FROM SOCIETY IN THE MODERN CONDITIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. *This study provides a comprehensive analysis of the features of the execution of criminal penalties not involving the isolation of the convicted person from society in the context of the reform of the penal enforcement system of the Russian Federation. The relevance of the topic is conditioned by the consistent humanisation of criminal policy, the expanding practice of applying alternatives to deprivation of liberty, and significant legislative changes that came into force in 2025-2026. The objective of the study is to identify the legal and organisational problems arising in the execution of punishments without isolation from society, as well as to formulate proposals for improving the efficiency of the activities of penal enforcement inspectorates and other units of the Federal Penitentiary Service of Russia. To achieve the stated objective, the dialectical method of cognition, general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, generalisation), and specific legal methods (formal-legal, comparative-legal, method of interpreting legal norms) were employed. In the course of the research, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, Federal Law № 103-FZ of 15 July 1995 «On the Detention of Suspects and Accused Persons of Committing Crimes», Federal Law № 10-FZ of 6 February 2023 «On Probation in the Russian Federation», as well as departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, were analysed. Particular attention is paid to the analysis of the amendments introduced by Federal Law № 218-FZ of 23 July 2025 to Article 50 of the Criminal Code of the Russian Federation and by Federal Law № 219-FZ of 23 July 2025 to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, which, from 20 January 2026, significantly changed the procedure for the imposition and execution of corrective and forced labour. The issues of the stage-by-stage organisation of the execution of punishments without isolation from society are examined, and some statistical indicators of the activities of penal enforcement inspectorates are analysed. Problems of interaction between penal enforcement inspectorates and local self-government bodies, employment centres and employers are identified. Deficiencies in the legal regulation of the procedure for substituting corrective labour with more severe types of punishment in the event of malicious evasion of serving it are studied. Based on the results of the research, proposals are formulated for improving criminal and penal enforcement legislation, aimed at enhancing the effectiveness of the application of punishments involving compulsory labour activity.*

Key words: *punishments without isolation, compulsory labour, corrective labour, forced labour, penal enforcement inspectorates, execution of punishment, humanisation of criminal policy, probation, deductions from wages, malicious evasion.*

Введение. Одним из приоритетных направлений современной уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации является расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Общая тенденция на гуманизацию уголовного правосудия в России по-прежнему сохраняется.

Достижение целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений), во многом зависит не только от правильности его назначения, но и от своевременного и надлежащего исполнения [1, с. 52]. Исполнение приговора суда является завершающей стадией уголовного процесса. В связи с этим актуальным является рассмотрение особенностей порядка и условий исполнения альтернативных лишению свободы видов наказания в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы.

Особую актуальность приобретает анализ последних изменений законодательства. Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ, вступившем в силу с 20 января 2026 года, внесены существенные изменения в Уголовный кодекс РФ. Согласно новой редакции ст. 50 УК РФ, исправительные работы назначаются только осужденному, имеющему основное место работы, с отбыванием на рабочем месте. Принудительные работы отнесены к самостоятельному виду наказания без предварительного назначения лишения свободы. Одновременно Федеральным законом от 23.07.2025 № 219-ФЗ внесены соответствующие изменения в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, уточняющие порядок исполнения наказания

в виде исправительных работ, условия и порядок исчисления срока отбывания такого наказания, а также ответственность за нарушение порядка и условий отбывания исправительных работ.

Внесенные изменения требуют переосмысления сложившихся подходов к назначению и исполнению исправительных и принудительных работ, а также выработки новых организационно-правовых механизмов их реализации в деятельности уголовно-исполнительных инспекций и иных подразделений ФСИН России.

Методы и принципы исследования. Для изучения особенностей исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, использовался комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть исследуемые правовые явления в развитии и взаимосвязи с иными институтами уголовного и уголовно-исполнительного права. Методы анализа и синтеза применены при изучении норм действующего законодательства, выявлении правовых пробелов и коллизий. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления правового регулирования различных видов наказаний (обязательных, исправительных, принудительных работ), а также для сравнения ранее действовавшей и новой редакции ст. 50 УК РФ, а также соответствующих норм УИК РФ. Формально-юридический метод позволил провести толкование правовых норм, регулирующих порядок исполнения анализируемых наказаний. Метод обобщения применен при формулировании выводов и предложений по совершенствованию законодательства. В ходе исследования также использовались статистические методы для анализа показателей деятельности уголовно-исполнительных инспекций на примере отдельных субъектов России.

Основные результаты. Весь период исполнения и отбывания наказаний без изоляции осужденных от общества, исходя из общей теории прогрессивной системы отбывания уголовных наказаний, можно подразделить на три самостоятельных этапа: первоначальный, основной, итоговый [2, с. 64].

Первоначальный этап является важным, так как именно на этом этапе возникают уголовно-исполнительные отношения между осужденными и органами, осуществляющими за ними контроль и надзор. На первоначальном этапе у осужденных возникает новый, свойственный только им специальный статус, распространяющийся на весь период отбывания наказания.

Порядок согласования рабочих мест для осужденных к исправительным и обязательным работам предусматривает подписание УИИ и органами местного самоуправления соглашения, в рамках которого определяются места, объекты и характер работ, обязанности сторон, а также срок действия данного соглашения. В случае изменений, например, нехватки рабочих мест, в данное соглашение могут быть внесены изменения и дополнения.

Постановка осужденных на учет при получении обвинительного приговора суда включает: проверку документов с целью установления личности осужденного; составление анкеты с основными данными об осужденном и его ближайшем окружении; проведение дактилоскопирования; установление необходимых данных для исполнения конкретного вида наказания (наличие несовершеннолетних детей в возрасте до трех лет, инвалидности или беременности, постоянного места работы или учебы).

В ходе первоначальной беседы сотрудниками УИИ разъясняются: порядок и условия отбывания наказания; права и обязанности осужденного; последствия злостного уклонения от отбывания наказания; последствия совершения повторного преступления; право обращения в суд для предоставления отсрочки отбывания наказания; порядок получения необходимых документов.

Основной этап заключается в осуществлении контроля и надзора со стороны специализированных органов в отношении подконтрольных осужденных [3, с. 419]. Данный этап подразумевает непосредственную организацию исполнения и отбывания наказания с учетом личности осужденных, их поведения и отношения к процессу отбывания наказания.

Например, при исполнении исправительных работ УИИ ведет учетную карточку для каждого осужденного, где фиксируются часы работы, заработная плата и удержания. Инспекция осуществляет контроль за правильностью и своевременностью удержаний из заработной платы и перечислением удержанных сумм в соответствующий бюджет, исполнением требований приговора суда администрацией организации не реже одного раза в шесть месяцев, а в случае назначения наказания менее шести месяцев – не менее одного раза в течение срока наказания (приказ Минюста РФ от 20.05.2009 № 142).

Осужденные не имеют права уволиться с работы без письменного разрешения УИИ. В случаях, когда осужденному необходимо переехать, УИИ получает разрешение от местных властей и выдает предписание, передавая соответствующие документы в организацию по новому месту отбывания наказания.

Обязанности осужденных к исправительным работам определены в ч. 1 ст. 40 УИК РФ: соблюдать порядок и условия отбывания наказания, добросовестно относиться к труду и являться в УИИ по ее вызову. К нарушениям (ч. 1 ст. 46 УИК РФ) относятся: неявка на работу без ува-

жительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания УИИ; неявка в УИИ без уважительных причин; прогул или появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения.

При исполнении обязательных работ УИИ обязана привлечь осужденного к выполнению работ в течение 15 рабочих дней с момента регистрации соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления) в журнале входящей корреспонденции. В этот период УИИ вызывает осужденного для разъяснения порядка и условий отбывания наказания, оформляет личное дело и учетную карточку [4, с. 40].

Организация контроля включает: контроль явки осужденного; направление копии приговора в органы местного самоуправления; организацию воспитательного воздействия; ежемесячный запрос табеля отработанного времени; еженедельный контроль количества отработанного времени; ежемесячное посещение объекта выполнения работ; принятие мер по информации о нарушениях трудовой дисциплины [5, с. 76].

Администрация муниципального образования обязана: определять перечень организаций для отбывания обязательных работ; издавать соответствующее постановление; контролировать его исполнение. Глава муниципального образования предоставляет рабочие места, определяет характер работ, организует контроль за выполнением работ, содействует воспитательному процессу, уведомляет УИИ о нарушениях, ведет ежедневный табель учета рабочего времени осужденного.

Практически всегда осужденные к различным видам работ совершают нарушения, связанные с их трудовой деятельностью (невыход на работу без уважительных причин, несоблюдение трудовой дисциплины), а также и другие – смена места жительства без уведомления УИИ, неявка по вызову сотрудниками инспекции [6, с. 336]. Поэтому достаточно часто осужденным выносятся предупреждения, материалы с представлением о замене другим видом наказания направляются в суд, при необходимости проводятся розыскные мероприятия [7, с. 112]. Кроме того, в течение первых трех лет отбытия наказания без изоляции от общества осужденные совершают новые преступления и в связи с этим наблюдается рост рецидивной преступности в нашей стране [8].

Если обратиться к статистическим данным деятельности пенитенциарного ведомства отдельных субъектов России, то можно сказать следующее. Во многих субъектах РФ также наблюдается увеличение количества осужденных к наказаниям без изоляции от общества, создаются места для отбывания наказания в виде принудительных работ, происходит рост уровня занятости оплачиваемым трудом осужденных, имеющих исковые требования. Ежегодно на расширенных заседаниях главных управлений (управлений) Федеральной службы исполнения наказаний субъектов РФ рассматриваются результаты исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, а также обобщаются итоги реализации Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» за календарный год. К примеру в прошлом году по учетам уголовно-исполнительной инспекции в Республике Саха (Якутия) прошло более 6 тыс. осужденных без изоляции от общества, из них 90 несовершеннолетних. По учетам исправительных центров и участков, функционирующих как исправительный центр, прошло более 400 осужденных к принудительным работам. Повторных преступлений данными лицами допущено не было. Все осужденные к принудительным работам трудоустроены в сфере жилищно-коммунального обеспечения, ремонта дорог и других отраслях. Уровень их средней заработной платы за последний год увеличился и составил около 60 тыс. руб. [9].

Итоговым этапом является завершением процесса исполнения наказания и предполагает подготовку осужденных к жизни вне контроля уголовно-исполнительных инспекций, возвращение в общество законопослушных граждан [10, с. 319]. Подготовка к освобождению и адаптация осужденных к современным реалиям жизни в обществе после отбытия наказания все чаще рассматривается представителями УИС и специалистами в сфере ресоциализации, социальной адаптации как часть пробационной деятельности в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ, но только в том случае, если осужденный изъявил желание участвовать в специальной программе, предусмотренный данным законом.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты», 07.12.2023 во Владимирском юридическом институте ФСИН России. Доклад на тему: «Организация исполнения наказаний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;

Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Рос-

сийской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, 11.01.2024 в Самарском юридическом институте ФСИН России. Доклад на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;

Научно-практической конференции «Пенитенциарная наука: история и современность», посвященная 25-летию образования НИИ ФСИН России, состоявшейся 25.04.2024. Доклад на пленарном заседании тему: «Современные векторы развития пенитенциарной науки»;

24 Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк) 16-17.10.2024. Доклад на пленарном заседании на тему: «Актуальные вопросы исполнения принудительных работ: организационно-правовой и психолого-педагогический анализ».

Заключение. Проведенное исследование особенностей исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы позволяет сформулировать следующие выводы.

Последовательная гуманизация уголовной политики Российской Федерации подтверждается статистическими данными. Президент Российской Федерации Владимир Путин на ежегодном совещании судей призвал к дальнейшей гуманизации уголовного законодательства, отметив, что число случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в 2025 году уменьшилось на 6,2% [11].

Анализ практической деятельности уголовно-исполнительных инспекций выявил достаточно высокий уровень нарушений порядка и условий отбывания наказания [12, с. 269]. Эффективная реализация наказаний, не связанных с изоляцией от общества, невозможна без налаженного межведомственного взаимодействия. Во взаимодействии с МВД организован комплекс мероприятий по предупреждению повторной преступности среди осужденных без изоляции от общества [13, с. 247; 14, с. 48].

Принятые в 2025 году Федеральные законы № 218-ФЗ и № 219-ФЗ, вступающие в силу с 20 января 2026 года, существенно изменяют правовое регулирование исправительных и принудительных работ.

Главному федеральному органу исполнительной власти России целесообразно разработать и утвердить единый регламент межведомственного информационного обмена при исполнении наказаний без изоляции от общества, который определит порядок, сроки и объем передаваемой информации между УИИ, ИЦ (УФИЦ), органами местного самоуправления, центрами занятости населения, налоговыми органами и Социальным фондом России.

Таким образом, наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, являются важным инструментом уголовной политики, позволяющим достигать целей наказания без применения крайней меры – лишения свободы. Эффективность их применения напрямую зависит от качества правового регулирования, организационного обеспечения и межведомственного взаимодействия [15, с. 23-24]. Принятые в 2025-2026 годах изменения законодательства свидетельствуют о стремлении законодателя совершенствовать данный институт. Вместе с тем сохраняется ряд системных проблем, требующих дальнейшего научного осмысления и законодательного решения.

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Серела Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[3] Ковалев О.Г. Правовое регулирование психолого-педагогических механизмов социальной адаптации осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций // Образование и право. 2024. № 10. С. 418–423.

[4] Ковалев О.Г. Психолого-педагогическое обеспечение исполнения уголовно-исполнительными инспекциями обязательных работ // Глобальный научный потенциал. 2024. № 10 (163). С. 39–41.

[5] Ковалев О.Г. Ответственность осужденных к обязательным работам: современные правовые и психолого-педагогические механизмы // Международный научный вестник. 2025. № 8. С. 72–78.

[6] Ковалев О.Г. Современные правовые и организационные проблемы применения и исполнения условного осуждения // Право и управление. 2024. № 9. С. 333–337.

[7] Ковалев О.Г. Право осужденных – иностранных граждан на поддержание связей с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями при отбывании уголовных наказаний // Международный научный вестник. 2025. № 7. С. 110–115.

[9] Подведены итоги деятельности подразделений, обеспечивающих исполнение наказаний

без изоляции от общества. Новости УФСИН России по Республике Саха (Якутия) от 30.01.2026. URL: https://sakhatime.ru/society/113700/ (дата обращения: 05.07.2026).

[10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / А. В. Бриллиантов, В. В. Геранин, С. М. Зубарев [и др.] ; Под редакцией В.И. Селиверстова. Москва: Издательство Проспект, 2008. 448 с.

[11] Путин отметил работу судов по гуманизации уголовного законодательства. ТАСС-Медиа. Новости от 19.02.2026. URL: https://tass.ru/obschestvo/26500489 (дата обращения: 05.07.2026).

[8] Минюст заявил, что до 43% отбывших наказание в течение 3 лет совершают новое преступление. URL: https://tass.ru/obschestvo/19470931 (дата обращения: 05.07.2026).

[12] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Федоров А.В., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К., Кикоть В.Я., Ковалев О.Г., Овчинский В.С., Черников В.В. Москва, 2006. 426 с.

[13] Ковалев О.Г. Обязанности администрации организаций, в которых работают осужденные как фактор эффективного исполнения исправительных работ // Право и управление. 2025. № 9. С. 244–248.

[14] Ковалев О.Г. Правовые и организационные вопросы влияния условий труда осужденных к принудительным работам на их правовое положение // Международный научный вестник. 2026. № 2. С. 46–50.

[15] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Информационные вызовы современного государства и общества и пути их преодоления уголовно-исполнительной системой России // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 3 (76). С. 19–24.

References:

[1] Kovalev O.G., Baev O.Ya. Criminal Law of Russia. Special Part: Textbook. Moscow, 2007. 374 p.

[2] Trunov I.L., Filimonov O.V., Ayvar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geykhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Serela E.V., Kazakova V.A. Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Moscow, 2006. 148 p.

[3] Kovalev O.G. Legal Regulation of Psychological and Pedagogical Mechanisms of Social Adaptation of Convicts Registered with Penal Enforcement Inspectorates. Education and Law, 2024, no. 10, pp. 418–423.

[4] Kovalev O.G. Psychological and Pedagogical Support for the Execution of Compulsory Labour by Penal Enforcement Inspectorates. Global Scientific Potential, 2024, no. 10 (163), pp. 39–41.

[5] Kovalev O.G. Liability of Convicts Sentenced to Compulsory Labour: Contemporary Legal, Psychological and Pedagogical Mechanisms. International Scientific Bulletin, 2025, no. 8, pp. 72–78.

[6] Kovalev O.G. Contemporary Legal and Organizational Problems of the Application and Execution of Conditional Sentence. Law and Governance, 2024, no. 9, pp. 333–337.

[7] Kovalev O.G. The Right of Convicted Foreign Nationals to Maintain Contacts with Diplomatic Missions and Consular Posts While Serving Criminal Sentences. International Scientific Bulletin, 2025, no. 7, pp. 110–115.

[8] Ministry of Justice stated that up to 43% of those who served a sentence commit a new crime within 3 years. URL: https://tass.ru/obschestvo/19470931 (accessed: 05.07.2026).

[9] Results of the activities of units ensuring the execution of punishments without isolation from society summed up. News of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Sakha (Yakutia) dated 30.01.2026. URL: https://sakhatime.ru/society/113700/ (accessed: 05.07.2026).

[10] Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M. [et al.]. Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article-by-article). Edited by V.I. Seliverstov. Moscow: Prospekt Publishing House, 2008. 448 p.

[11] Putin noted the work of courts on the humanisation of criminal legislation. TASS-Media. News dated 19.02.2026. URL: https://tass.ru/obschestvo/26500489 (accessed: 05.07.2026).

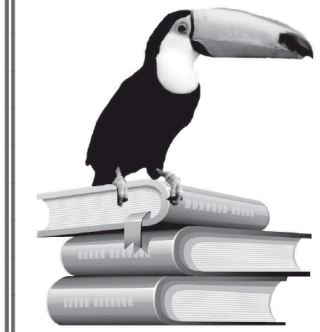
[12] Fedorov A.V., Vagin O.A., Gavrilov B.Ya., Goryainov K.K., Kikot V.Ya., Kovalev O.G., Ovchinsky V.S., Chernikov V.V. Commentary on the Federal Law "On Operational-Search Activity". With the Appendix of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. Moscow, 2006. 426 p.

[13] Kovalev O.G. The Obligations of the Administration of Organisations in Which Convicts Work as a Factor in the Effective Execution of Corrective Labour. Law and Governance, 2025, no. 9, pp. 244–248.

[14] Kovalev O.G. Legal and Organizational Issues of the Influence of Working Conditions of Convicts Sentenced to Forced Labour on Their Legal Status. International Scientific Bulletin, 2026, no. 2, pp. 46–50.

[15] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Information

Challenges of the Modern State and Society and Ways of Overcoming Them by the Penal Enforcement System of Russia. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2025, no. 3 (76), pp. 19–24.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-91-95

МАКОЕВА Евгения Руслановна,
Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук подполковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

КРАВЦОВА Анастасия Михайловна,
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России, e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. *Противодействие коррупции включает в себя деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. Авторами рассматриваются ключевые моменты по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции). Основной упор делается на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией).*

Также в качестве одного из основных направлений авторы выделяют минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

В завершении делается вывод, что несмотря на весьма разветвленную классификацию видов коррупции, все они объединены общностью признаков. Любая коррупция носит межотраслевой характер, имеет специальный субъект, который совершает противоправные действия с использованием своего служебного положения. Сам характер коррупционного преступления обусловлен рядом причин (исторических, экономических, политических и правовых), изучение и понимание которых способствует грамотному формированию направлений антикоррупционной политики государства.

Ключевые слова: *коррупция, преступления, противодействие, законодательство, государство, профилактика, политика, классификация.*

MAKOEVA Evgenija Ruslanovna,
Police lieutenant colonel, Associate Professor the Department of State and Civil Disciplines of the North-Caucasian Institute for Continuing Education (Branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russian Federation, PhD in Philosophy

KRAVTSOVA Anastasia Mikhailovna,
Senior lecturer at the Department of Foreign Languages at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON SOME ISSUES OF COMBATING AND PREVENTING CORRUPTION

Annotation. *Combating corruption involves the activities of federal government bodies, government bodies of constituent entities of the Russian Federation, local governments, civil society institutions, organizations, and individuals within their respective jurisdictions. The authors examine key aspects of corruption prevention, including identifying and subsequently eliminating the causes of corruption (corruption prevention). The primary focus is on identifying, preventing, combating, exposing, and investigating corruption offenses (anti-corruption).*

The authors also highlight the minimization and/or mitigation of the consequences of corruption offenses as a key focus.

In conclusion, the authors conclude that despite the extensive classification of types of corruption, they all share common characteristics. Any corruption is interdisciplinary in nature and involves a specific actor who commits illegal acts using their official position. The nature of corruption is determined by a number of factors (historical, economic, political, and legal), the study and understanding of which contributes to the competent development of state anti-corruption policies.

Key words: *corruption, crimes, counteraction, legislation, state, prevention, policy, classification.*

Каждое государство имеет своей целью благополучно решать социально-экономические и политические задачи, приоритетной из которых является обеспечение высокого уровня и качества жизни населения. Для этих целей необходим наивысший уровень законодательства и устойчивый правопорядок, так как отступление от правового режима наносит урон обществу, государству и человеку.

Особенно опасными являются коррупционные правонарушения, которые проявляются в разных формах и в различных сферах общественных отношений.

Коррупция постоянно развивается и, как любое другое сложное социальное явление, не имеет строгих границ.

Признаки коррупционного правонарушения впервые были предложены Восьмым Конгрессом ООН в Гаване в 1990 году. К ним отнесены:

межотраслевой характер правонарушений (уголовные, дисциплинарные, административные);

специальный статус субъекта;

противоречащее закону использование своего должностного положения;

Разделить коррупционные причины возможно на группы:

1)исторические:

а) кормление: практика содержания чиновников до XVII века осуществлялась за счёт денежных средств, подаваемых местными гражданами:

б) постоянное расширение должностей государственных служащих - так, в 1928 году из 1000 человек количество служащих составляло 6,9, 1940 год показал ещё большее число служащих - 9,5, в 1950 году– 10,2; сегодня же число служащих в РФ около 16,3 из 1000 человек [13];

2)экономические:

а) количество чиновников было настолько велико, что не хватало средств в казне для оплаты их труда; подобная проблема существует и сегодня. Как показывает практика, размер взяток увеличивается в результате увеличения оклада чиновников;

б) у чиновников со временем вытесняются понятия о долге и деловой репутации, а государственная служба воспринимается как деятельность с фиксированной ставкой;

3)политические:

а) у руководства страны отсутствует решимость, которая так необходима для достижения положительных результатов в ходе борьбы с коррупцией. В ходе расследовании громких уголовных дел наблюдается противопоставление здравому смыслу и логике;

б) борьба с коррупцией представляет собой некую ширму, используемую в целях «чистки кадров». Происходит ликвидация ненужных людей из системы. Не исключена и роль СМИ: в ответ на информацию о лице, которое «берёт взятку» незамедлительно появляется общественная реакция [14].

4)правовые;

а) недочёты юридической техники. Показательно растущее число антикоррупционных правовых норм является усложняющим фактором функционирования государственного аппарата;

б) согласно либертарианской системе правосознания, составленной Нерсесянцем В.С. [15], признак права есть равенство. Такое равенство выражается в наделении лиц с неравным статусом равными правами и одинаковой уголовной ответственностью.

в) нарушение принципа справедливости выражается в том, что наказание, предусмотренное статьями УК РФ, имеющими коррупционный характер, говорит о том, что взяткодатель может откупиться от правосудия, а коррупционер имеет возможность на оплату всего лишь штрафа, или же сядет в тюрьму условно, имея возможность быть помилованным в дальнейшем или освободиться досрочно.

Особо опасные проявления коррупции принято делить на 2 вида: хищение государственного имущества и злоупотребление служебным положением при отсутствии признаков хищения.

Власти принимают меры по борьбе с коррупцией, которые носят главным образом правовой характер норм материального и процессуального права, ужесточение наказания несмотря на то, что главные причины коррупции находятся не только в юридической, но и в других сферах.

Дискуссионным в правовой доктрине является вопрос относительно определения особо крупного размера взятки (свыше одного миллиона рублей). На практике зачастую нарушаются принципы соразмерности и справедливости. Так, 8 мая была осуждена Васильева Е.Н. Чиновнице предъявлено обвинение в хищении 3 млрд. руб. из госбюджета. Подсудимая приговорена к 5 годам лишения свободы, при этом 25 августа была освобождена [16].

Если рассматривать коррупцию среди рядовых сотрудников, то она имеет наибольшее распространение в системе Министерства внутренних дел РФ. Опасность данного вида коррупционных правонарушений состоит в том, что для большинства граждан сотрудники полиции являются не только сотрудниками правоохранительных органов, но и представителями государства в целом, а значит при выявлении фактов вымогательства взятки со стороны сотрудников МВД РФ граждане неизбежно распространяют своё негативное отношение и на представителей власти. Коррумпированность сотрудников МВД обусловлена служебным положением, опытом работы, знанием законодательной базы. Указанное способствует совершению коррупционных преступлений с более высокой подготовкой, на более сложном уровне и довольно продолжительное время.

По частоте совершения коррупционных действий выделяют эпизодический и систематический виды коррупции.

Сущность последнего состоит в том, что коррупционные связи, возникшие между физическими и юридическими лицами, носят продолжительный и устойчивый характер.

Эпизодическая же коррупция – это совершенно противоположный вид коррупции, который представляет собой отдельное деяние. Такое деяние совершается должностным лицом в целях личного обогащения. И не предполагает каких-либо межличностных отношений госслужащих с физическими или юридическими лицами. Как правило, стороны взаимодействуют один единственный раз, и должностное лицо, получив соответствующее вознаграждение, больше не встречается с «контрагентом».

Кроме систематичности в доктрине также существует критерий направленности. Выделяют горизонтальную (когда отношения устанавливаются между субъектами напрямую) и вертикальную (когда вышестоящее руководство получает определенную долю за молчание о противоправных действиях подчиненных) коррупцию.

Также можно классифицировать коррупцию по признаку активности лиц (активная и пассивная коррупция). Активная коррупция выражается в непосредственном получении незаконного денежного или иного вознаграждения, а пассивная – в противоправном бездействии и невыполнении своих прямых должностных обязанностей в целях обогащения.

Противодействие коррупции включает в себя деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на весьма разветвленную классификацию видов коррупции, все они объединены общностью признаков. Любая коррупция носит межотраслевой характер, имеет специальный субъект, который совершает противоправные действия с использованием своего служебного положения. Сам характер коррупционного преступления обусловлен рядом причин (исторических, экономических, политических и правовых), изучение и понимание которых способствует грамотному формированию направлений антикоррупционной политики государства.

Противодействие коррупции, как любая целенаправленная деятельность, имеет длящийся характер. Исследование таких сложных и длящихся явлений как противодействие коррупции невозможно в статике, поскольку это не позволит выявить вектор развития антикоррупционной политики. Историческое исследование вопросов противодействия коррупции необходимо для определения принципов и технологий, применявшихся в разное время в антикоррупционной политике, чтобы использовать полезный опыт и не повторить ранее совершенных ошибок.

Список литературы:

[1] Агапов И. О. К вопросу о понятии, уровне и причинах коррупции в России // Вестник ураль-

ского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 29-34.

[2] Волженкин Б.В. Коррупция и уголовный закон // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 6. С. 63-70.

[3] Волженкин Б.В. Коррупция / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург: СПбЮИ, 1998. С. 43.

[4] Карпец И.И. Организованная преступность как социальная и юридическая проблема, ее тенденции и причины / И.И. Карпец // Организованная преступность – 2 – М., 1993. – С.10-26.

[5] Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 4 ноября 1999 года) // СПС «Консультант Плюс».

[6] Кузнецова Н.Ф. Из выступления на конференции «Россия и мировой опыт противодействия коррупции» / Н.Ф. Кузнецова // Материалы конференции «Россия и мировой опыт противодействия коррупции». – М.: Спарк, 2000. С. 67-68.

[7] Максимов С.В. Комментарий об ответственности за коррупционные преступления в сфере негосударственной службы. Материалы конференции «Россия и мировой опыт противодействия коррупции». – М.: Спарк, 2000. – С. 204.

[8] Миньковский Г.М. Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. Материалы научно-практической конференции. – М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1993. С. 14-18.

[9] «Модельный закон о борьбе с коррупцией» (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 Постановлением 13-4 на 13-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «Консультант Плюс».

[10] Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (Принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 Постановлением 22-15 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «Консультант Плюс».

[11] О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[12] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон № 63-ФЗ от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] URL:https://inosmi.ru/world/20150320/226985705.html..

[14] Моисеев В. В. Борьба с коррупцией в России : моногр./ В. В. Моисеев. – М.: Директ-Медиа, 2014. – С. 82.

[15] Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства: Для юридических вузов и факультетов — М.: Норма, Инфра-М, 1998. — С. 288.

[16] URL: https://ria.ru/20150821/1194806373.html.

References:

[1] Agapov I.O. On the question of the concept, level and causes of corruption in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. S. 29-34.

[2] Volzhenkin B.V. Corruption and the criminal law // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1991. № 6. S. 63-70.

[3] Volzhenkin B.V. Corruption/B.V. Volzhenkin. - St. Petersburg: St. Petersburg, 1998. C. 43.

[4] Karpets I.I. Organized crime as a social and legal problem, its trends and causes/I.I. Karpets // Organized crime - 2 - M., 1993. - S.10-26.

[5] Convention on Civil Liability for Corruption (concluded in Strasbourg on November 4, 1999) // SPS "Consultant Plus.".

[6] N.F. Kuznetsova. From a speech at the conference "Russia and the world experience in countering corruption "/N.F. Kuznetsova // Materials of the conference" Russia and the world experience in countering corruption. "- M.: Spark, 2000. S. 67-68.

[7] Maximov S.V. Commentary on Responsibility for Corruption Crimes in the Sphere of Non-Governmental Service. Materials of the conference "Russia and the world experience in combating corruption." - M.: Spark, 2000. - S. 204.

[8] Minkovsky G.M. Legal and organizational problems of combating corruption. Materials of the scientific-practical conference. - M.: Publishing house Acad. MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION, 1993. S. 14-18.

[9] "Model Anti-Corruption Law" (Adopted in St. Petersburg 03.04.1999 Resolution 13-4 at the 13th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States) // SPS "Consultant Plus.".

[10] Model Law "Fundamentals of Anti-Corruption Policy Legislation" (Adopted in St. Petersburg 15.11.2003 by Resolution 22-15 at the 22nd Plenary Meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States // SPS "Consultant Plus.".

[11] Anti-Corruption Law [Electronic Resource]: Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008. Access from the Consultant Plus legal system.

[12] Criminal Code of the Russian Federation [Electronic Resource]: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 No. 63-FZ. Access from the ConsultantPlus legal system.

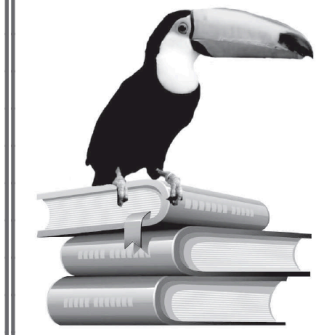
[13] URL:https://inosmi.ru/world/20150320/226985705.html..

[14] Moiseev V.V. The fight against corruption in Russia: monogr ./V.V. Moiseev. - M.: Direct-Media, 2014. - S. 82.

[15] Nersesyants V. S. Jurisprudence. Introduction to the course of the general theory of

law and the state: For law schools and faculties - M.: Norma, Infra-M, 1998. - S. 288.

[16] URL: https://ria.ru/20150821/1194806373.html.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-96-101

ГАДЖИЕВА Фатима Гасановна,
Международно-Правовой
факультет МГИМО МИД РФ, г. Москва,
Российская Федерация,
e-mail: gadzhieva_2002@list.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: AI ACT КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ НОРМАТИВНОГО КОНТРОЛЯ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Предметом настоящей статьи выступает Регламент (ЕС) 2024/1689 (AI Act), принятый Европейским парламентом и Советом ЕС 13 июня 2024 г. Данный акт впервые в мировой законодательной практике закрепил юридически обязательные правила, регламентирующие разработку, размещение на рынке и эксплуатацию систем искусственного интеллекта. Прослеживается формирование европейской концепции нормативного контроля ИИ от Белой книги Еврокомиссии 2020 г. до итогового текста Регламента. Раскрывается механизм классификации систем ИИ по уровням риска, положенный в основу AI Act, с акцентом на категорию запрещенных практик и режим систем высокого риска. Затрагивается проблема экстерриториального действия Регламента в контексте его сопоставления с правовыми режимами третьих стран. Делается вывод о том, что AI Act формирует качественно иную парадигму нормативного контроля технологий, сочетающую превентивные запреты, дифференциацию по уровню риска и институциональное обеспечение инновационной деятельности.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, AI Act, Европейский союз, правовое регулирование, риск-ориентированный подход, цифровые технологии, Регламент 2024/1689, нормативный контроль.*

GADZHIEVA Fatima,
International Law School MGIMO University
Moscow, Russia

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EUROPEAN UNION: THE AI ACT AS A NEW MODEL OF NORMATIVE TECHNOLOGY CONTROL

Annotation. *The paper focuses on Regulation (EU) 2024/1689 (AI Act), adopted by the European Parliament and the Council on 13 June 2024. This act is the first binding legislative instrument worldwide to lay down mandatory rules governing the development, placing on the market and use of artificial intelligence systems. The article traces the evolution of the European regulatory concept from the 2020 White Paper to the final text of the Regulation. The risk-based classification mechanism underpinning the AI Act is examined, with particular attention to prohibited practices and the high-risk regime. The extraterritorial reach of the Regulation is discussed in light of regulatory frameworks of third countries. It is concluded that the AI Act establishes a qualitatively different paradigm of normative technology control, combining preventive prohibitions, risk-level differentiation and institutional support for innovation.*

Key words: *artificial intelligence, AI Act, European Union, legal regulation, risk-based approach, digital technologies, Regulation 2024/1689, normative control.*

Распространение технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) поставило перед юридической наукой вопросы, которые прежние правовые конструкции не позволяют разрешить удовлетворительно. Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев и их соавторы показали, что передача алгоритмическим системам функций принятия решений порождает целый спектр проблем: от установления субъекта ответственности при причинении вреда до обеспечения прозрачности и подотчетности работы подобных систем [3]. Ни одна из существующих отраслей права в отдельности не способна дать на них системный ответ. Именно Европейский союз первым из крупных юрисдикций пошел по пути создания единого нормативного акта, охватывающего весь жизненный цикл систем ИИ, приняв 13 июня 2024 г. Регламент (ЕС) 2024/1689, получивший краткое наименование AI Act.

Выбор темы определяется рядом обстоятельств. AI Act стал первым юридически обязательным актом в мире, который специально посвящен регулированию ИИ [6; 12]. Кроме того, европейская модель уже оказывает ощутимое воздействие на законодательную политику других государств, в том числе Российской Федерации [4; 8]. Наконец, поэтапное введение в действие норм Регламента (с 2 февраля 2025 г. по 2 августа 2026 г.) придает анализу практическую направленность, значимую для субъектов, действующих на европейском рынке или взаимодействующих с ним.

Степень изученности проблемы неравномерна. В отечественной литературе вопросы правового регулирования ИИ получили заметное развитие: следует отметить коллективную работу А.А. Громовой, Г.З. Джавакян и И.Г. Дудко [2], монографию И.А. Филиповой [8], аналитические публикации ИСИЭЗ НИУ ВШЭ [6]. Европейские аспекты темы затрагивались А.Ю. Марченко [7] и А.Г. Шейкиным [9]. Однако полноценный анализ AI Act как завершенной нормативной конструкции, опирающийся на окончательный текст Регламента, в российской доктрине пока представлен фрагментарно. Зарубежная литература, напротив, уже содержит критические оценки Регламента - прежде всего в работах A. Mahmutovic [12], N. A. Smuha и K. Yeung [15], E. G. Bignami и соавторов [11], но их положения нуждаются в переосмыслении через призму российской правовой традиции.

Цель статьи состоит в анализе Регламента (ЕС) 2024/1689 как качественно новой модели нормативного контроля технологий. Соответственно, в работе решаются три задачи: проследить формирование европейского подхода к регулированию ИИ; раскрыть устройство риск-ориентированной архитектуры AI Act; оценить экстерриториальный потенциал Регламента и его место среди международных инициатив.

Методология исследования

В основу работы положен формально-юридический метод, посредством которого раскрывается нормативное содержание AI Act. Сравнительно-правовой метод применяется при сопоставлении европейского подхода с иными юрисдикционными моделями. Системный анализ позволяет выявить внутреннюю логику риск-ориентированной конструкции Регламента. Эмпирическая база охватывает тексты актов ЕС, международные договоры, отечественные и зарубежные научные публикации.

Формирование европейской модели регулирования ИИ: от Белой книги к Регламенту 2024/1689

Нормативная позиция ЕС по вопросам ИИ складывалась постепенно, путем последовательной выработки концептуальных оснований и институциональных решений. А.Ю. Марченко верно замечает, что Европейский союз с самого начала взял курс на формирование целостного правового режима, а не на точечную корректировку отраслевого законодательства [7, с. 33]. Точкой отсчета послужила Белая книга Еврокомиссии «Искусственный интеллект - европейский подход к совершенству и доверию» от 19 февраля 2020 г. В этом документе были определены опорные принципы будущего нормативного акта: ориентация на безопасность, соблюдение фундаментальных прав, содействие технологическому развитию.

Проект Регламента (COM (2021) 206 final) Еврокомиссия внесла 21 апреля 2021 г. По справедливому замечанию З.А. Мамедьярова, подготовительная работа началась ещё в 2020 г., а первоначальная редакция законопроекта отразила стремление ЕС совместить стимулирование технологического прогресса с предупреждением социальных и экономических угроз, связанных с бесконтрольным внедрением ИИ [6]. Согласование текста между Европарламентом и Советом ЕС заняло продолжительное время. 14 июня 2023 г. Парламент поддержал проект значительным большинством (499 голосов за, 28 против, 93 воздержавшихся), однако окончательный политический компромисс был достигнут лишь в декабре 2023 г. по итогам трехдневного раунда переговоров.

Формальное принятие Регламента (ЕС) 2024/1689 состоялось 13 июня 2024 г.; публикация в Официальном журнале ЕС - 12 июля 2024 г.; вступление в силу - 1 августа 2024 г. E.G. Bignami и соавторы обращают внимание на то, что от момента внесения законопроекта до его принятия прошло более трех лет, и столь длительный срок отражает сложность политических компромиссов между государствами, институтами ЕС и заинтересованными группами [11].

Поэтапное введение норм Регламента, рассчитанное на период с февраля 2025 г. по август 2026 г., призвано обеспечить субъектам регулирования время для адаптации к новым обязательствам.

На формирование концептуальных основ AI Act повлияли и смежные нормативные инициативы Евросоюза. Общий регламент по защите данных (GDPR, Регламент 2016 /679), принятый в 2016 г. и применяемый с 2018 г., задал модель экстерриториального применения европейского цифрового законодательства, воспроизведенную затем в AI Act. Параллельно, в сентябре 2022 г., Еврокомиссия опубликовала проект Директивы об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом (COM (2022) 496 final), задуманной для адаптации правил деликтной ответственности к специфике ИИ. Впрочем, как фиксирует литература, в феврале 2025 г. Комиссия отозвала данный проект ввиду невозможности его согласования [11]. Вопрос об ответственности за вред, причиненный ИИ, в результате остался урегулированным лишь отчасти.

Риск-ориентированная архитектура AI Act

Стержнем AI Act служит риск-ориентированный подход к классификации систем ИИ. В зависимости от степени угрозы правам и интересам личности устанавливается различный по интенсивности режим нормативного контроля. Истоки этого подхода прослеживаются в Белой книге 2020 г., а его полное воплощение содержится в итоговом тексте Регламента. A. Mahmutovic квалифицирует AI Act как «проактивный» нормативный акт, предлагающий инструменты, способные эволюционировать вслед за технологией, что выгодно отличает его от традиционных «реактивных» правовых конструкций [12].

Перечень запрещенных практик в области ИИ закреплен в ст. 5 AI Act. Сюда отнесены случаи, при которых риски для фундаментальных прав признаны неприемлемыми: сублиминальное манипулирование поведением; эксплуатация уязвимостей отдельных групп населения (возрастных, связанных с инвалидностью); социальный скоринг со стороны публичных органов; применение систем биометрической идентификации в реальном времени в общественных местах в неизбирательном порядке (за прямо оговоренными изъятиями). А.Г. Шейкин справедливо квалифицирует эти запреты как абсолютные пределы допустимого использования ИИ, не допускающие расширительного толкования [9, с. 108].

Основной массив регуляторных обязательств AI Act сосредоточен в разделе, посвященном системам ИИ высокого риска (ст. 6, Приложение III). К данной категории отнесены системы, функционирующие в критически важных областях: биометрическая идентификация, управление критической инфраструктурой, образование, занятость, правоохранительная деятельность, миграция, отправление правосудия. Регламент обязывает поставщиков таких систем внедрять систему управления рисками (ст. 9), соблюдать требования к данным для обучения и тестирования (ст. 10), вести техническую документацию (ст. 11) и журналы событий (ст. 12), обеспечивать прозрачность и информирование пользователей (ст. 13), предусматривать механизм человеческого контроля (ст. 14), гарантировать точность, устойчивость и кибербезопасность (ст. 15). И.И. Белов обоснованно указывает, что совокупность этих требований к документированию жизненного цикла систем ИИ высокого риска по сути создает новое направление делопроизводства, имеющее междисциплинарный характер [1, с. 98].

Раздел IIIA Регламента посвящен моделям ИИ общего назначения (GPAI), в том числе генеративным системам. На поставщиков GPAI-моделей возложены обязанности по составлению технической документации, раскрытию информации для нижестоящих поставщиков систем ИИ и соблюдению авторско-правовых требований, включая указание материалов, задействованных при обучении модели. Ли Яо подчеркивает, что ЕС проводит политику «твердого» регулирования генеративного ИИ, принципиально отличную от «мягких» подходов Великобритании и США, где предпочтение отдается добровольным кодексам поведения [5].

Институциональное обеспечение AI Act включает создание Управления по ИИ (AI Office) при Еврокомиссии. Этот орган отвечает за контроль соблюдения правил в отношении GPAI-моделей, содействует выработке стандартов и координирует правоприменение. Помимо этого, Регламент предусматривает учреждение Европейского совета по искусственному интеллекту, задача которого - координация между Комиссией и национальными надзорными органами. А.Ю. Марченко справедливо отмечает, что появление таких институтов свидетельствует о понимании законодателем того, что существующие структуры не в состоянии в одиночку справиться с задачами регулирования ИИ [7, с. 35].

Санкционный блок Регламента содержит штрафы значительного размера. Нарушение запретов, закрепленных в ст. 5, влечет взыскание до 35 млн евро (либо 7 % годового мирового оборота). За несоблюдение иных обязательств предусмотрены штрафы до 15 млн евро (3 % оборота), за предоставление недостоверных сведений - до 7,5 млн евро (1,5 % оборота). По своему масштабу эти санкции сопоставимы с теми, что установлены GDPR, и в этом проявляется намерение ЕС обеспечить неукоснительное выполнение

предписаний Регламента.

Заслуживает внимания механизм регуляторных «песочниц» (ст. 57-62). Национальные компетентные органы вправе создавать контролируемые среды для разработки и тестирования инновационных систем ИИ в условиях облегченных регуляторных требований. A. Mahmutovic рассматривает «песочницы» как один из инструментов, благодаря которому AI Act соединяет строгость нормативных предписаний с поддержкой инновационной деятельности [12].

Вместе с тем Регламент не свободен от пробелов. J. Meszaros, I. Huys и J.P.A. Ioannidis указывают на нечеткость границ исследовательских изъятий (research exemptions): поскольку грань между академическими и коммерческими разработками в области ИИ стирается все быстрее, критерии AI Act для отнесения систем ИИ к исследовательским не вполне отвечают реальному положению дел в науке [13]. N.A. Smuha и K. Yeung, в свою очередь, скептически оценивают способность ряда норм Регламента обеспечить провозглашенные цели защиты фундаментальных прав, фиксируя возможные разрывы между нормативной конструкцией и правоприменительной практикой [15].

Экстерриториальное действие и международное измерение AI Act

Одной из существенных характеристик AI Act следует признать его экстерриториальное действие. Статья 2 Регламента распространяет обязательства не только на поставщиков и пользователей систем ИИ, зарегистрированных на территории ЕС, но и на субъектов из третьих стран, если результаты функционирования их систем ИИ используются в пределах Союза. В. Эргашев убедительно показывает, что экстерриториальность AI Act неизбежно порождает коллизии с правовыми порядками США, Китая, Великобритании, придерживающихся собственных моделей регулирования [10]. AI Act, подобно GDPR, претендует тем самым на роль глобального нормативного ориентира, что в научной литературе обозначается понятием «брюссельский эффект».

Контекст принятия AI Act определяется параллельным развитием ряда международных нормативных инициатив. Рекомендация ОЭСР по искусственному интеллекту (2019, пересмотрена в 2024 г.) зафиксировала ценностно-ориентированные принципы ответственного использования ИИ, носящие, однако, рекомендательный характер. Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021), поддержанная 193 государствами, обозначила общие ценностные ориентиры, не создав при этом обязательных нормативных рамок. Конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS No 225), принятая 17 мая 2024 г. и открытая для подписания 5 сентября 2024 г., стала первым юридически обязательным международным договором в этой области. M.A. Presno Linera и A. Meuwese проводят сопоставление AI Act и Рамочной конвенции, подчеркивая, что оба инструмента разрабатывались практически одновременно, но различаются по юридической природе, механизмам правоприменения и кругу адресатов [14].

М. Ю. Лев, Ю. Г. Лещенко и М. Б. Медведева, анализируя роль международных организаций в регулировании ИИ, приходят к заключению о том, что выработка нормативных рамок на международном уровне выступает фактором обеспечения технологической безопасности национальных юрисдикций и создает предпосылки для гармонизации подходов различных государств [4]. С этой точки зрения AI Act является не просто региональным актом, а элементом складывающегося глобального правового режима в сфере ИИ.

Сопоставление европейской модели с подходами иных юрисдикций выявляет глубокие расхождения. В США доминирует саморегулятивная модель: ставка делается на отраслевые инициативы и исполнительные распоряжения (Указ Президента Байдена от 30 октября 2023 г. о безопасном и заслуживающем доверия ИИ).

Китай пошел по пути сегментированного регулирования, приняв Временные меры по управлению генеративными системами ИИ (2023), нацеленные преимущественно на контроль контента. А. А. Громова, Г. З. Джавакян и И.Г. Дудко подчеркивают, что различия между подходами ЕС, США и Китая определяются не одними лишь технологическими, и культурными, политическими, ценностными факторами [2]. Российское законодательство об ИИ, как отмечает И.А. Филипова, находится в стадии становления, и европейский опыт представляет для него несомненный интерес при условии учета специфики отечественной правовой системы [8].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов относительно природы и места AI Act в системе нормативного контроля технологий.

AI Act явился итогом продолжительной эволюции европейской регуляторной политики в цифровой сфере и развивает принципы, заложенные в GDPR. Риск-ориентированная конструкция Регламента дает возможность дифференцировать интенсивность нормативного воздействия сообразно реальной опасности конкретного применения ИИ, чем этот акт принципиально отличается от более однородных регуляторных моделей.

Экстерриториальный характер Регламента формирует предпосылки для превращения AI Act в глобальный регуляторный стандарт, но одновре-

менно порождает риск столкновения с правовыми порядками государств, избравших иные пути регулирования ИИ. Согласование между AI Act и Рамочной конвенцией Совета Европы (CETS No 225) может смягчить подобные противоречия, хотя вопрос о практической совместимости этих инструментов остается открытым.

Институциональные механизмы Регламента, Управление по ИИ, Европейский совет по ИИ, регуляторные «песочницы», указывают на осознание законодателем потребности в адаптивном правоприменении, способном следовать за стремительным развитием технологий. Отдельные нормы AI Act, касающиеся исследовательских изъятий и регулирования моделей общего назначения, нуждаются в дальнейшей конкретизации по мере накопления правоприменительного опыта.

Для российской правовой науки и законодателя AI Act представляет интерес в качестве модели, продемонстрировавшей практическую возможность комплексного превентивного регулирования ИИ при сохранении условий для инновационного развития. В ходе разработки российского законодательства об ИИ целесообразно учитывать как достижения, так и спорные аспекты европейского подхода, адаптируя его элементы к особенностям отечественного правопорядка.

Список литературы:

[1] Белов И.И. Закон Европейского союза об искусственном интеллекте: вызовы и возможности для управления документацией // Вестник ВНИИДАД. 2024. No 6. С. 96-106.

[2] Громова А.А., Джавакян Г.З., Дудко И.Г. [и др.] Правовое регулирование искусственного интеллекта в России и зарубежных странах: от этики к новой парадигме. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2024.

[3] Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография. М.: Проспект, 2022.

[4] Лев М.Ю., Лещенко Ю.Г., Медведева М.Б. Регулирование искусственного интеллекта международными организациями как фактор обеспечения технологической безопасности в национальных юрисдикциях // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, No 8. С. 1999-2026.

[5] Ли Яо. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. No 3.

[6] Мамедьяров З.А. Регулирование искусственного интеллекта: первые шаги. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024.

[7] Марченко А.Ю. Правовое регулирование технологий ИИ в Европейском союзе: текущее состояние и перспективы его развития // Юридическая наука. 2021. No 7. С. 32-36.

[8] Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. 321 с.

[9] Шейкин А.Г. Запрещенные действия в области искусственного интеллекта в законодательстве Европейского союза // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. No 3 (42). С. 107-112.

[10] Эргашев В. Экстерриториальное действие закона ЕС об искусственном интеллекте и конфликты с национальными правовыми системами // Общество и инновации. 2025. Т. 6, No 4. С. 383-395.

[11] Bignami E.G., Russo M., Semeraro F., Bellini V. Balancing Innovation and Control: The European Union AI Act in an Era of Global Uncertainty // JMIR AI. 2025. Vol. 4. Art. e75527.

[12] Mahmutovic A. The EU AI Act: A Proactive Framework for Comprehensive AI Regulation // International Journal of Law and Information Technology. 2025. Vol. 33.

[13] Meszaros J., Huys I., Ioannidis J.P.A. Challenges in Applying the EU AI Act Research Exemptions to Contemporary AI Research // npj Digital Medicine. 2025. Vol. 9. Art. 288.

[14] Presno Linera M.A., Meuwese A. Regulating AI from Europe: A Joint Analysis of the AI Act and the Framework Convention on AI // The Theory and Practice of Legislation. 2025. Vol. 13, Iss. 3.

[15] Smuha N.A., Yeung K. The European Union's AI Act: Beyond Motherhood and Apple Pie? // The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by N.A. Smuha. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 229-258.

References:

[1] Belov I.I. European Union Law on Artificial Intelligence: Challenges and Opportunities for Document Management // VNIIDAD Bulletin. 2024. No 6. S. 96-106.

[2] A.A. Gromova, G.Z. Javakyan, I.G. Dudko [et al.] Legal regulation of artificial intelligence in Russia and foreign countries: from ethics to a new paradigm. M.: NORMA: INFRA-M, 2024.

[3] Kuteinikov D.L., Izhaev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A. Artificial intelligence and law. From fundamental problems to applied problems: monograph. M.: Prospect, 2022.

[4] Lev M.Yu., Leshchenko Yu.G., Medvedeva M.B. Regulation of artificial intelligence by international organizations as a factor in ensuring technological security in national jurisdictions // Economic security. 2024. T 7, No 8. S. 1999-2026.

[5] Li Yao. Regulatory regulation of generative

artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No 3.

[6] Mamedyarov Z.A. Regulation of Artificial Intelligence: First Steps. M.: ISSEZ HSE, 2024.

[7] Marchenko A.Yu. Legal regulation of AI technologies in the European Union: the current state and prospects for its development // Legal science. 2021. No 7. S. 32-36.

[8] I.A. Filipova. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook. 3rd ed., Revised and add. Nizhny Novgorod: UNN, 2025. 321 pp.

[9] Sheikin A.G. Prohibited actions in the field of artificial intelligence in the legislation of the European Union // Law and order: history, theory, practice. 2024. No 3 (42). S. 107-112.

[10] Ergashev V. Extraterritorial effect of the EU law on artificial intelligence and conflicts with national legal systems // Society and Innovation. 2025. T. 6, No. 4. P. 383-395.

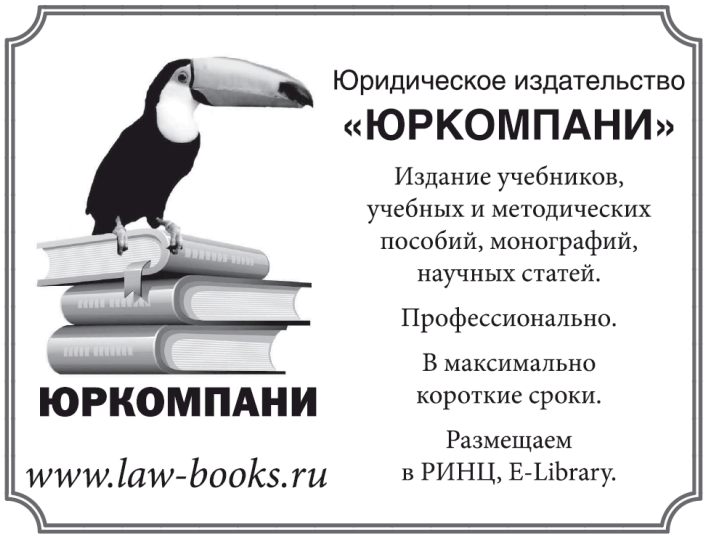
[11] Bignami E.G., Russo M., Semeraro F., Bellini V. Balancing Innovation and Control: The European Union AI Act in an Era of Global Uncertainty // JMIR AI. 2025. Vol. 4. Art. e75527.

[12] Mahmutovic A. The EU AI Act: A Proactive Framework for Comprehensive AI Regulation // International Journal of Law and Information Technology. 2025. Vol. 33.

[13] Meszaros J., Huys I., Ioannidis J.P.A. Challenges in Applying the EU AI Act Research Exemptions to Contemporary AI Research // npj Digital Medicine. 2025. Vol. 9. Art. 288.

[14] Presno Linera M.A. , Meuwese A. Regulating AI from Europe: A Joint Analysis of the AI Act and the Framework Convention on AI // The Theory and Practice of Legislation. 2025. Vol. 13, Iss. 3.

[15] Smuha N.A. , Yeung K. The European Union's AI Act: Beyond Motherhood and Apple Pie? // The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by N.A. Smuha. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 229-258.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-102-107

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

СЛУЖЕБНАЯ ПРОВЕРКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *Целью исследования выбраны правовая основа и порядок проведения служебной проверки в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Для реализации поставленной цели использовались диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). Рассматривались законодательные и ведомственные нормативные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по теме.*

Служба в УИС базируется на соблюдении принципов (общих правил поведения), сформулированных в Федеральном законе от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ, их успешная реализация предполагают осуществление со стороны руководства ФСИН России и ее территориальных органов постоянного, системного контроля за деятельностью сотрудников, своевременного реагирования на возможные нарушения закона и локальных правовых актов, запретов и требований к служебному поведению. Одним из релевантных инструментов достижения указанных задач на протяжении длительного времени существования отечественной системы исполнения уголовных наказаний является служебная проверка, осуществляемая компетентными должностными лицами УИС. Установлена правовая основа в виде комплекса законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, регулирующая порядок ее проведения, представляющий собой условия и особенности ее осуществления во ФСИН России, учреждениях, непосредственно подчиненных ФСИН России, территориальных органах ФСИН России и подведомственным им учреждениях УИС. Объектом служебной проверки выступают сотрудники. Она проводится для достижения конкретных целей, установлении фактов и обстоятельств совершения сотрудником УИС дисциплинарного проступка; вины сотрудника; причин и условий, способствовавших совершению сотрудником УИС дисциплинарного проступка; характера и размера вреда, причиненного сотрудником в результате совершения дисциплинарного проступка; наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в УИС.

Ключевые слова: *служебная проверка, учреждения и органы, уголовно-исполнительная система, сотрудники, условия и особенности, ФСИН России, подведомственные учреждения.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

INTERNAL AUDIT IN INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM: THE LEGAL BASIS AND PROCEDURE FOR CONDUCTING

Annotation. *The purpose of the study is to select the legal basis and procedure for conducting an internal audit in institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation. To achieve*

this goal, the dialectical method of cognition, general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, generalization) and private scientific methods (formal legal, comparative legal, method of interpretation of legal norms) were used. The legislative and departmental regulatory legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as scientific publications on the topic were considered. The service in the penitentiary system is based on compliance with the principles (general rules of conduct) formulated in Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018, their successful implementation presupposes the implementation by the leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies of constant, systematic monitoring of the activities of employees, timely response to possible violations of the law and local legal acts, prohibitions and requirements for official conduct. One of the relevant tools for achieving these objectives over the long period of the existence of the domestic system of execution of criminal penalties is an internal audit carried out by competent officials of the penitentiary system. The legal framework has been established in the form of a set of legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, regulating the procedure for its implementation, representing the conditions and features of its implementation in the Federal Penitentiary Service of Russia, institutions directly subordinate to the Federal Penitentiary Service of Russia, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and subordinate institutions of the Penitentiary System. Employees are the object of the internal audit. It is conducted to achieve specific goals, establish the facts and circumstances of the commission of disciplinary misconduct by an employee of the Management System; the employee's guilt; the causes and conditions that contributed to the commission of disciplinary misconduct by an employee of the management System; the nature and amount of harm caused by the employee as a result of the commission of disciplinary misconduct; the presence or absence of circumstances that prevent the employee from serving in the management system.

Key words: *internal audit, institutions and bodies, penal enforcement system, employees, conditions and features, Federal Penitentiary Service of Russia, subordinate institutions.*

Введение. Важнейший директивный документ, определяющий перспективы и направления деятельности и развития учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее УИС) в современных условиях – Концепция ее развития на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р, в разделе 18 уделил существенное внимание совершенствованию условий несения службы [1].

В ходе специального сравнительно-правого исследования установлено, что служба в УИС базируется на соблюдении принципов (общих правил поведения), сформулированных в Федеральном законе от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Среди них особенно выделяются: взаимосвязь ограничений, обязанностей, запретов, ответственности на службе в УИС и социальных гарантий сотрудника, закрепленных в законодательных и ведомственных правовых актах; верховенство закона в деятельности сотрудника УИС; соблюдение прав и свобод сотрудника УИС, выполнения возложенных на него обязанностей; беспартийности [2, с. 363-367].

Успешная реализация указанных и других принципов службы в УИС, эффективная деятельность служб и подразделений учреждений и органов УИС, предполагают осуществление со стороны руководства ФСИН России и ее территориальных органов постоянного, системного контроля за деятельностью сотрудников [3, с. 32-36]. Оперативного и адекватного реагирования на возможные нарушения закона и локальных правовых актов, запретов и требований к служебному поведению [4, с. 220-225].

Одним из релевантных инструментов достижения указанных задач на протяжении длительного времени существования отечественной системы исполнения уголовных наказаний является служебная проверка, осуществляемая компетентными должностными лицами УИС. Учитывая актуальность проблемы и ее выраженную практическую направленность, была проведено специальное теоретико-правовое исследование.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовой основы и порядка проведения служебной проверки в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации использовались диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). Рассматривались законодательные и ведомственные нормативные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по теме.

Основные результаты. Правовую основу проведения служебной проверки в учреждениях

и органах УИС составляют законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России:

подпункт 9 пункта 2 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.01.2023 № 10 [5];

Указ президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» [6]. Данный нормативный правовой акт регламентировал основные направления деятельности ФСИН России [7, с. 2-5].

часть 9 статьи 54 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [8, с. 373-378];

Приказ Министерства юстиции РФ от 06.05.2025 г. № 98 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (не вступил в силу) [9].

Таким образом, указанная правовая основа определяет порядок и организацию проведения служебной проверки, под которым понимаются условия и особенности ее осуществления во ФСИН России, учреждениях, непосредственно подчиненных ФСИН России, территориальных органах ФСИН России и подведомственным им учреждениях УИС.

Объектом служебной проверки выступают сотрудники. Она проводится для достижения следующих целей:

объективного и всестороннего исследования обстоятельств, причин и условий нарушения сотрудником служебной дисциплины [10, с. 459-464];

применения сотрудником физической силы, специальных средств и оружия [11, с. 88-95];

гибели (смерти) сотрудника;

получения сотрудником увечья или иного повреждения здоровья;

подтверждения наличия или отсутствия обстоятельств существенного и систематического нарушения условий контракта сотрудника, а также обстоятельств, предусмотренных Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ [12];

подготовки предложений о мере дисциплинарной ответственности сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок;

выработки рекомендаций, направленных на устранение причин и условий, способствовавших совершению дисциплинарного проступка;

разработки комплекса мероприятий, направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, а также сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих ФСИН России. Рабочих и служащих учреждений и органов УИС, осужденных, отбывающих уголовные наказания [13, с. 47-54]. Прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах, к которым следствием применены иные меры пресечения [14, с. 52-57].

Законодатель акцентирует внимание при проведении служебной на необходимости установления:

фактов и обстоятельств совершения сотрудником УИС дисциплинарного проступка;

вины сотрудника и форм ее проявления в конкретной служебной ситуации [15];

причин и условий, способствовавших совершению сотрудником УИС дисциплинарного проступка;

характера и размера вреда, причиненного сотрудником в результате совершения дисциплинарного проступка;

наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в УИС.

Таким образом, сформулированный законодателем порядок проведения служебной проверки в учреждениях УИС имеет не только важное организационно-правовое значение и влияет на эффективность служебной деятельности сотрудников служб и подразделений, но и обладает существенным профилактическим влиянием, позволяющим предупреждать, своевременно выявлять и пресекать возможные дисциплинарные и правонарушения со стороны сотрудников УИС.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотруд-

ников УИС»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС»;

Межрегиональном круглом столе «Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи», состоявшемся 24 .04.2024 года в Вологодском институте права и экономики ФСИН России с докладом на тему: «Теоретико-методические аспекты патриотического воспитания курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России».

Заключение. Служба в УИС базируется на соблюдении принципов (общих правил поведения), сформулированных в Федеральном законе от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ, их успешная реализация предполагают осуществление со стороны руководства ФСИН России и ее территориальных органов постоянного, системного контроля за деятельностью сотрудников, своевременного реагирования на возможные нарушения закона и локальных правовых актов, запретов и требований к служебному поведению.

Одним из релевантных инструментов достижения указанных задач на протяжении длительного времени существования отечественной системы исполнения уголовных наказаний является служебная проверка, осуществляемая компетентными должностными лицами УИС. Установлена правовая основа в виде комплекса законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, регулирующая порядок ее проведения, представляющий собой условия и особенности ее осуществления во ФСИН России, учреждениях, непосредственно подчиненных ФСИН России, территориальных органах ФСИН России и подведомственным им учреждениях УИС.

Объектом служебной проверки выступают сотрудники. Она проводится для достижения конкретных целей, установлении фактов и обстоятельств совершения сотрудником УИС дисциплинарного проступка; вины сотрудника; причин и условий, способствовавших совершению сотрудником УИС дисциплинарного проступка; характера и размера вреда, причиненного сотрудником в результате совершения дисциплинарного проступка; наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в УИС.

Сформулированный законодателем порядок проведения служебной проверки в учреждениях УИС имеет не только важное организационно-правовое значение, определяет эффективность служебной деятельности сотрудников служб и подразделений, но и обладает существенным профилактическим влиянием, позволяющим предупреждать, своевременно выявлять и пресекать возможные дисциплинарные и правонарушения со стороны сотрудников УИС.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 17.07.2026).

[2] Ковалев О.Г. Правовая характеристика принципов службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Право и управление. 2026. № 3. С. 363-367.

[3] Майдыков А.А., Ковалев О.Г. Регламентирование деятельности ФСИН России как организационно-правовая основа функционирования этой службы // Российский следователь. 2009. № 21. С. 32-36.

[4] Ковалев О.Г. Запреты и ограничения как условия прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Международный научный вестник. 2026. № 5. С. 220-225.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 13.01.2023 № 10 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации» // Consultant.ru (дата обращения 17.07.2026).

[6] Указ президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изменениями и дополнениями) // Consultant.ru (дата обращения 17.07.2026).

[7] Ковалев О.Г., Майдыков А.А. Регламентирование деятельности ФСИН России: современное состояние и пути совершенствования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6. С. 2-5.

[8] Ковалев О.Г. Требования к служебному поведению сотрудников в контексте реализации Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе»: правовой и психологический анализ // Российский научный вестник. 2026. № 4. С. 373-378.

[9] Приказ Министерства юстиции РФ от 06.05.2025 г. № 98 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (не вступил в силу) // Garant.ru (дата обращения 17.07.2026).

[10] Ковалев О.Г. Особенности привлечения к ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 5. С. 459-464.

[11] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Применение физической силы к осужденным в рамках международных стандартов // Право и образование. 2021. № 8. С. 88-95.

[12] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-ис полнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 17.07.2026).

[13] Щербаков А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 47-54.

[14] Ковалев О.Г. К вопросу правового регулирования этических норм взаимоотношений работников следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы с подозреваемыми и обвиняемыми // Российский научный вестник. 2026. № 4. С. 52-57.

[15] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (date of application 07/17/2026).

[2] Kovalev O.G. Legal characteristics of the principles of service in the penal system of the Russian Federation // Law and Management. 2026. No. 3. pp. 363-367.

[3] Maidykov A.A., Kovalev O.G. Regulation of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia as the organizational and legal basis for the functioning of this service // Russian Investigator. 2009. No. 21. pp. 32-36.

[4] Kovalev O.G. Prohibitions and restrictions as conditions of service in the penal system of the Russian Federation // International Scientific Bulletin. 2026. No. 5. pp. 220-225.

[5] Decree of the President of the Russian Federation dated January 13, 2023 No. 10 "On Approval of the Regulations on the Ministry of Justice of the Russian Federation" // Consultant.ru (date of appeal 17.07.2026).

[6] Decree of the President of the Russian Federation dated 13.10.2004 No. 1314 "Issues of the Federal Penitentiary Service" (with amendments and additions) // Consultant.ru (date of request 07/17/2026).

[7] Kovalev O.G., Maidykov A.A. Regulation of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia: current state and ways of improvement // Penal enforcement system: law, economics, management. 2009. No. 6. pp. 2-5.

[8] Kovalev O.G. Requirements for the official behavior of employees in the context of the implementation of Federal Law No. 197-FZ dated 07/19/2018 "On service in the penal system": legal and psychological analysis // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 373-378.

[9] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 05/06/2025 No. 98 "On Approval of the Procedure for conducting official inspections in institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation" (not entered into force) // Garant.ru (date of appeal 07/17/2026).

[10] Kovalev O.G. Features of bringing to justice employees of the penal enforcement system // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 5. pp. 459-464.

[11] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. The use of physical force against convicts within the framework of international standards // Law and education. 2021. No. 8. pp. 88-95.

[12] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 "On Service in the Penal Correction System of the

Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" // Garant.ru (accessed 17.07.2026).

[13] Shcherbakov A.V. Kovalev O.G. Psychological, pedagogical, organizational and legal aspects of speech aggression as a factor disorganizing the activities of correctional institutions providing isolation from society // Bulletin of the penal enforcement system. 2023. No. 1 (248). pp. 47-54.

[14] Kovalev O.G. On the issue of legal regulation of ethical norms of relations between employees of pre-trial detention facilities of the penal correction system with suspects and accused // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 52-57.

[15] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-108-114
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
доктор экономических наук, главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: helenr2003@mail.ru

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы психологического состояния и влияния изоляции на развитие личности несовершеннолетних осужденных в период перехода во взрослую жизнь в условиях лишения свободы. Необходимо сравнить психологическое благополучие и развитие подростков, которые были направлены в воспитательную колонию до достижения 18 лет, тех, кто был арестован до 18 лет, но не попал в воспитательную колонию, и тех, кто не сталкивался с системой исполнения наказаний в подростковом возрасте. Результаты исследования показывают, что уровень психологического благополучия у несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях, значительно ниже, чем у других групп. Особенно низкий уровень психологического благополучия наблюдается у девочек, которые были направлены в воспитательную колонию в подростковом возрасте. У молодых людей, которые были осуждены в несовершеннолетнем возрасте, уровень образования и трудоустройства в будущем, как правило, ниже, чем у их сверстников, которые не имели опыта взаимодействия с пенитенциарной системой. В связи с этим возникает необходимость разработки и внедрения программ для несовершеннолетних осужденных, направленных на развитие психосоциальных навыков и повышение уровня благополучия.*

В статье также рассматривается влияние тюремного заключения в подростковом возрасте на развитие психосоциальной зрелости и адаптацию к жизни после освобождения. Исследования показывают, что люди, освободившиеся из мест лишения свободы, часто сталкиваются с трудностями в различных сферах жизни, таких как отношения, образование, трудоустройство, а также проблемы, связанные с употреблением психоактивных веществ и психическим здоровьем.

Ключевые слова: *подросток, изоляция, психоэмоциональное развитие, воспитательная колония, уголовно-исполнительная система.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Doctor of Economics, Chief Researcher of the Department for the Study of Management Problems and Reforming the Penal System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Punishments in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

ZORINA Natalya Sergeevna,
Senior Researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

LONG-TERM CONSEQUENCES OF JUVENILE DETENTION IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Annotation. *The article discusses the issues of the psychological state and the impact of isolation on the personality development of juvenile convicts during the transition to adulthood in conditions of imprisonment. It is necessary to compare the psychological well-being and development of adolescents who were sent to an educational colony before the age of 18, those who were arrested before the age of 18 but did not end up in an educational colony, and those who did not encounter the penal system during adolescence. The results of the study show that the level of psychological well-being of minors in educational colonies is significantly lower than that of other groups. A particularly low level of psychological well-being is observed among girls who were sent to an educational colony in adolescence. Young people who were convicted as minors tend to have a lower level of education and future employment than their peers who had no experience interacting with the penitentiary system. In this regard, there is a need to develop and implement programs for juvenile convicts aimed at developing psychosocial skills and improving well-being. The article also examines the impact of imprisonment in adolescence on the development of psychosocial maturity and adaptation to life after release. Research shows that people released from prison often face difficulties in various areas of life, such as relationships, education, employment, as well as problems related to substance use and mental health.*

Key words: *teenager, isolation, psycho-emotional development, educational colony, penal system.*

Введение

После освобождения перед несовершеннолетними, отбывшими наказание, встает сложная задача – начать новую жизнь и стать полноценными членами общества, независимо от того, сколько им лет. Взрослые люди, после отбывания наказания, сталкиваются с многочисленными проблемами после освобождения, включая отсутствие доступа к работе и жилью, барьеры на пути к гражданской реинтеграции, отсутствие социальной поддержки и поддержки семьи, а также стигматизацию в связи с осуждением за тяжкое преступление, и все это является факторами риска [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Несовершеннолетние осужденные, находящиеся в воспитательных колониях, сталкиваются не только с вышеупомянутыми проблемами возвращения, но и с задержкой или упущенным развитием ключевых навыков, связанных с успешным переходом во взрослую жизнь (например, поиск и закрепление внеклассных и летних занятий). работа, установление романтических отношений, выбор и регистрация для поступления в учебные заведения и т.д.) [8, 9].

Время, проведенное в исправительных учреждениях, влияет на траекторию развития молодежи, в частности на их психосоциальное развитие [10, 11]. Концепция психосоциального развития охватывает три аспекта психосоциальной зрелости, обычно называемых воздержанностью (контролировать импульсы), ответственностью (сопротивляться влиянию сверстников и брать на себя ответственность за собственное поведение) и перспективой (учитывать последствия своих действий для других и другие точки зрения). В частности, пребывание в воспитательной колонии связано с кратковременным снижением у подростков самоконтроля, способности действовать автономно (ответственность) и может еще боль-

ше подорвать их надежды на будущее [10]. Хотя исследования показывают, что лишение свободы может негативно сказаться на психологическом и социальном развитии человека и увеличить риск повторного совершения преступления, остается открытым вопрос о том, как ограничение развития психосоциальной зрелости в подростковом возрасте в воспитательных колониях влияет на способность молодых людей использовать возможности для достижения успеха во взрослой жизни и, как следствие, на отказ от преступной деятельности.

Основная часть

Концепция психосоциальной зрелости (Psychosocial maturity, PSM), предложенная Гринбергером и Соренсоном, рассматривает влияние образовательной среды на личностный и социальный рост, выходя за рамки традиционных показателей развития когнитивных навыков, измеряемых с помощью стандартизированных тестов [12]. В широком понимании психосоциальная зрелость – это способность человека интегрировать навыки, необходимые для успешной социализации и индивидуального развития, чтобы соответствовать ожиданиям общества от зрелой личности.

Эта концепция основывается на трех ключевых аспектах индивидуального развития, которые играют важную роль в достижении психосоциальной зрелости. Зрелая личность:

Способна действовать самостоятельно. Это проявляется в чувстве контроля над своей жизнью, инициативности и усвоенных ценностях.

Демонстрирует навыки взаимодействия с другими людьми. Это включает в себя эмпатию, умение находить баланс между личной свободой и зависимостью от других, а также способность разрешать конфликты, связанные с ролевыми ожиданиями.

Способствует гармоничному функционированию общества. Это проявляется в готовности работать на благо общества, терпимости к различиям в культуре и мировоззрении [13]. Развитие позитивной социальной идентичности происходит не только в результате биологического созревания, но и в большей степени зависит от возможностей для развития. В частности, взаимодействия между людьми в социальной среде создают «структуры возможностей», необходимые для развития позитивной социальной идентичности [8].

Ученые исследовали, как первоначальную концепцию PSM Гринбергера можно применить к принятию решений в других сферах, в частности к «зрелости суждений» [13]. В своей работе Стейнберг утверждает, что три качества, связанных с PSM (ответственность, сдержанность и умение смотреть на вещи с разных сторон), а также когнитивная компетентность влияют на способность подростка принимать взвешенные решения [14, 15]. По мере развития этих качеств люди все реже совершают антисоциальные или преступные поступки [16, 17]. Для операционализации широкого понятия психосоциального развития используются следующие три характеристики ((ответственность, сдержанность и умение смотреть на вещи с разных сторон) для подтверждения их валидности).

Ответственность зависит от двух характеристик: самостоятельности и идентичности. К общим качествам, связанным с ответственностью, относятся способность принимать решения в отсутствие других людей (то есть умение понимать, когда стоит прислушаться к чужому совету, и противостоять влиянию сверстников). Ответственность также включает в себя качества, связанные с самоидентификацией, в том числе ясность представлений о себе, уверенность, осознание своих сильных и слабых сторон, а также учет жизненных целей [14].

Самоконтроль, или эмоциональное регулирование, тесно связано с тем, как подростки справляются со своими эмоциями ради того, чтобы сосредоточиться на когнитивных процессах. В частности, самоконтроль можно определить, как способность подростка управлять своими импульсами и сохранять спокойствие в сложных ситуациях. Эта концепция также учитывает эмоциональное состояние подростка как важный аспект, который влияет на его способность принимать взвешенные решения.

Исследования показывают, что люди с низким уровнем ответственности, сдержанности и дальновидности более склонны к антисоциальному поведению, а задержка в развитии психосоциальной зрелости может привести к совершению повторных правонарушений в молодом возрасте [16, 17, 18]. Результаты исследований Кауфмана и Стейнберга позволяют предположить, что развитие психосоциальной зрелости связано с принятием антисоциальных решений, но возникает вопрос: «Как у подростков развивается психосоциальная зрелость?» Сама по себе зрелость (или старение) не гарантирует, что человек достигнет достаточного уровня психосоциальной зрелости в подростковом и юношеском возрасте, а скорее [20] способствует развитию психосоциальных «способностей» в зависимости от контекста и способности выполнять задачи развития как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Для большинства подростков повседневные задачи и взаимодействие в социальной среде (например, в семье, школе и со сверстниками) способствуют развитию психосоциальной зрелости и приобретению навыков, необходимых для успешного перехода во взрослую жизнь [10, 18, 20]. «Ти-

пичные» структуры возможностей, которые формируют «гармонично развитых» молодых людей, включают в себя учебу, работу, внеклассные занятия и социальные связи. В частности, исследования показывают, что работа (как оплачиваемая, так и неоплачиваемая) в подростковом возрасте может сдерживать антисоциальное поведение, а также повышать самостоятельность (ответственность) и расширять перспективы трудоустройства в будущем (перспективность) [17, 18, 19, 20]. Кроме того, внеклассная деятельность в подростковом возрасте связана с более высокими оценками в старших классах и более высокой вероятностью поступления в колледж (техникум) и его окончания (перспектива), а круг общения в рамках внеклассной деятельности формирует идентичность подростков (ответственность) [17]. Формирование социальных связей в подростковом возрасте, от дружеских до романтических отношений, создает благоприятную среду для подростков, которые экспериментируют с новыми (взрослыми) ролями и идентичностью [18].

Однако коррекционные меры, такие как помещение несовершеннолетних в воспитательные колонии, препятствуют психологическому развитию и взрослению подростков, «срезая» возможности для развития. Поскольку исправительные учреждения для несовершеннолетних работают в условиях строгого надзора, при небольшом количестве просоциально настроенных сверстников и с разделением по половому признаку, социальный контекст для развития меняется. Несовершеннолетние осужденные не могут практиковать навыки, связанные с формированием мировоззрения (например, умение считаться с другими и ориентироваться на будущее), ответственности (самостоятельное принятие решений и устойчивость к влиянию сверстников) и самоконтроля (например, умение сдерживать гнев), которые, в свою очередь, способствуют успешному переходу во взрослую жизнь [19].

В учреждениях для несовершеннолетних осужденных особое внимание уделяется строгому надзору. В результате условия содержания осужденных подростков значительно отличаются от типичной социальной среды для несовершеннолетних, которая включает в себя свободу выбора друзей и увлечений, поддержку семьи и друзей, а также опыт и навыки, полученные в процессе обучения и работы. Важно подчеркнуть, что помещение несовершеннолетних осужденных в изоляцию в подростковом возрасте препятствует их социальному взаимодействию и психосоциальному развитию.

Исследования, посвященные переходу во взрослую жизнь, являются важным направлением в рамках более широкой парадигмы жизненного пути. Работа Элдера имеет основополагающее значение для понимания структуры жизненного пути и устанавливает четыре основных принципа, которые являются отличительной чертой парадигмы жизненного пути индивида:

индивидуальный жизненный путь находится в историческом времени и событиях и формируются ими;

значение переходов и событий в жизни человека для развития зависит от социального времени, в котором они происходят;

индивидуальные жизни связаны или взаимозависимы с жизнями других;

индивидуальное принятие решений и человеческая активность формируют возможности и ограничения человека в более поздних социальных обстоятельствах.

Исследование взаимосвязи между поведением в детстве и взрослой жизни представляет интерес для исследователей, изучающих жизненный путь человека. Однако понимание перехода во взрослую жизнь помогает лучше осознать, как институциональные структуры, такие как пенитенциарная система, воздействуют на жизнь отдельных людей.

В целом, переход от подросткового возраста к взрослому характеризуется окончанием школы, началом постоянной работы с полной занятостью, переездом из родительского дома, вступлением в брак и рождением детей. В первую очередь это актуально для изучения преступного и противоправного поведения в период перехода во взрослую жизнь, поскольку нарушения в особенно лишение свободы несовершеннолетних, могут существенно повлиять на жизненный путь молодых людей и их способность успешно адаптироваться к взрослой жизни.

Исследователи жизненного пути отмечают, что многие подростки в последние несколько десятилетий вступают во взрослую жизнь с финансовыми и образовательными достижениями, которых не было у предыдущих поколений, что дает им больше возможностей для поиска себя и определения своей роли в жизни в возрасте до 30 лет. Переход к взрослой жизни становится все более сложным и вариативным. Нормативные сроки наступления тех или иных событий в жизни человека изменились, что привело к беспорядку, вариативности и обратимости процесса перехода во взрослую жизнь. Нахождение в воспитательной колонии может спровоцировать остановку развития психосоциальной зрелости: формирование здоровых романтических отношений, успехи в учебе, а также создание структурных и институциональных барьеров, связанные с судимостью.

Необходимо отметить, что нахождение несовершеннолетних лиц в местах лишения свободы влияет на формирование психосоциальной зрелости: подросток теряет контроль над поведе-

нием. Но необходимо отметить и положительные факторы оказывающие влияние на подростка в период его нахождения в изоляции от общества: просоциальное поведение, которое проявляется в отсутствие негативных факторов (дурного влияния среди сверстников) [11, 21].

Вывод

В этом исследовании рассматривалось влияние тюремного заключения в несовершеннолетнем возрасте на развитие психосоциальной зрелости и переход во взрослую жизнь. Несовершеннолетние лица, вернувшиеся в общество после тюремного заключения, испытывают трудности во многих сферах жизни, связанных с отношениями, дружбой, образованием, трудоустройством, а также с проблемами, связанными с употреблением психоактивных веществ и психическим здоровьем.

Однако неверно полагать, что несовершеннолетние осужденные совершают повторные преступления исключительно из-за того, что называет «неудачным выбором». Исследование Фейдера выявило взаимосвязь между тюремным заключением и психосоциальной зрелостью, из-за которой молодым правонарушителям после освобождения было сложно соответствовать требованиям и ожиданиям взрослой жизни. Но как показывают современные исследования, что не только тюремное заключение, но и формальное привлечение к уголовной ответственности (арест) негативно сказываются на жизни молодых людей по сравнению с теми, кто никогда не попадал в исправительные учреждения. По мере того как молодые люди покидают исправительные учреждения и пытаются адаптироваться к жизни в обществе, они все больше отстают от других молодых людей в плане самоидентификации, самооценки, принятия решений и планирования будущего.

Список литературы:

[1] Лауб Дж. Х., Сэмпсон Р. Дж. Общие истоки, разные судьбы: делинквентные мальчики до 70 лет. Кембридж: Гарвард; 2003.

[2] Манза Дж., Угген К. Лишенные гражданских прав: лишение избирательных прав лиц, совершивших уголовные преступления, и американская демократия. Нью-Йорк: Оксфорд, 2006.

[3] Петерсилия Дж. Когда заключенные возвращаются домой: условно-досрочное освобождение и ресоциализация заключенных. Нью-Йорк: Оксфорд; 2003.

[4] Трэвис Дж., Питерсилия Дж. Переосмысление ресоциализации: новый взгляд на старый вопрос. Crime & Delinquency. 2001, № 47. С. 291-313.

[5] Угген К. Работа как переломный момент в жизненном пути преступников: модель продолжительности жизни, трудоустройства и рецидивизма. American Sociological Review. 2001, № 65. С. 529-546.

[6] Вестерн Б. Влияние тюремного заключения на мобильность заработной платы и неравенство. American Sociological Review. 2002. № 67. С. 526-546.

[7] Радченко, Е.П. Эффективность процесса ресоциализации несовершеннолетних, отбывающих наказание, посредством трудовой адаптации / Е. П. Радченко, Н. С. Зорина // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 194-198. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-194-198. – EDN EDGPOF.

[8] Стейнберг Л., Чанг Х., Литтл М. Возвращение несовершеннолетних правонарушителей в общество после отбытия наказания с точки зрения развития. Youth Violence and Juvenile Justice. 2004. № 2. С. 21-38.

[9] Салливан М. Л. Взгляд молодежи на опыт ресоциализации. Насилие среди молодежи и ювенальная юстиция. 2004 № 2. С. 56-71.

[10] Дмитриева Ж., Монахан К. С., Кауфман Э., Стейнберг Л. Замедленное развитие: влияние тюремного заключения на формирование психосоциальной зрелости. Развитие и психопатология.2012. № 24. С. 1073-1090.

[11] Шефер С., Эриксон Г. Контекст имеет значение: исправительные учреждения для несовершеннолетних и психосоциальное развитие. Journal of Criminal Psychology. 2001ю. № 9. С. 44-59.

[12] Гринбергер Э., Соренсен А. Б. К вопросу о концепции психосоциальной зрелости. Journal of Youth and Adolescence. 1974. № 3. С. 329-358.

[13] Гринбергер Э. Определение психосоциальной зрелости в подростковом возрасте. Advances in Child Behavioral Analysis & Therapy. 1984. №. 3. С. 1-37.

[14] Кауфман Э., Стейнберг Л. Когнитивные и эмоциональные факторы, влияющие на принятие решений подростками. Temple Law Review. 1995. № 68. С. 1763-1789.

[15] Стейнберг Л., Кауфман Э. Зрелость суждений в подростковом возрасте: психосоциальные факторы принятия решений подростками. Law and Human Behavior. 1996. № 20. С. 249-272.

[16] Кауфман Э., Стейнберг Л. (не)зрелость суждений в подростковом возрасте: почему подростки могут быть менее виновны, чем взрослые. Behavioral Sciences & the Law. 2000. № 18. С. 741-760.

[17] Стейнберг Л., Кауфман Э., Монахан К. С. Психосоциальная зрелость и отказ от преступной деятельности в выборке несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления. Вашингтон, округ Колумбия: Управление ювенальной юстиции и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних; 2015.

[18] Монахан К.С., Стейнберг Л., Кауфман Э., Малви Э.П. Динамика антисоциального поведения и психосоциальной зрелости в период от подросткового возраста до ранней юности. Психология развития. 2009. № 45. С. 1654-1668.

[19] Чанг Х. Л., Литтл М. и Стейнберг Л. Переход во взрослую жизнь для подростков, находящихся в системе ювенальной юстиции: взгляд с точки зрения развития. В кн.: Осгуд У., Фостер М., Фланаган К., Рут Г. ред. Сами по себе, без поддержки: переход во взрослую жизнь для уязвимых групп населения. Чикаго: Издательство Чикагского университета; 2005. С. 68–91.

[20] Джонсон М. К., Биб Т., Мортимер Дж. Т., Снайдер М. Волонтерство в подростковом возрасте: процессуальный подход. Journal of Research on Adolescence. 1998. № 8. С. 309-332.

[21] Радченко, Е. П. Эффективность процесса ресоциализации несовершеннолетних, отбывающих наказание, посредством трудовой адаптации / Е.П. Радченко, Н. С. Зорина // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 194-198. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-194-198. – EDN EDGPOF.

[22] Угген К., Яникула Дж. Волонтерство и аресты в период взросления. Social Forces. 1999. № 78(1). С. 331-362.

[23] Уилсон Дж. Волонтерство. Ежегодный обзор социологии. 2000. № 26. С. 215-240.

References:

[1] Laub JH, Sampson RJ Common Origins, Different Fates: Delinquent Boys Under 70. Cambridge: Harvard; 2003.

[2] Manza J, Uggen K. Disenfranchised: Felons disenfranchised and American democracy. New York: Oxford, 2006.

[3] Petersilia J. When Prisoners Return Home: Parole and Prisoner Resocialization. New York: Oxford; 2003.

[4] Travis J, Petersilia J. Rethinking resocialization: A New Look at an Old Question. Crime & Delinquency. 2001, № 47. PP. 291-313.

[5] Uggen K. Work as a turning point in the life course of criminals: a model of life expectancy, employment and recidivism. American Sociological Review. 2001, № 65. S. 529-546.

[6] Western B. Impact of incarceration on wage mobility and inequality. American Sociological Review. 2002. № 67. P. 526-546.

[7] Radchenko, E.P. Effectiveness of the process of resocialization of minors serving sentences through labor adaptation/E.P. Radchenko, N.S. Zorina // International Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. - S. 194-198. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-194-198. – EDN EDGPOF.

[8] Steinberg L, Chang H, Little M. Returning juvenile offenders to society after serving their sentences from a developmental perspective. Youth Violence and Juvenile Justice. 2004. № 2. S. 21-38.

[9] Sullivan M. L. Youth's perspective on the experience of resocialization. Youth violence and juvenile justice. 2004 № 2. S. 56-71.

[10] Dmitrieva J, Monahan CS, Kaufman E, Steinberg L. Arrested development: the impact of imprisonment on the formation of psychosocial maturity. Development and psychopathology.2012. № 24. S. 1073-1090.

[11] Schaefer S, Erickson G. Context matters: juvenile correctional facilities and psychosocial development. Journal of Criminal Psychology. 2001th. № 9. S. 44-59.

[12] Greenberger E, Sorensen AB on the question of the concept of psychosocial maturity. Journal of Youth and Adolescence. 1974. № 3. S. 329-358.

[13] Greenberger E. Definition of psychosocial maturity in adolescence. Advances in Child Behavioral Analysis & Therapy. 1984. №. 3. S. 1-37.

[14] Kaufman E, Steinberg L. Cognitive and emotional factors influencing adolescent decision-making. Temple Law Review. 1995. № 68. S. 1763-1789.

[15] Steinberg L, Kaufman E. Maturity of judgment in adolescence: psychosocial factors in adolescent decision-making. Law and Human Behavior. 1996. № 20. S. 249-272.

[16] Kaufman E, Steinberg L (un) maturity of judgment in adolescence: why adolescents may be less guilty than adults. Behavioral Sciences & the Law. 2000. № 18. S. 741-760.

[17] Steinberg L, Kaufman E, Monahan C. S. Psychosocial maturity and non-criminal activity in a sample of juveniles who have committed serious crimes. Washington, D.C.: Office of Juvenile Justice and Juvenile Delinquency Prevention; 2015.

[18] Monahan KS, Steinberg L, Kaufman E, Mulvey EP Dynamics of antisocial behavior and psychosocial maturity from adolescence to early adolescence. Developmental psychology. 2009. № 45. S. 1654-1668.

[19] Chang HL, Little M, and Steinberg L. Transitioning into adulthood for adolescents in the juvenile justice system: a developmental perspective. In: Osgood W, Foster M, Flanagan K, Ruth G. Ed. By themselves, unsupported: transitioning into adulthood for vulnerable populations. Chicago: University of Chicago Press; 2005. S. 68-91.

[20] Johnson MK, Beebe T, Mortimer JT, Snyder M. Volunteering in adolescence: a procedural approach. Journal of Research on Adolescence. 1998. № 8. S. 309-332.

[21] Radchenko, E.P. Effectiveness of the process of resocialization of minors serving sentences through labor adaptation/ E.P. Radchenko, N.S. Zorina // International

Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. - S. 194-198. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-194-198. – EDN EDGPOF.

[22] Uggen K, Yanikula J. Volunteering and coming-of-age arrests. Social Forces. 1999. № 78(1). S. 331-362.

[23] Wilson J. Volunteering. Annual Sociology Review. 2000. № 26. S. 215-240.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-115-119

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ДИАЛОГОВЫХ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются потенциал и риски использования диалоговых систем с искусственным интеллектом (ИИ) в работе службы пробации. Чат-боты на базе ИИ способны помочь компенсировать нехватку личного состава уголовно-исполнительных инспекций за счет автоматизации уведомлений, напоминаний о посещаемости и сбора первоначальных данных. В то же время, при отсутствии специализированного юридического регулирования такие ассистенты потенциально могут заменять человеческое суждение алгоритмическим результатом. Автором предложены критерии отделения автономных от неавтономных функций на основе юридических последствий для контролируемого лица, а также система правовых принципов для дальнейшего регулирования цифровой трансформации службы пробации в деятельности ФСИН России.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, диалоговая интеллектуальная система, пробация, уголовно-исполнительная инспекция, ресоциализация, алгоритмическая прозрачность, персональные данные, автоматизированное решение, правовые пределы, человеческий контроль, уголовно-исполнительное право, цифровая трансформация УИС, индивидуальная программа ресоциализации.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DIALOGUE SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF CRIMINAL EXECUTION INSPECTIONS AS A TOOL FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF THE TRIAL SERVICE

Annotation. *The article examines the potential and risks of using conversational systems with artificial intelligence (AI) in the work of the probation service. AI-based chatbots can help compensate for the shortage of personnel in criminal enforcement inspections by automating notifications, attendance reminders, and initial data collection. However, in the absence of specialized legal regulation, such assistants may potentially replace human judgment with an algorithmic result. The author proposes criteria for distinguishing between autonomous and non-autonomous functions based on the legal consequences for the controlled person, as well as a system of legal principles for further regulation of the digital transformation of the probation service in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia.*

Key words: *artificial intelligence, conversational intellectual system, probation, penal inspection, resocialization, algorithmic transparency, personal data, automated solution, legal limits, human control, penal law, digital transformation of penal system, individual resocialization program.*

Согласно Федеральному закону от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее ¬– Закон о пробации), целями пробации выступают коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, попадающих под ее действие. К субъектам пробации закон относит учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), следственные изоляторы органов ФСБ, органы службы занятости и организации социального обслуживания [1, С.63]. Хотя формально служба пробации выступает отдельным институтом со своим предметом регулирования, на практике основной объем ее функций возлагается на уже действующие уголовно-исполнительные инспекции. Недостаток кадров вынуждает искать способы разгрузки инспекторов, в частности путем внедрения систем искусственного интеллекта, диалоговых интеллектуальных систем и специализированных чат-ботов [2, С.242]. Диалоговая интеллектуальная система представляет собой программный продукт, использующий технологии обработки естественного языка и машинного обучения для ведения диалога с пользователем, информирования, сбора данных и первичной классификации обращений. Предполагается, что при использовании чат-бота подучетное лицо взаимодействует с системой не эпизодически, а на протяжении всего срока исполнения индивидуальной программы, и каждый цикл взаимодействия потенциально формирует данные, влияющие на итоговую оценку его поведения. Такое взаимодействие становится не системой разовых ответов на вопросы, а длящимся правоотношением, где диалоговый ИИ выступает не столько источником справки, сколько узлом сбора наблюдений о конкретном человеке [3, С.330].

Перспективные направления применения диалоговых систем в деятельности службы пробации связаны с решением типичных рутинных задач: информирование подучетных лиц об их правах и обязанностях, содержании индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; напоминание о сроках явок в инспекцию и предоставления отчетности и др. Подобная автоматизация снижает нагрузку на инспектора, вынужденного при текущей загрузке заниматься механическим контролем графика вместо содержательной работы. К таким задачам можно отнести также и маршрутизацию обращений к профильным специалистам (психологу, специалисту по социальной работе, органу службы занятости), методическую поддержку и обучение сотрудников инспекций, для которых типовые вопросы правоприменения могут закрываться единым диалоговым модулем, синхронизированным с актуальной нормативной базой, а также агрегацию и анализ обращений для выявления повторяющихся проблемных зон конкретных территориальных органов.

При этом возникает правовая неопределенность, вытекающая не из особенностей технологий, а из отсутствия отраслевого режима, соответствующего именно службе пробации. Закон о пробации регулирует межведомственное электронное взаимодействие, ведение единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, как государственной информационной системы, и порядок подписания документов простой либо усиленной электронной подписью через единый портал государственных и муниципальных услуг [4, С.182]. Но он не содержит положений об алгоритмических системах, формирующих текст обращения к подучетному лицу или классифицирующих его поведение. Смежная область, затрагивающая обработку обращений граждан в ФСИН России, уже получила уточнения в аспекте действия Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ, закрепляющего обязательный тридцатидневный срок ответа без исключений для автоматизированных процедур, а также недопущение автоматизированной фильтрации обращений без последующей проверки сотрудником [5, С.377]. В случае службы пробации получатель обращения по закону № 59-ФЗ может быть осужденным, содержащимся в учреждении, тогда как подучетное лицо в постпенитенциарной или исполнительной пробации формально не изолировано от общества и обладает полным объемом гражданских прав, а значит ошибочная алгоритмическая классификация его поведения способна повлечь не формальную задержку ответа, а инициирование представления в суд об отмене условно-досрочного освобождения или о замене неотбытой части наказания более строгим видом.

Следующим источником правовой неопределенности служит функциональная неразличимость задач диалоговой системы. Напоминание о явке и первичная фиксация факта неявки имеют разную правовую природу: первое не создает юридических последствий, второе же может стать основанием для вывода о систематическом неисполнении обязанностей. Действующее законодательство не разграничивает эти функции ни в законе о пробации, ни в Уголовно-исполнительном кодексе. Персональные данные, обрабатываемые в ходе диалога, включают сведения о судимости. При этом Федеральным законом от 27.07.2006 № 152- ФЗ «О персональных данных» (далее, 152-ФЗ) запрещается принятие решений, порождающих юридические последствия для субъекта данных, исключительно на основании автоматизированной обработки, если иное прямо не предусмотрено законом или письменным согласием субъекта [6]. Закон о пробации

такого прямого указания не содержит, следовательно, любое решение, затрагивающее статус подучетного лица и принятое без человеческого участия, находится в зоне запрета ст. 16 152-ФЗ, даже если формально оформлено как «рекомендация» диалоговой системы.

Вопрос ответственности за ошибку алгоритма в деятельности службы пробации стоит острее, чем в большинстве иных сфер государственного управления, поскольку последствием ошибки может быть не отказ в услуге, а инициирование процедуры, способной привести к лишению свободы [7]. Могут быть выделены три возможные модели распределения ответственности: ответственность разработчика при дефекте программного обеспечения, ответственность оператора при некорректном использовании системы и ответственность руководителя учреждения, подписавшего итоговый документ. Вместе с тем действующее законодательство специальных норм о распределении такой ответственности не содержит [8, С.52]. В пробации к этим трем моделям добавляется четвертая фигура – сам сотрудник инспекции, для которого верификация вывода ИИ формально возможна, но при высокой нагрузке реально осуществима лишь в редких случаях [9, С.110]. Риск подмены человеческого решения алгоритмическим в этих условиях вполне реален.

Сегодня диалоговые системы в смежных сегментах государственного и ведомственного юридического сопровождения внедряются разрозненно: разные операторы выбирают разные модели хранения диалогов, разный объем раскрытия факта использования ИИ пользователю и разные процедуры передачи вопроса человеку. Общей чертой остается отсутствие публично доступных требований к алгоритмической прозрачности как таковой. Зарубежный опыт демонстрирует более систематизированный подход. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте относит системы, влияющие на доступ к государственным услугам и на оценку риска в правоохранительной сфере, к категории высокого риска и требует обязательного человеческого контроля и предварительной оценки воздействия на права человека, а рекомендации Министерства юстиции США по использованию алгоритмических инструментов в государственном управлении устанавливают требования прозрачности, аудита и запрет полностью автоматизированных решений, затрагивающих права граждан [4, С.183]. Перенос коммерческой модели диалогового ИИ-ассистента в государственную службу пробации без самостоятельной регуляторной конструкции повторил бы ошибку, связанную с попыткой решить вопрос доверия к алгоритму оговоркой о «справочном характере информации», которая не работает там, где ошибка влечет процессуальный ущерб. Поэтому целесообразно построение системы правовых принципов, определяющих пределы допустимого применения диалоговых интеллектуальных систем в пробации. Отправной точкой здесь служит рассмотрение четырех функциональных контуров, различающихся по степени юридической значимости результата и, соответственно, по допустимой степени автономности алгоритма.

Первый контур – информационно-справочный, включающий предоставление типовых сведений о правах, обязанностях, порядке обжалования решений, перечне документов, сроках. Результат такого взаимодействия не зависит от индивидуальных характеристик лица и не создает правовых последствий сам по себе. Для этого контура допустима полная автономность алгоритма при условии фиксации содержания диалога и права подучетного лица в любой момент запросить контакт с сотрудником инспекции.

Второй контур – навигационно-организационный, включающий напоминания о явках, направление к профильному специалисту, запись на прием, уведомление о смене статуса реестровой записи. Юридического значения такие действия не имеют, но влияют на организацию взаимодействия, поэтому допустима высокая автономность с выборочным контролем: логированием и периодическим аудитом маршрутов, без обязательной проверки каждого случая.

Третий контур (аналитико-мониторинговый) включает сбор первичных данных для составления или корректировки индивидуальной программы, предварительную классификацию проблемы (жилищная, трудовая, психологическая), агрегацию обращений для выявления системных проблем территориального органа. Результат такого контура влияет на содержание документа, определяющего меры государственной помощи, но не является итоговым решением. Здесь автономность должна быть ограничена, когда вывод алгоритма представляется только проектом, подлежащим обязательной проверке специалистом до включения в индивидуальную программу.

Четвертый контур – контрольно-верификационный, включающий фиксацию фактов неявки, оценку систематичности неисполнения обязанностей, формирование материалов для направления представления в суд об изменении условий отбывания наказания. Эти действия напрямую затрагивают право на свободу и должны оставаться исключительно человеческими решениями; роль диалоговой системы здесь ограничивается сбором фактов и технической подготовкой материалов, но не их правовой оценкой.

Из предложенной модели вытекает ряд критериев отнесения конкретной функции к автономной или неавтономной категории (наличие юри-

дических последствий, своевременная верификация, обратимость последствий). Наличие юридических последствий для подучетного лица служит здесь ключевым признаком. Если результат работы алгоритма способен инициировать процедуру, изменяющую его правовой статус, автономность недопустима. Возможность своевременной верификации становится критерием, увязывающим допустимость автономии с реальной, а не декларативной способностью сотрудника инспекции проверить вывод до наступления последствий [6]. Вышеизложенное позволяет сформулировать систему принципов, на которых должно строиться допустимое применение диалоговых интеллектуальных систем в пробации. Принцип сохранения человеческого контроля над итоговым решением означает запрет автоматизированного формирования вывода, порождающего юридические последствия, без верификации сотрудником инспекции.

Принцип функциональной ограниченности требует нормативного закрепления четырех контуров и запрета автономного функционирования системы в контрольно-верификационном контуре в отсутствие специального регулирования.

Принцип алгоритмической прозрачности как нормативное требование обязывает раскрывать подучетному лицу факт взаимодействия с ИИ, логику классификации его обращения и предоставлять безусловное право эскалации к человеку.

Принцип процессуальной безопасности связывает автономность алгоритма с реальной, а не формальной возможностью проверки его вывода в установленный срок, что при текущей нагрузке инспекций требует снижения объема автономных функций, либо параллельного увеличения штата инспекторов.

Принцип минимизации рисков для прав подучетных лиц требует, чтобы любое расширение функционала диалоговой системы сопровождалось оценкой воздействия на права лица до внедрения, а не после выявления инцидента.

Автором предлагаются дополнения, развивающие данную систему. Во-первых, применение упомянутой четырехуровневой модели функциональных контуров с различной автономностью, которая переносит акцент с вопроса «разрешено ли применение ИИ в пробации» на вопрос «в каком контуре и с каким объемом контроля», снимая ложную альтернативу между полным запретом и бесконтрольным внедрением. Второе дополнение предлагает введение в рассмотрение критерия отнесения функций к автономным и неавтономным по выделенным выше признакам (юридические последствия, степень дискреции, своевременность верификации, обратимость), что позволяет классифицировать любую новую функцию диалоговой системы. Кроме того, целесообразно внесение в закон № 10-ФЗ или в подзаконный акт ФСИН России нормы, прямо устанавливающей, что вывод диалоговой интеллектуальной системы, влияющий на содержание индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, либо служащий основанием для постановки вопроса о применении мер ответственности к лицу, в отношении которого применяется пробация, подлежит обязательной верификации сотрудником уголовно-исполнительной инспекции с фиксацией факта и результата такой верификации в едином реестре лиц, в отношении которых применяется пробация, предусмотренном законом о пробации.

На сегодняшний день служба пробации складывается как институт, сочетающий контрольные и социально-реабилитационные функции, зачастую в условиях нехватки кадров уголовно-исполнительных инспекций. При этом любая автоматизация функций, способных повлиять на судьбу конкретного человека, нуждается в закрепленных нормативных ограничениях. Отсутствие подобных ограничений не препятствует распространению технологий, а лишь переводит его в теневой режим, при котором формальную ответственность несет инспектор, а фактическое содержание итогового вывода формирует алгоритм, не проходящий реальной проверки из-за объективной перегрузки сотрудника. Предложенная система принципов призвана не допустить закрепления такого режима как повседневной практики до того, как соответствующие вопросы будут урегулированы законодателем.

Список литературы:

[1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.

[2] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Забайкалов А.П. О регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 24 апреля 2024 г. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. С. 181-185.

[5] Царькова Е.Г., Бодров Е.Н. К вопросу формирования цифровой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 377-379.

[6] Магдилова Л.В. Проблемы и перспективы правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. № 4.

[7] Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журнал российского права. 2018. № 9 (261).

[8] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[9] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

References:

[1] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[2] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zabaykalov A.P. On the regulations of the European Union on artificial intelligence // Spiritual and moral values as the basis of the technological sovereignty of Russia: Materials of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Lipetsk, April 24, 2024 - Voronezh: Nauka-Unipress, 2024. S. 181-185.

[5] Tsarkova E.G., Bodrov E.N. On the formation of digital culture in the process of training employees of the penitentiary system of the Russian Federation // Eurasian Legal Journal. 2023. № 3(178). S. 377-379.

[6] L.V. Magdilova. Problems and prospects of legal regulation of artificial intelligence and robotics // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2024. № 4.

[7] Abramova A.I. Current trends in the integration and differentiation of legal regulation // Journal of Russian Law. 2018. № 9 (261).

[8] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[9] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-120-124
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

АББУД Руслан Ратебович,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Москва),
e-mail: ruslan625@yandex.ru

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Аннотация. *В настоящей статье автором анализируются отдельные виды киберпреступлений, способных нанести вред в контексте одной из процессуальных отраслей международного частного права – международный коммерческий арбитраж. Более того, киберпреступления могут нанести ущерб таким важным аспектам данного института, как конфиденциальность, беспристрастность и исполнимость решений. Скоротечное развитие цифровизации провоцирует новый всплеск кибератак в отношении международных третейских судов. Кроме того, с развитием систем ИИ, появилось такое киберпреступление, как модификация цифровых доказательств, что может сказаться крайне негативно на вынесение справедливого решения арбитром. Принятие своевременных мер защиты в данной сфере даст определенный толчок в части обеспечения должной информационной безопасности в части отправления правосудия.*

Статья состоит из трех разделов, включая аннотацию и заключение. Второй раздел посвящен анализу судебной практики в части совершения киберпреступлений в ходе процесса в международном коммерческом арбитраже и какими международно-правовыми механизмами, а также техническими средствами возможно предотвратить вышеназванную угрозу.

Ключевые слова: *киберпреступление, международный коммерческий арбитраж, системы ИИ, Нью-Йорская конвенция 1958 года, Руководство по использованию ИИ в международном арбитраже (2024).*

ABBUD R.R.,
PhD in law, Senior Lecturer Professor of the International Law Department at the Lebedev Russian State University of Justice (Moscow)

CYBERCRIMES IN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION AND WAYS TO PREVENT THEM

Annotation. *In this article, the author analyzes certain types of cybercrimes that can cause harm in the context of one of the procedural branches of private international law – international commercial arbitration. Moreover, cybercrimes can damage such important aspects of this institution as confidentiality, impartiality and enforceability of decisions. The rapid development of digitalization is provoking a new surge in cyber-attacks against arbitration courts. In addition, with the development of AI systems, cybercrime such as manipulation of digital evidence has appeared, which can have a very negative impact on the fair decision of the arbitrator. Taking timely protective measures in this area will give a definite boost in terms of ensuring proper information security.*

The article consists of three sections, including an abstract and a conclusion. The second section is devoted to the analysis of judicial practice regarding the commission of cybercrimes during the process in

international commercial arbitration and what international legal mechanisms, as well as AI systems, it is possible to prevent the above-mentioned threat.

Key words: *cybercrime, international commercial arbitration, AI systems, the 1958 New York Convention, Guidelines on the Use of AI in International Arbitration (2024).*

I.Киберпреступления в контексте международного арбитражного производства

В международном праве киберпреступление является преступлением международного характера, которое посягает как на внутригосударственный, так и на международный правопорядок. В узком смысле под киберпреступлением понимается любое противоправное деяние, осуществляемое посредством электронных операций, целью которого является преодоление защиты компьютерных систем и обрабатываемых ими данных. Киберпреступление в широком смысле означает любое противоправное деяние, совершаемое посредством или в связи с компьютерной системой или сетью, включая такие преступления, как незаконное хранение, распространение информации посредством компьютерной системы или сети [7].

В эпоху стремительной цифровизации и развития сети «Интернет, практически не осталось той сферы, где киберпреступления не заявили о себе. По данным Международного союза электросвязи, текущий уровень киберугроз оценивается приблизительно в 2200 кибератак в мире ежедневно, при этом ежегодно количество кибератак в мире увеличивается на 80%. Схожие данные приводит и Роскомнадзор, указывая на то, что число компьютерных и DDoS-атак ежегодно увеличивается в среднем на 70%. Одной из самых массовых областей, по которой бьют киберпреступления – это экономический и финансовый сектор. Более того, кибератаки часто совершаются в отношении интеллектуальной собственности, а также на системы управления объектами жизнеобеспечения.

Судебная система также не является абсолютно защищенной и сохраняется риск представления поддельных доказательств в судах и арбитражах.

В деле «Libananco v. Turkey» истец ссылался на то, что Турция перехватывала корреспонденцию по электронной почте между кипрской компанией Libananco и адвокатом [4]. Турция получила доступ к документам, защищенным адвокатской тайной, после чего представила их в арбитраж. Однако, несмотря на обвинение кипрской компанией турецких властей в части незаконного перехвата конфиденциальной информации, Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) в своем итоговом решении от 2 сентября 2011 года встал на позицию Турции, заявив, что прямой ущерб процессу не был доказан. В то же время МЦУИС подчеркнул, что несанкционированный перехват информации является нарушением процессуальной этики.

Таким образом, анализируя вышеназванный кейс, можно прийти к выводу о том, что совершение одной из сторон спора киберпреступления не влечет автоматического проигрыша, однако требует от арбитров внимательности в части обеспечения надлежащего процесса. В эпоху резкого развития информационных технологий, в международном коммерческом арбитраже представляется целесообразным закрепления «презумпции недопустимости» доказательств, полученных нелегитимным путем. Своевременный анализ системами ИИ цифровых следов позволит выявить фальсификацию документов. Более того, грамотное интегрирование систем ИИ в международное арбитражное производство позволит обеспечить достоверность доказательной базы, если идти по пути генерируя механизмов объективного контроля, способных предотвратить последствия киберпреступлений.

Еще одним ярким примером, где продемонстрировано совершение киберпреступления в отношении международного коммерческого арбитража служит кейс Sultan of Sulu v. Malaysia [5]. Спор проистекает из соглашения 1878 года между британскими колонистами и султаном Сулу об использовании принадлежащей ему территории на острове Борнео. В мае 2019 года Верховный суд Испании назначил на рассмотрение спора испанского арбитра Гонсало Стампа. В феврале 2022 года Стампа признал право наследников султана Сулу взыскать с Малайзии стоимость прав на территорию Северного Борнео, которая стала предметом территориальных уступок. Наследники должны были получить 14,92 млрд долларов. После такого решения Малайзия выдвинула против Стампы обвинение в превышении должностных полномочий.

Анализируя вышеназванное дело, действия арбитра можно квалифицировать, как мошенничество с использованием информационно-коммуникационной системы. Стампа эксплуатировал отсутствие синхронизации между цифровыми реестрами национальных судов Европейского союза (Испания, Франция). Выдав аннулированное решение за легитимное, он совершил киберпреступление против системы международного правосудия.

В эпоху активной цифровизации подобные

киберпреступления могут быть автоматизированы, что требует интегрирования технологий блокчейн-верификации в части каждого этапа арбитражного процесса, чтобы обеспечить надлежащую безопасность. Более того, если бы назначение арбитра фиксировалось в блокчейне, связанном с реестрами национальных судов, то в момент отстранения Стампы, в Мадриде, его цифровой ключ был бы автоматически отозван. Любое решение, подписанное арбитром после этого, системами помечалось – как недействительное.

Тем не менее, на сегодняшний день ведется дискуссия в части создания единой глобальной базы данных арбитражных решений. Суть заключается в следующем, что суд любого государства при получении требования об исполнении арбитражного решения должен иметь возможность зайти в защищенную базу данных и увидеть статус этого решения: «действует», «аннулировано», «оспорено». Это позволит исключить возможность обмана.

В деле Nigeria vs. P&ID Высокий суд Лондона постановил, что решение, которое было вынесено ранее в пользу компании P&ID должно быть аннулировано, так как противоречит публичному порядку [6]. В ходе рассмотрения дела выяснилось, что P&ID незаконно получала доступ к конфиденциальным цифровым данным Нигерии. Суд постановил, что незаконное получение доступа к конфиденциальным цифровым материалам другой стороны в деле является весомым аргументом в части отмены арбитражного решения. В контексте киберпреступлений данный кейс подтверждает, что любая форма несанкционированного завладения данными рассматривается судами как посягательство на публичный порядок, что делает окончательное решение в ходе арбитражного процесса юридически ничтожным.

В апреле 2024 года Центр арбитража и медиации Кремниевой долины опубликовал руководство по использованию ИИ в международном арбитраже (далее – Руководство ИИ) [2]. Данный документ предназначен для поддержки арбитражным институтов, арбитров, сторон и их представителей при использовании инструментов ИИ. Кроме того, Руководство ИИ устанавливает этические и процессуальные рамки применения ИИ. Главная его роль – минимизировать риски, сохраняя при этом эффективность арбитража. Руководство ИИ выполняет функцию soft law и является рекомендацией и ориентиром для международных коммерческих арбитражных судов. Более того, Руководство ИИ формирует новые требования к допустимости доказательств, а также устанавливает этический барьер против использования систем ИИ в качестве инструмента для киберпреступления, например генерирование фальшивых прецедентов или улик.

Таким образом, принятие Руководства ИИ стало значимым событием в области международного арбитражного производства. Устанавливая обязательство по обеспечению кибербезопасности при работе с системами ИИ и вводя запрет на делегирование полномочий арбитра алгоритмам систем ИИ, вышеназванный документ закладывает фундамент для защиты надлежащей правовой процедуры. Обязанность раскрытия использования систем ИИ, предусмотренная статьей 3 Руководством ИИ, выступает эффективным превентивным инструментом в отношении использования генеративных технологий в части дальнейшей фальсификации доказательств, тем самым обеспечивая целостность и легитимность арбитражного решения в условиях новых технологических вызовов.

Более того, к числу рекомендательных документов можно отнести Протокол о кибербезопасности в международном арбитраже (ICCA-NYC BAR-CPR Cybersecurity Protocol for International Arbitration) [3]. Данный Протокол содержит руководство по принятию мер, направленных на обеспечение информационной безопасности, которые стороны и арбитры могут принять при проведении виртуальных слушаний и подаче документов в электронном виде.

Оба документа носят рекомендательный характер, однако их принятие, безусловно, повышает уровень осведомленности участников арбитража и ставит вопросы справедливого и безопасного разрешения споров в центр внимания [8].

Кроме того, несмотря на свою историческую значимость, Нью-Йорская конвенция 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (далее – Нью-Йорская конвенция) демонстрирует технологическую слепоту в эпоху цифровизации и стремительного развития систем ИИ [1]. Тем не менее, статья 5 Нью-Йорская конвенции направлена на борьбу в том числе и против киберпреступлений. В частности, речь идет о публичном порядке, когда суды используют данный инструмент в части отказа в признании решения, основанного, например, на ложных цифровых доказательствах.

Заключение

На наш взгляд, в целях минимизации злоупотреблением полномочиями арбитрами, необходимо создать единый международный цифровой реестр и обязать государственные суды своевременно вносить данные об аннулировании арбитражных решений. Кроме того, отсутствие в Нью-Йорской конвенции положений о кибербезопасности и целостности электронных доказательств создает правовой вакуум, который вынуждает национальны суды расширительно толковать оговорку о публичном порядке. Принятия дополнительного протокола к Нью-Йорской конвенции

с чёткими правилами императивного характера (введение обязательной верификации цифровых подписей арбитров через международные реестры), и дальнейшей имплементации норм в национальную правовую систему государств, приведет к минимизации кибератак на систему международного арбитражного производства. А пока, главную роль в данной архитектуре безопасности играют нормы мягкого права, которые адаптируют классические постулаты международного частного права к цифровым вызовам современности.

Кроме того, эффективное противодействие киберпреступлениям в международном коммерческом арбитраже невозможно в рамках исключительно правового подхода. Необходима синергия: технические механизмы, например блокчейн-верификация или анализ системами ИИ цифровых доказательств позволят минимизировать риски представления поддельных доказательств в судах и арбитражах.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, киберпреступления перестали являться исключительно технической проблемой, превратившись в глобальный вызов для международного правосудия. Эффективная зашита международного коммерческого арбитража возможна при условии перехода от фрагментарных мер к комплексной системе цифровой защиты, сочетающей императивные нормы международного права с передовыми технологическими инструментами верификации данных.

Список литературы:

[1] Нью-Йорская конвенция 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Доступ из СПС «Гарант».

[2] SVAMC Guidelines on the Use of Artificial Intelligence in Arbitration. – 2024. – P. 22.

[3] ICCA-NYC BAR-CPR Cybersecurity Protocol for International Arbitration. URL: https://www.arbitrationicca.org/publications/ICCA_Report_N6.html (дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

[4] Libananco Holdings Co. Limited v. Republic of Turkey, ICSID Case No. ARB/06/8. // – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-libananco-holdings-co-limited-v-republic-of-turkey-decision-on-preliminary-issues-monday-23rd-june-2008/ (дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

[5] Nurhima Kiram Fornan, Fuad A Kiram, Sheramar T Kiram, Permaisuli Kiram-Guerzon, Taj-Mahal Kiram-Tarsum Nuqui, Ahmad Narzad Kiram Sampang, Jenny KA Sampang and Widz-Raunda Kiram Sampang v. Malaysia. // – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-nurhima-kiram-fornan-fuad-a-kiram-sheramar-t-kiram-permaisuli-kiram-guerzon-taj-mahal-kiram-tarsum-nuqui-ahmad-narzad-kiram-sampang-jenny-ka-sampang-and-widz-raunda-kiram-sampang-v-malaysia-memorandum-order-of-the-united-states-district-court-for-the-district-of-delaware-thursday-3rd-july-2025/ (дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

[6] Process and Industrial Developments Ltd. v. The Ministry of Petroleum Resources of the Federal Republic of Nigeria. // URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-process-and-industrial-developments-ltd-v-the-ministry-of-petroleum-resources-of-the-federal-republic-of-nigeria-judgment-of-the-court-of-appeal-of-england-and-wales-2024-ewca-civ-790-friday-12th-july-2024/ (дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

[7] Schjolberg, Stein. The history of cybercrime (third edition) / Stein Schjolberg. – 2020. – P. 25.

[8] Купчина Е.В. Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности международным арбитраже в условиях цифровизации: дис….канд.юрид. наук/ Купчина Е.В. – Москва, 2024. – 173 с.

References:

[1] 1958 New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards. Access from SPS "Garant.".

[2] SVAMC Guidelines on the Use of Artificial Intelligence in Arbitration. – 2024. – P. 22.

[3] ICCA-NYC BAR-CPR Cybersecurity Protocol for International Arbitration. URL: https://www.arbitrationicca.org/publications/ICCA_Report_N6.html (дата обращения: 09.02.2026). - Text: electronic.

[4] Libananco Holdings Co. Limited v. Republic of Turkey, ICSID Case No. ARB/06/8. // – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-libananco-holdings-co-limited-v-republic-of-turkey-decision-on-preliminary-issues-monday-23rd-june-2008/ (дата обращения: 09.02.2026). - Text: electronic.

[5] Nurhima Kiram Fornan, Fuad A Kiram, Sheramar T Kiram, Permaisuli Kiram-Guerzon, Taj-Mahal Kiram-Tarsum Nuqui, Ahmad Narzad Kiram Sampang, Jenny KA Sampang and Widz-Raunda Kiram Sampang v. Malaysia. // – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-nurhima-kiram-fornan-fuad-a-kiram-sheramar-t-kiram-permaisuli-kiram-guerzon-taj-mahal-kiram-tarsum-nuqui-ahmad-narzad-kiram-sampang-jenny-ka-sampang-and-widz-raunda-kiram-sampang-v-malaysia-memorandum-order-of-the-united-states-district-court-for-the-district-of-delaware-thursday-3rd-july-2025/ (дата обращения: 09.02.2026). - Text: electronic.

[6] Process and Industrial Developments Ltd. v. The Ministry of Petroleum Resources of the Federal Republic of

Nigeria. // URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-process-and-industrial-developments-ltd-v-the-ministry-of-petroleum-resources-of-the-federal-republic-of-nigeria-judgment-of-the-court-of-appeal-of-england-and-wales-2024-ewca-civ-790-friday-12th-july-2024/ (дата обращения: 09.02.2026). - Text: electronic.

[7] Schjolberg, Stein. The history of cybercrime (third edition) / Stein Schjolberg. – 2020. – P. 25.

[8] E.V. Kupchina. Resolution of disputes in the field of intellectual property by international arbitration in the context of digitalization: dis.... Sciences/Kupchina E.V. - Moscow, 2024. - 173 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-125-131

ШЕВЕЛЁВ Никита Денисович,
магистр
юриспруденции, частнопрактикующий юрист,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОКТРИНЫ RES JUDICATA И ISSUE ESTOPPEL В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. *В данной статье рассматриваются доктрины res judicata и issue estoppel в международном коммерческом арбитраже, особое внимание уделяется их теоретическим основам, практическому применению и актуальности для российского праваВ статье проводится различие между cause of action estoppel, который исключает повторное рассмотрение идентичных исков, и issue estoppel, который не позволяет сторонам повторно рассматривать вопросы факта или права, которые уже были окончательно разрешены в ходе предыдущих разбирательств. В исследовании анализируется историческое развитие этих доктрин в общем праве, проводится их сравнение с концепцией обязательности судебных решений в странах романо-германской правовой семьи и исследуются методологические проблемы, возникающие из-за различий в правовых традициях. Опираясь на судебную практику судов Англии, Швейцарии, Франции и США, а также практику МКАС при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и российских государственных судов, в статье показано, что преюдициальный эффект судебного решения стал признаваться в качестве общего принципа международного арбитража, несмотря на отсутствие всестороннего законодательного регулирования. Особое внимание уделяется критериям применения issue estoppel, включая идентичность вопросов, окончательность ранее принятого решения и концепцию связанности сторон (privity). В заключение в статье дается оценка текущего состояния российского законодательства и предлагаются реформы, направленные на укрепление правовой определенности путем более четкого регулирования преюдициального эффекта судебных и арбитражных решений в последующих арбитражных разбирательствах.*

Ключевые слова: *res judicata, issue estoppel, преюдиция, законная сила судебного решения, международный коммерческий арбитраж, параллельные разбирательства; публичный порядок.*

SHEVELEV Nikita Denisovich,
Master of Law, private practice lawyer

THE DOCTRINES OF RES JUDICATA AND ISSUE ESTOPPEL IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION: THEORETICAL FOUNDATIONS AND MODERN PRACTICE

Annotation. *This article examines the doctrines of res judicata and issue estoppel in international commercial and investment arbitration, focusing on their theoretical foundations, practical application, and relevance for Russian law. It distinguishes between cause of action estoppel, which precludes the relitigation of identical claims, and issue estoppel, which prevents parties from reopening issues of fact or law that have already been conclusively determined in prior proceedings. The study analyses the historical development of these doctrines in common law, compares them with the civil law concept of the binding effect of judgments, and explores the methodological challenges arising from differences between legal traditions. Drawing on the jurisprudence of English, Swiss, French and U.S. courts, as well as the practice of the ICAC at the Russian Chamber of Commerce and Industry and Russian state courts, the article demonstrates that preclusive effect has become recognised as a general principle of international arbitration despite the absence of comprehensive statutory regulation. Particular attention is devoted to the criteria for applying issue estoppel, including identity of issues, finality of the prior decision, and the concept of privity. The article concludes by evaluating the current state of Russian law and proposing reforms aimed at strengthening legal*

certainty through clearer regulation of the preclusive effect of judicial and arbitral decisions in subsequent arbitral proceedings.

Key words: *res judicata; issue estoppel; preclusion; legal force of a judgment; international commercial arbitration; parallel proceedings; public policy.*

Введение

Рост трансграничного коммерческого оборота и связанное с ним увеличение числа коммерческих споров закономерно порождают ситуации, при которых одни и те же фактические обстоятельства становятся предметом рассмотрения нескольких юрисдикционных органов: государственных судов различных стран, нескольких третейских судов, а также трибуналов, рассматривающих спор повторно после частичной отмены первоначального решения. Множественность разбирательств порождает риск противоречащих друг другу решений, что подрывает как интересы сторон, так и системные ценности арбитража: правовую определенность, эффективность и окончательность разрешения спора.

Общее право традиционно отвечает на данный вызов при помощи доктрины res judicata в широком смысле, охватывающей два самостоятельных, хотя и взаимосвязанных института: cause of action estoppel (тождество требования) и issue estoppel (тождество отдельного вопроса факта или права) [6]. Обе доктрины изначально сформировались применительно к судебному разбирательству, однако в силу консенсуальной природы арбитража [15] и функционального сходства арбитражного решения с судебным английские суды уже в XVIII веке распространили действие res judicata на арбитражные решениях [21].

Вместе с тем ни Нью-Йоркская конвенция 1958 года, ни, за отдельными исключениями, национальные законы об арбитраже не содержат развернутого регулирования преюдициальной силы решений применительно к последующим разбирательствам. Данный пробел восполняется практикой и доктриной.

Российское право находится в похожей ситуации: Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» не содержат норм ни о преюдициальной силе решений государственных судов для третейского разбирательства, ни о преюдициальном эффекте одного арбитражного решения для другого. Пробел восполняется практикой МКАС при ТПП РФ и государственных судов, а также доктриной, где единство мнений отсутствует.

Целью статьи является анализ доктрин res judicata и issue estoppel применительно к международному коммерческому арбитражу, включая: (1) содержание и соотношение указанных доктрин; (2) основания преюдициальной силы решений государственных судов для арбитража; (3) основания преюдициальной силы арбитражных решений для последующих разбирательств; (4) критерии применения issue estoppel в практике арбитражей; и (5) специфику регулирования данных вопросов в российском праве.

1. Понятие и соотношение доктрин res judicata и issue estoppel

Доктрина res judicata в широком смысле объединяет в странах общего права несколько самостоятельных институтов, направленных на исключение повторного рассмотрения одного и того же вопроса. Ключевое значение для целей настоящей работы имеет разграничение между (1) cause of action estoppel (в континентальной терминологии — res judicata в узком смысле, тождество требования) и (2) issue estoppel (тождество отдельного вопроса, преюдиция).

Cause of action estoppel исключает возможность повторного предъявления тождественного требования: проигравшей стороне запрещается заявлять то же требование к тому же ответчику вновь, а выигравшая сторона освобождается от необходимости повторно доказывать его основания [19]. По общему правилу требуется классическая «тройная идентичность»: совпадение сторон, предмета и основания требования, хотя английские суды придают cause of action estoppel даже более узкое значение, чем суды США, применяя его только тогда, когда речь идет о том же требовании, доказываемом теми же элементами, вытекающем из тех же фактов и относящемся к тому же периоду [7].

Issue estoppel, напротив, не требует тождества требования: достаточно, чтобы конкретный вопрос факта или права был прямо поставлен и разрешен компетентным судом или арбитражем в качестве основания решения/ Тогда стороны лишаются возможности оспаривать его в другом разбирательстве между ними, пусть даже по иному требованию [11]. Ведущим прецедентом, распространившим issue estoppel на арбитраж, признается дело Fidelitas Shipping Co Ltd v V/O Exportchleb, в котором Апелляционный суд Англии подтвердил, что стороны, избравшие третейский способ разрешения спора, связаны выводами арбитров по любому значимому для спора вопросу точно так же, как были бы связаны решением государственного суда [22]; в основу данного вывода была положена практика, восходящая к делу Doe d Davy v. Haddon 1783 года.

Данное структурное различие принципиаль-

но отличает общее право от континентальных правопорядков. Французское право традиционно исходит из единой и узкой концепции «законной силы судебного решения» (autorité de la chose jugée), обусловленной тройным тождеством сторон, предмета и основания требования (ст. 1355 Гражданского кодекса Франции), не выработав функционального аналога issue estoppel: связывающая сила придается резолютивной части решения, но не отдельным вопросам факта или права из мотивировочной части. Это расхождение между правовыми семьями порождает основную методологическую проблему настоящей статьи: какое право должен применять арбитраж, разрешая вопрос о преюдициальном эффекте предшествующего решения, если сами правопорядки расходятся в понимании данного института. Часть исследователей (в частности, С. Шаффштайн) обосновывает необходимость выработки автономных, транснациональных принципов преюдиции для международного коммерческого арбитража, не привязанных к конкретной национальной системе [9, 10, 13, 14, 16]. Эту позицию разделяет и Комитет по международному коммерческому арбитражу Ассоциации международного права (International Law Association), чьи рекомендации 2006 года прямо адресованы арбитрам и ориентируют их на правила, учитывающие специфику международного арбитража, а не механическое заимствование той или иной национальной модели [12].

2. Преюдициальная сила решений государственных судов для международного арбитража

Вопрос о преюдициальной силе решений государственных судов возникает, когда какой-либо аспект спорного правоотношения уже получил оценку компетентного суда, например, в рамках спора о действительности договора, корпоративного спора или производства по делу о банкротстве. Общий подход, сложившийся в практике и доктрине, состоит в том, что арбитраж, по общему правилу, обязан признавать эффект вступившего в силу решения суда правопорядка, к которому оно принадлежит [17].

Г. Борн обосновывает данный подход через категорию применимого права: правила преюдиции, по его мнению, – элемент права, которое арбитраж обязан применять наравне с иными нормами; отсутствие обширной практики не колеблет данного вывода, поскольку ценности справедливости, эффективности и целостности процесса в равной мере применимы к обеим формам разрешения споров [7]. Отсюда следует, что вопрос о том, праву какой страны подчиняется сама преюдиция (места арбитража, существа спора либо страны вынесения предшествующего решения), – это вопрос коллизионного регулирования, а не заранее предрешенное исключение.

Показательна практика Судебного комитета Тайного совета Великобритании (Privy Council) по делу Associated Electric & Gas Insurance Services Ltd v. European Reinsurance Co. of Zurich, рассмотренному по праву Бермудских островов: issue estoppel квалифицирован не как доказательственная презумпция, а как самостоятельное частное право, предоставленное стороне предшествующим решением и подлежащее судебной защите наравне с иными материальными правами [23]. Данная квалификация снимает распространенное возражение о сугубо процедурном характере преюдиции, оставляющем ее регулирование целиком на усмотрение арбитров.

Схожим образом Федеральный трибунал Швейцарии в 2010 – 2015 годах последовательно признавал, что игнорирование арбитражем эффекта иностранного судебного либо предшествующего арбитражного решения составляет нарушение процессуального публичного порядка (ordre public procédural), которое является самостоятельным основанием отмены арбитражного решения с местом арбитража в Швейцарии [24]. Примечательно, что швейцарский, как и российский (см. ниже), подход устанавливает наличие преюдиции через публичный порядок, а не применимое материальное право: налицо два конкурирующих обоснования одного практического результата [18]. Французская практика менее последовательна: решение Парижского апелляционного суда 1979 года аннулировало решение ввиду проигнорированного судебного акта, сославшись на публичный порядок [25], тогда как дело Iro-Holding v. Setilex (1983) ограничило этот подход, указав, что права из res judicata носят частный характер и не всегда приобретают статус публичного порядка [26].

Действующее российское законодательство – Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» – не регулирует преюдициальное значение судебных решений для третейского разбирательства; в доктрине высказывалось мнение, что вопрос может решаться регламентом арбитражного учреждения или усмотрением арбитров [2, 3]. Эта позиция небесспорна: хотя третейский суд вправе самостоятельно определять процедуру (ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»), преюдициальная сила судебного акта выходит за пределы процедурной дискреции, затрагивая публичный порядок и правовую определенность, а обязательность судебных актов на территории России закреплена императивно (ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996

N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ч. 1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) и распространяется в том числе на третейские суды.

Практика МКАС при ТПП РФ в целом следует данному подходу: в решении от 15.02.2018 по делу № М-82/2017 коллегия арбитров признала преюдициальное значение обстоятельств, установленных определением государственного суда, сделав изъятие лишь для проверки собственной компетенции в силу принципа «компетенции-компетенции» [27]. Обратное направление – обязательность выводов арбитража для судов – воспринимается сдержаннее: в Постановлении от 19.11.2018 по делу № А40-82369/18 Арбитражный суд Московского округа подтвердил обязательность судебных актов для третейского разбирательства (для Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ), не рассматривая обратной ситуации [28].

3. Преюдициальная сила арбитражных решений: res judicata между арбитражами

Наряду с эффектом судебных решений для арбитража, самостоятельное значение имеет преюдициальная сила одного арбитражного решения для другого: как в последующем разбирательстве между теми же сторонами, так и в разбирательстве, возобновленном после частичной отмены первоначального решения.

Английские суды не проводят здесь различия между судебными и арбитражными решениями: Апелляционный суд в деле Fidelitas Shipping прямо распространил issue estoppel на арбитраж, исходя из того, что стороны, избравшие третейский трибунал, связаны его выводами по любому релевантному вопросу так же, как были бы связаны решением суда [29]. Американское право приходит к тому же выводу: разрешение вопросов в арбитраже является столь же окончательным для последующего разбирательства, как и выводы суда [19]; этот подход впоследствии распространен на международный арбитраж соответствующим положением Свода законов США о международном коммерческом и инвестиционном арбитраже 2019 года [20]. Практика федеральных апелляционных судов США последовательно подтверждает применимость issue preclusion к вопросам, разрешенным в предшествующем арбитражном разбирательстве [30].

4. Критерии применения issue estoppel и проблема связанности третьих лиц

Обобщение рассмотренной практики позволяет выделить следующие элементы (критерии), при совокупном наличии которых международные арбитражи признают преюдициальный (исключающий) эффект вопроса факта или права, разрешенного в предшествующем разбирательстве: (1) идентичность вопроса, поставленного на рассмотрение в обоих разбирательствах; (2) то обстоятельство, что данный вопрос был действительно предметом рассмотрения (actually litigated), а не затронут мимоходом; (3) то, что разрешение данного вопроса было необходимым (essential) для вынесенного решения, то есть входило в его резолютивную часть либо в мотивы, без которых резолютивная часть не могла бы быть обоснована [19]; (4) окончательность (finality) предшествующего решения; и (5) тождество сторон либо наличие между ними отношений privity, то есть достаточно тесной правовой связи, позволяющей распространить на лицо, формально не участвовавшее в предшествующем разбирательстве, его преюдициальный эффект [8].

Именно последний элемент порождает наибольшее число споров. Общее право по-разному решает вопрос о необходимости взаимности (mutuality) issue estoppel. Английское право придерживается более строгого требования: связанными предшествующим выводом могут быть признаны только сами стороны прежнего разбирательства либо их правопреемники. Право США, напротив, начиная с решений Верховного суда по делам Blonder-Tongue Laboratories, Inc. v. University of Illinois Foundation и Parklane Hosiery Co. v. Shore, допускает «невзаимное» (non-mutual) issue preclusion, т.е. возможность для лица, не участвовавшего в прежнем разбирательстве, ссылаться на установленный в нем вывод против стороны, уже имевшей полную и справедливую возможность его оспорить, причем как в качестве ответчика, так и в качестве истца [31].

5. Специфика регулирования вопросов преюдиции в российском праве: проблемы и предложения

Если преюдициальный эффект решений государственных судов для третейского разбирательства российская доктрина и практика в целом признают, выводя его из принципа публичного порядка (см. § 2), то вопрос о преюдициальной силе одного арбитражного решения для другого – российский аналог issue estoppel в его применении между арбитражами – остается практически неразработанным ни на уровне законодательства, ни на уровне регламентов ведущих арбитражных учреждений (МКАС, РАЦ), ни в практике.

Показательно и обратное направление проблемы: вопрос о преюдициальной силе арбитражных решений для государственных судов. В новейшей отечественной литературе высказана позиция, что арбитражные решения в принципе не могут иметь преюдициального значения для государственных судов, поскольку третейские суды не относятся к органам, осуществляющим правосудие, а третейское разбирательство – частноправовой способ разрешения спора, лишенный публично-правовой природы [5]. Эта позиция оп-

понирует чрезмерно широкому отождествлению государственного правосудия и арбитража: в отличие от английского Тайного совета, признавшего в деле Associated Electric, что природа права из issue estoppel не зависит от того, судебным или арбитражным было предшествующее решение, российская доктрина склонна проводить между ними более строгую границу применительно к обязательности выводов арбитража для суда. Однако сама эта асимметрия не опровергает необходимость выработки правил о преюдиции между двумя арбитражными разбирательствами, поскольку касается иного вопроса – соотношения частной и публичной юрисдикции, а не соотношения двух арбитражей между собой.

С учетом изложенного целесообразно, во-первых, восполнить пробел актами арбитражных учреждений, по аналогии с Рекомендациями Ассоциации международного права 2006 года о lis pendens и res judicata в арбитраже, адресованными арбитрам и ориентирующими на правила, учитывающие специфику именно международного арбитража [12]; в отечественной литературе эти Рекомендации уже получили комментарий применительно к их использованию в российской практике [1]. Во-вторых, следует учитывать нейтральный характер критериев, изложенных в § 4, их восприятие отечественными арбитражными учреждениями способствовало бы предсказуемости для иностранных участников и привлекательности российских арбитражных институтов. В-третьих, дальнейшего осмысления требует разграничение общего понятия преюдиции, знакомого российскому процессу прежде всего по ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и более узкого по предмету, но более гибкого по кругу связанных лиц института issue estoppel, что отмечается и в учебной литературе [4].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что доктрины res judicata и issue estoppel, при своем общеправовом происхождении, последовательно признаются международными коммерческими арбитражами в качестве общих принципов права, обеспечивающих правовую определенность, процессуальную экономию и защиту от повторного оспаривания уже разрешенных вопросов. Практика 2020 – 2026 годов. подтверждает не только устойчивость, но и продолжающееся развитие данных доктрин, включая уточнение их пределов.

Вместе с тем единого коллизионного стандарта не выработано: место преюдиции остается предметом дискуссии: элемент ли она применимого материального права (позиция Г. Борна), проявление публичного порядка (подход Швейцарии и, во многом, России) либо предмет автономного, транснационального регулирования (позиция Ассоциации международного права и С. Шаффштайн). Для российского права наиболее актуальны, с одной стороны, дальнейшее развитие практики признания преюдициального эффекта судебных решений для третейского разбирательства через категорию публичного порядка, а с другой – восполнение пробела в регулировании преюдициального эффекта одного арбитражного решения для другого, что видится необходимым условием привлекательности российских арбитражных институтов для участников трансграничного оборота.

Список литературы:

[1] Асосков А.В. Комментарий к Рекомендациям Ассоциации международного права о применении доктрин lis pendens и res judicata в отношении арбитража: основные положения и перспективы использования в российской практике // Международный коммерческий арбитраж. 2008. № 2. С. 75–98.

[2] Гавриленко В.А. Свойство преюдициальности решений третейских судов // Исполнительное право. 2006. № 3. С. 15.

[3] Ильичев П.А. Проблемы преюдиции в третейском разбирательстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 125–132.

[4] Международный коммерческий арбитраж: учебник / науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов; отв. ред. Т.А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018.

[5] Невоструев А.Г. О признании арбитражных решений преюдициальными // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 4.

[6] Barnett P. Res Judicata, Estoppel and Foreign Judgments. Oxford: Oxford University Press, 2001.

[7] Born G.B. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021. Vol. III.

[8] Brekoulakis S. The Effect of An Arbitral Award and Third Parties in International Arbitration: Res Judicata Revisited // American Review of International Arbitration. 2005. Vol. 16. P. 177–212.

[9] Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London: Stevens & Sons, 1953.

[10] Gaillard E. Coordination or Chaos: Do the Principles of Comity, Lis Pendens, and Res Judicata Apply to International Arbitration? // American Review of International Arbitration. 2018. Vol. 29. P. 205–242.

[11] Griffith G., Seif I. Chapter 8: Work in Progress: Res Judicata and Issue Estoppel in Investment Arbitration // Jurisdiction, Admissibility

and Choice of Law in International Arbitration: Liber Amicorum Michael Pryles / ed. by N. Kaplan, M.J. Moser. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2018.

[12] International Law Association. Recommendations on Lis Pendens and Res Judicata and Arbitration. Resolution No. 1/2006. Toronto, 2006 // Arbitration International. 2009. Vol. 25. No. 1.

[13] McLachlan C., Shore L., Weiniger M. International Investment Arbitration: Substantive Principles. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017.

[14] Moses M.L. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

[15] Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. Oxford: Oxford University Press, 2009.

[16] Schaffstein S. The Doctrine of Res Judicata Before International Commercial Arbitral Tribunals. Oxford: Oxford University Press, 2016.

[17] Schlosser P. Arbitral Tribunals or State Courts: Who Must Defer to Whom? // Arbitral Tribunals or State Courts: Who Must Defer to Whom? / ed. by P. Karrer. Basel: ASA Special Series No. 15, 2001. P. 15–24.

[18] Voser N., Raneda F. Recent Developments on the Doctrine of Res Judicata in International Arbitration from A Swiss Perspective: A Call for A Harmonized Solution // ASA Bulletin. 2015. Vol. 33. P. 746.

[19] American Law Institute. Restatement (Second) of Judgments. St. Paul, Minn.: American Law Institute Publishers, 1982.

[20] American Law Institute. Restatement of the U.S. Law of International Commercial and Investor-State Arbitration. St. Paul, Minn.: American Law Institute Publishers, 2019.

[21] Doe d Davy v. Haddon [1783] 3 Doug K.B. 310, цит. по: Fidelitas Shipping Co Ltd v V/O Exportchleb [1966] 1 QB 630.

[22] Fidelitas Shipping Co Ltd v V/O Exportchleb [1966] 1 QB 630 (Court of Appeal).

[23] Associated Electric & Gas Insurance Services Ltd v. European Reinsurance Co. of Zurich [2003] UKPC 11, ¶¶ 10, 15.

[24] Judgment of 29 May 2015, DFT 4A_633/2014 (Swiss Federal Tribunal); Judgment of 27 May 2014, DFT 4A_508/2013 (Swiss Federal Tribunal); Judgment of 13 April 2010, DFT 4A_490/2009, ¶ 2.1 (Swiss Federal Tribunal).

[25] Judgment of 28 September 1979, 1980 Rev. Arb. 506 (Paris Cour d'Appel).

[26] Judgment of 9 June 1983, Iro-Holding v. Setilex, 1983 Rev. Arb. 497 (Paris Cour d'Appel).

[27] Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 15.02.2018 по делу N М-82/2017; см. также Постановление МКАС при ТПП РФ от 23.04.2014 по делу № 16/2013 (о разграничении преюдиции и принципа «компетенции-компетенции»).

[28] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 по делу № А40-82369/18.

[29] Fidelitas Shipping Co Ltd v V/O Exportchleb [1966] 1 QB 630 (Court of Appeal).

[30] Vargas-Colon v. Fundación Damas, Inc., 864 F.3d 14, 25 (1st Cir. 2017); CBF Indústria de Gusa SA v. AMCI Holdings, Inc., 850 F.3d 58, 77 (2d Cir. 2017); Bank of N.Y. v. First Millennium, Inc., 607 F.3d 905, 918 (2d Cir. 2010).

[31] Blonder-Tongue Laboratories, Inc. v. University of Illinois Foundation, 402 U.S. 313 (1971); Parklane Hosiery Co. v. Shore, 439 U.S. 322 (1979); см. также Restatement (Second) of Judgments § 29 (1982).

References:

[1] A.V. Asoskov. Commentary on the Recommendations of the International Law Association on the Application of the lis pendens and res judicata doctrines in relation to arbitration: main provisions and prospects for use in Russian practice // International Commercial Arbitration. 2008. № 2. S. 75-98.

[2] Gavrilenko V.A. The property of the prejudice of decisions of arbitration courts // Executive law. 2006. № 3. S. 15.

[3] Ilyichev P.A. Problems of prejudice in arbitration proceedings // Actual problems of Russian law. 2020. № 2. S. 125-132.

[4] International commercial arbitration: textbook/scientific. ed. O.Yu. Skvortsov, M.Yu. Savransky, G.V. Sevastyanov; resp. ed. T.A. Lunaeva. 2nd ed., Revised and additional SPb.: ANO "Editorial office of the journal "Arbitration Court"; M.: Statute, 2018.

[5] Nevostruev A.G. On the recognition of arbitral awards as prejudicial // Actual problems of Russian law. 2024. № 4.

[6] Barnett P. Res Judicata, Estoppel and Foreign Judgments. Oxford: Oxford University Press, 2001.

[7] Born G.B. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021. Vol. III.

[8] Brekoulakis S. The Effect of An Arbitral Award and Third Parties in International Arbitration: Res Judicata Revisited // American Review of International Arbitration. 2005. Vol. 16. P. 177–212.

[9] Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London: Stevens & Sons, 1953.

[10] Gaillard E. Coordination or Chaos: Do the Principles of Comity, Lis Pendens, and Res Judicata Apply to International Arbitration? // American

Review of International Arbitration. 2018. Vol. 29. P. 205–242.

[11] Griffith G., Seif I. Chapter 8: Work in Progress: Res Judicata and Issue Estoppel in Investment Arbitration // Jurisdiction, Admissibility and Choice of Law in International Arbitration: Liber Amicorum Michael Pryles / ed. by N. Kaplan, M.J. Moser. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2018.

[12] International Law Association. Recommendations on Lis Pendens and Res Judicata and Arbitration. Resolution No. 1/2006. Toronto, 2006 // Arbitration International. 2009. Vol. 25. No. 1.

[13] McLachlan C., Shore L., Weiniger M. International Investment Arbitration: Substantive Principles. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017.

[14] Moses M.L. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

[15] Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. Oxford: Oxford University Press, 2009.

[16] Schaffstein S. The Doctrine of Res Judicata Before International Commercial Arbitral Tribunals. Oxford: Oxford University Press, 2016.

[17] Schlosser P. Arbitral Tribunals or State Courts: Who Must Defer to Whom? // Arbitral Tribunals or State Courts: Who Must Defer to Whom? / ed. by P. Karrer. Basel: ASA Special Series No. 15, 2001. P. 15–24.

[18] Voser N., Raneda F. Recent Developments on the Doctrine of Res Judicata in International Arbitration from A Swiss Perspective: A Call for A Harmonized Solution // ASA Bulletin. 2015. Vol. 33. P. 746.

[19] American Law Institute. Restatement (Second) of Judgments. St. Paul, Minn.: American Law Institute Publishers, 1982.

[20] American Law Institute. Restatement of the U.S. Law of International Commercial and Investor-State Arbitration. St. Paul, Minn.: American Law Institute Publishers, 2019.

[21] Doe d Davy v. Haddon [1783] 3 Doug K.B. 310, цит. по: Fidelitas Shipping Co Ltd v V/O Exportchleb [1966] 1 QB 630.

[22] Fidelitas Shipping Co Ltd v V/O Exportchleb [1966] 1 QB 630 (Court of Appeal).

[23] Associated Electric & Gas Insurance Services Ltd v. European Reinsurance Co. of Zurich [2003] UKPC 11, ¶¶ 10, 15.

[24] Judgment of 29 May 2015, DFT 4A_633/2014 (Swiss Federal Tribunal); Judgment of 27 May 2014, DFT 4A_508/2013 (Swiss Federal Tribunal); Judgment of 13 April 2010, DFT 4A_490/2009, ¶ 2.1 (Swiss Federal Tribunal).

[25] Judgment of 28 September 1979, 1980 Rev. Arb. 506 (Paris Cour d'Appel).

[26] Judgment of 9 June 1983, Iro-Holding v. Setilex, 1983 Rev. Arb. 497 (Paris Cour d'Appel).

[27] Decision of the ICAC Panel of Arbitrators at the RF CCI of 15.02.2018 in case N M-82/2017; see also the Resolution of the ICAC at the RF CCI of 23.04.2014 in case No. 16/2013 (on the distinction between prejudice and the principle of "competence-competence").

[28] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 19.11.2018 in case No. A40-82369/18.

[29] Fidelitas Shipping Co Ltd v V/O Exportchleb [1966] 1 QB 630 (Court of Appeal).

[30] Vargas-Colon v. Fundación Damas, Inc. , 864 F.3d 14, 25 (1st Cir. 2017); CBF Indústria de Gusa SA v. AMCI Holdings, Inc. , 850 F.3d 58, 77 (2d Cir. 2017); Bank of N.Y. v. First Millennium, Inc. , 607 F.3d 905, 918 (2d Cir. 2010).

[31] Blonder-Tongue Laboratories, Inc. v. University of Illinois Foundation, 402 U.S. 313 (1971); Parklane Hosiery Co. v. Shore, 439 U.S. 322 (1979); see also Restatement (Second) of Judgments § 29 (1982). .

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-132-138

САМУСЕВИЧ Андрей Юрьевич,
магистр юриспруденции, менеджер по работе с инвестиционными соглашениями и взаимодействию с партнерами АО МАЗ «Москвич»,
e-mail: andresammusevich @mail.ru

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу формирования самостоятельного института судебной практики по спорам, связанным с применением налога на профессиональный доход (НПД). Актуальность этогй темы определяется тем, что в условиях действующего в Российской Федерации эксперимента по установлению специального налогового режима для самозанятых граждан ускоренными темпами развивается судебная практика, что позволяет говорить о её обособлении в самостоятельную ветвь правоприменительной практики. Этот новый институт обладает собственными предметными границами, устойчивыми правовыми позициями высших судебных инстанций и специфическими процессуальными особенностями. В заключении статьи формулируется вывод о том, что судебная практика оказывает существенное влияние на развитие законодательства о самозанятости. Решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ служат основанием для внесения изменений в законодательство и совершенствования правового регулирования в данной сфере. Это позволяет утверждать, что судебная практика по НПД приобретает черты самостоятельного правового института, требующего системного осмысления и дальнейшего законодательного урегулирования, в том числе в части нормативного закрепления понятия «самозанятый» и его процессуального статуса.*

Ключевые слова: *налог на профессиональный доход, самозанятые граждане, налоговые споры, судебная практика, процессуальный статус, подведомственность.*

SAMUSEVICH Andrey Yuryevich,
Master of Law, Investment Agreements and Partner Relations Manager at Moskvich Automobile Plant

TAXATION OF PROFESSIONAL INCOME. ON THE FORMATION OF AN INDEPENDENT JUDICIAL PRACTICE INSTITUTION

Annotation. *This article analyzes the formation of an independent judicial practice institution for disputes related to the application of the professional income tax (PIT). The relevance of this topic lies in the fact that, under the current experiment in the Russian Federation to establish a special tax regime for self-employed citizens, judicial practice is rapidly developing, suggesting that it may become an independent branch of law enforcement practice. This new institution has its own subject matter, stable legal positions of the highest judicial authorities, and specific procedural features. The article concludes that judicial practice has a significant impact on the development of self-employment legislation. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation serve as the basis for amendments to legislation and improvements to legal regulation in this area. This suggests that judicial practice regarding the tax on professional income is acquiring the characteristics of an independent legal institution requiring systematic consideration and further legislative regulation, including in terms of the legal definition of the concept of "self-employed" and its procedural status.*

Key words: *professional income tax, self-employed individuals, tax disputes, judicial practice, procedural status, jurisdiction.*

Эксперимент по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» был начат в конце 2018 г. (в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ). В соответствии с положениями этошо закона, плательщиками налога на профессиональный доход признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим. Данный режим предполагает, что налог на профессиональный доход уплачивается по ставке 4% в отношении доходов, полученных от физических лиц, и 6% — в отношении доходов, полученных от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Годовой лимит дохода для применения этого режима составляет 2,4 млн рублей.

Объектом обложения налогом на профессиональный доход признаются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). При этом законодатель установил перечень доходов, которые не признаются объектом обложения НПД, включающий, в частности, доходы от оказания физическими лицами услуг или работ по гражданско-правовым договорам при условии, что заказчиками выступают работодатели указанных физических лиц или лица, бывшие их работодателями менее двух лет назад.

В условиях продолжающегося отсутствия законодательного определения понятия «самозанятый», анализ его содержания, имеющийся в судебной практике, представляет как научный, так и практический интерес.

В научной литературе подчеркивается [3,5,6,7], что «нужен базовый легальный дефиниционный критерий самозанятого, применимый во всех отраслях законодательства» [1.22]. Предлагается законодательно закрепить единое понятие самозанятого гражданина, которое можно было бы использовать согласованно в налоговом, гражданском, трудовом, социальном законодательстве. Пока же категория самозанятых не является унифицированной и остается фрагментарной. Формально существует несколько пересекающихся режимов: физические лица, оказывающие бытовые услуги с уведомительной постановкой на учет (без уплаты налогов до 2019 г.), плательщики налога на профессиональный доход, то есть самозанятые в узком смысле, индивидуальные предприниматели, работающие без сотрудников, которые с точки зрения страховых взносов тоже иногда именуются самозанятыми. После завершения «налоговых каникул» для первой группы предполагалось, что эти лица перейдут на НПД, однако характер их деятельности (исключительно бытовые услуги) всё равно выделяет их в особую подкатегорию. Таким образом, сейчас понятие самозанятый является собирательным и неоднородным, что затрудняет разграничение статусов.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно обращался к вопросу определения правового содержания понятия «самозанятый» и его соотношения с «плательщик налога на профессиональный доход», позволяет утверждать, что отсутствие нормативного закрепление этого понятия затрудняет судебную практику, препятствуя реализации конституционных прав.

В одном из своих решений КС РФ указал [9], что в 2022 г. заявительница не смогла принять участие в выборах из-за недостоверности сведений о роде своих занятий. Суд указал, что игнорирование статуса самозанятого гражданина, не связанного с наличием у кандидата в депутаты статуса индивидуального предпринимателя, создает неоправданные препятствия для полноценного участия в выборах. Конституционный Суд признал оспариваемые положения не соответствующими Конституции РФ и обязал федерального законодателя внести изменения в законодательство. Это позволяет признать, что самозанятые граждане, имеют самостоятельный правовой статус, отличный от статуса индивидуального предпринимателя.

В Определении от 27 февраля 2024 года № 327-О, КСРФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина, которому было отказано в признании безработным и назначении соответствующего пособия, подтвердив, что отсутствие дохода у самозанятого не дает ему права считаться безработным и получать соответствующее пособие. Данная позиция исходит из того, что самозанятый гражданин рассматривается как лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, а отсутствие дохода в определенный период не меняет его правового статуса.

В современных исследованиях [1,4], обоснована позиция, что анализ решений Конституционного Суда позволяет заплонять существующие нормативные пробелы. В частности, в его решениях обосновывается разделение понятий «самозанятый» и «плательщик налога на профессиональный доход», не позволяет относить к самозанятым гражданам лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей. Эти позиции имеют принципиальное значение для разграничения правовых режимов и определения круга лиц, которые могут претендовать на применение специального налогового режима в виде НПД. Решения по этим вопросам имеют большое значение для формирования праавоприменительной практики, формируя правовое содержание нового процессуального института. Учитывая, что публично-правовая ответственность, как составляющая государственного (административного) принуждения, является частью

«…механизма публичного управления в целом, как категории процессуального (процедурного) свойства» [8,5].

Одним из наиболее значимых решений Верховного Суда РФ по вопросам налогообложения самозанятых является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 24 октября 2024 года по делу № А40-147367/2023.

Фабула дела: генеральный директор предоставил компании заем в размере 3,9 млн рублей. Через год фирма выплатила ему проценты. Зарегистрировавшись в качестве самозанятого, руководитель отразил полученные проценты в приложении и уплатил с них 6% налога. Налоговая инспекция посчитала это нарушением, указав, что такой доход противоречит смыслу профессионального налога — это не услуги, не работы и не продажа товаров. Три инстанции встали на сторону самозанятого, однако Экономическая коллегия Верховного Суда отменила решения судов нижестоящих инстанций, поддержала налоговую и отказала истцу в удовлетворении требований.

Верховный Суд РФ пояснил, что объектом налогообложения НПД выступают доходы от реализации товаров, работ, услуг или имущественных прав. НПД применяется, как правило, к доходам, получаемым в результате активной деятельности физических лиц (продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг). Получение процентов по договорам займа нельзя отнести к активной деятельности самозанятых. Поэтому, заключил Верховный Суд, такие доходы не подпадают под объект налогообложения НПД и должны облагаться налогом на доходы физических лиц. Обязанность по уплате НДФЛ с таких доходов возложена на организации, которые выплачивают проценты по ранее заключенным договорам займа.

Данная позиция была впоследствии включена в пункт 24 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2025 год, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 года. В Обзоре представлен спор о доначислении организации НДФЛ по факту заключения и исполнения договоров займа с самозанятым, выступающим в роли займодавца. Организация заключала договоры займа со своим генеральным директором, который предоставлял ей деньги в долг под проценты. Выплачивая проценты гендиректору, организация удерживала и уплачивала с этих процентов НДФЛ в размере 13%. Впоследствии директор оформил самозанятость и начал уплачивать с процентов НПД в размере 6%. Такой подход к налогообложению не устроил налоговую инспекцию, которая признала, что проценты по договорам займа не признаются объектом налогообложения НПД. В результате организации были доначислены суммы НДФЛ, а также пени и штрафы.

Данное определение Верховного Суда имеет системное значение, поскольку оно определяет пределы использования режима НПД, усиливает защиту налоговой системы от схем минимизации.

По вопросам переквалификации договоров с самозанятыми, позицию Верховного Суда РФ, можно установить анализируя Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 3 февраля 2025 года № 309-ЭС24-20306 по делу № А76-20897/2023.

В рамках данного дела налоговый орган доказал, что граждане, оформленные предпринимателем как привлеченные самозанятые, фактически являлись работниками, и доначислил НДФЛ, страховые взносы и штрафы. Суд согласился с тем, что предприниматель умышленно, с целью получения необоснованной налоговой выгоды (в том числе в части НДФЛ), выдавал трудовые отношения с физическими лицами за гражданско-правовые.

Спор возник в связи со следующим вопросом: должен ли предприниматель заплатить в бюджет всю сумму доначисленного НДФЛ, или ее можно уменьшить на сумму НПД, ранее уплаченную физическими лицами?

Верховный Суд РФ в своем определении указал, что возникшая переплата по НПД не может быть произвольно зачтена в счет обязанности работодателя уплатить НДФЛ. Суд мотивировал это тем, что в условиях действующего регулирования налоговый агент, не исполнивший свою обязанность, оплачивает налог за счет собственных средств.

При этом Верховный Суд отметил, что переквалификация гражданско-правового договора в трудовой договор не тождественна объединению бизнеса или объединению имущества работодателя и работника. В этом случае налоговый агент не может распоряжаться по своему усмотрению денежными средствами, выплаченными им работнику в качестве дохода (заработной платы).

Суд также подчеркнул, что физические лица самостоятельно распоряжаются денежными средствами, перечисленными ими в счет уплаты НПД. Возникшая в результате корректировки отношений работника с предпринимателем переплата (положительное сальдо единого налогового счета) подлежит возврату самозанятому по его заявлению.

Данное определение было включено в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 года.

Верховный Суд РФ вновь подтвердил свою позицию о последствиях маскировки трудовых отношений под гражданско-правовые с исполь-

зованием самозанятых в Определении от 8 августа 2025 года № 310-ЭС24-24050.

В данном определении Суд указал, что при переквалификации договоров с самозанятыми в трудовые сумма НДФЛ, подлежащая уплате налоговым агентом, рассчитывается с полной суммы выплаченного дохода. Уплаченный самозанятым налог на профессиональный доход при расчете штрафа не учитывается.

Верховный Суд также обратил внимание на то, что работодатель в любом случае обязан удерживать и перечислять НДФЛ самостоятельно, а не полагаться на то, что самозанятые добровольно заплатили налог. ФНС не может засчитывать уплаченный самозанятыми налог в счет обязательств налогового агента.

Верховным Судом РФ определены признаки трудовых отношений, позволяющие отличить их от гражданско-правовых с участием самозанятых. В частности, к таким признакам относятся: выполнение работником трудовой функции под контролем работодателя; единственный источник дохода в части дохода НПД; оформление чеков (получение доходов) постоянно на одного и того же заказчика; наличие дополнительных гарантий работнику.

Как отмечается в судебной практике, самозанятые не могут привлекаться на трудовые функции по договорам гражданско-правового характера. Доходы, получаемые в рамках трудовых отношений, не признаются объектом налогообложения в рамках НПД. Работодатели не вправе принуждать работников регистрироваться в качестве самозанятых вместо полноценного трудоустройства.

Суды при рассмотрении споров о переквалификации договоров с самозанятыми не находят признаков скрытых трудовых отношений в случаях, когда договоры не предусматривают режим работы самозанятых лиц, в том числе продолжительность рабочего дня (смены), время отдыха, обеда, отпусков, больничные листы и т.п.

При этом Верховный Суд сместил фокус при оценке характера отношений: ключевым критерием стало не поиск признаков трудового договора, а доказательство отсутствия признаков самостоятельной предпринимательской деятельности у самозанятого. Такой подход позволяет более объективно оценивать реальный характер отношений между заказчиком и исполнителем.

Исследователи указывают, что в этом вопросе «..четко просматривается связь прав и свобод человека и гражданина в сфере трудовых отношений, с одной стороны, и экономики - с другой» [2,160].

В доктрине обсуждается вопрос о том, следует ли включать споры с участием самозанятых в подведомственность арбитражных судов и как это может повлиять на эффективное решение споров. Существует позиция, согласно которой самозанятый гражданин в ряде случаев обладает правовым статусом лица, ведущего предпринимательскую деятельность, поэтому споры, возникающие из его профессиональной деятельности, могут быть отнесены к подведомственности арбитражных судов.

Наряду с ростом численности самозанятых наблюдается также рост судебных споров по поводу скрытых трудовых отношений с их участием, что обусловлено некоторыми нелегитимными моментами при использовании труда самозанятых. В связи с этим актуальным является вопрос о привлечении лиц, зарегистрированных в качестве плательщика налога на профессиональный доход, в качестве третьих лиц к участию в делах, связанных с переквалификацией гражданско-правовых договоров в трудовые.

Анализ судебной практики показывает отсутствие единообразия в подходах судов к вопросам налогообложения самозанятых. Это особенно заметно в спорах о налогообложении процентов по договорам займа. В то время как Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 23 мая 2024 года признал право самозанятых уплачивать НПД с процентов по займам от бывших работодателей, Верховный Суд РФ в определении от 24 октября 2024 года занял противоположную позицию.

Данное противоречие было разрешено Верховным Судом, который обеспечил единообразие судебной практики по данному вопросу. Тем не менее, подобные коллизии свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования и формирования четких правовых позиций на уровне высших судебных инстанций [10].

Одной из наиболее острых проблем является переквалификация гражданско-правовых договоров с самозанятыми в трудовые. Как показывает судебная практика, организации и индивидуальные предприниматели нередко используют самозанятых для минимизации налоговых обязательств, фактически привлекая их к выполнению трудовых функций.

Верховный Суд РФ последовательно занимает позицию, согласно которой использование самозанятых для минимизации налогов становится невозможным. При выявлении фиктивных договоров с самозанятыми применяются соответствующие налоговые последствия.

ФНС России также предупреждает об опасности подмены трудовых отношений гражданско-правовыми с участием самозанятых. К признакам, позволяющим квалифицировать выплаты в пользу самозанятых как доходы, фактически получаемые в рамках трудовых отношений, относят-

ся: единственный источник дохода в части дохода НПД, оформление чеков (получение доходов) постоянно на одного и того же заказчика, наличие дополнительных гарантий работнику.

В судебной практике существует дискуссия о возможности зачета налога на профессиональный доход, уплаченного самозанятыми, в счет НДФЛ, подлежащего уплате работодателем, в случае переквалификации их отношений в трудовые.

Суды при рассмотрении таких споров исходят из того, что одни и те же доходы физических лиц (самозанятых) не могут одновременно облагаться НДФЛ и НПД. Поскольку самозанятые уже заплатили с полученных ими доходов НПД, то, по мнению некоторых судей, при переквалификации договоров ГПХ сумма НДФЛ должна быть уменьшена на величину налога, уплаченного работниками в статусе самозанятых.

Однако Верховный Суд РФ в определении от 3 февраля 2025 года № 309-ЭС24-20306 занял иную позицию, указав, что переплата по НПД не может быть произвольно зачтена в счет обязанности работодателя уплатить НДФЛ. При этом Суд отметил, что зачесть налог самозанятого в счет НДФЛ можно только с его согласия.

Верховный Суд также подчеркнул, что на НПД, который самозанятые перечислили в бюджет, бизнес посягать не вправе, поскольку это средства именно плательщиков НПД. Возникшая в такой ситуации у самозанятого переплата сумм НПД (положительное сальдо ЕНС) подлежит возврату по его заявлению.

Важным аспектом судебной практики является вопрос об ответственности налогового агента при работе с самозанятыми. Верховный Суд РФ в своих решениях последовательно придерживается позиции, согласно которой работодатель отвечает за НДФЛ, даже если самозанятый уже заплатил налог.

Как указал Верховный Суд, работодатель в любом случае обязан удерживать и перечислять НДФЛ самостоятельно, а не полагаться на то, что самозанятые добровольно заплатили налог. ФНС не может засчитывать уплаченный самозанятыми налог в счет обязательств налогового агента.

Данная позиция имеет важное значение для правоприменительной практики, поскольку она исключает возможность для работодателей перекладывать налоговые обязательства на самозанятых работников.

Отсутствие в российском законодательстве нормативной дефиниции понятия «самозанятый» создает правовую неопределенность, которая порождает судебные споры. Как отмечается в научной литературе, актуальными остаются проблемы, связанные с определением видов деятельности самозанятых, возможностью признания таковыми индивидуальных предпринимателей и отсутствием документа, официально подтверждающего соответствующий статус.

В связи с этим представляется необходимым законодательное закрепление понятия «самозанятый» и четкое определение его соотношения с понятием «плательщик налога на профессиональный доход». Это позволит устранить правовую неопределенность и снизить количество судебных споров.

Как отмечается в исследовании О.И. Лютовой, «…проведенный анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам определения понятия «самозанятый» позволил затронуть ряд дискуссионных положений» [4,138]. Отдельное внимание автор уделил новым правовым позициям Суда, принципиальным образом меняющим представления о самозанятости.

В обеспечении единообразия судебной практики по вопросам налогообложения самозанятых ключевая роль принадлежит Верховному Суду РФ. Включение наиболее значимых определений в обзоры судебной практики способствует формированию единых подходов к разрешению споров.

Можно напомнить правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 24 октября 2024 года по делу № А40-147367/2023 и включенную в Обзор судебной практики ВС РФ № 2 за 2025 г. по вопросу квалификации, т.е. определения круга доходов, признаваемых объектом обложения НПД. В частности, определяется, что доходы в виде процентов по договорам займа не относятся к объекту налогообложения НПД, поскольку носят пассивный характер и не связаны с активной деятельностью по реализации товаров, работ, услуг или имущественных прав.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2025 год, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 года, представлены дела о доначислении налогов и страховых взносов, в том числе с участием самозанятых. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025), утвержденном Президиумом ВС РФ 8 октября 2025 года, также нашли отражение вопросы налогообложения самозанятых.

Дальнейшее развитие судебной практики, вероятно, будет связано с уточнением критериев разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, а также с определением пределов применения специального налогового режима НПД.

Переквалификация гражданско-правовых договоров с участием самозанятых в трудовые

стала предметом нализа в Определении Верховного Суда РФ от 3 февраля 2025 года № 309-ЭС24-20306. В нем указано, что уплаченный самозанятыми налог на профессиональный доход не подлежит зачету в счет обязанности работодателя по уплате налога на доходы физических лиц при переквалификации договоров. Рассматриваются критерии разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, выработанные судебной практикой, а также налоговые последствия признания отношений трудовыми.

Уточнение процессуального статуса самозанятых как участников судебных правоотношений, актуализирует дискуссию о подведомственности споров с участием самозанятых. В отсутствие законодательного отнесения самозанятых к числу лиц, участвующих в арбитражном процессе, такие споры рассматриваются судами общей юрисдикции, вместе с тем в Государственную Думу внесен законопроект об отнесении к компетенции арбитражных судов экономических споров с участием самозанятых, что свидетельствует о признании необходимости уточнения процессуального статуса данной категории лиц. Кроме того, отмечается, что статус самозанятого применяется исключительно для целей налогообложения и не приравнивается к предпринимательской деятельности в смысле Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Проведенный анализ судебной практики по вопросам налогообложения самозанятых граждан позволяет сделать следующие выводы.

Актуальными остаются проблема отсутствия в российском законодательстве нормативной дефиниции понятия «самозанятый», вопросы, связанные с определением видов деятельности самозанятых, возможностью признания таковыми индивидуальных предпринимателей и отсутствием документа, официально подтверждающего соответствующий статус.

Судебная практика в данной сфере развивается динамично, формируя правовые позиции по ключевым аспектам применения налога на профессиональный доход. Особое значение имеют решения Конституционного Суда Российской Федерации, которые определяют конституционно-правовые ориентиры для законодательного регулирования и правоприменения. Верховный Суд Российской Федерации обеспечивает единообразие судебной практики по вопросам налогообложения самозанятых. Ключевые правовые позиции Верховного Суда касаются определения объекта налогообложения НПД и последствий переквалификации гражданско-правовых договоров с самозанятыми в трудовые. Арбитражная практика по налоговым спорам с участием самозанятых также имеет значение для формирования единообразных подходов к разрешению споров. Однако отсутствие единообразия в подходах судов различных округов свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования и формирования четких правовых позиций на уровне высших судебных инстанций. Таким образм, можно утверждать, что судебная практика оказывает существенное влияние на развитие законодательства о самозанятости. Решения Конституционного и Верховного Суда РФ служат основанием для внесения изменений в законодательство и совершенствования правового регулирования в данной сфере, тем самым она приобретает черты самостоятельного правового института, требующего системного осмысления.

Список литературы:

[1] Виноградова Е.В. На перекрестке конституционных основ: фискальный суверенитет и социальная уязвимость в системе налогообложения самозанятых. // Право и управление 2026. № 5 С.17 -23.

[2] Гришковец, А.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере труда: теория, современное состояние и перспективы развития в свете предстоящего принятия нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Том 6. – № 3 (23). – С. 150-169.

[3] Жукова Ю.Д., Подмаркова А.С. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С 49–79.

[4] Лютова О. И. Соотношение понятий «самозанятый» и «плательщик налога на профессиональный доход» в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 130-144.

[5] Михалёв А.А. Самозанятость в региональном аспекте: проблемы регулирования социально-правового статуса // Теория и практика общественного развития. — 2026. — № 1. — С. 120-127.

[6] Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 39-49.

[7] Митрахович А. Самозанятость и способы минимизации налогообложения // Трудовое право. - 2020. -№ 11. - С. 5-12..

[8] Плигин В.Н. Актуальные вопросы административной ответственности: аспекты безопасности // Вопросы безопасности. – 2024. – № 4. – С. 1-10.

[9] Постановление КСРФ от 30 мая 2024

года № 27-П. по делу о проверке конституционности подпункта 57 статьи 2 и подпунктов «в», «в.1» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Е.Г. Силаевой.

[10] См. решения Арбитражного суда Московского округа в постановлении от 23 мая 2024 года по делу № Ф05-4210/2024, Арбитражного суда Поволжского округа от 13 июня 2024 года по делу № А57-10945/2023, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 февраля 2026 года № Ф03-141/2026 по делу № А04-2065/2025 и др.

References:

[1] E.V. Vinogradova. At the crossroads of the constitutional foundations: fiscal sovereignty and social vulnerability in the taxation system of the self-employed . // Law and governance 2026. No. 5 S.17 -23.

[2] Grishkovets, A.A. Administrative responsibility for labor offenses: theory, current state and development prospects in the light of the upcoming adoption of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. – 2020. - Volume 6. – № 3 (23). - S. 150-169.

[3] Zhukova Y.D., Podmarkova A.S. Self-employed citizens: legal qualifications of activities and prospects for the formation of a special regime // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 4. FROM 49-79.

[4] Lyutova O. I. The ratio of the concepts of "self-employed" and "payer of tax on professional income" in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Justice/Justice. 2025. T. 7, NO. 1. S. 130-144.

[5] Mikhalev A.A. Self-employment in the regional aspect: problems of regulating social and legal status // Theory and practice of social development. — 2026. — № 1. - S. 120-127.

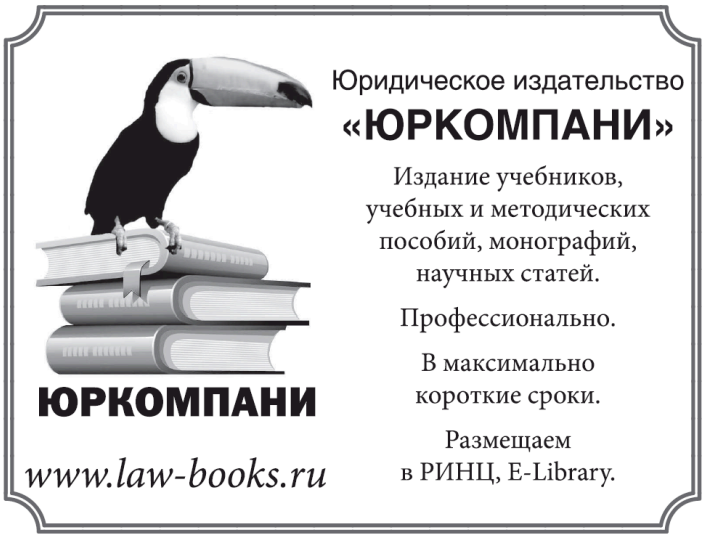
[6] Makarova L. A., Nevzgodina E. L. Legal status of self-employed citizens // Bulletin of Omsk University. "Right" series. 2021. T. 18, NO. 4. S. 39-49.

[7] Mitrakhovich A. Self-employment and ways to minimize taxation // Labor law. - 2020. -№ 11. - S. 5-12..

[8] Pligin V.N. Topical issues of administrative responsibility: security aspects // Security issues. – 2024. – № 4. - S. 1-10.

[9] Decree of the KSRF of May 30, 2024 No. 27-P. in the case of checking the constitutionality of subparagraph 57 of Article 2 and subparagraphs "c," "v.1" of paragraph 24 of Article 38 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen E.G. Silaeva.

[10] See the decisions of the Arbitration Court of the Moscow District in the decision of May 23, 2024 in case No. F05-4210/2024, the Arbitration Court of the Volga District of June 13, 2024 in case No. A57-10945/2023, the Arbitration Court of the Far Eastern District of February 27, 2026 No. F03-141/2026 in case No. A04-2065/2025, etc.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-139-144

БЕРЕЗОВСКАЯ Мария Олеговна,
студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: marisodne@yandex.ru

ЕРЕМИНА Дарья Сергеевна,
студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: ereminadasha26@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В ПОРЯДКЕ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *В статье рассматриваются процессуальные особенности установления происхождения ребенка в порядке искового производства. Актуальность работы и ее практическая значимость обосновывается частотой рассмотрения семейных споров данной категории. Авторы анализируют две основные группы дел: установление отцовства и оспаривание отцовства (материнства). В работе выявляются и анализируются процессуальные коллизии, возникающие при рассмотрении данной категории дел. Особое внимание уделяется отказу в принятии искового заявления об установлении происхождения ребенка, поданного до его рождения, и вопросу о допустимости самостоятельного обращения в суд в качестве законных представителей несовершеннолетних родителей после достижения ими четырнадцатилетнего возраста. Авторы оценивают позиции, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», доктринальные подходы к обозначенным проблемам, а также предлагают конкретные пути законодательного совершенствования. Помимо этого, в статье исследуется роль молекулярно-генетической экспертизы как доказательства по делам об установлении происхождения детей. На основании норм ГПК РФ и разъяснений Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 делается вывод о том, что заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и должно оцениваться в совокупности с иными доказательствами.*

Ключевые слова: *установление происхождения ребенка, исковое производство, законные представители, молекулярно-генетическая экспертиза.*

BEREZOVSKAYA Maria Olegovna,
Student of the Law Institute of National Research
Tomsk State University

EREMINA Daria Sergeevna,
Student of the Law Institute of National Research
Tomsk State University

SOME ISSUES OF LAW ENFORCEMENT IN ESTABLISHING THE ORIGIN OF A CHILD IN THE ORDER OF CLAIM PROCEEDINGS

Annotation. *The article discusses procedural features of establishing the child's origin in the proceedings. The relevance of the work and its practical significance is based on the frequency of consideration of family disputes in this category. The authors analyze two main groups of cases: establishment of paternity and questioning of fatherhood (maternity). The work identifies and analyzes procedural conflicts arising in dealing with this category of cases. Particular attention is paid to the rejection of a claim for establishment of the origin of a child who has been born before his or her birth, and the question of whether parents who have reached the age of 14 should be allowed to apply for legal representation in court. The authors assess*

the positions set out in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 May 2017 "On the application by courts of legislation when considering cases related to the establishment of children's origin", and the doctrinal approaches to the problems identified, and suggest specific ways to improve legislation. In addition, the article examines the role of molecular genetic expertise as evidence in cases determining the origin of children. On the basis of the norms of the CPC RF and explanations of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16 May 2017, it is concluded that the expert opinion does not have a predetermined force and must be evaluated in conjunction with other evidence.

Key words: *establishing the origin of a child, legal proceedings, legal representatives, molecular genetic examination.*

Семья во все времена являлась важным общественным институтом, выполняющим многие социальные функции, одними из которых являются репродуктивная и воспитательная. Рождение и воспитание детей в условиях, способствующих их гармоничному развитию, определяет вектор государства, закладывает фундамент для его будущего. Это обусловливает интерес власти в поддержании стабильности семьи, который находит выражение в правовой регламентации сферы семейных отношений, где ключевым аспектом выступает защита детских прав. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, материнство и детство, семья относятся к объектам приоритетной государственной защиты, а родители наделены равными правами и обязанностями по воспитанию детей. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ), развивая эту норму, закрепляет за детьми право на жизнь в семье, на получение заботы от родителей, на совместное с ними проживание, а также на знание о своих биологических матери и отце.

Помимо прочего, семейное законодательство регламентирует процедуру установления происхождения детей. Данный институт служит инструментом защиты детских интересов, поскольку предоставляет возможность восстановить свое нарушенное право.

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год показывает, что в производстве судов общей юрисдикции находилось 792 163 дел, возникающих из семейных отношений. При этом на долю споров об установлении отцовства (9 082), и об оспаривании отцовства (7 361) приходится значительная часть [9]. Эти цифры демонстрируют, что подобные дела возникают на регулярной основе, подчеркивая их значимость. При этом остаются неразрешенными некоторые процессуальные проблемы, которые требуют детального изучения.

Происхождение ребенка представляет собой биологическую связь с его родителем. Данный факт является юридическим основанием для возникновения семейного правоотношения между ними [1]. Среди основных способов установления происхождения ребенка в порядке искового производства необходимо выделить установление и оспаривание отцовства (материнства). Целесообразно разграничить эти понятия.

Обращаясь к позиции О. В. Кузнецовой, можно выделить три аспекта установления отцовства. Во-первых, оно является отраслевым институтом семейного права. Во-вторых, данное явление представляет собой юридический факт, порождающий возникновение родительских правоотношений. Помимо этого, данная процедура выполняет защитную функцию, так как с ее помощью обеспечивается восстановление и признание нарушенных (оспоренных) прав ребенка [3]. Установление отцовства подразумевает подтверждение рождения ребенка от определенного лица. Следует отметить, что для установления отцовства возможен административный порядок при отсутствии спора. Так, лица, которые никогда не состояли в браке друг с другом или при расторжении брака до рождения ребенка в срок, превышающий триста дней, могут подать совместное заявление в орган записи актов гражданского состояния. Семейное законодательство также допускает внесудебное обращение отца с заявлением в одностороннем порядке. Это возможно с согласия органов опеки и попечительства в случаях смерти матери, признания ее недееспособной, лишения родительских прав или при отсутствии сведений о ее местоположении. Если совместное заявление родителей, которые не состоят в браке, отсутствует, а органы опеки и попечительства отказывают отцу в удовлетворении заявления, то один из родителей, опекун, попечитель, лицо, на иждивении которого находится ребенок, а также сам ребенок по достижении им совершеннолетия могут обратиться в суд. Материальным истцом в таком случае является сам ребенок, а его родитель (опекун, попечитель) действует как законный представитель. Рассмотрение споров об установлении отцовства осуществляется судами общей юрисдикции. Удовлетворение соответствующих требований влечет внесение изменений в акты о рождении ребенка и об установлении отцовства.

Оспаривание отцовства или материнства возможно только через суд. Законодатель опре-

деляет круг потенциальных истцов и относит к ним лиц, зарегистрированных в качестве родителей ребенка, их наследников, биологических отца и мать, самого ребенка по достижении им совершеннолетия, опекуна или попечителя ребенка, опекуна недееспособного родителя. Результатом удовлетворения исковых требований является внесение изменений в запись акта о рождении ребенка, то есть исключение соответствующих данных, а также аннулирование записи об установлении отцовства.

При рассмотрении упомянутых дел в судах возникают некоторые трудности. Для их разрешения и формирования единообразной судебной практики было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». Данные разъяснения оказали положительное влияние на качество урегулирования вопросов, касающихся происхождения детей, но полностью устранить все коллизии не удалось, на что обращала внимание Г. Л. Осокина.

Во-первых, Г. Л. Осокиной отмечено, что отказ в принятии искового заявления об установлении происхождения ребенка, поданного до дня его рождения, и возможность обращения с этим же иском в суд после рождения ребенка противоречит ч. 3 ст. 134 ГПК РФ [5]. Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», необходимо отказывать в принятии искового заявления об установлении происхождения ребенка, поданного до его рождения, на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ. Однако предусмотрено, что заявитель вправе обратиться в суд повторно после рождения ребенка. Между тем ч. 3 ст. 134 ГПК РФ устанавливает запрет на предъявление тождественных исков.

В такой ситуации нужно учесть, что для возбуждения дела в суде необходимо наличие предпосылки права на предъявление иска и условия его реализации. Первое явление представляет собой факты, с которыми закон связывает наличие или отсутствие возникновения права на иск. Их отсутствие исключает принятие искового заявления к производству или влечет прекращение производства по делу. Второй аспект предполагает строгое соблюдение правил подачи иска. Последствием их нарушения является оставление искового заявления без движения, его возвращение или оставление без рассмотрения [6]. Из изложенного следует, что факт рождения ребенка выступает в качестве условия для реализации права на иск, невыполнение которого предполагает возвращение искового заявления.

Для преодоления возникшего противоречия предлагается заменить отказ в принятии искового заявление на его возвращение, поскольку при втором варианте закон допускает повторную подачу тождественного иска при условии устранения допущенных нарушений [5]. С этим суждением трудно не согласиться, поскольку оно согласовано с гражданско-процессуальными нормами и направлено на разрешение данной коллизии. Однако следует отметить, что до сих пор рассматриваемое несоответствие не было исправлено.

Во-вторых, в статье Г. Л. Осокиной затрагивается вопрос о допустимости самостоятельного обращения несовершеннолетних родителей в суд для установления происхождения ребенка. Поскольку иск об установлении отцовства преследует цель определить наличие родственных связей с предполагаемым отцом, то именно ребенок будет являться истцом в материально-правовом смысле, а другой родитель будет являться его законным представителем. В п. 3 ст. 62 СК РФ предусмотрено, что несовершеннолетние родители по достижении четырнадцатилетнего возраста наделяются правом на обращение в суд для установления отцовства в отношении собственных детей. Кроме того, в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» эта норма получила дальнейшую детализацию: по достижении возраста четырнадцати лет несовершеннолетние родители вправе самостоятельно подавать иск об установлении отцовства (материнства) в отношении своих детей. Однако данная позиция не согласуется со ст. 49 и 52 ГПК РФ, поскольку права и законные интересы граждан, которые не обладают полной дееспособностью, в суде защищают их законные представители. В ст. 37 предусмотрено, что полная гражданская процессуальная дееспособность наступает с достижения возраста 18 лет. Из вышеуказанного следует, что несовершеннолетний родитель не может являться законным представителем своего ребенка. Можно предположить, что такое толкование процессуальных норм базируется на ч. 4 ст. 37 ГПК РФ, предоставляющей несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет право на личное участие в судебном процессе с целью своих прав, свобод и законных интересов по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений. Однако приведенная норма распространяется на случаи, когда материальным истцом выступает сам несовершеннолетний.

Существует несколько подходов к устранению возникшей коллизии. Так, Г. Л. Осокина пред-

лагала применять правила ч. 1 ст. 1 ГПК РФ, так как процессуальные нормы определяются Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами. Данный подход направлен на исправление ошибки, допущенной в п. 3 ст. 62 СК РФ, и предполагает неприменение норм о возможности быть законным представителем к несовершеннолетним родителям [5].

Н. А. Хорошева считает, что законодатель в ГПК РФ четко не закрепляет за несовершеннолетними право быть тем или иным участником процесса, при этом различные законы содержат указания на возможность обращения несовершеннолетних в суд (в том числе и в роли законного представителя). Для выхода из этой проблемной ситуации предлагается установить зависимость правосубъектности несовершеннолетних от их участия в тех правоотношениях, в которых они были наделены полной материальной дееспособностью [9].

Несмотря на представленные позиции по указанному вопросу, следует подчеркнуть, что положение п. 3 ст. 62 СК РФ, одновременно обеспечивает защиту прав родителей и ребенка, а также призван предотвратить потенциальные конфликты с опекуном ребенка, касающиеся обращения в суд. В то же время представляется разумным дополнить ее следующим образом: «Суд наделяется правом привлечь к участию в рассмотрении дела в суде законного представителя несовершеннолетнего родителя и опекуна ребенка.» В таком случае будет соблюдено положение ч. 4 ст. 37 ГПК РФ.

Среди других процессуальных аспектов искового производства по делам об установлении происхождения детей, вызывающих затруднения, целесообразно выделить особенности доказывания по исследуемой категории дел. Многие правоведы отмечают, что происхождение ребенка от определенного лица, а равно и отсутствие кровной связи могут подтверждаться различными доказательствами в соответствии со ст. 55 ГПК РФ.

Н. А. Аблятипова и Н. В. Девятова утверждают, что экспертиза представляет собой единственный способ, позволяющий достоверно установить родственную связь между ребенком и отцом, а другие доказательства подтверждают социальную связь между предполагаемым отцом и матерью, но не дают точной информации относительно родства. Исходя из этого, авторы считают, что установление факта наличия общественных отношений между родителями ребенка служит крайней мерой, к которой можно прибегнуть только в том случае, если провести генетическую экспертизу невозможно [2].

С. В. Ягодина полагает, что при установлении или оспаривании отцовства экспертиза является главным доказательством, именно она способствует принятию законного и обоснованного судебного решения [10]. С данным мнением сложно согласиться, поскольку в статьях 67, 79 и 86 ГПК РФ указано, что суд наделен правом назначить экспертизу, при этом заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и не является обязательным для суда. Это находит дальнейшее развитие в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», в котором закреплено, что заключение эксперта выступает только одним из доказательств в данных спорах, поэтому оно должно оцениваться в совокупности с иными сведениями о фактах, позволяющих установить обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела. Из данных положений следует, что назначение молекулярно-генетической экспертизы является правом суда, а ее результаты должны оцениваться совместно с другими доказательствами.

Е. В. Токарева рассуждает следующим образом: судебные органы принимают любые доказательства, способные подтвердить родство между ребенком и отцом. Сложности при проведении экспертизы, особенно в части решения вопроса об участии одной из сторон в соответствующей процедуре могут быть обусловлены не только желанием помешать судебному процессу, но и объективными причинами: отсутствием технической возможности произвести исследование, необходимыми для их осуществления затратами и другими. [8] По этой причине использование иных средств доказывания не должно ставить стороны в неблагоприятное положение.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что суду следует принимать во внимание результаты молекулярно-генетической экспертизы, но заключение эксперта не должно быть единственно возможным доказательством в делах об установлении происхождения ребенка. В ходе судебного разбирательства также важно устанавливать существование социальной связи между его матерью и отцом. Только использование и исследование всех доступных средств, позволяющих установить наличие или отсутствие отцовства (материнства), может свидетельствовать, что решение суда является законным и обоснованным.

Таким образом, институт установления происхождения ребенка продолжает сталкиваться с определенными процессуальными сложностями, нуждающимися в законодательной корректировке. В целях дальнейшего нормативного совершенствования предлагается заменить отказ в принятии искового заявления, поданного до рождения ребенка, на его возвращение. Также для

разрешения споров относительно допустимости участия в делах об установлении отцовства несовершеннолетних родителей при достижении ими четырнадцатилетнего возраста в качестве законных представителей своих детей требуется дополнить законодательство положениями, позволяющими привлекать суду законных представителей таких родителей и опекуна ребенка. Такой подход обеспечит баланс между правами ребенка и его родителей, а также будет соответствовать нормам гражданского процесса.

Список литературы:

[1] Аблятипова Н. А. Оспаривание отцовства и материнства: особенности законодательного регулирования и системность правоприменительной практики / Н. А. Аблятипова, М. А. Сейдаметова // Научный вестник Крыма. – 2023. – № 5(45).

[2] Аблятипова Н. А. Роль доказательств в делах об установлении отцовства: системность правоприменительной практики / Н. А. Аблятипова, Н. В. Девятова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 70–75. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44767358_16864755.pdf (дата обращения: 11.05.2026).

[3] Кузнецова О. В. Установление отцовства в судебном порядке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 37 (291). – С. 31-35. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-ottsovstva-v-sudebnom-poryadke (дата обращения: 02.05.2026).

[4] О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 мая 2017 года № 16 (ред. от 26.12.2017) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2026. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[5] Осокина Г. Л. Установление происхождения детей (некоторые спорные аспекты) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 26. – С. 128–134. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-proishozhdeniya-detey-nekotorye-spornye-aspekty (дата обращения: 27.04.2026).

[6] Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: Учебник / Г.Л. Осокина. - 3-е изд., перераб. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. – 704 с. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/367268 (дата обращения: 27.04.2026). – Режим доступа: по подписке.

[7] Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – [М.], 2026. – URL: https://vk.com/wall-217078177_326 (дата обращения: 27.04.2026).

[8] Токарева Е. В. Рассмотрение дел по спорам, связанным с установлением отцовства: процессуальные аспекты // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 434-439.

[9] Хорошева Н. А. Гражданская процессуальная правосубъектность несовершеннолетних: теоретический и концептуальных подход // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3 (219). – С. 123–125. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-protsessualnaya-pravosubektnost-nesovershennoletnih-teoreticheskiy-i-kontseptualnyh-podhod (дата обращения: 02.05.2026).

[10] Ягодина С. В. К вопросу о судебной экспертизе в семейных спорах // Юристъ – Правоведъ. – 2024. – № 2. (109). – С. 65-71. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sudebnoy-ekspertize-v-semeynyh-sporah (дата обращения: 01.05.2026).

References:

[1] Ablyatipova N. A. Disputing paternity and motherhood: features of legislative regulation and consistency of law enforcement practice/ N. A. Ablyatipova, M. A. Seidametova // Scientific Bulletin of Crimea. – 2023. – № 5(45).

[2] Ablyatipova N. A. Role of evidence in paternity cases: consistency of law enforcement practice/N. A. Ablyatipova, N. V. Devyatova // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 6. - S. 70-75. - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44767358_16864755.pdf (access date: 11.05.2026).

[3] Kuznetsova O. V. Establishment of paternity in court // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2012. – № 37 (291). - S. 31-35. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-ottsovstva-v-sudebnom-poryadke (дата обращения: 02.05.2026).

[4] On the application by the courts of legislation in cases related to the establishment of the origin of children: Decision of the Plenum of the Supreme Court Ros. Federation dated May 16, 2017 No. 16 (as amended by 26.12.2017) // ConsultantPlus: ref. legal system. - Version Prof. - M., 2026. - Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[5] Osokina G. L. Establishing the origin of children (some controversial aspects) // Bulletin of Tomsk State University. Right. – 2017. – № 26. - S. 128-134. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-proishozhdeniya-detey-nekotorye-spornye-aspekty (дата обращения: 27.04.2026).

[6] Osokina, G. L. Civil trial. General part: Textbook/G.L. Osokina. - 3rd ed., Revised - M.: Norm: SIC Infra-M, 2013. - 704 p. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/367268 (access date: 27.04.2026). - Access mode: by subscription.

[7] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - [M.], 2026. - URL: https://vk.com/wall-217078177_326 (access date: 27.04.2026).

[8] Tokareva E.V. Consideration of cases on disputes related to the establishment of paternity: procedural aspects // Issues of Russian and international law. – 2022. - T. 12, NO. 1A. - S. 434-439.

[9] Khorosheva N. A. Civil procedural legal personality of minors: theoretical and conceptual approach // Agrarian and land law. – 2023. – № 3 (219). - S. 123-125. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-protsessualnaya-pravosubektnost-nesovershennoletnih-teoreticheskiy-i-kontseptualnyh-podhod (дата обращения: 02.05.2026).

[10] Yagodina S.V. On the issue of forensic examination in family disputes // Lawyer - Lawyer. – 2024. – № 2. (109). - S. 65-71. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sudebnoy-ekspertize-v-semeynyh-sporah (дата обращения: 01.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-145-152
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

ЧЕРНЯВСКАЯ София Кареновна,
аспирант
Московского государственного лингвистического университета им. Мориса Тореза,
e-mail: sofiikaaaaa@mail.ru

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ И ЗАОЧНОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОДСУДИМОГО

Аннотация. *В статье рассматривается проблема разграничения приостановления производства по уголовному делу и заочного судебного разбирательства при отсутствии подсудимого. Актуальность исследования обусловлена тем, что отсутствие подсудимого в судебном производстве не всегда влечет одинаковые процессуальные последствия: в зависимости от причин неявки, поведения лица, известности его местонахождения и возможности обеспечить право на защиту суд может прийти к выводу о необходимости отложения судебного разбирательства, приостановления производства либо рассмотрения дела в заочном порядке. Автор исходит из того, что приостановление производства и заочное судебное разбирательство не являются взаимозаменяемыми процессуальными режимами. Приостановление связано с невозможностью дальнейшего движения дела в обычной судебной форме, тогда как заочное разбирательство допускает рассмотрение дела по существу без подсудимого, но только при наличии исключительных условий, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законом. В статье обосновывается, что выбор между указанными режимами должен определяться не удобством процессуального движения, а совокупностью юридически значимых обстоятельств: характером причины отсутствия подсудимого, наличием достоверных сведений о его надлежащем извещении и сознательном уклонении от явки, известностью местонахождения, наличием объективной возможности обеспечить личное участие в судебном заседании, категорией преступления, исключительным характером ситуации и возможностью обеспечить право на защиту.*

Ключевые слова: *приостановление производства по уголовному делу, заочное судебное разбирательство, отсутствие подсудимого, статья 238 УПК РФ, статья 247 УПК РФ, статья 253 УПК РФ, уклонение от явки, право на защиту, предварительное слушание, процессуальные гарантии.*

CHERNIAVSKAIA Sofiia Karenovna,
graduate student of Moscow State Linguistic University

CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN SUSPENSION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND TRIAL IN ABSENTIA IN THE ABSENCE OF THE DEFENDANT

Annotation. *The article examines the problem of distinguishing between suspension of criminal proceedings and trial in absentia when the defendant is absent. The relevance of the research is determined by the fact that the absence of the defendant in judicial proceedings does not always entail the same procedural consequences: depending on the reasons for non-appearance, the conduct of the person, whether the person's whereabouts are known and whether the right to defence can be ensured, the court may conclude that the trial should be adjourned, the proceedings should be suspended or the case should be considered in absentia. The author proceeds from the idea that suspension of proceedings and trial in absentia are not interchangeable procedural regimes. Suspension is connected with the impossibility of further movement of the case in the ordinary judicial form, whereas trial in absentia allows the case to be examined on the merits without the defendant, but only under exceptional conditions expressly provided for by criminal procedure*

law. The article substantiates that the choice between these regimes should be determined not by procedural convenience, but by a combination of legally significant circumstances: the nature of the reason for the defendant's absence, reliable information confirming due notification and deliberate evasion of appearance, whether the defendant's whereabouts are known, whether personal participation in the hearing can be objectively secured, the category of crime, the exceptional nature of the situation and the possibility of ensuring the right to defence.

Key words: *suspension of criminal proceedings, trial in absentia, absence of the defendant, Article 238 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 253 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, evasion of appearance, right to defence, preliminary hearing, procedural guarantees.*

Отсутствие подсудимого в судебном производстве ставит суд перед выбором процессуального режима. Такой выбор нельзя сводить к простому вопросу, явилось лицо в судебное заседание или нет. Для уголовного процесса важнее другое: препятствует ли отсутствие подсудимого дальнейшему движению дела в обычном порядке — или, напротив, имеются ли предусмотренные законом условия для рассмотрения дела без его личного участия.

В настоящей статье для обозначения лица, отсутствие которого влияет на выбор процессуального режима судебного производства, используется термин «подсудимый» (Выбор термина обусловлен предметом исследования — судебной стадией уголовного судопроизводства. Нормы УПК РФ, оперирующие термином «обвиняемый», рассматриваются применительно к ситуации поступления уголовного дела в суд и последующего решения вопроса о движении дела при отсутствии лица. Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым [2]).

В настоящем исследовании под заочным судебным разбирательством понимается исключительно порядок, предусмотренный ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого по ч. 4 этой статьи, допускаемое по его собственному ходатайству по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, имеет иную процессуальную природу и не относится к предмету настоящего исследования. Сложность рассматриваемой проблемы состоит в том, что приостановление производства и заочное судебное разбирательство внешне возникают из одной процессуальной ситуации — отсутствия лица, в отношении которого рассматривается уголовное дело. Однако юридическое значение этого отсутствия может быть различным. Если оно делает невозможным обычное судебное разбирательство, суд обращается к приостановлению. Если же отсутствие обусловлено поведением самого подсудимого, а закон допускает движение дела без него при сохранении необходимых гарантий, возникает вопрос о применении порядка, предусмотренного ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

Конституционная рамка такого анализа определяется ч. 2 ст. 123 Конституции Российской Федерации, согласно которой заочное разбирательство уголовных дел не допускается, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом [1]. Эта норма не только разрешает законодателю устанавливать исключения, но и задает общий вектор толкования: личное участие подсудимого в судебном разбирательстве — исходная процессуальная модель, а любое отступление от нее требует специального правового обоснования.

УПК РФ содержит несколько механизмов реагирования на отсутствие подсудимого. На стадии подготовки к судебному заседанию действует ст. 238 УПК РФ, регулирующая приостановление производства по уголовному делу. После назначения судебного заседания вопрос решается с учетом ст. 253 УПК РФ, предусматривающей отложение и приостановление судебного разбирательства. Возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого закреплена в ст. 247 УПК РФ [2]. Следовательно, единого, заранее заданного последствия отсутствие подсудимого не влечет: суд должен установить характер препятствия и только после этого определить допустимый процессуальный режим.

Цель настоящей статьи — определить критерии разграничения приостановления производства по уголовному делу и заочного судебного разбирательства при отсутствии подсудимого.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и доктринальный методы. Теоретическую базу образуют труды Н.В. Ильютченко, Е.Г. Бендерской, А.А. Казакова, Л.М. Фатыховой, И.Л. Петрухина, Т.В. Трубниковой, С.В. Купрейченко, Л.В. Головко и других авторов, обращавшихся к проблемам отсутствия подсудимого, заочного производства и гарантий уголовно-процессуальной формы.

Для разграничения приостановления производства и заочного судебного разбирательства отправной точкой служит не сам факт отсутствия подсудимого, а вопрос о том, сохраняет ли суд возможность рассматривать дело в обычной су-

дебной форме. Если отсутствие лица исключает такую возможность, производство подлежит временной остановке. Если же закон допускает рассмотрение дела без подсудимого и одновременно предусматривает гарантии защиты, суд вправе поставить вопрос о заочном порядке.

Приостановление производства по уголовному делу по своей правовой природе означает признание того, что производство не может продолжаться без устранения возникшего препятствия. Оно не санкция за неявку и не отказ суда от разрешения дела. Его назначение — сохранить обычную процессуальную форму до того момента, когда препятствие отпадет.

Статья 238 УПК РФ закрепляет основания приостановления производства на стадии подготовки дела к судебному заседанию. Для настоящей темы особенно существенны случаи, когда лицо скрылось и место его пребывания неизвестно, когда место нахождения известно, но реальная возможность участия в судебном разбирательстве отсутствует, а также случаи тяжелого заболевания, подтвержденного медицинским заключением [2]. Содержание этих оснований различно, но их объединяет одно: суд констатирует невозможность продолжать дело в обычном порядке.

Статья 253 УПК РФ решает сходную задачу уже в ходе судебного разбирательства. Если судебное разбирательство невозможно вследствие неявки кого-либо из вызванных лиц либо необходимости истребования новых доказательств, суд откладывает разбирательство. Если же подсудимый скрылся либо страдает тяжелой болезнью, исключающей возможность явки, суд приостанавливает производство в отношении него до розыска или выздоровления [2]. Тем самым законодатель различает обычную неявку, временно преодолимое препятствие и более устойчивую невозможность движения дела.

Заочное судебное разбирательство имеет иную направленность. Оно не останавливает процесс, а позволяет рассмотреть дело по существу при отсутствии подсудимого. В рамках настоящего исследования этот термин используется исключительно применительно к ч. 5 ст. 247 УПК РФ, которая допускает такое разбирательство лишь в исключительных случаях и при наличии совокупности прямо установленных законом условий [2]. Следовательно, заочный порядок возникает не из любого факта отсутствия подсудимого, а из особой процессуальной ситуации, в которой суд должен подтвердить возможность движения дела без его личного участия.

Позиция Н.В. Ильютченко о нетождественности заочного разбирательства и всякого рассмотрения дела при отсутствии подсудимого позволяет точнее определить предмет судебной проверки: суд должен установить не только факт неявки, но и процессуальное качество отсутствия — является ли оно препятствием к движению дела либо условием для применения специального заочного порядка [5, с. 138–140].

Разграничение,
предложенное Е.Г. Бендерской, нужно не только понятийному аппарату — оно определяет и выбор судом процессуального решения. Если рассмотрение дела в отсутствие подсудимого выступает более широкой категорией, то заочное разбирательство не может автоматически следовать из любой ситуации неявки; ему требуются самостоятельное основание и особая процессуальная форма [6, с. 8–10].

Следовательно, приостановление и заочное разбирательство различаются по самому способу процессуального реагирования. Приостановление фиксирует невозможность движения дела при сохранении приоритета личного участия подсудимого. Заочное разбирательство допускает движение дела без подсудимого, но только тогда, когда закон признает такое исключение возможным, а суд проверяет наличие условий для его применения.

Первый критерий разграничения — причина отсутствия подсудимого. Неявка в судебное заседание может быть вызвана разными обстоятельствами: временной невозможностью прибытия, тяжелым заболеванием, нахождением за пределами Российской Федерации, неизвестностью места пребывания, ненадлежащим извещением, сознательным уклонением от суда. Эти ситуации нельзя оценивать одинаково.

Если отсутствие связано с уважительной причиной либо с объективной невозможностью участия, заочное разбирательство не может служить обычным вариантом продолжения дела. В такой ситуации суд прежде всего обязан задействовать средства, позволяющие сохранить личное участие подсудимого: отложение судебного разбирательства, проверку сведений о причине неявки, истребование необходимых документов, применение предусмотренных законом мер для обеспечения явки. Если же препятствие приобретает устойчивый характер, на первый план выходит приостановление производства.

Особняком стоит тяжелое заболевание подсудимого. Такое обстоятельство не характеризует его поведение как уклонение и не свидетельствует о намерении воспрепятствовать правосудию. Поэтому при подтверждении заболевания надлежащим медицинским заключением логика уголовного процесса ориентирует суд не на движение дела без подсудимого, а на временную остановку производства до отпадения препятствия [2].

Иная ситуация складывается при уклонении от явки. Уклонение отличается от простой неявки

тем, что предполагает осведомленность подсудимого о судебном производстве и сознательное неисполнение обязанности явиться. Для такого вывода недостаточно единичной неявки либо самого факта отсутствия лица по известному адресу. Суду необходима совокупность достоверных сведений: подтверждение надлежащего извещения, отсутствие объективно уважительных причин неявки, данные о сознательном избегании участия в процессе или сокрытии, а также результаты мер, принятых для установления местонахождения и обеспечения явки. Вместе с тем даже установленное уклонение само по себе не предрешает вопрос о заочном разбирательстве. Оно позволяет перейти к проверке остальных условий ч. 5 ст. 247 УПК РФ — исключительного характера случая, категории уголовного дела, отсутствия привлечения к ответственности в иностранном государстве по тому же делу и возможности обеспечить защиту. Следовательно, суд избирает заочный порядок не на основании одного лишь уклонения, а исходя из подтвержденной совокупности предусмотренных законом обстоятельств.

Указание А.А. Казакова на связь заочного разбирательства с изъятиями из обычных условий судебного производства работает здесь как ограничительный аргумент: чем существеннее отсутствие подсудимого влияет на непосредственность и состязательность, тем осторожнее должен быть переход от приостановления к заочному рассмотрению [7, с. 94–95].

Поэтому причина отсутствия подсудимого должна оцениваться не формально, а через ее влияние на возможность справедливого судебного разбирательства. Если причина объективна и временно исключает участие, дело должно идти по пути отложения либо приостановления. Если же установлено сознательное уклонение, суд может перейти к анализу условий заочного порядка, но только при наличии предусмотренных законом дополнительных предпосылок.

Второй критерий связан с тем, известно ли местонахождение подсудимого и может ли суд объективно обеспечить его личное участие в судебном заседании. Под такой возможностью следует понимать не абстрактную вероятность явки, а наличие фактических и юридических средств, позволяющих доставить подсудимого в суд либо иным предусмотренным законом способом обеспечить его участие. Ее отсутствие должно подтверждаться конкретными обстоятельствами, например безрезультатностью розыска, невозможностью экстрадиции или иным объективным препятствием, которое на момент принятия решения не позволяет провести разбирательство с участием подсудимого [2; 3].

Если место пребывания подсудимого неизвестно, общим процессуальным последствием является приостановление производства и организация розыска. В этом случае суд не располагает достаточными данными для обеспечения участия лица, а обычная модель судебного разбирательства оказывается заблокированной. Вместе с тем ч. 3 ст. 238 УПК РФ предусматривает специальное исключение: при постановке перед судом вопроса о проведении судебного разбирательства по правилам ч. 5 ст. 247 УПК РФ основания приостановления, предусмотренные п. 1 и 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, не применяются автоматически [2].

Смысл этой оговорки состоит не в том, что само процессуальное обращение стороны становится критерием выбора заочного порядка. Оно лишь изменяет последовательность судебной проверки: прежде чем приостановить производство, суд должен установить, имеется ли вся совокупность условий, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Если такие условия не подтверждены, производство подлежит приостановлению; если они установлены и случай действительно носит исключительный характер, суд вправе рассмотреть вопрос о заочном судебном разбирательстве.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 связывает рассмотрение дела в отсутствие подсудимого по ч. 5 ст. 247 УПК РФ с предварительным слушанием и исключительными обстоятельствами. Среди таких обстоятельств называются, в частности, особая общественная опасность преступления, необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, безрезультатность розыска и невозможность осуществить экстрадицию [3]. Тем самым Верховный Суд ориентирует суды на то, что переход к заочному порядку не должен быть автоматическим следствием отсутствия подсудимого.

Если местонахождение подсудимого известно, но его личное участие не обеспечено, суду необходимо установить правовое значение возникшего препятствия. Нахождение за пределами Российской Федерации является самостоятельным условием ч. 5 ст. 247 УПК РФ и не тождественно уклонению. Однако оно не влечет автоматического заочного разбирательства: суд проверяет извещение, возможность участия, принятые меры к обеспечению явки или экстрадиции и исключительный характер случая.

Л.М. Фатыхова обоснованно подчеркивает, что нахождение лица за пределами государства должно анализироваться во взаимосвязи с уклонением, извещением и невозможностью обеспечить личное участие иными средствами [8, с. 10–13]. Такой подход не позволяет упрощенно заключать, что всякое пребывание за рубежом уже само по себе открывает путь к рассмотрению

дела без подсудимого.

Следовательно, известность местонахождения сама по себе не определяет процессуальный режим. Если место пребывания неизвестно и условия ч. 5 ст. 247 УПК РФ не установлены, производство подлежит приостановлению. Нахождение за пределами Российской Федерации позволяет обсуждать заочный порядок и без дополнительного вывода об уклонении, поскольку закон формулирует эти обстоятельства как альтернативные. При нахождении подсудимого в России необходимы подтвержденное уклонение и неизвестность его местонахождения [2; 3].

Третий критерий — наличие исключительных условий, позволяющих рассмотреть уголовное дело в отсутствие подсудимого. Здесь различие между приостановлением производства и заочным судебным разбирательством проявляется наиболее отчетливо.

Приостановление применяется тогда, когда нормальное движение дела невозможно. Заочное разбирательство применяется тогда, когда обычная форма невозможна или затруднена, но закон разрешает суду перейти к рассмотрению дела без подсудимого. Поэтому заочный порядок нельзя воспринимать как более удобную альтернативу приостановлению. Он допустим только в пределах, прямо очерченных законом.

Часть 5 ст. 247 УПК РФ связывает заочное разбирательство с исключительными случаями и специальными условиями. К их числу относятся характер уголовного дела, нахождение подсудимого за пределами Российской Федерации и (или) уклонение от явки в суд, а также отсутствие привлечения к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу [2]. В действующей редакции, сложившейся после изменений, внесенных Федеральным законом от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ, норма охватывает не только дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, но и отдельные преступления небольшой и средней тяжести, прямо указанные в законе [14].

Расширение законодательной конструкции не отменяет исключительного характера заочного порядка. Напротив, оно усиливает роль судебной проверки. Чем шире формально очерчен круг дел, тем важнее, чтобы суд не превращал ч. 5 ст. 247 УПК РФ в универсальный способ преодоления отсутствия подсудимого.

И.Л. Петрухин относился к заочному рассмотрению уголовных дел сдержанно: эта форма затрагивает личное участие подсудимого — одну из ключевых гарантий защиты — и потому требует осторожного обращения [9, с. 34–36]. Для нашего разграничения это означает, что заочный порядок допустим не при всяком процессуальном затруднении, а только тогда, когда установлена совокупность обстоятельств, делающих его правомерным и необходимым.

Т.В. Трубникова, помещая производство в отсутствие подсудимого в ряд упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств, характеризует этот институт как неоднозначный и требующий взвешенного определения своего места среди других процессуальных форм [10, с. 127–133]. Отсюда — предостережение, существенное для настоящей темы: если видеть в заочном разбирательстве лишь средство ускорения, оно начнет вытеснять приостановление даже там, где отсутствие подсудимого не имеет признаков уклонения либо не позволяет обеспечить реальную защиту.

С.В. Купрейченко также рассматривает заочное судопроизводство как институт, нуждающийся в специальной оценке оснований и условий применения, особенно по делам о преступлениях повышенной общественной опасности [11]. Значит, категорией преступления вопрос не исчерпывается: даже по делу, формально подпадающему под ч. 5 ст. 247 УПК РФ, суд обязан проверить исключительность ситуации и достаточность гарантий.

Самостоятельное значение при разграничении рассматриваемых режимов имеет предварительная судебная проверка условий заочного разбирательства. Порядок, предусмотренный ч. 5 ст. 247 УПК РФ, не возникает из одного лишь факта отсутствия подсудимого: вопрос о его применении разрешается судом в рамках предварительного слушания с проверкой всех установленных законом предпосылок [3].

Формально уголовно-процессуальный закон допускает постановку этого вопроса по ходатайству одной из сторон. Однако с учетом распределения процессуальных интересов такая инициатива, как правило, исходит от стороны обвинения, заинтересованной в продолжении судебного производства, тогда как сторона защиты обычно настаивает на приостановлении дела и сохранении возможности личного участия подсудимого. Поэтому само наличие ходатайства не является содержательным критерием разграничения; оно лишь служит процессуальным поводом для обязательной судебной проверки.

Предварительное слушание в такой ситуации выполняет фильтрующую функцию. Суд выясняет, принимались ли достаточные меры для обеспечения явки; имеются ли достоверные сведения о местонахождении подсудимого и его извещении; подтверждено ли сознательное уклонение; возможна ли экстрадиция; не привлечено ли лицо к ответственности в иностранном государстве по тому же уголовному делу; обеспечено ли участие защитника; не повлечет ли рассмотрение дела без подсудимого фактического ограничения

права на защиту.

Если сторона обвинения не приводит конкретных данных, подтверждающих условия ч. 5 ст. 247 УПК РФ, либо предварительная судебная проверка оставляет обоснованные сомнения в наличии хотя бы одного из них, заочный порядок применяться не должен. В зависимости от стадии процесса и характера препятствия это влечет отложение судебного разбирательства либо приостановление производства.

Такой подход не позволяет заочному разбирательству замещать розыск, экстрадиционные процедуры или иные действия, направленные на обеспечение участия подсудимого. Заочный порядок не предназначен для преодоления обычных затруднений с явкой. Его применение допустимо лишь тогда, когда совокупность обстоятельств подтверждает исключительность ситуации, обычное разбирательство фактически недостижимо, а движение дела без подсудимого сохраняет необходимые гарантии защиты.

Итоговый критерий, замыкающий всю проверку, — право на защиту. Даже при наличии формальных оснований суд не может выбирать между приостановлением и заочным разбирательством без его оценки: от нее зависит, будет ли рассмотрение дела без подсудимого соответствовать гарантийной природе уголовного процесса.

По смыслу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 право на защиту должно обеспечиваться реально, а не формально [4]. Для рассматриваемой проблемы это означает, что участие защитника само по себе еще не решает вопроса о допустимости заочного порядка. Необходимо установить, способен ли защитник эффективно действовать в конкретной процессуальной ситуации: знакомиться с материалами дела, представлять доказательства, возражать против позиции обвинения, заявлять необходимые ходатайства, ставить перед судом вопрос о нарушениях, связанных с отсутствием подсудимого.

Если защитник не располагает сведениями о позиции подсудимого по ключевым обстоятельствам дела, не может получить от него объяснения или уточнения, а обвинение требует оценки того, что невозможно полноценно проверить без участия лица, заочный порядок становится крайне проблематичным. В подобных случаях приостановление производства не затягивает процесс, а сохраняет возможность будущего справедливого разбирательства.

Идея М.С. Строговича о гарантийном значении уголовно-процессуальной формы прямо касается нашего вопроса: выбор между приостановлением и заочным разбирательством не может определяться только удобством дальнейшего движения дела. Процессуальная форма здесь выступает не техническим инструментом, а способом удержать баланс между публичным интересом и правом подсудимого на защиту [13, с. 42–45].

Вместе с тем право на защиту не следует понимать так, будто отсутствие подсудимого всегда исключает возможность движения дела. Уголовный процесс должен учитывать и публичный интерес, и интерес потерпевшего, и недопустимость злоупотребления правами. Если подсудимый осведомлен о процессе, сознательно уклоняется от явки, а защитник имеет реальную возможность осуществлять защиту, заочное разбирательство допустимо при соблюдении всех требований закона.

Л.В. Головко, раскрывая значение процессуальной формы в уголовном судопроизводстве, показывает, что ее оценка не может быть оторвана от функций конкретной стадии и назначения соответствующего института [12]. Применительно к нашей теме это значит: приостановление и заочное разбирательство оцениваются не абстрактно, а через процессуальное назначение каждого — первое сохраняет возможность обычного рассмотрения в будущем, второе в порядке исключения ведет дело к итоговому решению.

Проведенный анализ позволяет предложить последовательную модель разграничения приостановления производства по уголовному делу и заочного судебного разбирательства.

На первом этапе суд решает, имеет ли он дело с простой неявкой или с устойчивым препятствием к участию подсудимого. Если причина неявки устранима повторным вызовом, приводом, проверкой сведений о месте нахождения или отложением судебного разбирательства, оснований ни для приостановления, ни для заочного порядка может вовсе не возникнуть. В такой ситуации действует обычный механизм обеспечения явки.

На втором этапе определяется причина отсутствия подсудимого. Болезнь, объективная невозможность прибытия, ненадлежащее извещение или иные уважительные обстоятельства склоняют суд к сохранению обычной формы судебного разбирательства. Сознательное уклонение, напротив, позволяет перейти к проверке специальных условий заочного порядка, но не заменяет такую проверку.

На третьем этапе суд оценивает сведения о местонахождении подсудимого и возможность обеспечить его личное участие. Если место пребывания неизвестно и условия ч. 5 ст. 247 УПК РФ не подтверждены, производство приостанавливается. Если место известно, суд устанавливает, находится ли подсудимый за пределами Российской Федерации, имеются ли объективные препятствия для участия и подтверждено ли укло-

нение.

На четвертом этапе проверяются исключительно условия ч. 5 ст. 247 УПК РФ: предусмотренная законом категория уголовного дела, исключительный характер случая, нахождение подсудимого за пределами Российской Федерации и (или) уклонение от явки, отсутствие привлечения к ответственности в иностранном государстве по тому же уголовному делу, обязательное участие защитника и возможность обеспечить реальное осуществление права на защиту [2; 3].

На пятом этапе суд оценивает, возможно ли обеспечить право на защиту. Если отсутствие подсудимого делает защиту формальной, а имеющиеся гарантии не позволяют сохранить состязательность и возможность проверки позиции стороны защиты, заочный порядок применяться не должен. В этом случае решением, более соответствующим гарантийной природе уголовного процесса, оказывается приостановление производства.

Такая модель позволяет избежать двух противоположных ошибок. Первая — чрезмерное применение приостановления, когда любое отсутствие подсудимого блокирует движение дела, даже если лицо сознательно уклоняется от суда и имеются условия для заочного разбирательства. Вторая — чрезмерное расширение заочного порядка, когда отсутствие подсудимого воспринимается как техническое препятствие, устранимое без серьезной проверки причин неявки и гарантий защиты.

Таким образом, приостановление производства по уголовному делу и заочное судебное разбирательство при отсутствии подсудимого — самостоятельные процессуальные режимы. Их нельзя рассматривать как взаимозаменяемые варианты реагирования суда на неявку лица. Общее у них только исходное обстоятельство — отсутствие подсудимого; правовые же последствия зависят от причин отсутствия, его устойчивости, поведения лица и возможности обеспечить справедливое судебное разбирательство.

Приостановление производства отвечает ситуации, когда дальнейшее движение дела в обычной судебной форме невозможно до устранения препятствия; заочное судебное разбирательство — ситуации, когда закон прямо разрешает рассмотреть дело без подсудимого и при этом сохраняются условия для реализации права на защиту.

Критериями разграничения выступают: характер причины отсутствия подсудимого; наличие достоверных данных о его надлежащем извещении и сознательном уклонении от явки; известность местонахождения; объективная возможность обеспечить личное участие в судебном заседании; категория уголовного дела; исключительный характер ситуации; отсутствие привлечения к ответственности в иностранном государстве по тому же делу; результаты предварительной судебной проверки; обязательное участие защитника и возможность обеспечить реальное, а не формальное право на защиту.

При сомнении в наличии условий заочного разбирательства выбор должен делаться в пользу обычной формы судебного производства. Заочный порядок допустим не потому, что позволяет быстрее преодолеть отсутствие подсудимого, а потому, что в исключительных случаях закон признает возможным движение дела без него. Поэтому граница между приостановлением производства и заочным судебным разбирательством проходит там, где невозможность обычного рассмотрения либо требует временной остановки процесса, либо — при строгих законных условиях — уступает место исключительному движению дела к итоговому решению.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Российская газета. 2010. № 3.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Ильютченко Н.В. Заочный приговор: понятие и особенности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 138–143.

[6] Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 211 с.

[7] Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 281 с.

[8] Фатыхова Л.М. Особенности рассмотрения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2010. 226 с.

[9] Петрухин И.Л. О заочном рассмотрении в судах уголовных дел // Адвокат. 2007. № 12. С. 34–36.

[10] Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в

отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 127–133.

[11] Купрейченко С.В. Заочное судопроизводство в Российской Федерации по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. М.: Юрлитинформ, 2022. 264 с.

[12] Головко Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2016. 1280 с.

[13] Строгович М.С. Гарантии прав личности в уголовном производстве. М.: Наука, 1992. 278 с.

[14] Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ «О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2025. 21 апреля. № 0001202504210030.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2009 No. 28 "On the application by the courts of the norms of criminal procedure legislation governing the preparation of a criminal case for trial "// Rossiyskaya Gazeta. 2010. № 3.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 29 "On the Practice of the Application by the Courts of Legislation Ensuring the Right to Protection in Criminal Proceedings "// SPS" ConsultantPlus.".

[5] N.V. Ilyutchenko. Sentence in absentia: concept and features // Judicial power and criminal process. 2018. № 1. S. 138-143.

[6] Benderskaya E.G. Consideration of a criminal case in the absence of the defendant: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2010. 211 pp.

[7] Kazakov A.A. Trial of criminal cases in absentia: dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2009. 281 pp.

[8] Fatykhova L.M. Peculiarities of considering criminal cases of grave and especially grave crimes in the absence of the defendant: dis.... cand. jurid. sciences. Ufa, 2010. 226 pp.

[9] I.L. Petrukhin. On the consideration of criminal cases in absentia in the courts // Lawyer. 2007. № 12. S. 34-36.

[10] T.V. Trubnikova. Consideration of the case in the absence of the defendant (absentee proceedings) in the system of simplified judicial criminal procedure proceedings of the Russian Federation // Bulletin of Tomsk State University. 2008. № 315. S. 127-133.

[11] S.V. Kupreichenko. Absentee proceedings in the Russian Federation in criminal cases of grave and especially grave crimes. M.: Yurlitinform, 2022. 264 pp.

[12] Golovko L.V. Course of Criminal Procedure. M.: Statute, 2016. 1280 s.

[13] Strogovich M.S. Guarantees of individual rights in criminal proceedings. M.: Science, 1992. 278 pp.

[14] Federal Law of April 21, 2025 No. 101-FZ "On Amending Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "// Official Internet Portal of Legal Information. 2025. April 21. № 0001202504210030.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-153-158

БОРИСОВА Мария Игоревна,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КЛИМЕНТЬЕВ Иван Олегович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Барнаульского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УЧАСТВОВАВШИХ В ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности психологической реабилитация сотрудников органов внутренних дел, участвовавших в выполнении задач в особых условиях, которые подверглись различным посттравматическим стрессовым расстройствам в результате воздействия профессиональных, социальных и организационных стрессоров. Анализируются организации, оказывающие такую помощь сотрудникам с учетом стадийности ее оказания в острой фазе, на этапе стабилизации и в целях долгосрочной реабилитации. Авторами выдвигаются обоснованные предложения по повышению эффективности прохождения психологической реабилитации.*

Ключевые слова: *психология, психологическая реабилитация, особые условия, посттравматические стрессовые расстройства, помощь сотрудникам полиции.*

BORISOVA Maria Igorevna,
Instructor, Department of Tactical and Special Training Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KLIMENTYEV Ivan Olegovich,
Lecturer, Department of Tactical and Special Training Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION WHO PARTICIPATED IN PERFORMING TASKS IN SPECIAL CONDITIONS

Annotation. *This article examines the psychological rehabilitation of law enforcement officers who performed tasks under special conditions and suffered from various post-traumatic stress disorders as a result of exposure to professional, social, and organizational stressors. Organizations providing such assistance to officers are analyzed, taking into account the stages of its delivery: the acute phase, the stabilization phase,*

and long-term rehabilitation. The authors offer substantiated proposals for improving the effectiveness of psychological rehabilitation.

Key words: *psychology, psychological rehabilitation, special conditions, post-traumatic stress disorders, assistance to police officers.*

В последние годы в Российской Федерации внимание уделяется вопросам психологической устойчивости и реабилитации сотрудников органов внутренних дел (далее - ОВД), находившихся в условиях повышенной опасности и риска для жизни и здоровья. Служба в ОВД предполагает регулярное соприкосновение с опасностью, высокой ответственностью, необходимостью быстрых решений в экстремальных ситуациях, а также регулярным контактом с лицом, находящимся в нестабильном состоянии. Все это ведет к психологических перегрузкам, которые вызывают профессиональное и эмоциональное выгорание, посттравматические стрессовые расстройства (далее - ПТСР) и другое.

Психологическая реабилитация сотрудников ОВД, участвовавших в выполнении задач в особых условиях - это системная деятельность, направленная на восстановление психического и эмоционального состояния, адаптацию к нормальной служебной и социальной деятельности сотрудника. Особые условия включают в себя участие период действия военного и чрезвычайного положения, проведение контртеррористических операций, задержание вооруженных преступников, несение службы в районах вооруженных конфликтов.

Актуальность статьи обусловливается необходимостью дальнейшего совершенствования системы психологической поддержки и реабилитации сотрудников ОВД, так и существующие формы и программы не всегда обеспечивают продолжительную эффективность и совокупность подходов. На практике часто наблюдается бездушный формализм к восстановительным мероприятиям, недостаточная персонализация программ, нехватка квалифицированных специалистов и ресурсов.

Длительная служба в системе МВД Российской Федерации часто приводит к изменению эмоционально-ценностного мировосприятия сотрудника: равнодушие, повышенная подозрительность, отсутствие сопереживания, сострадания, склонность к авторитарности. Эти изменения снижают не только профессиональную деятельность, но и вызывают дополнительные трудности в социальной адаптации.

Психологические последствия участия в особых условиях проявляются в виде тревоги, напряженности, стресса, нарушении сна, нарушения внимания, а также симптомов ПТСР. По данным исследований среди сотрудников ОВД, участвовавших в контртеррористических операциях до 60% испытывают признаки профессионального выгорания, 20-25% симптомы ПТСР различной степени выраженности [1, с.5] (к симптомам ПТСР можно отнести: повторяющееся переживания травмирующего события, повышенное возбуждение, активность, выраженное снижение интереса к занятиям, ранее вызывающим интерес, притупление эмоций, раздражительность и вспышки гнева).

Отмечается, что большинство сотрудников полиции сталкивается с «аккумулированными стрессами» - последствиями многократных незначительных, но регулярных аффективных перегрузок.

Выделяются три группы стресс-факторов:

Профессиональные стрессоры - постоянный риск, физическая опасность, ответственность за жизнь и безопасность граждан, информационные перегрузки.

Социальные стрессоры - общественное недоверие, враждебное поведение граждан, осуждение со стороны средств массовой информации.

Организационные стрессоры - дефицит времени, бюрократическое давление, неопределенная структура обязанностей, недостаток признания.

Суммарное воздействие этих факторов формирует хроническое состояние напряжения, которое проявляется снижением концентрации, раздражительностью, нарушением сна и склонностью к конфликтам.

Психологическая помощь в подобных проявлениях направлена на восстановление личностного равновесия, повышения уровня саморефлексии, восстановлении способности к эмоциональной эмпатии и формировании позитивных установок на дальнейшее профессиональное развитие.

Целью психологической помощи является восстановление оптимального уровня деятельности психики, возвращение сотрудника к полноценной профессиональной деятельности и предупреждение формирования дефективных стрессовых состояний.

Психологическая реабилитация сотрудников ОВД представляет собой комплекс мер психологической и медико-психологичной помощи, направленный на восстановление ментального здоровья, стабилизацию эмоционального фона, повышение адаптационных возможностей и про-

фессиональной работоспособности, предупреждения неблагоприятных последствий профессиональной деятельности сотрудников, которые подверглись воздействию экстремальной ситуации при выполнении служебных задач.

Важное значение имеет стадийность психологической реабилитации, которая включает в себя:

острую фазу – момент, когда сразу после чрезвычайного происшествия оказывается кризисная психологическая помощь;

этап стабилизации, ориентированный на восстановление психологического состояния и нормализацию повседневной деятельности;

долгосрочную реабилитацию, обеспечивающую профилактику повторных травмирующих реакций и поддержку профессиональной устойчивости.

Эффективность реабилитации во многом зависит от своевременности оказания помощи, успешности налаживания контакта между сотрудником и специалистом, а также непрерывности отслеживания психологического состояния сотрудника медицинскими и психологическими службами. Важную роль в последнем из названных условий эффективности реабилитации играют ведомственные психологические службы, специалисты которых занимаются проведением различных психодиагностических и психотерапевтических мероприятий. В последние годы активно обсуждается вопрос внедрения в эту деятельность таких современных методов, как арт-терапия, позволяющая через создание произведения искусства расслабиться, приобрести душевное равновесие, переписать травматический опыт и найти новые пути проживания сложной ситуации, и методы когнитивно-поведенческого подхода, обеспечивающие возможность сотруднику отслеживать и контролировать свои деструктивные мысли, заменять их на позитивные утверждения, анализировать информацию, адекватно реагируя на происходящие события.

Эффективность психологической реабилитации обусловлена соблюдением принципов системности, комплексности, индивидуализации и конфиденциальности.

Принцип системности предполагает общность диагностической, коррекционной и профилактической работы, а также взаимодействие психологов, медицинских работников, командиров и социальных служб.

Комплексность означает использование различных подходов, от медицинских и психотерапевтических до педагогических и управленческих.

Индивидуализация обеспечивает учет субъективных особенностей, характера травматического опыта, стажа службы и семейной ситуации сотрудника.

Конфиденциальность обеспечивает доверие к специалисту и защищает личные данные сотрудника, что способствует снижению психологических барьеров при обращении за помощью.

Организация психологической реабилитации в МВД Российской Федерации строится по ведомственному принципу. Основными структурными элементами выступают:

Ведомственные психологические службы, действующие в каждом территориальном органе.

Центры медико-психологической реабилитации МВД Российской Федерации, подведомственные главному центру медицинского обеспечения МВД Российской Федерации.

Санаторно-курортные учреждения МВД Российской Федерации, в которых осуществляется физическое и ментальное восстановление.

Психологическая помощь предоставляется по трем уровням:

Краткосрочную помощь сразу же после критического события, может проводится в подразделении (работа с кризисными состояниями, дебрифинг, психодиагностика)

Среднесрочную поддержку (в течение 1-3 месяцев) включающую индивидуальную и групповую работу (комплексное восстановление, психотерапия, релаксационные процедуры и включение элементов ментальной гигиены в служебную подготовку).

Долгосрочную профилактику повторных стрессовых состояний через регулярные тренинги, курсы повышения квалификации.

Научные исследования [2, с.87-93; 3, с.87-93; 4, с.41-48] подтверждают, что комплексная реабилитация, объединяющая психологическую, медицинскую и социальную помощь, значительно повышает устойчивость сотрудников к профессиональному перенапряжению и снижает риск психического и физического истощения.

Существуют некоторые концепции, выделяемые отечественными и зарубежными психологами, объясняющие механизмы реабилитации после психотравмирующих воздействий:

Психоаналитический подход (Фрейд, Юнг) рассматривает травму как результат внутреннего конфликта и подавленных эмоций. Реабилитация направлена на осознание и переработку этих эмоций.

Когнитивно-поведенческая теория (Лазарус, Бек) объясняет постстрессовые реакции как следствие искаженных когнитивных установок. Основная цель-изменить отношение человека к событию, переосмыслить опыт.

Гумманистическая модель (Роджерс, Маслоу) подчеркивает роль саморазвития и поддержки личности, создание настроения принятия и доверия.

Системный подход применяется в современной служебной психологии, рассматривает личность сотрудника как часть социальной и организованной системы, в которой воздействие среды может усиливать или снижать тревожные реакции.

Современная практика ОВД сочетает элементы всех этих подходов, применяя их в зависимости от характера травмы, личности сотрудника и цели реабилитации.

Следует отметить, что эффективность психологической реабилитации зависит не только от профессионализма специалистов, но и от отношения руководителей подразделений к вопросам психологического состояния личного состава [5, с.102-108]. От отношения руководителя подразделения к проблемам психологического здоровья подчиненных зависит эффективность всей системы. Командир, понимающий значимость ментального восстановления, создает атмосферу доверия, стимулирует участие сотрудников в реабилитационных мероприятиях и поддерживает их открытость к взаимодействию с психологом.

Ведомственные психологи выступают ключевыми фигурами в проведении диагностики нервных состояний, профилактических бесед, организации различных тренингов и координации дальнейшего лечения. Помимо оказания психологической помощи в их обязанности также входит разработка профилактических программ, направленных на формирование стрессоустойчивости и повышение адаптационного ресурса сотрудников.

Несмотря на имеющуюся обширную научную базу, в практике реализации указанных программ психологической реабилитации сотрудников МВД России существуют отдельные проблемы и противоречия: разработаны стандарты и методические рекомендации, однако их внедрение часто носит формальный характер; с одной стороны, декларируется принцип индивидуализации, а с другой – значительная часть программ является типовыми и не учитывают личностные особенности сотрудников.

Также остается недостаточно исследованным вопрос оценки эффективности реабилитационных программ. Отсутствие единых критериев делает затруднительным отслеживание состояния сотрудников и анализ долгосрочных результатов.

Одним из наиболее острых вопросов остается обеспеченность психологическими работниками подразделениями в территориальных органах. По данным ГЦМО МВД, в среднем на одного штатного психолога приходится от 400 до 800 сотрудников, что делает невозможным индивидуально сопровождать каждого нуждающегося. В небольших территориальных органах часто отсутствует даже ставки психологов, и их функции выполняют кадры или инспекторы по воспитательной работе. К тому же не все специалисты имеют знания в области клинической психологии и психотерапии. Многие ограничиваются консультативной деятельностью, не владея методами глубокой коррекционной работы.

В последние годы МВД осуществляет меры по устранению этих проблем, например, повышение квалификации: открываются факультеты психологии в ведомственных вузах, проводятся семинары и курсы по тематике «Психологическая помощь в экстремальных условиях». Однако пока этого недостаточно для правильного и должного оказания помощи сотрудникам.

Каждое из этих направлений требует комплексных управленческих решений и долгосрочного планирования. Для обеспечения устойчивости результатов необходимо создание системы, которая была бы не только реактивной, но и превентивной, ориентированной на предупреждение профессиональных деструкций.

Предлагается:

Разработать единый федеральный стандарт психологической реабилитации сотрудников ОВД, содержащий: универсальные требования к программам; последовательность этапов реабилитации; обязательные методы диагностики; критерии направления на реабилитацию; правила работы с особыми категориями (участники контртеррористических операций, чрезвычайных ситуаций, боевых действий).

Прописать обязательность прохождения реабилитации не реже одного раза в 2 года для всех сотрудников подразделений повышенного риска.

Утвердить порядок межведомственного взаимодействия МВД Российской Федерации, Минздрава Российской Федерации, МЧС Российской Федерации и Минобороны Российской Федерации в части обмена данными, проведения медико-психологических экспертиз и реабилитации сотрудников, участвовавших в боевых операциях.

Разработать регламент анонимной психодиагностики - это существенно повысит доверие сотрудников к психологической службе, снижая страх «последствий».

Создать нормативы нагрузки на психологов. Не более 150-200 сотрудников на одного специалиста.

Также должно осуществляться развитие инфраструктуры материально-технического обеспечения.

Система пунктов медико-психологической реабилитации должна быть модернизирована путем создание специализированных реабилитационных кампусов нового типа, включающих отделение диагностики; кабинеты индивидуальной и групповой терапии; залы ЛФК; VR-комплексы;

комнаты сенсорной релаксации; медико-диагностические кабинеты; гостиничный корпус для проживания сотрудников. Это создаст условия для полноценного восстановления, приближенного к стационарным.

Ключевой проблемой являются кадровый дефицит, поэтому совершенствование должно включать введение единой системы подготовки и аттестации психологов МВД Российской Федерации, предполагается: ежегодная обязательная аттестация, повышение квалификации не реже одного раза в 2 года, обучение современным методам (когнитивно-поведенческая терапия, EMDP, когнитивная реструктуризация, кризисное консультирование).

Введение системы супервизий, позволяют снизить эмоциональное выгорание психологов, сократить риск профессиональных ошибок, повысить качество работы.

Часть проблем позволяет снять подготовка специалистов по узким направлениям. В каждом региональном центре должны быть закреплены психологи по специальностям: работа с последствиями боевых действий; кризисная психотерапия; семейное консультирование; работа с агрессией; профилактика суицидального поведения.

Совершенствование системы психологического сопровождения командировок в особые условия. Предлагаются создать целостную модель сопровождения, включающую:

Предкомандировочный этап: расширенная психодиагностика; стресс-тренинги; обучение методам саморегуляции; подготовка командиров к поддержке подчиненных.

Этап пребывания в особых условиях: дистанционные консультации психолога; регулярный мониторинг эмоционального состояния; работа мобильных групп психологов.

Послекомандировочный этап: обязательный дебрифинг; курс реабилитаций 14-30 дней; совместная работа с врачами; при необходимости - направление на специализированное лечение.

Психологическая реабилитация сотрудников ОВД, участвующих в особых условиях, представляет собой сложный и многоуровневый процесс, требующий согласованности организационных, медицинских и психолого-педагогических мероприятий. Проведенный анализ показал, что специфика экстремальной служебной деятельности, постоянная угроза жизни, высокий уровень ответственности, дефицит кадров и негативные социальные факторы создают условия, при которых вероятность развития острых стрессовых реакций, профессионального выгорания и посттравматических нарушений существенно возрастает.

Изучение существующих программ реабилитации показало, что в системе МВД России уже реализован значительный комплекс мер: функционируют медико-психологические центры, службы кризисной помощи, используется психодиагностика, отдельные элементы когнитивно-поведенческого подхода, методы релаксации и медикаментозная поддержка. Вместе с тем выявлены и существенные недостатки: фрагментарность программ, недостаточная структурированность маршрутов помощи, слабая научно-методическая база, разный уровень подготовки специалистов, недостаточный постреабилитационный мониторинг.

Реализация предложенной модели позволит повысить устойчивость сотрудников к стрессовым нагрузкам, снизить риски развития профессиональных дезадаптаций, улучшить психологический климат в подразделениях и повысить эффективность служебной деятельности. В конечном счете это укрепит кадровый потенциал органов внутренних дел и обеспечит более высокий уровень безопасности граждан и государства.

Список литературы:

[1] МВД России. Отчет о деятельности психологической службы МВД РФ за 2024 год. – М., 2025. – 72с.

[2] Жовнерчук Е.В. Психологическая помощь сотрудникам ОВД, участвующим в служебной деятельности в экстремальных условиях // Вестник СПБУ МВД России. 2021. № 4. С. 87-93.

[3] Човдыров Г.С. Психологическая помощь сотрудникам ОВД, участвующим в служебной деятельности в экстремальных условиях // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 87-93.

[4] Глухов А.С. Особенности постстрессовой адаптации сотрудников органов внутренних дел // Психодиагностика в правоохранительных органах. 2022. № 2. С. 41-48.

[5] Семенова Л.Г. Организационно-психологические аспекты профилактики профессионального выгорания сотрудников ОВД // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 102-108.

[6] О мерах по организации медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 января 2012 г. № 5. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] О медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23 июля 2024 г. № 429 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Концепция развития психологической службы МВД России до 2030 года. – М.: МВД РФ 2023.- 45 с.

[9] Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел

Российской Федерации: приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 (ред. от 20.10.2025) // Доступ из СПС «Гарант».

[10] Морозова Н.В. Система психологической поддержки сотрудников правоохранительных органов: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2022. № 3. С. 59-67.

References:

[1] Ministry of Internal Affairs of Russia. Report on the activities of the psychological service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2024. - M., 2025. - 72s.

[2] Zhovnerchuk E.V. Psychological assistance to police officers involved in official activities in extreme conditions // Bulletin of the SPBU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. S. 87-93.

[3] Chovdyrov G.S. Psychological assistance to police officers involved in official activities in extreme conditions // Psychology and law. 2020. T. 10. № 3. S. 87-93.

[4] Glukhov A.S. Features of post-stress adaptation of employees of internal affairs bodies // Psychodiagnostics in law enforcement agencies. 2022. № 2. S. 41-48.

[5] Semenova L.G. Organizational and psychological aspects of prevention of professional burnout of ATS employees // Management consulting. 2023. № 2. S. 102-108.

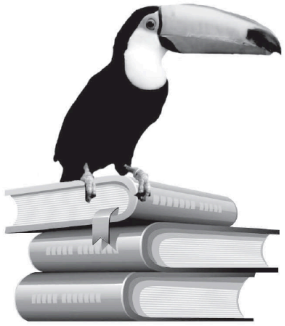
[6] On measures to organize medical and psychological rehabilitation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of January 10, 2012 No. 5 . // Access from SPS "ConsultantPlus".

[7] On medical and psychological rehabilitation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 23, 2024 No. 429 // Access from SPS "ConsultantPlus".

[8] The concept of the development of the psychological service of the Ministry of Internal Affairs of Russia until 2030. - M.: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation 2023.- 45 p.

[9] On approval of the Regulation on the Procedure for Organizing Moral and Psychological Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 27.08.2024 No. 500 (as amended on 20.10.2025) // Access from SPS "Garant".

[10] N.V. Morozova. System of psychological support for law enforcement officers: problems and prospects // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3. S. 59-67.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-159-162

МИСРОКОВ Тенгиз Замирович,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности реализации потенциала учебных занятий для развития речевых навыков сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в период прохождения ими профессионального обучения в образовательных организациях системы МВД России. Определяются основные аспекты развития речевых навыков, на которые следует обращать внимание в процессе обучения сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Автором анализируются основные методы и подходы, направленные на совершенствование речевых навыков сотрудников, которые могут использоваться преподавателями, осуществляющими профессиональную подготовку личного состава органов внутренних дел.*

Ключевые слова: *речевые навыки сотрудников, коммуникативная компетентность, навыки служебного общения, профессиональная подготовка сотрудников полиции, служебное взаимодействие с населением.*

MISROKOV Tengiz Zamirovich,
candidate of law sciences Senior lecturer of the state, civil and law disciplines chair of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TO THE QUESTION OF IMPROVING SPEECH SKILLS OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THEIR PROFESSIONAL TRAINING

Annotation. *The article discusses the possibilities of realizing the potential of training sessions for the development of speech skills of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation during their professional training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The main aspects of the development of speech skills that should be taken into account in the process of training employees who have been first recruited to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are identified. The author analyzes the main methods and approaches aimed at improving the speech skills of employees, which can be used by teachers who provide professional training for personnel in internal affairs bodies.*

Key words: *speech skills of employees, communicative competence, skills of official communication, professional training, professional training of police officers, official interaction with the population.*

Осуществление эффективной коммуникации с населением является одним из важнейших показателей профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и залогом успешного выполнения ими возлагаемых на них служебных задач. Абсолютное большинство сотрудников органов внутренних дел в той или иной степени вовлечено, пусть и не всегда на постоянной основе во взаимодействие с гражданами нашей страны, а в некоторых случаях с иностранными гражданами и лицами без гражданства. Большую часть служебных ситуаций, в которых может оказаться сотрудник органов внутренних дел, в том числе конфликтных ситуаций, он должен быть способен разрешить посредством применения мер убеждения и путём быстрого установления устойчивой и эффективной коммуникации с различными категориями лиц.

Наряду с классической работой над изучением норм русского делового языка и культуры речи, осуществляемой в рамках занятий по соответствующей учебной дисциплине, для совершенствования речевых навыков сотрудников органов внутренних дел можно использовать следующие методы и подходы:

Проведение деловых игр с распределением ролей, в ходе которых моделируются различные служебные ситуации, развиваются навыки ведения профессионального диалога, отстаивания собственной позиции, доказывания, убеждения и воздействия на поведение собеседника.

Стимулирование служебных дискуссий по проблемным вопросам изучаемых тем, где сотрудникам необходимо аргументировать обосновывать свои позиции, анализировать различные спорные ситуации.

Решение творческих заданий, подготовка докладов, участие в конкурсах способствуют совершенствованию навыков грамотного изложения мыслей, активизации познавательной деятельности и пополнению лексикона.

Развитие невербальных средств коммуникации, при котором сотрудники учатся распознавать и применять жесты, мимику и другие невербальные средства, способствующие получению и передачи дополнительной информации в процессе служебного общения.

Вышеуказанные решения можно внедрять в учебный процесс в рамках большинства учебных дисциплин, а не только тех, где непосредственно изучаются навыки служебной коммуникации.

Существует множество способов осуществления текущего и промежуточного контроля знаний обучаемых сотрудников органов внутренних дел. В условиях постоянного сокращения учебных часов, отводимых на освоение предусмотренных программой дисциплин, может складываться тенденция постепенного перехода к приоритетному использованию письменных и тестовых форм проверки знаний обучаемых, поскольку устные опросы, беседы, дискуссии и обсуждения требует значительного времени и не всегда позволяют охватить всех обучаемых слушателей учебных групп, особенно, когда такие группы многочисленны. Преподаватель вынужден искать баланс между необходимостью найти быстрый способ оценки знаний каждого из слушателей и стремлением развить их речевые навыки посредством устного общения в ходе занятий. Время занятий сильно ограничено, а на каждую тему отводится сравнительно мало часов. Кроме того, в ряде случаев представляется, что такие формы контроля знаний как, например, тестирование являются более объективными и непредвзятыми, поскольку практически исключают человеческий фактор при объективности оценки знаний слушателей. Такой подход, безусловно, обладает своими преимуществами и снижает саму влияния человеческого фактора при оценке знаний обучаемых в отдельных случаях.

Вместе с тем, повсеместное использование таких форм контроля, не включающих устное взаимодействие слушателя и преподавателя, представляется не всегда целесообразным. Именно в процессе профессиональной подготовки молодой неопытный сотрудник получает уникальную возможность развить и усовершенствовать навыки речевого общения. В рамках занятий, посвященных самым различным дисциплинам, он может ввести в свой речевой арсенал множество специальных понятий и терминов, необходимых ему в дальнейшей профессиональной деятельности, грамотное использование которых станет одним из маркеров его профессионализма.

Под руководством опытного преподавателя сотрудник органов внутренних дел может тренировать свои коммуникативные навыки, оттачивая с каждым новым занятием различные приёмы речевого общения и получая необходимые наставления и корректировки со стороны обучающего его педагога. На какие аспекты развития речевых навыков следует обращать внимание в процессе профессиональной подготовки?

В-первую очередь, правильность речи, то есть её соответствие языковым нормам делового русского языка. Важно отрабатывать произношение часто используемых в профессиональной коммуникации слов (например, «протоколы», «рапорты», «обеспечение») и соблюдать орфографические и пунктуационные нормы при составлении служебной документации.

Во-вторых, это соблюдение техники речи, то есть того комплекса навыков, который включает постановку голоса, расширение его диапазона, укрепление силы и выносливости, обогаще-

ние интонации, улучшение дикции и отработку правильного темпа речи. Для этого используются двигательные, голосовые и артикуляционные упражнения.

В-третьих, особого внимания заслуживает следование сотрудников речевому этикету, под которым следует подразумевать соблюдение тех социально установленных правил поведения, которые реализуются в системе устойчивых формул и выражений, применяемых в ситуациях установления, поддержания или прекращения контакта с собеседником. Указанные правила поведения и культуры служебного общения имеют нормативное закрепление в законодательстве, поэтому любое отклонение от их требований может повлечь за собой юридическую ответственность сотрудника, не говоря уже о общественном осуждении. Сотрудники ОВД должны знать, как обращаться к собеседнику в различных ситуациях, привлекать внимание, представляться, излагать требования, делать замечания, призывать к подчинению законным требованиям и осуществлять иное воздействие на поведение окружающих их лиц, которое обеспечит выполнение возложенных на сотрудника служебных задач.

В-четвертых, когда мы говорим о развитии речевых навыков сотрудников органов внутренних дел, мы должны учитывать не только устную коммуникацию, но письменную речь. Она включает в себя способность сотрудника адекватно отражать факты, обстоятельства и произошедшие события в служебных документах (рапортах, протоколах, объяснениях и др.), соблюдать языковые и стилистические нормы письменной деловой речи, следовать правилам делопроизводства. Корректно составленный служебный документ является наглядным подтверждением профессионального уровня каждого сотрудника, отражением его квалификации в глазах контролирующих должностных лиц и надзорных органов.

Одним из значимых показателей уровня готовности сотрудника к успешному выполнению служебных задач является уровень его коммуникативной культуры, включающей в себя умение грамотно говорить, внимательно слушать (рефлексивное и нерефлексивное), контролировать течение беседы, применять приёмы внушения и убеждения, аргументировать свою позицию, находить способы противодействия собеседникам, ведущим себя некорректно или вызывающе.

Какое положительное значение для успешности деятельности сотрудников органов внутренних дел имеет развитие речевых навыков? Наиболее очевидным представляется общее повышение качества профессионального общения и эффективности решения оперативно-служебных задач. Чем большим арсеналом речевых приёмов владеет сотрудник, тем легче для него выстраивать коммуникацию с другими людьми и добиваться в процессе служебного общения необходимого результата. Следует согласиться с позицией Геляховой Л.А. и Гуковой Н.А., согласно которой: «Культура устной речи, включая интонацию, выбор доводов и структурирование выступлений, имеет огромное значение при взаимодействии с обществом, проведении допросов, а также при выступлениях на совещаниях или перед публикой. Интонация способна изменить смысл и эмоциональную окраску высказывания, может подчеркнуть важность информации или выразить уверенность в своих словах» [1].

Отдельный интерес для изучения представляет гипотеза о взаимосвязи между речевой культурой и формированием профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел. Так, исследующая этот вопрос Приходько О.В. приходит к выводу о том, что «речевая культура выступает внутренним маркером профессиональной идентичности и фактором формирования позитивного имиджа сотрудника МВД» [2].

И, наконец, отдельным положительным аспектом развития речевых навыков сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации следует указать формирование положительного образа сотрудника в глазах людей [3], с которыми он будет контактировать как в процессе служебной деятельности, так и во внеслужебное время. Грамотная, поставленная речь, правильное использование различных речевых приёмов, способность в нужный момент подобрать правильные слова – это те признаки в поведении сотрудника, которые выдают в нём профессионала своего дела, человека, способного в любой ситуации найти правильный подход к каждому с кем данный сотрудник вступает во взаимодействие.

Подводя итог, следует отметить, что условием успешного развития и дальнейшего совершенствования речевых навыков сотрудников органов внутренних дел в процессе их профессиональной подготовки является постоянное комбинирование различных форм коммуникации преподавателя и обучаемых им сотрудников на занятиях, сбалансированное использование различных форм контроля знаний, обязательно включающих в себя устные формы общения с последовательным повышением готовности сотрудника к публичным выступлениям, которые будут в той или иной степени неотъемлемой частью его служебной деятельности, внедрение в учебный процесс различных форм коммуникативного взаимодействия между обучаемыми сотрудниками и преподавателями, стимулирование сотрудников к постоянному совершенствованию устного общения друг с другом, моделирование различных наиболее вероятных ситуаций служебного общения в ходе практических занятий по каждой учебной дис-

циплине.

Список литературы:

[1] Геляхова Л.А., Гукова Н.А. Коммуникативная компетентность сотрудника органов внутренних дел: понятие, сущность, содержание // Право и управление. 2024. № 12. С. 416-420.

[2] Приходько О.В. Лингвокультурные основания речевой культуры сотрудников МВД Российской Федерации: от профессиональной речи к профессиональной идентичности // Современное педагогическое образование. 2025. № 10. С. 291-296.

[3] Машекуашева М.Х. Современное образование и новые технологии Право и управление. 2024. № 10. С. 74-76.

References:

[1] Gelyakhova L.A., Gukova N.A. Communicative competence of an employee of internal affairs bodies: concept, essence, content // Law and management. 2024. № 12. S. 416-420.

[2] Prikhodko O.V. Linguistic and cultural foundations of the speech culture of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: from professional speech to professional identity // Modern pedagogical education. 2025. № 10. PP. 291-296.

[3] Mashekuasheva M.Kh. Modern education and new technologies Law and governance. 2024. № 10. S. 74-76.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-163-167
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.

МУГИНОВА З.Р.,
заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ДИАЛЕКТИКА ДОКТРИНЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. *Проблема целеполагания в институте уголовного наказания сохраняет фундаментальное значение для правовой науки, поскольку именно через закрепленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение преступлений – определяется легитимность государственного принуждения. Высокий уровень рецидивной преступности на фоне сохраняющейся дискуссионности доктринального наполнения этих целей свидетельствует о наличии системного разрыва между нормативными установлениями и практикой их реализации. Исследование базируется на диалектическом методе познания социально-правовых явлений, а также на системно-структурном, формально-юридическом, историко-правовом и сравнительно-правовом подходах. Дополнительно применялся метод правового моделирования. В ходе работы выявлена внутренняя противоречивость действующей системы целеполагания, обусловленная конкуренцией ретрибутивных и утилитарных начал; установлено, что отсутствие легальных критериев достижения каждой из целей ведет к их декларативности. Аргументирована необходимость перехода к интегративной парадигме, включающей элементы восстановительного правосудия. Действующая конструкция нуждается в переосмыслении с учетом достижений пенологии и опыта Канады. Обоснована целесообразность дополнения перечня целей восстановительными компонентами и гармонизации положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.*

Ключевые слова: *цели наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение преступлений, общая превенция, частная превенция, ретрибутивизм, утилитаризм, восстановительное правосудие, ресоциализация, уголовная политика.*

MUGINOVA Z.R.,
Deputy Head of the Department of Professional Training, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major.
E-mail: (to be provided by the author if needed)

PUNISHMENT GOALS IN CRIMINAL LAW: DIALECTICS OF DOCTRINE, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT REALITY

Annotation. *The problem of goal-setting in the institution of criminal punishment remains of fundamental importance for legal science, since the legitimacy of state coercion is determined precisely through the goals enshrined in Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation – restoration of social justice, correction of the convict and prevention of crimes. The high level of recidivism against the background of the ongoing discussion about the doctrinal content of these goals indicates a systemic gap between regulations and the practice of their implementation. The research is based on the dialectical method,*

as well as system-structural, formal-legal, historical-legal and comparative legal approaches. The method of legal modeling was also applied. The work reveals the internal inconsistency of the current goal-setting system due to the competition of retributive and utilitarian principles; establishes that the absence of legal criteria for achieving each goal leads to their declarative nature. The necessity of transition to an integrative paradigm including elements of restorative justice is argued. The current legislative structure needs rethinking taking into account the achievements of penology and the experience of Canada. The expediency of supplementing the list of goals with restorative components and harmonizing the provisions of criminal and penal enforcement legislation is substantiated.

Key words: *punishment goals, restoration of social justice, correction of the convict, crime prevention, general prevention, special prevention, retributivism, utilitarianism, restorative justice, resocialization, criminal policy.*

Институт уголовного наказания обретает смысл лишь в контексте тех социальных результатов, на достижение которых он направлен. Часть 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации провозглашает три цели: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений. Однако разрыв между нормативной декларацией и практикой правоприменения становится всё более очевидным. Достаточно отметить, что, согласно эмпирическим данным, каждый третий осуждённый имеет неснятую и непогашенную судимость, что ставит под сомнение реализацию предупредительной функции [1, с. 79].

А.В. Сумачев прямо указывает на «низкую эффективность предупреждения преступлений со стороны осужденного (специального предупреждения) на основе показателя уровня рецидива преступлений» [2, с. 42]. Приведённые цифры заставляют задуматься о том, насколько существующая система целеполагания отвечает реальным возможностям уголовной юстиции.

В теоретической плоскости спектр мнений простирается от радикального предложения Е.Е. Мелюхановой полностью отказаться от законодательного закрепления целей, поскольку «наказание является следствием совершения преступления, самодостаточно и не нуждается в сущностном целеполагании» [3, с. 79], до настоятельных призывов к реформированию, ибо «от ее решения зависит эффективность судебной и уголовно-исполнительной деятельности» [4, с. 52]. Оставляя в стороне крайнюю позицию как способную породить ещё большую неопределённость, сосредоточимся на конструктивном анализе.

Философский фундамент пенологии образуют абсолютные (ретрибутивные), относительные (утилитарные) и смешанные теории. Первые, восходящие к категорическому императиву Канта и гегелевской диалектике, трактуют кару как самоцель; вторые, напротив, видят в ней инструмент превенции и исправления. Российский законодатель избрал компромиссный путь, поместив в одну норму и ретрибутивное начало (восстановление социальной справедливости), и утилитарные (исправление, предупреждение). Однако, как замечает

А.П. Альбов, «последующее неокантианское возрождение ретрибутивизма, утверждавшего наказание как моральный долг, лишь закрепило этот фундаментальный дуализм между справедливостью и целесообразностью» [5, с. 4]. Диалектическое «снятие» преступления и восстановительное правосудие мыслятся им как «не механический компромисс, а подлинный синтез, в рамках которого эффективная система юстиции преодолевает ложный выбор между прошлым (искуплением вины) и будущим (предупреждением преступлений)» [5, с. 5].

Историческая траектория российского уголовного права демонстрирует подвижность приоритетов: от компенсационных механизмов Русской Правды и устрашения в Судебниках до общей превенции Соборного уложения и исправительных начал XIX столетия. Советский период вовсе исключил возмездие из официального дискурса. Знаковым событием стало принятие УК РФ 1996 года, где впервые появилась цель восстановления социальной справедливости, причём она заняла первое место. Как подчёркивал Ю.М. Ткачевский, «восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания в послереволюционной России не предусматривалось; впервые эта цель введена в ч. 2 ст. 43 УК РФ 1996 года» [6, с. 15].

С.Т. Сулейманова, сравнивая российскую и канадскую доктрины, отмечает, что в последней обособляется теория восстановительного правосудия, что свидетельствует о различной степени интеграции восстановительных начал [7, с. 134].

Наименее проработанной в догматическом отношении остаётся именно цель восстановления социальной справедливости. Узкая трактовка сводит её к соразмерному воздаянию, широкая – к реституции нарушенных отношений и прав потерпевшего.

И.В. Дворянсков высказывает критическую точку зрения: «Цель наказания в конечном счете состоит в самом наказании и реализации его

функций (кары, возмездия, публичного порицания преступления, защиты общества от преступных посягательств)» [8, с. 370]. Не случайно и то, что Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ст. 1 упоминает лишь «исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами», оставляя восстановление справедливости за рамками процесса исполнения наказания. На практике нестыковки проявляются, например, при назначении штрафа за преступления с материальным ущербом: денежные средства поступают в бюджет, а потерпевший вынужден дополнительно прибегать к гражданскому иску, что противоречит идее восстановления его прав.

Центральное место среди утилитарных ориентиров занимает исправление осуждённого, которое дифференцируется на юридическое (специальная превенция) и социальное (нравственное), закреплённое в ст. 9 УИК РФ. Правовые позиции высших судов [11, с. 238] описывают этот процесс как формирование уважения к закону и общественным нормам с помощью режима, труда, обучения и психологического воздействия. Однако ключевой проблемой остаётся отсутствие «единых и четких критериев исправления» [9, с. 402], превращающее оценку в формальную процедуру. Более того, изоляция в местах лишения свободы, особенно для лиц, впервые преступивших закон, зачастую препятствует позитивным изменениям, погружая человека в криминальную субкультуру [9, с. 404]. Не случайно в литературе исправление характеризуется как «нравственно-юридическая категория, учитывающая социоадаптивные возможности конкретного лица» [9, с. 405].

Цель предупреждения преступлений в доктрине делится на общую и частную превенцию. Общепризнано, что данная цель охватывает оба аспекта, что следует и из текста ст. 1 УИК РФ. Вместе с тем эмпирические исследования заставляют усомниться в эффективности общего предупреждения. Лица, склонные к правонарушениям, не испытывают страха перед наказанием; законопослушных граждан удерживают внутренние убеждения, а не угроза санкций. Частная превенция также даёт сбои: уровень рецидива среди отбывших лишение свободы колеблется в диапазоне 30–40%. Причины видятся в несовершенстве санкций – их несоответствии тяжести содеянного и чрезмерном альтернативизме [2, с. 44]. Е.Ю. Сергеева акцентирует внимание на необходимости смещения акцентов с гуманизма в сторону принципов законности, равенства, справедливости и вины [1, с. 81].

Системный анализ выявляет несколько сквозных дефектов. Прежде всего, три законодательно закреплённые цели внутренне конфликтуют: восстановление справедливости [11, с. 97] тяготеет к суровости, тогда как исправление и ресоциализация предполагают индивидуализацию и зачастую более мягкие меры. Особенно остро это противоречие проявляется при назначении длительных сроков лишения свободы [10, с. 75], которые, удовлетворяя ретрибутивным ожиданиям, одновременно разрушают социальные связи осуждённого и снижают шансы на успешную реинтеграцию.

Далее, ни одна из целей не обеспечена нормативно закреплёнными критериями, что переводит оценку их достижения в плоскость субъективных суждений. Исправительные и предупредительные ориентиры, по замечанию ряда авторов, «слишком формализованы и не предполагают научно проверяемых критериев» [9, с. 406]. Пенитенциарная система, перегруженная и не располагающая достаточными программами ресоциализации, сама продуцирует условия, препятствующие позитивной трансформации личности. Стигматизация после освобождения лишь усугубляет проблему. Выход видится в расширении практики наказаний, альтернативных лишению свободы, и развитии пробации. Наконец, несогласованность УК РФ и УИК РФ создаёт правовую неопределённость, которая позволяет И.В. Дворянскову сделать жёсткий вывод: «в существующем виде ни одна цель наказания не достижима в полном объеме» [8, с. 380].

Определённые ориентиры для совершенствования даёт зарубежный опыт. В Канаде, как показывает С.Т. Сулейманова, наряду с традиционными целями закреплены восстановительные – «обеспечение возмещения вреда, причиненного потерпевшим или обществу» и «содействие формированию у преступников чувства ответственности» [7, с. 140], что позволяет суду более гибко индивидуализировать наказание. Международные исследования подтверждают, что суровость кары не является ни лучшим средством борьбы с преступностью, ни эффективным способом снижения социального конфликта. Большинство жертв преступлений в первую очередь заинтересованы в реституции, а не в наказании виновного. Концепция восстановительного правосудия, смещая фокус с воздаяния на восстановление социальных связей и заглаживание вреда, предлагает жизнеспособную альтернативу. Как подчёркивает А.П. Альбов, «в такой модели соразмерность наказания деянию одновременно легитимирует превентивное воздействие, а социальная реинтеграция осужденного не вступает в конфликт с идеей справедливого воздаяния» [5, с. 9]. В России медиативные процедуры пока не получили широкого распространения, что требует как просветительской работы, так и законодательных стимулов.

Обобщая изложенное, можно сформулиро-

вать несколько направлений реформирования. Во-первых, необходимо легальное раскрытие содержания цели восстановления социальной справедливости, включая в него и соразмерное воздаяние, и восстановление прав потерпевших. Во-вторых, целесообразно дополнить перечень целей восстановительными компонентами по канадскому образцу: возмещение вреда и формирование ответственности. В-третьих, уголовно-исполнительная политика должна сделать решительный поворот от изоляции к ресоциализации, что подразумевает расширение наказаний без лишения свободы и создание системы постпенитенциарного сопровождения. В-четвёртых, требуются нормативно закреплённые индикаторы, позволяющие объективно оценивать степень достижения каждой цели. В-пятых, следует устранить рассогласование между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, придав восстановлению справедливости определённое звучание и на стадии исполнения наказания, прежде всего в части обеспечения прав потерпевших. Наконец, развитие криминологической науки, нацеленной на устранение коренных причин преступности, должно стать приоритетом, ибо без этого любые репрессивные меры останутся паллиативом.

Подводя итог, можно констатировать, что триединая конструкция целей наказания, вопреки замыслу законодателя, не образует гармоничной системы. Декларативность многих положений, отсутствие критериев достижения, институциональная слабость пенитенциарной системы и внутренние противоречия между ретрибутивными и утилитарными ориентирами приводят к тому, что ни одна из целей в полном объёме не реализуется. Дальнейшее развитие уголовного и уголовно-исполнительного права должно быть связано с большей определённостью, практической верифицируемостью и интеграцией восстановительных механизмов. Только такой подход способен обеспечить защиту прав граждан, восстановление социального мира и реальное предупреждение новых преступлений.

Список литературы:

[1] Сергеева Е.Ю. Предупреждение преступлений: законодательство и практика // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 1. – С. 78–82.

[2] Сумачев А.В. Уголовное наказание и противодействие преступности: теоретико-прикладной анализ // Вестник Югорского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 40–48.

[3] Мелюханова Е.Е. Цель и задачи наказания // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – Вып. 2 (69). – С. 77–82.

[4] Дворянсков И.В. Доктринальные основы целеполагания в институте наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 7 (230). – С. 15–21.

[5] Альбов А.П. Диалектика наказания: от воздаяния к правовой необходимости // Сибирский юридический вестник. – 2025. – № 4 (111). – С. 3–10.

[6] Ткачевский Ю.М. Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и уголовно-исполнительного кодекса РФ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1998. – № 6. – С. 15–26.

[7] Сулейманова С.Т. Эволюция целей наказания в уголовном праве России и Канады // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – С. 132–145.

[8] Дворянсков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15, № 2 (54). – С. 370–380. Теоретико-прикладные проблемы, связанные с достижением цели уголовного наказания в виде исправления // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 4. – С. 399–408.

[9] Сычев А. И. Особенности исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных военнослужащих / А. И. Сычев // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 73-76. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.012. – EDN SQSKFG.

[10] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 1 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[11] Диваева, И. Р. О некоторых проблемных аспектах толкования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

References:

[1] Sergeeva E.Yu. Prevention of crimes: legislation and practice // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2020. – № 1. - S. 78-82.

[2] Sumachev A.V. Criminal punishment and countering crime: theoretical and applied analysis // Bulletin of Ugra State University. – 2024. – № 1. - S. 40-48.

[3] E.E. Melyukhanova. Purpose and tasks of punishment // Bulletin of Ugra State University. – 2023. - Issue 2 (69). - S. 77-82.

[4] Dvoryanskov I.V. Doctrinal foundations of goal-setting at the institute of punishment // Vedomosti of the penal system. – 2021. – № 7 (230). - S. 15-21.

[5] Albov A.P. Dialectic of punishment: from retribution to legal necessity // Siberian Legal Bulletin. – 2025. – № 4 (111). - S. 3-10.

[6] Tkachevsky Yu.M. Restoration of social justice is the goal of criminal punishment and the penal code of the Russian Federation // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. – 1998. – № 6. - S. 15-26.

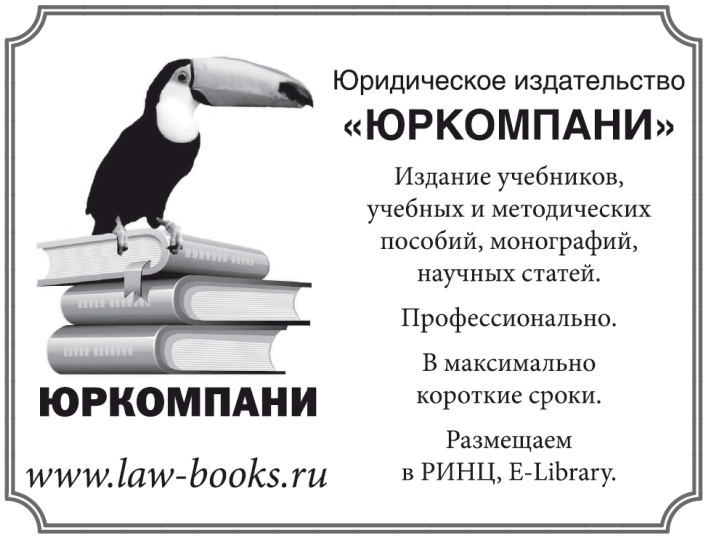
[7] Suleymanova S.T. Evolution of the goals of punishment in the criminal law of Russia and Canada // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). - S. 132-145.

[8] Dvoryanskov I.V. Conceptual problems of punishment goals // Penitentiary science. – 2021. - T. 15, NO. 2 (54). - S. 370-380. Theoretical and applied problems associated with achieving the goal of criminal punishment in the form of correction // Penal system: law, economics, management. – 2024. – № 4. - S. 399-408.

[9] Sychev A. I. Peculiarities of the execution of criminal sentences against convicted servicemen/ A. I. Sychev // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 73-76. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.012. – EDN SQSKFG.

[10] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook / I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 1 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[11] Divaeva I. R. On some problematic aspects of the interpretation of criminal law and criminal procedure norms/I. R. Divaeva, M. S. Shaikhullin // Law and management. – 2024. – № 11. - S. 238-242. – DOI 10. 24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-168-172

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ПЕРВИЧНАЯ, ВТОРИЧНАЯ И ТРЕТИЧНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос профилактической деятельности на этапе становления государственной системы профилактики злоупотребления ПАВ и наркомании в образовательной среде.*

Ключевые слова: *профилактика, зависимость, психоактивные вещества (ПАВ), наркотики.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Leading Researcher of the Office of the Academic Secretary, Adjuncts, and Doctoral Students Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

PRIMARY, SECONDARY AND TERTIARY PREVENTION OF SUBSTANCE DEPENDENCE

Annotation. *The article considers the issue of preventive activities at the stage of formation of the state system for the prevention of abuse of surfactants and drug addiction in the educational environment.*

Key words: *prevention, addiction, psychoactive substances (SAW), drugs.*

Первичная профилактика наркомании опирается в своей основе на долгосрочную общегосударственную политику, направленную на формирование в обществе непримиримого отношения к употреблению наркотиков. Такая политика позволяет надеяться, что противостояние наркомании станет действительно общенациональным делом и включит в себя усилия, как на правительственном уровне, так и по линии неправительственных структур и движений. При разработке новой целостной системы первичной профилактики нашей стране следует исходить из следующих основных условий:

социально-экономическое и правовое обеспечение государственной системы первичной профилактики;

этапность формирования государственной системы первичной профилактики с четким определением стратегических и тактических целей каждого этапа;

поддержка научных исследований в области профилактики наркомании;

реализация долгосрочной антинаркотической пропагандистско-информационной компании, прежде всего ориентированной на детей и молодежь, образовательную среду и семью;

целенаправленное и широкое подключение к антинаркотической деятельности общественных движений, организаций и граждан;

стимулирование коммерческих и финансовых структур, заинтересованных в осуществлении мероприятий по профилактике наркомании;

обязательное включение в программу первичной профилактики системы мониторинга не только распространенности употребления, но и эффективности действия системы первичной профилактики на каждом этапе ее становления и функционирования.

Цели первичной профилактики

Целями первичной профилактической деятельности на данном этапе становления государственной системы профилактики злоупотребления ПАВ и наркомании в образовательной среде являются:

изменение ценностного отношения детей и молодежи к наркотикам, формирование личной

ответственности за свое поведение, обусловливающие снижение спроса на психоактивные вещества в детско-молодежной популяции;

сдерживание вовлечения детей и молодежи в прием наркотических средств за счет пропаганды здорового образа жизни, формирования антинаркотических установок и профилактической работы, осуществляемой сотрудниками образовательных учреждений.

Стратегия первичной профилактики

Современная концепция первичного, раннего предупреждения употребления наркотиков и роста наркомании среди детей и подростков основана на том, что в центре ее должны находиться личность несовершеннолетнего и три основные сферы, в которых реализуется его жизнедеятельность - семья, образовательное учреждение и досуг, включая связанное с ними микросоциальное окружение.

Стратегия первичной профилактики предусматривает активность профилактических мероприятий, направленных на:

формирование личностных ресурсов, обеспечивающих развитие у детей и молодежи социально-нормативного жизненного стиля с доминированием ценностей здорового образа жизни, действенной установки на отказ от приема психоактивных веществ;

формирование ресурсов семьи, помогающих воспитанию у детей и подростков законопослушного, успешного и ответственного поведения, а также ресурсов семьи, обеспечивающих поддержку ребенку, начавшему употреблять наркотики, сдерживающих его разрыв с семьей и помогающих ему на стадии социально-медицинской реабилитации при прекращении приема наркотиков;

внедрение в образовательной среде инновационных педагогических и психологических технологий, обеспечивающих развитие ценностей здорового образа жизни и мотивов отказа от «пробы» и приема наркотиков, а также технологий раннего обнаружения случаев употребления наркотиков учащимися;

развитие социально-поддерживающей инфраструктуры, включающей семью в микросоциальное окружение ребенка «группы риска наркотизации» и ребенка, заболевшего наркоманией.

Перечисленные условия определяют необходимость стратегического направления профилактики употребления ПАВ и развития наркомании. Наиболее адекватной, с учетом всех моментов, является стратегия сдерживания. Ставить сегодня вопрос о полном предупреждении употребления наркотиков и избавлении от наркомании абсолютно нереально.

Следует уточнить, что негативно-ориентированная профилактика злоупотребления ПАВ, т.е. традиционный проблемно-ориентированный подход, акцентирование на отрицательных последствиях приема ПАВ не обеспечивают достижение поставленных целей. Специфические проблемно-ориентированные воздействия безусловно необходимы, но недостаточны. Проблема предупреждения злоупотребления ПАВ только на их основе принципиально не может быть решена, так как не устраняются причины, порождающие психическую и личностную дезадаптацию и побуждающие детей и молодежь вновь и вновь обращаться к ПАВ.

Именно поэтому стратегическим приоритетом первичной профилактики следует рассматривать создание системы позитивной профилактики, которая ориентируется не на патологию, не на проблему и ее последствия, а на защищающий от возникновения проблем потенциал здоровья - освоение и раскрытие ресурсов психики и личности, поддержку молодого человека и помощь ему в самореализации собственного жизненного предназначения. Очевидная цель позитивно направленной первичной профилактики состоит в воспитании психически здорового, личностно развитого человека, способного самостоятельно справляться с собственными психологическими затруднениями и жизненными проблемами, не нуждающегося в приеме ПАВ.

Вторичная профилактика зависимости от ПАВ касается лиц, которые уже испытывают на себе влияние проблемы, связанной с употреблением наркотических средств, но не обнаруживают признаков болезни. Ее цель – максимально сократить продолжительность воздействия ПАВ на человека, ограничить степень вреда, наносимого злоупотреблением ПАВ как потребителю, так и окружающей его микросреде – учащимся образовательного учреждения и семье, предотвратить формирование хронического заболевания. Комплекс мероприятий вторичной профилактики направлен на полное прекращение дальнейшей наркотизации и восстановление личностного и социального статуса учащегося.

Важнейшими составными частями вторичной профилактики являются:

создание системы раннего выявления потребителей ПАВ,

обеспечение доступности комплексного обследования и оказание квалифицированной психологической, медицинской, педагогической и социальной помощи.

В связи с этим необходимо решить вопрос легитимности использования диагностических тестов на определение ПАВ в биологических средах организма учащихся, а также предусмотреть обязательное обследование на ВИЧ-¬инфекцию, гепатиты В, С, венерические заболевания, которые, как правило, сопутствуют употреблению

ПАВ.

Педагоги, школьные психологи, социальные работники вместе с родителями таких учащихся должны стремиться создать психотерапевтическую атмосферу непримиримости к повторному употреблению ПАВ и оптимизировать их здоровые личностные и социальные устремления. Очень важно обеспечить длительное пребывание таких учащихся в нормативных микросредах (учебный класс в общеобразовательной школе, учреждения дополнительного образования, семья и т.д.), в которых, как правило, вероятность распространения наркотиков сведена к минимуму.

В случаях, когда ставится диагноз «наркомания», учащийся нуждается в специальном комплексном обследовании, лечении и реабилитации. Прежде всего, необходимо выяснить, какие биологические, психологические, характерологические и микросредовые особенности способствовали наркотизации, имеется ли соматическая патология, какова степень поражения личности и каков предполагаемый реабилитационный потенциал.

Профилактика, лечение и реабилитация – это взаимосвязанный процесс. Реабилитация начинается с первого контакта больного с медицинской службой и продолжается до тех пор, пока не будет восстановлен его личностный, профессиональный и социальный статус. Если учесть, что прием «тяжелых» наркотиков типа героина способен в максимально короткие сроки превратить «экспериментатора» в больного наркоманией, то лечебно-реабилитационная программа должна начинаться как можно раньше, быть интенсивной и комплексной. Вместе с тем без включения больного в образовательный и осознанный трудовой процесс невозможно решить проблемы третичной профилактики, т.е. реабилитации.

Мероприятия, направленные на предотвращение срывов и рецидивов наркомании, относятся к третичной профилактике. Собственно, это и есть реабилитация, которая, по мнению экспертов ВОЗ, представляет собой комплексное направленное использование медицинских, психологических, социальных, образовательных и трудовых мер с целью приспособления больного к деятельности на максимально возможном для него уровне.

Несмотря на высокий уровень участия психиатров-наркологов в осуществлении вторичной и особенно третичной профилактики, активное участие в этом процессе воспитателей, педагогов, школьных психологов, социальных педагогов не только не может быть исключено, но должно рассматриваться в качестве одного из основных факторов решения проблем реабилитации. Именно специалисты образовательных учреждений осуществляют общеобразовательное и профессиональное обучение, обеспечивают организацию технических и иных кружков, спортивных секций, оказывают социально-психологическую и педагогическую помощь, формируют законопослушное поведение, без которых реадаптация и ресоциализация просто невозможны.

Задачи вторичной и третичной профилактики могут быть решены в специализированных государственных центрах реабилитации детей и молодежи в системе Министерства образования Российской Федерации. Помимо специализированных центров, в целях профилактики злоупотребления психоактивными веществами может и должна активно использоваться уже существующая сеть образовательных учреждений для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи - ППМС-центров. Спектр деятельности таких центров должен быть многогранным и многопрофильным:

оказание консультативно-диагностической, медико-социальной и правовой помощи детям и молодежи, употребляющим психоактивные вещества и имеющим болезненную зависимость;

оказание консультативной помощи и правовой поддержки родителям по вопросам наркозависимости детей и молодежи;

организация общеобразовательного и профессионального обучения и с этой целью создание учебных классов, студий, спортивных секций, трудовых мастерских и других специальных структур для обеспечения духовного и творческого роста реабилитируемых;

оказание организационно-методической и консультативной помощи специалистам образовательных учреждений по вопросам профилактики наркомании и зависимости от ПАВ;

взаимодействие с заинтересованными ведомствами и организациями по вопросам реадаптации и реабилитации детей и молодежи, вовлеченных в употребление психоактивных веществ;

разработка и апробирование реабилитационных программ для детей и молодежи с зависимостью от ПАВ;

разработка программ профилактики срывов и рецидивов наркомании у детей и молодежи, прошедших лечение и реабилитацию, и интегрированных в образовательное учреждение.

Дети и подростки, успешно прошедшие реабилитацию (третичная профилактика), должны возвращаться в образовательные учреждения на общих основаниях.

Совершенно очевидно, что вторичная и третичная профилактики имеют свои особенности. Между профилактическими блоками (первичная, вторичная и третичная профилактики) как составляющими единой системы имеет место взаимопроникновение и взаимопересечение. Именно

такой подход позволит структурировать целостную концепцию профилактики злоупотребления психоактивными веществами и перейти к созданию профилактических программ на всех трех уровнях.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[2] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[3] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[4] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[5] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[7] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[8] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[9] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[11] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[14] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[15] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[16] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[17] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection:

The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[2] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[3] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[4] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[5] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[6] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[7] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities // Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[8] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation // Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[9] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[11] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[12] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[14] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[15] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[16] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/ A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov // Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[17] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-173-180

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

МОШЕННИЧЕСТВО И КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ СОСТАВОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты соотношения составов мошенничества (статья 159 УК РФ) и преступлений коррупционной направленности, прежде всего взяточничества (статьи 290, 291, 291.1 УК РФ). Проводится сравнительный анализ объективных и субъективных признаков указанных деяний, выявляются критерии их разграничения, выработанные доктриной российского уголовного права и судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделяется типичным ошибкам квалификации, при которых хищение чужого имущества путем обмана ошибочно расценивается как взяточничество либо иное должностное преступление. По результатам исследования формулируются предложения, направленные на повышение единообразия правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *мошенничество, коррупционные преступления, взяточничество, разграничение составов, должностное лицо, квалификация преступлений, судебная практика, Уголовный кодекс Российской Федерации.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

FRAUD AND CORRUPTION CRIMES: MAIN ASPECTS OF COMPARISON OF THE ELEMENTS

Annotation. *The article discusses the theoretical and practical aspects of the relationship between fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and corruption-related crimes, primarily bribery (Articles 290, 291, and 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article provides a comparative analysis of the objective and subjective elements of these crimes and identifies the criteria for distinguishing between them based on the doctrine of Russian criminal law and the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is paid to typical errors in qualification, in which the theft of someone else's property by deception is mistakenly regarded as bribery or another official crime. Based on the results of the study, proposals are formulated to improve the uniformity of law enforcement practice.*

Key words: *fraud, corruption crimes, bribery, delineation of crimes, official, qualification of crimes.*

Противодействие коррупции на современном этапе развития России относится к числу стратегических задач уголовно-правовой политики. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 году в стране зарегистрировано 38 500 преступлений коррупционной направленности, что на 5,7 % превышает показатели предшествующего года; при этом доля собственно взяточничества в общей структуре коррупционной преступности достигла 60,3 % [9]. Параллельно с этим Министерство внутренних дел Российской Федерации фиксирует устойчивый рост регистрируемых мошенничеств: по итогам 2024 года их количество составило 445 690 (статьи 159–159.6 УК РФ), что на 2,8 % превышает показатель 2023 года [11].

Приведенные статистические сведения свидетельствуют не только о росте абсолютных показателей выявляемости рассматриваемых деяний, но и о существенном усложнении их структуры, что в свою очередь обостряет проблему правильной уголовно-правовой квалификации содеянного. Резкий скачок числа мошенничеств в 2023 году, обусловленный в значительной мере распространением хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, подчеркивает необходимость доктринального осмысления соотношения мошенничества с иными смежными составами, в первую очередь – с коррупционными преступлениями. Сравнительная динамика обоих показателей за последние пять лет наглядно отражена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Динамика регистрируемых мошенничеств и коррупционных преступлений в Российской Федерации в 2020–2024 гг. (составлено авторами по статистическим данным о мошенничестве [11] и коррупционной преступности [9]).

Особую теоретическую и прикладную сложность представляет разграничение коррупционных преступлений и мошенничества, ответственность за которое предусмотрена статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Внешнее сходство объективной стороны указанных деяний – в обоих случаях речь идет о незаконном получении имущественной выгоды, нередко сопряженном с использованием должностного положения, – порождает устойчивые ошибки при их квалификации органами предварительного расследования и судами. На необходимость единообразного применения уголовного закона при отграничении взяточничества от мошенничества неоднократно обращал внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в том числе в постановлении от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4].

Целью настоящего исследования является сравнительно-правовой анализ составов мошенничества и преступлений коррупционной направленности с выявлением их ключевых юридических признаков, общих черт и принципиальных различий. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: уточнение понятия коррупционного преступления в российской уголовно-правовой доктрине; характеристику элементов состава мошенничества применительно к коррупционному контексту; систематизацию критериев разграничения исследуемых составов, апробированных в правоприменительной практике.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу, представляется необходимым определиться с содержанием категории «коррупционное преступление», поскольку именно она задает круг деяний, подлежащих сопоставлению с мошенничеством. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит легального определения коррупционного преступления и не выделяет его в качестве самостоятельной главы Особенной части. Соответствующее понятие формируется на стыке норм Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] и совместного указания Генеральной прокуратуры России и Министерства внутренних дел России, утверждающего Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности [3].

Согласно положениям названного Перечня, к преступлениям коррупционной направленности безусловно относятся деяния, предусмотренные статьями 141.1, 184, 200.5, 201.1, 204, 204.1, 204.2, 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, а также пунктом «а» части 2 статьи 226.1 и пунктом «б» части 2 статьи 229.1 УК РФ. Анализ нормативных предписаний и доктринальных позиций позволяет выделить следующую совокупность признаков, при наличии которых деяние может быть отнесено к категории коррупционного: во-первых, наличие надлежащего специального субъекта – должностного лица в значении примечаний к статьям 285 и 201 УК РФ; во-вторых, неразрывная связь деяния со служебным положением субъекта; в-третьих, корыстный мотив, выражающийся в стремлении получить имущественную выгоду для себя или третьих лиц; в-четвертых, умышленная форма вины, причем, как правило, в виде прямого умысла [3].

Помимо «безусловно коррупционных» составов, в Перечне выделяются деяния, относящиеся к коррупционным условно – при наличии в материалах уголовного дела сведений о совершении преступления должностным лицом с использованием служебного положения. Именно в эту группу

включены части 3 и 4 статьи 159 УК РФ, что и обусловливает первичный пункт пересечения мошенничества с коррупционной преступностью. Б. В. Волженкин, чьи работы по вопросам ответственности за должностные преступления приобрели характер классических, обоснованно указывал, что коррупционные посягательства имеют общий родовой объект – нормальную деятельность публичного аппарата управления, что отличает их от собственно имущественных преступлений [13].

Таким образом, категория «коррупционное преступление» носит в современном российском уголовном праве отчасти доктринально-нормативный характер. Ее содержание определяется через совокупность общих признаков, а конкретный перечень соответствующих деяний устанавливается ведомственным актом, имеющим прежде всего статистическое значение. Подобная конструкция не лишена методологических неудобств, поскольку допускает включение в число коррупционных преступлений деяний, существенно различающихся по непосредственному объекту посягательства, что и предопределяет потребность в их тщательном теоретическом сопоставлении с иными смежными составами, прежде всего – с мошенничеством.

Согласно части 1 статьи 159 УК РФ, мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1]. Принципиальное значение для целей настоящего исследования имеет то обстоятельство, что мошенничество представляет собой одну из форм хищения, что предопределяет его принадлежность к группе преступлений против собственности (глава 21 УК РФ). Непосредственным объектом мошенничества выступают общественные отношения собственности, а в качестве факультативного объекта при квалифицированных видах – личность потерпевшего и установленный порядок осуществления экономической деятельности.

Объективная сторона мошенничества характеризуется специфическим способом завладения чужим имуществом – обманом либо злоупотреблением доверием. Под обманом в науке уголовного права традиционно понимается сознательное искажение истины (активный обман) либо умолчание об обстоятельствах, сообщение о которых являлось для виновного обязательным (пассивный обман). Злоупотребление же доверием предполагает использование сложившихся между виновным и потерпевшим доверительных отношений для незаконного завладения имуществом. При этом для целей правильной квалификации существенно, что воля потерпевшего при мошенничестве формально остается «свободной»: он сам передает имущество виновному, будучи введенным в заблуждение.

Особый интерес для настоящего исследования представляют квалифицированные виды мошенничества, предусмотренные частями 3 и 4 статьи 159 УК РФ. В частности, в части 3 указанной статьи особо выделяется мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере. Именно эта разновидность мошенничества ближе всего соприкасается с коррупционной преступностью, поскольку предполагает реализацию виновным своих служебных полномочий или возможностей, обусловленных должностным положением, в целях хищения чужого имущества. Согласно Перечню № 23, такие деяния относятся к числу преступлений коррупционной направленности при наличии в статистической карточке соответствующей отметки о специальном субъекте [3].

Субъектом мошенничества по общему правилу является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В случае мошенничества с использованием служебного положения речь идет о специальном субъекте – должностном лице, государственном или муниципальном служащем, лице, выполняющем управленческие функции в коммерческой или иной организации. Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом и корыстной целью; именно содержание умысла, как будет показано ниже, играет решающую роль при отграничении мошенничества от коррупционных преступлений.

Сравнительный анализ исследуемых составов целесообразно начать с выявления сходных признаков, которые и порождают на практике сложности при квалификации. Прежде всего необходимо отметить, что и мошенничество в его квалифицированных формах, и коррупционные преступления имеют ряд общих юридических характеристик, образующих своего рода «зону пересечения» названных составов.

Во-первых, оба типа деяний характеризуются корыстной направленностью. В случае мошенничества корыстный мотив образует обязательный признак субъективной стороны и вытекает из самого понятия хищения; применительно к коррупционным преступлениям корыстная заинтересованность также является ключевым признаком, прямо закрепленным в Перечне № 23 и неоднократно подтвержденным позицией Верховного Суда Российской Федерации. Стремление виновного получить имущественную выгоду для себя или для третьих лиц составляет общий мотивационный фон обоих видов посягательств.

Во-вторых, как мошенничество с использованием служебного положения, так и подавляющее большинство коррупционных преступлений

предполагают наличие специального субъекта – должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Согласно примечанию 1 к статье 285 УК РФ, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации [1]. Указанное обстоятельство нередко создает у правоприменителя иллюзию тождественности составов.

В-третьих, объективная сторона обоих типов деяний может включать в себя элементы введения потерпевшего в заблуждение либо использования служебных полномочий. Особенно ярко эта общность проявляется в случаях так называемого мнимого посредничества во взяточничестве, когда лицо, обещавшее способствовать передаче взятки должностному лицу, заведомо не намеревалось этого делать, а полученные ценности обращало в свою пользу. Внешне такое поведение тяготеет к взяточничеству, однако, по существу, представляет собой именно мошенничество, что и было подтверждено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 24 постановления № 24 от 9 июля 2013 года [4].

В-четвертых, в ряде случаев совпадает форма вины – прямой умысел. Как мошенничество, так и большинство коррупционных преступлений могут быть совершены исключительно с прямым умыслом, причем виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит наступление общественно опасных последствий (применительно к материальным составам) и желает их наступления. Однако, как будет показано далее, содержание умысла в исследуемых составах принципиально различается, что и образует один из основных критериев их разграничения.

Несмотря на отмеченные сходства, мошенничество и коррупционные преступления представляют собой принципиально различные по своей юридической природе деяния, что предопределяется их объектом, содержанием объективной стороны и направленностью умысла виновного.

Наиболее фундаментальным критерием разграничения исследуемых составов выступает непосредственный объект посягательства. Мошенничество, будучи разновидностью хищения, посягает на отношения собственности, тогда как взяточничество и иные коррупционные преступления непосредственно посягают на нормальную деятельность публичного аппарата управления – государственной службы, службы в органах местного самоуправления либо в коммерческих и иных организациях. Как справедливо отмечается в литературе, объектом преступлений, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие работу государственного аппарата, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, тогда как объектом мошенничества – отношения собственности конкретного потерпевшего [14]. Различие объектов сохраняется даже в тех случаях, когда виновный использует свое служебное положение: при мошенничестве оно выступает лишь способом совершения хищения, в то время как при коррупционных преступлениях именно посягательство на нормальное функционирование публичной службы образует существо деяния.

При взяточничестве (статья 290 УК РФ) должностное лицо получает имущественную выгоду за совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, которые входят в его служебные полномочия либо которым оно в силу должностного положения может способствовать. Иными словами, ключевым моментом является реальная возможность должностного лица повлиять на разрешение интересующего взяткодателя вопроса. Напротив, при мошенничестве виновный завладевает чужим имуществом путем обмана, создавая у потерпевшего иллюзию правомерности своих действий или ложное представление о собственных возможностях.

Особое значение в этой связи приобрело разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 59, согласно которому, если должностное лицо получает деньги за решение вопроса, который оно объективно не может разрешить в силу отсутствия соответствующих полномочий, такое деяние квалифицируется не как взяточничество, а как мошенничество [5].

Указанная правовая позиция формирует устойчивый ориентир для правоприменителя: при оценке деяния необходимо устанавливать наличие или отсутствие у должностного лица реальной возможности совершить действия (бездействие), за которые передается вознаграждение.

Решающим обстоятельством, позволяющим отграничить мошенничество от взяточничества, является направленность умысла виновного. При получении взятки умысел лица направлен на получение незаконного вознаграждения за совершение конкретных действий (бездействия) по службе либо за общее покровительство или попустительство; виновный осознает, что действует именно как должностное лицо, и понимает обусловленность вознаграждения его служебным

положением. При мошенничестве же умысел изначально направлен на безвозмездное обращение чужого имущества в свою пользу путем обмана или злоупотребления доверием, без какого-либо намерения совершить либо обеспечить совершение действий в интересах потерпевшего. Таким образом, в случае мошенничества обещание совершить действия по службе представляет собой лишь элемент обмана, а не реальное намерение виновного.

Мошенничество, будучи разновидностью хищения, конструируется в УК РФ как материальный состав: преступление считается оконченным с момента, когда виновный получил реальную возможность распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению. Взяточничество же сконструировано как формальный состав: получение взятки (статья 290 УК РФ) и дача взятки (статья 291 УК РФ) считаются оконченными с момента принятия должностным лицом хотя бы части предмета взятки. Различие в конструкции составов имеет существенное значение для квалификации неоконченной преступной деятельности и определения момента ее юридической завершенности.

Хотя оба исследуемых состава могут предполагать наличие специального субъекта, его статус и роль в составе преступления различаются. При получении взятки субъект является должностным лицом, причем отсутствие такого статуса исключает квалификацию по статье 290 УК РФ. При мошенничестве же служебное положение виновного является лишь квалифицирующим признаком (часть 3 статьи 159 УК РФ); основной состав мошенничества (часть 1 статьи 159 УК РФ) предполагает общий субъект. Указанное различие подчеркивает, что мошенничество в принципе не привязано к должностному статусу виновного, тогда как для взяточничества такая привязка является конститутивной.

Изучение опубликованной судебной практики позволяет выделить ряд типичных ситуаций, в которых наиболее остро встает вопрос о разграничении мошенничества и коррупционных преступлений. Подробный анализ этих ситуаций имеет существенное прикладное значение, поскольку обнажает реальные сложности правоприменения и демонстрирует выработанные судебной практикой алгоритмы их разрешения.

Первая типичная ситуация связана с так называемым мнимым посредничеством во взяточничестве. Согласно пункту 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24, в случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, заведомо не намеревалось передавать ценности должностному лицу либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным частью 5 статьи 291.1 УК РФ [4]. Таким образом, фактическое отсутствие у виновного намерения исполнить обязательства посредника превращает внешне коррупционное деяние в обычное хищение путем обмана.

Вторая ситуация имеет место, когда должностное лицо получает имущественную выгоду за действия (бездействие), которые оно объективно не в состоянии совершить. Если, например, сотрудник органа внутренних дел принимает деньги якобы за прекращение уголовного дела, находящегося в производстве другого следственного органа, к компетенции которого он не относится, содеянное должно квалифицироваться по статье 159 УК РФ, поскольку реальная возможность повлиять на разрешение вопроса у виновного отсутствует, а получение денег было сопряжено с введением передающего их лица в заблуждение относительно своих служебных возможностей.

Третья ситуация связана с разграничением мошенничества и злоупотребления должностными полномочиями (статья 285 УК РФ). Если должностное лицо, действуя в пределах своих полномочий, использует их вопреки интересам службы исключительно с целью завладения чужим имуществом, имеет место конкуренция норм, разрешаемая в пользу специальной – то есть мошенничества с использованием служебного положения (часть 3 статьи 159 УК РФ). Однако если завладение имуществом является лишь одним из последствий злоупотребления, наряду с иным существенным нарушением охраняемых законом интересов, может быть применена совокупность преступлений.

Четвертая ситуация возникает в сфере государственных и муниципальных закупок. Как отмечают надзорные органы, при наличии корыстной заинтересованности и связи деяния со служебным положением субъекта виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по статьям 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 178 (ограничение конкуренции), 285 (злоупотребление должностными полномочиями), 290 (получение взятки), 291 (дача взятки) и 292 (служебный подлог) УК РФ [10]. Выбор конкретной квалификации зависит от характера действий виновного, способа совершения преступления и направленности его умысла. Так, согласно судебной практике, в ряде случаев допустима квалификация по совокупности статей 178 и 159 УК РФ – когда действия участников торгов направлены не только на ограничение конкуренции, но и на хищение чужого имущества путем представления фиктивных документов [8].

Пятая ситуация – это разграничение мошенничества и провокации взятки либо коммерче-

ского подкупа (статья 304 УК РФ). Здесь существенное значение имеет содержание умысла лица, передающего предмет взятки: если оно действовало с целью искусственного создания доказательств совершения преступления в отношении должностного лица, не имевшего намерения принять взятку, содеянное квалифицируется по статье 304 УК РФ; если же передача ценностей являлась элементом обмана, направленного на завладение чужим имуществом, – по соответствующей части статьи 159 УК РФ.

Изложенные выше критерии разграничения, несмотря на их доктринальную обоснованность и судебную апробацию, не снимают всех проблем, возникающих в правоприменительной практике. Анализ соответствующих ситуаций позволяет констатировать наличие ряда «узких мест», требующих дополнительного внимания законодателя и высшей судебной инстанции.

Первая проблема связана с правовой оценкой случаев, когда должностное лицо обладает лишь частичными полномочиями для решения вопроса, за который оно принимает имущественное вознаграждение. На практике нередко возникают ситуации, при которых разрешение интересующего взяткодателя вопроса входит в сферу совместного ведения нескольких должностных лиц, а виновное лицо обладает лишь возможностью способствовать его положительному разрешению. В подобных случаях квалификация по статье 290 УК РФ возможна, однако ее точные границы остаются предметом дискуссии в литературе.

Вторая проблема состоит в правовой оценке деяний, при которых имеет место комбинирование признаков мошенничества и взяточничества в рамках единого преступного эпизода. Так, по справедливому замечанию П. С. Яни, разграничение взяточничества и мошенничества в современной российской правоприменительной практике решается путем установления того, обладало ли должностное лицо реальной возможностью совершить за вознаграждение те или иные действия в пользу лица, передавшего ценности [12]. При этом установление такой возможности требует тщательного исследования служебных полномочий виновного, его реальных связей и возможностей по службе, что в условиях скоротечности предварительного расследования не всегда осуществляется надлежащим образом.

Третья проблема имеет статистический характер: квалификация деяния как мошенничества вместо взяточничества искажает реальную картину коррупционной преступности, поскольку статья 159 УК РФ относится к преступлениям коррупционной направленности лишь условно – при наличии в статистической карточке специальной отметки. Соответственно, недостаточное внимание к корректному отражению признаков коррупционности в материалах дела ведет к искусственному занижению статистических показателей коррупции. Указанная проблема приобретает особую остроту с учетом того, что общее число регистрируемых мошенничеств в России кратно превышает число коррупционных преступлений (см. рисунок 1).

В качестве направлений совершенствования правоприменительной практики представляется обоснованным, во-первых, продолжить работу по разъяснению Верховным Судом Российской Федерации спорных вопросов квалификации мошенничества с использованием служебного положения и его соотношения со взяточничеством, в том числе путем подготовки специального обзора судебной практики. Во-вторых, целесообразным видится повышение качества предварительного расследования за счет более тщательного исследования объема и содержания служебных полномочий виновного лица, что позволит обеспечить корректную квалификацию исходя из реальной, а не мнимой возможности влияния на разрешение интересующего потерпевшего вопроса. В-третьих, заслуживает внимания и предложение о законодательном закреплении легального определения коррупционного преступления, что снимет ряд методологических затруднений, связанных с применением соответствующего понятия [14].

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд итоговых выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, мошенничество и преступления коррупционной направленности, несмотря на внешнее сходство ряда юридических признаков, представляют собой принципиально различные по своей правовой природе деяния, что обусловлено прежде всего различием их непосредственного объекта: мошенничество посягает на отношения собственности, тогда как коррупционные преступления – на нормальную деятельность публичного аппарата управления.

Во-вторых, ключевыми критериями разграничения исследуемых составов выступают: объект посягательства; характер действий виновного и наличие у него реальной возможности совершить действия по службе; содержание и направленность умысла; конструкция состава и момент его юридического окончания; статус специального субъекта. Названные критерии не действуют изолированно, а должны оцениваться в совокупности с учетом конкретных обстоятельств дела.

В-третьих, фундаментальное значение для квалификации имеет позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, неоднократно подчеркивавшего, что отсутствие у должностного лица реальной возможности разрешить вопрос,

за который оно получает вознаграждение, исключает квалификацию деяния как взяточничества и влечет его оценку как мошенничества. Указанная правовая позиция обеспечивает единство судебной практики и служит надежным ориентиром для правоприменителя.

В-четвертых, дальнейшее совершенствование правоприменительной практики в исследуемой сфере требует комплексного подхода, включающего как разъяснительную деятельность высшей судебной инстанции, так и повышение качества предварительного расследования путем углубленного исследования служебных полномочий виновных лиц. Одновременно представляется перспективным научное обсуждение вопроса о возможном законодательном закреплении понятия коррупционного преступления, что позволило бы устранить методологические затруднения, связанные с разграничением соответствующих деяний и иных смежных составов, в первую очередь – мошенничества.

Таким образом, мошенничество и коррупционные преступления образуют две самостоятельные группы уголовно наказуемых деяний, разграничение которых требует от правоприменителя точного знания юридической природы соответствующих составов, внимательного отношения к содержанию умысла виновного и тщательного исследования его реальных служебных возможностей. Корректное разрешение указанных вопросов выступает необходимым условием обеспечения принципов законности, справедливости и неотвратимости уголовной ответственности в сфере противодействия коррупции.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

[3] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) : Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности // Законность. – 2020. – № 4. – С. 64–72.

[4] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 9. – С. 2–9.

[5] О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 59 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 2–4.

[6] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12. – С. 2–6.

[7] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 2–9.

[8] Бимбинов А. А. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): теоретические и правоприменительные аспекты / А. А. Бимбинов // Lex russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77. – № 2. – С. 81–94.

[9] Попова А. В. Оценка экономической преступности в России в 2022–2024 годах / А. В. Попова // Молодой ученый. – 2025. – № 39 (590). – С. 217–219.

[10] Никитин Е. В. Проблемы правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4–200.6 УК РФ) / Е. В. Никитин // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 169–175.

[11] Таблер В. А. Криминологическая характеристика мошенничества / В. А. Таблер // Молодой ученый. – 2025. – № 23 (574). – С. 392–394.

[12] Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве. Статья четвертая / П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 12. – С. 22–27.

[13] Волженкин Б. В. Служебные преступления : комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 560 с.

[14] Волженкин Б. В. Коррупция / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. – 44 с.

[15] Кузнецов А. А. Разграничение взяточни-

чества и смежных составов / А. А. Кузнецов // Молодой ученый. – 2019. – № 22 (260). – С. 233–235.

[16] Яни П. С. Разграничение получения взятки и мошенничества: изменение позиции Пленума не повлекло изменений в судебной практике / П. С. Яни // Законность. – 2025. – № 8. – С. 28–32 ; № 9. – С. 35–39.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 13.06.1996 dated 63-FZ (as amended on 09.11.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[2] On combating corruption: Federal Law No. 25.12.2008 of 273-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. - No. 52 (part 1). - Art. 6228.

[3] On the enactment of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: Directive of the Prosecutor General's Office of Russia No. 35/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 dated 24.01.2020 (as amended on 13.07.2020): List No. 23 of corruption-related crimes // Legality. – 2020. – № 4. - S. 64-72.

[4] On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (ed. 24.12.2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2013. – № 9. - S. 2-9.

[5] On amendments to the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" and of October 16, 2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.12.2019 No. 59 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2020. – № 2. - S. 2-4.

[6] On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (ed. 11.06.2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2009. – № 12. - S. 2-6.

[7] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. 15.12.2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – № 2. - S. 2-9.

[8] Bimbinov A. A. Restriction of competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation): theoretical and law enforcement aspects/A. A. Bimbinov // Lex russica (Russian law). – 2024. - T. 77. – № 2. - S. 81-94.

[9] Popova A.V. Assessment of economic crime in Russia in 2022-2024/A.V. Popova // Young scientist. – 2025. – № 39 (590). - S. 217-219.

[10] Nikitin E.V. Problems of legal regulation of criminal liability for corruption crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs (Articles 200.4-200.6 of the Criminal Code of the Russian Federation)/ E.V. Nikitin // Bulletin of the Omsk Law Academy. – 2019. - T. 16. – № 2. - S. 169-175.

[11] Tabler V. A. Criminological characterization of fraud/V. A. Tabler // Young scientist. – 2025. – № 23 (574). - S. 392-394.

[12] Jani P. S. New ruling of the Plenum of the Supreme Court on bribery. Article Four/P. S. Yani // Legality. – 2013. – № 12. - S. 22-27.

[13] Volzhenkin B.V. Official crimes: commentary on legislation and judicial practice/ B.V. Volzhenkin. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2005. - 560 s.

[14] Volzhenkin B.V. Corruption/B.V. Volzhenkin. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 1998. - 44 s.

[15] Kuznetsov A. A. Delimitation of bribery and related compositions/A. A. Kuznetsov // Young scientist. – 2019. – № 22 (260). - S. 233-235.

[16] Jani P. S. Delimitation of bribery and fraud: a change in the position of the Plenum did not entail changes in judicial practice/P. S. Jani // Legality. – 2025. – № 8. - S. 28-32; NO. 9. - S. 35-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-181-185

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат педагогических наук, e-mail: 19katrin81@bk.ru,

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ И ОСОБО КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос получения взятки и ее квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки. От основного состава квалифицирующие признаки отличает характер действий (бездействия), которые были совершены или должны были быть совершены за взятку, а также особенности должностного положения субъекта преступления.*

Ключевые слова: *взятка, преступление, закон, уголовный кодекс, правовая оценка, незаконные действия, квалифицирующий признак.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Pedagogical Sciences

QUALIFYING AND SPECIAL QUALIFYING SIGNS OF RECEIVING A BRIBE

Annotation. *The article considers the issue of receiving a bribe and its qualifying and especially qualifying features. Qualifying features differ from the main composition by the nature of the actions (inaction) that were committed or should have been committed for a bribe, as well as the peculiarities of the official position of the subject of the crime.*

Key words: *bribe, crime, law, criminal code, legal assessment, illegal actions, qualifying feature.*

От основного состава квалифицирующие признаки отличает характер действий (бездействия), которые были совершены или должны были быть совершены за взятку, а также особенности должностного положения субъекта преступления. Статья 290 УК РФ содержит следующие квалифицирующие признаки:

получение должностным лицом взятки за незаконные действия (бездействие) (ч. 3 ст. 290 УК РФ), совершение должностным лицом таких действий (бездействия) в интересах взяткодателя или представляемых им лиц, которые прямо противоречат требованиям закона или иных нормативных актов. Получение взятки за незаконные действия (бездействие) соответствует такой, упомянутой ранее, традиционной для русского уголовного права разновидности взятки, как взятка - «лихоимство». При этом под признаки одной только ч. 3 ст. 290 УК РФ подпадают, в частности, действия (бездействие), которые были выполнены (или должны были быть выполнены) за взятку, содержащие признаки должностного проступка. Если же получение взятки было сопряжено с совершением, каких - либо иных преступлений по службе, содеянное квалифицируется по совокупности (например, по ч. 3 ст. 290 и ст. 285, 286, 300, 303 УК РФ).

В литературе высказывалось мнение о том, что преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, выделяясь по характеру своей общественной опасности, при совершении путем получения взяток, других преступных деяний (а именно, предусмотренных статьями 285, 286 и 292 УК РФ), в силу положений ч. 3 ст. 17 «Совокупность преступлений» УК РФ совокупности с ними не образует. Однако здесь не учитывается то, что соответствующая уголовно - правовая оценка должна быть дана по всем фактам совершения лицом преступных деяний, имеющих самостоятельное значение. Получение взятки, будучи, как уже отмечалось, формальным составом, считается оконченным в момент принятия должностным

лицом денег или иных ценностей или хотя бы их части. Совершение же им реальных действий (бездействия), обусловленных полученной взяткой, рамками этого состава не охватывается. Поэтому если данные деяния содержат признаки злоупотребления должностными полномочиями, превышения должностных полномочий, служебного подлога и иных преступлений, требуется их дополнительная квалификация.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что ответственность за получение взятки не исключает одновременного привлечения к уголовной ответственности за действия, образующие самостоятельные преступления. В таком случае преступления следует квалифицировать по совокупности.

Так преподаватель «Ф» злоупотребляя служебными полномочиями используя свои личные связи среди сотрудников академии убедила их внести в официальный документ заведомо ложные сведения о сдаче экзаменов и зачетов, а затем, используя свое должностное положение в обход установленного порядка получила у методиста экзаменационные ведомости, организовала внесение ложных сведений в официальный документ за что получила незаконное денежное вознаграждение. Новосибирским областным судом действия «Ф» в данной части были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» УК РФ [18].

На практике спектр незаконных действий (бездействий), обусловливаемых получением взятки, достаточно широк и многообразен.

Например, этот квалифицирующий признак инкриминирован сотруднику ГИБДД «И», который за взятки регистрировал автомашины. Как указано в приговоре областного суда, «И» заведомо знал, что данные автомашины (ВАЗ-21099) являются «неучтенкой», то есть, собраны из запасных частей за пределами завода, в связи, с чем не подлежат государственной регистрации. К тому же, паспорта транспортного средства имели видимые признаки подделки. Тем не менее, «И» не принял мер к задержанию таких документов и в отсутствие владельцев автомашин и самих автомашин осуществил их незаконную государственную регистрацию. При этом действия «И» по незаконной регистрации автомашин, совершенные с целью получения взятки, были дополнительно квалифицированы по ч. 1ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), а его же действия в части внесения заведомо ложных сведений в официальные документы при государственной регистрации транспортных средств - по ст. 292 УК РФ (служебный подлог) [19].

Получая взятку, должностное лицо осознанно идет на нарушение действующего законодательства Российской Федерации, даже не обращая внимания на значимость нормативного акта.

Санкция ч. 3 ст. 290 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере от сорокакратной до семидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере сорокакратной суммы взятки.

Следующий квалифицирующий признак - «деяния, предусмотренные частями первой - третьей статьи, совершенные лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления» (ч.4 ст.290 УК РФ).

Деяние приобретает повышенную общественную опасность в силу особого статуса субъекта. Рассматриваемый квалифицирующий признак пришел на смену категории, ранее присутствовавшей в ч. 3 ст. 173 УК РСФСР (получение взятки должностным лицом, занимающим ответственное положение), которая являлась по своей сути крайне нечеткой и оценочной, что порождало существенные сложности при ее применении на практике. В настоящее время круг субъектов, подпадающих под действие ч. 4 ст. 290 УК РФ, определен в уголовном законе. Так согласно примечания 2 к ст. 285 УК РФ к лицам, занимающим государственные должности Российской Федерации, относит лиц, занимающих должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. В свою очередь, в соответствии с примечанием 3 к этой же статье УК РФ, лицами, занимающими государственные должности субъектов РФ, понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

Указанные выше дефиниции, к сожалению, также не отличаются достаточной четкостью и конкретностью. Поэтому в первые годы действия нового УК РФ 1996 года в уголовно - правовой литературе можно было встретить различные, исключающие друг друга подходы к определению лиц, занимающих государственные должности РФ или субъекта РФ. Органами предварительного следствия и судами также допускались неединичные ошибки при решении вопроса об отнесении тех или иных должностных лиц к специальному субъекту ч. 4 ст. 290 УК РФ. Так, лицами, занимающими государственные должности РФ, признавались оперативные работники и следователи органов внутренних дел, следователи прокуратуры, помощники прокуроров районов, прокуроры

отделов в прокуратурах субъектов федерации и так далее. Во многих случаях это, в принципе, соответствовало прежнему понятию должностного лица, занимающего ответственное положение, и обосновывалось тем, что указанные должности прямо предусмотрены федеральным законом (или законодательным актом, имеющим такой же статус), а также объемом и характером предоставленных им полномочий.

Преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 290 УК РФ наказывается штрафом в размере от шестидесятикратной до восьмидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере пятидесятикратной суммы взятки.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинико-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С, 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[16] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в

рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[18] Дело № «2– 155»2002 от 05.12.02 г. // Архив Новосибирского областного суда.

[19] Дело № 2– 64/2000 от 02.10.2000 г. // Архив Новосибирского областного суда.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S, 6-8.

[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

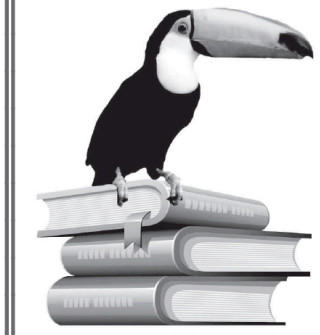
[15] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[16] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[18] Case No. "2- 155 "2002 of 05.12.02 // Archive of the Novosibirsk Regional Court.

[19] Case No. 2- 64/2000 of 02.10.2000 // Archive of the Novosibirsk Regional Court.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-186-192

ФАКОВ Азамат Мухажидович,
доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, к.ю.н., полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЩИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В представленной статье проведен комплексный анализ современного состояния и перспектив развития системы общих мер противодействия финансированию террористической деятельности. Автор уделяет пристальное внимание международно-правовому регулированию заявленной сферы, а также конкретизирует национальные подходы к применяемым мерам. Акцентируется внимание на институционально-организационной специфике функционирования отдельных субъектов противодействия финансированию терроризма с учетом актуальных тенденций распространения преступного повешения вышеназванной направленности. Отдельное внимание уделено новым вызовам – использованию криптовалют (USDT), децентрализованных бирж, систем хавала и неформальных переводов. На основе проведенного анализа выявлены законодательные и организационные проблемы применения общих мер противодействия финансированию терроризма, определены перспективные способы их решения.*

Ключевые слова: *финансирование терроризма, ФАТФ, криптовалюты, виртуальные активы, заморозка активов, Росфинмониторинг, хавала, неформальные финансовые системы, риск-ориентированный подход.*

FAKOV Azamat Mukhazhidovich,
associate Professor, Department of Activities of Internal Affairs Agencies in Special Conditions, North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, colonel of Police

GENERAL MEASURES TO COUNTER THE FINANCING OF TERRORIST ACTIVITIES: SYSTEM ANALYSIS AND IMPROVEMENT TENDENCIES

Annotation. *This article covers general measures to counter the financing of terrorism (CFT) in the Russian Federation and internationally. It examines legal, institutional, and technological components, including international FATF standards, national legislation (Federal Law No. 115, the Russian Criminal Code), the role of Rosfinmonitoring, and interagency cooperation. Special attention is paid to new challenges—the use of cryptocurrencies (USDT), decentralized exchanges, hawala systems, and informal transfers. Specific amendments to legislation and law enforcement practice are proposed. The results can be used in the development of departmental regulations by Rosfinmonitoring and the Bank of Russia.*

Key words: *terrorism financing, FATF, cryptocurrencies, virtual assets, asset freezing, Rosfinmonitoring, hawala, informal financial systems, and a risk-based approach.*

Террористическая деятельность активно трансформируется в современных реалиях и важнейшее значение для ее развития имеет обеспеченность необходимыми ресурсами, в связи с чем значительно актуализируются проблемы финансирования терроризма. Динамика преступного функционирования проявляется в постоянном совершенствовании схем соответствующего финансирования. В настоящее время данная деятельность активно осуществляется посредством использования криптовалют, неформальных систем перевода (хавала) и краудфандинговых платформ [1, с. 123].

Важно отметить, что вопросам борьбы с финансированием террористической деятельности уделяется пристальное внимание как на международной арене, посредством аккумуляции сил различных государств в контексте трансграничного характера анализируемой проблемы, так и в национальных правовых системах, которые конкретизируют контртеррористические механизмы с учетом возникающих вызовов и угроз их финансирования. В рамках представленного исследования видится необходимым сосредоточить внимание на общих мерах противодействия финансированию террористической деятельности, поскольку они затрагивают наибольшее количество субъектов анализируемого функционирования и от их эффективности во многом зависят масштабы дальнейшего распространения соответствующего противоправного поведения. Несмотря на то, что в современной научной литературе заявленная проблематика исследуется регулярно [2, с.460], должного внимания общим мерам в части проведения комплексных исследований уделено ранее не было, что подчеркивает актуальность предпринятого научного анализа в контексте российских реалий и новых технологических вызовов.

Однако, прежде чем перейти к практическим аспектам организации и применения общих мер противодействия финансированию террористической деятельности видится целесообразным конкретизировать теоретико-правовые основы выбранной тематики. Отметим, что данное понятие не конкретизируется в действующем законодательстве, что с одной стороны приводит к наличию множества подходов к содержательным критериям разграничения общих и специальных мер, а с другой стороны – соответствует потребностям оперативного совершенствования соответствующей практики с учетом возникающих вызовов и угроз распространения поведения террористической направленности.

В рамках представленного исследования под общими мерами противодействия финансированию террористической деятельности предлагается понимать совокупность правовых, организационных, информационных и контрольных действий, направленных на выявление, предупреждение и пресечение операций с денежными средствами или иным имуществом, которые могут быть использованы для террористической деятельности. В отличие от специальных мер (например, оперативно-розыскных), общие носят превентивный, системный характер и распространяются на широкий круг субъектов – банки, небанковские кредитные организации, операторов платежных систем, некредитные финансовые организации, а также юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [3]. Данный расширительный подход к субъектному составу объективно обусловлен необходимостью комплексного противостояния финансовой поддержке терроризма, что невозможно эффективно осуществить лишь посредством функционирования компетентных органов власти. Сочетание различного характера вышеназванных мер напрямую связано с потребностями комплексного противодействия финансированию террористической деятельности.

Говоря об правовых основах анализируемой деятельности, следует подчеркнуть актуальность целого ряда международных документов и российских нормативно-правовых актов, которые регламентируют различные аспекты организации и применения общих мер противодействия финансированию террористической деятельности. Обратим внимание на международное регулирование, в рамках которого общие меры по противодействию вышеназванному преступному поведению рассматриваются в рамках деятельности как специализированных международных организаций, например, таких как ФАТФ и ЕАГ. Важнейшее значение имеют рекомендации ФАТФ, касающиеся противодействия отмыванию денег, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения [6, с. 447]. В рамках деятельности ЕАГ в 2025 году завершился очередной раунд оценки РФ, по итогам которого были отмечены успехи в создании правовой базы, но выявлены недостатки в контроле за виртуальными активами и применении целевых финансовых санкций [8]. Также меры противодействия финансированию террористической деятельности регламентируются актами органов иных международных организаций общей компетенции, например: резолюции Совета Безопасности ООН 1373 (2001) и 2462 (2019), обязывающие государства-члены незамедлительно замораживать средства лиц, причастных к терроризму [4, 5].

Международно-правовое регулирование способствует унификации и систематизации современных организационных подходов. Несмотря на то, что далеко не все международные нормы носят обязывающий характер, большинство со-

временных стран стремятся использовать их в основе национальных подходов.

В России правовые основы анализируемой деятельности представлены целым рядом актов. В первую очередь подчеркнем наличие отдельного Федерального закона № 115-ФЗ«О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в котором конкретизируются организационно-правовые механизмы, реализуемые в данной сфере. Как отмечалось ранее, общие меры противодействия финансированию террористической деятельности в качестве самостоятельного элемента вышеназванных механизмов не фигурируют, однако их содержательные критерии корреспондируют законодательным подходам, регламентирующим в ст. 4 указанного закона меры, направленные на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Российский законодатель в качестве мер определяет внутренний контроль, процедуры на платформе цифрового рубля; обязательный контроль; запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах[3]. Важно отметить, что данный перечень не является исчерпывающим и национальное законодательство, в том числе посредством подзаконных актов и ведомственного правотворчества активно дополняет соответствующий перечень.

Также в рамках заявленной проблематики следует подчеркнуть важнейшее практическое значение положений УК РФ. Во-первых, в УК РФ закреплен ряд составов преступлений, связанных с финансированием террористической деятельности. В данном случае речь идет не только о ст. 174 и ст. 174.1 прямо предусматривающих ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем или в результате совершения ими преступления, но и значительно актуализируется применение ст. 205. 1 УК РФ, которая предусматривает среди квалифицированных составов финансирование терроризма. Во-вторых, уголовно-правовые меры имеют ярко выраженные профилактико-предупредительный потенциал, что также обеспечивается российским законодателем посредством активной трансформации уголовно-правовых норм с учетом тенденций распространения соответствующей преступной практики, а также ужесточения санкций в контексте общественной опасности подобных деяний в современных реалиях, связанных с обострением геополитических конфликтов [9, с. 142].

Подчеркнем, что уголовно-правовые меры неразрывно связаны с судебной практикой, в которой происходит толкование и детализация многих содержательных аспектов преступного поведения террористической направленности. Так, например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 2012 года разъяснило, что под финансированием терроризма понимается в том числе предоставление криптовалюты, если она может быть конвертирована в фиатные деньги или использована для приобретения средств совершения теракта [10]. Судебная практика позволяет своевременно актуализировать вопросы квалификации деяний, в том числе их предметно-объектные составляющие.

В рамках рассматриваемой проблематики важное значение имеют подзаконные нормативно-правовые акты, такие как Указ Президента РФ№ 774 от 2025 года «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности», который регламентирует организационно-правовую специфику указанного органа, действующего в целях координации мер противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма[11]. Прикладное значение приобретает ряд актов Банка России и Росфинмониторинга. Так, например, Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П конкретизирует требования к правилам внутреннего контроля кредитных организаций, что выступает основой их функционирования в рассматриваемой системе противодействия финансированию террористической деятельности [12]. Приказ Росфинмониторинга от 13.09.2022 № 203 закрепляет значимые процедурные аспекты, а именно – использование форм уведомлений о включении организаций и физических лиц в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Ведомственные акты позволяют своевременно конкретизировать организационно-процессуальные особенности противодействия финансированию террористической деятельности, в том числе затрагивает отдельные аспекты применения общих мер, которые находят предметное отражение в зависимости от специфики рассматриваемых субъектов (например, кредитных организаций). Существенным потенциалом также обладают ведомственные разъяснения и методические рекомендации. Нормативная база в Российской Федерации вцелом соответствует международным стандартам, однако имеются пробелы в регулировании децентрализованных бирж (DEX) и операций P2P без участия традиционных фиатных ворот.

Рассматривая общие меры противодействия финансированию террористической дея-

тельности следует подчеркнуть необходимость своевременного совершенствования законодательной базы. Данная деятельность актуальна как на международном уровне, так и в национальных правовых системах, поскольку данные направления правового регулирования несмотря на различную целенаправленность имеют единые системные ориентиры создания комплексных подходов к борьбе с указанным преступным поведением. В данном контексте необходимо учитывать как специфику территориальных уязвимостей и необходимости конкретизации национальных подходов применения общих и специальных мер, так и объединение межгосударственных возможностей сотрудничества и координации соответствующего функционирования.

Среди общих мер противодействия финансированию террористической деятельности следует также подчеркнуть важнейшее практическое значение усиления контроля за финансовыми потоками. В данном контексте видится целесообразным конкретизировать внимание на субъектном составе противодействия финансированию террористической деятельности, который характеризуется качественным и количественным многообразием в Российской Федерации. В первую очередь подчеркнем значение функционирования Росфинмониторинга, чья деятельность напрямую связана со сбором и обработкой сообщений от поднадзорных организаций, формирование национального «черного списка» террористов и экстремистов (по данным на 01.01.2026 в него входят 8742 физических и 2103 юридических лиц) [13], направлением материалов в правоохранительные органы, а также международное сотрудничество. Согласно отчету за 2025 год, Росфинмониторинг обработал 3,2 млн сообщений о подозрительных операциях, приостановлено 18742 транзакции на общую сумму 47,3 млрд. рублей. При этом доля операций, связанных непосредственно с финансированием терроризма, составила около 6% [8].

Эффективность общих мер напрямую зависит от взаимодействия Росфинмониторинга с ФСБ, МВД, Банком России, Федеральной нотариальной палатой [14]. Согласно ст. 5 Федерального закона № 115-ФЗ«О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» к числу организаций, обязанных применять общие меры противодействия финансированию террористической деятельности, относятся: банки, негосударственные пенсионные фонды, страховщики, ломбарды, микрофинансовые организации, операторы почтовых переводов, а с недавнего времени – провайдеры информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов [4]. Их обязанности включают идентификацию клиента, выгодоприобретателя, фиксирование подозрительных операций и направление их в Росфинмониторинг, отказ в проведении операций при подозрениях. На практике микрофинансовые организации и ломбарды зачастую не имеют штатных финансовых мониторов.

В контексте совершенствования общих мер противодействия финансированию террористической деятельности важное значение приобретает борьба с развитием неформальных каналов финансирования. В данном случае речь идет как об использовании современных технологий, которые еще не в полной мере получили должное правовое регулирование в российской правовой системе, так и в части использования разнообразных, в том числе трансграничных схем, финансово-ресурсного обеспечения террористических организаций и сообществ. Так, в последние годы значительно масштабируется практика использования криптовалют в рамках финансирования терроризма. В данном контексте значительно актуализируется использование криптомиксеров (CryptoMixer2, Tornado Cash и т.п.) которые позволяют намеренно запутывать следы проводимых транзакций. По оценкам экспертов, до 40% транзакций, связанных с терроризмом, проходят через хотя бы один криптомиксер [2, с. 465]. Российское законодательство пока не предусматривает механизмов для блокировки конкретного криптокошелька на уровне провайдера. Централизованные биржи могут заморозить средства по запросу Росфинмониторинга, но террористы переходят на DEX и P2P, проблемы правового статуса которых уже отмечались ранее.

Анализируя неформальные каналы финансирования террористической деятельности следует подчеркнуть актуальность использования системы хавала, которая получила наиболее масштабное применение на Ближнем Востоке, в Южной Азии и на Северном Кавказе. Принцип данной системы заключается в следующем – клиент передает деньги хаваладору в одном городе, тот связывается с партнером в другом, и партнер выдает эквивалентную сумму бенефициару без банковского следа. ФАТФ давно признает хавалу уязвимостью [7]. В России уголовная ответственность за организацию хавалы без лицензии наступает по ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность), но доказать причастность к финансированию терроризма в данном случае крайне сложно. В настоящее время многие эксперты и специалисты в финансовой сфере подчеркивают проблемные аспекты распространенности хавалы на Северном Кавказе, где она активно использоваться для перевода средств боевикам, однако количество возбужденных дел остается незначительным [7].

Несмотря на то, что платежные сервисы

типа Payeer, Profee, Advcash, Qiwi, ЮMoney находятся под контролем Банка России, их псевдонимность остается проблемой: кошельки первого уровня (без верификации) допускают остаток до 15 тыс. рублей, что достаточно для финансирования мелких ячеек [15]. Кроме того, выявлены схемы использования цифровых подарочных карт (Apple Store, Steam) – они покупаются за наличные, а коды пересылаются террористам, которые затем конвертируют их в криптовалюту. Рекомендация ФАТФ предписывает применять к некоммерческим организациям риск-ориентированный подход, а не тотальную блокировку [7]. Однако в российской практике после 2022 года многие благотворительные фонды столкнулись с блокировкой счетов по «серым» спискам Росфинмониторинга, что создает двойственную ситуацию: с одной стороны, снижаются риски финансирования терроризма через НКО, с другой – страдает легальная гуманитарная деятельность. Указанные примеры также наглядно демонстрируют необходимость предметного осмысления общих мер противодействия финансированию террористической деятельности с учетом практики преступного использования различных каналов и схем финансовой деятельности в современных реалиях.

На основе проведенного анализа общих мер противодействия финансированию террористической деятельности видится необходимым сделать вывод о том, что в целом данная система в Российской Федерации соответствует существующим международным подходам, однако существует целый ряд проблем:

наличие правовых пробелов в регламентации отдельных аспектов борьбы с финансированием терроризма, что касается в большинстве своем опережающего характера учета распространения конкретных средств, методов и схем преступного поведения указанной направленности;

наличие практических проблем, связанных с недостаточной степенью согласованности применения общих мер субъектами противодействия финансированию террористической деятельности;

сложности международного сотрудничества в условиях обострения геополитических конфликтов на постсоветском пространстве и активизации антироссийской пропаганды со стороны зарубежных государств.

Наибольшие риски сосредоточены в трех сферах: трансграничные переводы через неформальные каналы (включая хавалу), операции с криптовалютами через децентрализованные биржи и миксеры, а также использование небанковских электронных платежных сервисов с упрощенной идентификацией.

В целях устранения выявленных проблем перспективными представляются следующие направления совершенствования общих мер противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации:

1) совершенствование действующего российского законодательства:

расширение диспозиции ст. 174 УК РФ и закрепление ответственности за конвертацию цифровых валют в фиатные средства без соблюдения требований Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

распространение идентификационных процедур на всех систематических операторов обмена криптовалют, включая физических лиц;

введение обязательной верификации всех P2P-криптоплощадок (в том числе функционирующих через мессенджеры) путем установления соответствующей обязанности для хостинг-провайдеров, а также внедрения механизмов DNS-блокировки криптомиксеров;

принятие специального закона о неформальных платежных системах, который бы вводил административную, а при повторных нарушениях – уголовную ответственность за организацию хавалы без лицензии.

2) совершенствования организационных механизмов:

усиление межведомственной координации через регулярные (не реже одного раза в неделю) заседания профильной рабочей группы при Национальном антитеррористическом комитете;

проведение систематического обучения персонала банков и микрофинансовых организаций методам выявления криптовалютных индикаторов;

введение обязательной сертификации финансовых мониторов для некредитных организаций;

создание на базе Росфинмониторинга отечественной системы блокчейн-аналитики («Криптосторож»), способной отслеживать потоки в сетях Bitcoin, Ethereum и Tron.

На международной арене целесообразным представляется инициирование разработки дополнительного стандарта ФАТФ, регламентирующего мониторинг децентрализованных бирж (DEX) и предусматривающего возможность приостановки смарт-контрактов по решению национальных регуляторов в рамках юрисдикций, применяющих антитеррористические санкции. Данная инициатива позволит сформировать универсальные подходы к организации и применению соответствующих мер с учетом более развитой зарубежной практики по данным вопросам.

В заключение следует подчеркнуть, что во-

просы, связанные с организацией и применение общих мер противодействия террористической деятельности нуждаются в постоянной научно-исследовательской разработке и оценке эффективности их реализации. Перспективным представляется дальнейшее их совершенствование за счет алгоритмов искусственного интеллекта, предназначенных для автоматического выявления «теневых» криптокошельков, используемых террористическими структурами, на основе анализа транзакционных паттернов и сетевых связей. Однако подобные нововведения должны быть всесторонне оценены на предмет возникающих рисков и угроз, а также потенциальной результативности с учетом современной преступной практики и тенденций ее распространения на различных территориях.

Список литературы:

[1] Лукошина П.А. Механизмы финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 121–124.

[2] Хабриева Т.Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения / Т. Я. Хабриева // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 459–467.

[3] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

[4] Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 (2001) // [Электронный ресурс] // Гарант: справочно-правовая система (дата обращения: 13.06.2026).

[5] Резолюция Совета Безопасности ООН 2462 (2019) // [Электронный ресурс] // Гарант: справочно-правовая система (дата обращения: 13.06.2026).

[6] Факов А.М. Использование информационных технологий в целях финансирования террористической деятельности // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В.А. Уткина). Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 446-450.

[7] ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (Рекомендации ФАТФ) [Электронный ресурс] // Financial Action Task Force (FATF). URL:https://www.fatf-gafi.org (дата обращения: 14.06.2026).

[8] Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ). Годовой отчет за 2024–2025 годы [Электронный ресурс] // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.URL:https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/EAG_Annual_report_2025_12.12.pdf(дата обращения: 14.06.2026).

[9] Факов А.М. Основные направления совершенствования уголовно-правовых мер противодействия финансированию террористической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10. С. 139-145.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[11] Указ Президента РФ от 23.10.2025 № 774 «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности» (вместе с Положением о Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 43. Ст. 6389.

[12] Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности») // Вестник Банка России. 2025. № 34.

[13] Приказ Росфинмониторинга от 13.09.2022 № 203 «Об утверждении форм уведомлений о включении организаций и физических лиц в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, а также в перечни организаций и физических лиц, связанных с террористическими организациями и террористами или с распространением оружия массового уничтожения, составляемые Советом Безопасности ООН или органами, специально созданными решениями Совета Безопасности ООН, в рамках реализации полномочий, предусмотренных главой VII Устава ООН, и уведомления об исключении организаций и физических лиц из указанных перечней» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.11.2022

№ 70877) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 09.11.2022.

[14] Приказ Федеральной нотариальной палаты от 10.09.2024 № 12/пр «Об утверждении Порядка направления нотариусами сведений о сомнительных сделках» // Нотариальный вестник. 2024. № 10.

[15] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

References:

[1] Lukoshina P.A. Mechanisms of financing extremist and terrorist activities using cryptocurrency // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1. S. 121-124.

[2] Khabrieva T.Ya. Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism in the context of the digitalization of the economy: strategic tasks and legal decisions/ T. Ya. Khabrieva // All-Russian Criminological Journal. 2018. T. 12, NO. 4. S. 459-467.

[3] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Counteracting Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism" (as amended by 20.02.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418.

[4] United Nations Security Council Resolution 1373 (2001) // [Electronic resource] // Guarantor: Legal and Reference System (accessed on: 13.06.2026).

[5] UN Security Council Resolution 2462 (2019) // [Electronic resource] // Guarantor: Reference System (accessed: 13.06.2026).

[6] Fakov A.M. The use of information technologies for the purpose of financing terrorist activities // Criminological policy and practice of countering crime (in memory of the professor of the department V.A. Utkin). Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2025. S. 446-450.

[7] FATF. International Standards for Combating Money Laundering, Financing Terrorism and Financing the Proliferation of Weapons of Mass Destruction (FATF Recommendations) [Electronic Resource] // Financial Action Task Force (FATF). URL: https://www.fatf-gafi.org (access date: 14.06.2026).

[8] Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG). Annual Report for 2024-2025 [Electronic Resource] // Eurasian Group for Combating Money Laundering and Terrorist Financing. URL:https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/EAG_Annual_report_2025_12.12.pdf(дата обращения: 14.06.2026).

[9] Fakov A.M. The main directions for improving criminal law measures to counter the financing of terrorist activities // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. № 10. S. 139-145.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 No. 1 "On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes" (as amended by 03.11.2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 4.

[11] Decree of the President of the Russian Federation of 23.10.2025 No. 774 "On the Interdepartmental Commission on Countering the Financing of Terrorism and Extremist Activities" (together with the Regulation on the Interdepartmental Commission on Countering the Financing of Terrorism and Extremist Activities) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 43. Art. 6389.

[12] Bank of Russia Regulation No. 18.06.2025 , dated 860-P, "On Requirements to Internal Control Rules of a Credit Institution or a Branch of a Foreign Bank through which a Foreign Bank Operates in the Russian Federation for the Purpose of Countering Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime, Financing of Terrorism and Extremist Activities") // Bank of Russia Bulletin. 2025. № 34.

[13] Order of Rosfinmonitoring dated 13.09.2022 No. 203 "On approval of notification forms on the inclusion of organizations and individuals in the list of organizations and individuals, for whom there is evidence of their involvement in extremist activities or terrorism, as well as in the lists of organizations and individuals associated with terrorist organizations and terrorists or with the proliferation of weapons of mass destruction, drawn up by the UN Security Council or bodies specially created by decisions of the UN Security Council, within the framework of the exercise of powers provided for by Chapter VII of the UN Charter, and notification of the exclusion of organizations and individuals from these lists" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 09.11.2022 No. 70877) // Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, 09.11.2022.

[14] Order of the Federal Notary Chamber of 10.09.2024 No. 12/pr "On Approval of the Procedure for Notaries to Send Information about Dubious Transactions "// Notary Bulletin. 2024. № 10.

[15] Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 27. Art. 3872.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-193-197
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2233-0230, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫМИ РАБОТНИКАМИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРОФИЛАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *В статье рассматривается значимость теоретико-методологических и прикладных аспектов использования пенитенциарными работниками аксиологического подхода в профилактической работе в направлении идеологии терроризма.*

Гипотезой исследования выступило предположение, что, в общем объеме социокультурных факторов (вызовов), влияющих на процесс воспитания в уголовно-исполнительной системе значительное место принадлежит факторам, связанным с традиционными российскими духовно нравственными ценностями.

Цель статьи – это раскрытие теоретико-методологических и прикладных аспектов использования пенитенциарными работниками аксиологического подхода, то есть факторов, связанных с традиционными российскими духовно нравственные ценностями.

Методы и методики статьи: изучение теоретико-методологических основ, концепций и теорий, посвященных использованию пенитенциарными работниками аксиологического подхода в профилактической работе в направлении идеологии терроризма; сравниельный анализ нормативных правовых источников, регламентирующих возможности рассматриваемого аксиологического подхода: приказов и распоряжений ФСИН России, Концепции воспитательной работы с пенитенциарными работниками до 2030 года, Концепции развития УИС до 2030 года, решений коллегии ФСИН России, планов по профилактике чрезвычайных происшествий и деструктивного поведения личного состава, перечня мероприятий по профилактике идеологии терроризма и экстремизма,

Результатом исследования стало определение значимости теоретико-методологических и прикладных аспектов использования пенитенциарными работниками аксиологического подхода в профилактической работе в направлении идеологии терроризма.

Ключевые слова: *теоретико-методологические аспекты; прикладные аспекты; пенитенциарные работники; аксиологический подход; профилактическая работа; идеология терроризма; деструктивное поведение осужденных; места лишения свободы.*

KAZBEROV Pavel N.,
Leading Researcher, FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences

ON THE THEORETICAL, METHODOLOGICAL, AND APPLIED ASPECTS OF THE USE OF AN AXIOLOGICAL APPROACH BY PENITENTIARY STAFF IN TERRORISM PREVENTION

Annotation. *This article examines the significance of the theoretical, methodological, and applied aspects of penitentiary workers' use of an axiological approach in their preventive work against terrorist ideology.*

The study's hypothesis is that, among the overall sociocultural factors (challenges) influencing the educational process in the penal system, factors associated with traditional Russian spiritual and moral values play a significant role.

The purpose of this article is to explore the theoretical, methodological, and applied aspects of penitentiary workers' use of an axiological approach, i.e., factors associated with traditional Russian spiritual and moral values.

The article's methods and techniques include: studying the theoretical and methodological foundations, concepts, and theories devoted to penitentiary workers' use of an axiological approach in their preventive work against terrorist ideology; A comparative analysis of regulatory legal sources governing the capabilities of the axiological approach under consideration was conducted: orders and instructions of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Concept of Educational Work with Penitentiary Workers until 2030, the Concept of Development of the Penitentiary System until 2030, decisions of the Board of the Federal Penitentiary Service of Russia, plans for the prevention of emergency incidents and destructive behavior of personnel, and a list of measures to prevent the ideology of terrorism and extremism.

The study determined the significance of the theoretical, methodological, and applied aspects of the use of the axiological approach by penitentiary workers in their preventive work against the ideology of terrorism.

Key words: *theoretical and methodological aspects; applied aspects; penitentiary workers; axiological approach; preventive work; ideology of terrorism; destructive behavior of convicts; places of deprivation of liberty.*

Введение.

Материалы статьи посвящены актуальному и значимому для уголовно-исполнительной системы вопросу, а именно теоретико-методологическому и прикладному аспектам использования пенитенциарными работниками аксиологического подхода в профилактике идеологии терроризма [3, 7, 9]. В содержании статьи предпринята попытка раскрыт вопрос значимости использования аксиологического подхода в воспитательной работе с пенитенциарными работниками, с осужденными за общеуголовные преступления и осужденными за совершение террористических преступлений.

Лишь овладев возможностями использования аксиологического подхода, пенитенциарные работники смогут эффективно использовать эти возможности в коррекционном воздействии на личность осужденных, распространяющих идеологию терроризма в пенитенциарной системе [1, 4, 8].

Гипотезой публикации выступило предположение о том, что в общем объеме социокультурных факторов (вызовов), влияющих на процесс воспитания в уголовно-исполнительной системе значительное место принадлежит факторам, связанным с традиционными российскими духовно нравственными ценностями.

Целью статьи – раскрытие теоретико-методологических и прикладных аспектов использования пенитенциарными работниками аксиологического подхода, то есть факторов, связанных с традиционными российскими духовно нравственные ценностями.

Результаты исследования.

В содержательной структуре статьи предпринята попытка раскрыть результаты анализа теоретико-методологических и практических возможностей использования аксиологического подхода в пенитенциарной системе. Также предложены результаты анализа теоретико-методологических и прикладных возможностей оптимизации использования рассматриваемого подхода в пенитенциарной системе.

Отметим, что в настоящее время проблемный вопрос подготовки персонала пенитенциарных учреждений к воспитательной работе с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершенные ими террористические преступления приобретает все более востребованный и актуальный характер [5, 10, 11]. Эта востребованность продиктована, прежде всего, совокупностью тех вызовов, которые предъявляет террористическая деятельность всей системе отечественных правоохранительных органов. Террористические преступления приобретают все более сложный характер по их замыслу и алгоритму реализации. Все чаще является трудным сотрудникам правоохранительных органов определить и задержать истинного организатора террористического преступления, задерживаются часто лишь исполнители террористического акта, не имеющие представлений о настоящем заказчике совершенного ими преступления [6].

Все указанные выше проблемы и трудности проецируются на пенитенциарную систему, работникам которой необходимо осуществлять коррекционное, исправительное и воспитательной воздействие на лиц, отбывающих уголовное наказание за совершенные ими террористические преступления и распространяющих идеологию терроризма. Одна из основных, указанных труд-

ностей – это способность и возможность диагностирования работниками действительной степени причасти осужденных к совершенным террористическим преступлениям. Сделать это возможно лишь досконально изучив систему ценностей человека, его настоящие и актуальные мотивы, потребности, цели и жизненные задачи [2, с. 232].

Функционирование Стратегии развития воспитания в Российской Федерации предопределяет наличие качественных изменений в системе воспитания, направленных на эффективное обеспечение таких результатов развития, как их духовно-нравственные, ценностно-смысловые ориентации, мотивация к непрерывному личностному росту, коммуникативные и другие социально значимые способности, умения и навыки, обеспечивающие социальное и гражданское функционирование личности, в том числе и у лиц, осужденных к лишению свободы, ее успешную самореализацию в обществе и в профессии.

Современные тенденции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) в условиях цивилизационных вызовов, направлены на переосмысление таких ценностей, как профессиональная и гражданская идентичность, патриотизм, ответственная жизненная позиция, ставят задачу преобразования форм и методов воспитательной работы как с самими пенитенциарными работниками, так и с осужденными, как одного из важнейших условий совершенствования пенитенциарной системы, формирования ее единой организационной культуры [5, с. 192].

Трансформация современного общества, обусловленная рядом причин объективного и субъективного характеров, актуализирует необходимость защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей от новых вызовов и угроз, повышения социальной активности работников, укрепления их гражданского самосознания, что диктует необходимость поиска новых форм и методов воспитательной работы, получения ими образования и приобретения знаний.

Для сохранения тенденции непрерывной поступательной эволюции духовно-нравственного и профессионального воспитания, развития личности работника в учреждениях и органах УИС сообразно требованиям кардинальным образом изменившихся условий жизнедеятельности необходимо совершенствовать их нормативно-правовую и концептуальную основы, а также сложившуюся практику реализующих данные направления профессионалов; обогащать технологию работы с кадрами в части профессионального подбора, оценки и внутриорганизационного развития специалистов, программы их подготовки для деятельности в УИС, а также духовно-нравственного воспитания и профессионального развития личности работников [6, с. 112].

Именно духовно-нравственное и профессиональное воспитание и развитие самих пенитенциарных работников становятся той основой, на которой можно выстроить процесс успешного использования аксиологического подхода в исправительном воздействии на осужденных, распространяющих идеологию терроризма в пенитенциарной системе. Соответственно, практика использования аксиологического подхода пенитенциарными работниками в профилактике идеологии терроризма является системой обучения, знаний, специальных технологий, методов и приемов, необходимых для коррекционного воздействия на осужденных с учетом их систем жизненных ценностей. Содержание теории и практики использования аксиологического подхода возможно структурировать соответственно двум основным сферам жизнедеятельности работников УИС: их личного духовно-нравственного развития и практике воспитательной работы с осужденными.

Востребованность духовно-нравственного развития личности именно пенитенциарных работников аргументируется еще и тем фактом, что при существующей потребности в оптимизации работы с кадрами в структурных подразделениях федеральной службы исполнения наказаний наблюдается дефицит научных разработок, системно раскрывающих особенности работы с личным составом, ее ключевые и специальные проблемы, а также факторы подготовки работников к воспитательному воздействию, способных быть эффективными в условиях противоречивых социальных трансформаций и геополитических процессов [5, с. 192; 6, с. 112].

В этой ситуации на авансцену нашего исследования выходит аспект возможностей использования аксиологического подхода в работе пенитенциарных работников с осужденными за террористические преступления. В частности, нас интересует первый и основной компонент указанного аспекта, а именно – методологический аспект педагогических исследований по использованию рассматриваемого в исследовании аксиологического подхода. Соответственно, содержательную структуру исследования должны составить разделы, раскрывающие проведенную автором научно-исследовательскую работу по изучаемой тематике практических и теоретических аспектов использования пенитенциарными работниками аксиологического подхода в направлении духовно-нравственного развития.

Сфера духовно-нравственного развития как самих пенитенциарных работников, так и лиц, отбывающих уголовное наказание, часто характеризуется необходимостью разрешения внутриличностных, межличностных, социальных проти-

воречий, конфликтов, продиктованных конфессиональными, политическими, этническими и социальными противоречиями. В таких ситуациях нередко проявляют себя деструктивные организации и идеологи, пытающиеся направить социальные устремления граждан на негативный путь конфликтов, враждебности и преступлений посредством распространения идеологии терроризма.

Таким образом, как мы видим, в общем объеме социокультурных факторов (вызовов), влияющих на процесс воспитания в нашей стране значительное место принадлежит факторам, связанным с традиционными российскими духовно нравственные ценностями. Это положение обуславливает особо место и значение аксиологии, а также аксиологической компетентности субъектов воспитательной работы в общем процессе реализации воспитательного воздействия. В свою очередь все это определяет необходимым использование пенитенциарными работниками аксиологического подхода в воспитательной (коррекционной работе) как с осужденными в целом, так и с осужденными за совершение террористических преступлений.

Тем не менее, трансформация современного общества, обусловленная рядом причин объективного и субъективного характеров, актуализирует необходимость защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей от новых вызовов и угроз, повышения социальной активности работников, укрепления их гражданского самосознания, что диктует необходимость поиска новых форм и методов воспитательной работы, получения ими образования и приобретения знаний.

Список литературы:

[1] Григорьева А.А. Обзор научных исследований, посвященных проблеме рискованного поведения подростков как вида аутоагрессии // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13, No 4. С. 39–48 https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-nauchnyh-issledovaniy-posvyaschennyh-probleme-riskovannogo-povedeniya-podrostkov-kak-vida-autoagressii (дата обращения: 21.05.2026).

[2] Калашникова М.М., Корсак А.А. Духовно-нравственные ориентиры сотрудников уголовно-исполнительной системы как основа их психологической устойчивости в экстремальных условиях службы // Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты, Рязань, 07 февраля 2025 года. – Тверь: ФКУ НИИ ФСИН России, 2025. – С. 261-265.

[3] Коноплева И.Н. Эффективность тренингов для подготовки сотрудников правоохранительных органов к деятельности в экстремальных условиях // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. С. 33.

[4] Кулакова С.В. Научно-методологический анализ проблемных аспектов систематизации мер профилактики суицидального поведения осужденных, подозреваемых и обвиняемых // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : Сборник материалов IV Международного симпозиума психологов, Рязань, 07–08 апреля 2022 года. Том Часть II. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 129-133.

[5] Кулакова С.В. Психологическая устойчивость и готовность сотрудника уголовно-исполнительной системы к действиям в сложных профессиональных ситуациях // К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М.: сборник материалов круглого стола, Рязань, 17 февраля 2023 г. Рязань: ФКУ НИИИТ, 2023. С. 194-202.

[6] Пенитенциарный контроль : Учебник (экспериментальный) / А.А. Прохожев, А.В. Новиков, А.М. Никитин [и др.]. – Москва : Академия военных наук, 2020. 346 с.

[7] Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. Москва, 2001. – 228 с.

[8] Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей редакцией А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. - Москва: Издательство Юрайт, 2020.

[9] Пузыревский Р.В. Ткаченко Н.И., Орешкова Д.О. Позитивные и негативные изменения в психической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в экстремальных условиях // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 34. С. 372-377.

[10] Смирнов В.Н. Особенности профессиональной экстремально-психологической подготовки сотрудников специальных подразделений ОВД: монография / ВИПК МВД России. – Домодедово. 2003. – 288 с.

[11] Черненилов В.И. Морально-психологическая подготовка личного состава: сущность и проблемы становления в ОВД. Академия управления МВД России Москва: 2012. 128 с.

References:

[1] Grigorieva A.A. Review of scientific research devoted to the problem of risky behavior of adolescents as a type of autoaggression // Psychology. Psychophysiology. 2020. Vol. 13, No. 4. pp. 39–48 https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-nauchnyh-issledovaniy-posvyaschennyh-probleme-riskovannogo-povedeniya-podrostkov-

kak-vida-autoagressii (accessed: 21.05.2026).

[2] Kalashnikova M.M., Korsak A.A. Spiritual and moral guidelines of employees of the penal system as the basis for their psychological stability in extreme conditions of service // Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects, Ryazan, February 7, 2025. – Tver: FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. – Pp. 261-265.

[3] Konopleva I.N. Effectiveness of Trainings for Preparing Law Enforcement Officers for Activities in Extreme Conditions // Psychology and Law. 2011. Vol. 1. No. 1. Pp. 33.

[4] Kulakova S.V. Scientific and Methodological Analysis of Problem Aspects of Systematizing Measures to Prevent Suicidal Behavior in Convicts, Suspects, and Accused Persons // Psychology of the 21st Century: Challenges, Searches, Development Vectors: Collection of Materials of the IV International Symposium of Psychologists, Ryazan, April 7–8, 2022. Volume Part II. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2022. Pp. 129-133.

[5] Kulakova S.V. Psychological Stability and Readiness of a Penitentiary System Employee to Act in Complex Professional Situations // On the 80th Anniversary of the Birth of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V.M. Litvishkov: Collection of Round Table Materials, Ryazan, February 17, 2023. Ryazan: FKU NIIIT, 2023. pp. 194-202.

[6] Penitentiary Control: Textbook (experimental) / A.A. Prokhozhev, A.V. Novikov, A.M. Nikitin [et al.]. - Moscow: Academy of Military Sciences, 2020. 346 p.

[7] Applied Legal Psychology: Textbook for Universities / Ed. by A.M. Stolyarenko. Moscow, 2001. - 228 p.

[8] Psychology of Service Activity: Textbook and Workshop for Universities / A.V. Kokurin [et al.]; edited by A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. - Moscow: Yurait Publishing House, 2020.

[9] Puzyrevsky R.V., Tkachenko N.I., Oreshkova D.O. Positive and Negative Changes in the Mental Activity of Employees of the Criminal-Executive System of the Russian Federation in Extreme Conditions // Modern Problems of Linguistics and Methods of Teaching the Russian Language in Universities and Schools. 2022. No. 34. pp. 372-377.

[10] Smirnov V.N. Features of Professional Extreme Psychological Training of Employees of Special Units of the Internal Affairs Bodies: Monograph / VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Domodedovo. 2003. - 288 p.

[11] Chernenilov V.I. Moral and psychological training of personnel: the essence and problems of development in the internal affairs bodies. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow: 2012. 128 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-198-201

ХАКИМОВА Эльмира Робертовна,
доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАРИФУЛЛИНА Разиля Файзуллиновна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные вопросы профилактики незаконного оборота контрафактной продукции органами внутренних дел Российской Федерации, в частности, вопросы межведомственного взаимодействия контролирующих и правоохранительных структур, а также необходимость актуализации законодательства Российской Федерации*

Ключевые слова: *профилактика, оборот контрафактной продукции, товары и продукция без маркировки, без лицензии.*

KHAKIMOVA E.R.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

GARIFULLINA R.F.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

SOME ISSUES OF PREVENTION OF ILLEGAL TRAFFICKING OF COUNTERFEIT PRODUCTS BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article discusses certain issues of prevention of illicit trafficking in counterfeit products by the internal affairs bodies of the Russian Federation, in particular, issues of interdepartmental interaction between regulatory and law enforcement agencies, as well as the need to update the legislation of the Russian Federation.*

Key words: *prevention, trafficking of counterfeit products, goods and products without labeling, without a license.*

В условиях современной экономической нестабильности оборот контрафактной продукции продолжает оставаться одним из самых высокодоходных видов теневого бизнеса, наносящим колоссальный ущерб как правообладателям, так и государству в целом. Нередко оборот контрафактной продукции влечет причинение вреда здоровью и жизни людей. В связи с этим эффективная профилактика преступлений в данной сфере становится одной из ключевых задач государства.

Для начала важно четко определить, что именно российский законодатель понимает под контрафактной продукцией. В правовой доктрине сложилось понимание, что контрафакт - это товары, этикетки, упаковки, на которых незаконно размещены чужие средства индивидуализации (товарный знак, знак обслуживания) без согласия правообладателя или с нарушением условий такого соглашения. Также к контрафактной относится продукция, ввоз которой в страну осуществляется незаконно [1, с. 175].

Согласно ч. 1 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации контрафактными являются товары, этикетки или упаковки, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение.

В ст. 1 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» фальсифицированные продукты определяются как умышленно измененные (поддельные) и (или) имеющие скрытые свойства и качество, и (или) информацию, которая является заведомо неполной и (или) недостоверной.

Ключевой особенностью контрафакта является то, что он может быть достаточно высокого качества и не представлять прямой угрозы жизни и здоровью, в отличие от фальсификата.

Некачественный товар имеет недостатки, которые делают его непригодным для использования по назначению или не соответствующим обещанным характеристикам (это могут быть дефекты, поломки, некомплектность или истекший срок годности).

Отсутствие четких законодательных критериев для разделения контрафактных, фальсифицированных и некачественных товаров, когда эти понятия применяются как синонимы, способствует ошибкам правоприменителей при квалификации деяний.

Основные составы преступлений, связанные с незаконным оборотом контрафактной продукции, можно разделить на две группы в зависимости от непосредственного объекта посягательства. Первая группа - это преступления против интеллектуальной собственности, а именно:

нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), когда ответственность наступает за присвоение авторства, незаконное использование объектов авторского права или приобретение, хранение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта;

нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ) касается незаконного использования изобретения, полезной модели или промышленного образца;

незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ) предусматривает ответственность за незаконное использование товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб.

Вторая группа - преступления в сфере экономической деятельности:

производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции и (или) нанесение информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 1711 УК РФ) охватывают оборот товаров, подлежащих обязательной маркировке (акцизными марками для алкоголя [4,5] , специальными марками для меховых изделий, обуви, лекарств и т.д.), но не имеющих таковой;

незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции [6], никотинсодержащей продукции и сырья для их производства (ст. 1713 УК РФ).

В качестве необходимых мер совершенствования профилактики незаконного оборота контрафактных преступлений, полагаем, целесообразно на законодательном уровне установить четкие и непротиворечивые определения понятиям «контрафактная продукция», «фальсифицированная продукция» и «недоброкачественная продукция» (например, все определения закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации). Это позволит правоприменителю точно определять, с каким видом незаконной продукции он имеет дело, и, соответственно, верно квалифицировать деяние.

Также для более эффективной борьбы с контрафактной продукцией необходимо согласованное взаимодействие различных организаций, разработка целевых программ и планов контрольных мероприятий, а также методических рекомендаций. Один из важных методов криминологической профилактики - это комплексное планирование, которое объединяет профилактические меры для достижения целей и единства деятельности всех участников» [2, с. 483]. Подразделения МВД России сотрудничают с другими государственными органами для стабилизации

обстановки на рынке и защиты прав потребителей. Межведомственный совет, возглавляемый ФАС России, занимается этими вопросами и включает в себя представителей МВД России. МВД России постоянно сотрудничает с прокуратурой, таможней и другими органами Росздравнадзора, Минпромторга России, Минздрава России, Роспотребнадзора, Роспатента, Росстандарта, а также представителями других сфер деятельности.

ГУЭБиПК России занимается оперативным сопровождением уголовных дел о незаконном обороте контрафактной продукции, координирует работу других служб по предотвращению этих преступлений. Региональные подразделения ЭБиПК осуществляют организацию и проведение мероприятий, направленных на противодействие обороту указанной продукции: исследуют преступные ситуации по незаконной предпринимательской деятельности, нарушению прав на товарный знак и фальсификации документов для ведения коммерческой деятельности; изучают и распространяют методы борьбы с преступностью в сфере контрафактной продукции, составляют прогнозы развития преступной обстановки, планируют меры по ее предотвращению.

Так, основными источниками информации о преступлениях в сфере контрафактной продукции становятся результаты ревизий, аудитов и экспертиз, а также информация от обычных покупателей.

Так, Иленинский районный суд г. Санкт-Петербурга осудил генерального директора ООО «СИТИ», который дал указание главному бухгалтеру составить бухгалтерскую документацию на фальсифицированное медицинское изделие. Это изделие - стабилизатор паровой ВК-75-СИТИ был продан за 240 000 рублей. Стало известно о продаже поддельного товара благодаря проведению ревизии [3].

Специализированные подразделения ОВД совместно с другими органами проводят оперативно-профилактические мероприятия по выявлению преступлений различных категорий, таких как «рынок», «налог», «табак», «алкоголь», «лосось», «осетр» и другие. Источниками получения информации о контрафактной продукции может быть: информация от сотрудников и руководителей служб безопасности компаний розничной торговли, сообщения от активистов организаций, защищающих права потребителей.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что результативность деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений в сфере оборота фальсифицированной продукции возможна лишь при условии применения системного подхода. Он должен предусматривать непрерывное повышение профессионализма сотрудников, отлаженное межведомственное взаимодействие контролирующих и правоохранительных структур, актуализацию законодательной базы и гибкое реагирование на динамично меняющуюся обстановку.

Список литературы:

[1] Хакимова Э.Р., Гарифуллина Р.Ф. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом контрафактной продукции по законодательству Российской Федерации // Право и управление. 2025. № 7. С. 174-177.

[2] Аванесов Г.А. Криминология: учебник. М., 1984. 500 с.

[3] Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга // URL: http // t/me/SPbGS/19873 (дата обращения: 18.06.2026).

[4] Шайхуллин М. С. Об актуальности проблематики уголовного противодействия продаже несовершеннолетним алкогольной продукции / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 62-68. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.011. – EDN RJUWCU.

[5] Шайхуллин М. С. О некоторых аспектах противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 75-81. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.011. – EDN GESMJV.

[6] Бадретдинов А. И. К вопросу о соотношении административной и уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним табачной и никотинсодержащей продукции / А. И. Бадретдинов // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 60-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.009. – EDN AASKJE.

References:

[1] Khakimova E.R., Garifullina R.F. Some issues of the qualification of crimes related to the illegal trafficking of counterfeit products under the legislation of the Russian Federation // Law and Management. 2025. No. 7. pp. 174-177.

[2] Avanesov G.A. Criminology: textbook. Moscow, 1984. 500 p.

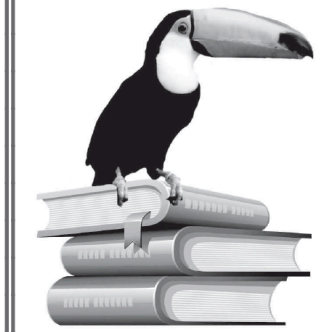
[3] The United Press Service of the Courts of St. Petersburg // URL: http // t/me/SPbGS/19873 (accessed: 06/18/2026).

[4] Shaikhullin M.S. On the relevance of the problems of criminal counteraction to the sale of alcoholic beverages to minors / M.S. Shaikhullin // Law and statehood. – 2026. – № 2(11). - S. 62-68. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.011. – EDN RJUWCU.

[5] Shaikhullin M.S. On some aspects of countering the spread of alcohol among minors / M.S. Shaikhullin // Law and statehood. – 2026. –

№ 1(10). - S. 75-81. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.011. – EDN GESMJV.

[6] Badretdinov A.I. On the question of the ratio of administrative and criminal liability for the retail sale of tobacco and nicotine-containing products to minors / A.I. Badretdinov // Law and statehood. – 2025. – № 2(7). - S. 60-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.009. – EDN AASKJE.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-202-207
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос агрессивности с точки зрения разрешения конфликтных ситуаций. Автор отмечает, что осужденным присуща вся гамма проявлений агрессивности.*

Ключевые слова: *конфликт, агрессивность, осужденные, исправительное учреждение.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

CONFLICT SITUATIONS AS MANIFESTATIONS OF AGGRESSIVENESS

Annotation. *The article considers the issue of aggressiveness in terms of resolving conflict situations. The author notes that the entire range of manifestations of aggressiveness is inherent in convicts.*

Key words: *conflict, aggressiveness, convicts, correctional institution.*

При изучении такого вопроса как агрессивность мы не могли не затронуть такую проблему как способы решения конфликтных ситуаций. Так как именно они с нашей точки зрения являются самыми яркими демонстрациями проявления агрессивности. Со слов осужденных, характеризующиеся администрацией ИУ как лица отрицательной направленности, около половины из них предпочитают разрешать конфликты с помощью переговоров, а немногим меньше четверти физической силы, имеется категория, которая разрешает конфликты разными способами в зависимости от ситуации, и лишь маленькая часть осужденных предпочитает избегать конфликтов. Предпочтение осужденными разрешать конфликты с помощью переговоров может быть связано со спецификой исправительных учреждений, в которых среди осужденных не принято создавать ситуации, связанные с эксцессами. Любые конфликтные ситуации могут негативно повлиять на жизненный уклад не только зачинщиков и участников, но и на остальных осужденных, так как каждый конфликт нарушает режим содержания, а это в свою очередь влечет за собой негативные санкции со стороны сотрудников.

Некоторые обследуемые заявили, что они очень часто являются зачинщиками конфликтных ситуаций. То есть это лица, которые предпочитают все свои жизненные трудности разрешать с помощью физической агрессии, запугивая и подавляя окружающих. Для данных людей не важным является поиск рационального способа решения проблемных ситуаций.

У многих обследуемых неоднократно возникало желание унизить и оскорбить окружающих их людей. Данный факт они объясняли по-разному, кто-то это проделывал, чтобы снять раздражение, кто-то, чтобы поглумиться, кто-то, чтобы показать свою силу и т.д.

Четверть обследуемых не скрывают, что они способны убить и человека, и животных. Однако некоторые говорят, что им необходима веская причина, чтобы совершить убийство, кто-то воздержался от ответа.

Для целей нашего исследования является важным такой факт, что большинство друзей школьных лет обследуемых осужденных создавали конфликтные ситуации, выражающиеся в

виде драк, выяснения отношений, хулиганский действий, погромов. То есть наглядным примером для того, как нужно себя вести, взаимодействовать с окружающими, разрешать спорные вопросы они брали непосредственно со своих друзей. А эти примеры как мы видим, оставляли желать лучшего, при этом родители самих детей не уделяли им должного внимания, не разъясняли, что для них хорошо, а может быть и стали уделять внимание, да уже было поздно, так как авторитетами в их жизни были уже другие люди (их друзья).

На вопрос «Как вы проводили свое свободное время с друзьями?» большинство обследуемых осужденных заявили, что чаще всего свободное время с друзьями они проводили на дискотеках, в барах, на квартирах с обязательным распитием алкогольных напитков, а иногда и наркотиков.

Как очевидно, предпочитаемыми способами досуга детей было посещение различных увеселительных мероприятий с обязательным употреблением алкоголя. Напомним, что психика подростка является очень слабой и такой факт, как регулярное употребление спиртных напитков способствует формированию отклонений в поведении, появлению раздражительности, утомляемости и т.д. Кроме того, посещение различных ресторанов и баров оставляет бесконтрольным поведение подростков, и как итог они закрепляют те формы поведения, которые сами себе создали и образцы поведения лидеров (или авторитетов) их коллектива.

Часть обследуемых осужденных заявили, что учителя в средней школе регулярно унижали, оскорбляли и даже иногда применяли по отношению к ним физическую силу. После посещения занятий, проводимых учителями, допускающими негативные, унижающие достоинство человека высказывания, наши обследуемые чувствовали себя дискомфортно, многие испытывали желание ответить таким учителям и не всегда вербально, были и желающие применить физическую агрессию. Многие пытались выплеснуть свою обиду на более слабых (в физическом плане) учеников. Именно присутствие в школах таких учителей способствовало формированию и закреплению агрессивного поведения у учащихся, как способ самозащиты от насмешек.

Небольшая доля обследуемых осужденных негативно относятся к активу исправительного учреждения, отряда и отделения. Многие из них просто отрицательно отзываются об активе учреждения, многие произносят даже угрозы в адрес актива. Другими словами, большинство обследуемых нами нетерпимы по отношению к людям с другими интересами и потребностями.

Больше четверти обследуемых нейтрально относятся к активу, заявляя, что каждый должен сам отвечать за свой путь в жизни. Однако они нейтральны до тех пор по отношению к активистам, пока те не пытаются принять участия в их жизни. Существует категория осужденных, которая отказались отвечать на данный вопрос, а почти четверть обследуемых заявили о положительном отношении к активу.

Больше половины обследуемых не состоят ни в каких группах на территории исправительного учреждения. Они предпочитают быть независимыми от остальных осужденных, так как многие из них не доверяют окружающим, а от общения со многими нашими обследуемыми отказывается большинство осужденных (но таких мало). Часть осужденных заявили о том, что они являются членами малой группы, не зависимой от актива. Данная группа осужденных предпочитает жить своим, замкнутым образом, не допуская проникновения посторонних. Они сплачиваются обычно по интересам (чаще для решения своих проблем), по землячеству и т.д. По отношению к другим осужденным могут проявлять агрессию, защищая интересы своей группы.

При исследовании агрессивности, с нашей точки зрения, представляется важным выяснение такого момента, как отношение обследуемых к окружающим. Предпочитаемый их круг общения. Со слов осужденных мы установили, что большинство обследуемых осужденных предпочитают общаться с положительно ориентированными людьми, кроме того, они и сами при организации взаимодействия с другими людьми стараются быть добрыми, искренними, не проявляющими агрессии

Лишь только совсем маленькая доля обследуемых заявили, что им интереснее общаться с отрицательно ориентированными людьми и не скрывали, что склонны к проявлению агрессии по отношению к другим людям, но есть и такие осужденные, которые затрудняются ответить на вопрос о предпочтении в общении. С нашей точки зрения, это довольно-таки серьезный показатель, который может говорить о проявлении такого типа психологической защиты у обследуемых, как вытеснение. То есть, данная категория обследуемых, скорее всего, склонна к проявлению агрессии по отношению к другим людям, но они отказываются в признании данного факта даже самим себе.

Примером для многих обследуемых являются агрессивные, сильные и здоровые люди. Они предпочитают на равных общаться только с самостоятельными и независимыми людьми, которые могут сами за себя постоять, к слабым и «хлюпикам» относятся с пренебрежением.

Совсем маленький процент обследуемых нами осужденных состояли на учете у психоневролога до ареста. Необходимо отметить, что

часть осужденных указали, что среди их родственников есть психически больные люди, а также они употребляли до осуждения наркотики и считают себя алкоголиками.

При проведении исследований агрессивности нельзя не обратить внимание на такой ее вид как аутоагрессия. В рамках исследования данной проблемы мы задавали вопросы касающиеся проявления желания нанесения себе самоповреждений, как в прошлом, так и в настоящее время. В обследуемой нами выборке часть осужденных заявили, что у них неоднократно возникало желание причинить себе самоповреждения. Данное желание чаще всего возникало у них с целью обращения на себя внимания близких из-за ссор.

На момент обследования только у меньшинства осужденных сохранилось желание причинять себе самоповреждения. В беседах с данными людьми мы установили, что они используют этот факт, как обращение на себя внимания сотрудников исправительного учреждения и осужденных. Обращают на себя высказывания осужденного А., который заявил, о том, что многие из сотрудников ИУ боятся, что он сделает с собой что-нибудь и их накажут за недосмотр за ним. То есть использует нанесение себе самоповреждений как «устрашающий» элемент по отношению к персоналу ИУ.

Немногим больше четверти обследуемых заявили о наличии у них наколок и нарезок. Нанесение наколок и нарезок проходило в основном в армии и в исправительном учреждении. Большинство осужденных нормально относятся к людям, имеющим наколки, но сами себе наносить их не хотели бы, что связано с боязнью боли и наличием на теле «метки».

Исследуя вопрос склонности осужденных к суициду, мы выяснили, что только имеются осужденные, которые проявляли желание уйти из жизни, кроме того, все они заявляли о желании причинять себе самоповреждения. Мы можем предположить, что данная категория людей предпочитает решать возникающие в их жизни сложные, проблемные ситуации уходом из жизни или нанесением себе самоповреждений, для того чтобы другие люди обратили свое внимание на них и помогли им решить их проблемы.

Со слов обследуемых только у некоторых осужденных родственники совершали самоубийства. У еще меньшего числа из этой группы возникало желание тоже покончить жизнь самоубийством. Вполне возможно, что существующий стереотип, о том, что чаще всего люди совершают самоубийства, если кто-то из их близких уходил из жизни, таким образом, довлеет над ними и они очень много внимания уделяют данной проблеме и пытаются воспользоваться способом решения своих проблем «проторенной дорожкой» родственником.

Иногда обследуемые заявляют о том, что окружающие произносят в их адрес угрозы, чаще испытывают страх и тревогу за свою жизнь во время отбывания наказания в исправительном учреждении, а также за жизнь и здоровье родственников.

Немалую роль в формировании агрессивного поведения сыграли средства массовой информации. С экранов телевизоров регулярно показывалось как хорошо, и богато живут бандиты и одновременно они видели бедность своих близких. Таким образом, у них был яркий пример того, как нужно жить, как общаться со слабыми, как решать возникающие трудности и т.д.

При изучении пристрастия обследуемых к просмотру видеофильмов мы установили, что обсследуемые предпочитают смотреть боевики, ужасы, исторические видеофильмы. Чуть меньше половины – не заявляют о специфичных пристрастиях, главное для них, чтобы фильм был интересным. Хотелось бы обратить Ваше внимание на такой факт, что в основном исторические фильмы связаны с различными сражениями, то есть эти видеофильмы имеют связь с проявлением элементов агрессии.

Для исследования особенностей агрессивного поведения обследуемых осужденных мы использовали опросник А. Басса-А. Дарки.

Анализируя результаты исследования можно утверждать, что в основном у осужденных преобладают такие виды агрессии как обида и негативизм. Следовательно, большинство обследуемых отличаются выраженной оппозиционной манерой в поведения, начиная от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов, а также склонны к проявлению зависти и ненависти к окружающим за действительные и вымышленные действия.

Выше среднего предела выходят показатели по такому параметру, как чувство вины, которое выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести имеет в группе в среднем также повышенные значения.

Косвенная агрессия находится на среднем уровне и говорит о наличии стремления у осужденных к проявлению агрессивных реакций не на сам объект агрессии, а на других. Так, например, осужденные «срывают зло» не на обидчике, а на более слабом, не способном на защиту. Также могут проявляться выраженные агрессивные реакции по отношению к сотрудникам.

Физическая агрессия находится на среднем уровне и проявляется в виде тенденции к участию в драках, нанесении побоев и т.д.

Подозрительность находится на среднем

уровне, что говорит скорее об отдельных случаях недоверия и осторожности по отношению к людям, убеждений в том, что другие люди планируют и приносят вред.

Раздражительность в данной группе испытуемых находится на низком уровне. Следовательно, общий уровень готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость) в целом не присущ осужденным.

Показатели по вербальной агрессии находятся на низком уровне. Проводя анализ можно сказать о том, что выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы) не используется осужденными.

Описывая поведение осужденных, можно говорить о демонстративности во внешних проявлениях, стремлении выразить свою агрессивность не на непосредственный объект агрессии. Такое поведение провоцирует проявления в глазах сотрудников кажущейся немотивированности агрессивности, раздражительности, непредсказуемость эмоциональных реакций. В отдельных случаях зафиксированные результаты могут характеризовать испытуемых как достаточно закрытых внешне, их реакция не всегда проявляется во вне. Так, внутренняя враждебность не всегда проявляется в эмоциях, интонации, мимике.

Анализируя индивидуальные значения, необходимо особо описать некоторых испытуемых. Отметим, что данные результатов исследования каждого испытуемого представляют самостоятельную научную ценность, но в рамках нашего исследования мы остановимся на описании только нескольких наиболее примечательных случаях.

Обследуемый № 1 не обнаруживает по данным исследования методикой Басса-Дарки каких либо чрезвычайных значений ни по одной категории, что свидетельствует о том, что самооценка агрессивности достаточно низкая, отсутствует раздражительность и негативизм. Данный осужденный характеризуется ровным настроением и вдумчивым восприятием действительности. Общение, которое не соответствует его представлениям о том, как следует общаться с ним и какие действия по отношению к нему можно допускать, оценивается им как агрессия. При этом собственная реакция на кажущуюся агрессию со стороны окружающих отличается продуманностью и просчитанной жестокостью. По результатам «Hand-теста» именно данный испытуемый демонстрирует самый высокий среди обследуемых процент агрессивности. Следовательно, реакции агрессивности, которые проявляет испытуемый, являются негативными, чрезмерными, но сам испытуемый этого не признает. Для него агрессивность является нормой поведения и общения с окружающими миром. Для выявления причин данного поведения мы обратились к качественному анализ ответов на вопросы «Hand-теста. Следует отметить вычурность его высказываний, витиеватость. Резонерское содержание ответов данного испытуемого указывает на наличие акцентуации характера по шизоидному типу, который и проявляется в повышенной агрессивности по отношению к внешнему миру, продуманной жестокости собственной агрессивности, ее пугающей непредсказуемости.

Обследуемый № 2. У данного испытуемого по методике А. Басса-А. Дарки имеются чрезвычайно высокие показатели по шкалам, указывающим на наличие физической и косвенной агрессии, а также чувства вины. Скорее всего, осужденный не находит возможности нормального взаимодействия и контакта с внешним миром, что проявляется в неумении проявлять собственные эмоции. Агрессивность здесь как защитная реакция на отсутствие навыков коммуникации. Агрессивность здесь вторична. Данные «Hand-теста» объясняют склонность испытуемого к агрессивности с теми, кого хорошо знает и «на ком можно сорвать свою обиду на мир, который его не понимает и не принимает».

В нашем исследовании мы рекомендуем обратить внимание специалистов и педагогов на поведения выделенных испытуемых, именно они нуждаются в особой квалифицированной помощи.

Таким образом, на основании проведенного нами исследования мы можем утверждать, что осужденным присуща вся гамма проявлений агрессивности. При этом мы можем предположить, что агрессивная среда осужденных способствует формированию агрессивности.

Описывая влияние среды на формирование агрессивности осужденных, можно отметить, что при прибытии на место отбывания наказания над осужденным довлеет чувство вины за совершенный поступок. Проявления физической, вербальной агрессии и негативизма на данном этапе являются появлением реакции адаптации к новым условиям. При этом на более поздних этапах отбывания наказания появляется чувство раздражительности. Вербальная и физическая агрессия на втором этапе является результатом сложившейся системы отношений, в которых личность раскрывается по-новому и обнаруживает в себе эти качества. На заключительном этапе отбывания наказания происходит возобновление ощущения чувства вины. Переосмысление событий, приведших к заключению, создают предпосылку для переживания новых чувств. Появляется подозрительность. Очевидно, опасения в том, что кто-либо может помешать освобождению, пере-

живание того, что ждет их при освобождении. Скорее всего, подозрительность проявляется и как беспокойство относительно того, как его встретят на воле, не скроют ли от него чего-либо (например, измены или же предательства). Переживания осужденного переносятся на ту систему отношений, которая складывалась до заключения.

Таким образом, социально-психологическая характеристика обследуемых осужденных выглядит следующим образом. Обследуемые эта лица 20-29 лет, осужденные в основном по статьям, связанными с причинением насилия. Образование большинства осужденных среднее специальное и среднее. До осуждения в основном нигде не работали. Семейное происхождение: из рабочих. Семьи, в которых воспитывались обследуемые, были не полными. Во многих семьях спорные ситуации разрешались с помощью драк и ругани, участниками, которых были дети. Большинство родителей не уделяли должного воспитания своим детям. Семьи осужденных были в основном материально обеспеченными.

На некоторых осужденных отрицательное влияние оказывали родные сестры и братья, в адрес некоторых выдвигались угрозы, оскорбления со стороны близких, унижали и оскорбляли учителя. Есть категория осужденных, которые регулярно участвуют в конфликтных ситуация. Есть и такие, которые высказывают желании унижать, оскорблять других людей, а также о убийстве. Школьные друзья обследуемых неоднократно создавали конфликтные ситуации. Досуг обследуемых был связан с посещением увеселительных мероприятий. Выделяются группа осужденных склонных к нанесению себе самоповреждений и склонных к суициду. В исправительных учреждениях предпочитают не состоять ни в каких группах.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинико-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С, 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model,

neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S, 6-8.

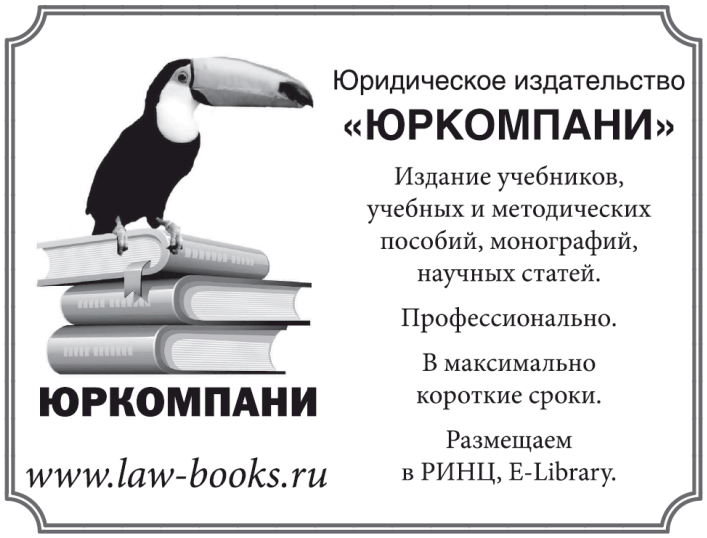
[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-208-213
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат педагогических наук, e-mail: 19katrin81@bk.ru,

МИКРОСРЕДА ОСУЖДЕННЫХ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *В статье речь идет о деятельности сотрудников пенитенциарного учреждения, где исправление осужденных осуществляется в условиях педагогически неблагоприятной микросреды, которая имеет свои особенности.*

Ключевые слова: *микросреда, особенности, осужденные, исправительное учреждение, взаимодействие, личность.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Pedagogical Sciences

MICROENVIRONMENT OF CONVICTS AND ITS FEATURES

Annotation. *The article deals with the activities of employees of a penitentiary institution, where the correction of convicts is carried out in a pedagogically unfavorable microenvironment, which has its own characteristics.*

Key words: *microenvironment, features, convicts, correctional facility, interaction, personality.*

Деятельность сотрудников пенитенциарного учреждения и исправление осужденных осуществляется в условиях педагогически неблагоприятной микросреды: большого скопления лиц, имеющих существенные нравственные пороки, отличающихся низкой степенью правовой и моральной развитости. В этой обстановке трудно предотвратить разлагающее влияние наиболее испорченных осужденных на менее испорченных. Окружающая неблагоприятная микросреда затрудняет исправление осужденных и создает экстремальные ситуации для деятельности коллектива сотрудников. При этом микросреда выступает как значимый социально-психологический фактор, в известной мере снижающий эффективность воспитательного воздействия на личность.

В педагогической и социально-психологической литературе подчеркивается многоплановость данного понятия. Одно из них заключается в том, что микросреда – это объективная социальная реальность, представляющая совокупность материальных, политических, идеологических и социальных факторов, непосредственно взаимодействующих с личностью в процессе ее жизни и практической деятельности. В узком смысле – это ближайшее окружение человека в данный момент.

Микросреда осужденных состоит из двух основных сфер – материальной и духовной. Первую составляют коллектив воспитателей и различные официальные и неофициальные объединения самих осужденных. К духовной относится вся совокупность средств политического, идеологического, нравственного, правового воздействия, различные групповые нормы и правила поведения, принятые в среде правонарушителей, система их ценностных ориентаций ориентации.

Из перечисленных элементов наибольший интерес в плане рассматриваемой проблемы представляют те, которые образуют непосредственно сами осужденные, то есть их неофициальная структура, групповые нормы, традиции, правила поведения, которые затрудняют процесс исправления и создают конфликтные и экстремальные ситуации, негативно влияющие на деятельность сотрудников. Без уяснения специфики основных характерологических признаков микросреды осужденных невозможно правильно строить воспитательный процесс. Именно поэтому мы уделяем основное внимание анализу нега-

тивных элементов микросреды пенитенциарных учреждений. В этом плане ее существенным элементом является особая стратификация, суть которой заключается в жестком (неофициальном) делении осужденных на слои и касты.

Стихийная стратификация, делящая осужденных на несколько категорий с последующим образованием малых групп отрицательной направленности, неизбежно порождает экстремальные ситуации и конфликты на различных уровнях микросоциальной иерархии лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

На высшей ступени стратификационной лестницы находятся наиболее опасные преступники, относящие себя к категории «блатных», «авторитетов». Как правило, такие осужденные не занимаются работой по самообслуживанию. За них всю работу выполняют другие правонарушители. Они относят себя к числу хранителей идей преступной среды. Негативно относятся к деятельности администрации и различным формам общественно полезной работы. Для них характерна тенденция к доминированию над другими осужденными. Своим поведением бравируют. Наказание в дисциплинарном изоляторе принимают с легкостью, считая его для себя доблестью.

Среди осужденных этой категории широко пропагандируется их сплоченность, взаимовыручка. Специфическим проявлением взаимовыручки являются «общий котел», различного рода «подогревы» лиц, находящихся на лечении в медчасти, и лиц, уже отбывающих наказание в дисциплинарном изоляторе.

К числу запретов, принятых в их кругу, относятся поступки, ущемляющие права участников группы: нельзя обделять во время дележа посылки других, присваивать чужую вещь, навязываться в компанию, не внося, своей доли и т.д.

В условиях дефицита материальных ценностей в условиях пенитенциарного учреждения нарушения этих запретов влекут за собой суровые групповые санкции. При этом у них весьма распространено убеждение в том, что в отношении нарушающего запреты или обидчика вполне оправдано физическое насилие. Отмечено, что они особенно болезненно и нетерпимо относятся к лицам, нанесшим устное или физическое оскорбление. Считая эти действия покушением на их авторитет, они сами или через свои связи учиняют расправы с провинившимися.

К своим «друзьям» они проявляют не только показное сочувствие, но и фактически оказывают им постоянную моральную и материальную поддержку. В случае возникновения непосредственное физическое воздействие к противникам своих сторонников.

К остальной массе осужденных такие лица равнодушны. Причем категорически возражают против совместного пребывания с «обиженными», занимающими самую низкую ступень в неофициальной стратификации осужденных. «Обиженные» имеют отдельное место в спальном помещении, клубе; свою ложку, миску, кружку в столовой; принимают пищу за отдельным столом. С ними не здороваются за руку, из их рук предпочитают не брать сигареты. Они не имеют право без разрешения «авторитетов» находится в местах, где собираются все осужденные. Должны молчать и не сопротивляться избиению, физическому насилию.

Промежуточное положение между этими двумя крайними группами в отрицательной микросреде занимают другие категории осужденных, у которых определен свой статус. Так, например, «чуханы» чистят и убирают туалеты, «холопы» заправляют постели «авторитетов», чистят сапоги, ботинки, производят уборку помещений, «инкассаторы» – занимаются уборкой мусора в жилой зоне.

Данная стратификация отражает специфику микросреды осужденных и создает экстремальные ситуации. Причиной такой стратификации является стремление отрицательно настроенных правонарушителей выделиться в особую касту, обеспечить себе привилегии при отбывании наказания за счет ущемления интересов других осужденных. Характерен такой факт. Большинство (56%) опрошенных нами осужденных в исследовании, проведенном в Рязанской и Тульской областях, отвечая на вопрос: «На какое положение и коллективе Вы претендовали?» – ответили: «Я хотел, чтобы меня боялись».

Такое искаженное понятие о своем месте в коллективе – следствие деформации нравственной сферы осужденных. В этой связи представляют интерес данных опроса, проведенного в ряде исправительных учреждений различных регионов России, раскрывающего содержание нравственных понятий осужденных. Большинство из них либо не смогли объяснить смысл нравственных понятий (честность, правдивость, требовательность, товарищество и др.), либо обнаружили извращенное их понимание. Так, товарищество описывалось как круговая порука, достоинство – как сила, смелость ассоциировалась с бесшабашным риском и бравадой, требовательность расценивалась как придирчивость, сострадание – как признак слабости, недостойный «настоящего мужчины».

Такое понимание моральных понятий и низкий культурный уровень приводят к тому, что поведение осужденных в их микросреде строится на основе искаженных представлений о соотношении личного и общественного, на основе грубости и насилия, цинизма и эгоизма, порождает конфликты, затрудняет деятельность сотрудников.

В то же время в такой среде вырабатываются свои ассоциальные нормы. Это нормы неодинаковой значимости. Их классификацию можно рассматривать как цепочку, в которой каждое последующее звено, как правило, не только содержит в себе дефекты предыдущих, но и усугубляет их, расширяя границы асоциальных действий и поступков.

Можно выделить пять звеньев негативной нормативно-этической регуляции, деформация которых препятствует нормальной деятельности администрации:

Нормы, нарушающие исходный принцип нравственности – принцип гуманизма, уважение чести и достоинства каждого человека;

Нормы, снижающие культуру межличностного общения и повышающие его конфликтность;

Нормы, разрешающие в отдельных конфликтных и экстремальных случаях прибегать к самоуправным, с позиции уголовного закона – недопустимым, насильственным действиям, то есть развязывающие физическое насилие;

Нормы, повышающие риск последствий уже начатого насилия;

Нормы, допускающие причинение смерти человеку.

Итак, в отрицательной микросреде распространены групповые нормы, разрешающие в экстремальных ситуациях применять физическое насилие к осужденному. Когда они характерны для большей части взаимодействующих осужденных исправительного учреждения, их опасность становится еще более ощутимой. Нежелание согласовывать свое поведение с нравственными нормами общества, интересами и желаниями окружающих вызывает в коллективе острые противоречия, придает атмосфере взаимоотношений и общения признаки нервозности, конфликтности, жесткости, взаимной отчужденности. Одновременно иерархическая структура межличностных ролей, негативная направленность групповых норм, действий и настроений создают в микросреде атмосферу круговой поруки, конфронтацию общественно полезной деятельности.

На статус осужденного оказывают влияние также уголовные традиции экстремальных ситуаций. Уголовные традиции – это значимые для негативной микросреды устойчивые формы поведения, которые связаны с асоциальными действиями, отношениями, поведением осужденных в различных экстремальных ситуациях.

Такие традиции для осужденных являются символом мужественности, независимости, самоутверждения. Они широко используются отрицательной частью правонарушителей как стимулятор негативной эмоциональной, интеллектуальной и поведенческой активности, общения и взаимоотношений.

К уголовным традициям относится: нежелание «авторитетов» выйти из мест лишения свободы на льготных условиях, их отказы от трудовой деятельности. Определенная субординация во взаимоотношениях с осужденными и сотрудниками, пренебрежительное отношение к сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний и т.п.

Выражая свое непримиримое отношение к лицам, вставшим на путь исправления, желающим выйти на свободу на льготных условиях, они организуют всяческие притеснения вплоть до физической расправы.

Уголовные традиции, как правило, сопровождаются определенными асоциальными ритуалами. Например, один из них – «прописка» вновь прибывших осужденных. Ее цель – проверка новичка на опытность, бывалость, умение постоять за себя. Степень успешности прохождения «прописки» служит основанием для причисления новичка к своим.

Это приводит к тому, что, оказавшись в экстремальных условиях мест лишения свободы, правонарушители стремятся попасть в ту среду, в которой им легче адаптироваться. При слабо развитом коллективе можно выделить по меньшей мере, три механизма отрицательной адаптации вновь прибывших в учреждение осужденных:

Принятие роли нарушителя установленного в ИУ режима содержания со всей ее поведенческой атрибутикой: бравадой, хулиганскими выходками и т.д.;

Принятие роли исполнителя. В этом случае поведение и деятельность осужденного зависят от желания и указаний лидера отрицательной микрогруппы. Цель деятельности исполнителя находится в рамках наличной ситуации и изменяется с изменением ситуации, но непременным фактором является его поддержка и помощь нарушителям дисциплины;

Принятие роли отвергнутого: отсутствие своего мнения, безысходность положения, презрение со стороны осужденных.

Такая адаптация в экстремальных ситуациях лишения свободы не дает осужденным возможности жить интересами коллектива, добиваться успехов в самовоспитании, поступать в соответствии с общепринятыми нормами и правилами поведения.

Удовлетворение потребности в общении они находят в малых группах отрицательной направленности. В этих группах, как правило, вырабатывается система ценностей. Так, например, в ряде ИУ осужденным было предложено проранжировать 20 ценностей (профессия, спорт, общение с друзьями, интерес к общественной жизни, современная музыка, материальное благополучие, модная одежда и др.). Ранжирование осуществля-

лось по пятибалльной шкале с десятыми долями.

Ранжирование осужденными ценностей по всем ИУ дало такую последовательность первых 10 номеров ценностей в баллах: престиж в группе (4,7), модная одежда (4,8), общение с друзьями (4,7), материальное благополучие (4,3), спорт (4,0). Самые низкие балы имели: интерес к профессии (3,9),продолжение образования (3,5), общественная работа (3,0).

Эта система ценностей значительно отличается от системы ценностей людей вне пенитенциарного учреждения, которые на первое место ставили интерес к профессии (4,9), на второе место – продолжение образования (4,8). На третье – общественно полезный труд (4.6) и на последнее – материальное благополучие (2.8).

В экстремальных условиях малая группа отрицательной направленности также позволяет осужденным удовлетворить потребность в идеале. Негативный идеал, который группа предлагает в качестве образца, достижим более легко и требует меньших усилий, связанных с приобретением новых социально значимых навыков и усилий, связанных с нравственной перестройкой личности. Общность идеала улучшает эмоциональное состояние осужденных, которое объясняется осознанием собственного неодиночества, созданием благоприятных возможностей для негативного общения и деятельности. Это единственный, как они себе представляют, круг общения. Здесь формируется своеобразный «моральный кодекс», согласно которому наиболее ценимыми качествами являются риск, смелость, пренебрежение опасностью, непризнание собственной слабости, отсутствие предосторожности, постоянное стремление к опасности и др.

Подобный «моральный кодекс» в экстремальных условиях стандартизирует поведение правонарушителей в группе, регламентирует их поведение и деятельность. Основой такой стандартизации является тот факт, что суждения группы, общение внутри нее для всех членов значим. С группой они связывают свою психологическую защищенность, чувство моральной и физической безопасности.

Появившееся в связи с этим чувство зависимости от группы влезет за собой чувство невозможности не оправдать ее доверие. Сохранность личностного статуса в малой группе для осужденных важнее, чем осуждение их сотрудниками учреждения. Поэтому в процессе исправления осужденных необходимы воспитательные воздействия не только на личность осужденных, но и на их малые группы. При этом надо учитывать влияние микросреды пенитенциарного учреждения.

Для оздоровления микросреды в экстремальных условиях пенитенциарного учреждения ее следует довести до такого состояния, чтобы направление влияния совпадало с влиянием здорового мнения коллектива. Тогда она превращается в союзника воспитателя. Работа в этом направлении осуществляется на основе организации любой позитивной деятельности, отвечающей сохранившимся положительным традициям микросреды. Важно лишь, чтобы эта деятельность была социально и педагогически приемлема и позволяла бы осужденным активно действовать, удовлетворять потребности в общении, давала возможность получить признание окружающих. Наиболее популярной среди осужденных молодежного возраста является физкультурно-спортивная деятельность.

Второе направление нейтрализации вредного влияния микросреды заключается в выводе осужденного за пределы такого влияния и замене положительным влиянием. Важным моментом при этом является формирование здорового общественного мнения в коллективе осужденных.

Третье направление преодоления вредного влияния микросреды является выработка у осужденных иммунитета по отношению к такому влиянию, формирование невосприимчивости по отношению к отрицательным воздействиям.

Четвертым направлением оздоровления микросреды осужденных является правильная организация свободного времени. В передовых пенитенциарных учреждениях заполнению свободного времени осужденных общественно полезными делами придается особое значение. Этому вопросу посвящаются заседания методического совета учреждения, совета воспитателей отряда. Предложения по улучшению организации свободного времени осужденных внедряются в практику работы всех сотрудников пенитенциарного учреждения.

Принимаются воспитательные меры для вовлечения актива в работу по рациональному использованию осужденными каждого часа свободного времени. Активисты оказывают шефскую помощь вновь прибывшим, помогают воспитателям в организации массовых мероприятий.

Важное место в решении этой проблемы также принадлежит библиотеке, которая постоянно организует литературные викторины, обсуждения прочитанных книг.

Особое внимание придается проведению выходных и праздничных дней. Такая работа осуществляется на основе четко разработанных планов. В них определяются время и место проведения мероприятий, назначаются лица, ответственные за их эффективность. В эти дни проводятся собрания, тематические вечера, просмотры и обсуждения кинофильмов, встречи и другие мероприятия.

Организация работы в коллективе по обес-

печению полезной занятости свободного времени осужденных положительно сказывается на оздоровлении микросреды в пенитенциарном учреждении. В этих случаях значительно сокращается число грубых нарушений режима и дисциплины, почти полностью ликвидируются малые группы отрицательной направленности, нормализуется морально-психологический климат в коллективе осужденных.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинико-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С, 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S, 6-8.

[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

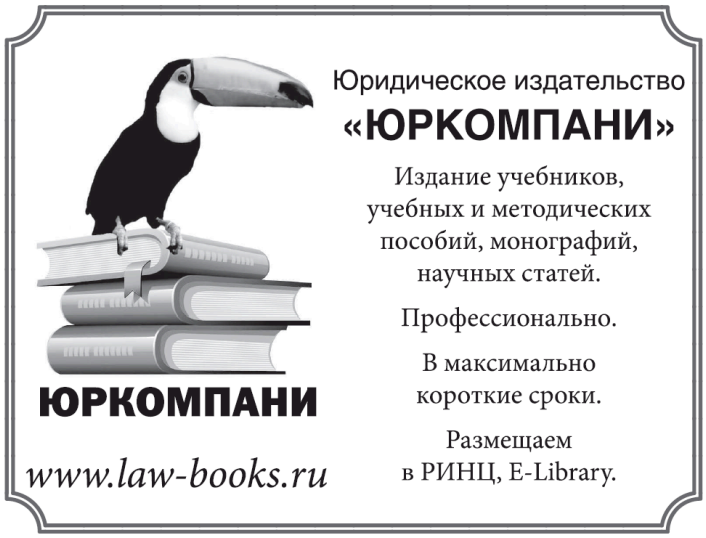
[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In

the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-214-217

ШУВАЛОВ Александр Павлович,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России
e-mail: a.shuvalov72@mail.ru

СИДОРОВ Александр Викторович,
кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры радиотехнических систем и комплексов охранного мониторинга Воронежского института МВД России
e-mail: fisherman.16.10.1980@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые теоретические особенности и актуальные подходы к профилактике преступности на современном этапе. Особое внимание уделено современному состоянию этой проблемы в части разработки и реализации программ профилактики преступности на различных уровнях на основе системного подхода.*

Ключевые слова: *профилактика преступности, программы профилактики преступности, анализ и прогнозирование преступности, системный подход, ресурсное обеспечение.*

SHUVALOV Alexander Pavlovich,
Senior Lecturer at the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia

SIDOROV Alexander Viktorovich,
Candidate of Technical Sciences, Deputy Head of the Department of Radio Engineering Systems and Security Monitoring Complexes at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON SOME ISSUES OF CRIME PREVENTION AT THE PRESENT STAGE

Annotation. *The article discusses some theoretical features and current approaches to crime prevention at the present stage. Special attention is paid to the current state of this problem in terms of the development and implementation of crime prevention programs at various levels based on a systematic approach.*

Key words: *crime prevention, crime prevention programs, crime analysis and forecasting, systematic approach, resource provision.*

Преступность, являясь одной из древнейших форм социального бытия, несмотря на желание большинства представителей человечества избавиться от нее, все еще существует и продолжает развиваться вместе с цивилизацией. Преступность, несомненно, представляет собой сложное явление, которое имеет много разнообразных причин: от биологических до социальных. В процессе исторического развития человечество постепенно убеждалось в том, что для эффективного противодействия преступности нецелесообразно воздействовать на человека, совер-

шающего или уже совершившего преступление, нужно попытаться изменить в лучшую сторону его отношение к себе и окружающему миру, чтобы преступление не было совершено. Таким образом, для эффективной борьбы с преступностью недостаточно только уголовно-правовых мер, которые, очевидно, носят ограниченный характер, так как не затрагивают полностью глубинных причин и условий развития преступности. «Глобальный характер проблем борьбы с преступностью, обусловленный динамизмом обстановки, многообразием процессов и явлений, связанных с ее развитием и распространением в социальной жизни, особенно в теневой сфере, обусловливает актуальность комплексного прогнозирования развития ситуации» [1]. Еще с античных времен возникло понимание, что для более или менее перспективного противодействия преступности, говоря современным языком, нужны не только специальные, в том числе уголовно-правовые, но и социальные меры по совершенствованию общественных отношений, культуры, воспитания, быта, самого человека, устранению негативных явлений и процессов в обществе. Естественно, что тогда еще не существовало никаких научных методов исследования преступности, а выявить ее причины как массового явления на основе анализа единичных преступлений не представлялось возможным. Идеи борьбы с преступностью развивались и обогащались своим содержанием на протяжении многих веков, подпитываясь достижениями философских, социальных, экономических, политических, психологических и других наук. Обобщив исторический опыт борьбы с преступностью, можно сделать следующие выводы:

профилактика преступности является наиболее перспективным и эффективным направлением противодействия преступности;

основой системы профилактики преступности является правовое государство;

под профилактикой преступности должно пониматься единство общесоциальных и специальных видов деятельности государства и общества;

общество и его институты должны принимать непосредственное участие в профилактике преступности и через свои запросы и предложения вносить коррективы в деятельность государства в этом направлении;

целью системы профилактики преступности является существенное снижение количественных и позитивные изменения качественных показателей преступности в государстве;

профилактика преступности требует постоянного и комплексного ресурсного обеспечения;

эффективным научно-методическим обеспечением деятельности по профилактике преступности являются мониторинг, анализ и прогнозирование.

Итак, профилактика преступности – это социально-правовая политика государства, направленная на преодоление криминогенно опасных противоречий в общественных отношениях с целью их положительного разрешения и постепенного вытеснения (общая профилактика), а также специальная опережающая практика противодействия формированию и реализации на различных стадиях преступных проявлений (специальная или криминологическая) профилактика). Особое место в различных классификациях занимает индивидуальная профилактика, направленная на предупреждение преступлений со стороны конкретных лиц. В специальной литературе имеется множество определений профилактики преступности, но, несмотря на некоторое содержательное различие, эти определения по своей сути идентичны, при этом вопрос поиска более точного описания специфики этой деятельности все еще является актуальным.

Профилактика как важный элемент интегративной системы организованного противодействия преступности включает в себя множество разнообразных мер воздействия, четких определений уровней и направлений деятельности субъектов, их компетенции и др. В связи с чем возникает необходимость их классификации, то есть распределения явлений, мер, понятий по классам в зависимости от общих признаков или классификатора. Существуют различные классификации профилактических мер с учетом тех целей, которые перед ними ставятся.

По субъектам РФ прослеживаются достаточно значительные региональные различия количественно-качественных показателей преступности, что обусловлено определенными (областными, местными) особенностями и находит свое отражение в программных документах правоохранительной направленности, реализуемых на соответствующих уровнях. Анализ содержания и практики реализации государственных и региональных программ предупреждения преступности позволяет прийти к определенным принципиальным выводам. Прежде всего, построение и развитие правового государства и цивилизованного общества невозможны без эффективного и системного противодействия преступности на государственном, региональном и местном уровнях. Совершенствование практики планирования мероприятий системы профилактики преступности должно осуществляться на основе современного научно-методического, экономического, политического, материально-технического и информационного обеспечения. Любая борьба с преступностью может превратиться в декларацию, если она не будет носить плановый и системный характер, подкрепленный реальными

действиями с соответствующими видами обеспечения. Региональные (городские, районные, местные) программы обязательно должны учитывать и развивать государственную программу противодействия преступности, интегрироваться в нее самым оптимальным образом. Поэтому по форме, срокам, названию, содержанию разделов и мероприятий региональные и местные программы следует тщательно согласовывать с действующей государственной программой. Вместе с тем региональные программы должны исходить из своих местных условий и специфики криминогенной ситуации в регионе (городе, районе). Разработка региональных программ также должна быть скоординированной и согласованной с положениями государственной программы. Желательно, чтобы при подготовке государственных программ не просто учитывалось мнение регионов, но и последние принимали в этом процессе самое активное участие. Постоянная обратная связь позволяет корректировать, вносить актуальные изменения, контролировать выполнение, вести статистику. Разработка программных документов по предупреждению преступности любого уровня нуждается помимо соответствующего правового оформления и сопровождения в специальном криминологическом научно-методическом обеспечении с обязательной обратной связью, что может быть реализовано в виде создания постоянно действующих рабочих групп специалистов необходимого профиля. «Научное предвидение развития криминогенных процессов, наряду с другими видами прогнозирования призвано обеспечить стабильность функционирования правоохранительной системы в целом, а также способствовать ее адаптации к внутренним и внешним изменениям и адекватному реагированию на потенциальные и реальные угрозы» [2]. Любому цивилизованному обществу необходимо осознавать, что предупреждение преступности, без преувеличения, является всенародным делом, так как преступность посягает на государственные и общественные интересы, права и свободы каждого гражданина. Следовательно, в осуществлении программных мероприятий должны участвовать все без исключения ветви власти, органы государственного управления, общественные организации, социальные группы, СМИ, политические партии, движения, фонды, ассоциации и другие институты гражданского общества, а также все неравнодушные граждане. «Системная и скоординированная деятельность государственных органов власти, органов местного самоуправления и общественности относительно борьбы с преступностью остается сегодня наиболее сложной и важной в развитии современной России» [3].

Таким образом, программы профилактики преступности отличаются по своей специфике от других программных документов, принимаемых органами государственной власти и управления, поэтому они должны разрабатываться с учетом всех выявленных особенностей. Реализация запланированных мероприятий должна осуществляться обязательно с получением обратной связи и критической оценкой полученных результатов с целью оперативного контроля и корректировки.

Список литературы:

[1] Шувалов А. П. Актуальные вопросы применения методов оперативно-розыскного прогнозирования с целью выявления латентных преступлений / А. П. Шувалов // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 24 октября 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2026. – С. 167-174.

[2] Шувалов А. П. Оперативно-розыскное прогнозирование в сфере противодействия религиозному экстремизму как вид научного предвидения / А. П. Шувалов, Д. Н. Тишкин // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 07 июня 2019 года / Ответственный редактор В.В. Осяк. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 259-264.

[3] Шувалов А. П. Актуальные вопросы соотношения уголовной, уголовно-правовой и криминологической политики: системный подход / А. П. Шувалов, Д. Н. Тишкин // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства :Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 21 мая 2020 года / Отв. редактор Н.С. Сорокун. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 297-301.

References:

[1] Shuvalov A.P. Topical issues of the application of operational-search forecasting methods in order to identify latent crimes/ A.P. Shuvalov // Operational-search activity: topical issues of theory and practice: Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, October 24, 2025. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2026. - S. 167-174.

[2] Shuvalov A.P. Operational-search forecasting in the field of countering religious extremism as a type of scientific foresight/

A.P. Shuvalov, D.N. Tishkin // Forensics: topical issues of theory and practice: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 07, 2019/ Executive Editor V.V. Osyak. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. - S. 259-264.

[3] A.P. Shuvalov. Topical issues of the correlation of criminal, criminal law and criminological policy: a systematic approach / A. P. Shuvalov, D. N. Tishkin // Actual problems of the application of criminal law: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 21, 2020/Otv. editor N.S. Sorokun. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. – S. 297-301.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-218-220
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

ИЛЬЯСОВА Регина Ришатовна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО УЮИ МВД России,
e-mail: safiya14.11@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается фундаментальное следственное действие – осмотр места происшествия, который направлен на сбор объективной и первичной доказательственной базы. Автор анализирует юридическую природу, цели и системные задачи осмотра места происшествия. Аргументируется вывод о том, что компетентно проведенный осмотр места происшествия является основополагающей ступенью всего уголовного судопроизводства, который направлен на выдвижение следственных версий и логической очередности проведения следственных мероприятий.*

Ключевые слова: *осмотр места происшествия, следственные действия, уголовный процесс, криминалистика, доказательственная база, фиксация обстановки, механизм преступления, следственные версии, протокол осмотра.*

ILYASOVA Regina Rishatovna,
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Federal State Educational Institution of Higher Education, Uyuganov Institute of Law, Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF CONDUCTING A CRIME SCENE EXAMINATION

Annotation. *This article examines a fundamental investigative action—the inspection of the scene of an incident—which is aimed at gathering an objective, primary evidentiary base. The author analyzes the legal nature, objectives, and systemic tasks of the scene inspection. The article argues that a competently conducted inspection of the scene constitutes a foundational stage of the entire criminal proceeding, serving as the basis for formulating investigative hypotheses and determining the logical sequence of subsequent investigative measures.*

Key words: *crime scene examination, investigative actions, criminal proceedings, forensic science, evidentiary basis, documentation of the scene, mechanism of the crime, investigative hypotheses, examination report.*

В системе отечественного уголовного судопроизводства осмотр места происшествия является одним из значимых и содержательных следственных действий. С осмотра места происшествия в большинстве случаев начинается расследование любых преступлений, а особенно совершенных в условиях неочевидности. Важно отметить от того, насколько полно, объективно и компетентно проведен данный осмотр, зависит дальнейший ход расследования, грамотно сложенной доказательственной базы, и как итог окончательное принятие законного и обоснованного решения по материалам уголовного дела.

Рассматривая осмотр места происшествия с методологического и процессуального подхода, приходим к выводу, что указанное следственное действие представляет собой сложный и многогранный процесс. В отечественной научной литературе осмотр места происшествия определяется как следственное действие, состоящее в непосредственном зрительном восприятии лицом, производящим расследование, различных

материальных объектов в целях обнаружения следов преступления и установления иных обстоятельств, имеющих значение для дела[1]. Исходя из данного определения, вытекает основная характеристика осмотра – его прямое действие, отличающее его от иных видов получения доказательственной базы.

Важно отметить юридическую природу рассматриваемого следственного действия. В науке уголовного процесса отмечено, что осмотр места происшествия занимает исключительную роль в создании первоначальной доказательной информации. Связано это с тем, что через него правоприменитель получает первичную, реальную и неподдельную информацию о месте происшествия и характере преступления[2]. В отличие от показаний свидетелей, которые могут давать ложные показания, материальные следы и обстановка, фиксируемые в ходе осмотра места происшествия, являются наиболее объективными источниками доказательств.

Осмотр места происшествия – это не отстранённое наблюдение, а процесс, который требует активного вмешательства, анализа и практической деятельности. Как справедливо отмечают многие ученые-правоведы, осмотр вбирает в себя не только наблюдение, но и активное исследование[3]. В результате, должностное лицо проводящее расследование не просто фиксирует то, что созерцает на поверхности, а применяет криминалистические приемы и методы, проводит исследование взаимосвязи между объектами, выявляет скрытые следы и их причинно-следственную связь. Не возможно не согласиться с мнением Е.С. Липка, который отмечает, что осмотр – это то следственное действие, которое нередко ведет к раскрытию преступления и обнаружению следов[4]. Данное утверждение основано на практическом опыте: компетентно проведенный осмотр места происшествия в большинстве случаев позволяет выявить важную информацию еще до возбуждения уголовного дела и до начала проведения допросов.

В практической деятельности имеют важную роль и цели осмотра места происшествия, которые включают в себе доказательную и познавательную функции уголовного процесса. Во-первых, выявление (обнаружение) материальных следов преступления. Это базовая цель, без достижения которой осмотр теряет свой смысл. Как указывается в специальной литературе, осмотр предполагает обнаружение материальных следов преступления; фиксацию выявленных следов; выявление других обстоятельств, значимых для расследования [5]. Обнаружению подлежат самые разнообразные объекты: от классических отпечатков пальцев рук и следов обуви до микрообъектов (волокон, частиц вещества), следов биологического происхождения (кровь, слюна, волосы), повреждений на преградах и предметах. Во-вторых, фиксация обстановки места происшествия. Данная цель выходит за рамки простого поиска. Она предполагает всестороннее документирование взаимного расположения предметов, состояния помещения или участка местности, возможных путей движения преступника и жертвы [6]. Осмотр не ограничивается только поиском следов, но и всесторонним документированием обстановки. Качественная фиксация обстановки позволяет впоследствии реконструировать картину события, выдвигать обоснованные версии о механизме преступления [7]. В-третьих, установление механизма образования следов и связи между обнаруженными объектами, а также лицами, причастными к событию. Осмотр позволяет установить механизм [8] образования следов, связи этих следов с объектами, обнаруженными при осмотре, и лицами, причастными к данному событию. Иными словами, осмотр направлен не только на констатацию факта наличия следов, но и на осмысление того, как эти следы возникли, в какой последовательности, какие действия преступника к ним привели.

Наконец, осмотр позволяет выявить дополнительные, порой неочевидные обстоятельства, значимые для расследования. К ним относятся возможные маршруты входа и выхода преступников, временные характеристики места происшествия, источники потенциальных свидетельств, объекты, ранее не учтенные, но имеющие значение для дела. Осмотр служит отправной точкой для формирования следственных версий и дальнейших действий.

Достижение перечисленных целей обеспечивается через решение конкретных задач осмотра места происшествия. На основе анализа доктринальных источников можно выделить следующие системные задачи:

получение фактической информации о месте происшествия, которая требует от следователя максимальной объективности и отсутствия предвзятости. Необходимо зафиксировать текущее состояние обстановки в том виде, в котором она застигнута моментом осмотра, чтобы иметь надежную основу для последующих выводов;

обнаружение, исследование и фиксация следов и вещественных доказательств. Ключевая задача, предполагающая применение всего арсенала криминалистических средств и методов;

уяснение механизма происшествия и установление причинно-следственных связей. Решение этой задачи позволяет выстроить логически непротиворечивую картину события: какие объекты были задействованы, как перемещались участники, какие силы и средства применялись, в какой последовательности развивались события.

Данная задача имеет важнейшее значение для формирования обоснованных версий преступления и выбора тактики дальнейших следственных действий;

обеспечение правовой фиксации обстановки и следов. Протокол осмотра места происшествия, фото- и видеоматериалы, схемы, чертежи, планы – все эти носители информации служат документальной основой, на которой базируются последующие доказательства. Качественное процессуальное оформление результатов осмотра обеспечивает их допустимость и относимость, а также минимизирует риск возникновения спорных вопросов при судебном рассмотрении дела;

создание исходной базы для производства иных следственных действий. Осмотр места происшествия практически всегда становится отправной точкой, от которой следователь строит дальнейший план расследования. Информация, полученная при осмотре, определяет содержание допросов, круг вопросов, ставящихся перед экспертами, необходимость и направление проверки показаний на месте, следственного эксперимента.

Таким образом, осмотр места происшествия – это краеугольное следственное действие, обеспечивающее получение наиболее первичной, непосредственной и объективной информации о месте преступления и его механизме. Его цели (обнаружение следов, фиксация обстановки, установление значимых обстоятельств) реализуются через систему конкретных задач: исследование, документирование, анализ причинно-следственных связей и создание основы для дальнейшего расследования. Осмотр не просто подготавливает почву для последующих следственных действий, но по сути является отправной точкой всего расследования, позволяя следователю сформировать первые обоснованные гипотезы, построить версии и спланировать дальнейшие мероприятия по уголовному делу.

Список литературы:

[1] Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. — 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2021. – 301 с.

[2] Россинский, С.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / С.Б. Россинский. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2020. – 425 с.

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории / Р.С. Белкин. – Москва: Юристъ, 1997. – 205 с.

[4] Липка Е.С. Осмотр места происшествия как первоначальное следственное действие / Е.С. Липка. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2019. – С. 45–47.

[5] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. – 9-е изд., перераб. – Москва: НИУ ВШЭ, 2020. – С. 356–360.

[6] Мухаметшин, Ф. Б. Вопросы защиты прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса / Ф. Б. Мухаметшин // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 56-61. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.010. – EDN XAVKVW.

[7] Шевелева, С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[8] Хасанова, З. И. Особенности процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

References:

[1] Forensics: textbook/ed. A.G. Filippova. - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Yurayt, 2021. - 301 s.

[2] Rossinsky, S.B. Criminal trial: a textbook for universities/S.B. Rossinsky. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Norma, 2020. - 425 s.

[3] R.S. Belkin Forensic Course: In 3 Vol. 2: Private Forensic Theories/R.S. Belkin. - Moscow: Lawyer, 1997. - 205 s.

[4] E.S. Lipka. Examination of the scene as an initial investigative action/E.S. Lipka. - Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. - Moscow, 2019. - S. 45-47.

[5] Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal process: textbook/under the general. ed. A.V. Smirnova. - 9th ed., Revised. - Moscow: HSE, 2020. - S. 356-360.

[6] Mukhametshin, F. B. Issues of protecting the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process/F. B. Mukhametshin // Law and statehood. – 2026. – № 2(11). - S. 56-61. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.010. – EDN XAVKVW.

[7] Sheveleva, S. S. Balanced CMF of criminal proceedings: criteria for admissibility and minimization of latent risks/S. S. Sheveleva // Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - S. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[8] Khasanova, Z. I. Features of the procedural status of a suspect in criminal proceedings/ Z. I. Khasanova // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-221-224

КОРНЕВА К.А.,
аспирант Юридической школы Дальневосточного федерального университета, ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
e-mail: korneva.ka@dvfu.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч.1 СТ. 303 УК РФ

Аннотация. *В данной статье исследуются особенности субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, как одного из обязательных элементов состава фальсификации доказательств по гражданскому и административному делу. Автором проанализированы законодательная конструкция специального субъекта, положения уголовного и цивилистического процессуального законодательства, а также научные подходы к определению круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за совершение данного преступления. Особое внимание в работе уделено проблеме отсутствия в числе субъектов преступления судьи и иных лиц, содействующих правосудию.*

Ключевые слова: *фальсификация доказательств, субъект преступления, специальный субъект, преступления против правосудия, судебное доказывание.*

KORNEVA K.A.,
postgraduate student of the Law School of the Far Eastern Federal University, assistant of the Department of Civil Law and Procedure of the Law School of the Far Eastern Federal University

ON SOME PROBLEMS OF THE SUBJECTS OF THE CRIME PROVIDED FOR PART 1 OF ARTICLE 303 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the features of the subject of the crime provided for part 1 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, as one of the mandatory elements of the composition of falsification of evidence in a civil and administrative case. The article analyzes the legislative design of a special subject, the provisions of criminal and civil procedural legislation, as well as scientific approaches to determining the circle of persons subject to criminal liability for committing this crime. Special attention is paid to the problem of the absence of judges and other persons who assist in the administration of justice among the subjects of the crime.*

Key words: *falsification of evidence, subject of the crime, special subject, crimes against justice.*

Проблема фальсификации доказательств занимает особое место в системе преступлений против правосудия, поскольку посягает на саму основу отправления правосудия. Актуальность темы обусловлена возрастающим значением обеспечения достоверности доказательственной информации, особенно в условиях цифровизации правосудия, расширения сферы применения электронных документов и развития новых способов незаконного воздействия на установление фактических обстоятельств при разрешении цивилистических споров. Данная проблема подлежит рассмотрению как межотраслевой институт, поскольку фальсификация доказательств фигурирует в нормах как уголовного, так и процессуального права РФ, в частности, в Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе, Кодексе административного судопроизводства РФ.

Несмотря на то, что в научной литературе, посвященной преступлению, предусмотренному ч.1 ст. 303 УК РФ, основное внимание уделяется способам фальсификации доказательств или объективной стороне, субъект данного преступления также представляет собой самостоятельный научный интерес.

Прежде всего, субъект преступления — это элемент состава преступления, объединяющий признаки, характеризующие лицо, совершившее преступное посягательство [1].

Уголовный кодекс РФ не раскрывает содержание понятия «субъект преступления», используя этот термин только в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Для его обозначения служат слова и словосочетания «виновный», «осужденный», «лицо», «лицо, совершившее преступление», «лицо, подлежащее уголовной ответственности» и т. д. [2].

Согласно ст. 19 УК РФ субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Законодательное определение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по гражданским и административным делам, позволяет установить пределы действия данной уголовно-правовой нормы. В действующей редакции ч.1 ст. 303 УК РФ субъектный состав построен ограничительно и не подлежит произвольному расширительному толкованию. Исследовательский интерес видится в выбранной законодателем юридической технике конструирования данной нормы, заключающейся в использовании в ч.1 ст.303 УК РФ конструкции специального субъекта для дифференциации ответственности.

Подобная конструкция отражает идею специального субъекта, связанного с конкретным процессуальным статусом. Институт специального субъекта преступления известен отечественной уголовно-правовой доктрине с 1950-х гг., когда он впервые был исследован в трудах В. С. Орлова,Р. Р.. Орымбаева [3]. Так, одним из понятий специального субъекта следует считать физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности и совершившее преступление путем использования своего социального статуса или роли [4].

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, является вменяемое лицо, достигшее 16 лет, обладающее статусом, указанным в диспозиции, либо соответствующее должностное лицо [5]. При определении статуса субъекта правоприменителю следует учитывать особенности доказывания в различных видах судопроизводства и полномочия его участников. Так, субъектом преступления по ч. 1 ст. 303 УК РФ может быть только лицо, участвующее в деле, или его представитель. Состав лиц, участвующих в деле, определяется ст. 34 ГПК РФ и ст. 40 АПК РФ, положения о представительстве закреплены в ст. 49 ГПК РФ и ст. 59 АПК РФ. Таким образом, к первым относятся истцы, ответчики, третьи лица, прокурор, органы государственного управления, заявители, заинтересованные граждане и иные лица, указанные в процессуальном законодательстве. Представителем является гражданин, имеющий надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела. С учетом изложенного субъект фальсификации доказательств должен обладать не только уголовной, но и гражданско-процессуальной право- и дееспособностью.

Тем самым законодатель, закрепляя ответственность в ст. 303 УК РФ, исходил из необходимости защитить процессуальную истину от умышленного искажения доказательственной базы. Однако при анализе диспозиции ч.1 ст. 303 УК РФ обращает на себя внимание значимое обстоятельство: в перечне субъектов данного преступления отсутствует судья, а также иные лица, содействующие правосудию, т. е. секретарь, помощник судьи. Ранее Асташовым С. Е. было сформулировано, что не подлежат включению в число субъектов фальсификации доказательств лица, не являющиеся заинтересованными участниками процесса, а только содействующие осуществлению правосудия, в частности эксперт, переводчик, специалист, помощник судьи, секретарь судебного заседания, лица, представляющие доказательства по запросу суда [6].

Если фальсификация доказательств оценивается как деяние, подрывающее доверие к правосудию, то логично изложить, что субъектами ответственности должны выступать все лица, обладающие реальной возможностью совершить подобное преступление. Исходя из изложенного ранее субъектами фальсификации доказательств являются лица, имеющие высшее юридическое

образование, которые оказывали юридические услуги либо проходили службу в правоохранительных органах и, следовательно, имеют познания в области судебного доказывания [7].

В этом разрезе и видится проблемная зона применения ст. 303 УК РФ. Судья, помощник судьи и секретарь судебного заседания не перечислены среди субъектов ст. 303 УК РФ, хотя их служебное положение и уровень образования позволяет им воздействовать на доказательства не менее существенно, чем сторонам спора или их представителям. Эти лица обладают доступом к материалам дела, протоколам судебных заседаний, техническим средствам фиксации процесса и иным доказательствам по гражданским и административным делам. Тем самым отсутствие судьи в числе субъектов преступления, предусмотренного ч.1 ст.303 УК РФ, порождает научную дискуссию. Именно судья оценивает доказательства на предмет их относимости, допустимости, достаточности, достоверности, по внутреннему убеждению дает им оценку, следовательно, судья не может быть абсолютно исключен из доказательственной деятельности по гражданским делам. Поскольку судья является субъектом оценки доказательств, постольку его вмешательство в доказательственную деятельности представляет собой серьезную общественную опасность, т. к. результаты его оценки лежат в основе принятого судебного акта по делу.

К потенциально доступным способам совершения такого преступления (внесение искажений в протокол судебного заседания, сокрытие ходатайств, заявлений, аудиозаписей и иных сведений, имеющих доказательственное значение и др.) имеется доступ у этих лиц. Следовательно, исключение их из сферы прямого действия нормы приводит к образованию правового пробела. Возникает закономерный вопрос: выявленный правовой пробел являет собой квалифицированное умолчание законодателя или недостаток юридической техники?

С научной точки зрения такой пробел нельзя признать оправданным. Если уголовно-правовой запрет направлен на защиту достоверности судебного познания, то логика закона должна охватывать не только сторон процесса, но и носителей властных процессуальных полномочий, поскольку их действия способны причинить даже более значительный вред.

На практике подобные деяния могут совершаться не только умышленно, но и под влиянием служебной зависимости, процессуальной заинтересованности или иных мотивов, связанных с исходом дела. При этом общественная опасность таких действий выше, чем при аналогичных нарушениях со стороны иных участников судопроизводства, поскольку речь идет о злоупотреблении властными полномочиями лицом, обязанным обеспечивать объективность и законность процесса.

В настоящее время действия судьи при наличии признаков умышленного искажения процессуальных документов или доказательств оцениваются по ст. 292 УК РФ как служебный подлог. Так, в п. 12 Постановления Пленума РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» дополнительно разъяснено, что умышленные действия уполномоченных должностных лиц по уничтожению и (или) сокрытию предметов и документов, которые содержат сведения, имеющие доказательственное значение, необходимо квалифицировать по соответствующей статье гл. 30 УК РФ.

При детальном анализе конструкций ст. 292 и ст. 303 УК РФ наблюдаются некоторые законодательные контроверзы:

ст. 292 УК РФ ориентирована на охрану нормальной деятельности органов власти и интересов государственной службы, тогда как ст. 303 УК РФ защищает именно правосудие и достоверность доказательственной базы. Следовательно, при фальсификации доказательств судья посягает не только на служебные отношения, но на сам механизм отправления правосудия.

служебный подлог определен законодателем как внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности. В свою очередь, фальсификация доказательств возможна в больших формах, как уже было указано ранее, что свидетельствует о специфичном характере данного преступления и особой общественной опасности такого деяния.

Таким образом, в этом аспекте интересно соотношение принципа равенства с точки зрения уголовно-правовой охраны и гарантии независимости судей, которые не должны вступать в противоречие. Представляется, что существующее законодательное регулирование не обеспечивает полной уголовно-правовой охраны отношений, складывающихся в сфере осуществления правосудия. Исключение судьи из числа субъектов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, при сохранении возможности квалификации соответствующих действий лишь по ст. 292 УК РФ не позволяет в полной мере учитывать объект посягательства и специфику общественной опасности фальсификации доказательств.

В этой связи вопрос о совершенствовании

субъектного состава ч. 1 ст. 303 УК РФ представляется заслуживающим дальнейшего научного обсуждения.

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с.

[2] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.

[3] Караваева Ю. С. Уголовно значимые правовые состояния как специальные признаки субъекта преступления // Российский юридический журнал. 2023. N 6. С. 79 - 90.

[4] Караваева Ю. С. Специальный субъект преступления: криминолого-правовой подход: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.

[5] Чекмезова Е. И. Преступления против правосудия: монография. Омск: Сибирский юридический университет, 2024. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

[6] Асташов С. В. Фальсификация доказательств по гражданскому делу (части 1 и 3 статьи 303 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / С. В. Асташов. - автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. – 456 с.

[8] Попов В. П. Основные положения криминалистической характеристики фальсификации доказательств // Российский следователь. 2019. N 12. С. 15 – 19.

References:

[1] Russian criminal law. General and Special parts: Textbook/A.A. Aryamov, T.B. Basova, E.V. Blagov and others; resp. ed. Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. M.: CONTRACT, 2017. 384 pp.

[2] Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook for universities/ N.N. Belokobylsky, G.I. Bogush, G.N. Borzenkov and others; ed. V.S. Komissarova, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. M.: Statute, 2012. 879 p.

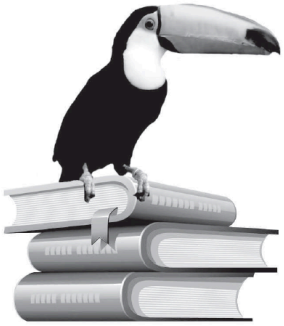
[3] Karavaeva Yu. S. Criminally significant legal conditions as special signs of the subject of the crime // Russian Law Journal. 2023. N 6. S. 79-90.

[4] Yu. S. Karavaeva. Special subject of crime: criminal law approach: dis.... cand. jurid. sciences. Omsk, 2017.

[5] Chekmezova E.I. Crimes against justice: monograph. Omsk: Siberian Law University, 2024. 1 electron. wholesale disc (CD-ROM).

[6] Astashov S.V. Falsification of evidence in a civil case (parts 1 and 3 of article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of criminal legal regulation and qualifications/ S.V. Astashov. - autoref. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2013. - 456 s.

[8] Popov V.P. The main provisions of the forensic characterization of falsification of evidence // Russian investigator. 2019. N 12. S. 15-19.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-225-230

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID: 0000-0078-9276-5211, ResearcherID: T-8912-2023 Scopus AuthorID: 82640173651, e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ЦИФРОВЫЕ И КВАЗИФИНАНСОВЫЕ КАНАЛЫ СОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье приведены результаты авторского исследования особенностей трансформации ресурсной базы обеспечения террористической деятельности. Рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации финансирования терроризма, осуществляемого с использованием цифровых децентрализованных платежных инструментов. Сделан вывод о том, что современный технологический сектор предопределил качественную эволюцию способов оказания содействия террористической деятельности, при которой традиционные фиатные расчеты замещены скрытой цифровой и квазифинансовой инфраструктурой. Действующая правоприменительная практика, основанная на консервативных подходах, сталкивается с трудностями при фиксации преступлений, совершаемых с использованием анонимизированных виртуальных активов, трансграничных расчетных систем и неверифицируемых банковских карт. Автор ретроспективно прослеживает эволюцию обеспечительных механизмов радикальных структур. В результате приходит к обоснованному выводу о необходимости внедрения критерия «цифровой заведомости» для эффективного доказывания прямого умысла. Авторский алгоритм оценки действий жертвы в сочетании с предлагаемыми изменениями в диспозицию статьи 205.1 УК России позволит сформировать единообразную правоприменительную практику на фоне современных угроз национальной безопасности.*

Автор аргументированно утверждает, что, несмотря на тотальный контроль в глобальной банковской сфере, радикальные структуры до сих пор находят лазейки для финансового обеспечения террористической деятельности. В качестве ключевого инструмента задействуются возможности децентрализованных сетей и сервисы анонимизации криптовалют. Для эффективного пресечения террористических квазифинансовых схем государству необходимо расширять рамки криминологического контроля. Очевидно, что противодействовать необходимо не только с координаторами финансовых сборов. Контроль должен охватить всю цепочку посредников, вплоть до номинальных держателей карт и счетов, которые обеспечивают техническую сторону перевода денежных средств.

Ключевые слова: *содействие террористической деятельности; финансирование терроризма; ст. 205.1 УК России; судебная практика; криптоактивы; система «хавала»; дроп-карты; ИТ-мошенничество; квалификация преступлений; виктимологическая профилактика.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

DIGITAL AND QUASI-FINANCIAL CHANNELS OF COMPLICITY IN TERRORISM: STATE-LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF CRIME QUALIFICATION

Annotation. *The article, which develops a series of studies on the transformation of the resource base of organized crime, deals with the problems of criminal law and criminological qualification of terrorist financing through modern decentralized payment tools. It was the technological sector that predetermined the qualitative evolution of methods of assisting terrorist activity, in which traditional fiat settlements are replaced by a hidden digital and quasi-financial infrastructure. Current investigative practice, based on conservative approaches, faces serious difficulties in capturing crimes committed using anonymized virtual assets, transborder settlement systems ("hawala") and proxy bank cards (drop-cards). Author retrospectively traces the evolution of the securing mechanisms of radical structures and substantiates the necessity of introducing the "digital knowledge standard" for effective proof of direct intent. The developed algorithm for assessing the actions of the subject in combination with the doctrinal project of amendments to Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is intended to serve as a great help for the formation of uniform judicial practice against the background of modern threats to national security.*

Why, in conditions of total control and transparency of the global banking system, decentralized shadow networks and cryptocurrency mixers are still unhindered used by international terrorist organizations for accumulation and cross-border movement of colossal capitals? The law enforcer intends to expand the scope of preventive criminological control — not only regarding the organizers of fundraising, but also regarding the entire network of technical intermediaries, including nominee cardholders.

Key words: *assisting terrorist activity; terrorist financing; Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; judicial practice; crypto-assets; hawala system; drop-cards; IT fraud; qualification of crimes; victimological prevention.*

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в условиях беспрецедентного внешнего давления требует постоянного пересмотра уголовно-правовых подходов к пресечению каналов материального обеспечения организованной преступности и террористических структур. Сегодня экономическая основа терроризма претерпевает серьезные изменения. Привычные банковские переводы и наличные расчеты уступают место скрытой цифровой инфраструктуре. Затрагиваемая проблема имеет важное значение для теории и практики уголовного права. Проблемы материального обеспечения террористической деятельности традиционно находятся в фокусе внимания отечественных исследователей.

Базовые вопросы соучастия в преступлениях заложены в трудах Ю. А. Клименко. Исследователь выявил критерии классификации преступного взаимодействия по формам, сформулировал авторское определение данного понятия и систематизировал варианты совместного совершения преступлений, в том числе террористического характера, выделив пять форм соучастия в Общей части УК РФ и десять его видов в Особенной части [1, с. 157]. Проблемы квалификации специальных форм содействия такой деятельности и участия в групповых структурах террористической направленности детально исследованы в работах Д. К. Бокова [2, с. 25].

В свою очередь, актуальные проблемы противодействия сопутствующему теневому перемещению капиталов и современные стандарты финансового мониторинга изучены в работах В. В. Красинского [3, с. 15], который сфокусировался на высокотехнологичных угрозах, проведя глубокий криминологический анализ блокчейн-платформ, систем отслеживания криптовалютных транзакций и современных механизмов финансирования терроризма. Риски цифровой трансформации для уголовного права и проблемы обеспечения безопасности в информационной среде подробно исследованы Е. А. Капитоновой [4, с. 96], уделившей особое внимание уголовно-правовым рискам новых форм девиантных действий в интернет-пространстве (пранков, треш-стримов и нелегальных онлайн-трансляций). При этом специфика современного виктимологического анализа и снижения рисков латентной вовлеченности потенциальных жертв в террористическую активность, в том числе с учетом психологических, социальных и информационных факторов цифровизации, системно раскрывается в новейших интегративных исследованиях А. Г. Черявко и М. В. Майбороды [5].

Безусловно, эти исследования имеют колоссальное значение для науки. Однако новейшие технологические тренды объективно остались за рамками прежних дискуссий. Точно так же и дей-

ствующий текст статьи 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [6] и вместе устоявшимися разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации [7] создавались в то время, когда правоприменитель имел дело исключительно с традиционными, классическими финансовыми расчетами.

Современная криминологическая ситуация характеризуется масштабным использованием преступниками анонимных электронных кошельков, трансграничных внебанковских сетей взаимных расчетов, подставных банковских карт и схем телефонного мошенничества. На фоне глобальной цифровизации правоохранительные органы сталкиваются с трудностями при правовой оценке высокотехнологичных противоправных явлений. При этом отсутствие единого подхода к фиксации подобных технологических «цифровых следов» затрудняет реализацию принципа неотвратимости наказания и требует адаптации уголовно-правовых подходов к современным реалиям.

Проводимый авторский анализ позволяет взглянуть на институт соучастия в террористической деятельности шире, отказавшись от консервативного понимания финансирования исключительно как материального обеспечения. Для описания этих процессов целесообразно использовать понятие «квазифинансовой инфраструктуры терроризма», обозначающее латентную, функционирующую вне государственного контроля систему децентрализованных институтов передачи ценностей (в том числе виртуальных) умышленно используемую террористическими организациями для обхода защитных фильтров национальных мониторинговых структур. Введение этой дефиниции создаст возможность более точно дифференцировать ответственность технических посредников и детально описать современные бесконтактные механизмы ресурсного обеспечения терроризма.

Результаты анализа показывают, что внутри современной структуры квафинансирования терроризма прослеживается деление участников на два основных уровня. К первому относятся организаторы и координаторы сборов, выполняющие организационно-управленческие задачи. Второй уровень формируют технические посредники. К ним относятся всевозможные операторы систем неформальных расчетов, предоставляющие инструменты анонимизации, а также номинальные владельцы банковских счетов («дропперы»). Такая дифференциация позволяет точнее определить характер содействия преступным группам, степень осведомленности каждого соучастника и индивидуализировать ответственность по статье 205.1 УК России.

Чтобы правильно разделить ответственность теневых посредников, необходимо точно определить, чего именно они хотели и что осознавали. Для этого предлагается ввести в научный оборот и использовать критерий «цифровой заведомости». Он работает как технический алгоритм. Если человек в момент перевода денег специально использует программы для сокрытия своих платежей, то является прямым доказательством наличия у него противоправного умысла.

На фоне внедрения криптовалюты в криминальный оборот у правоприменителей возникают сложности в определении точного момента окончания финансирования терроризма, поскольку цифровые денежные средства проходят многоэтапные цепочки подставных кошельков и криптообменники. Для квалификации преступления по статье 205.1 УК России принципиален сам факт того, что человек безвозвратно отдал деньги или имущество, прекрасно понимая, кому и зачем они пойдут. Если речь идет о цифровых платежах, то финансирование терроризма возможно считать оконченным в момент, когда фиксация транзакции о переводе появляется в блокчейне. По мнению автора, именно в данный момент отправитель теряет контроль над находившейся в его распоряжении криптовалютой. При этом получатель (или связанные с ним посредники) этот контроль приобретают.

Последующая конвертация цифровой валюты в наличные деньги лежит за пределами объективной стороны данного состава преступления и относится к стадии реализации преступных доходов[3].

Специфика функционирования внебанковской системы «хавала» заключается в том, что трансграничный перевод ценностей осуществляется на основе клирингового взаимозачета между крипто-брокерами, в результате чего физического перемещения денег через государственную границу не происходит. Передача наличных средств посреднику внутри страны влечет автоматическую выдачу эквивалентной суммы в целевом регионе, что полностью выводит транзакцию из-под контроля органов финансового мониторинга.

Сложность квалификации действий указанных брокеров связана с определением их роли в соучастии финансирования терроризма. Вменение статьи 205.1 УК России теневому спонсору обоснованно только при наличии прямых доказательств его осведомленности о конечном деструктивном векторе движения денег. Если же посредник действует вслепую, обеспечивая лишь транзит в рамках общего теневого бизнеса, его деяние подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 172 УК России, т.е. квалифицируется как незаконная банковская деятельность. В этом случае отправитель средств несет самостоятельную ответственность за фи-

нансирование терроризма через квазифинансовый институт. Данный подход соотносится с международным опытом [8], где режимы контроля за неформальными платежными системами встроены в общую структуру противодействия отмыванию доходов.

Сходные проблемы возникают при оценке деятельности номинальных владельцев счетов, чьи карты используются как базовый низовой элемент для сбора средств. Правоохранительные органы нередко автоматически рассматривают «дропперов» в качестве соучастников финансирования терроризма. В тоже время разграничение составов здесь, по мнению автора, также должно проводиться через оценку направленности умысла. Если лицо передает платежное средство за вознаграждение без понимания специфики его дальнейшего использования, содеянное образует состав неправомерного оборота средств платежей, предусмотренный статьей 187 УК России. Если же доказано, что лицо предоставляло банковские карты, достоверно зная, что их реквизиты используются интернет-ресурсами террористических организаций, его действия подлежат прямой квалификации по части 1.1 статьи 205.1 УК России.

Серьезным вызовом последних лет стала интеграция инструментов социальной инженерии в схемы ресурсного обеспечения терроризма. Денежные средства граждан, похищаемые под видом перевода на «безопасные счета», транзитом направляются на материально-техническое обеспечение запрещенных военизированных формирований. Правовой статус лица, ставшего жертвой психологического воздействия и лично переведшего денежные средства, зависит от наличия умысла. Отсутствие осознания лицом общественно опасного характера своих действий исключает субъективную сторону преступления, предусмотренного статьей 205.1 УК России. Обманутый гражданин должен рассматриваться в качестве потерпевшего от мошенничества (статья 159 УК России). Напротив, действия организаторов таких мошеннических колл-центров обладают повышенной общественной опасностью. Требуют вменения по совокупности преступлений и привлечению к ответственности за хищение чужого имущества путем обмана и последующее умышленное финансирование террористической деятельности.

Одной из наиболее сложных проблем на практике остается доказывание прямого умысла, когда сбор денежных средств маскируется под легитимную благотворительность или гуманитарную помощь. Для преодоления этих трудностей предлагается также использовать критерий «цифровой заведомости». Он более точно позволит сделать вывод о намерениях лица на основе анализа объективно оставляемых им электронных следов.

Наличие прямого умысла на финансирование террористической деятельности можно считать доказанным при фиксации судом четкой цепочки взаимосвязанных факторов. В качестве отправной точки выступает сам факт транзакции на адрес крипто-кошелька или счет, который на момент перевода уже находился в так называемых «черных списках» Росфинмониторинга. Далее суду необходимо оценить технологическое маскирование платежа, при котором отправитель осознанно прятал свой сетевой след с помощью VPN-сервисов, защищенных браузеров или криптомиксеров. Логическим завершением этой цепочки является фиксация конспиративного характера общения перед переводом, когда переписка велась исключительно в «секретных чатах» мессенджеров с функцией автоматического удаления сообщений.

Такая последовательность действий позволит обоснованно констатировать наличие умысла и исключить версию подсудимого о якобы добросовестном заблуждении. Использование данного формата позволит заменить оценку противоречивых устных показаний анализом объективных, материально фиксируемых технических данных.

Перспективным направлением в правоприменении также видится адаптация классических институтов уголовного права для точной индивидуализации ответственности лиц, ставших объектом технологического манипулирования.

Для нормативного закрепления выработанных подходов предлагается расширить понятие финансового обеспечения преступной деятельности, изложив Примечание 1 к статье 205.1 УК РФ в следующей редакции:

«Под финансированием терроризма в настоящем Кодексе понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, а равно предоставление, сбор, обмен, смешивание или перемещение цифровых финансовых активов, цифровой валюты, электронных денежных средств, равно как и использование неформальных расчетно-клиринговых систем, с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных настоящей статьей…»

Введение данной дефиниции позволит однозначно зафиксировать на законодательном уровне, что виртуальные активы и неформальные расчеты признаются полноценным предметом и способом совершения преступления, независимо от их физической формы или легального статуса.

Автор также считает, что обоснованная в исследовании дифференциация ответственности технических посредников требует нормативного

закрепления. В этих целях предлагается дополнить части 1 и 1.1 статьи 205.1 УК РФ квалифицирующим признаком, предусматривающим повышенную ответственность за совершение преступления «с использованием сети Интернет, цифровых валют, анонимных платежных инструментов или с привлечением номинальных владельцев средств платежа».

Реализация данных предложений в правоприменительной сфере унифицирует подходы к определению момента окончания преступления, совершаемого через бесконтактные распределенные платформы. Суды и органы предварительного расследования получат четкие нормативные ориентиры, что позволит минимизировать риски ошибочного вменения смежных составов и исключит уклонение от ответственности виновных лиц под предлогом отсутствия фиатных денег в транзакциях. В сфере предупреждения преступлений криминологический контроль использования подставных карт и анонимных систем расчетов окажет сдерживающее воздействие на лиц, предоставляющих свои платежные инструменты теневому сектору экономики, разрушая обеспечительную инфраструктуру преступных организаций на ее начальном, низовом уровне.

Выделение цифровой и квазифинансовой инфраструктуры в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой защиты открывает новые перспективы для научного развития понятия «соучастие». Практическое внедрение предложенного в работе стандарта «цифровой заведомости» в сочетании с проектом изменений в статью 205.1 УК РФ будет способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в квалификации преступлений, обеспечивая единообразие и укрепление национальной безопасности России.

Список литературы:

[1] Клименко, Ю. А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления / Ю. А. Клименко. — DOI 10.17803/1729-5920.2016.114.5.156-168 // Lex russica (Закон русской науки). — 2016. — № 5 (114). — С. 156–168. — URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.114.5.156-168 (дата обращения: 28.07.2026).

[2] Боков, Д. К. Финансирование терроризма: спорные вопросы квалификации / Д. К. Боков. — DOI 10.18572/1812-3783-2024-12-25-28 // Российский следователь. — 2024. — № 12. — С. 25–28. — URL: https://lawinfo.ru/articles/8764/finansirovanie-terrorizma-spornye-voprosy-kvalifikacii (дата обращения: 28.07.2026).

[3] Красинский, В. В. Борьба с финансированием терроризма и экстремизма : монография / В. В. Красинский. — Москва : ИНФРА-М, 2021. — 184 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-015843-3. — URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=358941 (дата обращения: 28.07.2026).

[4] Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия : монография / О. В. Безрукова, Е. А. Капитоновой, Г. П. Кулешова [и др.] ; под ред. Г. Б. Романовского. — Москва : Проспект, 2023. — 176 с. — ISBN 978-5-392-27437-6. — URL: https://book.ru/book/937567 (дата обращения: 28.07.2026).

[5] Черявко Е. Д., Майборода Э. Т. Интегративная модель виктимологии терроризма: междисциплинарный подход // Психология и право. 2026. Т. 16, № 1. С. 223–239. DOI: 10.17759/psylaw.2026160114..

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[7] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[8] Central Prevention of Money-Laundering Act, 2002. Financial Intelligence Unit – India, 2022.

References:

[1] Klimenko, Yu. A. Classification of complicity: forms, types, significance for the criminal law assessment of the crime/Yu. A. Klimenko. - DOI 10.17803/1729-5920.2016.114.5.156-168 // Lex russica (Law of Russian Science). — 2016. — № 5 (114). - S. 156-168. - URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.114.5.156-168 (access date: 28.07.2026).

[2] Bokov, D. K. Financing of Terrorism: Controversial Qualification Issues/D. K. Bokov. - DOI 10.18572/ 1812-3783-2024-12-25-28 // Russian investigator. — 2024. — № 12. - S. 25-28. — URL: https://lawinfo.ru/articles/8764/finansirovanie-terrorizma-spornye-voprosy-kvalifikacii (дата обращения: 28.07.2026).

[3] Krasinsky, V.V. The fight against the financing of terrorism and extremism: monograph/ V.V. Krasinsky. - Moscow: INFRA-M, 2021. - 184 p. - (Scientific thought). — ISBN 978-5-16-015843-3. - URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=358941 (access date: 28.07.2026).

[4] Terrorism and modern law: topical issues of counteraction: monograph/O. V. Bezrukova, E. A. Kapitonova, G. P. Kuleshova [and others]; ed. G. B. Romanovsky. - Moscow: Prospekt, 2023. - 176 p. - ISBN 978-5-392-27437-6. - URL: https://book.ru/book/937567 (access date: 28.07.2026).

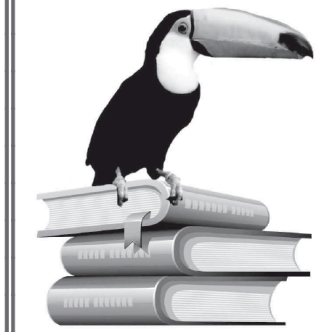
[5] Cheryavko E. D., Mayboroda E. T. Integrative model of victimology of terrorism: interdisciplinary

approach // Psychology and law. 2026. VOL. 16, NO. 1. S. 223-239. DOI: 10.17759/psylaw.2026160114..

[6] Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 30.01.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[7] On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 No. 1 (ed. 28.10.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 4.

[8] Central Prevention of Money-Laundering Act, 2002. Financial Intelligence Unit – India, 2022.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-231-233

ДАЛЕЛОВ Мухадин Леонович,
старший преподаватель кафедры информационных технологий и специальной техники ОВД,
e-mail: mail@law-books.ru

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. *В представленной статье автор рассматривает современную ситуацию и отмечает, что она требует от всех стран постоянной адаптации и поиска новых решений. Успех в противодействии терроризму зависит не только от технологического превосходства или жесткости законов, но и от способности международного сообщества действовать как единый фронт, уделяя первостепенное внимание профилактике и защите прав человека. В заключение автор утверждает, что только комплексный подход, объединяющий силовые, технологические, правовые и воспитательные методы, способен дать адекватный ответ на вызовы современности.*

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм, современные вызовы, противодействие, международное сообщество, профилактика, правоохранительные органы.*

DALELOV Mukhadin Leonovich,
Senior Lecturer, Department of Information Technology and Specialized Equipment, Internal Affairs Directorate

NEW CHALLENGES AND MODERN SOLUTIONS IN COUNTERING TERRORISM AND EXTREMIST CRIMES

Annotation. *In this article, the author examines the current situation and notes that it requires all countries to constantly adapt and seek new solutions. Success in countering terrorism depends not only on technological superiority or the strictness of laws, but also on the ability of the international community to act as a united front, prioritizing prevention and the protection of human rights. In conclusion, the author argues that only a comprehensive approach combining force, technology, legal, and educational methods can provide an adequate response to modern challenges.*

Key words: *terrorism, extremism, modern challenges, counteraction, international community, prevention, law enforcement.*

Необходимость реализации мер, направленных на противодействие преступлениям экстремистской направленности, подтверждена проводимой государственной правовой программой. Так, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации выявление, противодействие и пресечение экстремистской деятельности организаций и физических лиц является стратегической задачей России при обеспечении государственной и общественной безопасности [1].

Современные реалии указывают, что новые вызовы в значительной степени связаны с переходом в цифровое пространство. В рамках современных вызовов необходимо отметить, что кибертерроризм можно рассматривать как как среду. Вербовка, координация и финансирование все чаще перемещаются в мессенджеры, которые становятся не просто каналом связи, а полноценным "множителем угроз".

Терроризм представляют его как сложное социальное явление, деятельность, характеризующиеся деструктивной активностью человека, которая направлена на подрыв установленного порядка и создание угрозы стабильности общества [2]

Злоумышленники используют методы дистанционного социального инжиниринга, создают фейковые аккаунты и реалистичный контент с по-

мощью искусственного интеллекта.

Именно искусственный интеллект выступает как инструмент. Террористы начали активно использовать его для радикализации, вербовки, создания пропаганды и планирования атак. Эта технология создает беспрецедентные правовые и этические проблемы. Следует учитывать, что первичная радикализация, как правило предшествует девиации. Подростки, как наиболее подверженная внешнему влиянию группа, становятся главной мишенью вербовщиков. Профилактическая работа с молодежью сегодня является ключевой задачей.

Важным условием эффективности профилактической работы с молодежью являются новые технологии. Для совершения терактов все чаще используются беспилотники и 3D-печать, а данные передаются с помощью стеганографии. Эти тревожные тенденции уже отражаются на статистике. За период 2025 года в России было зафиксировано 4467 преступлений террористического характера, что на 75% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Количество экстремистских преступлений также выросло почти на 29%.

Естественным встает вопрос о современных решениях и мерах противодействия. В ответ на новые угрозы государства и международные организации разрабатывают и внедряют комплексные меры, которые можно разделить на несколько ключевых направлений.

Эффективная борьба с терроризмом сегодня невозможна без применения передовых технологий: искусственный интеллект (ИИ) в защите. Технологии ИИ, включая машинное обучение и предиктивную аналитику, все чаще используются правоохранительными органами и спецслужбами для выявления и предотвращения преступлений. Они помогают анализировать огромные массивы данных и выявлять скрытые закономерности. Так же OSINT-мониторинг - методики анализа открытых источников данных (OSINT) внедряются для раннего предупреждения угроз. Например, в Казахстане OSINT-методики объединяют данные из соцсетей, визуальные данные и инфраструктурные следы для прогнозирования экстремизма.

Защита от стеганографии. Разрабатываются новые методы криминалистического обеспечения, позволяющие выявлять и изымать цифровые следы, скрытые с помощью методов стеганографии.

Рассмотрим правовые и регуляторные меры профилактики законодательство оперативно адаптируется к новым вызовам:

Противодействие финансированию. Ужесточается ответственность за финансирование не только терроризма, но и экстремистской деятельности, что расширяет поле для правоприменения.

Контроль за интернет-пространством. Вводятся нормы, направленные на регулирование использования новых технологий. В частности, ведется работа над созданием согласованной на международном уровне модельной правовой базы для использования искусственного интеллекта в контртеррористической деятельности.

Следует рассматривать и вопросы ужесточение уголовной ответственности. Появляются новые составы преступлений, предусматривающие ответственность за пропаганду насилия в интернете [3].

В рамках профилактики рассмотрим так же и международное сотрудничество. В условиях глобального характера угроз только объединение усилий может привести к успеху. Активно развиваются антитеррористические конференции в рамках БРИКС+, а также ведется тесное взаимодействие с ООН и ее структурами.

В заключение отметим, что профилактика как основа безопасности предполагает, что без воспитания устойчивости населения к деструктивному влиянию любые силовые методы будут малоэффективны и в рамках данных мероприятий выделим следующие:

Рассматривать вопрос цифровой гигиены. Эксперты призывают каждого пользователя осознанно подходить к личной безопасности в сети и использовать принципы медиаграмотности.

Делать акцент на молодежь. Проводить масштабные профилактические мероприятия в образовательной среде, включая"Хакатоны Лигалтех"и форсайт-сессии, чтобы сформировать у молодого поколения иммунитет к экстремистской идеологии.

Контррадикализация. Разрабатывать программы дерадикализации, которые направлены на отказ людей от экстремистских убеждений, и внедрять даже такие инновационные методы, как использование ИИ-чат-ботов для контрпропаганды.

Профилактика базируется в первую очередь на комплексном подходе [4]. Без воспитания устойчивости населения к деструктивному влиянию любые силовые методы будут малоэффективны.

Для эффективного противодействия новым вызовам экстремизма требуется комплексный подход, включающий совершенствование нормативно-правовой базы, развитие технологий мониторинга и анализа угроз, а также повышение уровня взаимодействия между различными государственными и общественными институтами. В частности, необходимо расширение полномочий правоохранительных органов в сфере цифрового контроля, а также совершенствование методов выявления и пресечения экстремистской деятельности в информационно-телекоммуникаци-

онной сети «Интернет»[5]. Важным направлением является развитие систем раннего предупреждения, способных на основе современных технологий и системного анализа угроз экстремистского характера.

Список литературы:

[1] Фризен П. Д. К вопросу о понятии о соотношении экстремизма и терроризма в России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России № 1 (38). 2020. С. 186. С. 186-187.

[2] Эргешов А. К., Эрматова А. К. К вопросу о понятии экстремизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-3 (89). С. 173-177.

[3] Машекуашева М.Х. О значимости информационно - психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. XXI век. 2024. № 2. С. 375.

[4] Машекуашева М.Х. Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России в условиях противодействия экстремизму и терроризму. Право и управление. 2024. № 4. С. 35-37.

[5] Трушина И.П. Новые вызовы и современные решения в противодействии преступлениям экстремистской направленности // Криминологический журнал. 2025. № 1.

References:

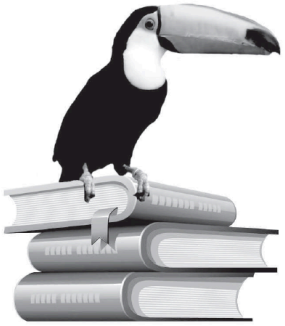
[1] Friesen P. D. To the question of the concept of the ratio of extremism and terrorism in Russia // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (38). 2020. S. 186. S. 186-187.

[2] Ergeshov A.K., Ermatova A.K. To the question of the concept of extremism // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 2-3 (89). S. 173-177.

[3] Mashekuasheva M.Kh. On the importance of information and psychological protection of the individual and society: features of the influencing potential. Law and governance. XXI century. 2024. № 2. P. 375.

[4] Mashekuasheva M.Kh. The resource potential of patriotism and the peculiarities of its implementation in modern Russia in the context of countering extremism and terrorism. Law and governance. 2024. № 4. S. 35-37.

[5] Trushina I.P. New challenges and modern solutions in countering extremist crimes // Criminological Journal. 2025. № 1.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-234-238

БЫКОВСКИЙ Тимур Николаевич,
e-mail: mail@law-books.ru

ОМОЛОЖЕНИЕ КОНТИНГЕНТА ПРЕСТУПНИКОВ: РОСТ ВОВЛЕЧЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ

Аннотация. *В статье представлен анализ преступности в сфере незаконного оборота оружия среди несовершеннолетних. Изучены статистические данные, выявлены основные детерминанты преступлений данной категории. Предложены меры профилактического воздействия, направленные на сокращение количества преступлений в сфере незаконного оборота оружия, совершенных несовершеннолетними.*

Ключевые слова: *оружие, преступление, преступность несовершеннолетних, сбыт, хранение, боеприпасы, взрывчатые вещества, детерминанты.*

BYKOVSKY Timur Nikolaevich

REJUVENATION OF THE CONTINGENT OF CRIMINALS: INCREASING INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL ARMS TRAFFICKING

Annotation. *This article presents an analysis of illegal arms trafficking crimes among minors. Statistical data are examined, identifying the main determinants of this category of crimes. Preventive measures aimed at reducing the number of illegal arms trafficking crimes committed by minors are proposed.*

Key words: *weapons, crime, juvenile delinquency, distribution, storage, ammunition, explosives, determinants.*

Современные детерминанты преступности, а также цифровизация механизмов вовлечения несовершеннолетних в криминальные практики ставят вопросы о необходимости комплексного подхода к изучению проблемы омоложения контингента преступников, вовлеченных в незаконный оборот оружия.

Участие несовершеннолетних в незаконном обороте – это проблема, выходящая за рамки узкоотраслевого интереса уголовного права и криминологии. В этом аспекте затрагиваются вопросы общественной безопасности, эффективности системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, устойчивость социальных институтов, ответственных за формирование и воспитание подрастающего поколения. Особую тревогу вызывает тот факт, что наряду с негативной тенденцией «омоложения» преступности, ежегодно увеличивается количество случаев совершения преступлений, в сфере незаконного оборота оружия со стороны несовершеннолетних. Незаконное владение оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами становится «модным» преступлением среди молодежи [4].

Участие молодежи в системе незаконного оборота оружия свидетельствует о глубокой деформации правосознания. Статистические данные МВД России и материалы судебной практики отражают устойчивый рост числа несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия. В этом случае речь идет не только о количественных изменениях, но и о качественных: видоизменяются способы вовлечения в преступную деятельность за счет интеграции с цифровыми технологиями. За счет сведений, содержащихся в открытом доступе, представляется возможным отразить основные тенденции преступности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота оружия [7].

Таблица 1. Осуждено лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте по ст. 222-226.1

Год/ Осуждено	2022	2023	2024	1-е полугодие 2025
Всего	36	42	43	19
14-15 лет	13	10	8	1
16-17 лет	23	32	35	18

Динамика общего числа осужденных по рассматриваемой группе преступлений является положительной на протяжении нескольких лет. При сохранении текущей тенденции по итогам года в среднем будет сохраняться показатель в пределах от 38 до 40 человек. Наблюдается четкая нисходящая динамика осужденных в возрастной категории 14-15 лет. Экстраполируя имеющиеся данные, можно сделать вывод о том, что вовлеченность младшей возрастной группы в незаконный оборот оружия снижается, что может быть обусловлено практиками выявления подобных преступлений и привлечением к ответственности.

Вместе с этим возрастная группа в пределах 16-17 лет характеризуется наибольшей криминальной активностью. В этом случае стоит говорить не об омоложении контингента, а о концентрации криминальной активности в верхней границе несовершеннолетних лиц. Точка входа в криминальную активность смещается на более поздний подростковый период.

Профилактическая работа правоохранительных органов должна концентрироваться на более старшей возрастной группе, однако снижение показателей в младшей возрастной группе не должно приводить к ослаблению предупредительной деятельности, так как в силу особенностей несовершеннолетних риск вовлечения последних остается высоким, а сами механизмы постоянно трансформируются.

Немаловажным фактором, определяющим вовлеченность несовершеннолетнего в криминальные элементы, является семья. В Таблице 2 представлены сведения о воспитании осужденных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом оружия.

Таблица 2. Воспитание осужденных лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте по ст. 222-226.1

Показатель / Год	2022	2023	2024	1-е полугодие 2025
Воспитывался одним из родителей	19	13	11	2
Воспитывался вне семьи	0	1	2	0

Согласно представленным данным, наблюдается устойчивое снижение доли осужденных, которые воспитывались одним из родителей, что может говорить о снижении такого потенциального криминогенно фактора как «неполная семья». С другой же стороны, возможно изменение контингента осужденных, когда на первый план выходят иные детерминанты (неформальные группы, цифровая среда, стремление к материальной выгоде).

Кроме того, общая неудовлетворенность уровнем жизни, тревога и неуверенность в завтрашнем дне выступают катализатором социальных конфликтов, зачастую перерастающих в насильственные преступления с применением оружия. При этом преступники часто пытаются найти оправдание своим действиям, указывая на тяжелое материальное положение и непростые жизненные обстоятельства. Такое поведение является отражением более глубоких социокультурных и экономических проблем, которые существуют в обществе [5].

Категория лиц, которые воспитывались вне семьи представлена в минимальных объемах. Однако стоит учесть, что само наличие данной категории в статистической выборке может говорить о следующем:

это уязвимая категория несовершеннолетних, которые могут быть вовлечены в преступления, связанные с незаконным оборотом оружия;

лица, которые воспитываются без семьи, зачастую дезадаптированы и более склонны к воздействию негативных факторов;

единичные случаи привлечения к уголовной ответственности уже свидетельствуют о необходимости профилактической работы с той или иной группой.

Особенности поведения несовершеннолетних говорят о негативных результатах влияния социальной среды, что обуславливаются также соображениями воспитательной работы, дефектами всего процесса формирования личности и, в

частности, деформацией психологии [6].

Универсальные меры профилактики должны ориентироваться на семьи в группе риска. Их необходимо дополнять программами, направленными на противодействие влиянию криминальных субкультур и цифровизации. Ни один фактор, в том числе и семейный, не является определяющим, так как конечный результат формируется за счет их сочетания и взаимодействия.

Данные о роде занятий позволяют раскрыть социально-экономическую характеристику контингента несовершеннолетних преступников, связанных с незаконным оборотом оружия, а также выявить группы риска с точки зрения занятости. Исследуемые показатели представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Род занятий осужденных лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте по ст. 222-226.1

Занятие / Год	2022	2023	2024	1-е полугодие 2025
Учащиеся	22	29	24	14
Работающие	1	6	3	3
Не учщиеся и не работающие	13	7	16	2
Нетрудоспособные	2	0	2	0

Учащиеся – это основная группа осужденных среди несовершеннолетних. Доминирование данной категории (социального статуса) позволяет разрушить представление о вовлечении в незаконный оборот оружия тех несовершеннолетних, которые были «отвергнуты» обществом по тем или иным причинам. Именно рост данного показателя актуализирует проблему профилактики преступлений среди несовершеннолетних в образовательных учреждениях.

Рост «не учащихся и не работающих» свидетельствует о криминализации социально-исключенной группы несовершеннолетних. Для предотвращения преступлений данной категорией должны быть разработаны программы социальной адаптации, профессиональной ориентации и трудоустройства.

Структура занятости осужденных характеризуется двойственностью проблемы: с одной стороны выступает дефицит социального контроля в школах и институтах, а также семье, с другой стороны имеются социальные проблемы интеграции уязвимых категорий подростков (например, преступные группы могут использовать легальные каналы занятости подростков для реализации преступных схем).

Степень организованности противоправной деятельности несовершеннолетних, а также роль взрослых в преступной деятельности последний отражен в Таблице 4.

Таблица 4. Количество несовершеннолетних, совершивших преступления по ст. 222-226.1 в составе группы

Показатель / Год	2022	2023	2024	1-е полугодие 2025
Совершили преступления в группе	9	12	6	0
Совершили преступления в группе с участие взрослых	4	3	3	0

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что групповые формы преступности в сфере незаконного оборота оружия не являются доминирующими, однако это не исключает их высокий уровень общественной опасности и потенциальную масштабируемостью.

Участие взрослых в групповых преступлениях с несовершеннолетними – устойчивый криминогенный фактор, который определяет необходимость усиления мер по пресечению вовлечения подростков в преступную деятельность со стороны взрослых (в том числе в рамках реализации ст. 150 УК РФ). Снижение показателей групповых преступлений может свидетельствовать о переходе к более скрытым формам взаимодействия – опосредованное вовлечение через Интернет или разовые поручения без формального вхождения в группу.

Рецидивная и профилактическая составляющая преступности в сфере незаконного оборота оружия среди несовершеннолетних может быть раскрыта за счет сведений, представленных в Таблице 5.

Таблица 5. Иные показатели лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте по ст. 222-226.1

Показатель / Год	2022	2023	2024	1-е полугодие 2025
Имевшие неснятые непогашенные судимости на момент совершения преступления	5	4	4	3
Юридически несудимые, совершили два и более преступления	17	19	16	3
Состояли на учете в специализированном государственном органе	3	2	3	1
Осужденному определено лечение судом	2	0	2	0

Основная часть преступников, совершивших несколько преступлений, формально не считаются судимой, что свидетельствуют о разрыве между реальной криминальной активностью и ее юридическим отражением. Малая доля подростков, которые состояли на учете, указывает на слабую работу по раннему выявлению рисков. Большинство лиц вовлекаются вне поля зрения традиционных субъектов профилактики. Редкое назначение лечения говорит о слабом использовании восстановительных и медицинских мер в отношении несовершеннолетних даже в тех случаях, когда это будет оправдано с точки зрения поведения.

Латентная рецидивность – это важная характеристика преступности в сфере незаконного оборота оружия среди несовершеннолетних. Система профилактического учета не обеспечивает достаточного охвата групп риска. Наличие малой, но устойчивой группы подростков, которые имеют непогашенные судимости, подтверждает формирование у части несовершеннолетних криминальной установки.

Передача «по наследству» криминальных связей, использование последних для доступа к оружию, уличная и дворовая среда, неформальные группы, мессенджеры, даркнет-площадки с инструкциями и предложениями легкого заработка – это основные каналы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот.

Ранняя социализация в криминальной среде формирует в сознании подростка норму о том, что оружие – это часть человеческой бытности. Отдельные семейные связи с оружием обеспечивают не только доступ к конкретным единицам оружия, но и каналам его сбыта, приобретения, хранения. Как показывает практика работы с такими преступлениями, оружием виновного лица, как правило, завладевают члены его семьи, а именно малолетние дети и несовершеннолетние подростки и могут повредить по неосторожности как себя или членов семьи так и других мирных граждан [2]. Несовершеннолетний нередко недооценивает степень общественной опасности, полагая о том, что все находится под контролем, так как имеется покровительство старших. Именно в группе подросток чувствует меньшую личную ответственность. Групповое давление и конформизм – это то, что толкает на совершение преступления, чтобы не быть отвергнутым.

Следует обратить внимание на эту причину: подростки, чтобы не терять свои авторитеты и не приобретать их обратно в ту или иную группу, объединения совершают любые действия, преступления, в том числе. Именно под массовым давлением человек может в корне изменить свои установки и победить наставлениям компании, после чего совершенствование, например, кражи для него становится похожим, которое он может изучать повседневно.

Отстранение несовершеннолетних от общества может привести к формированию в них устойчивой антисоциальной установки, проявляющейся в негативном или даже враждебном отношении к среде, что способно провоцировать у таких лиц агрессивное поведение [3].

Даркнет-площадки и мессенджеры – это не только каналы сбыта и приобретения оружия, но и методическая база совершения преступлений, где можно получить инструкции по изготовлению, модификации, маскировке, транспортировке и конспирации оружия. Особую опасность для несовершеннолетних составляют предложения «подработки». Низкий порог входа, деперсонификация взаимодействия и масштабируемость существенно осложняют профилактическую работу в данном направлении. известный Закон рынка – спрос рождает предложение и придает новый импульс оружейному бизнесу. Появившийся на прилавках специализированных магазинов и торговых интернет-площадках товар рассматриваемого вида охотно приобретается как законопослушными гражданами, так и криминально ангажированным лицами, в данном случае несовершеннолетними [1].

Изучение вопросов, связанных с участием несовершеннолетних в незаконном обороте оружия, позволяет определить их типичные роли:

Перевозчики – лица, отвечающие за транспортировку оружия и комплектующих;

Хранители – лица, отвечающие за сохранность оружия по месту своего проживания или

«кладах»;

Посредники – ответственные за обеспечение коммуникации между участниками;

Низкоуровневые исполнители – лица, участвующие в сделках без доступа к полной информации о составе группы.

Такая специализация обусловлена меньшей правовой активностью и осведомленностью подростков, а также их уязвимостью к манипуляции и расчетам со стороны организаторов. Структура и доступность незаконного оборота оружия для несовершеннолетних существенно трансформируется за счет цифровизации. Большинство первичных контактов происходит именно в цифровой среде, что обуславливает адаптацию профилактических и оперативно-розыскных мероприятий.

Приведенные ранее доводы позволяют говорить о дифференциации вовлеченности несовершеннолетних по степени самостоятельного криминального поведения:

Вовлеченные вынуждено – шантаж или угрозы;

Инструментально мотивированные – материальная выгода, статус, принадлежность к группе;

Инициативно вовлеченные – характеризуются выраженной установкой на участие в криминальной деятельность, стремлении к лидерству.

Совершенствование системы профилактики должно носить комплексный и дифференцированный характер: охватывать семью, образовательные учреждения и организации, малые социальные группы, цифровую среду. Раннее выявление рисков и своевременное реагирование на признаки вовлечения несовершеннолетних в криминальную деятельность возможно за счет усиления межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и комиссий по делам несовершеннолетних. Оперативно-розыскные и профилактические меры должны быть адаптированы к цифровым реалиям за счет разработки методик выявления и пресечения вовлечения через Интернет. В отношении несовершеннолетних следует более активно применять меры воспитательного и реабилитационного характера, в том числе с привлечением медицинских и психологических служб, уделяя особое внимание категории «вынужденно вовлеченных» и «инструментально мотивированных»,

Дальнейшее исследование проблемы целесообразно направить на изучение региональных особенностей вовлеченности несовершеннолетних, анализируя отдельные программы профилактики и методики оценки рисков вовлечения.

Список литературы:

[1] Гончаров А.В. Вооруженная преступность и оборот оружия: проблемы взаимосвязи и противодействия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. No 3 (81). С. - 28.

[2] Далелов М.Л. О некоторых мерах противодействия незаконному обороту оружия // Вопросы права № 4 (октрябрь-декабрь) 2024г. С. 79.

[3] Дрыженко Д.Б. Профилактика преступлений несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 23 с.

[4] Дубоносов Е.С., Скоропупов Ю.И. К вопросу о криминологической характеристике незаконного оборотаоружия. // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2015. No4-2. С.38.

[5] Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 125-129. EDN:ZDTHJH.

[6] Плеша Л.Ю. К вопросу о преступности несовершеннолетних / Л.Ю. Плеша // Молодой ученый. 2021. № 6(348). С. 242-248.

[7] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики // . Электронный ресурс. Режим доступа: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 15.07.2026).

References:

[1] Goncharov A.V. Armed crime and arms trafficking: problems of interconnection and counteraction // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No 3 (81). S. - 28.

[2] Dalelov M.L. On some measures to counter illegal arms trafficking // Legal issues No. 4 (October-December) 2024 S. 79.

[3] D.B. Dryzhenko. Prevention of juvenile crimes (criminal law and criminological aspects): author's review. dis.... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2004. 23 pp.

[4] Dubonosov E.S., Skoropupov Yu.I. On the criminological characterization of illegal weapons . // Rev. Toole. state university. Econ. and jurid. sciences. 2015. No4-2. S.38.

[5] Mikhailova E.V. Criminological characterization of crimes related to illegal arms trafficking // Criminological Journal. 2026. № 1. S. 125-129. EDN:ZDTHJH.

[6] Plesha L.Yu. On the issue of juvenile delinquency/L.Yu. Plesha // Young scientist. 2021. № 6(348). S. 242-248.

[7] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics // . Electronic resource. Access mode: https://cdep.ru/?id=79 (access date: 15.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-239-243

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат юридических наук, e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос получения взятки. Авторы отмечают, что взятка и оскорбление, объединяет возраст субъекта и наличие прямого умысла, характеризующего содержание субъективной стороны данных составов. Это обстоятельство, в числе прочих, порождает трудности при квалификации. Весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других смежных преступлений.*

Ключевые слова: *взятка, преступление, смежный состав, должностное преступление, злоупотребление.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

DELIMITATION OF RECEIVING BRIBES FROM ADJACENT TRAINS

Annotation. *The article considers the issue of receiving a bribe. The authors note that the bribe and insult combines the age of the subject and the presence of direct intent characterizing the content of the subjective side of these compositions. This circumstance, among others, creates difficulties in qualification. The whole qualification process consists in consistently distinguishing each sign of the committed act from the signs of other related crimes.*

Key words: *bribe, crime, related composition, malfeasance, abuse.*

Любое из предусмотренных уголовным законом преступлений имеет ряд общих признаков с другими преступлениями. Даже такие посягательства, как получение взятки и оскорбление, объединяет возраст субъекта и наличие прямого умысла, характеризующего содержание субъективной стороны данных составов. Это обстоятельство, в числе прочих, порождает трудности при квалификации. По сути дела, весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других смежных преступлений.

Получение взятки тесно соприкасается с другими должностными преступлениями. Одним из них является злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Злоупотребление должностными полномочиями и получение взятки объединяет общий субъект - должностное лицо, возможность совершения указанных посягательств по корыстным мотивам, единый видовой объект.

При квалификации необходимо выяснить, является ли злоупотребление полномочиями самостоятельным составом преступления. Злоупотребление служебным положением понимается в двух смыслах:

в узком - использование только служебных полномочий с целью личной выгоды;

в широком - использование не только служебных полномочий, но и сложившихся связей, авторитета должности. Наиболее часто встречаемые формы злоупотребления: грубое нарушение финансовой дисциплины, неосновательное использование государственного имущества в своих интересах или интересах частных лиц, наоборот - незаконное обогащение за счет имущества других граждан и так далее.

Злоупотребление должностными полномочиями имеет материальный состав, то есть считается оконченным только с момента наступления вредных последствий. Совершается с прямым или косвенным умыслом. Мотивом злоупотребления выступают обычно корыстные или личные побуждения (заинтересованность).

Основное различие между получением взятки и злоупотреблением должностными полномочиями заключается в объективной стороне. Взяточничество предполагает получение должностным лицом денег или иных имущественных благ за совершение (несовершение) в интересах дающего каких - либо действий, а должностное злоупотребление (корыстное) состоит в получении материальных выгод в любой другой форме. Это подчеркивает и Б.В. Здравомыслов: «извлечение имущественной выгоды в результате использования своего должностного положения, не связанное с совершением действий в пользу предоставляющего эту выгоду, не может рассматриваться как получение взятки и при наличии других признаков образует злоупотребление должностными полномочиями» [11]. Получение взятки тесно и неразрывно связано с совершением за это каких - либо действий. Поэтому получение материальных благ должностным лицом, которое не совершило и не обещало совершить никаких определенных действий в интересах дающего, следует рассматривать не как взяточничество, а как должностное злоупотребление.

Получение взятки совершается только из корыстных побуждений, а злоупотребление должностными полномочиями, как из корыстной, так и из иной личной заинтересованности.

Нельзя квалифицировать как взятку получение платы за воздействие на другое должностное лицо с использованием не служебного положения, а всего лишь личных связей должностного лица, которые установились при исполнении служебных функций. При наличии других признаков оно может быть расценено как злоупотребление должностными полномочиями.

Определенный теоретический интерес представляет вопрос квалификации в случае и злоупотребления должностными полномочиями и получения взятки. Большинство юристов придерживаются точки зрения, что в случае одновременного совершения этих деяний, квалификация должна быть и по ст. 285 и по ст. 290 УК РФ.

Следует отметить, что нельзя злоупотребить должностными полномочиями путем получения взятки. Между тем, было бы неправильно отрицать, что совершение деяния, предусмотренного ст. 290 УК РФ, становится для чиновника возможным благодаря наличию у него должностных полномочий. Однако подобное поведение не может входить в полномочия или вытекать из полномочий ни одного должностного лица, прежде всего вследствие своей очевидной противоправности. Таким образом, существование исследуемых составов в УК РФ не порождает конкуренции общей и специальной нормы в квалификационной практике.

Смежным по отношению к составу преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является состав превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Получение взятки для чиновника становится возможным благодаря его должностному положению. При этом он явно выходит за пределы своей компетенции и совершает такие действия, «которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе свершить».

Если преступление, предусмотренное ст. 286 УК РФ, формально является общей нормой по отношению к получению взятки, то возникает вопрос: «Не порождает ли факт существования ст. 290 УК РФ избыточности уголовно-правового запрета?» На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. В случае превышения должностных полномочий о наличии в действиях виновного состава преступления можно говорить, если следствием подобных действий стало существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства. А существование нормы об ответственности за получение взятки подчеркивает априорную общественную опасность данного посягательства, которое ставит под угрозу причинения вреда наиболее важные общественные отношения. Причем наступле-

ние этих последствий не требует доказывания.

Точка зрения, согласно которой получение взятки рассматривается как специальная норма по отношению к превышению должностных полномочий, ранее не высказывалась. Совершая преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, должностное лицо явно выходит за пределы своих полномочий, но совершенно определенным образом. Конкретизируя существо превышения, совершаемого виновным, законодатель сконструировал состав получения взятки формальным, обоснованно полагая, что подобное поведение всегда влечет вредные последствия. Специфика данных последствий и очевидные трудности, которые бы возникли в процессе доказывания, не лишают их общественной опасности, присущей преступлению.

Проводя анализ судебной практики Новосибирской области складывается такое впечатление что у правоприменителей разных уровней отсутствует единый подход к разрешению задач квалификации, возникающих при вменении ст. 290 УК РФ.

Достаточно часто встречаются случаи, когда органами предварительного следствия квалифицирует действия взяточника как вымогательство. Так, органами предварительного следствия действия инспектора ГИБДД Октябрьского РУВД г. Новосибирска были квалифицированы по п. «в» ч. 4 ст. 290 УК, как получение должностным лицом взятки в виде денег за действия и бездействия в пользу взяткодателя, совершенные с вымогательством взятки. Новосибирским областным судом, данный квалифицирующий признак был исключен так как действия инспектора по привлечению «М» к административной ответственности, или его освидетельствование на предмет опьянения, не причинили бы ущерб законным интересам «М» [12].

Данный случай не является единичным. В 50% случаев государственное обвинение отказывается от поддержания обвинения в части вымогательства взятки. Скорее всего, это связано, по моему мнению, с отсутствием понятия вымогательства взятки в действующем законе, что является большим недочетом. Пленум Верховного суда РФ разъясняет : «Вымогательство означает требование должностного лица, дать взятку под угрозой совершения действий, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина либо поставить последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов». Приведенным разъяснением руководствуется судья при рассмотрении дел по вымогательству взятки.

Однако виновный угрожая совершить какие-либо законные действия в отношении взяткодателя, например, таких как передача материалов о совершенном преступлении в прокуратуру, увольнение за неоднократные прогулы, за сокрытие недостачи материальных ценностей, прекращение уголовного дела при отсутствии к тому оснований требует взятку. В таком случае вымогательства взятки не будет. Действительно получается непонятная ситуация - требование о даче взятки под угрозой есть, но и в то же время егонет.

Вымогательством считается шантаж, то есть добиваться чего – нибудь с помощью угроз, в то время как шантажом считаются неблаговидные действия, угроза разоблачения, разглашения компрометирующих сведений с целью вымогательства, а также вообще угроза – это создание выгодной обстановки для какого – либо запугивания

Так в чем же следует искать причины расхождения по данному вопросу?

А причина, по всей видимости в том что, понятие вымогательства взятки как такового не дано в законе, предложенная же формулировка Пленумом Верховного Суда РФ не основана на законе.

Для разрешения вопроса необходимо, прежде всего, обратиться к анализу положений закона, относящихся к данной теме. Всем известно, что в одном и том же законе употребляемые понятия и термины должны быть одинаковыми по своему содержанию, а значит толковаться обязаны соответственно. Во всяком случае, если одно из этих понятий определяется законом, то и совпадать они должны по своим основным компонентам. В связи с этим попробуем сравнить понятие вымогательства имущества и вымогательство взятки одно из которых как уже говорилось ранее определено в законе, а у второго такого определения нет. Очевидно, что эти понятия по своим основным признакам должны совпадать, толковаться одинаково, причем при выяснении сущности вымогательства взятки требуется исходить из первого законодательного определения.

Согласно уголовного закона, вымогательство - это требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (статья 163 УК РФ).

Следовательно, на основании приведенного в уголовном кодексе определения напрашивается вывод о том, что под вынуждением или точнее понуждением лица различными способами, передать вымогателю не принадлежащее последнему

имущество понимается вымогательство имущества. В соответствии с вышесказанным под вымогательством взятки тоже следует понимать понуждение должностным лицом другого лица дать ему взятку.

В частности, для вымогательства не имеет значения, в законном ли владении находится вымогаемое имущество или неправомерном, действительны ли, истинны или ложны позорящие потерпевшего сведения, угрозой разглашения которых вымогатель стремится добиться своей цели. В данном случае, решающее значение только то, что преступник пытается завладеть чужим имуществом с помощью вымогательства. В юридической литературе обоснованно утверждается, что похищены, не только вещи, находящиеся в правомерном обладании потерпевшего могут быть, но также и вещи, которыми он неправомерно обладает. Правоохранительныеорганы борются с хищениями имущества в любом виде. Соответственно, еслипредметом вымогательства являются вещи, которые находятся в неправомерном обладании данного лица, то состав вымогательства не исключается.

По такому же принципу, должно рассматриваться вымогательство взятки, не искусственно конструируя понятие этого деяния в зависимости от правомерности или противоправности интересов взяткодателя. Чтобы определить понятие вымогательства взятки необходимо это делать, основываясь на понятии получения взятки. Хочется еще раз напомнить, что в соответствии сст. 290 УК РФ этому деянию дается следующее определение: «получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействия) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе».

Представленное определение вызывает интерес только для выяснения понятия вымогательства взятки. В выражении «в пользу взяткодателя или представляемых им лиц» понимаются интересы, как самого взяткодателя, так и интересы близких ему лиц. При этом не имеет значения, являются ли эти «интересы», «польза» законными, правоохраняемыми или неправомерными. Составом получения взятки могут считаться как исполненные должностным лицом за взятку законные действия в правомерных интересах (в пользу) взяткодателя (законное прекращение уголовного дела, законное освобождение из-под стражи, от уплаты налога и тому подобное), так и незаконные действия, в неправомерных интересах взяткодателя (незаконное прекращение уголовного дела, незаконное освобождение из-под стражи и так далее).

Вымогательство взятки - это взятка, которая была получена с помощью вымогательства. За счет вымогательства повышается опасность получения взятки, а также и личности взяткополучателя. В ч. 2 ст. 290 УК РФ предусмотрено более строгое наказание за то, что взятка получена должностным лицом за какие-либо незаконные действия или бездействие. А незаконные действия соответственно могут быть совершены только в интересах взяткодателя неправомерного характера. Следовательно, можно сделать вывод, что в случае исполнения взяткополучателем незаконных действий в интересах взяткодателя вымогательство взятки должно считаться более опасным.

Исходя из вышеизложенного, вымогательство взятки – это требование должностного лица дать ему взятку, угрожая совершить какие – либо действия неблагоприятного характера в отношении взяткодателя в случае отказа дать взятку, сопровождая обещанием выполнения или реальным выполнением в интересах или в пользу дающего взятку или его близких определенных правомерных или противоправных действий.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[2] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[5] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[6] Смородинскова И. А. Основные функ-

ции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[7] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[8] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[9] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[10] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[11] Здравомыслов Б.Д. Должностные преступления / Б.Д. Здравомыслов. – М.: 1975.

[12] Дело № 2– 64/04 от 02.10.04 г. // Архив Новосибирского областного суда.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[2] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[3] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the lecture course "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[4] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[5] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[6] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[7] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/ A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov // Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[8] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[9] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[10] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[11] Zdravomyslov B.D. Malfeasance/ B.D. Zdravomyslov. - M.: 1975.

[12] Case No. 2- 64/04 of 02.10.04 // Archive of the Novosibirsk Regional Court.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-244-249

СЕДЫХ Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики кандидат политических наук, подполковник полиции, Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: sedix81@mail.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В данной работе исследуются аспекты юридической оценки действий, связанных с привлечением несовершеннолетнего к совершению преступных деяний, а также иных действий, имеющих антиобщественный характер. Новизна исследования заключаются в том, что для более глубокого осмысления сути процесса вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и прочие антиобщественные поступки требуется уточнение функциональных ролей взрослого участника и вовлекаемого подростка.*

Ключевые слова: *виновность, наказуемость, состав преступления, уголовная ответственность, вовлечение несовершеннолетнего в преступления, способ вовлечения.*

SEDYKH Tatiana Viktorovna,
Senior lecturer of the Department Criminal Procedure and Criminology Candidate of Political Sciences, Police Lieutenant Colonel Stavropol branch Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

INVOLVEMENT OF MINORS IN CRIMINAL ACTIVITY: CRIMINAL LAW ASPECTS

Annotation. *This work explores the aspects of the legal assessment of actions related to the involvement of minors in criminal acts, as well as other actions that have an antisocial nature. The novelty of the research lies in the fact that a deeper understanding of the process of involving minors in criminal activities and other antisocial actions requires clarification of the functional roles of the adult participant and the involved teenager.*

Key words: *guilt, punishability, elements of a crime, criminal liability, involvement of minors in crimes, and methods of involvement.*

В наши дни вопросы воспитания молодого поколения обретают повышенную значимость, как на уровне социума, так и в масштабах всей страны. Российская Федерация признаёт детство ключевым периодом в становлении личности и руководствуется установками, согласно которым подготовка детей к успешному существованию в социуме, стимулирование их социально значимой и творческой деятельности, формирование у них моральных устоев, патриотических чувств и гражданской ответственности имеют первостепенное значение. Данные недавних научных работ показывают, что правонарушения среди несовершеннолетних в значительной степени связаны с негативным воздействием взрослых, которые, стремясь достичь своих противоправных целей, втягивают подростков в криминальную среду. Подростковая преступность превращается в одну из наиболее острых трудностей развивающегося гражданского общества в России. Не обладая устойчивыми ценностными ориентирами, молодые люди оказываются восприимчивыми к вредоносным социальным воздействиям, которые присутствуют в обществе и продолжают нарастать, а их моральные ощущения еще не трансформировались в прочные нравственные принципы.

Подростки зачастую ориентируются на внешние черты личности, но далеко не всегда способны разглядеть за ними истинные мотивы, что порождает так называемые ложные увлече-

ния. Среди причин, усиливающих эту тенденцию, стоит отметить рост числа несовершеннолетних, оставшихся без должного родительского присмотра или попавших под криминальное влияние в семье и ближайшем окружении. За четыре месяца 2026 года правоохранительные органы России расследовали около девяти тысяч преступлений, совершённых несовершеннолетними, почти 8 тысяч несовершеннолетних, преступивших закон, - это на 10% больше, чем за аналогичный период 2025 года. Председатель СК России Александр Бастрыкин подчеркнул, что дети в силу возраста, психологической незрелости и малого жизненного опыта нередко нарушают закон по научению взрослых, вовлекающих их в преступные схемы. В свою очередь, руководитель ГСУ СК России по Московской области Ярослав Яковлев указал на проблему невозможности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего за вовлечение другого несовершеннолетнего в совершение преступления.

Изучение проблем, связанных с предотвращением вовлечения несовершеннолетних в противоправные действия, требует всё более тщательного анализа, роста результативности раскрытия таких преступлений, а также должного уровня работы правоохранительных структур и государственных учреждений, которые осуществляют данное направление противодействия асоциальным проявлениям в подростковой среде.

В двадцатой главе Уголовного кодекса Российской Федерации объединены правовые предписания, направленные на охрану интересов семейных отношений и лиц, не достигших совершеннолетия. Это служит практическим воплощением нормы, зафиксированной в статье 38 Конституции РФ, согласно которой государство берёт под свою защиту материнство, детство и институт семьи.

Согласно положениям Конституции РФ (часть 1 статьи 38), материнство, детство и семья находятся под государственной опекой. Одним из ключевых инструментов реализации такой защиты выступает введение уголовной ответственности за действия, направленные против нормального функционирования семьи и здорового развития несовершеннолетних. Составы преступлений, касающиеся подобных противоправных деяний, систематизированы в главе 20 Уголовного кодекса РФ, которая носит название «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Главным предметом уголовно-правовой защиты, предусмотренной статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются социальные связи, направленные на обеспечение всестороннего физического, психологического и морального развития несовершеннолетнего лица. Жертвами данного преступления признаются лица, которым еще не исполнилось восемнадцати лет. Следует отметить, что использование положений данной статьи допустимо лишь в тех обстоятельствах, когда пострадавший, являясь несовершеннолетним, в то же время может рассматриваться как участник того правонарушения, в которое его вовлекает взрослый преступник. Исходя из этого, потерпевшим по статье 150 Уголовного кодекса России считается лицо возрастом от 16 до 18 лет. В определенных случаях, предусмотренных частью 2 статьи 20 УК РФ, речь идет о гражданах от 14 до 18 лет. Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 1 статьи 150 Уголовного кодекса РФ, выражается в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. Под этим понимается обращенное к потерпевшему предложение, требование или совет, побуждающие его к совершению преступления небольшой или средней тяжести.

В правоприменительной практике различают два ключевых варианта подобного вовлечения. Первый вариант выражается в том, что совершеннолетнее лицо ведет пропаганду криминального образа жизни, привлекает новых участников в преступную среду, тем самым расширяя круг правонарушителей, однако не ставит перед собой задачу подтолкнуть подростка к исполнению какого-либо четко обозначенного преступления. Второй вариант подразумевает либо подстрекательство несовершеннолетнего к участию в заранее продуманном взрослым преступлении, где подросток выступает в роли соисполнителя или пособника, либо формирование у подростка личного намерения совершить определенное противоправное действие [1].

Согласно положениям, закрепленным в первой части статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривается юридическая ответственность за склонение лиц, не достигших совершеннолетия, к участию в действиях, противоречащих общепринятым нормам поведения. В число таких противоправных действий включаются: регулярное потребление алкогольной продукции или веществ, оказывающих одурманивающее воздействие, ведение образа жизни, связанного с постоянными переездами без определенного места жительства, а также осуществление деятельности по выпрашиванию денег или иных материальных благ у посторонних людей.

Систематическое употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ представляет особую опасность для несовершеннолетних, поскольку наносит серьезный вред их здоровью. Систематичность в данном контексте означает, что употребление происходит по настоянию взрослого лица два или более раз. Под спиртными напитками понимаются как алкоголь-

ные напитки заводского производства, так и продукция домашнего изготовления, включая брагу, самогон и аналогичные напитки. По мнению действующих юристов, важно четко отделять одурманивающие вещества от наркотических средств. Это необходимо, так как подстрекательство несовершеннолетнего к употреблению наркотиков или психотропных препаратов предусматривает самостоятельную уголовную ответственность согласно статье 230 Уголовного кодекса России, что образует отдельный состав преступления. Под вовлечением подростка в постоянное употребление спиртного или наркотиков подразумевается его подталкивание к этому (чаще всего путем угощения или описания приятных эффектов опьянения). Вовлечение в бродяжничество означает склонение юноши или девушки к скитальческому образу жизни без постоянного места проживания. Согласно разъяснению, данному в Примечании к статье 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, положения данной статьи не распространяются на случаи, когда вовлечение совершается одним из родителей вследствие тяжелой жизненной ситуации, вызванной потерей заработка или отсутствием места для проживания.

Вовлечение несовершеннолетнего лица в занятие попрошайничеством можно охарактеризовать как действие, при котором совершеннолетний гражданин склоняет ребёнка к выпрашиванию у посторонних людей денежных средств, продуктов питания или предметов одежды. Данное деяние признается завершенным преступлением с того момента, когда были предприняты конкретные шаги, направленные на то, чтобы склонить подростка к совершению антиобщественного поступка. Как и в других формальных составах, реальное выполнение несовершеннолетним такого действия не является обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности.

Статья 151 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает наказание за вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. Субъективная сторона данного правонарушения характеризуется наличием прямого умысла: лицо, совершающее деяние, понимает, что вовлекает несовершеннолетнего в противоправные действия, и желает наступления соответствующих последствий. В качестве субъекта преступления может выступать только дееспособное физическое лицо, которому исполнилось восемнадцать лет.

Вторая часть статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации описывает квалифицированный вид этого преступления. Такая норма применяется в ситуациях, когда противоправное действие осуществляется отцом, матерью, преподавателем либо иным лицом, на которого по закону возложена обязанность воспитывать несовершеннолетнего. Признаки этих субъектов соответствуют тем, которые закреплены в диспозиции второй части статьи 150 УК РФ. Третья часть статьи 151 УК РФ предусматривает ответственность за привлечение подростка к антиобщественным поступкам, если это сопровождается применением физического насилия или угрозами его использования. Определения насилия и угрозы насилия здесь совпадают с теми, что даны в третьей части статьи 150 УК РФ.

Подводя итог можно отметить, что каждый из перечисленных элементов преступления оказывает разрушительное воздействие на личность несовершеннолетнего, негативно сказывается на его физическом и психическом здоровье. Преступления, посягающие на семейные ценности и благополучие несовершеннолетних, представляют собой социально опасные действия, наносящие ущерб интересам семьи, которая выступает естественной и основополагающей единицей общества. Эта ячейка реализует широкий спектр социальных задач, включая первичную социализацию детей, а также затрагивает интересы подростка, касающиеся его гармоничного физического, психического и нравственного становления. Разделение интересов семьи и интересов несовершеннолетнего возможно лишь в теории, так как эти сферы тесно взаимосвязаны и оказывают друг на друга взаимное влияние.

Нарушение одной из них неизбежно приводит к ущемлению другой, защищаемой уголовным законодательством. Вовлечение подростка в совершение противоправного деяния может происходить через различные методы: дача обещаний, введение в заблуждение, запугивание или другие способы воздействия.

В статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации представлен перечень методов, с помощью которых несовершеннолетние могут быть втянуты в преступную деятельность. Этот перечень не является исчерпывающим и включает такие способы, как обещание, обман, угроза, а также любые иные методы.

Прежде всего, следует разобраться, что именно подразумевается под понятием "вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления". В абзаце третьем пункта 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" дано следующее разъяснение: "Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления следует понимать действия взрослого лица, направленные на пробуждение у несовершеннолетнего стремления совершить преступление [2].

Такие действия взрослого могут проявляться не только в виде обещаний, обмана и угроз, но и в форме прямого предложения совершить преступление, разжигания у несовершеннолетнего чувства зависти, желания отомстить, а также в иных действиях, побуждающих к преступлению".

Кандидат юридических наук, доцент Н.В. Жадан отмечает: «термин «вовлечение» описывает побуждение, стремление привлечь кого-либо к активности, то есть целенаправленные действия, которые совершаются для того, чтобы другое лицо участвовало в преступной деятельности вместе с инициатором или самостоятельно. Таким образом, лицо, осуществляющее вовлечение, действует исключительно с прямым умыслом» [3].

Одним из способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является использование обещаний. Этот метод предполагает, что правонарушитель берёт на себя обязательство предоставить подростку в будущем определённые преимущества или выполнить в его интересах конкретные действия. Например, помочь с поиском работы, простить задолженности или оказать иное содействие. Выполнение таких обещаний напрямую обуславливается тем, совершит ли несовершеннолетний одно или несколько преступлений.

Обещания и обязательства могут быть самыми разными. Они могут относиться как к самому подростку, так и к его близким. Суть обещания неизменна: молодому человеку предлагают что-то значимое для него, однако платой становится его участие в незаконных действиях.

Обман включает в себя такие фразы, поступки или действия, которые сознательно дезориентируют другого человека. Они расходятся с реальностью и содержат ложь. В случае вовлечения в криминальную деятельность обман подразумевает передачу подростку искажённых данных об обстоятельствах, имеющих для него значение, либо утаивание этих данных. Также к этому относится использование доверия в корыстных целях. Взрослый, реализуя такую модель поведения, применяет разнообразные уловки, хитрости и притворство, чтобы подтолкнуть несовершеннолетнего к правонарушению.

Важно отметить, что обещания, которые взрослый даёт малолетнему или несовершеннолетнему с целью вовлечь его в преступление, но при этом не собирается их выполнять, также расцениваются как обман. То есть сам факт невыполнимого или заведомо ложного обещания является формой введения в заблуждение. Таким образом, и обещание, и обман служат инструментами манипуляции, призванными сломить волю несовершеннолетнего и заставить его действовать в интересах преступника, часто вопреки собственным интересам и закону.

Угроза представляет собой высказанное намерение причинить человеку вред, создать для него проблемы или вызвать страх. Это действие подразумевает психологическое давление на несовершеннолетнего путем обещания нанести ущерб его личным интересам, интересам его семьи или близких, распространить сведения, которые могут его опозорить, либо совершить иные незаконные или безнравственные поступки. Законодательство не устанавливает четкого перечня того, что именно может считаться угрозой, однако если совершеннолетний человек с целью склонить подростка к участию в преступлении запугивает его возможностью применения физической силы, то такие действия признаются отягчающим обстоятельством и подпадают под часть 3 статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом фактическое осуществление угрозы не рассматривается в рамках данной статьи и требует отдельной правовой оценки в соответствии с другими нормами закона [4].

Среди множества методов, используемых для склонения несовершеннолетних к совершению правонарушений, ключевую роль играют разнообразные формы психологического давления на подростка (не считая прямых угроз, обмана или обещаний материальных благ). Эти приёмы подталкивают его к нарушению закона через такие воздействия, как подстрекательство к вендетте, обещание личной выгоды, навязывание определённых взглядов, стимулирование чувства зависти, формирование привлекательности так называемой «криминальной романтики», а также другие подобные способы влияния. Верховный Суд РФ на пленарном заседании прямо указал, что состав рассматриваемого правонарушения считается формальным. Что касается субъективной стороны, то вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправного деяния обязательно требует наличия прямого умысла. Дополнительно в восьмом пункте постановления Пленума «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 года № 7 даются следующие разъяснения: судам надлежит принимать во внимание, что привлекать к уголовной ответственности за склонение несовершеннолетнего к совершению преступления можно только лиц, которым исполнилось 18 лет и которые действовали намеренно. Также необходимо установить, осознавал ли взрослый или хотя бы допускал, что его поведение подталкивает подростка к преступной активности. Если взрослый не имел информации о том, что вовлекаемое лицо является несовершеннолетним, то привлечь его к ответственности по статье 150 УК РФ невозможно.

В рамках части 1 статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации такие элементы

субъективной стороны, как цель и мотив, не указаны в качестве обязательных. Это означает, что для признания деяния преступным по данной норме их установление не требуется, и отсутствие или наличие этих признаков не меняет квалификацию содеянного. Тем не менее, мотив должен быть обязательно выявлен, так как начиная с 24 июля 2007 года, после вступления в силу Федерального закона № 211, законодатель включил его в перечень отягчающих обстоятельств для этого состава [5]. В части 4 статьи 150 УК РФ перечислены конкретные виды мотивов: политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная неприязнь либо вражда, а также неприязнь или вражда, направленная против какой-либо социальной группы [6].

Следует также отметить, что требования, вытекающие из принципов объективности, непредвзятости и всестороннего изучения всех обстоятельств произошедшего события, наряду с принципами индивидуальной ответственности и пропорциональности наказания, налагают на следственные органы и суд обязанность в каждом аналогичном случае устанавливать мотивы и цели, которыми руководствовался и которые преследовал инициатор склонения.

Субъектом данного преступного деяния выступает дееспособное физическое лицо, достигшее совершеннолетия, то есть 18 лет. Уголовный кодекс содержит прямое указание на возраст такого субъекта: это лицо, которому уже исполнилось восемнадцать лет. Данное положение было внесено в Уголовный кодекс в 2003 году. Таким образом, на уровне закона утвердилась позиция, что общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность состоит, в частности, в том, что это осуществляется именно взрослым лицом. Будучи старше по возрасту, такой человек имеет физические и психологические преимущества перед подростком, и использует это превосходство для выполнения преступного умысла. Квалифицирующим критерием (согласно части 2 статьи 150 Уголовного кодекса РФ) является совершение преступного деяния родителем, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Помимо кровных родителей (включая отца, признанного таковым по правилам статьи 49 Семейного кодекса), к ответственности могут привлекаться отчим, мачеха, а также усыновители. Действия лица, лишенного родительских прав, не подпадают под действие части 2 статьи 150 УК РФ. Под категорию «иное лицо» подпадают опекун, попечитель, представитель уполномоченного государственного органа (к примеру, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при местной администрации) и другие аналогичные субъекты.

В третьем пункте статьи 150 Уголовного кодекса России закреплен особо отягчающий признак: вовлечение несовершеннолетнего в преступление сопровождается физическим принуждением либо угрозой его применения. Принуждение, то есть насилие или лишение свободы, направлено на подавление воли подростка или ребенка, который уже совершил противоправное деяние. Физическое насилие как метод вовлечения юного лица в криминальную активность выражается в нанесении ударов, побоев, а также в причинении вреда здоровью легкой или средней тяжести. Однако, если в результате таких действий здоровью был нанесен тяжкий вред, действия виновного рассматриваются как совокупность преступлений, предусмотренных статьями 111 и 150 УК РФ. Данный вывод следует из сопоставления санкций указанных норм. Психическое давление на подростка осуществляется через запугивание нанесением вреда здоровью разной степени, включая угрозы лишить его жизни. Данное деяние подпадает под четвертую часть 150-й статьи Уголовного кодекса РФ в тех случаях, когда несовершеннолетнего склоняют к участию в преступлении, относящемся к категории тяжких или особо тяжких. Определение таких категорий дано в 15-й статье УК РФ.

В 2007 году в четвертую часть статьи 150 УК РФ были внесены дополнительные уточняющие признаки, касающиеся побуждений, которыми руководствовался взрослый человек, стремясь привлечь подростка к совершению противоправного действия или уже вовлекая его в это.

В итоге следует констатировать, что привлечение подростка к совершению противоправных действий несет повышенную социальную опасность, так как вредоносное влияние нарушает ход естественного духовного, нравственного, психического и телесного становления несовершеннолетних. У них возникают искаженные и деформированные понятия о ключевых жизненных, нравственных и общественных ценностях, что является одним из факторов, побуждающих подростков в будущем повторно нарушать закон, совершать опасные для общества поступки и преступления. Предотвращение и недопущение криминального поведения среди молодежи представляет собой первостепенную задачу для всего социума.

Вовлечение несовершеннолетнего в пучину противоправных деяний — это всегда хладнокровный, целенаправленный шаг со стороны взрослого, перешагнувшего восемнадцатилетний рубеж. Эти действия пронизаны либо утончённым психологическим нажимом, либо грубой физической силой: искусное введение в заблуждение, сладкие посулы и уговоры, подкуп, леденящее душу запугивание - любой метод, способный заронить в юную, неокрепшую душу тлетворное

семя преступления.

Выделение посягательств на детей в особый, священный раздел уголовного закона - не просто формальность, а крик совести, созвучный общепринятым международным нормам и конституционным устоям России. В этом проявляется высший приоритет правовой защиты и бескомпромиссная борьба с - лишь острие клинка. Истинная сила правовой охраны раскрывается лишь в гармоничном сплаве с нормами всех иных отраслей законодательства. Этот союз должен быть направлен на очищение нравственной атмосферы, в которой дышат подростки, на предотвращение и искоренение тех тёмных факторов, что калечат и уродую здоровое становление личности.

Необходимо вдохнуть новую жизнь в систему государственной опеки: укрепить комиссии по делам подростков, наделить особым зрением профилактические отделы Министерства внутренних дел, дать чуткость участковым и подразделениям по делам семьи и детства при местных администрациях, поддержать комитеты по молодёжной политике. Государство должно распахнуть объятия общественным объединениям, стоящим на страже детства. Нужно раздвинуть горизонты досуга, зажечь в душах детей и юношества огонь физкультуры и спорта, чтобы свет здоровой жизни затмил зов бездны.

Список литературы:

[1] Кладков, А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ) / А. Кладков, Т. Суспицына // Уголовное право. – 2012. - № 3. - 27 с.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 02.04.2013 № 6) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

[3] Жадан В. Н. О некоторых проблемах квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Молодой ученый, 2016. — № 18. — 327-332 с.

[4] Уголовное право России: Часть общая и особенная: учебник / Отв. ред. А. В. Бриллиантов. — М.:Проспект, 2012. - 232 с.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 14 февраля 2000 г. Официальный сайт Верховного Суда РФ http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=1105.

[6] Федеральный закон от 24.07.2007 N 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействию экстремизму». СПС Консультант Плюс.

References:

[1] Kladkov, A. Involvement of a minor in the commission of a crime and other antisocial actions (Articles 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation)/A. Kladkov, T. Suspitsyna // Criminal law. – 2012. - № 3. - 27 s.

[2] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 (as amended by 02.04.2013 No. 6) "On judicial practice in the application of legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors".

[3] Zhadan V.N. On some problems of qualification of involving a minor in committing a crime // Young scientist, 2016. — № 18. - 327-332 s.

[4] Criminal law of Russia: Part general and special: textbook/Rev. ed. A.V. Diamonds. - M.: Prospect, 2012. - 232 s.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of February 14, 2000. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=1105.

[6] Federal Law of 24.07.2007 N 211-FZ (ed. 22.02.2014) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of Public Administration in the Field of Countering Extremism." ATP Consultant Plus.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-250-256

ГУДЧЕНКОВ Олег Станиславович,
аспирант, Балтийского Федерального Университета имени Иммануила Канта,
e-mail: Oleg_2_0_00@mail.ru

Научный руководитель:
КУЛИКОВ Александр Викторович,
д-р юр. наук, проф., Заслуженный юрист РФ,
e-mail: bmw0052@rambler.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕВОЗКИ, ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ПЕРЕРАБОТКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, СОВЕРШАЕМЫХ БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. *В статье анализируются проблемы уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. На основе формально-юридического, сравнительно-правового и доктринального методов, а также анализа судебной практики автором рассматриваются объективные и субъективные признаки состава преступления, исследуется влияние цифровых технологий на объект и предмет преступлений, а также способы совершения деяния, доказывание вины и разграничение со ст. 228.1 УК РФ. Обосновывается вывод о необходимости распространения квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей» на ст. 228 УК РФ, а также о нецелесообразности снижения возраста уголовной ответственности за данное преступление.*

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, наркотические средства, психотропные вещества, информационно-телекоммуникационные сети, уголовно-правовая характеристика, квалификация, состав преступления.*

GUDCHENKOV Oleg Stanislavovich,
postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University

Supervisor:
KULIKOV Alexander Viktorovich,
Dr. Jurr. Sciences, prof., Honored Lawyer of the Russian Federation

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF THE ILLEGAL ACQUISITION, STORAGE, TRANSPORTATION, MANUFACTURING, PROCESSING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES, COMMITTED WITHOUT THE INTENTION OF SALES USING ELECTRONIC OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Annotation. *This article analyzes the criminal-legal characteristics of the crime under Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed using information and telecommunications networks. Drawing on formal legal, comparative legal, and doctrinal methods, as well as an analysis of judicial practice, the author examines the objective and subjective elements of the crime, explores the influence of digital technologies on the object and subject of crimes, as well as the methods of committing the act, proving guilt, and distinguishing it from Article 228.1 of the Criminal Code. The author substantiates the conclusion regarding the need to extend the qualifying element of "use of information and telecommunications networks" to Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the inadvisability of lowering the age of criminal responsibility for this crime.*

Key words: *illegal drug trafficking, narcotic drugs, psychotropic substances, information and telecommunication networks, criminal law characteristics, qualification, elements of the crime.*

Введение

Борьба с распространением запрещенных психоактивных веществ ежегодно признается одной из ключевых государственных задач, что продиктовано высокой социальной опасностью данного феномена, а также прямой угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Незаконный оборот наркотиков оказывает деструктивное воздействие не только на физическое и психическое здоровье населения, но и на морально-нравственные основы общества, ставя под угрозу его культурный и демографический потенциал. Как справедливо отметил Президент РФ В.В. Путин в ходе оперативного совещания с постоянными членами Совета Безопасности, борьба с наркоугрозой является одним из важнейших направлений правоохранительной деятельности [10]. Вместе с тем в настоящее время серьезное воздействие, вызывающее системные изменения структуры незаконного оборота, оказывают информационно-телекоммуникационные сети. Цифровизация общественных отношений способствовала переносу ключевых элементов незаконного оборота наркотиков в сеть «Интернет», включая мессенджеры, социальные сети и специализированные теневые платформы. Такой переход криминальной активности в виртуальное пространство создает для правоохранительной системы качественно новые сложности и вызовы. Как справедливо подчеркивает С.К. Абрамян, именно информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», в значительной степени влияют на незаконный оборот наркотиков, предоставляя преступникам широкие возможности для сохранения анонимности и конспирации [2, с. 116].

При этом анализ научной литературы и правоприменительной практики свидетельствует о том, что основное внимание исследователей и практиков сосредоточено преимущественно на уголовно-правовой оценке незаконного сбыта наркотиков (ст. 228.1 УК РФ) как наиболее общественно опасной форме проявления наркопреступности. Не отрицая безусловной значимости оценки данной проблемы, обусловленной разрушительным характером сбыта как одной из стадий наркопреступлений, мы обращаем внимание на то, что не менее значимым в настоящее время является и изучение незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки. В этой связи актуальным видится анализ и выявление проблемы уголовно-правовой характеристики преступлений, конкретно объективных и субъективных признаков, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а именно ст. 228 УК РФ.

Методологическую основу настоящего исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и доктринальный методы познания. Их применение, а также анализ материалов судебной практики, позволили всесторонне исследовать признаки преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ и обосновать выводы о проблемах квалификации в условиях цифровой реальности.

Объективные признаки преступления

Объект и объективная сторона преступления относятся к числу объективных признаков преступления. Родовым объектом данного преступления выступает общественная безопасность, видовым – здоровье населения и общественная нравственность [6, с.7]. В качестве непосредственного объекта анализируемого состава преступления законодатель определяет установленный государством порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как необходимое условие обеспечение безопасности здоровья населения. Однако использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» порождает дискуссию в том числе и о объекте посягательства. В связи с изложенным, в уголовно-правовой доктрине закономерно ставится вопрос о возможности формирования нового самостоятельно объекта посягательства в виде информационной безопасности для ряда составов. [5, с.252,7, с.79.].

Однако в рамках анализа объективных признаков ст. 228 УК РФ такой подход представляется абсолютно неверным. Уголовным кодексом

РФ объект преступления определяется строго как охраняемое уголовным законом благо, которому причиняется или может быть причинен существенный вред. Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», в данном случае не являются носителем того охраняемого блага, на которое направлено посягательство. По нашему мнению, роль таких технологий сводится к чисто технической функции, поскольку именно они предоставляют участникам незаконного оборота возможность оперативно устанавливать контакты, обмениваться сведениями, сохранять анонимность, а также осуществлять денежные переводы. Нельзя не отметить, что вовлеченность телекоммуникационных технологий, бесспорно, привносит в противоправные действия определенную криминалистическую специфику. Однако данное обстоятельство носит сугубо технический характер и не влияет на сущность охраняемого блага. В данном случае такие сети выполняют исключительно вспомогательную функцию, облегчающую достижение противоправного результата, а потому их применение не расширяет и не видоизменяет объект правовой защиты.

Не менее сложен вопрос и о предмете преступления. В науке уголовного права в последние годы активно дискутируется вопрос о возможности установления признаков состава преступления, предусмотренного статьями главы 25 УК РФ, в условиях отсутствия физически изъятого предмета преступного посягательства. Особую актуальность рассматриваемая проблема приобретает на фоне активного внедрения информационно-телекоммуникационных средств в незаконный наркооборот. Наука уголовного права, а также судебная практика неизменно подтверждают обязательность предмета преступления как признака объективной стороны для всех норм главы 25 УК РФ, в том числе для статьи 228 УК РФ.

В то же время, в доктрине все чаще ставится под сомнение безальтернативность данного подхода. Интересной в этом контексте видится позиция Л.Л. Абрамовой, которая в своей работе изучает проблему оценки достаточности фактических оснований для привлечения лица к ответственности по факту незаконного сбыта наркотиков при отсутствии предмета преступления [1, с. 37]. Автор обоснованно отмечает сложность такого казуса. Ссылаясь на позицию Министерства внутренних дел РФ, предпринимавшего попытки внесения соответствующих изменений в законодательство, которые, однако, не были поддержаны Генеральной прокуратурой РФ, автор констатирует наличие существенная проблема правового регулирования данного вопроса. При этом, Л.Л. Абрамова прямо не высказывается о допустимости косвенных доказательств в качестве замены физического предмета преступления, логика ее рассуждений сводится к тому, что в подобных ситуациях лицо фактически не привлекается к уголовной ответственности, что не вполне отвечает задачам противодействия наркопреступности и требует законодательных изменений. Авторская позиция, изложенная на примере сбыта, универсальна для всего незаконного оборота наркотиков.

Однако мы не разделяем позицию Л.Л. Абрамовой, поскольку она не согласуется с основополагающими принципами квалификации деяний в области незаконного оборота наркотиков. Ранее мы уже указывали, что принципиальное значение для квалификации деяний, предусмотренных статьями главы 25 УК РФ, имеет установление точной массы наркотика, поскольку именно количественный критерий напрямую обуславливает степень общественной опасности содеянного и соответственно меру уголовной ответственности.

Кроме того, такая позиция не находит поддержки в официальной судебной практике, которая последовательно требует наличия предмета для квалификации содеянного. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях не раз указывал, что состав преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, не может быть установлен без подтверждения наличия самого предмета. Как справедливо отмечает высшая судебная инстанция, для признания факта незаконного оборота наркотиков важным является подтверждение характеристик вещества, посредством экспертного заключения, проведенного по утвержденной методике. Более того, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.05.2023 N 56-УД23-4-К9, прямо указано, что вывод суда об отнесении вещества к числу наркотиков не может быть сделан исключительно на основании свидетельских показаний лиц, не обладающими специальными знаниями [11]. Указанная правовая позиция, будучи сформулированной применительно к составам сбыта, в равной степени в силу единства предмета преступного посягательства, распространяется и на все иные формы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

При этом существенно важно подчеркнуть, что сами по себе информационно-телекоммуникационные сети не изменяют юридическую природу предмета преступления в сфере наркооборота, что в целом логично в силу того, что объект также не изменяется. Предмет данного преступления по-прежнему охватывают конкретные средства и вещества, включенные в специальный Перечень, утвержденный Правительством РФ, а также растения, в которых содержатся такие средства или вещества. Следовательно, наскольк-

ко бы значительными ни были технологические изменения и их влияние, они не отменяют объективных требований уголовного закона.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, охватывает такие альтернативные действия, как незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление и переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. При этом обязательным условием для квалификации является отсутствие цели сбыта. Именно этот признак служит основным критерием разграничения со ст. 228.1 УК РФ и определяет характер общественной опасности деяния. Данный вывод убедительно подтверждается результатами судебной практики, которая демонстрирует устойчивую и единообразную модель совершения преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, с использованием информационно-телекоммуникационных и электронных сетей.

Так, согласно Приговору Кировского района суда, г. Казани от 26 февраля 2025 года, установлено, что М., действуя с прямым умыслом с целью приобретения наркотического средства для личного потребления, без цели сбыта, используя принадлежащий ему мобильный телефон, через установленный мессенджер «Телеграм» с выходом в сеть «Интернет» договорился и в дальнейшем заказал у неустановленного лица наркотическое средство в значительном размере. Совершив дистанционно оплату на счет продавца, он получил ответным сообщением в мессенджер «Телеграм» место и координаты «закладки». В продолжение своего преступного умысла, следуя координатам из сообщения в мессенджере «Телеграм», М. забрал наркотическое средство, после чего был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Данный приговор констатирует достаточно типичную ситуацию, иллюстрирующую, каким образом в современных условиях реализуется объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ. Вначале происходит заказ через интернет-мессенджер, далее, электронная оплата и получение цифровых координат тайника, а после физическое изъятие закладки и последующее хранение при себе [12].

Суд в указанном деле верно установил все юридические значимые обстоятельства объективной стороны, в том числе прямой умысел подсудимого и отсутствие цели на сбыт, что является определяющим для квалификации по ст. 228 УК РФ. Кроме того, суд также провел работу, связанную с оценкой факультативных признаков объективной стороны, в частности способа совершения преступления – использование мессенджера «Телеграм» и сети «Интернет» для заказа и оплаты наркотического средства. При этом данные факультативные признаки не влияют на квалификацию деяния по ст. 228 УК РФ непосредственно, поскольку соответствующий признак закреплен только для ст. 228.1 УК РФ, суд все равно обоснованно отразил их в приговоре, поскольку они характеризуют степень общественной опасности деяния и личности виновного, а также имеют значение для индивидуализации наказания. Как справедливо подчеркивают в научной литературе, способ совершения преступления, хотя и является факультативным признаком объективной стороны, в условиях цифровизации преступности свидетельствует о более высокой степени организованности, продуманности и скрытности преступного посягательства [4, с. 109.].

Представляется, что подобный подход заслуживает одобрения в силу того, что несмотря на отсутствие в законодательстве закрепления квалифицирующего признака использования электронных сетей для состава ст. 228 УК РФ, судебная практика последовательно фиксирует указанный способ совершения преступления, что позволяет формировать объективную картину криминальной ситуации в данной сфере. В этой связи видится обоснованным и своевременным распространение квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных технологий» на состав преступления, предусмотренный ст. 228 УК РФ по аналогии с пунктом «б» ч.2 ст. 228.1 УК РФ, где данный признак уже длительное время закреплен.

Цифровые технологии превращают даже менее опасные формы незаконного оборота наркотиков в высоколатентные и общественно опасные деяния, требующие усиленной уголовно-правовой оценки, поскольку методы криптографической защиты, анонимизирующие технологии и криптовалютные расчеты, существенно затрудняют как выявление, так и расследование таких преступлений. Полагаем, что распространение квалифицирующего признака на ст. 228 УК РФ выступает не как изолированное нововведение, а как логичный элемент выстраивания единой системы уголовно-правовых норм, реагирующих на цифровые способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В подтверждение позиции, следует привести мнение Т.О. Чистанова, который также приходит к выводу о необходимости введения квалифицирующего признака в ст. 228 УК РФ, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет». По нашему мнению, автор обосновывает данное решение не полным учетом современных реалий незаконного оборота, поскольку такие технологии теперь используются не только при сбыте [9, с.18].

Субъективные признаки преступления

В соответствии с действующим УК РФ субъектом данного состава преступления является

физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. На протяжении многих лет в специальной научной литературе ведется обсуждение о понижении возраста уголовной ответственности за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков. Сторонники такой идеи настаивают на том, что уже в 12-14 лет подростки осознают противоправность таких деяний, в связи с ускоряющимися процессами акселерации. Некоторые авторы, в частности К.Д. Сухова в своей работе выступает за снижение порога ответственности с 16 до 14 лет [8, с. 687]. Опираясь на мнение других исследователей, автор также отмечает тенденцию «омоложения» наркотической зависимости и подчеркивает, что в данном случае такая мера будет носить не карательную, а превентивную функцию.

Представленный тезис, на первый взгляд, обретает особую остроту и актуальность в условиях стремительной цифровизации всех сфер жизнедеятельности, когда виртуальное пространство не только нивелирует традиционные барьеры распространения запрещенных веществ, но и многократно усиливает их доступность для несовершеннолетних за счет анонимности, агрессивного маркетинга в мессенджерах, а также формирование девиантных культур в цифровой среде. Однако, при всей внешней убедительности аргументов о необходимости ужесточения уголовно-правовых мер, считаем принципиально важным акцентировать внимание на сущностных характеристиках самого феномена незаконного оборота наркотиков и формирующейся от них зависимости. Вопреки технологической динамике, аддиктивное вещество не меняет своей психотропной природы и механизма воздействия на незрелую психику. Следовательно правовой ответ на такое деяние не может строиться исключительно на логике репрессии, игнорируя глубинные социально-психологические детерминанты подростковой наркомании. Более того, эмпирический анализ судебной практики убедительно свидетельствует о том, что удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенный лицами в возрасте до 16 лет, в общей структуре подобных преступлений является весьма незначительным. В этой связи представляется ошибочным смещать акцент с превентивных механизмов на карательные санкции, поскольку уголовное наказание в отношении несовершеннолетних, не обладающих сформированной волевой сферой и полноценной способностью к прогнозированию последствий, зачастую приводит не к исправлению, а обратному эффекту, связанному с закрепление девиантного поведения и разрушением нравственно-социальных связей. Приоритетным вектором противодействия незаконном наркообороту должно выступать не механическое снижение возрастного порога ответственности, а комплексная, многоуровневая система профилактических мероприятий, адаптированной под современную ситуацию.

Исходя из этого, мы приходим к выводу нецелесообразности столь радикальных вмешательств в уголовно-правовой закон, поскольку приоритет должен отдаваться превентивным механизмам, а не ужесточению репрессивных мер, даже в условиях цифрового незаконного оборота наркотиков.

Законодательная конструкция ст. 228 УК РФ предполагает наличие двух ключевых элементов субъективной сторон данного состава преступления, во-первых, вины в форме прямого умысла, а во-вторых, обязательного факультативного признака – отсутствие цели сбыта наркотических средства, психотропных веществ или их аналогов.

Не вызывает сомнений, что деяния, охватываемые ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка) совершаются с прямым умыслом. В то же время одним из наиболее обсуждаемых вопросов субъективной стороны остается установление факта отсутствия цели сбыта, что значительно усложняется в контексте повсеместного использования информационно-телекоммуникационных технологий. Именно направленность умысла выступает системообразующим критерием, отграничивающим данный состав от незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.1 УК РФ) [3, с.81].

Для отграничения данных составов правоприменитель обязан опираться на критерии, сформулированные Верховным Судом РФ в, где прямо указано, что о сбыте может свидетельствовать размер, фасовка, предварительная договоренность, а также то, что само лицо наркотик не употребляет. При этом отсутствие умысла на сбыт должно быть установлено также тщательно, как и его наличие, через оценку всех обстоятельств дела. Однако в условиях стремительной цифровизации незаконного оборота наркотиков, доказывание этих элементов представляется затруднительным. Взаимодействие между участниками такой незаконной деятельности осуществляется исключительно в цифровой среде, что существенно видоизменяет механизмы совершения преступлений. Если при «классическом» незаконном обороте квалификация строится на оценке личного взаимодействия, то цифровые технологии исключают такой элемент.

Судебная практика последних лет демонстрирует, что использование информационно-телекоммуникационных сетей само по себе прямо не свидетельствует о незаконном сбыте наркотиков (ст. 228.1 УК РФ). Более того, именно

цифровой контекст нередко становится фактором, позволяющим судам переквалифицировать деяние на хранение без цели сбыта. Так, по делу К., рассмотренное Верховным Судом РФ, приговором суда первой инстанции К. был осужден по ч.3 ст. 30, п. «г» ч.4 ст. 228.1 УК РФ к 10 годам лишения свободы [13]. Суды нижестоящей инстанции, обосновывая наличие умысла на сбыт, сослались на расфасовку наркотика в удобную для сбыта упаковку, крупный размер, а также на отказ К. добровольно предоставить пароли от изъятых мобильных телефонов. Верховный Суд в деле К. справедливо отверг доводы нижестоящих инстанций, отметив, что что отказ обвиняемого предоставления доступа к своему телефону в данном случае не может быть истолкован против него, а предположение о хранении в телефонах информации, свидетельствующей об умысле на сбыт несостоятельно. В результате Верховный Суд РФ переквалифицировал действия К. на ч.2 ст. 228 УК РФ, назначив наказание в виде 3 лет 3 месяцев лишения свободы, сославшись на недопустимость построения обвинения на предположениях. Данное дело наглядно показывает, что в цифровую эпоху отсутствие доступа к цифровым следам не может восполняться предположениями, а бремя доказывания умысла на сбыт, либо его отсутствие лежит исключительно на стороне обвинения.

Очевидно, что в условиях незаконного оборота наркотиков в цифровой среде, установление отсутствия умысла на сбыт порождает риск ошибочных квалификаций. Действующее уголовно-правовое регулирование и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не в полной мере отражают специфику цифровой среды при незаконном обороте наркотиков.

Заключение

Резюмируя, важно подчеркнуть, что цифровизация существенно видоизменяет способы совершения преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ, но не влияет на их юридическую природу. Современные технологии выполняют вспомогательную функцию, не создавая при этом нового объекта охраны, в связи с чем доктринальные предложения о выделении информационной безопасности в качестве объекта посягательства для данного состава являются несостоятельными. Объективная сторона все чаще реализуется через современные сервисы, на основании чего мы делаем вывод о повышении организованности и латентности таких деяния. Однако отсутствие в ст. 228 УК РФ квалифицирующего признака использование информационно-телекоммуникационных технологий не позволяет адекватно дифференцировать ответственность, в связи с чем предлагается дополнить ст. 228 УК РФ соответствующим признаком.

Несмотря на активное «омоложение» контингента и повышение доступности наркотиков благодаря цифровым технологиям, нами обосновывается вывод о нецелесообразности снижения возраста уголовной ответственности до 14 лет за данное преступление. Кроме того, непростой вопрос субъективной стороны, связанный с обязанностью доказывать отсутствие умысла на сбыт, приобретает особую актуальность в эпоху цифровых доказательств. Анализ судебной практики позволил сделать вывод, что установление и оценка подобных доказательств вызывает серьезные трудности, что нередко влечет ошибки квалификации. В связи с этим перспективным представляется сформировать Пленуму Верховного Суда РФ разъяснения по работе и оценке с цифровыми доказательствами, что позволит обеспечить более точную квалификацию.

Список литературы:

[1] Абрамова Л. Л. Оценка достаточности основания для возбуждения уголовного дела по факту незаконного сбыта наркотического средства при отсутствии предмета преступления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 1(30). – С. 35-41.

[2] Абрамян С. К. Состояние, динамика и тенденции преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 1. – С. 115-117.

[3] Дружинина, Л. В. Субъект преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228-1 УК РФ // Проблемы науки. – 2019. – № 11(47). – С. 81-85.

[4] Каранова Д. А. Информационно-коммуникационные технологии как способ совершения преступлений // Криминологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 107-110.

[5] Кур И. Н. Обеспечение информационной безопасности как объект уголовно-правовой охраны // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 7. – С. 250-255.

[6] Любавина А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ: учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 176 с.

[7] Саралиев Ж. С., Б. Б. Бидова Информационная безопасность государства как объект уголовно-правовой защиты // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 9(37). – С. 78-81.

[8] Сухова К.Д. Дискуссионные вопросы о наступлении возраста уголовной ответственности за преступления в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Флагман науки. – 2025. – № 1 (24). – С. 686-689.

[9] Чистанов Т.О. Незаконный оборот наркотических средств с использованием современных телекоммуникационных технологий: проблемы уголовной ответственности // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 17-20.

[10] Путин обсудил с Совбезом борьбу с незаконным оборотом наркотиков [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2025. 4 июля. URL: https://ria.ru/20250704/putin-2027178762.html (дата обращения: 15.06.2026).

[11] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 мая 2023 г. № 56-УД23-4-К9 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[12] Приговор № 1 05/2024 1-68/2025 от 26 февраля 2025 г. по делу № 1 505/2024 [Электронный ресурс] – Кировский районный суд г. Казани, 2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/i9rp8tRi2idX/ (дата обращения: 08.06.2026).

[13] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 16-УД23-17-К4 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/407751218/ (дата обращения: 08.07.2026).

References:

[1] Abramova L. L. Assessment of the sufficiency of the basis for initiating a criminal case on the fact of illegal sale of a narcotic drug in the absence of the subject of a crime // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1(30). - S. 35-41.

[2] Abrahamyan S.K. State, dynamics and trends of crime related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the Russian Federation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2023. – № 1. - S. 115-117.

[3] Druzhinina, L. V. Subject of crimes under Art. 228, 228-1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Problems of science. – 2019. – № 11(47). - S. 81-85.

[4] Karanova D. A. Information and communication technologies as a way of committing crimes // Criminological journal. – 2024. – № 2. - S. 107-110.

[5] Kur I. N. Ensuring information security as an object of criminal law protection // Gaps in Russian legislation. – 2023. - T. 16, NO. 7. - S. 250-255.

[6] Lyubavina A. Qualification of crimes under Art. 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: textbook. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. - 176 s.

[7] Saraliev Zh. S., B. B. Bidova Information security of the state as an object of criminal legal protection // Skif. Student science issues. – 2019. – № 9(37). - S. 78-81.

[8] Sukhova K.D. Discussion questions on the onset of the age of criminal responsibility for crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Flagship of science. – 2025. – № 1 (24). - S. 686-689.

[9] Chistanov T.O. Drug trafficking using modern telecommunication technologies: problems of criminal liability // Successes of modern science and education. – 2017. - T. 8, NO. 2. - S. 17-20.

[10] Putin discussed with the Security Council the fight against drug trafficking [Electronic resource] // RIA Novosti. 2025. July 4th. URL: https://ria.ru/20250704/putin-2027178762.html (access date: 15.06.2026).

[11] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 3, 2023 No. 56-UD23-4-K9 // Access from the Garant legal system.

[12] Verdict No. 1 05/2024 1-68/2025 of February 26, 2025 in case No. 1 505/2024 [Electronic Resource] - Kirovsky District Court of Kazan, 2025. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/i9rp8tRi2idX/ (access date: 08.06.2026).

[13] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.09.2023 No. 16-UD23-17-K4 [Electronic Resource] // SPS "Garant." URL: https://base.garant.ru/407751218/ (access date: 08.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-257-261

КАНГЕЗОВ Марат Русланович,
начальник кафедры СД Северо-Кавказского института (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются современные проблемы толкования и применения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных главой 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу пределов необходимой обороны и крайней необходимости, а также их разграничению в правоприменительной практике. Рассматривается эволюция соответствующих положений в уголовных кодексах РСФСР и РФ, выявляются противоречия в судебной практике 2022–2026 гг. и формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения.*

Ключевые слова: *обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; пределы необходимой обороны; крайняя необходимость; уголовное право; судебная практика; правоприменение; Верховный Суд Российской Федерации.*

KANGEZOV Marat Ruslanovich,
Head of the Department of SD of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel

CIRCUMSTANCES PRECLUDING CRIMINALITY: CONTEMPORARY PROBLEMS OF INTERPRETATION AND APPLICATION

Annotation. *The article examines contemporary issues in interpreting and applying the institution of circumstances excluding the criminality of an act under Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the limits of necessary defense and extreme necessity, as well as their differentiation in judicial practice. The evolution of these concepts in the Criminal Codes of the RSFSR and the Russian Federation is analyzed. Contradictions in judicial practice (2022–2026) are identified, and proposals for improving legislation and law enforcement are formulated.*

Key words: *circumstances excluding criminality of an act; necessary defense; limits of necessary defense; extreme necessity; criminal law; judicial practice; Supreme Court of the Russian Federation.*

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, занимает особое место в системе российского уголовного права, обеспечивая баланс между охраной общественных отношений и признанием правомерности причинения вреда в исключительных ситуациях. Исторически формирование данных положений происходило постепенно.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года необходимая оборона рассматривалась как правомерное отражение общественно опасного посягательства при условии отсутствия превышения мер защиты. В последующем Уголовный кодекс РСФСР 1960 года закрепил более чёткие критерии соразмерности и допустимости причинения вреда при защите, однако понятие «превышение пределов обороны» носило оценочный характер и порождало значительные трудности в практике.

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации (глава 8) системно регламентирует обстоятельства, исключающие преступность деяния, включая необходимую оборону (ст. 37),

причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст.38) и крайнюю необходимость (ст. 39). Существенным шагом в развитии института стало расширение гарантий обороняющегося, в частности закрепление положения о том, что защита от посягательства, сопряжённого с насилием, опасным для жизни, не ограничивается требованиями соразмерности.

Текущий этап характеризуется активным развитием судебной практики, в том числе разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, что обусловлено необходимостью единообразного применения оценочных критериев. Тем не менее анализ дел 2022–2026 гг. свидетельствует о сохранении противоречий при определении пределов необходимой обороны и условий крайней необходимости [1; 3; 7].

Теоретические основы института обстоятельств, исключающих преступность деяния, представляет собой одну из ключевых гарантийных конструкций уголовного права, обеспечивающую баланс между публичными интересами охраны правопорядка и необходимостью признания правомерности причинения вреда в социально оправданных ситуациях. Его сущность заключается в том, что формально содержащие признаки состава преступления действия (или бездействие) не признаются преступными ввиду наличия особых условий, свидетельствующих об их правомерности.

В теории уголовного права данный институт традиционно рассматривается через призму категорий общественной опасности, противоправности и виновности. Причинение вреда при наличии обстоятельств, предусмотренных главой 8 Уголовный кодекс Российской Федерации, не обладает признаком противоправности, поскольку законодатель заранее допускает возможность причинения вреда ради защиты более значимых благ. Таким образом, речь идёт не об освобождении от ответственности, а об отсутствии самого основания уголовной ответственности.

Системно обстоятельства, исключающие преступность деяния, представляют собой юридические факты, при наличии которых деяние, формально подпадающее под признаки состава преступления, утрачивает свойство уголовной противоправности. В теории существуют различные подходы к определению их правовой природы.

Первая концепция рассматривает данные обстоятельства как элементы, исключающие общественную опасность деяния. Согласно этому подходу, причинение вреда в условиях необходимой обороны или крайней необходимости не является общественно опасным, поскольку направлено на защиту охраняемых законом интересов.

Вторая концепция исходит из того, что общественная опасность в подобных случаях сохраняется, однако исключается противоправность как признак преступления. Законодатель сознательно допускает причинение вреда в строго очерченных пределах, что трансформирует оценку деяния с позиции «запрещённого» в категорию «разрешённого».

Третья позиция носит комплексный характер и связывает правомерность с совокупностью факторов: социальной полезностью цели, отсутствием альтернативных способов предотвращения вреда и соблюдением принципа соразмерности.

Современная доктрина склоняется к признанию обстоятельств, исключающих преступность деяния, самостоятельным институтом, отличным как от оснований освобождения от уголовной ответственности, так и от обстоятельств, смягчающих наказание. В отличие от последних, они полностью устраняют уголовно-правовую оценку деяния как преступного.

Глава 8 Уголовного кодекса Российской Федерации включает следующие обстоятельства: необходимую оборону (ст. 37), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38), крайнюю необходимость (ст. 39), физическое или психическое принуждение (ст. 40), обоснованный риск (ст. 41), исполнение приказа или распоряжения (ст. 42).

Объединяющим элементом данных норм является допустимость причинения вреда при наличии социально оправданной цели. Вместе с тем каждое обстоятельство обладает собственной юридической конструкцией и системой условий правомерности.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ 2022–2026 гг. показывает, что вопросы превышения пределов необходимой обороны рассматриваются с учётом комплекса обстоятельств дела:

внезапность нападения;

численное или силовое превосходство нападающего;

психологическое состояние обороняющегося;

характер и интенсивность угрозы [6; 7].

Например, в одном из дел суд признал правомерной оборону гражданина, который при нападении с ножом применил удар предметом, причинивший тяжкий вред нападавшему. Суд указал, что действия обороняющегося были обусловлены непосредственной угрозой жизни, а причинённый вред соразмерен характеру посягательства [6].

В то же время практика показывает случаи ошибочной квалификации: действия лица признавались превышением пределов обороны, несмотря на очевидную угрозу жизни, если причинённый вред воспринимался как «необходимый» фор-

мально, а не с точки зрения обороняющегося [2; 5]. Такие расхождения обусловлены ретроспективной оценкой действий, что в научной литературе называется «эффектом внешнего наблюдателя» [4].

В постановлениях Пленума и обзорах судебной практики ВС РФ подчёркивается необходимость учитывать внезапность и интенсивность посягательства, соотношение вреда и опасности, исходящей от нападающего, отсутствие альтернативных способов защиты.

В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (ред. 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» Верховный Суд РФ рекомендовал при оценке соразмерности причинённого вреда исходить из позиции обороняющегося, а не внешнего наблюдателя, анализировать совокупность действий нападающего, а не отдельный эпизод, что позволяет корректно определить пределы допустимой обороны, учитывать эмоциональное состояние и стрессовую реакцию лица, защищающего себя или других.

Пределы необходимой обороны представляют собой комплексный оценочный критерий, основанный на сочетании соразмерности, необходимости и направленности действий. Основные трудности в теории и практике связаны с оценочным характером понятия «явная несоразмерность», различиями в региональной судебной практике и отсутствием унифицированной методологии оценки стрессовых ситуаций.

Современная доктрина и практика сходятся в том, что правоприменение должно ориентироваться на комплексный анализ всех обстоятельств, учитывать психологический аспект и динамику посягательства. Это позволяет минимизировать субъективизм в судебной оценке и повысить единообразие подходов к квалификации действий обороняющегося.

Институт крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) регулирует ситуации, когда причинение вреда охраняемым законом интересам допускается для предотвращения более значительного общественного вреда. В отличие от необходимой обороны, здесь источником опасности может быть природный фактор, случайное событие или действия третьих лиц, а причинённый вред может затрагивать невиновных. Этот институт является ключевым для разрешения коллизий между охраняемыми интересами и часто вызывает споры как в доктринальной литературе, так и в судебной практике.

Современное понимание крайней необходимости строится на трёх основных критериях:

Наличие реальной и непосредственной опасности — угрозу необходимо рассматривать объективно, исходя из фактических обстоятельств, а не гипотетически. Важно, чтобы опасность была значительной и могла повлечь существенный вред личности, обществу или государству.

Отсутствие возможности устранения угрозы другими средствами — причинение вреда допустимо только если альтернативные меры (например, вызов органов власти, эвакуация, пассивное предотвращение угрозы) невозможны или неэффективны.

Соотношение вреда — причинённый вред должен быть меньше или соизмерим с предотвращённым. Это ключевой и наименее формализованный критерий, вызывающий наибольшие трудности в правоприменении [2; 3].

Доктрина подчёркивает, что оценка соотношения вреда носит комплексный характер: учитываются не только материальные убытки, но и ценность жизни, здоровья, окружающей среды и других охраняемых интересов [3; 4].

Крайняя необходимость, в отличие от необходимой обороны, требует детальной оценки объективных обстоятельств, а также действий лица с точки зрения рациональности выбора средств. При этом субъективный элемент проявляется в намерении минимизировать вред при достижении социальной пользы. Судебная практика 2022–2026 гг. демонстрирует, что именно неопределённость границ допустимого вреда является источником конфликтов в квалификации дел [6; 7].

Например, в одном из дел Верховный Суд РФ признал правомерным уничтожение имущества гражданина для тушения пожара, который угрожал жизни соседей. Суд подчеркнул, что причинённый ущерб был значительно меньше предотвращённого риска для жизни и здоровья людей, что полностью соответствовало критериям ст. 39 УК РФ [6].

В другом деле действия лица, которое перевернуло автомобиль, угрожавший взрывом, были признаны превышением пределов крайней необходимости, поскольку существовала возможность удалиться на безопасное расстояние. Таким образом, суды оценивают необходимость причинения вреда с точки зрения возможности альтернативных действий [6].

Институт крайней необходимости играет важнейшую роль в урегулировании конфликтов охраняемых интересов и предотвращении чрезмерного наказания лиц, действующих в экстренных ситуациях. Основные трудности связаны с оценкой соразмерности и доказательством отсутствия альтернативных мер. Современные тенденции в судебной практике и науке направлены на комплексный анализ всех обстоятельств, что позволяет минимизировать субъективизм и повысить

единообразие правоприменения.

Современная практика применения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, отражает усилия Верховный Суд Российской Федерации по унификации подходов к оценке действий граждан в условиях необходимой обороны и крайней необходимости. Анализ судебных решений и обзоров практики за 2022–2026 годы позволяет выявить ключевые тенденции, проблемы и успешные подходы, обеспечивающие баланс между правами граждан и охраной общественных интересов, а именно необходимость учета реальности угрозы и её характера, соразмерности причинённого вреда, отсутствия альтернатив предотвращению угрозы другими способами.

Систематизация судебной практики выявила, что суды всё чаще учитывают динамику развития посягательства, численное превосходство нападающих и эмоциональное состояние обороняющегося. Это свидетельствует о движении к гуманизации института необходимой обороны и снижению формального подхода к оценке соразмерности [1; 4].

Таким образом, современная судебная практика постепенно формирует устойчивые ориентиры для правоприменителей, однако сохраняется необходимость дальнейшей методологической и законодательной конкретизации критериев, позволяющей минимизировать субъективизм и обеспечить предсказуемость применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Анализ современной доктрины и практики показывает, что институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, является чрезвычайно гибким, но в то же время подвержен субъективной оценке. В связи с этим возникает потребность в разработке единых методических подходов, позволяющих минимизировать расхождения в правоприменении и повысить предсказуемость квалификации действий граждан в экстремальных ситуациях.

Современные исследования подчёркивают, что одной из центральных проблем является неопределённость критерия «соразмерности» в случае необходимой обороны и «меньшего вреда» при крайней необходимости. В условиях стресса и внезапности посягательства лицо, защищающее себя или других, не способно детально оценивать последствия своих действий. Именно поэтому формальная ретроспективная оценка действий с позиции постфактум наблюдателя часто приводит к признанию правомерного поведения превышением допустимых пределов. В современной литературе обращается внимание на феномен, который описывается как склонность оценивать поведение участника событий с позиции внешнего наблюдателя, располагающего полной информацией о произошедшем. Подобный подход нередко приводит к ретроспективной переоценке возможностей лица, действовавшего в условиях неопределённости. Указанное обстоятельство требует корректировки методологических ориентиров при квалификации действий, с учётом психологических и ситуационных факторов, влияющих на поведение человека в момент опасности.

Не менее сложной остаётся проблема установления отсутствия альтернативных способов предотвращения вреда. Судебная практика показывает, что доказательство невозможности иного выхода из ситуации — например, ухода от источника опасности либо обращения за помощью к третьим лицам — вызывает значительные трудности. Между тем формальный вывод о наличии таких возможностей без учёта реальной динамики событий может искажать оценку правомерности поведения лица, действовавшего в состоянии крайней необходимости.

В связи с этим целесообразно формировать методические указания, которые помогут следователям и судьям систематически анализировать возможности минимизации ущерба, оценивать их реалистичность и учитывать их при вынесении решения. Такой подход позволит избежать формального применения норм и снизить риск субъективных оценок.

Не менее значимой проблемой является неоднородность региональной практики. Несмотря на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, подходы к оценке соразмерности и необходимости причинённого вреда остаются различными. Это особенно заметно при квалификации действий при крайней необходимости, где оцениваются как материальные, так и нематериальные последствия. В этой связи необходимо продолжать работу над унификацией правоприменительных критериев, опираясь на комплексный анализ фактических обстоятельств, соотношение причинённого и предотвращённого вреда, характер угрозы, динамику её возникновения и психологическое состояние обороняющегося.

В отношении крайней необходимости подход носит аналогичный характер, но здесь ключевым моментом является соотношение причинённого и предотвращённого вреда, а также доказательство невозможности устранить угрозу иными средствами. В научных исследованиях подчёркивается, что при сопоставлении предотвращённого и причинённого вреда недопустимо ограничиваться исключительно количественными параметрами. Существенное значение имеют качественные характеристики охраняемых благ — ценность человеческой жизни и здоровья, общественная значимость защищаемых интересов,

характер и масштаб потенциальных последствий. Анализ судебной практики последних лет подтверждает, что именно комплексный, всесторонний подход к оценке обстоятельств дела способствует вынесению более обоснованных и справедливых решений, снижая риск субъективных трактовок.

Совершенствование правоприменения в данной сфере представляется возможным по нескольким взаимосвязанным направлениям. С одной стороны, требуется дальнейшая конкретизация законодательных ориентиров, позволяющих более чётко определить критерии соразмерности и минимизации вреда, что будет способствовать снижению разнотолков и укреплению принципа правовой определённости. С другой стороны, необходима разработка методических подходов, адресованных практическим работникам, предполагающих последовательный анализ характера угрозы, доступных средств реагирования, соотношения вреда и индивидуальных психофизиологических особенностей лица, действующего в экстремальной ситуации.

Реализация указанных мер способна обеспечить более взвешенное и гуманное применение норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, укрепить доверие к уголовной юстиции и минимизировать риск произвольной квалификации. В перспективе подобная работа может стать основой для создания специализированных методических материалов и образовательных программ, ориентированных на формирование единообразных стандартов оценки сложных оценочных категорий.

Список литературы:

[1] Беляев С.А. Институт необходимой обороны в современном уголовном праве // Российский судья. 2023. № 8. С. 21–27.

[2] Кальченко Н.В. Крайняя необходимость: проблемы квалификации и доказывания // Уголовное право. 2024. № 3. С. 45–53.

[3] Лопашенко Н.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: новые подходы // Журнал российского права. 2025. № 6. С. 112–123.

[4] Монахова Л.В., Михайлов А.А. Необходимая оборона: современные проблемы толкования // Законность. 2022. № 11. С. 30–35.

[5] Соловьёв Д.П. Пределы необходимой обороны в судебной практике 2022–2025 гг. // Российский следователь. 2025. № 4. С. 18–24.

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 7.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (ред. 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 12.

References:

[1] Belyaev S.A. Institute of Necessary Defense in Modern Criminal Law // Russian judge. 2023. № 8. S. 21-27.

[2] Kalchenko N.V. Extreme necessity: problems of qualification and evidence // Criminal law. 2024. № 3. S. 45-53.

[3] Lopashenko N.A. Circumstances excluding the crime of an act: new approaches // Journal of Russian Law. 2025. № 6. S. 112-123.

[4] Monakhova L.V., Mikhailov A.A. Necessary defense: modern problems of interpretation // Legality. 2022. № 11. S. 30-35.

[5] Solovyov D.P. Limits of necessary defense in judicial practice 2022-2025 // Russian investigator. 2025. № 4. S. 18-24.

[6] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. № 7.

[7] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 (ed. 09.12.2025) "On the application by the courts of legislation on the necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. № 12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-262-267

ИВАНКОВА Анастасия Юрьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права СЗФ РГУП им. В.М. Лебедева,
e-mail: stasy_iva@mail.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию содержания цели восстановления социальной справедливости при назначении наказания за экологические преступления в Российской Федерации. Проводится анализ судебной практики с точки зрения указанной проблематики, обосновывается специфика экологических преступлений. Выявляются проблемные аспекты на пути достижения цели восстановления социальной справедливости и предлагаются пути решения выявленных проблем. Сделан вывод о необходимости перехода от карательной к восстановительно-компенсационной модели назначения наказания за экологические преступления.*

Ключевые слова: *экологические правонарушения, окружающая среда, возмещение экологического вреда, наказание, восстановление социальной справедливости.*

IVANKOVA Anastasia Yurievna,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

RESTORING SOCIAL JUSTICE BY IMPOSING PUNISHMENTS FOR ENVIRONMENTAL CRIMES

Annotation. *This article is devoted to the study of the content of the goal of restoring social justice in the sentencing of environmental crimes in the Russian Federation. It analyzes judicial practice from the perspective of this issue and substantiates the specifics of environmental crimes. The article identifies problematic aspects in achieving the goal of restoring social justice and suggests ways to solve these problems. The article concludes that it is necessary to switch from a punitive to a restorative and compensatory model of sentencing for environmental crimes.*

Key words: *environmental offenses, the environment, compensation for environmental damage, punishment, and restoration of social justice.*

Восстановление социальной справедливости при назначении наказания за экологические преступления является одной из ключевых проблем современного уголовного права. Традиционная карательная модель, ориентированная на изоляцию преступника, в значительной степени исчерпала свой потенциал в сфере охраны окружающей среды. Социальная справедливость в экологической сфере может считаться восстановленной, если назначенное наказание признаётся справедливым одновременно потерпевшим, виновным и судом 1, с.46 .

Восстановительная парадигма предлагает альтернативный подход: фокус смещается с наказания абстрактного правонарушителя на конкретный вред, причинённый природной среде и обществу. Социальная справедливость, наполненная экологическим содержанием, предполагает уменьшение социального неравенства как обязательного условия обеспечения экологической справедливости. В отличие от ретрибутивной модели, где ключевыми категориями выступают «вина» и «кара», восстановительный подход оперирует категориями «вред», «обязательство загладить вред» и «восстановление нарушенного блага». Это придает цели восстановления социальной справедливости специфическое содержание, которое требует анализа через призму судебной практики.

Глава 26 УК РФ (ст.246-262) охватывает 17

составов - от нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ до нарушения режима особо охраняемых природных территорий. Анализ экологических составов показывает нарушение вертикальной логики категоризации наказаний. Законодатель устанавливает максимальную планку в семь лет лишения свободы за незаконную рубку (ч. 3 ст. 260 УК РФ), но снижает верхний предел ответственности до пяти лет за групповую добычу биоресурсов в особо крупном размере (ч. 3 ст. 256 УК РФ). Более того, посягательства на объекты особо охраняемых природных территорий (ст. 262 УК РФ) полностью декриминализированы в части лишения свободы, ограничиваясь лишь исправительными работами до двух лет или штрафов до двухсот тысяч рублей, что показывает отсутствие единого критерия оценки ценности охраняемых природных объектов. Как справедливо пишет об этом Н.И., для одних экологических преступлений социальная справедливость может быть восстановлена без изоляции от общества, а для других – нет 2, 305-306 .

Анализ судебной практики свидетельствует о нарастании последовательной гуманизации подхода к уголовному наказанию за экологические преступления и постепенно отказе от карательного. Так, согласно данным, опубликованным Верховным Судом РФ, удельный вес уголовных дел об экологических преступлениях в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды, остается относительно небольшим и составляет около 1,3% от всех дел. При этом за 2019–2021 гг. лицам, осуждённым за экологические преступления, в 22,5% случаев назначались обязательные работы, в 12,8% – штраф, в 5,8% – исправительные работы. Эти данные свидетельствуют о достаточно широком применении наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Вместе с тем анализ конкретных дел свидетельствует, что названные выше проблемы все еще сохраняются. В качестве примера можно привести дело Р. и С., осужденных по ч.3 ст.258.1 УК РФ за незаконный оборот осетровых. Суд первой инстанции назначил им по 5 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года [3]. Суд апелляционной инстанции изменил приговор, исключив условное осуждение, применил ст. 64 УК РФ и назначил 2 года 6 месяцев реального лишения свободы каждому. В качестве мотивировки апелляционная инстанция указала, что преступление посягает на общественные отношения в сфере охраны природы, повлекло изъятие особо ценных видов из естественной среды обитания, нанесенный ущерб при этом более двух миллионов рублей, и при таких обстоятельствах условное осуждение не отвечает целям восстановления социальной справедливости [4]. «При назначении наказания за совершение преступления предусмотренного главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, суду в соответствии со статьями 6 и 60 Уголовного кодекса Российской Федерации наряду с другими обстоятельствами дела надлежит учитывать характер и степень общественной опасности деяния, которые определяются в том числе размером причиненного экологического вреда» [5].

Верховный Суд РФ исходит из того, что размер причиненного экологического вреда определяет характер и степень общественной опасности деяния. При этом Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в п.27 указывает, что при ущербе свыше двух миллионов рублей и посягательстве на краснокнижные виды применение ст.73 УК РФ недопустимо, поскольку реальное лишение свободы становится единственным способом донести до осужденного и общества соразмерность содеянному [6].

Представляет также, по нашему мнению, дело И., обвиняемого по п. п. «б», «в» ч.1 ст.256 УК РФ за совершение незаконной добычи водных биологических ресурсов. Мировой судья прекратил уголовное дело с назначением судебного штрафа 25000 рублей. В качестве основания суд указал, что И. впервые привлекается к ответственности, преступление небольшой тяжести, ущерб возмещен добровольно в полном объеме (7400 рублей), также учтены положительные характеристики лица.

В свою очередь, в Обзоре судебной практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекс Российской Федерации об экологических преступлениях указывается, что закон не содержит запрета на освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа подозреваемых, обвиняемых в совершении экологических преступлений при соблюдении предусмотренных ст. 76 УК РФ условий, с учетом всех обстоятельств дела и данных об их личности [7].

В правовой природе судебного штрафа отчетливо проявляется приоритет восстановительной функции юстиции перед карательной. Данный инструмент ориентирован на первоочередную ликвидацию негативных последствий содеянного через эквивалентное возмещение ущерба, что позволяет достичь целей уголовно-правового регулирования без применения уголовного наказания. В этой связи нельзя забывать еще об одной особенности при рассмотрении экологических преступлений, которая состоит в параллельном применении уголовного наказания и гражданско-правовой ответственности за вред окружающей среде. Т.е., социальная справедливость здесь

двуедина, она выражается, как в карательном элементе (лишение свободы), так и в компенсационном (возмещение вреда). В качестве примера можно привести дело К. о незаконной рубке (ч.3 ст.260 УК РФ), в котором ущерб, причиненный преступными действиями, составляет 462 434 рублей. Гражданин К. приговорен к лишению свободы, и одновременно с наказанием суд взыскал с осужденного 462 434 рублей в пользу Российской Федерации. Апелляционная инстанция уточнила, что взыскание осуществляется в бюджет муниципального района по месту причинения вреда. Это подтверждает и Обзор практики применения судами положений главы 26 УК РФ об экологических преступлениях, который уточняет, что «присужденные судом суммы компенсации по гражданским искам о возмещении вреда, причиненного преступлением окружающей среде, подлежат зачислению в бюджеты соответствующих уровней на основании статьи 46 Бюджетного кодекса Российской Федерации» [8].

Восстановление социальной справедливости в экологических преступлениях предполагает не только наказание лица, но и изъятие инструмента преступления - орудий незаконной охоты, рубки, вылова. Возврат орудий создает риск рецидива и подрывает доверие общества к неотвратимости последствий. Пленум ВС РФ в п.29 прямо предписал конфисковать транспортные средства и орудия, с помощью которых совершались экологические преступления [9]. В качестве примера можно привести дело Д. и Т., осужденных за незаконную охоту, с применением транспортного средства, с причинением особо крупного ущерба. Суд первой инстанции возвратил орудия преступления (карабин, ружье и автомобиль УАЗ Патриот) осужденным [10]. Однако Президиум Новосибирского областного суда отменил решение в этой части, указав на необходимость конфискации орудий по п. «г» ч.1 ст.104.1 УК РФ [11].

Восстановление социальной справедливости невозможно без точного установления, какие именно правила природопользования были нарушены. Особенностью экологических составов преступлений является их бланкетность. По делу Х. и Ш., обвиняемых по ч.3 ст.256 УК РФ за незаконную добычу водных биологических ресурсов группой лиц, суд первой инстанции назначил штраф по 50000 рублей [12]. Кассационная инстанция отменила приговор и возвратила дело прокурору указав, что в обвинительном акте отсутствовали ссылки на конкретные нормы законодательства о рыболовстве, которые были нарушены [13]. Кассационная инстанция обоснованно признала, что приговор без конкретизации бланкетных норм не отвечает требованиям справедливости - осужденные не могут осознать, что именно они нарушили, а общество не видит связи между деянием и наказанием.

«При рассмотрении уголовных дел об экологических преступлениях, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо устанавливать, нарушение каких требований в области охраны окружающей среды и природопользования, содержащихся в соответствующих нормативно правовых актах, вменяется в вину подсудимому, с приведением их в приговоре со ссылкой на конкретные нормы» [14]. Еще одним примером здесь будет дело Ю., обвиняемого по ч.3 ст.260 УК РФ. Суд первой инстанции назначил наказание в виде 2 лет лишения свободы условно. Апелляционная инстанция отменила приговор, указав в описательно-мотивировочной части на отсутствие ссылок на нарушенные нормы Лесного кодекса и Правил заготовки древесины [15]. И сразу напрашивается вывод, что даже условное осуждение как форма наказания не может считаться справедливым, если не раскрыта сущность нарушения экологического законодательства. Это подчеркивает процедурный аспект восстановления социальной справедливости. Приговор должен демонстрировать, в чем именно выразилось противоправное поведение и какие экологические ценности пострадали.

Какие же можно выделить особенности восстановления социальной справедливости в экологической сфере? Обобщая практику, можно выделить три уровня восстановления социальной справедливости применительно к экологическим преступлениям.

Первый уровень - карательный, свойственный всем преступлениям, предполагающий соразмерность наказания, которое может быть в виде штрафа, обязательных или исправительных работ, лишения свободы, соответствующие характеру и степени общественной опасности. Второй уровень – компенсационный, которые выражается в возмещении вреда окружающей среде, рекультивации, восстановлении нарушенного состояния в натуре либо в денежном выражении. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 12 - П/2015 указал в этой связи, что «вред при экологических правонарушениях причиняется не имуществу конкретного лица, а окружающей среде, и возмещение направлено на преодоление негативных последствий и восстановление окружающей среды в максимально возможной степени» [16]. Третий уровень превентивно-специальный. Он обеспечивается конфискацией орудий и средств совершения преступления, лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, по поводу который в п. 28 Постановления Пленума ВС № 21 подчеркивается, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности может быть применено независимо от

того, предусмотрено ли оно санкцией конкретной нормы гл. 26 УК РФ [17] или нет.

Из анализа практики также прослеживается несколько проблемных аспектов. Во-первых, разрыв между размером ущерба и назначенным наказанием. По делу И. ущерб составил 7400 рублей, при этом судебный штраф - 25 000 рублей, соотношение 1: ¾; по делу Р. и С. ущерб был более двух миллионов рублей, а наказание 2 года 6 месяцев лишения свободы без прямой денежной корреляции. Как видно, единый критерий соразмерности наказания причиненному экологии ущербу нет. Во-вторых, доминирование условного осуждения. По многим делам (дело Ю., приговор первой инстанции по делу Р. и С.) суды первой инстанции назначают условное лишение свободы. Апелляция и кассация иногда корректируют судебные приговоры, но тенденция к либерализации наказания очевидна. Воспринимается ли условное осуждение обществом как восстановление справедливости при ущербе в миллионы рублей — это вопрос дискуссионный. В-третьих, бланкетность норм главы 26 УК РФ как препятствие для справедливости. Дело Х. и Ш., дело Ю. показывают, что ошибки в квалификации и неконкретность обвинения ведут к отмене приговоров, затягиванию процесса и, в конечном счете, к недостижению целей наказания. И, в-четвертых, двойственную природу судебного штрафа также можно выделить как проблемный аспект. С одной стороны, это эффективный восстановительный механизм, с другой - возникает вопрос, всегда ли 25 000 рублей штрафа, даже с возмещением ущерба, являются адекватной реакцией государства на незаконное изъятие биоресурсов с применением запрещенных орудий лова, например.

Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания применительно к экологическим преступлениям требует перехода от карательной парадигмы к восстановительно-компенсационной. Основной вектор реформ можно обозначить как законодательная привязка наказания к размеру и восстановимости экологического вреда, ограничение условного осуждения и судебного штрафа при тяжких последствиях, процессуальная дисциплина при формулировании бланкетных признаков и безусловная конфискация орудий преступления. Именно такой подход позволит реализовать предписание ч.2 ст.43 УК РФ в его полноте применительно к преступлениям против окружающей среды.

Список литературы:

[1] Дикаев С. У. Цели уголовного наказания и критерии оценки эффективности уголовного закона / С. У. Дикаев. – Текст : непосредственный // Юридическая мысль. – 2008. – № 5 (49). – С. 44–54.

[2] Кузнецова Н.И. Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности: диссертация ... доктора юридических наук: 5.1.4. Москва, 2025 – 469 с.

[3] Приговор Володарского районного суда Астраханской области по делу № 1-12/2021 от 04.02.2021 г. // ГАС «Правосудие» URL: https://volodarsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=270252567&case_uid=60dc65d4-a2ae-490b-a71b-7af1cee72be2&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.07.2026).

[4] Апелляционное определение Астраханского областного суда дело № 22-683/2021 от 08.04.2021 г. // ГАС «Правосудие» URL: https://oblsud--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8688620&case_uid=8c1d51ef-dce6-467f-b5ea-b9b5b9ab8e6b&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 27.07.2026).

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/31278/ (дата обращения: 27.07.2026).

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016 № 2.

[7] Постановление мирового судьи судебного участка № 8 Восточного округа г. Белгорода по делу № 1-20/2021/8 от 02.12.2021 г. // ГАС «Правосудие» URL: https://vostok8.blg.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=68461238&delo_id=1540006/ (дата обращения: 27.07.2026).

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/31278/ (дата обращения: 27.07.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

[10] Приговор Коченевского районного суда Новосибирской области по делу № 1-22/2019 от 30.01.2019 // ГАС «Правосудие» URL: https://kochenevsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=501801407&case_uid=0377ed09-e950-4051-9c09-e18e3ef44a1c&delo_

id=1540006 (дата обращения: 27.07.2026).

[11] Постановление Президиума Новосибирского областного суда по делу № у-66/2019 от 22.05.2019 // ГАС «Правосудие» URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9991973&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 27.07.2026).

[12] Приговор Зеленодольского городского суда Республики Татарстан по делу № 1-303/2019 от 24.07.2019 // ГАС «Правосудие» URL: https://zelenodolsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=148872177&case_uid=2064510b-3a0c-449e-8644-86381b9758ce&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.07.2026).

[13] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-9/2020 от 16.01.2020 // ГАС «Правосудие» URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1217170&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 27.07.2026).

[14] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/31278/ (дата обращения: 27.07.2026).

[15] Апелляционное определение Омского областного суда по делу № 22-3226/2021 от 28.10.2021 г. ГАС «Правосудие» URL: https://oblsud--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18100471&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 27.07.2026).

[16] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности ч.2 ст.99, ч.2 ст.100 Лесного кодекса РФ и положений постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного леса...» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

[17] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (с изм. И доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

References:

[1] S. U. Dikaev. Purposes of criminal punishment and criteria for assessing the effectiveness of the criminal law/S. U. Dikaev. - Text: immediate // Legal thought. – 2008. – № 5 (49). - S. 44-54.

[2] Kuznetsova N.I. Criminal policy in the field of environmental safety: dissertation... Doctors of Law: 5.1.4. Moscow, 2025 - 469 p.

[3] The verdict of the Volodarsky District Court of the Astrakhan Region in case No. 1-12/2021 of 04.02.2021 // GAS "Justice" URL: https://volodarsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=270252567&case_uid=60dc65d4-a2ae-490b-a71b-7af1cee72be2&delo_id=1540006 (date of appeal: 27.07.2026).

[4] Appellate ruling of the Astrakhan Regional Court case No. 22-683/2021 of 08.04.2021 // GAS "Justice" URL: https://oblsud--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8688620&case_uid=8c1d51ef-dce6-467f-b5ea-b9b5b9ab8e6b&delo_id=4&new=4 (date of appeal: 27.07.2026).

[5] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation" (approved by The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 24.06.2022) URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/31278/ (date of appeal: 27.07.2026).

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 No. 58 "On the Practice of Imposing Criminal Penalties by the Courts of the Russian Federation" (amended and supplemented) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016 № 2.

[7] Resolution of the magistrate of the judicial district No. 8 of the Eastern District of Belgorod in case No. 1-20/2021/8 of 02.12.2021 // GAS "Justice" URL: https://vostok8.blg.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=68461238&delo_id=1540006/ (date of appeal: 27.07.2026).

[8] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation" (approved by The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 24.06.2022) URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/31278/ (date of appeal: 27.07.2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2012 No. 21 "On the Application by the Courts of Legislation on Liability for Violations in the Field of Environmental Protection and Nature Management" (amended and supplemented) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 12.

[10] Verdict of the Kochenevsky District Court of the Novosibirsk Region in case No. 1-22/2019 dated 30.01.2019 // GAS "Justice" URL: https:

//kochenevsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=501801407&case_uid=0377ed09-e950-4051-9c09-e18e3ef44a1c&delo_id=1540006 (date of appeal: 27.07.2026).

[11] Resolution of the Presidium of the Novosibirsk Regional Court in case No. y-66/2019 dated 22.05.2019 // GAS "Justice" URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9991973&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (date of appeal: 27.07.2026).

[12] Verdict of the Zelenodolsk City Court of the Republic of Tatarstan in case No. 1-303/2019 dated 24.07.2019 // GAS "Justice" URL: https://zelenodolsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=148872177&case_uid=2064510b-3a0c-449e-8644-86381b9758ce&delo_id=1540006 (date of appeal: 27.07.2026).

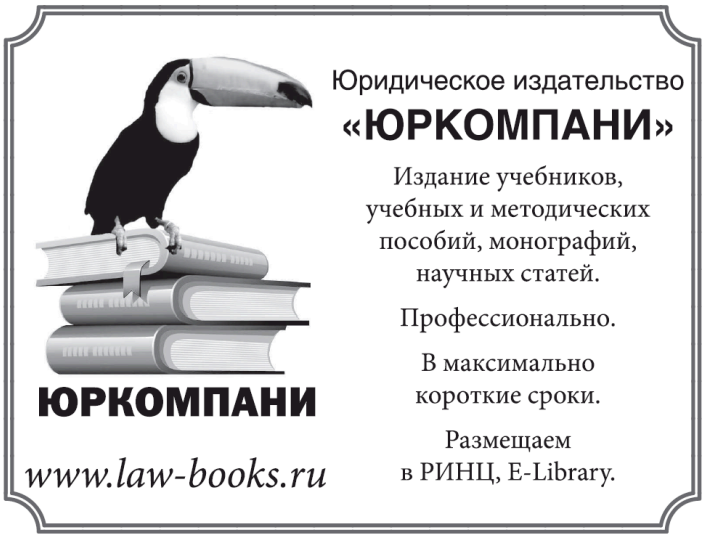
[13] Determination of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction in case No. 77-9/2020 dated 16.01.2020 // GAS "Justice" URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1217170&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (date of appeal: 27.07.2026).

[14] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation" (approved by The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 24.06.2022) URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/31278/ (date of appeal: 27.07.2026).

[15] Appellate ruling of the Omsk Regional Court in case No. 22-3226/2021 of 28.10.2021 of GAS "Justice" URL: https://oblsud--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18100471&delo_id=4&new=4&text_number=1 (date of appeal: 27.07.2026).

[16] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.06.2015 No. 12-P "In the case of checking the constitutionality of part 2 of article 99, part 2 of article 100 of the Forest Code of the Russian Federation and the provisions of the decree of the Government of the Russian Federation" On calculating the amount of damage caused to the forest... "// Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2015. № 4.

[17] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2012 No. 21 "On the Application by the Courts of Legislation on Liability for Violations in the Field of Environmental Protection and Nature Management" (as amended and supplemented) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-268-272

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ОПТИМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные особенности документирования противоправных действий и его роль в создании оптимальных условий осуществления оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений. Выделяются схожие и отличительные черты данных понятий. Предлагается внесение дополнений в пункт 5 ст. 14 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, предмет и пределы оперативного документирования, предмет доказывания, расследование преступлений.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute of the Federal service for execution of punishment of Russia Doctor of low, Professor

DOCUMENTATION OF ILLEGAL ACTS AND ITS ROLE IN CREATING OPTIMAL CONDITIONS FOR OPERATIONAL AND SEARCH SUPPORT IN CRIME INVESTIGATION

Annotation. *The article discusses certain features of documenting illegal actions and its role in creating optimal conditions for conducting operational and investigative support for crime investigation. It highlights the similarities and differences between these concepts. The article proposes amendments to Article 14, paragraph 5, of the Federal Law on Operational and Investigative Activities.*

Key words: *Operational and investigative activities, operational and investigative measures, the subject and limits of operational documentation, the subject of proof, and the investigation of crimes.*

Если первичная оперативная информация о подготовке или совершении преступления подтвердилась, однако отсутствуют достаточные данные для решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо полученные данные указывают на преступную деятельность второстепенных участников преступной группы, то оперативные сотрудники принимают решение об организации оперативной разработки лиц, обоснованно подозреваемых в совершении преступлений с использованием всего комплекса оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Документирование противоправных действий проверяемых и разрабатываемых лиц является одной из важных и основных задач оперативной разработки, поскольку позволяет еще до возбуждения уголовного дела получать необходимые фактические данные, в дальнейшем преобразующиеся в доказательства, тем самым обеспечивая быстрое и в полном объеме расследование преступлений.

К аналогичным выводам приходят другие исследователи. А.Р. Белкин, указывая на сходство процесса доказывания и процесса документирования, пишет: «Это сходство гораздо значимее, оно заключается в общности целей, в соблюдении критерия относимости информации, обеспечения ее достоверности. В сущности, оперативная ин-

формация должна удовлетворять с точки зрения содержания тем же требованиям, что и информация доказательственная. Различия между ними заключаются в средствах собирания, отчасти исследования и значимости результатов оценки» [1, С. 171].

В теории ОРД под предметом оперативного документирования понимается совокупность подлежащих установлению обстоятельств и фактов, которые могут использоваться для решения оперативно-розыскных задач. Зная предмет документирования, можно четко представить, в каком направлении и по поводу каких фактов, обстоятельств и лиц, необходимо осуществлять ОРМ, и документировать полученные при их осуществлении фактические данные, определить направления расследования по уголовному делу, документировать обстоятельства, необходимые для процессуального доказывания [2, С. 242].

Предмет документирования противоправной деятельности проверяемых и разрабатываемых лиц определяется предметом доказывания по уголовному делу. Сформулировать предмет документирования можно лишь на основе анализа обстоятельств, составляющих предмет доказывания, которые определены уголовно-процессуальным законодательством, а также некоторыми нормами уголовного права. Неразрывная связь оперативного документирования с уголовным и уголовно-процессуальным правом обусловлена тем, что документирование направлено на обеспечение процесса доказывания, в силу чего предмет документирования тесно связан с предметом доказывания по уголовному делу.

В предмет оперативного документирования противоправной деятельности должны включаться в первую очередь те обстоятельства, относящиеся к будущему предмету доказывания, которые трудно или невозможно будет установить следственным путем. При этом оперативное документирование шире предмета доказывания, поскольку в его процессе зачастую приходится собирать сведения, которые заведомо не могут использоваться в уголовном процессе, если невозможно обеспечить безопасность субъектов (участников) ОРД в связи с представлением и использованием данных результатов в уголовном процессе.

Значение этого положения весьма велико, поскольку без учета обстоятельств, составляющих предмет доказывания, проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий по документированию противоправной деятельности объектов ОРД является беспредметным.

Фактические обстоятельства, составляющие предмет документирования противоправных действий проверяемых и разрабатываемых лиц, неодинаковы и различаются в своем конкретном проявлении при выявлении различных видов преступлений. В этом случае цель и задачи документирования предопределяются целями доказывания по уголовному делу и теми обстоятельствами, которые подлежат доказыванию в уголовном процессе (ст. 73 УПК РФ) [3, С. 211].

Осуществление документирования в негласной форме позволяет оперативным сотрудникам успешно собирать фактические данные, способствующие установлению события преступления, совершивших его лиц, и других связанных с ним обстоятельств. В этом плане документирование позволяет эффективно достигать цели уголовного судопроизводства.

Важное место в теории оперативно-розыскной деятельности отводится вопросу о пределах документирования, которые в специальной литературе понимаются как:

определенная степень конкретизации и детализации каждого обстоятельства документирования, обеспечивающая необходимую глубину его исследования по делу;

степень достоверности исследуемых оперативно-розыскных версий и полноты обоснования выводов по делу;

совокупность тех фактических данных и их источников, которые необходимы и достаточны для признания выясненными обстоятельств, составляющих предмет документирования, которые будет трудно или невозможно установить следственным путем».

Исследователи справедливо указывают, что правильное определение пределов документирования обеспечивает реализацию принципа законности в оперативной разработке и оперативно-розыскной деятельности в целом, а также способствует решению организационных и тактических аспектов оперативной разработки, в частности определению момента ее реализации, последовательности проведения неотложных следственных и сопутствующих оперативно-розыскных мероприятий, обеспечению зашифровки конфидентов.

Подчас оперативные сотрудники, ведущие оперативные разработки, умышленно затягивают их с тем, чтобы «накопить» побольше данных о преступной деятельности проверяемых и разрабатываемых, хотя уже имеющиеся материалы позволяют приступить к их реализации и привлечь виновных к ответственности. В других случаях, напротив, принимаются поспешные решения о реализации оперативных материалов при отсутствии достаточных к тому оснований. Определение пределов документирования в такой постановке является неоправданным, поскольку противоречит принципам плановости и наступательности ведения оперативной разработки.

Специалисты указывают, что невозможно

задокументировать все преступные действия всех разрабатываемых, а следует ограничиваться лишь документированием главных фактов, установление которых следственным путем будет крайне сложно либо практически невозможно. При этом они исходят из того, что в ходе документирования достаточно зафиксировать фактические данные в объеме, достаточном для возбуждения уголовного дела и проведения неотложных следственных действий.

Таким образом, можно констатировать, что определяя пределы документирования, следует исходить из конкретных обстоятельств оперативной разработки. Как правило, следует задокументировать лишь главные факты преступной деятельности с таким расчетом, чтобы данные, полученные негласным путем:

способствовали их успешному разоблачению в период расследования преступлений и установлению истины по уголовному делу:

конкретизировали каждое из обстоятельств, подлежащее выявлению в ходе его осуществления;

обеспечивали правильность выдвинутых оперативно-розыскных версий;

определяли совокупность тех данных и источников, которые достаточны для признания выясненными обстоятельств, составляющих предмет документирования.

Сказанное выше позволяет сделать, как минимум, два вывода, имеющих важное практическое значение. Во-первых, в процессе документирования противоправных действий проверяемых и рабатываемых лиц нет необходимости устанавливать все обстоятельства преступления, образующие предмет доказывания. Это может повлечь за собой неустранимую опасность затягивания сроков оперативной разработки, накапливания материалов и привести к нарушению принципа наступательности оперативно-розыскной деятельности. Этот принцип выработан оперативно-розыскной практикой и вытекает из содержания норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (см., например, ст.1, ст. 2, п. 1 ст. 14). Принцип наступательности понимается система характеризующих ОРД качеств, в которые входят проявляется быстрота и непрерывность ОРД, активность ее участников, согласованность и массированность привлекаемых сил и средств и т.п. [4, С. 25]. Во-вторых, опасна и неполнота документирования, следствием которой может быть преждевременное возбуждение уголовного дела, что может дать возможность разрабатываемым уничтожить следы преступных действий и уйти от установленной законом ответственности.

Следует отметить, что оперативный сотрудник на любой стадии документирования противоправной деятельности разрабатываемых лиц через субъектов организации взаимодействия органов предварительного следствия и оперативных подразделений (руководителей указанных органов и подразделений) вправе обратиться к следователю за помощью в правовой оценке имеющейся оперативной информации, а также за иными необходимыми рекомендациями. Таким образом, на стадии документирования инициатива взаимодействия всегда исходит от оперативного сотрудника. Это понятно, так как чаще всего первичные материалы получает и изучает он. Однако такое обращение не освобождает оперативного сотрудника от обязанности давать собственную юридическую оценку информации, полученной в результате документирования противоправных действий разрабатываемых им лиц, подозреваемых в подготовке или совершении преступлений.

Чтобы обеспечить успех будущего расследования преступлений, необходимо проведение таких оперативно-розыскных мероприятий, которые бы позволили обнаружить фактические данные о событии преступления, причастных к нему лицах, на основе которых, во-первых, можно было бы успешно провести соответствующие следственные действия и получить доказательства преступных действий, и, во-вторых, обнаружить фактические данные, которые, будучи сами процессуально оформлены, получили бы силу судебных доказательств о совершенном преступлении, предусмотренном УК РФ. Для того, чтобы обеспечить выявление таких фактических данных, надо тщательно проанализировать противоправные действия разрабатываемых лиц и выяснить, где, и каким образом они могут оставить следы своих преступных действий, т.е. правильно определить основные направления документирования.

Для достижения целей документирования сотрудники оперативных подразделений должны иметь в своем распоряжении конкретные источники доказательственной информации. Такими источниками могут быть лица, непосредственно наблюдавшие событие преступления или его отдельные обстоятельства, а также предметы и документы, отразившие информацию о преступлении. В связи с этим выделяются три направления документирования:

установление лиц, осведомленных о преступных действиях проверяемых (разрабатываемых);

выявление предметов и документов, которые могут служить средствами к обнаружению признаков преступлений в действиях проверяемых и разрабатываемых лиц, обеспечение сохранности этих предметов и документов до момента процессуального изъятия, а в необходимых случаях зашифрованное их изъятие и негласное исследование;

обнаружение и фиксация данных, характеризующих поведение проверяемых (разрабатываемых), причинно связанное с осуществлением ими преступных намерений.

Практика подтверждает, что именно в этих направлениях следует проводить оперативно-розыскные мероприятия при документировании противоправной деятельности проверяемых и разрабатываемых лиц.

Полученная в ходе документирования информация в рамках предварительного расследования проверяется и оценивается в соответствии с требованиями ст. 87 и 88 УПК РФ. По окончании данной процедуры зафиксированные в процессе документирования сведения могут использоваться в уголовном судопроизводстве.

На основании изложенного, сделаем следующие обобщающие выводы:

Документирование противоправных действий проверяемых и разрабатываемых лиц представляет собой комплекс оперативно-розыскных мероприятий по выявлению (обнаружению, проверке и оценке) фактических данных, способствующих осуществлению доказывания по уголовному делу и решению других задач уголовного судопроизводства, и обеспечению возможности использования их в указанных целях.

Главная цель документирования противоправных действий проверяемых и разрабатываемых лиц - способствовать быстрому, полному и объективному расследованию, обеспечить правильное его направление, эффективное проведение следственных действий.

Документирование противоправных действий проверяемых и разрабатываемых лиц - разновидность процесса познания, т.е. собирания (выявления), изучения (проверки), оценки и фиксации в документах фактических данных об обстоятельствах подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. Зная предмет документирования, можно четко представить, в каком направлении и по поводу каких фактов, обстоятельств и лиц необходимо осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, и документировать полученные при их осуществлении фактические данные, документировать обстоятельства, необходимые для процессуального доказывания.

Результаты ОРД, содержащиеся в документированных фактических данных, имеют единую гносеологическую природу с уголовно-процессуальными доказательствами. Различия между оперативной и доказательственной информацией заключаются в средствах собирания, отчасти исследования и значимости результатов оценки. Результатом документирования являются оперативно-служебные документы с зафиксированными оперативными данными, соответственно результатом доказывания - доказательства, полученные законным путем.

Фактические обстоятельства, составляющие предмет документирования противоправной деятельности проверяемых и разрабатываемых лиц, неодинаковы и различаются в своем конкретном проявлении при выявлении различных видов преступлений. В этом случае цель и задачи документирования предопределяются целями доказывания по уголовному делу и теми обстоятельствами, которые подлежат доказыванию в уголовном процессе (ст. 73 УПК РФ).

К числу основных принципов документирования противоправной деятельности проверяемых и разрабатываемых лиц относится принцип конспирации. Необходимость соблюдения конспирации объясняется тем, что выявление фактических данных, подтверждающих причастность разрабатываемых к совершению преступления, и особенно осуществление мер по обеспечению возможности их использования при расследовании, сопряжены с опасностью расшифровки проводимой оперативной разработки. Это, в свою очередь, может привести к тому, что разрабатываемые либо скроются, либо примут меры к уничтожению следов совершенных преступлений, избавятся от орудий и средств совершения преступления, спрячут похищенное имущество и др.

В данном контексте предлагается пункт 5 ст. 14 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», определяющей обязанности органов осуществляющих ОРД, изложить в следующей редакции: «Соблюдать правила конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, а также при передаче материалов, отражающих результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий для использования в уголовном процессе и недопущению рассекречивания источников информации» (курсивом выделены предлагаемые дополнения.

Список литературы:

[1] Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. - М., 2000. С. 171.

[2] Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2021.. С. 242.

[3] Овчинников О.М. К вопросу о соотношении оперативно-розыскного документирования и процессуального доказывания // Международный научный журнал «символ науки». № 8. 2015. С. 211.

[4] Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: Учебник для вузов. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. С. 25.

References:

[1] A.R. Belkin Theory of Proof: Scientific-Method. allowance. - M., 2000. S. 171.

[2] Theory of operational-search activity: textbook/Ed. K.K.Goryainova, V. S. Ovchinsky. - 5th ed., Rev. and add. - Moscow: INFRA-M, 2021.. S. 242.

[3] Ovchinnikov O.M. On the question of the ratio of operational-search documentation and procedural evidence // International scientific journal "symbol of science." № 8. 2015. S. 211.

[4] A.Yu. Shumilov. Course of fundamentals of operational-search activity: Textbook for universities. M.: Publishing house Shumilova I.I., 2006. S. 25.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-273-277
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института РУТ (МИИТ), e-mail: 000049@bk.ru,

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСПРАВЛЕНИЯ И САМОВОСПИТАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье речь идет о взаимосвязи исправления и самовоспитания осужденных. Самовоспитание может быть систематическим и планомерным, однако не ограничивается лишь таким характером деятельности. Поэтому самовоспитание – это деятельность человека с целью совершенствования своих положительных качеств и преодоления отрицательных.*

Ключевые слова: *самовоспитание, самосовершенствование, социальные контакты, осужденные.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher of the Federal Scientific Research Institute of the Federal Penal Correction Service of Russia Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

RELATIONSHIP BETWEEN CORRECTION AND SELF-EDUCATION OF CONVICTS

Annotation. *The article deals with the relationship between correction and self-education of convicts. Self-education can be systematic and systematic, but is not limited only to such a nature of activity. Therefore, self-education is a person's activity in order to improve their positive qualities and overcome negative ones.*

Key words: *self-education, self-improvement, social contacts, convicts.*

Перевод несовершеннолетнего осужденного из объекта в субъект воспитательного процесса – одна из задач психолого-педагогической коррекции поведения, деятельности, отношений осужденных, их исправления и ресоциализации. Важное значение в этом процессе занимает самовоспитание.

Самовоспитание обусловлено развитием общества, его требованиям к личности и служит общественным интересам. Его содержание зависит, прежде всего, от общественно-исторических условий, в которых живет и развивается человек.

Деятельность человека в обществе – важнейшая предпосылка для самовоспитания. Характер деятельности определяет формирование личности, развитие психики, саморазвития. По мере умственного, правового, трудового, нравственно-эстетического воспитания, по мере расширения социальных контактов и сфер деятельности у человека, с одной стороны, закономерно возникают новые запросы и интересы, которые необходимо удовлетворить, и с другой стороны – потребность устранения недостатков, мешающих достижению новых больших целей.

Важной объективной предпосылкой самовоспитания является биологическая природа. Человек, по словам И. П. Павлова, представляет собой систему высочайшего саморегулирования. «... Наша система в высочайшей степени саморегулирующая, сама себя поддерживающая, вос-

станавливающая, поправляющая и даже совершенствующая».

Диалектика видит причины развития любого явления в его внутренних противоречиях, в «самодвижении», в саморазвитии, которое обнаруживается в психике человека и в росте, и в созревании, и динамичном стереотипе. Внутренний мир человека – результат взаимодействия его психики с окружающим миром. Поэтому изменение этого внутреннего мира порождается двумя факторами: характером и содержанием внешних условий и уровнем развития и состояния психики.

Самовоспитание, являясь важной движущей силой психики, открывает новый этап взаимодействия между личностью и внешним миром, новый этап в ее развитии.

Самовоспитание может иметь не только положительную, но и отрицательную направленность, способствовать формированию отрицательных качеств. Это особенно проявляется в исправительном учреждении (ИУ). Самовоспитание может быть систематическим и планомерным, однако не ограничивается лишь таким характером деятельности. Поэтому самовоспитание – это деятельность человека с целью совершенствования своих положительных качеств и преодоления отрицательных.

Самовоспитание в исправительном учреждении, как правило, представляет процесс работы осужденных над собой по коренной переработке всей психологии, мировоззрения, мотивов поведения, идеалов, привычек, по изменению направленности личности.

Цель самовоспитания – стать в конечном итоге сознательным членом общества, честно относящимся к труду, уважающим законы и нравственные нормы общества, способным выполнять свой гражданский долг.

Самовоспитание личности неразрывно связано с воспитанием, между ними существует тесная связь и взаимосвязь. Под влиянием воспитания готовятся условия и нравственно-психологические предпосылки для самовоспитания:

формируются мировоззрение и идеал;

созревает потребность самовоспитания;

намечаются методы и средства самовоспитания.

В свою очередь самовоспитание обеспечивает успех воспитания. Будучи тесно связанными, воспитание и самовоспитание в то же время существенно отличаются друг от друга следующим:

а) если в процессе воспитания личность является объектом внешних воздействий, то при самовоспитании объектом воздействия становится субъект, т.е. объект и субъект совпадают;

б) если воспитанию человек подвергается с первого же дня рождения, то самовоспитанием он начинает заниматься только при достижении определенного уровня нравственной зрелости, когда налицо высокоразвитое самосознание, способность человека к самоанализу и самооценке;

в) если в процессе воспитания учитывались возрастные и индивидуальные особенности личности воспитуемого, то самовоспитание непосредственно определяется возрастными и индивидуальными особенностями, которые не всегда создаются личностью.

Самовоспитание – закономерное явление развития личности. Как правило, самовоспитанием человек начинает заниматься в подростковом возрасте, когда у него закладываются основы мировоззрения.

При этом источником самовоспитания является склонность подростка к подражанию, а важнейшими мотивами самовоспитания – желание подростка походить на взрослых, стремление к самостоятельности. Однако, не умея еще правильно соразмерять поставленные цели и свои возможности, подростки нередко неправильно выбирают средства и методы самовоспитания. Самовоспитанием подросток занимается эпизодически, часто стихийно, сосредотачивая свое сознание в первую очередь на развитии волевых и физических качеств.

В юношеском возрасте в связи с развитием мировоззрения в устойчивую систему взглядов и убеждений, приобретением жизненного опыта, повышением интереса к своей личности самовоспитание становится более постоянным, систематичным, целеустремленным. На первый план выдвигается нравственное самоусовершенствование личности.

Еще более зрелым самовоспитание становится у взрослого человека. Оно направляется устойчивой системой взглядов и убеждений и опирается на способность человека тщательно анализировать собственные качества и учитывать их, исходя из тех требований, которые предъявляют к нему общество и деятельность, которой он занимается.

Самовоспитанием человек может заниматься всю жизнь, ибо нет предела самосовершенствованию.

Все большее значение в настоящий период приобретает самовоспитание осужденных. В процессе исправления важнейшее место принадлежит коллективу сотрудников. Но это не означает, что исправление не должно опираться на общественно значимую активность осужденных. Они сами должны активно участвовать в формировании у себя положительных свойств и качеств и изжитии отрицательных черт характера, мотивов поведения и деятельности. Иными словами, исправление должно сочетаться с самовоспитанием осужденных.

Практика свидетельствует о том, что больших результатов добиваются те ИУ, в которых на хорошем уровне организовано самовоспитание среди осужденных. Конечно, не все осужденные в равной степени занимаются самовоспитанием.

Несовершеннолетние осужденные, твердо ставшие на путь исправления, занимаются самовоспитанием с усердием и добиваются в нем положительных результатов. У них исправление и самовоспитание совпадает. Обследование осужденных, твердо ставших на путь исправления, показывает, что важнейшими их мотивами самоусовершенствования являются:

желание вернуться к честной трудовой жизни;

стремление искупить свою вину перед обществом;

желание приобрести специальность, которая пригодится для жизни в условиях свободы;

стремление вернуть утраченное доверие и уважение родных и близких и т.д.

У несовершеннолетних осужденных, не вставших на путь исправления существует явное противоречие между их исправлением и самовоспитанием. Многие из них совершенно не занимаются самовоспитанием, другие развивают такие качества, которые, наоборот, необходимо искоренять как не соответствующие нормам и требованиям нашего общества, третьи развивают волю, физические качества с целью подчинить себе неустойчивых осужденных, расправиться с обидчиками и т.д. У таких осужденных самовоспитание носит ярко выраженную отрицательную направленность. Практика свидетельствует о том, что именно таких осужденных труднее исправить.

Для того чтобы самовоспитание проходило более эффективно следует осужденных ориентировать на нравственные образцы и идеалы. Нравственный идеал выступает как цель самовоспитания и как критерий правильности поступков и действий личности. Изучение осужденных показывает, что у некоторых из них имеется положительный идеал, у многих – отрицательный, а большое число осужденных вовсе не имеют идеала. Чтобы стимулировать процесс самовоспитания осужденных в нужном направлении, необходим индивидуальный подход.

Одних надо побуждать руководствоваться своим положительным идеалом, другим – помочь разрушить отрицательный и сформировать положительный идеал, третьим – оказать помощь в выборе нравственного идеала.

Для организации самовоспитания осужденных важно знать требования государства и общества к личности и собственные возможности, свои отрицательные и положительные качества, самокритично к ним относиться. Трудно заняться тем осужденным самовоспитанием, которые считают себя достаточно воспитанными и не находят в себе отрицательных качеств. Самокритичность – условие успеха самовоспитания. Она позволяет осужденному объективно оценивать свои достоинства и собственные недостатки и на основе этого определить задачи, методы и средства самовоспитания.

В самовоспитании осужденных большое значение имеет умение управлять собой, своим поведением и деятельностью, не унывать и не падать духом при временных неудачах, добиваться осуществления поставленных целей.

Необходимой предпосылкой самовоспитания осужденных является самопознание и самооценка.

Самопознание и самооценка несовершеннолетних осужденных приводит к осознанию жизненно необходимых перспектив собственного развития и бытия, приводит в действие процесс их самовоспитания, создает готовность личности к работе над собой. Познавая себя осужденный, тем самым, определяет свои слабые и сильные стороны. Обнаружение недостатков вызывает состояние недовольства собой, стремление искоренить данные недостатки. Неудовлетворенность обнаруживается в словах, в настроении, в самокритике.

Важным компонентом работы, направленной на развитие самопознания и самооценки, выступают знания некоторых аспектов психологии самовоспитания. Поэтому в процессе организации самовоспитания необходимо вооружить несовершеннолетних осужденных понятиями об источниках нравственно-волевой активности личности, о закономерностях ее развития и способах проявления, о методах изучения и воспитания своей личности.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии.

2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

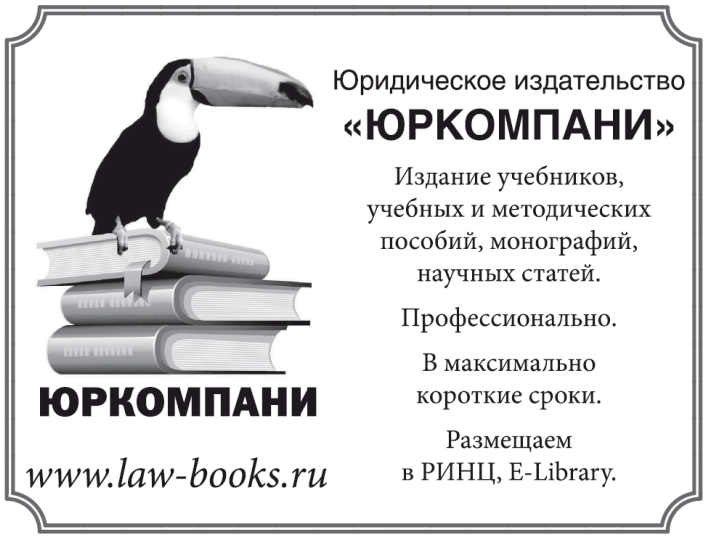
[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education.

Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-278-282
Дата принятия рукописи в печать: 27.07.2026 г.

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
доктор экономических наук, главный научный сотрудник НИЦ-1 федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт» Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России), e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье представлен обзор экономических и социальных проблем, возникающих при ликвидации учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена предусмотренной Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года оптимизацией сети учреждений, сокращением численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы, ликвидацией ветхих объектов и изменением территориальной организации системы. Рассмотрены вопросы распоряжения федеральным имуществом, урегулирования обязательств, прекращения производственной деятельности, влияния закрытия учреждения на занятость и доходы местного населения, состояние инфраструктуры, положение работников, осужденных и их родственников. Показано, что ликвидация исправительного учреждения не исчерпывается прекращением деятельности юридического лица, а представляет собой процесс территориальной и социально-экономической трансформации. Сделан вывод о необходимости самостоятельной детальной научной разработки каждой группы выявленных проблем.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, ликвидация учреждения, оптимизация, федеральное имущество, производственная деятельность, занятость, местное сообщество, социальные последствия, экономические последствия.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation» (Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ORGANIZATIONAL AND LEGAL RISKS IN LIQUIDATION OF FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article reviews the economic and social problems arising from the liquidation of penal institutions. The relevance of the study is determined by the optimization of the institutional network, the decline in the prison population, the removal of dilapidated facilities and changes in the territorial organization of the penal system envisaged by the Concept for the Development of the Russian Penal System until 2030. The paper examines the disposition of federal property, settlement of obligations, termination of production, effects on local employment and income, infrastructure, employees, prisoners and their relatives. It is shown that the liquidation of a correctional institution cannot be reduced to the termination of a legal entity and should be understood as a process of territorial and socio-economic transformation. The article concludes that each identified group of economic and social problems requires separate and detailed scientific study.*

Key words: *penal system, correctional institution, liquidation of an institution, optimization, federal property, production activity, employment, local community, social consequences, economic consequences.*

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) связан с изменением масштаба и пространственной конфигурации сети учреждений. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р) (далее – Концепция) исходит из последовательного снижения численности лиц, содержащихся в учреждениях УИС, и относит к целям государственной политики повышение эффективности системы, совершенствование организации ее деятельности и оптимизацию учреждений. В числе направлений организационно-структурного преобразования названы снижение издержек, передислокация учреждений в районы с доступными коммуникациями и транспортной логистикой, ликвидация ветхих объектов, взаимодействие с регионами и муниципалитетами по поводу дальнейшего использования имущества прекративших деятельность учреждений. Концепцией также идет речь не о ликвидации всей системы, а об оптимизации отдельных учреждений при определенных условиях, по причине: ветхости и аварийности состояния зданий, отсутствия производственной базы, проблемное географическое расположение) [1]. Следовательно, ликвидация выступает не единичной административной мерой, а элементом долговременной государственной политики, требующим оценки последствий, выходящих за пределы ведомственной структуры.

Правовая основа ликвидации имеет межотраслевой характер. Согласно статье 6 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I решение принимается уполномоченным федеральным органом по согласованию с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, а неурегулированные разногласия разрешаются Правительством Российской Федерации [2]. Общая процедура ликвидации федерального учреждения определяется постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 539 и гражданским законодательством [3; 4]. Такое регулирование устанавливает порядок прекращения юридического лица, формирования ликвидационной комиссии, выявления кредиторов и завершения расчетов, но само по себе не охватывает всего комплекса территориальных, хозяйственных и социальных связей учреждения. Именно различие между юридической ликвидацией и фактическим прекращением деятельности крупного режимного и хозяйственного объекта образует исходную научную проблему.

Первый экономический аспект связан с судьбой имущественного комплекса. Имущество УИС находится в федеральной собственности, а конкретное учреждение владеет и пользуется закрепленными объектами в пределах права оперативного управления [2; 4]. После его закрытия требуется определить состояние и дальнейшую судьбу земельных участков, зданий, инженерных сетей, транспорта, оборудования, жилого фонда и иных активов. Экономическое содержание проблемы состоит не только в установлении собственника. Значение имеют остаточная и реальная стоимость имущества, расходы на охрану и консервацию, возможность дальнейшей эксплуатации, наличие обременений, потребность в демонтаже и риск утраты стоимости во времени. Интерес региона к получению объекта также не означает его экономической пригодности: вместе с активом могут переходить потребности в ремонте, коммунальном обслуживании и адаптации территории к новому назначению. Поэтому имущественные последствия ликвидации образуют самостоятельный предмет оценки эффективности управления федеральной собственностью.

Другой экономический блок составляют финансовые и договорные обязательства. Ликвиди-

руемое учреждение может иметь задолженность перед поставщиками и ресурсоснабжающими организациями, неисполненные государственные контракты, дебиторскую задолженность, обязательства по оплате труда и иные требования кредиторов. Общие нормы предполагают выявление требований и составление ликвидационного баланса [3; 4], однако экономический результат зависит от структуры задолженности, источников финансирования расчетов и соотношения стоимости имущества с объемом обязательств. Особую сложность создают длительные договоры, связанные с охраной, коммунальными ресурсами, ремонтом и производством: формальное прекращение учреждения не устраняет необходимость завершить начатые работы и распределить возникшие расходы. Для науки существенен вопрос о совокупной стоимости ликвидации, поскольку видимая экономия на содержании учреждения может сопровождаться разовыми и отложенными бюджетными затратами.

Отдельным вопросом при ликвидации учреждений УИС выступает имущественно-финансовый комплекс, представленный производственной деятельностью учреждений, который участвует в процессе ресоциализации осужденных посредством организации оплачиваемого труда, одновременно погашение требований по исполнительным листам и формирование профессиональных навыков у осужденных [6].

Производственный сектор УИС представляет собой более 600 промышленных подразделений при исправительных учреждениях, которые расположены практически во всех субъектах Российской Федерации, в том числе в непосредственной близости с промышленно развитыми районами, крупными населенными пунктами и находятся в транспортной доступности. Производство в подразделениях УИС является многопрофильным и охватывает практически все отрасли промышленного производства. Номенклатура выпускаемых исправительными учреждениями изделий насчитывает более 100 тысяч наименований продукции, значительная часть которой поставляется для внутрисистемных нужд.

Ликвидация учреждений приведет к закрытию производственных площадок либо связанных с учреждением предприятий и контрагентов, что затронет обслуживания оборудования, поставку сырья, формирования портфеля заказов, логистических схем сбыта проекции и сложившихся кооперационных связей. [9]. Бухгалтерские данные в отчетах не могут показать весь объем проблемных мест учреждений при закрытии производств, а, следовательно, при принятии такого решения необходимо провести комплексный экономический анализ деятельности всего учреждения и рабочих мест, а также изменение возможностей привлечения осужденных к оплачиваемому труду, который по мнению К. В. Аверкиева показывает, что такие учреждения формируют особый рынок труда, обеспечивают стабильную занятость, поддерживают спрос на товары и услуги и оказывают влияние на доходную базу муниципальной территории [8].

С экономикой территории непосредственно связана инфраструктурная проблема. Ведомственные котельные, электросети, дороги, водоснабжение, жилье и объекты социально-бытового назначения нередко обслуживают не только режимную территорию, но и окружающий населенный пункт. Прекращение деятельности учреждения способно изменить распределение расходов на содержание инфраструктуры и поставить вопрос о субъекте, который продолжит эксплуатацию объектов. Если потребителей становится меньше, удельная стоимость коммунальных услуг и ремонта возрастает; если объекты остаются без использования, ускоряется их физическое разрушение. Одновременно возникают расходы на охрану освободившейся территории и предотвращение экологических и техногенных рисков. В этом смысле передача права на объект и сохранение его общественно значимой функции являются разными экономическими процессами, нуждающимися в раздельном исследовании.

Социальные последствия прежде всего затрагивают персонал учреждения. В ликвидации участвуют сотрудники со специальными званиями, федеральные государственные гражданские служащие и работники, состоящие в трудовых отношениях, поэтому их правовое положение и набор гарантий неоднородны. Для работников трудовое законодательство предусматривает правила предупреждения об увольнении и выплаты установленных компенсаций [5]. Однако социальная проблема не исчерпывается соблюдением формальной процедуры. В удаленном поселении профессиональная специализация сотрудника может не соответствовать структуре местного спроса на труд, а перевод в другое учреждение предполагает смену места жительства семьи, жилищные расходы и разрыв устойчивых социальных связей. В результате закрытие учреждения воздействует одновременно на профессиональную траекторию человека, семейные стратегии и демографическое состояние территории.

Отдельная социальная группа последствий относится к осужденным. Их перевод в другие учреждения изменяет условия отбывания наказания, доступность медицинской помощи, образования и труда, а также сложившиеся отношения с сотрудниками и другими осужденными. Особое значение имеет территориальная доступность нового места отбывания наказания для родственников. Уголовно-исполнительное законодательство

закрепляет общее значение отбывания наказания в пределах субъекта Российской Федерации, связанного с местом проживания осужденного или его семьи [6], а Концепция относит реализацию этого принципа к направлениям развития системы [1]. Социологические исследования показывают, что поддержание связи с близким, находящимся в местах лишения свободы, требует от семьи значительных временных, материальных и эмоциональных ресурсов [10, 11]. Таким образом, географические изменения отбывания наказания осужденных определено изменениями условий сохранения социально полезных связей.

Отдельным вопросом исследования является уровень, и качество жизни населения, проживающих в близи учреждений. Закрытие учреждений УИС повлияет на доступность транспорта, торговли, образования, медицинской помощи, а также к росту расходов на поддержание городской/поселковой инфраструктуры, после утраты градообразующей базы [8].

Проведенный обзор показывает, что предусмотренная стратегическими документами оптимизация учреждений УИС соединяет в одном управленческом решении различные по природе последствия. К экономическому направлению относятся оценка и дальнейшее использование федерального имущества, расчеты по обязательствам, судьба производственных комплексов, бюджетные расходы, занятость, муниципальные доходы и инфраструктурные издержки. Социальное направление охватывает положение персонала и его семей, изменение качества жизни жителей зависимых поселений, перемещение осужденных, непрерывность их трудовой и образовательной занятости, а также сохранение контактов с родственниками. Авторы справедливо отмечает, что стратегические решения по изменению организационно-структурного построения УИС должны получать не только финансово-экономическое, но и научное обоснование, включающее прогноз социально-экономических последствий [7]. В связи с этим каждая из обозначенных экономических и социальных проблем должна рассматриваться как самостоятельное направление междисциплинарного исследования и нуждается в детальной научной разработке. Имеющийся объем знаний позволяет очертить проблемное поле, но пока недостаточен для исчерпывающей оценки краткосрочных и отложенных последствий ликвидации учреждений в разных регионах.

Список литературы:

[1] О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (ред. от 27 мая 2023 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (дата обращения: 31.07.2026).

[2] Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I (ред. от 30 января 2026 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4645/ (дата обращения: 31.07.2026).

[3] Об утверждении Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации федеральных государственных учреждений, а также утверждения уставов федеральных государственных учреждений и внесения в них изменений : постановление Правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 539 (ред. от 10 декабря 2025 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103183/ (дата обращения: 31.07.2026).

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 31.07.2026).

[5] Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г., с изм. от 15 мая 2026 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 31.07.2026).

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 31.07.2026).

[7] Бажанов, С. А. Новые подходы к реформированию уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации / С. А. Бажанов. — Текст : электронный // Вопросы современной науки и практики. — 2021. — № 2 (5). — С. 13–15. — URL: https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/%D0%92%D0%A1%D0%9D%D0%B8%D0%9F%202021/%D0%92%D0%A1%D0%9D%D0%B8%D0%9F%202%285%29_2021/bajanov.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

[8] Аверкиева, К. В. География и экономика российской пенитенциарной системы / К. В. Аверкиева. — Текст : электронный // Демоскоп Weekly. — 2015. — № 651–652. —

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0651/demoscope651.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

[9] Чернышов, И. Н. Сбытовая политика учреждений уголовно-исполнительной системы: результаты, ограничения, пути совершенствования / И. Н. Чернышов, О. Н. Соловкин // Экономическая безопасность. — 2024. — Т. 7, № 4. — С. 999–1022. — DOI 10.18334/ecsec.7.4.120950..

[10] Около тюрьмы: женские сети поддержки заключенных / под ред. Е. Л. Омельченко, Дж. Пэллот. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. — 240 с. — ISBN 978-5-906792-16-7.

[11] Радченко, Е. П. К вопросу о возобновление практики использования труда осужденных коммерческими организациями / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов // Право и управление. – 2026. – № 2. – С. 305-308. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-2-305-308. – EDN LTDTQZ.

References:

[1] On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r (as amended on May 27, 2023). - Text: electronic // ConsultantPlus: reference legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (access date: 31.07.2026).

[2] On institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation: Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I (as amended on January 30, 2026). - Text: electronic // ConsultantPlus: reference legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4645/ (access date: 31.07.2026).

[3] On approval of the Procedure for creating, reorganizing, changing the type and liquidation of federal state institutions, as well as approving the charters of federal state institutions and amending them: Decree of the Government of the Russian Federation of July 26, 2010 No. 539 (as amended on December 10, 2025). - Text: electronic // ConsultantPlus: reference legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103183/ (access date: 31.07.2026).

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026). - Text: electronic // ConsultantPlus: reference legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 31.07.2026).

[5] Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on December 29, 2025, as amended on May 15, 2026). - Text: electronic // ConsultantPlus: reference legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (access date: 31.07.2026).

[6] Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on December 29, 2025). - Text: electronic // ConsultantPlus: reference legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (access date: 31.07.2026).

[7] Bazhanov, S. A. New approaches to reforming the penal system in the Russian Federation/S. A. Bazhanov. - Text: electronic // Issues of modern science and practice. — 2021. — № 2 (5). - S. 13-15. - URL: https ://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/% D0%92%D0%A1%D0%9D% D0%B8%D0%9F%202021/% D0%92%D0%A1%D0%9D%D0%_ 2021/bajanov.pdf (Accessed on: 31.07.2026).

[8] Averkieva, K.V. Geography and Economics of the Russian Penitentiary System/K.V. Averkieva. - Text: electronic // Demoscope Weekly. — 2015. — № 651–652. - URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0651/demoscope651.pdf (access date: 31.07.2026).

[9] Chernyshov, I. N. Sales policy of penitentiary system institutions: results, restrictions, ways to improve/I. N. Chernyshov, O. N. Solovkin // Economic security. — 2024. - T. 7, NO. 4. - S. 999-1022. — DOI 10.18334/ecsec.7.4.120950..

[10] Near the prison: women's prisoner support networks/ed. E. L. Omelchenko, J. Pallot. - St. Petersburg: Aleteya, 2015. - 240 p. - ISBN 978-5-906792-16-7.

[11] Radchenko, E.P. On the resumption of the practice of using the labor of convicts by commercial organizations/E.P. Radchenko, S. A. Bazhanov // Law and Management. – 2026. – № 2. - S. 305-308. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-2-305-308. – EDN LTDTQZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-283-287

МАГОМЕДАЛИЕВ Маруф Магомедалиевич,
заместитель начальника кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В ВИДЕ ЗАДЕРЖАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Обеспечение эффективного судопроизводства невозможно без применения специальных ограничительных механизмов, в связи с чем в структуре положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации имеют место нормы, посвященные процессуальным мерам принуждения. Обозначенные меры могут применяться в отношении субъектов на различных стадиях уголовного процесса, включая стадию возбуждения уголовного дела. Более того, некоторые из них применяются и до возбуждения уголовного дела. Так, законодатель обеспечил наличие в положениях УПК РФ меры в виде задержания лица, специальных мер пресечения, а также иных мер процессуального принуждения.*

Особую важность приобретают вопросы, связанные с применением задержания, как меры уголовно-процессуального принуждения, в том числе в связи с тем, что обозначенная мера может иметь место до возбуждения уголовного дела, когда еще в значительной степени не определен правовой статус участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *Уголовный процесс, следователь, задержание, участники уголовного процесса, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, следователь.*

MAGOMEDALIEV Maruf Magomedalievich,
PhD, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the заместитель Russian Federation, Deputy Head МВД of the Department of Physical Training, Police Major

ON THE IMPLEMENTATION OF A FORCE METER IN THE FORM OF DETENTION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Annotation. *Ensuring effective legal proceedings is impossible without the use of special restrictive mechanisms, which is why the Criminal Procedure Code of the Russian Federation contains provisions on procedural coercive measures. These measures can be applied to individuals at various stages of the criminal process, including the stage of initiating a criminal case. Moreover, some of them are applied even before a criminal case is initiated. For example, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for the use of detention, special preventive measures, and other procedural coercive measures. Of particular importance are issues related to the use of detention as a measure of criminal procedural coercion, including the fact that this measure can be applied before a criminal case is initiated, when the legal status of the participants in criminal proceedings is still largely undefined.*

Key words: *Criminal proceedings, investigator, detention, participants in criminal proceedings, suspect, accused, witness, investigator.*

Задержание, как уголовно-процессуальная мера принуждения, является достаточно востребованной в деятельности органов предварительного расследования, включая органы внутренних дел. Актуальность применения задержания обуславливается множеством факторов, включая необходимость пресечения противоправной деятельности, а также обеспечения должного осуществления предварительного расследования. Задержание может являться необходимым связующим звеном для применения мер пресечения. В процессе реализации применения задержания, исходя из того, что обозначенная мера принуждения имеет нормативно-правовое закрепление, а также формализованный порядок, могут возникать разнородные нарушения. Об этом свидетельствуют нарушения уголовно-процессуального законодательства органами предварительного расследования в процессе его осуществления.

Кроме того, существуют проблемы соотношения задержания и иных мер уголовно-процессуального принуждения, проблемы закрепления перечня оснований задержания и порядка осуществления задержания [1], а также проблемы, связанные со статусом задержанных лиц и необходимостью обеспечения их прав и гарантий в структуре уголовно-процессуальных отношений [2] и т.д. Также отметим, что в уголовно-процессуальной науке ведутся дискуссии о сроках задержания, а именно их исчислении, а также обсуждаются вопросы, касающиеся подмены уголовно-процессуального задержания.

Задержание подозреваемого является достаточно распространенной мерой принуждения, которая, связана с ограничением свободы в структуре реализации необходимости обеспечения качественного расследования уголовного дела в связи с совершенным преступлением [3].

Учитывая, что в процессе реализации задержания ограничиваются основные права граждан, основным направлением совершенствования ее реализации следует считать необходимость должного обеспечения их прав и законных интересов. Применительно к реализации должного обеспечения прав задержанного существуют определенные вопросы. Так, в соответствии с действующим законодательством, после применения к лицу задержания, оно приобретает уголовно-процессуальный статус подозреваемого. В структуре ст. 46 УПК РФ определены права и обязанности обозначенного участника уголовного процесса. Следует отметить, что перечень закреплённых в названной статье достаточно обширен и полностью обеспечивает возможности обеспечения интересов задержанного лица.

Основная проблема заключается в том, что задержанное лицо имеет право пользоваться обозначенными правами, установленными в ст. 46 УПК РФ только после составления в отношении него протокола задержания. До указанного момента лицо в соответствии с положениями УПК РФ задержанным не является и соответственно не обладает статусом подозреваемого. Обозначенное свидетельствует о том, что в период от фактического задержания лица до момента составления в отношении него соответствующего протокола лицо обладает лишь урезанным набором прав, которые можно вычленить из положений УПК РФ.

Для преодоления проблем, связанных с реализацией уголовно-процессуальных положений об обеспечении и защите прав подозреваемого, необходимо устранить вышеназванные обстоятельства. Обозначенное устранение возможно путем закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве определенных положений, среди которых:

введение в структуру субъектов уголовного судопроизводства наряду с подозреваемым и обвиняемым нового участника – задержанного;

закрепление уголовно-процессуального статуса задержанного лица, которым оно будет обладать с момента фактического задержания до момента составления в отношении него протокола о задержании и приобретения статуса подозреваемого.

Указанное предложение позволит наделить правами, гарантиями обеспечения таких прав, а также средствами их защиты лиц, которые фактически задержаны, но в отношении них не составлен протокол задержания в соответствии с положениями ст. 91 УПК РФ. Также, на основании статьи 46 УПК РФ подозреваемый обладает комплексом прав, о которых также необходимо отметить. Во-первых, подозреваемый имеет право знать, в чем его подозревают, а также имеет право на получение копий соответствующих процессуальных документов [6, с.69], среди которых протокол задержания, постановление о применении меры пресечения. Во-вторых, подозреваемый наделен правом дать объяснения или показания по поводу выдвинутого в отношении него подозрения, а также отказаться от них. В-третьих, подозреваемый имеет право пользоваться помощью защитника [8, с.76]. Отметим, что право на защитника в процессе применения уголовно-процессуальной меры принуждения в виде задержания, не фигурирует в положениях статьи 46 УПК РФ. Это право закреплено лишь в статье 92 УПК РФ. В-четвертых, подозреваемый обладает стандартным для многих участников уголовного процесса правами, среди которых представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться переводчиком, знакомиться с материалами дела, участвовать с разрешения следователя в следственных действиях.

Вторым важным шагом реформирования рассматриваемой меры уголовно- процессуального принуждения должна стать выработка и нормативное закрепление эффективного порядка реализации названной меры, с предусмотренными основаниями, условиями, а также целями, о чем уже отмечалось в структуре выпускной квалификационной работы. С целью создания более эффективного механизма применения уголовно-процессуальной меры в виде задержания, а также действенного механизма реализации прав задерживаемых лиц необходимо определить следующие направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, необходим коренной пересмотр положения УПК РФ, которые регламентируют уголовно-процессуальное задержание. В связи с этим, необходимо соответствующее построение главы 12 УПК РФ, где будет внесена ясность в регламентацию оснований, условий и целей реализации меры принуждения в виде задержания. На сегодняшний день, содержательное наполнение норм ст.ст. 91, 92 УПК РФ являются сложно понимаемыми [4]. Во-вторых, важным представляется и изменение регламентации процессуального порядка осуществления задержания. В работе уже отмечалось, что имеется значительная необходимость определения и закрепления некоторых процедур, в частности, это касается выбора задержанным лицом защитника.

Обозначенная проблема не раз оговаривалась и в структуре научных исследований, касающихся вопросов применения к лицам уголовно-процессуального задержания.

В-третьих, необходимо более детально рассмотреть возможность включения в перечень участников уголовного процесса нового субъекта – задержанного. Как нами уже отмечалось выше, в случае реализации указанной инициативы лица, к которым применено фактическое задержание, получили бы набор процессуальных прав, в том числе смогли бы в полной мере реализовать право на защиту. Отметим, что на сегодняшний день, лицо к которому применено фактическое задержание до момента составления в отношении него протокола о задержании является не защищенным в должной мере. В связи с этим, в правоприменительной деятельности возможны различного рода нарушения конституционных прав таких лиц.

В-четвертых, существует необходимость более детального определения и законодательного закрепления момента фактического задержания лица, что позволит исключить спекуляции, связанные с интерпретированием правоприменителями указанной формулировки. Указанное новшество также позволит более эффективно осуществлять контроль за законностью задержания со стороны прокуратуры, судей и должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор за предварительным расследованием. Кроме того, возможно закрепить уголовно-процессуальный механизм применения в отношении задержанного наручников с встроенным GPS-трекером по аналогии с браслетом при применении меры пресечения в виде домашнего ареста. При задержании должностные лица должны будут применять указанное спецсредство в отношении задержанного лица с момента фактического задержания. Таким образом, возможно определить время фактического задержания.

Указанные изменения приведут к минимизации процессуальных нарушений, которые допускаются в процессе осуществления применения к лицам уголовно-процессуального задержания, а также систематизируют процедуру фактического задержания [5].

Названные направления совершенствования будут способствовать не только реализации прав и законных интересов задерживаемых лиц и подозреваемых, но и помогут эффективнее применять рассматриваемую меру органами предварительного расследования. Кроме того отметим, что институт задержания является действенным механизмом для эффективного достижения целей уголовного судопроизводства, а также может способствовать применению иных мер принуждения, к примеру, меры пресечения в виде заключения под стражу. Вместе с тем, указанный институт связан с прямым ограничением прав и законных интересов лиц, которые вовлекаются в уголовный процесс путем применения к ним рассматриваемой меры принуждения. Для поиска компромисса необходимо продолжать научные изыскания по рассматриваемым проблемам с целью совершенствования уголовно-процессуального законодательства о применении задержания. Необходимость такого совершенствования продиктована и тем, чтобы исключить использование при расследовании преступлений мер административного характера. Так, практика правоприменения показывает, что имеют место случаи, связанные с возбуждением против лиц, в отношении которых имеются основания к уголовно-процессуальному задержанию, дел об административных правонарушения с целью обеспечения задержания названных граждан в административном порядке путем избрания им наказания в виду административного ареста до 15 суток. Вместе с тем, в практике правоприменения имеют место случаи незаконного возбуждения указанных дел при отсутствии в действиях лиц составов административного правонарушения. Это еще раз подчеркивает необходимость обеспечения большей эффективности применения уголовно-процессуального задержания.

Правоприменительная практика свидетель-

ствует о необходимости разграничения уголовно-процессуального задержания и административно- процессуальных институтов [7], как самими правоприменителями, так и защитниками. С этой целью необходимы разъяснения контрольно-надзорных органов о проблемных аспектах применения указанных процедур.

Итак, уголовно-процессуальное задержание представляет собой одну из необходимых и востребованных мер принуждения, обеспечивающих достижение различных целей повышения эффективности расследования по уголовному делу. Однако, ее востребованность и необходимость сопряжена с применением к лицу значительных ограничений в виде кратковременного лишения его свободы. В связи с этим, при осуществлении разработки направлений совершенствования законодательного механизма осуществления задержания, на первый план должна выходить необходимость должного предоставления задержанным лицам всех предусмотренных процессуальных гарантий. В частности, законодатель указывает, что лица, которым применено задержание, приобретают статус подозреваемого и в соответствии со ст. 46 УПК РФ вправе пользоваться всеми установленными для него правами. Однако, УПК РФ не устанавливает указанного комплекса гарантий для фактически задержанных лиц до момента составления в отношении них соответствующего протокола. В связи с этим, является целесообразным, дополнить положения УПК РФ, нормами, которые разрешат обозначенную проблему, и задержанные лица в полной мере будут обеспечены предусмотренными УПК РФ гарантиями. Также целесообразно обеспечить систематизацию норм, которые касаются применения задержания, с учетом необходимости должного закрепления оснований его применения, а также условий и целей, предусмотреть механизмы предоставления и выбора защитника для лиц, к которым применена обозначенная мера принуждения, а также более детальное закрепление момента фактического задержания лица. Обозначенные направления совершенствования позволят в значительной степени повысить эффективность применения задержания.

Список литературы:

[1] Епишкин, М.С. Проблемы исчисления срока задержания лица по ходатайству стороны на срок не более 72 часов / М.С. Епишкин // Юрист спешит на помощь. – 2025. – № 2. – С. 11–13.

[2] Россинский, С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого / С.Б. Россинский // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (73). – С. 175–181.

[3] Сидоров, Д.Б. Институт задержания подозреваемого в российском уголовном процессе, его проблемы и особенности / Д.Б. Сидоров // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 11 (68). – С. 234–239.

[4] Царев, Д.Л. Исчисление процессуальных сроков при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления / Д.Л. Царев // Молодой ученый. –2023. – № 33 (480). – С. 61–62.

[5] Савельева, А.С. Прокурорский надзор за законностью задержания подозреваемых и обвиняемых лиц / А.С. Савельева // Мировая наука. – 2022. – № 11 (68). – С. 170–175.

[6] Хасанова, З. И. Особенности процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

[7] Миннигулова, Д. Б. Компенсация за нарушение условий содержания в изоляторе временного содержания и под стражей в практике МВД России за 2021-2024 годы: научный и практический аспекты / Д. Б. Миннигулова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 47-53. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.007. – EDN XBUBXW.

[8] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

References:

[1] Epishkin, M.S. Problems of Calculating the Period of Detention of a Person on the Petition of a Party for a Period of No More Than 72 Hours / M.S. Epishkin // Lawyer Rushes to Help. – 2025. – No. 2. – Pp. 11–13.

[2] Rossinsky, S.B. On the Police Nature of the Grounds for Detaining a Suspect / S.B. Rossinsky // Legal State: Theory and Practice. – 2023. – No. 3 (73). – Pp. 175–181.

[3] Sidorov, D.B. The Institute of Detention of a Suspect in the Russian Criminal Procedure, Its Problems and Features / D.B. Sidorov // Bulletin of Science. – 2023. – Vol. 4. – No. 11 (68). – Pp. 234–239.

[4] Tsarev, D.L. Calculation of procedural deadlines during the detention of a person suspected of committing a crime / D.L. Tsarev // Young Scientist. –2023. – No. 33 (480). – Pp. 61–62.

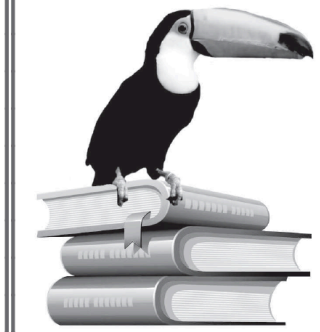
[5] Savelyeva, A.S. Prosecutor's Supervision over the Legality of Detention of Suspects and Accused Persons / A.S. Savelyeva // World Science. – 2022. – No. 11 (68). – Pp. 170–175.

[6] Khasanova, Z. I. Features of the procedural status of a suspect in criminal proceedings / Z. I. Khasanova // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

[7] Minnigulova, D. B. Compensation for

violation of the conditions of detention in a temporary detention center and in custody in the practice of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021-2024: scientific and practical aspects / D. B. Minnigulova // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 47-53. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.007. – EDN XBUBXW.

[8] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 218 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-288-293

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ИСПЫТАНИЕ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА СЛУЖБУ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Целью исследования стали особенности современного правового регулирования, а также перспективы применения испытания при поступлении на службу в уголовно-исполнительной системе. В ходе исследования применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные и учебно-методические источники, раскрывающие роль и значение, а также порядок и перспективу дальнейшего применения испытания при поступлении на службу в УИС. Правовая основа проведения испытаний при поступлении на службу в УИС закреплена в статье 24 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». Основной целью проведения рассматриваемого испытания является определение уровня подготовки кандидата и его соответствие конкретной должности, на замещение которой он претендует. Испытание устанавливается на срок от двух до шести месяцев, при этом, по его результатам этот срок может сокращаться по ходатайству непосредственного руководителя в случае успешного его прохождения и достижения положительных результатов. Закон в частях 3-6 указанной нормы определяет шесть отдельных условий, рассмотренных в ходе теоретико-правового исследования, при которых осуществляется испытание. Важным организационно-правовым аспектом испытания сотрудника при поступлении на службу в УИС выступают временные границы подготовки документа о его завершении с принятием одного из двух возможных решения: признании сотрудника, проходящего испытание, выдержавшим его, или признании сотрудника, проходящего испытание, не выдержавшим испытания. Влекшим, соответственно, принятие решения присвоить сотруднику, выдержавшему испытание, специального звания, или расторжении с сотрудником, не выдержавшим испытания, контракта и увольнении его со службы в УИС. Принципиальным моментом правового регулирования порядка прохождения испытания сотрудника при приеме на службу в УИС является не только обеспечение сотруднику прав и социальных гарантий во время срока его прохождения, но и зачет срока испытания в стаж службы (выслугу лет) в УИС за исключением периодов временной нетрудоспособности, других периодов, когда сотрудник не исполнял служебные обязанности. Рассмотренный правовой механизм обладает значительным потенциалом развития и совершенствования, комплексного применения правовых, организационных и психологических инструментов, проявляющихся при назначении сотрудников на должности в УИС. Одной из первоочередных перспектив на данном направлении является совместная деятельность кадровых подразделений и психологической службы УИС по организационно-методическому обеспечению проведения рассмотренных испытаний сотрудников. Обоснованному принятию управленческих решений, подготовке аргументированных заключений по результатам испытаний.*

Ключевые слова: *испытание, поступление на службу, уголовно-исполнительная система, правовое регулирование, сотрудники, руководители, обязанности по должности, заключение.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

PROBATION FOR ADMISSION TO SERVICE IN THE PENAL SYSTEM: MODERN LEGAL REGULATION AND APPLICATION PROSPECTS

Annotation. *The purpose of the study was the peculiarities of modern legal regulation, as well as the prospects for applying the test for admission to service in the penal system. The research applied the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation. The article analyzed legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational sources that reveal the role and significance, as well as the procedure and prospects for further application of the test when applying for service in the penitentiary system. The legal basis for conducting tests for admission to the penal correction system is fixed in Article 24 of Federal Law No. 197-FZ dated 07/19/2018 "On Service in the Penal System of the Russian Federation". The main purpose of the test in question is to determine the candidate's level of training and his compliance with the specific position he is applying for. Probation is established for a period of two to six months, while, according to its results, this period may be shortened at the request of the immediate supervisor in case of successful completion and achievement of positive results. The Law, in parts 3-6 of the specified norm, defines six separate conditions, considered in the course of theoretical and legal research, under which the test is carried out. An important organizational and legal aspect of the employee's probation upon joining the UIS is the time limits for preparing a document on its completion with the adoption of one of two possible decisions: recognizing the employee undergoing the test as having passed it, or recognizing the employee undergoing the test as having failed the test. Entailed, respectively, the decision to assign a special title to an employee who passed the test, or the termination of a contract with an employee who did not pass the test and his dismissal from service in the penitentiary. The fundamental point of the legal regulation of the procedure for probation of an employee when applying for service in the penitentiary is not only ensuring the employee's rights and social guarantees during his term of service, but also crediting the probation period to the length of service (length of service) in the penitentiary, with the exception of periods of temporary disability and other periods when the employee did not perform official duties. The considered legal mechanism has a significant potential for development and improvement, as well as the comprehensive application of legal, organizational and psychological tools that are manifested when appointing employees to positions in the management System. One of the primary prospects in this area is the joint activity of the personnel departments and the psychological service of the penitentiary system for the organizational and methodological support of the reviewed employee tests. Sound management decision-making, preparation of reasoned conclusions based on test results.*

Key words: *probation, admission to service, penal enforcement system, legal regulation, employees, managers, duties by position, conclusion.*

Введение. Профессиональная деятельность сотрудников служб и подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС) предполагает наличие у них специальных компетенций, умений и навыков, психологических свойств и качеств личности, позволяющих эффективно выполнять функциональные обязанности, закрепленные в должностных инструкциях, определенных законодательными и ведомственными нормативными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Здесь можно выделить профессиональную культуру, формируемую в процессе службы в УИС, обучения в подведомственных ФСИН России образовательных организациях [1]. Такие психологические характеристики как правовое сознание и социокультурные ценности сотрудников и курсантов, которыми они должны обладать при поступлении на службу в УИС [2, с. 238-244]. Патриотизм и духовно-нравственных характеристики также относятся к приоритетным при подборе кандидатов и их принятии на службу в УИС в современных условиях [3, с. 28-31]. Этические требования, предъявляемые к сотрудникам УИС ведомственными правовыми актами [4, с. 538-543].

Для выявления и диагностики указанных и

других профессиональных характеристик, психологических свойств и качеств личности кандидатов на службу УИС, разработаны и используются на практике профессиограмма и психограмма сотрудников различных служб и подразделений [5]. На данном направлении активно работает психологическая служба УИС, профессиональные психологи которой обследуют кандидатов, выносят заключения о психологической пригодности к службе, сопровождают их профессиональную деятельность в учреждениях и органах УИС на начальном этапе служебной деятельности [6, с. 19-21].

Таким образом, реализуемый порядок проведения испытания при поступлении на службу в УИС нуждается в отдельном теоретико-правовом исследовании и анализе с применением научного инструментария.

Методы и принципы исследования. Для изучения особенностей современного правового регулирования, а также перспектив применения испытания при поступлении на службу в уголовно-исполнительной системе применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные и учебно-методические источники, раскрывающие роль и значение, а также порядок и перспективу дальнейшего применения испытания при поступлении на службу в УИС.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ порядка проведения испытания при поступлении на службу в УИС позволил установить его правовую основу, закрепленную в статье 24 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также в ведомственных нормативных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Основной целью проведения рассматриваемого испытания является определение уровня подготовки кандидата и его соответствие конкретной должности, на замещение которой он претендует. Испытание устанавливается на срок от двух до шести месяцев, при этом, по его результатам этот срок может сокращаться по ходатайству непосредственного руководителя в случае успешного его прохождения и достижения положительных результатов.

Закон в частях 3-6 анализируемой нормы определяет шесть отдельных условий, при которых осуществляется испытание:

назначение на соответствующую должность в УИС без присвоения специального звания;

исполнение сотрудником служебных обязанностей;

распространение на сотрудника, проходящего испытание прав и гарантий, отраженных в подписанном им контракте, в соответствии с положениями Федерального закона 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в УИС», ведомственными нормативными правовыми актами [7];

запрет на ношение и хранение огнестрельного оружия и специальных средств во исполнение Федерального закона 2018 г. № 197-ФЗ, международных пенитенциарных стандартов, ратифицированных Российской Федерацией в данной сфере [8, с. 88-95];

запрет на участие сотрудника, проходящего испытание на привлечение к участию в оперативных мероприятиях с возможной угрозой его жизни, нарушении и ущемлении прав, свобод и законных интересов граждан в процессе их проведения [9];

прохождение сотрудником, в отношении которого применяется испытание индивидуального обучения в процессе реализации им обязанностей по замещаемой должности под руководством непосредственного руководителя и наставника, назначаемого ФСИН России или уполномоченным руководителем на основании Приказа ФСИН России от 13 января 2025 г. № 5, утвердившего «Положение о порядке организации индивидуального обучения сотрудника УИС РФ, проходящего испытания, изучения его личных и деловых качеств», а также «Положение о порядке оценки результатов индивидуального обучения сотрудника УИС РФ, проходящего испытание» [10].

Важным организационно-правовым аспектом испытания сотрудника при поступлении на службу в УИС выступают временные границы подготовки документа о его завершении. Не позднее 14 дней до окончания срока испытания непосредственный руководитель сотрудника подготавливает заключение в письменной форме с указанием в нем двух возможных выводов:

о признании сотрудника, проходящего испытание, выдержавшим его;

о признании сотрудника, проходящего испытание, не выдержавшим испытания. На основании указанного заключения директор ФСИН России или уполномоченный руководитель не позднее чем за три дня до окончания срока испытания принимает одно из следующих решений:

о присвоении сотруднику, выдержавшему испытание, специального звания;

о расторжении с сотрудником, не выдержавшим испытания, контракта и увольнении его со службы в УИС [11, с. 180-186].

Принципиальным моментом правового регулирования порядка прохождения испытания со-

трудника при приеме на службу в УИС является не только обеспечение сотруднику прав и социальных гарантий во время срока его прохождения, но и зачет срока испытания в стаж службы (выслугу лет) в УИС за исключением периодов временной нетрудоспособности, других периодов, когда сотрудник не исполнял служебные обязанности. Поскольку согласно части 9 Федерального закона 2018 г. № 197-ФЗ, данные периоды не засчитываются в срок испытания.

Вместе с тем, закон предусмотрел категории граждан, которым испытания при приеме на службу в УИС не устанавливаются. К ним относятся:

граждане, назначаемые на должности высшего начальствующего состава, в том числе переводимые из других видов государственной службы в УИС, которым были присвоены специальные (воинские звания), ранее работавшие в учреждениях и органах УИС [12, с. 686-690];

для граждан, поступающих в образовательные организации высшего образования, подведомственные ФСИН России;

для граждан, назначаемых на должности по результатам конкурса;

для граждан, с которыми не заключается срочный контракт [13, с. 32-36].

Таким образом, испытания для граждан, поступающих на службу в УИС является релевантным современным правовым механизмом повышения эффективности профессиональной деятельности служб и подразделений учреждений и органов УИС на современном этапе ее развития, который, несомненно внес положительный вклад в процесс отбора кандидатов, назначения их на должности, диагностики их деловых, морально-волевых, других психологических характеристик, профессиональных компетенций сотрудников УИС. Данный правовой механизм, безусловно, имеет значительные перспективы развития и совершенствования, состоящие в комплексном применении правовых, организационных и психологических инструментов, проявляющихся при назначении сотрудников на должности в УИС. Одной из первоочередных перспектив на данном направлении является совместная деятельность кадровых подразделений и психологической службы УИС по организационно-методическому обеспечению проведения рассмотренных испытаний сотрудников. Обоснованному принятию управленческих решений, подготовке аргументированных заключений по результатам испытаний.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС»;

Межрегиональном круглом столе «Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи», состоявшемся 24 .04.2024 года в Вологодском институте права и экономики ФСИН России с докладом на тему: «Теоретико-методические аспекты патриотического воспитания курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России».

Заключение. Правовая основа проведения испытаний при поступлении на службу в УИС закреплена в статье 24 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». Основной целью проведения рассматриваемого испытания является определение уровня подготовки кандидата и его соответствие конкретной должности, на замещение которой он претендует. Испытание устанавливается на срок от двух до шести месяцев, при этом, по его результатам этот срок может сокращаться по ходатайству непосредственного руководителя в случае успешного его прохождения и достижения положительных результатов. Закон в частях 3-6 указанной нормы определяет шесть отдельных условий, рассмотренных в ходе теоретико-правового исследования, при которых осуществляется испытание.

Важным организационно-правовым аспектом испытания сотрудника при поступлении на службу в УИС выступают временные границы подготовки документа о его завершении с принятием одного из двух возможных решения: признании сотрудника, проходящего испытание, выдержавшим его, или признании сотрудника, проходящего испытание, не выдержавшим испытания. Влекшим, соответственно, принятие решения присвоить сотруднику, выдержавшему испытание, специального звания, или расторжении с сотрудником, не выдержавшим испытания, контракта и увольнении его со службы в УИС.

Принципиальным моментом правового регулирования порядка прохождения испытания сотрудника при приеме на службу в УИС является не только обеспечение сотруднику прав и социальных гарантий во время срока его прохождения, но и зачет срока испытания в стаж службы (выслугу лет) в УИС за исключением периодов временной нетрудоспособности, других периодов, когда сотрудник не исполнял служебные обязанности.

Рассмотренный правовой механизм обладает значительным потенциалом развития и совершенствования, комплексного применения правовых, организационных и психологических инструментов, проявляющихся при назначении сотрудников на должности в УИС. Одной из первоочередных перспектив на данном направлении является совместная деятельность кадровых подразделений и психологической службы УИС по организационно-методическому обеспечению проведения рассмотренных испытаний сотрудников. Обоснованному принятию управленческих решений, подготовке аргументированных заключений по результатам испытаний.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г., Емельянов С.Н. Психолого-педагогические основы формирования профессиональной культуры юриста в системе высшего профессионального образования. Учебное пособие для образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы Минюста России. Владимир, 2004.

[2] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Правовое сознание и социокультурные ценности обучающихся в образовательных организациях ФСИН России // Российский научный вестник. 2025. № 5. С. 238-244.

[3] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Теоретико-методические аспекты патриотического воспитания курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России // В сборнике: Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи. Сборник материалов межрегионального круглого стола. Вологда, 2024. С. 28-31.

[4] Ковалев О.Г. Основные этические требования, предписываемые сотрудникам уголовно-исполнительной системы при осуществлении служебной деятельности // Международный научный вестник. 2026. № 5. С. 538-543.

[5] Прикладная пенитенциарная психология: учебно-практическое пособие для психологов пенитенциарных учреждений / Ушатиков А.И., Ковалев О.Г., Деев В.Г., Поздняков В.М., Семенов В.А., Серов В.И., Соколов И.И., Солодников В.В., Сухов А.Н. 1999.

[6] Овчинников О.М., Ковалев О.Г. Психологические аспекты начального этапа служебной деятельности оперуполномоченного исправительной колонии уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 2. С. 19-21.

[7] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 05.07.2026).

[8] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Применение физической силы к осужденным в рамках международных стандартов // Право и образование. 2021. № 8. С. 88-95.

[9] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко

А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[10] Приказ Федераьной службы исполнения наказаний Российской Федерации ФСИН России от 13 января 2025 г. № 5 «Об утверждении Положения о порядке организации индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, проходящего испытания, изучения его личных и деловых качеств и Положения о порядке оценки результатов индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, проходящего испытание» // Garant.ru (дата обращения 05.07.2026).

[11] Ковалев О.Г. Особенности правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 180-186.

[12] Ковалев О.Г. Правовые вопросы соотношения службы в уголовно-исполнительной системе с другими видами государственной службы в Российской Федерации // Образование и право. № 4. С. 686-690.

[13] Майдыков А.А., Ковалев О.Г. Регламентирование деятельности ФСИН России как организационно-правовая основа функционирования этой службы // Российский следователь. 2009. № 21. С. 32-36.

References:

[1] Kovalev O.G., Yemelyanov S.N. Psychological and pedagogical foundations of the formation of a lawyer's professional culture in the system of higher professional education. A textbook for educational institutions of the penitentiary system of the Ministry of Justice of Russia. Vladimir, 2004.

[2] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Legal consciousness and socio-cultural values of students in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 238-244.

[3] Kovalev O.G., Semenova N.V. Theoretical and methodological aspects of patriotic education of cadets and students of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection: Patriotic education as the basis of the spiritual and moral formation of student youth. Collection of materials of the interregional round table. Vologda, 2024. pp. 28-31.

[4] Kovalev O.G. Basic ethical requirements prescribed to employees of the penitentiary system in the performance of their official duties // International Scientific Bulletin. 2026. No. 5. pp. 538-543.

[5] Applied penitentiary psychology: an educational and practical guide for psychologists of penitentiary institutions / Ushatikov A.I., Kovalev O.G., Deev V.G., Pozdnyakov V.M., Semenov V.A., Serov V.I., Sokolov I.I., Solodnikov V.V., Sukhov A.N. 1999.

[6] Ovchinnikov O.M., Kovalev O.G. Psychological aspects of the initial stage of the official activity of an operative in a correctional colony of the penal system // Penal system: law, economics, management. 2025. No. 2. pp. 19-21.

[7] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" // Garant.ru (accessed 07/05/2026).

[8] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. The use of physical force against convicts within the framework of international standards // Law and Education. 2021. No. 8. pp. 88-95.

[9] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[10] Order No. 5 of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation of the Federal Penitentiary Service of Russia dated January 13, 2025 "On Approval of the Regulations on the Procedure for Organizing Individual Training of an Employee of the Penitentiary System of the Russian Federation Undergoing Testing, Studying his Personal and Business Qualities, and the Regulations on the Procedure for Evaluating the Results of Individual Training of an Employee of the Penitentiary System of the Russian Federation passing the test" // Garant.ru (accessed 07/05/2026).

[11] Kovalev O.G. Features of the legal regulation of service in the penal system at the present stage of its development // International Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 180-186.

[12] Kovalev O.G. Legal issues of the relationship of service in the penal enforcement system with other types of public service in the Russian Federation // Education and Law. No. 4. pp. 686-690.

[13] Maydykov A.A., Kovalev O.G. Regulation of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia as the organizational and legal basis for the functioning of this service // Russian Investigator. 2009. No. 21. pp. 32-36.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-294-301

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

ПЕРЕДАЧА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ, В ГОСУДАРСТВО ГРАЖДАНСТВА ОСУЖДЁННОГО ИНОСТРАНЦА: ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ

Аннотация. *В статье исследуется проблема передачи исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в государство гражданства осужденного иностранного гражданина в контексте обеспечения права потерпевшего на возмещение вреда. Рассматривается противоречие между публичным интересом Российской Федерации в сокращении срока пребывания на ее территории осужденных иностранных граждан и частноправовым интересом потерпевшего в реальном исполнении имущественных обязанностей, установленных приговором суда. Обосновывается, что невозмещенный вред, причиненный преступлением, выступает не только процессуальным условием или основанием отказа в передаче исполнения наказания, но и самостоятельным фактором, способным блокировать применение данного института. Показано, что действующая модель, при которой вопрос о передаче исполнения наказания решается преимущественно на стадии исполнения приговора, не позволяет в полной мере учитывать перспективы компенсации вреда потерпевшему при назначении наказания. На основе анализа российского законодательства, Конвенции государств — участников СНГ о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и сравнительно-правового опыта государств СНГ формулируются предложения о развитии компенсационных механизмов, включая возможность использования специального фонда помощи потерпевшим с последующим регрессным взысканием, а также о нормативном закреплении обязанности суда учитывать потенциальную передаваемость наказания и исполнимость гражданско-правовых требований уже на стадии постановления приговора.*

Ключевые слова: *иностранный гражданин, осужденный, наказания, не связанные с лишением свободы, передача исполнения наказания, государство гражданства, потерпевший, возмещение вреда, гражданский иск, компенсационный фонд, уголовный процесс, исполнение приговора.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for Research on Problems of Security in Institutions of the Criminal Executive System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», Phd in Low

TRANSFER OF THE EXECUTION OF NON-CUSTODIAL SENTENCES TO THE STATE OF CITIZENSHIP OF A

CONVICTED FOREIGNER: PROBLEMS OF COMPENSATION FOR HARM TO THE VICTIM

Annotation. *The article examines the problem of transferring the execution of non-custodial sentences to the state of citizenship of a convicted foreign citizen in the context of ensuring the victim's right to compensation for harm. The author analyzes the contradiction between the public interest of the Russian Federation in reducing the period of stay of convicted foreigners on its territory and the private-law interest of the victim in the actual enforcement of property obligations established by a court judgment. It is argued that uncompensated harm caused by a crime is not merely a procedural condition or a ground for refusing the transfer of sentence execution, but also an independent factor capable of blocking the practical application of this institution. The article shows that the current model, under which the issue of transferring the execution of a sentence is mainly resolved at the stage of enforcement of the judgment, does not fully allow courts to take into account the prospects of compensating the victim at the sentencing stage. Based on the analysis of Russian legislation, the Convention of the CIS Member States on the Transfer of the Execution of Non-Custodial Sentences and comparative legal experience of CIS states, the author proposes to develop compensation mechanisms, including the use of a special victim compensation fund with subsequent recourse claims, as well as to legally establish the obligation of the court to take into account the potential transferability of the sentence and the enforceability of civil claims already at the stage of delivering the judgment.*

Key words: *foreign citizen, convicted person, non-custodial sentences, transfer of sentence execution, state of citizenship, victim, compensation for harm, civil claim, compensation fund, criminal procedure, enforcement of judgment.*

Вопрос о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в государство гражданства осужденного иностранного гражданина занимает особое место на пересечении уголовного, уголовно-процессуального, миграционного и международного права. Его значение определяется не только необходимостью обеспечить исполнение приговора за пределами Российской Федерации, но и более широкой задачей сокращения срока пребывания на территории государства лиц, утративших в связи с осуждением прежний миграционно-правовой статус. Вместе с тем правовое решение данной задачи не может строиться исключительно на публичном интересе удаления осужденного иностранца из страны. В каждом таком случае сохраняется интерес потерпевшего, которому преступлением причинен имущественный, физический или моральный вред и который вправе рассчитывать не на формальное признание своего статуса, а на реальное восстановление нарушенных прав.

Именно на стыке этих интересов возникает основная проблема исследуемого института. С одной стороны, передача исполнения наказания в государство гражданства осужденного иностранца позволяет избежать ситуации, при которой иностранный гражданин, осужденный к наказанию, не связанному с лишением свободы, продолжает находиться в Российской Федерации лишь потому, что назначенное наказание требует контроля или исполнения на территории государства вынесения приговора. С другой стороны, передача такого лица в государство гражданства может существенно осложнить исполнение судебного решения о возмещении вреда потерпевшему. В результате невозмещенный вред приобретает значение не только материально-правового последствия преступления, но и процессуального барьера, влияющего на возможность международного исполнения наказания.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает специальный порядок передачи исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания наказания в государство, гражданином которого является осужденный. В соответствии со статьей 469.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации такая передача осуществляется на основании судебного решения по результатам рассмотрения представления уполномоченного федерального органа, обращения осужденного или его представителя либо обращения компетентного органа иностранного государства. При этом закон прямо исключает передачу исполнения наказания, назначенного в виде штрафа. Статья 471.1 УПК РФ устанавливает основания отказа в передаче исполнения наказания или меры уголовно-правового характера, среди которых названы непризнание соответствующего деяния преступлением по законодательству государства гражданства осужденного, отсутствие согласия осужденного, неустановленное место жительства в иностранном государстве, несовместимость назначенного наказания с законодательством государства исполнения, а также невозмещение определенного судом ущерба, причиненного преступлением.

Данная законодательная конструкция в целом соответствует международно-правовой логике передачи исполнения наказаний. Конвенция государств — участников СНГ о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, заключенная в Ашхабаде 11 октября 2019 г., также связывает возможность передачи с выполнением ряда условий. Среди них принцип двойной наказуемости, согласие осужденного, наличие соответствующего вида наказания или меры уголовно-правового характера в законодательстве государства исполнения, а также отсутствие невозмещенного ущерба, определенного судебным решением. Таким образом, защита имущественных интересов потерпевшего включена в саму архитектуру международного механизма передачи: государство назначения наказания не должно передавать исполнение в другую юрисдикцию, если такое перемещение фактически приведет к утрате возможности взыскания вреда.

Однако практическая сложность заключается в том, что невозмещенный ущерб может иметь разную природу. В одних случаях он свидетельствует об уклонении осужденного от исполнения гражданско-правовых обязанностей, наличии имущества, которое скрывается, или о недобросовестном поведении. В других случаях ущерб не возмещен по причине объективной неплатежеспособности осужденного иностранного гражданина. Именно вторая ситуация наиболее проблемна. Если у осужденного нет имущества и он не имеет реальной возможности получить легальный доход на территории Российской Федерации, невозмещенный вред превращается в непреодолимое препятствие для передачи исполнения наказания. Передача невозможна, поскольку потерпевший не получил компенсацию; компенсация невозможна, поскольку осужденный не имеет средств; пребывание иностранца в Российской Федерации продлевается, хотя само государство заинтересовано в сокращении такого пребывания. В результате институт, задуманный как инструмент рационализации исполнения наказания и международного сотрудничества, фактически блокируется.

Эта проблема усугубляется особенностями миграционно-правового положения осужденного иностранца. Российское законодательство допускает ограничение выезда иностранного гражданина или лица без гражданства из Российской Федерации до отбытия или исполнения наказания либо до освобождения от наказания. Одновременно осуждение за определенные преступления может повлечь аннулирование разрешения на временное проживание, вида на жительство или разрешения на работу. В совокупности эти нормы формируют режим, при котором иностранный гражданин обязан оставаться в Российской Федерации для исполнения наказания и имущественных обязательств, но при этом может быть лишен легального инструмента получения дохода. С точки зрения потерпевшего такая модель не обеспечивает эффективного восстановления нарушенных прав, поскольку формальное удержание осужденного в стране не равнозначно реальному взысканию вреда. С точки зрения государства она также неэффективна, поскольку продлевает пребывание лица, дальнейшее нахождение которого на территории Российской Федерации не отвечает миграционным и публично-безопасностным целям.

Следует подчеркнуть, что право потерпевшего на возмещение вреда не может рассматриваться как факультативный элемент уголовного процесса. Конституционное значение защиты прав потерпевших от преступлений предполагает, что уголовное судопроизводство должно быть ориентировано не только на назначение наказания виновному, но и на восстановление нарушенного имущественного и личного положения потерпевшего. В доктрине уголовного процесса неоднократно отмечалось, что потерпевший является самостоятельным участником уголовно-процессуальных отношений, чьи права не должны растворяться в публичном интересе уголовного преследования. Применительно к передаче исполнения наказания это означает, что вопрос о международном перемещении исполнения не может решаться без оценки последствий для потерпевшего. Передача, которая делает взыскание вреда невозможным или существенно затруднительным, противоречила бы восстановительной функции уголовного судопроизводства.

Вместе с тем абсолютизация требования предварительного возмещения вреда также порождает негативные последствия. Если передача исполнения наказания всегда блокируется невозмещенным ущербом, независимо от причин его невозмещения, институт передачи оказывается применимым преимущественно к платежеспособным осужденным. Неплатежеспособные иностранные граждане, напротив, остаются в Российской Федерации, хотя именно в отношении них достижение целей наказания и возмещение вреда зачастую наиболее затруднены. Такой результат не соответствует принципу эффективности уголовно-процессуального регулирования. Закон должен различать виновное уклонение от возмещения вреда и объективную невозможность компенсации при отсутствии имущества и дохода. В первом случае отказ в передаче обоснован. Во втором случае необходимы дополнительные юридические механизмы, позволяющие защитить потерпевшего без искусственного сохранения правового тупика.

Важное значение имеет то обстоятельство,

что российское регулирование решает вопрос о передаче исполнения наказания преимущественно на стадии исполнения приговора. На этой стадии суд уже связан назначенным наказанием, установленным размером вреда, принятыми решениями по гражданскому иску и фактическим положением осужденного. Между тем многие условия передаваемости наказания и перспективы возмещения вреда могут и должны оцениваться ранее — при назначении наказания и постановлении приговора. Если подсудимый является иностранным гражданином, суду необходимо учитывать, возможно ли исполнение выбранного наказания в государстве его гражданства, предусмотрен ли аналогичный вид наказания в иностранном законодательстве, имеются ли международно-правовые основания передачи, установлено ли место жительства лица в государстве гражданства, каковы перспективы исполнения гражданского иска и какие последствия повлечет аннулирование миграционного или трудового статуса. Такая оценка не должна подменять индивидуализацию наказания, но она способна повысить реальную исполнимость приговора.

Особенно остро проблема проявляется применительно к штрафу. Российский законодатель прямо исключает передачу исполнения наказания, назначенного в виде штрафа, в государство гражданства осужденного в порядке статьи 469.1 УПК РФ. Это означает, что если иностранный гражданин осужден к штрафу, а также обязан возместить вред потерпевшему, его правовое положение может оказаться еще более сложным. Он не может быть передан для исполнения штрафа в государство гражданства, может быть ограничен в выезде до исполнения наказания и одновременно может утратить право на трудовую деятельность. Такая конструкция не способствует ни исполнению наказания, ни восстановлению прав потерпевшего. В этих условиях при назначении штрафа иностранному гражданину суду необходимо учитывать не только тяжесть преступления и имущественное положение лица в момент рассмотрения дела, но и последующие миграционно-правовые последствия, влияющие на реальность исполнения наказания.

Передача исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, должна рассматриваться не как техническая процедура после приговора, а как элемент общей стратегии исполнения уголовно-правового воздействия в отношении иностранного гражданина. Если государство стремится сократить срок нахождения таких лиц на своей территории, оно должно заранее проектировать исполнимый правовой маршрут: назначение наказания, решение вопроса о вреде, определение возможности передачи, обеспечение контроля в государстве исполнения, защита потерпевшего, последующее взаимодействие компетентных органов. Отсутствие такой системности приводит к тому, что правовая система одновременно создает препятствия для выезда, ограничивает трудовую правоспособность и требует имущественного исполнения, не предоставляя реального механизма для достижения всех этих целей.

Сравнительно-правовой опыт государств СНГ показывает, что проблема возмещения вреда потерпевшему при перемещении осужденного иностранца решается не только путем запрета передачи до полного погашения ущерба. В ряде государств развиваются компенсационные модели, предполагающие участие специальных фондов или бюджетных механизмов в выплатах потерпевшим. Наиболее показателен опыт Республики Казахстан, где законодательство предусматривает Фонд компенсации потерпевшим и принудительные платежи, взыскиваемые с виновных лиц. Такая модель не освобождает преступника от имущественных последствий, но позволяет отделить первоочередную защиту потерпевшего от длительного и часто неэффективного взыскания с неплатежеспособного лица. После выплаты компенсации государство сохраняет возможность регрессного взыскания с виновного или иных лиц, несущих материальную ответственность по закону.

Компенсационный фонд в рассматриваемом контексте имеет не только социальную, но и уголовно-процессуальную функцию. Он способен устранить одно из ключевых препятствий для передачи исполнения наказания, если невозмещенный вред обусловлен не уклонением осужденного, а объективной невозможностью взыскания. Если потерпевший получает компенсацию в установленном законом объеме из специального фонда, государство может более гибко решать вопрос о передаче исполнения наказания в государство гражданства осужденного. При этом интерес потерпевшего не приносится в жертву миграционной целесообразности, а публичный интерес в сокращении срока пребывания иностранца не блокируется полностью его неплатежеспособностью. В дальнейшем государство реализует регрессные требования, в том числе после установления имущества осужденного, его доходов в государстве гражданства либо иных источников взыскания.

Российское право пока не содержит полноценного универсального механизма компенсации вреда потерпевшим от преступлений за счет специального фонда. Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» 2020 г. указывает на возможность формирования таких

фондов и закрепления публичных обязательств перед потерпевшими, однако модельные акты не заменяют национального регулирования. Для Российской Федерации вопрос создания компенсационного фонда сохраняет дискуссионный характер, поскольку связан с бюджетной нагрузкой, определением круга преступлений, объемом компенсации, механизмом регресса и предотвращением злоупотреблений. Однако применительно к передаче исполнения наказаний иностранным гражданам такой фонд мог бы использоваться не как всеобщий и неограниченный механизм, а как адресный инструмент разрешения конкретной межотраслевой коллизии.

Возможна и более узкая модель, не предполагающая немедленного создания универсального фонда. Например, закон может предусмотреть специальную процедуру обеспечения требований потерпевшего при решении вопроса о передаче исполнения наказания. Такая процедура могла бы включать обязательную проверку имущественного положения осужденного, установление наличия имущества в Российской Федерации и государстве гражданства, направление запросов компетентным органам иностранного государства, оценку возможности исполнения гражданского иска за рубежом, получение гарантий исполнения имущественных требований, а также определение источника компенсации в случае невозможности взыскания. Если иностранное государство принимает исполнение наказания, но не обеспечивает исполнение гражданско-правовой части приговора, передача может оказаться неполной с точки зрения прав потерпевшего. Поэтому международное сотрудничество должно включать не только контроль за поведением осужденного, но и содействие взысканию ущерба.

Необходимо также учитывать различие между наказанием и гражданско-правовыми последствиями преступления. Передача исполнения наказания не должна автоматически означать передачу или прекращение исполнения гражданского иска. Гражданско-правовые требования потерпевшего сохраняют самостоятельное значение. Однако если в государстве исполнения отсутствует механизм признания и исполнения гражданско-правовой части приговора, либо если такой механизм формален и неэффективен, передача наказания может привести к фактическому ослаблению защиты потерпевшего. В связи с этим представляется целесообразным при рассмотрении вопроса о передаче исполнения наказания устанавливать, каким образом будет исполняться решение о возмещении вреда: через признание гражданско-правовой части приговора, отдельное гражданское производство, международную правовую помощь, удержания из доходов осужденного в государстве исполнения или иной механизм.

Особое значение имеет согласие потерпевшего или, по крайней мере, учет его позиции. Действующее регулирование передачи исполнения наказаний ориентировано прежде всего на взаимодействие суда, уполномоченных органов, осужденного и иностранного государства. Потерпевший формально не является центральным субъектом этой процедуры, хотя последствия передачи напрямую затрагивают его имущественные интересы. Представляется обоснованным закрепить обязанность суда уведомлять потерпевшего о рассмотрении вопроса о передаче исполнения наказания и предоставлять ему возможность изложить позицию относительно исполнения гражданского иска, наличия задолженности, поведения осужденного и возможных рисков утраты реального взыскания. Такая позиция не должна иметь абсолютного блокирующего значения, поскольку вопрос передачи относится к сфере международного сотрудничества и исполнения приговора, но она должна учитываться судом при оценке соблюдения прав потерпевшего.

Вопрос о невозмещенном вреде не следует решать формально. Сам по себе факт непогашенной задолженности не всегда должен автоматически исключать передачу. Суду необходимо выяснять причины невозмещения, наличие у осужденного реальных возможностей погасить вред, поведение лица после приговора, наличие частичных выплат, предложения о рассрочке, имущество, подлежащее обращению взыскания, а также перспективы получения дохода в государстве гражданства. Если осужденный добросовестно принимает меры к компенсации, а его пребывание в Российской Федерации без права на труд не способствует дальнейшему взысканию, передача в государство гражданства при наличии гарантий исполнения имущественных обязательств может быть более эффективной для потерпевшего, чем сохранение формального запрета на выезд. Напротив, если осужденный скрывает имущество, уклоняется от выплат или передача очевидно приведет к невозможности взыскания, отказ в передаче должен рассматриваться как оправданный.

Данная проблема требует изменения подхода к стадии назначения наказания. При рассмотрении уголовного дела в отношении иностранного гражданина суд должен иметь возможность запрашивать сведения, необходимые для оценки будущей передаваемости наказания. К таким сведениям могут относиться гражданство подсудимого, наличие постоянного места жительства в государстве гражданства, наличие семьи и имущества за рубежом, правовая возможность исполнения соответствующего наказания в иностранном государстве, наличие международного

договора, позиция компетентных органов, размер вреда и вероятность его возмещения. На основе этих данных суд мог бы мотивированно выбирать наказание, которое не только соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, но и реально может быть исполнено без нарушения прав потерпевшего. Такой подход согласуется с принципом индивидуализации наказания, поскольку исполнимость является важным условием эффективности уголовно-правового воздействия.

Нельзя исключать и развитие специальных соглашений между компетентными органами о передаче исполнения наказания с одновременным урегулированием имущественных требований потерпевшего. В таких соглашениях могли бы предусматриваться порядок контроля за исполнением обязанностей осужденного, возможность удержаний из доходов в государстве гражданства, обмен информацией о выплатах, признание решений о гражданском иске, уведомление потерпевшего и российских органов о ходе исполнения. Принцип взаимности, закрепленный в уголовно-процессуальном законодательстве, позволяет использовать гибкие формы сотрудничества даже при отсутствии детальной договорной регламентации, однако для защиты потерпевшего предпочтительна более определенная модель. Чем яснее процедура исполнения имущественных требований после передачи, тем меньше оснований рассматривать невозмещенный вред как абсолютное препятствие.

Отдельно следует рассмотреть случаи, когда причиненный преступлением вред имеет значительный размер, а осужденный иностранный гражданин не обладает имуществом. В такой ситуации передача исполнения наказания может быть поставлена в зависимость от компенсационного решения, не сводимого к действиям самого осужденного. Возможны несколько вариантов. Первый — отказ в передаче до полного или частичного возмещения вреда, если имеются основания полагать, что осужденный располагает имуществом или уклоняется от исполнения. Второй — передача при наличии гарантий иностранного государства содействовать взысканию и контролировать имущественные обязанности осужденного. Третий — выплата потерпевшему компенсации из публичного фонда с последующим регрессом к осужденному. Четвертый — сочетание частичной компенсации, рассрочки и передачи исполнения наказания. Российское законодательство должно предусматривать возможность такой дифференциации, поскольку единое правило о невозмещенном вреде как основании отказа не всегда позволяет достигнуть справедливого результата.

В научной литературе по вопросам возмещения вреда потерпевшим справедливо подчеркивается, что восстановление социальной справедливости не может ограничиваться наказанием виновного. Материальное восстановление нарушенного положения потерпевшего является самостоятельным компонентом справедливого уголовного судопроизводства. Для осужденных иностранных граждан этот тезис приобретает особое значение: их последующее перемещение за пределы Российской Федерации не должно превращать решение о компенсации в формальность. В то же время восстановительная функция не должна использоваться как основание для неопределенно долгого удержания иностранца в стране, если реального механизма взыскания нет. Следовательно, требуется не конкуренция между передачей исполнения наказания и защитой потерпевшего, а их процессуальное согласование.

Предлагаемая модель согласования может включать несколько элементов. Во-первых, на стадии постановления приговора суд должен указывать, является ли назначенное наказание потенциально пригодным для передачи исполнения в государство гражданства осужденного, и какие обстоятельства могут препятствовать такой передаче. Во-вторых, при наличии вреда потерпевшему суд должен определять не только размер компенсации, но и первичный механизм ее исполнения, учитывая миграционный статус осужденного. Во-третьих, при рассмотрении вопроса о передаче исполнения наказания потерпевший должен быть уведомлен и вправе представить возражения или сведения о невыполненных обязательствах. В-четвертых, отказ в передаче по мотиву невозмещения вреда должен быть мотивированным и основанным на оценке причин невозмещения, а не только на формальном наличии задолженности. В-пятых, при объективной неплатежеспособности осужденного должен применяться компенсационный или гарантийный механизм, исключающий оставление потерпевшего без защиты. В-шестых, государство должно сохранять регрессные требования к осужденному после выплаты компенсации потерпевшему.

Особое место в этой модели занимает вопрос о финансировании компенсации. Создание фонда помощи потерпевшим требует определения источников его формирования. Сравнительно-правовой опыт показывает, что такими источниками могут быть принудительные платежи, взыскиваемые с осужденных, суммы от реализации конфискованного имущества, денежные взыскания за нарушение процессуальных обязанностей, регрессные поступления и иные неналоговые доходы. Для России возможна постепенная модель: сначала фонд может охватывать ограниченные категории преступлений, наиболее значимые с точки зрения защиты жизни, здоровья,

половой неприкосновенности, а также случаи, когда потерпевший лишается возможности получить компенсацию в связи с передачей исполнения наказания иностранному государству или выдворением осужденного. Такой подход снизит бюджетные риски и позволит оценить эффективность механизма.

Следует подчеркнуть, что компенсационный механизм не должен подменять гражданский иск и исполнительное производство. Он должен использоваться как дополнительная гарантия, когда обычные способы взыскания не обеспечивают реальной защиты. В отношении осужденных иностранных граждан это особенно важно, поскольку трансграничный элемент всегда осложняет исполнение имущественных требований. Если осужденный передается в государство гражданства, российские органы теряют часть фактических возможностей контроля. Если же он остается в Российской Федерации без права на работу и имущества, формальные возможности контроля не приводят к материальному результату. В обоих случаях потерпевший нуждается в более надежной правовой гарантии.

В заключение следует отметить, что передача исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в государство гражданства осужденного иностранного гражданина является важным инструментом международного уголовно-процессуального сотрудничества и одновременно средством сокращения необоснованного срока пребывания таких лиц на территории Российской Федерации. Однако эффективность данного института существенно ограничивается проблемой возмещения вреда потерпевшему. Невозмещенный ущерб, с одной стороны, обоснованно рассматривается как препятствие передаче, поскольку государство обязано защищать права потерпевшего и не допускать утраты реального взыскания. С другой стороны, формальное применение этого препятствия без учета причин невозмещения способно создавать правовой тупик, при котором иностранный гражданин не передается, но и не имеет реальной возможности исполнить имущественные обязанности.

Оптимальное разрешение данной проблемы требует межотраслевого подхода. Передаваемость наказания и исполнимость гражданско-правовых требований должны оцениваться не только на стадии исполнения приговора, но и при назначении наказания. Суду необходимо учитывать гражданство подсудимого, его миграционный статус, наличие правовых оснований для передачи исполнения наказания, возможность исполнения выбранного наказания в государстве гражданства, размер вреда, имущественное положение осужденного и перспективы компенсации потерпевшему. Вопрос о невозмещенном вреде должен решаться дифференцированно: уклонение осужденного от компенсации должно препятствовать передаче, тогда как объективная неплатежеспособность требует применения дополнительных гарантий защиты потерпевшего, а не автоматического блокирования института передачи.

Развитие российского законодательства в данной сфере целесообразно осуществлять по нескольким направлениям. Необходимо закрепить более активное участие потерпевшего в процедуре рассмотрения вопроса о передаче исполнения наказания; предусмотреть обязанность суда мотивированно оценивать причины невозмещения вреда; развивать механизмы международного исполнения гражданско-правовой части приговора; создать или апробировать специальный компенсационный механизм для случаев, когда передача исполнения наказания иностранному государству невозможна либо затруднена из-за неплатежеспособности осужденного; обеспечить последующее регрессное взыскание выплаченных сумм. Только при таком подходе передача исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, сможет одновременно служить целям уголовной политики, миграционной безопасности и реальной защиты прав потерпевших.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

[2] О ратификации Конвенции государств — участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы : Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 570-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 51. Ст. 9154.

[3] Конвенция государств — участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы : заключена в г. Ашхабаде 11 октября 2019 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата опубликования: 10 апреля 2024 г.

[4] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

[5] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

[6] Модельный закон «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» : принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-28 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2020.

[7] Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование : научно-практическое пособие / А. С. Автономов, В. Ю. Артемов, И. С. Власов [и др.] ; отв. ред. С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2016. 304 с.

[8] Правовая защита потерпевших в зарубежных странах : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2017. 304 с.

[9] Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ : монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, В. Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. И. С. Власов, Н. А. Голованова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. 496 с.

[10] Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2019. 424 с.

[11] Панфилов Г. П. Механизмы имущественного возмещения вреда жертвам преступлений: опыт зарубежных стран // Право и политика. 2020. № 6. С. 38–50. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.6.32958..

[12] Семыкина О. И. Принцип гуманизма как средство обеспечения запрета пыток // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 52–65. DOI: 10.12737/jflcl.2021.053.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52, part I. Art. 4921.

[2] On ratification of the Convention of the Member States of the Commonwealth of Independent States on the Transfer of Non-custodial Sentences: Federal Law of December 12, 2023 No. 570-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 51. Art. 9154.

[3] Convention of the Commonwealth of Independent States on the transfer of non-custodial sentences: concluded in Ashgabat on October 11, 2019 // Official Internet portal of legal information. Published: 10 April 2024.

[4] On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation: Federal Law of August 15, 1996 No. 114-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029.

[5] On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.

[6] Model law "On compensation for harm caused to citizens who have suffered from crimes": adopted by resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS member states dated November 27, 2020 No. 51-28 // Newsletter of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS member states. 2020.

[7] Compensation for material harm to victims. Comparative legal research: scientific and practical manual/A. S. Avtonomov, V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov [and others]; resp. ed. S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law firm "Contract," 2016. 304 pp.

[8] Legal protection of victims in foreign countries: monograph/V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanova [and others]; resp. ed. S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 2017. 304 pp.

[9] Migration and crime: comparative legal analysis: monograph/I. S. Vlasov, N. A. Golovanova, V. Yu. Artemov [and others]; resp. ed. I. S. Vlasov, N. A. Golovanova. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Contract Law Firm, 2012. 496 pp.

[10] New directions for the development of criminal legislation in foreign countries: comparative legal research: monograph/V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanova [and others]; resp. ed. N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law firm "Contract," 2019. 424 p.

[11] Panfilov G.P. Mechanisms of property compensation for victims of crimes: experience of foreign countries // Law and politics. 2020. № 6. S. 38-50. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.6.32958..

[12] Semykina O. I. The principle of humanism as a means of ensuring the prohibition of torture // Journal of foreign legislation and comparative law. 2021. VOL. 17. № 5. S. 52-65. DOI: 10.12737/jflcl.2021.053.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-302-307

КУПЦОВ Иван Андреевич,
Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербурга,
e-mail: kuptsov.ivan@gmail.com

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ИНИЦИИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 198-199.2 УК РФ

Аннотация. *В статье подробно исследуются изменения, связанные с процедурой возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях и делается попытка определить феномен исключительного повода для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела; исключительный повод для возбуждения уголовных дел; правовая определенность; основание уголовной ответственности; налоговые преступления.*

KUPTSOV Ivan Andreevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Process, HSE Faculty of Law, St. Petersburg

ANALYSIS OF LEGISLATION REGULATING THE INITIATION OF CRIMINAL PROSECUTION FOR CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 198-199.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines in detail the changes related to the procedure for initiating criminal proceedings on tax crimes and attempts to determine the phenomenon of an exceptional reason for initiating criminal proceedings on tax crimes.*

Key words: *initiation of criminal proceedings; exceptional reason for initiation of criminal cases; legal certainty; tax crime.*

С введением в действие ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ, в последующем и ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, а также ч. 3 ст. 32 НК РФ, инициирование органами предварительного следствия процессуальной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ в отсутствие обращения налоговых органов с соответствующими материалами налоговой проверки стало невозможным.

Необходимо отметить, что помимо ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ ранее также действовала ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ. В 2014 году ст. 140 УПК РФ была дополнена ч. 1.2, закрепляющей в качестве единственного повода для возбуждения уголовных дел о фальсификации финансовых документов учета и отчётности финансовой организации (ст. 176.1 УК РФ) – материалы Центрального Банка РФ или конкурсного управляющего, направляемые для возбуждения дела о фальсификации финансовых документов учета и отчётности финансовой организации. Процедура их направления была идентична процедуре направления материалов налоговой проверки. Указанные материалы так же, как и материалы налоговой проверки, могли направляться только в случае неисполнения требований ЦБ РФ об устранении нарушений, связанных с предоставлением или публикацией отчетности (ст. 75.1, 76.8 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ).

Часть 1.1 ст. 140 УПК РФ была отменена в 2014 году, часть 1.2 – в 2018 году.

Их отмена во многом была обусловлена как общей критикой, которая высказывалась в специальной литературе применительно к работе

законодателя по либерализации уголовной политики и снижению уголовно-правовой репрессии, в частности, относительно уголовных дел по экономическим преступлениям [4, с. 32-45], так и критикой применительно только к производству по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Так, Г.К. Смирнов дополнительно к ранее указанному отмечал, что «ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ нарушает стабильность уголовного судопроизводства, принцип равенства всех перед законом и судом и принцип неотвратимости наказания: 1) невозможно привлечь к уголовной ответственности юридическое лицо, нарушившее свою налоговую обязанность, в случае его реорганизации; согласно п. 2 ст. 50 НК РФ в таком случае налоговый орган выносит решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения; 2) возможность отмены решения налогового органа, которое является поводом к возбуждению уголовного дела, вышестоящим налоговым органом или судом» [5, с. 22-31]. Особую обеспокоенность автора вызывает возможность отмены такого решения исключительно по процессуальным основаниям (нарушение процедуры НК РФ). Отмена решения, в свою очередь, ведет к неопределенности статуса уже возбужденного уголовного дела. В результате автор заключает, что «такое законоположение дает возможность некоторым уклоняться от уголовной ответственности, так как в приведенных случаях даже несмотря на наличие признаков налогового преступления невозможно возбудить уголовное дело» [5, с. 22-31].

А.Р. Шарипова, поддерживая высказанные замечания к действию ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ, указала, что «новый повод не соответствует целям и задачам уголовного преследования. Во-первых, налоговые органы не обладают должными полномочиями по раскрытию преступлений, в том числе по проведению оперативно-розыскных мероприятий. Процедура НК РФ по привлечению к налоговой ответственности не является адекватной для выявления скрываемых преступлений. Во-вторых, установленные НК РФ процессуальные гарантии, например, ограничение на повторные проверки (п. 10 ст. 89 НК РФ), ограничение их количества (п. 5 ст. 89 НК РФ) и проверяемого срока (п. 4 ст. 89 НК РФ), фактически сокращает предусмотренные ст. 78 УК РФ сроки давности до 3 лет» [8, с. 94-96].

В целом, критика со стороны научного сообщества и практиков имела право на существование, в том числе из-за неприведения в соответствие отдельных законодательных положений друг с другом при введении в действие ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ.

Так, например, согласно ст. 76.1 УК РФ освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности возможно:

а) в отношении лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное ст. 198-199.1 УК РФ, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ);

б) в отношении лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное ст. 199.2 УК РФ, если возместило ущерб, причиненный государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ).

Также, согласно ч. 3 ст. 76.1 УК РФ, лицо освобождается от уголовной ответственности при выявлении факта совершения им до 1 января 2015 года либо до 1 января 2022 года деяний, содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ, при условии, если это лицо является декларантом или лицом, информация о котором содержится в соответствующей специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и если такие деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом и (или) контролируемыми иностранными компаниями, информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации, и (или) с открытием и (или) зачислением денежных средств на счета (вклады), информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации. В этом случае не применяются положения частей первой и второй рассматриваемой статьи в части возмещения ущерба, перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения и полученного дохода.

Согласно ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ материалы налоговой проверки, являющиеся единственным поводом для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, направлялись в следственные органы на основании норм, закрепленных в НК РФ. При этом согласно п. 3 ст. 32 НК РФ (в редакции от 03.07.2016 № 243-ФЗ) материалы налоговой проверки для возбуждения уголовного дела направляются только в том случае, если требование об уплате налога не было исполнено налогоплательщиком в течение 2-х месяцев с момента истечения срока его исполнения (в нынешней редакции п. 3 ст. 32 НК РФ – в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение

налогового правонарушения). Из этого следует, что лицо, не впервые совершившее налоговое преступление, но исполнившее в установленный срок свою налоговую обязанность (требование об уплате налога), избежит уголовной ответственности, хотя уголовным законодательством – ст. 76.1 УК РФ – не предусмотрено подобных оснований для освобождения лица от уголовной ответственности.

Кроме того, важно обратить внимание, что установленные УК РФ составы налоговых преступлений считаются оконченными не только до неисполнения решения о привлечении к налоговой ответственности, но и до проведения мероприятий налогового контроля и направления требования об уплате налога.

Согласно п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» преступления, предусмотренные ст. 198, 199 УК РФ, следует считать оконченными в момент фактической неуплаты налогов (сборов) в срок, установленный налоговым законодательством. Согласно п. 19 указанного Постановления преступление, предусмотренное ст. 199.1 УК РФ, является оконченным с момента неперечисления налоговым агентом в личных интересах в порядке и сроки, установленные налоговым законодательством (п. 3 ст. 24 НК РФ), в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) сумм налогов и (или) сборов в крупном или особо крупном размере, которые он должен был исчислить и удержать у налогоплательщика. Состав преступления по ст. 199.2 УК РФ является материальным, преступление считается оконченным с момента воспрепятствования принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере. Как указано в п. 21 Постановления, уголовная ответственность по ст. 199.2 УК РФ может наступить после истечения срока, установленного в полученном требовании об уплате налога, сбора, страхового взноса (ст. 69 НК РФ).

Приведем пример. Согласно ч. 4 ст. 289 НК РФ налоговая декларация по указанному налогу должна быть представлена в срок до 28 марта года, следующего за истекшим налоговым периодом (календарный год). Если налогоплательщик не подаст декларацию по налогу на прибыль организаций (глава 25 НК РФ) в этот срок, то преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, будет считаться оконченным в момент, когда к указанному сроку лицо не подаст декларацию и не уплатит налог.

До введения ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ дела о налоговых преступлениях могли быть возбуждены независимо от того, была ли проведена налоговая проверка и было ли вынесено решение о привлечении к налоговой ответственности или нет. Таким образом, уголовное преследование могло быть начато уже с момента окончания налоговых преступлений. С введением в действие ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ одного только наличия в действиях субъекта состава налогового преступления стало недостаточно, так как налоговая проверка в любом случае проводится после нарушения сроков уплаты налога, а сами материалы налоговой проверки направляются значительно позже окончания проведения налоговой проверки (п. 3 ст. 32 НК РФ).

Для более полноценного понимания сущности проводимой налоговыми органами проверки и формируемых ими материалов нами вводится понятие налоговая предустановленность, под которой понимается наличие юридически значимых обстоятельств (событие налогового правонарушения, факт вынесения решения налоговым органом о привлечении лица к налоговой ответственности, факт умышленного причинения вреда в крупном (особо крупном) размере, факт неисполнение требования об уплате налога в установленный срок), установленных в ходе административной деятельности налоговых органов по производству налоговой проверки (налоговому контролю) и отраженных ими в соответствующих материалах, составляющих содержание «исключительного» повода для инициирования уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ.

В рассматриваемом аспекте налоговая предустановленность как результат налоговой проверки (налогового контроля) стала выступать в качестве одного из обеспечительных средств предпринимательской деятельности при формировании повода для инициирования уголовного преследования по налоговым преступлениям.

Таким образом, налоговая предустановленность, как нововведённое обеспечительное средство (в период с 2011 года по 2014 год) обусловило формирование у правонарушителей законного ожидания, что даже после окончания совершения налогового преступления и установления инспекцией одного из фактов его объективной стороны – крупного (особо крупного) размера недоимки – они могут избежать уголовной ответственности, если уплатят налог в установленный п. 3 ст. 32 НК РФ срок. Согласно действовавшему на тот момент законодательству, уголовная ответственность за такие деяния никогда не могла наступить при отсутствии указанной выше налоговой предустановленности, необходимой для последующего обращения налоговых органов с целью инициирования уголовного преследования в порядке ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ и п. 3 ст. 32 НК РФ. Действительно, в случае отсутствия одного из обстоятельств налоговой предустановленности (на-

пример, факта вынесения решения налоговым органом о привлечении к налоговой ответственности по результатам налогового контроля, либо в случае исполнения требования об уплате налога в установленный срок) наступление уголовной ответственности было невозможно, и наказание за налоговые преступления не могло быть применено.

Учитывая важность и неоднозначность с позиции решения задач уголовного судопроизводства рассматриваемой процедуры, она неоднократно была предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ (рассматривался вопрос соотношения процедур налогового контроля и расследования уголовных дел о налоговых преступлениях, вопрос о возможности отмены постановления о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа и повторного возбуждения уголовного дела после изменения процедуры возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, а также вопрос о соотношении ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ и прежней процедуры возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях со сроками предварительного следствия – Определения КС РФ от 27.09.2016 № 2153-О, от 28.01.2016 № 67-О, от 16.07.2013 № 1111-О), однако материально-правовые последствия применения ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ не были предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ.

Вопрос о возможном материально-правовом значении ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ был предметом рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации.

Введенный ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ порядок возбуждения уголовных дел был воспринят некоторыми практикующими юристами как материальная уголовно-правовая норма, улучшающая положение обвиняемого и имеющая обратную силу согласно ст. 10 УК РФ. Данная позиция была выражена в Определении Верховного Суда РФ от 19.01.2012 № 201-Д11-19. К сожалению, она не была раскрыта в данном судебном акте. Попытаемся сделать это самостоятельно.

По сути подателями жалобы в Верховный Суд РФ заявлялось, что вместе с введением ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ должны были последовать изменения в ст. 198-199.2 УК РФ путем дополнения условия о том, что уголовная ответственность наступает только в случае наличия решения о привлечении лица к налоговой ответственности и неисполнения им требования об уплате налога в установленный срок. Однако Верховный Суд РФ не согласился с таким мнением, указав, что ст. 10 УК РФ применяется только в случае принятия материального уголовного закона и не распространяется на случаи изменения уголовно-процессуального закона (Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2012 № 201-Д11-19).

С одной стороны, Верховный Суд РФ прав. Никаких изменений в УК РФ не вносилось. Статья 10 УК РФ могла быть применена, если бы составы налоговых преступлений были в действительности изменены и дополнены условием о том, что уголовная ответственность наступает только в случае наличия решения о привлечении лица к налоговой ответственности и неисполнения им требования об уплате налога в установленный срок. Однако таких изменений составов налоговых преступлений принято не было, поэтому надлежит руководствоваться ст. 4 УПК РФ, то есть применять закон, действующий во время производства процессуального действия или принятия процессуального решения.

Также об изменении составов налоговых преступлений нельзя говорить исходя из бланкетности диспозиций данных составов, признаки которых определяются на основании НК РФ [3, с. 485]. Декриминализация налогового преступления возможна в результате изменений НК РФ, когда изменяются нормы, определяющие обязанности налогоплательщиков или налоговых агентов. Однако п. 3 ст. 32 НК РФ не является нормой, на основании которой определяется объективная сторона налогового преступления. Пункт 3 ст. 32 НК РФ является процедурной нормой, определяющей публично-правовые обязанности налоговых органов по направлению материалов налоговой проверки в следственные органы и не устанавливающей какие-либо обязанности в отношении налогоплательщика.

Об изменении составов налоговых преступлений не может свидетельствовать и то обстоятельство, что с введением ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ лицо, совершившее налоговое преступление, но исполнившее в срок требование об уплате налога, избежит уголовной ответственности, хотя уголовным законодательством – ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ, не предусмотрено подобных оснований для освобождения лица от уголовной ответственности. Да, действительно, момент окончания налоговых преступлений предшествует налоговой проверке и направлению требования об уплате налога. Даже если у налогового органа имеются сведения о совершении налогового преступления, но налогоплательщик исполнил требование об уплате налога, соответствующие материалы для возбуждения уголовного дела не будут направлены.

Однако не привлечение к уголовной ответственности лица, подлежащего уголовной ответственности за совершенное преступление, и отсутствие в УК и УПК РФ норм об освобождении от уголовной ответственности само по себе еще не означает, что законодатель ошибся, не изменив ст. 198-199.2 УК РФ после введения ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ.

Решая вопрос о применении ст. 10 УК РФ, Верховный Суд РФ, по всей видимости, руководствовался следующим.

Важно различать момент возникновения права у правоохранительных органов на привлечение лица к уголовной ответственности и обязанности субъекта налогообложения ответить за содеянное налоговое преступление, а также их реализацию. Возникновение уголовной ответственности связано с фактом совершения налогового преступления конкретным лицом. В этот момент между ним и государством возникает уголовно-правовое отношение, в рамках которого лицо привлекается к уголовной ответственности. Последняя с момента совершения налогового преступления существует в виде единственного своего элемента – обязанности налогоплательщика отчитаться перед государством в содеянном, подвергнуться осуждению и уголовному наказанию. В свою очередь, привлечение к уголовной ответственности за налоговые преступления, как было отмечено ранее, представляет собой определенную процедуру, которая включает в себя несколько этапов уже в рамках последующего уголовного судопроизводства. В этой связи уголовная ответственность за налоговые преступления считается возникшей с момента совершения налогового преступления, и её основанием является наличие состава преступления в действиях налогоплательщика, устанавливаемое в процессе осуществления уголовного преследования за совершенное налоговое преступление [2, с. 37; 6, с. 87, 230; 7, с. 206]. Однако, возникшая после совершения налогового преступления уголовная ответственность в рамках уголовного процесса может быть вообще не реализована, либо реализована не в полной мере [7, с. 206]. Например, когда по каким-либо причинам отсутствует важная предпосылка, в нашем случае – отсутствует налоговая предустановленность, которая как сложный юридический факт предполагает необходимость наличия всех обстоятельств, составляющих ее содержание, в том числе факт неисполнения требования об уплате налога в установленный срок, либо когда изобличаемое лицо на последующих этапах уголовного судопроизводства освобождается от уголовной ответственности и (или) наказания, например, в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, актом амнистии др.

Таким образом, наряду с иными обстоятельствами, препятствующими привлечению налогоплательщика к уголовной ответственности, предусмотренная налоговым законодательством право-временная возможность уплаты недоимки в установленный законом срок является одним из право-обеспечительных средств осуществления предпринимательской деятельности, проявляющихся в возможности налогоплательщика освободиться от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений посредством полного возмещения налоговой недоимки.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что посредством закрепления налоговой предустановленности в качестве обеспечительного средства законных интересов налогоплательщиков, предполагающей необходимость административной процедуры проведения налоговой проверки (налогового контроля), а также возможности по требованию налогового органа уплаты налоговой недоимки в установленный законом срок, законодатель фактически отказался от принципа неотвратимости наказания за совершение налоговых преступлений.

Необходимо отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации, принятом в 1996 г., принцип неотвратимости уголовного наказания, не нашел своего законодательного закрепления. Обусловлено это закреплением на законодательном уровне значительного количества вариантов (института) освобождения от уголовной ответственности и наказания преступников.

Концептуальные основы освобождения от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений отражают отмеченную двойственную правовую природу. С одной стороны, в основе процедуры освобождения от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, в первую очередь, лежит идея утраты общественной опасности деяния и лица его совершившего в случаях уплаты налоговой недоимки в установленный законом срок. С другой стороны, если этого не происходит, то материалы налоговых органов, полученные по результатам проведения налоговой проверки выступают в качестве «исключительного» повода для последующей уголовно-процессуальной деятельности, направленной на его проверку в порядке ст. 144 УПК РФ; при этом должны быть соблюдены все частные условия, составляющие содержание налоговой предустановленности, в противном случае уголовное дело не будет возбуждено.

Таким образом, система обеспечительных средств законных интересов налогоплательщиков создала режим, при котором отсутствует всеобщее требование неотвратимости наказания (уголовной ответственности) за совершение налоговых преступлений.

При этом изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что формирование «исключительного» повода для инициирования уголовного преследования за совершение налоговых преступлений связано не с уголовно-процессуальной, а административной деятельностью налоговых органов, направленной на проведение налоговой проверки, результатом которой является

налоговая предустановленность, отраженная в соответствующих материалах налоговых органов. Именно налоговая предустановленность, будучи результатом налоговой проверки (налогового контроля), как сложный юридический факт, обусловливает последующее обращение налоговых органов в органы предварительного следствия для инициирования уголовного преследования в отношении неплательщика налогов (ч. 3 ст. 32 НК РФ).

В этой связи остается актуальным высказывание согласно которому предлагается «уточнить положения ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, с тем чтобы информация, поступающая от налогового органа, могла быть реализована в качестве исключительно повода для возбуждения уголовного дела тогда, когда соблюдены условия п. 3 ст. 32 НК РФ. Дополнительно не лишним будет раскрыть содержание и перечень предоставляемых материалов, что способствовало бы более качественной оценке поступившей информации о признаках налогового преступления. Ведь «налоговый» повод, не имеет строгой процессуальной формы, вследствие чего чаще всего со стороны следователей нарекания к работе налоговиков вызывают случаи предоставления неполного комплекта документов (отсутствие возражений по акту проверки, объяснений, непредставление копий жалоб, судебных решений, деклараций, бухгалтерских балансов, отчетов и других документов)» [1, с. 58].

Концептуальная основа налоговой предустановленности, как результата формирования налоговыми органами «исключительного» повода для возбуждения уголовного дела, заключается в том, что органы предварительного расследования не должны произвольно вмешиваться в экономические правоотношения, связанные с уплатой налогов (сборов). Их компетенция должна распространять на случаи, когда налоговые органы исчерпали свои полномочия по обеспечению уплаты налогов и сборов. Факт поступления материалов налоговых органов в органы предварительного следствия является своего рода их официальным обращением в правоохранительные органы для оказания помощи в случаях, когда со стороны налогоплательщика имеет место неисполнение налогового законодательства и исчерпан административный ресурс по обеспечению их уплаты.

Список литературы:

[1] Бакиров Р.Ф. Обзор практики привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов в бюджеты Российской Федерации // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16. № 1. С. 58.

[2] Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 37.

[3] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2007. С. 485.

[4] Головко Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business. // Закон. 2015. № 8. С. 32-45.

[5] Смирнов Г.К. Налоговые преступления: текущая практика и перспективы. // Уголовный процесс. 2013. № 1. С. 22-31.

[6] Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 87, 230;.

[7] Шаргородский М.Д. Избранные труды. М., 2004. С. 206.

[8] Шарипова А.Р. Уголовно-правовые и процессуальные проблемы при возбуждении уголовных дел о налоговых преступлениях // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1 (97). С. 94-96.

References:

[1] Bakirov R.F. Review of the practice of prosecution for tax evasion in the budgets of the Russian Federation // Bulletin of Economics, Management and Law. 2023. T. 16. № 1. S. 58.

[2] Brainin Y.M. Criminal liability and its basis in Soviet criminal law. M., 1963. S. 37.

[3] Volzhenkin B.V. Crimes in the field of economic activity. St. Petersburg, 2007. S. 485.

[4] Golovko L.V. Two alternative directions of criminal policy in cases of economic and financial crimes: Crime Control and Doing Business . // Law. 2015. № 8. S. 32-45.

[5] Smirnov G.K. Tax crimes: current practice and prospects . // Criminal process. 2013. № 1. S. 22-31.

[6] Trainin A.N. General teaching on the corpus delicti. M., 1957. S. 87, 230;.

[7] Shargorodsky M.D. Selected works. M., 2004. S. 206.

[8] Sharipova A.R. Criminal law and procedural problems in the initiation of criminal cases on tax crimes // Law and state: theory and practice. 2013. № 1 (97). S. 94-96.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-308-314

ДАВЫДОВ Евгений Васильевич,
доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской Академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: dawydov@yandex.ru.

ФИНОГЕНОВ Владимир Федорович,
доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: finogenovv@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные правовые и криминалистические проблемы использования систем биометрической идентификации личности, основанных на технологиях искусственного интеллекта, в уголовно-процессуальном доказывании. Особое внимание уделено вопросам допустимости, достоверности и проверяемости результатов автоматизированного биометрического анализа, а также рискам их некритического восприятия в следственной и судебной практике. Автор исходит из того, что алгоритмическое совпадение не может рассматриваться как самостоятельное доказательство виновности лица, поскольку нуждается в процессуальном закреплении, экспертной либо специальной проверке и оценке в совокупности с иными доказательствами. Анализируются положения уголовно-процессуального законодательства, законодательства о персональных данных и нормативного регулирования биометрической идентификации. Отмечается, что развитие систем распознавания лиц, голоса и иных биометрических признаков требует не только технического совершенствования, но и формирования специальных процессуальных правил их применения. В статье обосновывается необходимость ведомственного контроля, фиксации цифрового следа, раскрытия значимых параметров работы программных средств и подготовки сотрудников правоохранительных органов к грамотному использованию таких технологий. Делается вывод о вспомогательном характере искусственного интеллекта в доказывании и недопустимости подмены внутреннего убеждения суда результатами машинной обработки данных.*

Ключевые слова: *биометрическая идентификация, искусственный интеллект, уголовно-процессуальное доказывание, цифровые доказательства, персональные данные, распознавание лиц, допустимость доказательств, экспертная проверка, уголовный процесс, правоохранительная деятельность.*

DAVYDOV Evgeny Vasilyevich,
Associate Professor of the Department of Document Research at the Educational and Scientific Complex of Forensic Activities at the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

FINOGENOV Vladimir Fedorovich,
Associate Professor of the Department of Criminalistics at the Saratov State Law Academy, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

USE OF BIOMETRIC IDENTIFICATION SYSTEMS BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE: MODERN REALITIES AND LEGAL PROSPECTS

Annotation. *The article examines current legal and forensic issues related to the use of artificial intelligence-based biometric identification systems in criminal procedural proof. Special attention is paid to the admissibility, reliability and verifiability of automated biometric analysis results, as well as to the risks of their uncritical acceptance in investigative and judicial practice. The author proceeds from the position that an algorithmic match cannot be regarded as independent evidence of a person's guilt, since it requires proper procedural documentation, expert or specialist verification, and assessment in conjunction with other evidence. The article analyzes the provisions of criminal procedure legislation, personal data law and regulatory rules governing biometric identification. It is emphasized that the development of facial recognition, voice recognition and other biometric technologies requires not only technical improvement, but also the formation of special procedural rules for their use. The need for departmental control, recording of the digital trace, disclosure of significant parameters of software operation and training of law enforcement officers in the competent use of such technologies is substantiated. The article concludes that artificial intelligence should play an auxiliary role in criminal proof and that judicial discretion must not be replaced by the results of machine data processing.*

Key words: *biometric identification, artificial intelligence, criminal procedural proof, digital evidence, personal data, facial recognition, admissibility of evidence, expert verification, criminal procedure, law enforcement.*

Цифровизация уголовного судопроизводства уже давно перестала быть темой исключительно научных прогнозов. Следователь, дознаватель, эксперт, оперативный сотрудник и суд сегодня работают не только с традиционными следами, документами и показаниями, но и с видеозаписями, цифровыми профилями, метаданными, изображениями с камер наблюдения, результатами автоматизированного поиска, сведениями из информационных систем и т.д. На этом фоне особое значение приобретают системы биометрической идентификации личности, основанные на технологиях искусственного интеллекта и речь здесь идет, прежде всего, о распознавании лица, голоса, отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза, особенностей походки, а в перспективе и о комплексной мультимодальной идентификации, когда несколько биометрических признаков анализируются одновременно.

Для уголовного процесса такие технологии выглядят одновременно привлекательными и опасными. Привлекательными — потому что позволяют быстрее установить личность подозреваемого, проверить алиби, обнаружить перемещения лица, сопоставить изображение с базами данных, сузить круг проверяемых лиц. Опасными — потому что результат машинного анализа легко воспринимается правоприменителем как «технически объективный», хотя в действительности он зависит от качества алгоритма, исходной базы, угла съемки, освещенности, настроек порога совпадения, ошибок оператора и даже от того, каким образом была сформирована обучающая выборка, хотя в уголовном судопроизводстве такая ошибка и не является простой технической погрешностью, но она способна привести к незаконному задержанию, необоснованному обвинению, формальному подтверждению следственной версии и, в худшем случае, к судебной ошибке.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит специального вида доказательств, именуемого «результаты работы искусственного интеллекта» или «алгоритмическое заключение», однако статья 74 УПК РФ исходит из более широкой формулы: доказательствами признаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливают обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [1]. Такая конструкция теоретически позволяет включать в доказывание сведения, полученные при помощи биометрических систем, но не снимает главного вопроса: каким процессуальным способом такие сведения должны быть получены, закреплены, проверены и оценены. И именно здесь, по нашему мнению, здесь начинается наиболее сложная часть проблемы.

Биометрическая идентификация в уголовном процессе не может рассматриваться как обычный технический сервис, подобный поисковой строке в базе данных, поскольку сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, рос-

сийское законодательство относит к биометрическим персональным данным [2]. Уже одно это обстоятельство требует осторожности, так как в отличие от номера телефона или адреса электронной почты, биометрический признак не так просто заменить. Если похищенный или подобранный пароль можно сменить, то лицо, голос или папиллярный узор пальцев заменить не возможно. Поэтому использование таких данных в интересах раскрытия и расследования преступлений должно быть построено не на принципе технологического удобства, а на принципе строгой правовой необходимости.

Законодатель сделал важный шаг, приняв Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ, регулирующий идентификацию и аутентификацию физических лиц с использованием биометрических персональных данных [3]. Хотя и следует признать, что данный закон в большей степени ориентирован на гражданско-правовые, публично-сервисные и административные отношения, связанные с Единой биометрической системой. Уголовно-процессуальное доказывание же имеет иную природу, здесь результат биометрического сопоставления может стать поводом для следственного действия, основанием для проверки версии, элементом заключения эксперта либо частью иного документа. Но в тоже время он не должен автоматически превращаться в доказательство виновности, поскольку это и есть по своей сути та принципиальная граница, которую нельзя размывать даже ради оперативности.

На практике биометрические системы чаще всего используются на первоначальном этапе работы: при анализе видеозаписей с камер наблюдения, при поиске лиц, находящихся в розыске, при проверке причастности к преступлениям, совершенным в общественных местах. К примеру, запись с камеры фиксирует лицо, похожее на подозреваемого, алгоритм сопоставляет изображение с массивом фотографий и выдает вероятное совпадение. Для оперативного поиска это полезный инструмент, для доказывания же только начало работы, поскольку следователь обязан выяснить происхождение видеозаписи, условия съемки, целостность файла, отсутствие монтажа, параметры работы программы, порядок доступа к базе, действия специалиста, а затем сопоставить полученный результат с другими доказательствами. Если же этого не сделать, уголовный процесс рискует получить не доказательство, а красивую цифровую иллюзию. Ведь особенность искусственного интеллекта в биометрической идентификации состоит в том, что итоговый вывод часто формируется не путем простого совпадения признаков, как это может показаться на первый взгляд. Современные системы используют методы машинного обучения, компьютерного зрения, нейронные сети, вероятностные модели. Внешне результат выглядит кратко: «совпадение вероятно», «совпадение не установлено», «коэффициент сходства — такой-то», но за этой краткостью скрывается массив технических операций, не всегда понятных даже подготовленному юристу. М.С. Спиридонов справедливо указывает, что использование технологий искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании не должно разрушать принцип свободы оценки доказательств и подменять деятельность суда машинным расчетом [7]. И с этим трудно спорить, так как алгоритм по сути не несет процессуальной ответственности, не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, не может быть допрошен как свидетель и не способен объяснить человеческим языком, почему именно он пришел к конкретному результату.

Отсюда вытекает первая правовая проблема: как квалифицировать результат биометрической идентификации. В одних случаях он может быть оформлен как приложение к протоколу следственного действия, например осмотра видеозаписи. В других — как результат оперативно-разыскной деятельности, который затем должен быть введен в уголовный процесс установленным законом способом. В третьих — как часть заключения эксперта, если исследование проводилось в рамках судебной экспертизы. Наконец, возможен вариант участия специалиста, который поясняет суду или следователю технические особенности работы программы. Но единообразия здесь пока нет, и это не мелкая методическая недоработка, а серьезный риск для допустимости доказательств. Поэтому допустимость в данной сфере должна пониматься шире, чем простое соблюдение формы протокола. Необходимо проверять законность получения исходных биометрических данных, правовой режим базы, полномочия лица, проводившего поиск, сохранность цифрового следа, наличие журнала операций, неизменность файла, технические характеристики программного средства. Если видеозапись была скопирована без фиксации хеш-суммы, если неизвестно, кто именно запускал поиск, если алгоритм выдавал несколько кандидатов, а в материалы дела попал только один, защита вполне обоснованно поставит вопрос о достоверности и полноте представленных сведений, поскольку УПК РФ признает недопустимыми доказательства, полученные с нарушением закона [1]. Для цифровой биометрии в целом это означает, что нарушение может быть не только процессуальным, но и технологическим, если оно повлияло на проверяемость результата.

Вторая проблема, как мы уже сказали, связана с достоверностью. Техническая точность

системы не равна доказательственной достоверности, даже авторитетные международные оценки систем распознавания лиц показывают, что их качество зависит от конкретного алгоритма, массива данных, сценария применения и демографических характеристик сравниваемых лиц [6]. Следовательно, нельзя ссылаться на «искусственный интеллект» как на некий универсальный знак надежности, ведь в уголовном деле имеет значение не репутация технологии вообще, а проверяемость конкретного результата по конкретному эпизоду. Было ли лицо в маске? Какой угол поворота головы? Какое разрешение камеры? Какой порог сходства выставлен? Сколько кандидатов выдала система? Кто исключил остальных? На эти вопросы должен отвечать не пресс-релиз разработчика, а конкретный специалист, и все должно быть процессуально офрмлено, чтобы закрепить результат.

Третья проблема — алгоритмическая непрозрачность. В учебной аудитории легко сказать: «нужно проверить алгоритм», в реальном же деле это сложнее. Коммерческий разработчик может ссылаться на охрану программного кода, ведомство — на служебный характер информации, эксперт — на невозможность раскрыть внутренние параметры нейросетевой модели. Но уголовный процесс не может строиться по принципу «поверьте системе, она сертифицирована», так как право на защиту предполагает возможность оспаривать доказательство, поскольку если сторона защиты лишена доступа к сведениям о методике, точности, ошибках и условиях применения программы, состязательность становится декоративной. Здесь требуется разумный баланс: раскрывать не обязательно весь исходный код, но должны быть доступны сведения, достаточные для проверки надежности результата, иначе цифровая технология превращается в недоступного для критики так называемого «скрытого эксперта».

Четвертая же проблема имеет криминалистический характер. Биометрические данные сегодня не только помогают расследованию, но и сами становятся объектом преступного воздействия. Развитие дипфейк-технологий, синтеза голоса, подделки изображений и имитации лица создает новую категорию рисков. М.А. Желудков в своих работах обращает внимание на возможность создания поддельных аудиозаписей и видеоизображений на основе незаконно полученных биометрических данных [10]. И с развитием сети интернет мы видим это практически повсеместно. Для доказывания это означает, что видеозапись с лицом человека уже нельзя воспринимать как безусловное подтверждение его присутствия. Если раньше спор чаще шел о качестве записи: видно или не видно, похож или не похож, то сейчас возникает другой вопрос: действительно ли на записи реальное лицо, а не сгенерированный или модифицированный образ. А это уже меняет саму культуру оценки цифровых доказательств.

Отдельного внимания заслуживает опыт зарубежного регулирования. Европейский союз в Регламенте 2024/1689 об искусственном интеллекте пошел по пути риск-ориентированного подхода, выделив удаленную биометрическую идентификацию, особенно в режиме реального времени и в публичных пространствах, в категорию наиболее чувствительных практик [5]. Для российского же уголовного процесса прямое заимствование европейской модели вряд ли возможно и не всегда оправданно, поскольку российская система имеет собственные задачи безопасности, иную организацию правоохранительных органов и иной режим процессуального контроля. Но сама идея предварительной оценки риска, ограничения целей, фиксации оснований применения и последующего контроля заслуживает внимания. Не всякая камера с распознаванием лиц должна автоматически становиться инструментом уголовного преследования. Здесь нужны критерии: тяжесть преступления, наличие иных способов установления личности, срочность, масштаб вмешательства в частную жизнь, круг лиц, попадающих под обработку. В отечественной доктрине даже сформировалось понимание того, что биометрическая идентификация по изображению лица способна повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, особенно в условиях крупных городов и развитой системы видеонаблюдения [8], о чем свидетельствует повсеместно применяемая система «умный город». Но эффективность сама по себе не является процессуальной ценностью, если она достигается ценой снижения гарантий личности. К тому же уголовный процесс исторически недоверчив к «слишком удобным» доказательствам. К примеру, признание, полученное без защитника, оперативная информация без процессуального закрепления, показания заинтересованного лица без проверки — все это может выглядеть убедительно, но закон требует большего. И с биометрическими алгоритмами должна действовать та же логика, их сила не в том, что они заменяют доказывание, а в том, что они помогают точнее организовать его.

Нам представляется ошибочным включать в УПК РФ отдельный вид доказательств под названием «результаты искусственного интеллекта», поскольку это создало бы ложное впечатление самостоятельной доказательственной природы алгоритмического вывода. Более разумным выглядит другой путь: закрепить специальные требования к использованию цифровых и биометрических сведений в доказывании. Такие требо-

вания могли бы включать указание на источник данных, способ их получения, технические параметры обработки, сведения о программном средстве, данные о лице, проводившем анализ, порядок сохранения исходных файлов и результатов обработки, а также возможность проверки стороной защиты. Тогда и результат работы системы будет оцениваться не по магической формуле «ИИ установил», а по обычным правилам относимости, допустимости, достоверности и достаточности. В то же время в экспертной деятельности перспективным является использование искусственного интеллекта как инструмента специальных знаний. И.П. Чекотов обоснованно рассматривает ИИ как возможную форму реализации специальных знаний при условии экспертной верификации и соблюдения процессуальных гарантий [9]. Практически это означает следующее: эксперт может применять программный комплекс для анализа изображения или голоса, но итоговый вывод должен принадлежать эксперту, а не программе и, при этом, эксперт обязан описать методику, исходные данные, ограничения исследования и причины, по которым он принимает либо отвергает результат автоматизированного анализа. Суд же, в свою очередь, не должен ограничиваться фразой «заключение эксперта сомнений не вызывает», поскольку в делах, где биометрическая идентификация имеет ключевое значение, требуется более предметная оценка.

Не менее важна и подготовка сотрудников органов внутренних дел, поскольку технологии биометрической идентификации нельзя внедрять только приказом о подключении к системе. Сотрудник должен понимать, что алгоритмическое совпадение — это версия, а не готовое обвинение, необходимо обучать не только нажимать кнопку поиска, но и правильно документировать действия, сохранять исходные данные, работать с цифровыми носителями, взаимодействовать со специалистом, оценивать риски, ошибки и т.д. И здесь, как мы считаем, будет полезен практико-ориентированный подход: разбор ситуаций, где система дала ложное совпадение; моделирование спора с защитником; подготовка протокола осмотра видеозаписи; анализ заключения эксперта по изображению лица и т.д. Поскольку без такой подготовки даже самая современная система будет порождать процессуальные дефекты. К тому же любая биометрическая система, используемая в правоохранительной сфере, должна оставлять проверяемый след: кто обращался к базе, по какому основанию, в отношении какого материала, какой результат получил, какие действия совершил после этого. Журналы доступа и аудита имеют не только значение информационной безопасности, они являются будущей гарантией допустимости. Ведь если сторона защиты заявит, что поиск проводился многократно до получения удобного результата, именно журнал операций позволит подтвердить или опровергнуть этот довод. В отсутствие же такого журнала доверие к доказательству снижается, даже если сама технология работала корректно.

Правовые перспективы видятся на в нескольких направлениях. Во-первых, требуется разработка межведомственных методических рекомендаций по использованию биометрической идентификации в раскрытии и расследовании преступлений, с отдельным блоком, посвященным уголовно-процессуальному закреплению результатов. Во-вторых, целесообразно уточнить в УПК РФ правила работы с цифровыми доказательственными материалами, включая видеозаписи, результаты автоматизированной обработки и сведения из информационных систем. В-третьих, необходимы стандарты экспертной проверки биометрических результатов: какие данные указываются в заключении, как описывается программное средство, как отражается вероятность ошибки, какие исходные материалы приобщаются к делу. В-четвертых, следует развивать судебную практику по оценке таких доказательств, иначе основные правила будут формироваться стихийно — через отмененные приговоры и жалобы.

Таким образов в заключение мы можем резюмировать, что системы биометрической идентификации личности на основе искусственного интеллекта уже вошли в сферу уголовного судопроизводства, хотя уголовно-процессуальный закон пока не успел дать им самостоятельное и точное описание. И это довольно типичная ситуация для цифровой эпохи, поскольку технология применяется раньше, чем появляется развитая правовая форма. Запрещать же такие системы бессмысленно, игнорировать их риски опасно, наиболее взвешенный путь состоит в том, чтобы признать их вспомогательным инструментом доказывания, но не источником истины в последней инстанции.

Главный вывод заключается в следующем: биометрическая идентификация может иметь доказательственное значение только при условии процессуальной прозрачности, технической проверяемости и возможности критической оценки сторонами. Результат работы искусственного интеллекта не должен подменять заключение эксперта, внутреннее убеждение суда и обязанность следователя доказывать обстоятельства дела совокупностью доказательств. Алгоритм может подсказать направление поиска, выявить совпадение, ускорить анализ массива данных, но обвинение человеку предъявляет не алгоритм, а государство, которое обязано обеспечить законность, контролируемость и объяснимость исполь-

зования таких технологий. Перспективы развития законодательства должны быть связаны не с механическим включением искусственного интеллекта в УПК РФ, а с формированием специальных правил обращения с биометрическими и иными цифровыми данными. Требуется ввести процессуальные требования к фиксации, хранению, проверке и представлению результатов автоматизированной идентификации; стандарты экспертной верификации; механизмы ведомственного и судебного контроля; подготовку сотрудников правоохранительных органов к грамотной работе с такими системами. Только при таком и никаком другом подходе биометрические технологии будут служить не цифровым украшением уголовного дела, а реальным средством установления обстоятельств преступления при сохранении прав личности.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : ред. действ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921. URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_ doc_LAW_34481/ (дата обращения: 07.07.2026).

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» : ред. действ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3451. URL: https://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 07.07.2026).

[3] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202212290024 (дата обращения: 07.07.2026).

[4] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» : в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https:/ /publication.pravo.gov.ru/ document/000120240215 0063 (дата обращения: 07.07.2026).

[5] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. URL: https:// eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 07.07.2026).

[6] Face Recognition Vendor Test (FRVT) / Face Recognition Technology Evaluation (FRTE). National Institute of Standards and Technology. URL: https: //www.nist.gov/programs-projects/face-recognition-vendor-test-frvt (дата обращения: 07.07.2026).

[7] Спиридонов М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 2. С. 481–497. DOI: 10.21202/jdtl.2023.20. URL: https://www.lawjournal. digital/jour/ article/view/189/0 (дата обращения: 07.07.2026).

[8] Кутузов А. В. Криминалистическая идентификация с использованием систем распознавания лиц: состояние проблемы и потенциальные пути ее решения // Правовое государство: теория и практика. 2024. URL: https://pravgos. ru/index.php/journal/ article/view/954 (дата обращения: 07.07.2026).

[9] Чекотов И. П. Технологии искусственного интеллекта как источник специальных знаний // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 28. С. 349–360. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2025.28.32. URL: https://vestnik-ip.ru/index.php/ journal/article/download/519/441 (дата обращения: 07.07.2026).

[10] Желудков М. А. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных в условиях применения технологии «Дипфейк» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-159-169. URL: https://vestnikspbmvd.ru/temp/f41fe9b3069a d77ba61d880b6e5d2db1.pdf (дата обращения: 07.07.2026).

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001: ed . // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52, part I. Art. 4921. URL: https: //www.consultant.ru/document/cons_ doc _ LAW _ 34481/(access date: 07.07.2026).

[2] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data": ed. 2006. No. 31, part I. Art. 3451. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 61801/(access date: 07.07.2026).

[3] Federal Law of December 29, 2022 No. 572-FZ "On the identification and (or) authentication of individuals using biometric personal data, on amending certain legislative acts of the Russian Federation and invalidating certain provisions of legislative acts of the Russian Federation "// Official Internet portal of legal information.

URL: https://publication.pravo.gov.ru/ Document/ View/0001202212290024 (access date: 07.07.2026).

[4] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation": as amended by Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024 No. 124 // Official Internet portal of legal information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/ document/ 0001202402150063 (access date: 07.07.2026).

[5] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. URL: https: //eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (access date: 07.07.2026).

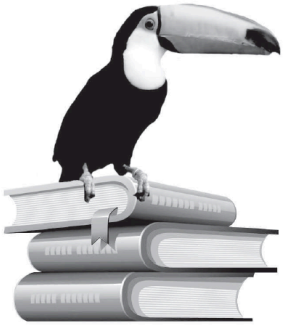
[6] Face Recognition Vendor Test (FRVT) / Face Recognition Technology Evaluation (FRTE). National Institute of Standards and Technology. URL: https: //www.nist.gov/programs-projects/face-recognition-vendor-test-frvt (дата обращения: 07.07.2026).

[7] Spiridonov M.S. Artificial intelligence technologies in criminal procedure evidence // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. VOL. 1. № 2. PP. 481-497. DOI: 10.21202/ jdtl.2023.20. URL: https ://www.lawjournal.digital/ jour/article/view/189/0 (accessed: 07.07.2026).

[8] Kutuzov A. V. Forensic identification using face recognition systems: the state of the problem and potential ways to solve it // Rule of law: theory and practice. 2024. URL: https://pravgos. ru/index.php/journal/ article/view/954 (access date: 07.07.2026).

[9] Chekotov I.P. Artificial intelligence technologies as a source of special knowledge // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2025. № 28. S. 349-360. DOI: 10.33184/ vest-law-bsu-2025.28.32. URL: https://vestnik-ip.ru/ index.php/journal/article/download/519/441 (access date: 07.07.2026).

[10] Zheludkov M. A. Ensuring the security of biometric personal data in the context of the use of Deepfake technology // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2 (106). S. 159-169. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-159-169. URL: https://vestnikspbmvd.ru/temp/ f41fe9b3069ad77ba61d880b6e5d2db1.pdf (access date: 07.07.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-315-317

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОСТИ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматриваются личностные детерминанты агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. На основе анализа эмпирических исследований выявлен комплекс индивидуально-психологических характеристик, ассоциированных с агрессивностью в данной категории подростков: эмоциональная нестабильность, реактивная и спонтанная агрессивность, низкая саморегуляция, депрессивные состояния, а также специфические акцентуации характера (возбудимый, гипертимный, эмотивный типы). Особое внимание уделяется факторам пенитенциарной среды, провоцирующим закрепление агрессивных паттернов поведения. Обосновывается необходимость учета выявленных личностных особенностей в системе психолого-педагогической профилактики и коррекции агрессивности у несовершеннолетних осужденных.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, ФСИН России, пенитенциарная психология, психокоррекция, агрессивность, уголовно-исполнительная система.*

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF AGGRESSION IN JUVENILE CONVICTS

Annotation. *The article discusses the personal determinants of aggressive behavior among juvenile convicts serving their sentences in educational colonies. Based on the analysis of empirical studies, a set of individual psychological characteristics associated with aggression in this category of adolescents has been identified: emotional instability, reactive and spontaneous aggression, low self-regulation, depressive states, as well as specific character accentuations (excitable, hyperthymic, and emotive types). Special attention is given to the factors of the penitentiary environment that contribute to the consolidation of aggressive behavior patterns. The article substantiates the need to take into account the identified personal characteristics in the system of psychological and pedagogical prevention and correction of aggression in juvenile convicts.*

Key words: *juvenile convicts, educational colony, Federal Penitentiary Service of Russia, penitentiary psychology, psychocorrection, aggressiveness, and the penal system.*

Проблема агрессивности несовершеннолетних осужденных приобретает особую актуальность в контексте роста преступности в молодежной среде и повышения агрессивных тенденций среди подростков. Агрессивность рассматривается как одна из ключевых личностных детерминант девиантного поведения, а ее изучение у несовершеннолетних правонарушителей позволяет не только прогнозировать противоправные действия, но и разрабатывать эффективные меры психокоррекционного воздействия [1, 2]. Цель настоящей работы — систематизировать современные представления о личностных особенностях агрессивности у несовершеннолетних осужденных и определить направления их учета в пенитенциарной практике.

Эмпирические исследования показывают, что несовершеннолетние осужденные обладают выраженным комплексом индивидуально-психологических особенностей, среди которых центральное место занимает агрессивность. И.С. Ганишина, С.М. Воробьев и В.И. Огородников установили, что для данной категории подростков характерны невротичность, экспрессивное пове-

дение и повышенная возбудимость. При этом у них слабо выражен показатель общительности, они не инициативны и не требовательны к себе [1].

В приказе № 238 от 12.12.2005 дается описание личностных свойств, которые должны учитываться в процессе исполнения наказания и подготовки к освобождению: «принимать во внимание индивидуальные потребности осужденного, его социальное прошлое, историю его преступления, его физические и умственные способности и возможности, его темперамент, продолжительность срока его заключения и возможности после освобождения». Подчеркивается, что на основе изучения характера, осужденного «в кратчайший срок после приема, каждого заключенного следует разрабатывать программу работы с ним, исходя при этом из его индивидуальных потребностей, способностей и склонностей» [3].

В современной психологии агрессивность рассматривается как относительно стабильная диспозиция, предрасположенность индивида к агрессивному реагированию в широком спектре ситуаций. В отличие от агрессии как поведенческого акта, агрессивность представляет собой личностное образование, имеющее сложную структуру и детерминированное комплексом биологических, психологических и социальных факторов [4].

Несовершеннолетние осужденные склонны к реактивной агрессивности, им свойственна плохая регуляция психических состояний. Они проявляют пониженное настроение (депрессивны), раздражительны, у них отмечается выраженная подавленность, заторможенность когнитивных процессов, постоянные перепады настроения [2]. При этом агрессивность несовершеннолетних носит не столько компенсаторный, сколько «инициативный» характер, поскольку основана на переоценке своих сил, самодовольстве и желании привлечь к себе внимание. Им также свойственны такие качества, как: независимость, напористость, высокий уровень уверенности в себе [1].

В подростковом возрасте агрессия обычно возникает в ответ на конкретные ситуации, и ее основу составляют мощные эмоциональные сдвиги, выходящие за пределы сознательного контроля. Такие эмоции характеризуются доминированием дисфорических состояний: гневом и раздражительностью, ориентированными на определенного индивида с момента возникновения. Эмоциональное колебание стимулирует усиление агрессивных тенденций, активизируемое групповой динамикой подростков [5].

В структуре личности несовершеннолетних правонарушителей выявлены специфические акцентуации характера. Большинство из них имеют возбудимый, гипертимный и эмотивный типы акцентуаций, что сочетается с высоким уровнем агрессивности и отличной от нормативной группы системой ценностей [6]. Для них характерен низкий уровень нравственности, преобладание гедонистических, материальных и преступных мотивов поведения. Повышенная агрессивность подростков-правонарушителей сочетается со слабой способностью придерживаться социальных норм и правил [2].

Исследования показывают, что проявления агрессивности у несовершеннолетних осужденных дифференцируются в зависимости от пола и возраста. Е.Б. Кириллова в своем исследовании с участием более двухсот подростков-правонарушителей выявила специфику проявления различных видов агрессии в зависимости от гендерной принадлежности, а также определила наиболее агрессивную возрастную группу [7]. Н.Г. Соболев, изучая особенности агрессии у несовершеннолетних женского пола, осужденных к длительным срокам лишения свободы, установил статистически значимые различия между осужденными к длительным и иным срокам по шкалам «Косвенная агрессия» и «Обида», а также выявил положительную корреляцию обиды с личностной тревожностью [8]. Для несовершеннолетних в целом более характерны импульсивность, агрессивность и подверженность настроению группы и ситуации по сравнению со взрослыми осужденными [2]. В условиях воспитательной колонии это повышает риск коллективных нарушений режима, поэтому сотрудникам УИС необходимо владеть навыками управления групповой динамикой и раннего выявления потенциальных лидеров с отрицательной направленностью.

Таким образом, личностные особенности агрессивности несовершеннолетних осужденных представляют собой многокомпонентный конструкт, который непосредственно определяет успешность их исправления в учреждениях УИС. Эмоциональная нестабильность, реактивная агрессия, низкая саморегуляция и акцентуации характера требуют от сотрудников УИС не только знаний юридических норм, но и развитых психолого-педагогических компетенций [6]. Профилактика агрессивности становится неотъемлемой частью режимно-воспитательного процесса и включает спортивные занятия, художественное творчество, социально полезный труд, а также специальные методы — убеждение, упражнение, аутогенные тренировки и терапевтические беседы [9].

Таким образом, личностные особенности агрессивности у несовершеннолетних осужденных представляют собой сложный многоуровневый конструкт, включающий эмоциональную нестабильность, реактивную и спонтанную агрессивность, низкую саморегуляцию, депрессивные состояния, специфические акцентуации характе-

ра и искаженную ценностно-мотивационную сферу [1; 2; 6]. Знание этих особенностей имеет ключевое значение для организации эффективной психолого-педагогической работы в условиях воспитательных колоний. Рекомендуется внедрение комплексных программ профилактики агрессивности, включающих спортивные занятия, художественное творчество, социально значимый труд, а также специальные методы: приучение, убеждение, упражнение, аутогенные тренировки и терапевтические беседы [9]. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка дифференцированных подходов к психокоррекции с учетом типологии агрессивного поведения, пола, возраста и срока отбывания наказания несовершеннолетних осужденных.

Список литературы:

[1] Ганишина И.С., Воробьев С.М., Огородников В.И. Личностные особенности несовершеннолетних осужденных и возможности их учета в системе пенитенциарной пробации // Виктимология. – 2024. – № 4. – С. 111–120.

[2] Ежова О.Н., Дрозд Н.А. Особенности личности несовершеннолетних осужденных и меры воздействия на них в условиях исправительного учреждения // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 5.

[3] Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]: [приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.12.2005 г. № 238]. — http: КонсультантПлюс.

[4] Зорина Н.С. Агрессивность как устойчивая черта личности несовершеннолетних осужденных / Н. С. Зорина // Международный научный вестник. – 2026. – № 4. – С. 206-208.

[5] Дмитриев М. Г. Психолого-педагогическое сопровождение подростков с делинквентным поведением / М. Г. Дмитриев, В. Г. Белов, Ю. А. Парфенов. – Санкт-Петербург.: ЗАО «ПОНИ». – 2008. – 207 С.

[6] Потапенко О.А. Психофизиологические и психологические особенности несовершеннолетних преступников с разным типом агрессивного поведения: дис. … канд. психол. наук. – Рязань, 2019.

[7] Кириллова Е.Б. Изучение агрессивности несовершеннолетних правонарушителей // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20. – № 3.

[8] Соболев Н.Г. Особенности проявления агрессии у несовершеннолетних женского пола, осужденных к длительным срокам лишения свободы // Психология и право. – 2021. – Т. 11. – № 2.

[9] Николаев В.А., Гринева Е.А., Олевская И.А., Шелест А.А. Психолого-педагогическая профилактика агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных, находящихся в воспитательной колонии // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 1.

References:

[1] Ganishina I.S., Vorobyov S.M., Ogorodnikov V.I. Personal characteristics of juvenile convicts and the possibility of their accounting in the system of penitentiary probation // Victimology. – 2024. – № 4. - S. 111-120.

[2] Yezhova O.N., Drozd N.A. Personality features of juvenile convicts and measures of influence on them in a correctional institution // Modern research on social problems. – 2015. – № 5.

[3] On approval of the Instructions for organizing the activities of the psychological service of the penitentiary system [Electronic resource]: [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 12.12.2005 No. 238]. - http: ConsultantPlus.

[4] Zorina N.S. Aggressiveness as a stable personality trait of juvenile convicts/N.S. Zorina // International Scientific Bulletin. – 2026. – № 4. - S. 206-208.

[5] Dmitriev M. G. Psychological and pedagogical support of adolescents with delinquent behavior/M. G. Dmitriev, V. G. Belov, Yu. A. Parfenov. - St. Petersburg: PONY CJSC. – 2008. - 207 C.

[6] O.A. Potapenko. Psychophysiological and psychological features of juvenile criminals with different types of aggressive behavior: dis.... cand. psychol. sciences. - Ryazan, 2019.

[7] E.B. Kirillova. Studying the aggressiveness of juvenile offenders // Psychological science and education. – 2015. - T. 20. – № 3.

[8] Sobolev N.G. Peculiarities of the manifestation of aggression in female minors sentenced to long terms of imprisonment // Psychology and Law. – 2021. - VOL. 11. – № 2.

[9] Nikolaev V.A., Grineva E.A., Olevskaya I.A., Shelest A.A. Psychological and pedagogical prevention of aggressive behavior of juvenile convicts in an educational colony // Problems of modern pedagogical education. – 2025. – № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-318-321

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат педагогических наук, e-mail: 19katrin81@bk.ru,

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос формирования социально-психологического климата исправительного учреждения, существенное влияние на которое оказывает сама пенитенциарная система, имеющая свои специфических характеристики.*

Ключевые слова: *психологический климат, сотрудники, исправительное учреждение (ИУ), формирование, осужденные.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Pedagogical Sciences

FORMATION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. *The article discusses the formation of the socio-psychological climate of the correctional institution, which is significantly influenced by the penitentiary system itself, which has its own specific characteristics.*

Key words: *psychological climate, employees, correctional institution (IO), formation, convicts.*

Необходимо помнить, что на формирование социально-психологического климата ИУ существенное влияние оказывает сама пенитенциарная система, которая окрашена рядом специфических характеристик. В частности таких, как вынужденное взаимодействие с осужденными; наличие «тюремных правил»; организационная система ИУ территориально компактна; локализованная исходная цель, а также определенная неизменность основных атрибутов лишения и ограничения свободы; организационная система ИУ регулируется правовыми нормами; организационная система ИУ опосредована наличием субординации в организационных отношениях; организационная система опосредована функциональной обособленностью представителей различных служб.

Все эти характеристики оказывают влияние на формирование неблагоприятных психологических факторов таких, как напряженность и стрессогенность, возникающие в результате общения с негативно настроенными осужденными по отношению к администрации ИУ, появление у сотрудников таких психических состояний, как безразличие, равнодушие к человеческим страданиям, черствость и сухость по отношению к осужденным, возникающие в результате наблюдения за человеческим страданием и горем, которые сопровождают уголовные наказания в виде лишения свободы; потеря психологической энергии, физических сил и эмоционального истощения, возникающие в результате наличия экстремальности и т. д., что в свою отрицательно сказывается на процесс формирования благоприятного психологического климата.

При рассмотрении социально-психологического климата сотрудников ИУ наиболее корректным является выделение трех его составляющих (В.М. Шепелем):

социальный климат, который определяется осознанием общих целей и задач организации;

моральный климат, определяющийся принятыми моральными ценностями организации;

психологический климат, т.е. те неофициальные отношения, которые складываются между работниками.

Именно изучение социально-психологического климата ИУ с этих трех сторон позволит всесторонне исследовать данную проблему.

Хотелось бы раскрыть каждый аспект поподробнее, но уже с позиции лично наших взглядов на данную проблему. Социальный климат, по-нашему мнению, определяется в первую очередь социальным происхождением сотрудника ИУ, играемой им социальной ролью и только потом социальными целями и задачами, их соответствием целям и задачам организации. К определению чисто социальных целей можно отнести вопросы типа: для чего он пришел в эту организацию? чего он этим хочет достичь? и как расценивает свой коллектив? Только ответив на эти вопросы, можно уже говорить о соответствии других целей и задач сотрудника ИУ целям самой организации, т.е. если сотрудник расценивает исправительное учреждение лишь как ступень для повышения своего социального статуса, причем не столь длинную, то ни о каком согласовании целей речи быть не может. Можно будет говорить о стабильно хорошем социальном климате при условии, что все сотрудники находятся приблизительно в одном социальном слое и принимают, хотя бы частично, установки других своих коллег. Эта составляющая СПК влияет на возможность людей работать в команде и действовать согласованно. Чем лучше социальный климат, тем легче людям «срабатываться».

Вторая составляющая СПК - это моральный климат, который определяется соотношением ценностей каждого сотрудника ИУ и ценностей всей организации. Эта составляющая должна обязательно учитываться на этапе найма персонала, ведь если человек, не разделяет ценности ИУ, и сам не реализовывается себя в полную силу, и является создателем диссонанса в коллективе, что, в свою очередь, отрицательно влияет на деятельность всего учреждения.

И третья составляющая - это психологический климат, который складывается из совокупности межличностных неофициальных отношений с работниками. Чем лучше эти отношения, чем больше у сотрудников ИУ «общих мест», тем комфортнее психологическая обстановка.

Как видно из вышеизложенного, представляется целесообразным при изучении СПК уделить внимание и такой проблеме, как морально-психологической климат (МПК).

В научных источниках МПК определяют, как «устойчивое морально-нравственное состояние группы (команды), в котором отражаются настроения людей, их групповое мнение, отношение друг к другу и важнейшим материальным и духовным ценностям, к целям развития группы. Это относительно устойчивая характеристика межличностных отношений в группе, от которых во многом зависит эффективность деятельности группы в целом и отдельных ее участников, удовлетворенность членством и сплоченность, перспективность развития группы и коллектива» [15]. Именно МПК в коллективах сотрудников ИУ во многом опосредован их уровнем развития личностной толерантности.

Необходимо отметить, что помимо сложности СПК, наличия в нем нескольких составляющих, он носит еще и ситуационный характер, т.е. формируется уже в определенных условиях деятельности, в сложившейся организационной культуре, в зависимости от определенных условий и факторов. Следовательно, можно утверждать, что СПК образуется непроизвольно (и не подлежит формализации, в отличие от организационной культуры, которая часто формулируется в корпоративных кодексах, сводах правил и т.д.) как ответная реакция людей (возможно, эмоциональная) на факторы внешней среды, как непосредственно исходящие из самой организации, других подразделений или от руководства, так и на независимые изменения в окружающей компанию среде или самого человека. К первым можно отнести директивы руководителей, новые назначения, взаимоотношения с коллегами, сам процесс деятельности и т.п. Ко второй группе, своего рода факторам макросреды, - изменение ситуации в стране, какие-либо чрезвычайные ситуации, возможно, даже сезонные колебания, а также нечто происходящее в личной жизни человека, его семье, с его близкими.

Исследования СПК в правоохранительных органах и исправительных учреждениях связывают с формированием отечественной юридической психологии. Это стало возможным в результате накопления к началу 70-х годов XX века научных данных в целом ряде смежных наук (научная организация труда, военная, социальная психология, теория социального управления, право, этика и др.) Значительный вклад в становление психологии управления правоохранительными органами внесли ученые, исследовавшие общие проблемы управления правоохранительными органами и, в особенности, органами внутренних дел.

В работах, таких ученых, как В.А. Бакеев, В.З. Веселый, С.Е. Вицин, Г.Г. Зуйков, К.Е. Егошев, А.Ф. Майдыков, Г.А. Туманов и др. делается первая попытка адаптировать идеи об социально-психологическим климате применительно к управлению в сфере правопорядка.

В развитии психологии управления и учения об особенностях формирования и развития СПК правоохранительными органами можно выделить несколько подходов.

С 1974 года стала формироваться процессуально-деятельностная концепция управления, автором которой был А.И. Китов. Теоретической

базой ее разработки стали появившиеся в конце 60-х годов труды по теории управления, а также разработки теоретиков управления в правоохранительных органах – Г.Г. Зуйкова, Г.А. Туманова, В.З. Веселого, А.Ф. Майдыкова и др.

Процессуально-деятельностная концепция управления делает акцент при исследовании психологических особенностей социально-психологического климата на психологии личности и управленческой деятельности руководителя. В качестве главного механизма формирования эффективного СПК выделено управленческое решение как реакция на практическую проблему, возникшую в тот или иной момент перед руководителем и правоохранительными органами.

Данный подход оказался полезным и востребованным не только в рамках психологии управления, но и процессе становления управленческой науки в правоохранительных органах. В частности, были внесены уточнения в понятия субъекта и объекта управления, социальных систем, структуры и процесса управленческой и исполнительской деятельности, социально-психологических явлений во внешней организации среды, значимых для ее эффективного функционирования. Также был предложен механизм эффективного формирования социально-психологического климата.

В условиях современной России часть положений этой концепции нуждается в уточнении и дополнительных исследованиях, однако, конкретные психологические разработки многих вопросов не утратили своего значения. Концепция А.И. Китова охватывала вопросы текущего (ситуативного) управления, не учитывая всех психологических факторов, влияющих на эффективность управления и формирования социально-психологического климата в ИУ.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинико-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С, 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимско-

го юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[15] "Словарь понятий и определений - Персонал"/ Под ред. Семенова А.И. - М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1999.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S, 6-8.

[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[15] "Dictionary of Concepts and Definitions - Personnel "/Ed. Semenova A.I. - M.: Business School" Intel Synthesis, "1999.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-322-325

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2233-0230, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ВОПРОСЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА ПЕНИТЕНЦИАРНЫМИ РАБОТНИКАМИ

Аннотация. *Материалы статьи посвящены многочисленным и актуальным вопросам духовно-нравственного развития и реализации аксиологического подхода пенитенциарными работниками. Отметим, что практика реализации в пенитенциарной сфере педагогических исследований, посвященных использованию аксиологического подхода в работе пенитенциарных работников с осужденными в целом, имеет определенную историю и методическое наследие.*

Гипотезой исследования является предположение, что, духовно-нравственное развитие и реализация аксиологического подхода пенитенциарными работниками является педагогическим и социально-психологическим процессом целенаправленного, многопланового, систематического, организованного и скоординированного сопровождения, направленного на формирование у пенитенциарных работников гражданственности, государственности, патриотизма и профессионально-значимых качеств.

Целью статьи является раскрытие содержания духовно-нравственного развитие и реализация аксиологического подхода, реализуемых пенитенциарными работниками.

Методы и методики статьи: изучение теоретико-методологических основ, концепций и теорий, посвященных духовно-нравственному развитию и реализации аксиологического подхода, реализуемых пенитенциарными работниками.

Результатом исследования стала возможность определения категорий «духовно-нравственное развитие» и «аксиологический подход» под которыми мы понимаем педагогический и социально-психологический процесс целенаправленного, многопланового, систематического, организованного и скоординированного сопровождения, направленного на формирование у пенитенциарных работников гражданственности, государственности, патриотизма и профессионально-значимых качеств.

Ключевые слова: *духовно-нравственное развитие, реализация аксиологического подхода, воспитательная работа с осужденными, воспитательная работа с сотрудниками, пенитенциарные работники, теоретико-методологические основы.*

KAZBEROV Pavel N.,
Leading Researcher, FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences

ISSUES OF SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE AXIOLOGICAL APPROACH BY PENITENTIARY WORKERS

Annotation. *This article addresses numerous and pressing issues related to spiritual and moral development and the implementation of an axiological approach by penitentiary workers. It should be noted that the practice of implementing pedagogical research in the penitentiary sphere, dedicated to the use of an axiological approach in the work of penitentiary workers with convicts in general, has a certain history and methodological heritage.*

The research hypothesis is that spiritual and moral development and the implementation of an axiological approach by penitentiary workers is a pedagogical and socio-psychological process of targeted, multifaceted, systematic, organized, and coordinated support aimed at developing civic consciousness, statehood, patriotism, and professionally significant qualities in penitentiary workers.

The purpose of this article is to reveal the content of spiritual and moral development and the implementation of an axiological approach by penitentiary workers. The article's methods and techniques include a study of the theoretical and methodological foundations, concepts, and theories devoted to spiritual and moral development and the implementation of the axiological approach by penitentiary workers.

The study resulted in the ability to define the categories of "spiritual and moral development" and "axiological approach," which we define as a pedagogical and socio-psychological process of targeted, multifaceted, systematic, organized, and coordinated support aimed at developing civic consciousness, statehood, patriotism, and professionally significant qualities in penitentiary workers.

Key words: *spiritual and moral development, implementation of the axiological approach, educational work with convicts, educational work with employees, penitentiary workers, theoretical and methodological foundations.*

Введение.

Актуальность многочисленных и актуальных вопросов духовно-нравственного развития и реализации аксиологического подхода пенитенциарными работниками очевидна. Отметим, что практика реализации в пенитенциарной сфере педагогических исследований, посвященных использованию аксиологического подхода в работе пенитенциарных работников с осужденными в целом, имеет определенную историю и методическое наследие.

Отметим, что воспитание как органическая часть системы профессионального сопровождения, создает условия для развития личности, ее жизненного становления и самоутверждения. Такая трактовка позволяет рассматривать воспитание как процесс управления развитием личности работника УИС через создание благоприятной воспитательной среды, ее наполнение разнообразными формами и методами, позволяющими максимально реализовать способности и задатки каждой личности.

Гипотезой публикации является предположение о том, что, духовно-нравственное развитие и реализация аксиологического подхода пенитенциарными работниками является педагогическим и социально-психологическим процессом целенаправленного, многопланового, систематического, организованного и скоординированного сопровождения, направленного на формирование у пенитенциарных работников гражданственности, государственности, патриотизма и профессионально-значимых качеств.

Цель статьи – раскрытие содержания духовно-нравственного развитие и реализация аксиологического подхода, реализуемых пенитенциарными работниками.

Результаты исследования.

Категория «ценность» определяется в педагогике как «специфическое восприятие объектов социального окружения, определяющее их как отрицательные либо положительные для личности, социума» [4, с. 162; 6, с. 73].

Аксиологический подход в педагогике – это, по мнению Сластенина В.А. философско-педагогическое направление, основанное на исследовании ценностей и их роли в образовании. С точки зрения Сластенина В.А. формирование аксиологического подхода способствовало формированию нового направления в педагогике– педагогической аксиологии (Асташова Н.А., Булынин А.М., Сластенин В.А, Чижакова Г.И. и др.). Под педагогической аксиологией понимается «дисциплина, исследующая ценности образования, как смыслообразующие основания человеческого бытия, которые задают направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретных поступков» [2, с. 115; 6, с. 200].

Современная педагогика и психология все чаще рассматривают воспитание не как целенаправленное формирование личности согласно избранному идеалу, а как создание оптимальных условий для саморазвития и самореализации личности.

Воспитание как органическая часть системы профессионального сопровождения, создает условия для развития личности, ее жизненного становления и самоутверждения. Такая трактовка позволяет рассматривать воспитание как процесс управления развитием личности работника УИС через создание благоприятной воспитательной среды, ее наполнение разнообразными формами и методами, позволяющими максимально реализовать способности и задатки каждой личности. Воспитательная система выступает как упорядоченная целостная совокупность компонентов, взаимодействие и интеграция которых обусловливает наличие способности целенаправленно и эффективно содействовать воспитанию личности пенитенциарных работников, курсантов

образовательных организаций ФСИН России [1, с. 16; 3, с. 13].

Практика реализации в пенитенциарной сфере педагогических исследований, посвященных использованию аксиологического подхода в работе пенитенциарных работников с осужденными в целом, имеет определенную историю и методическое наследие. Иное дело аналогичные исследования в методологическом направлении рассматриваемого проблемного вопроса. Тем не менее, в имеющемся методическом наследии педагогических исследований совсем незначительное и малочисленное количество принадлежит именно исследованиям, раскрывающих различные методологические характеристики использования аксиологического подхода.

А в частности, педагогических исследований, посвященных методологическим аспектам использования традиционных российских духовно-нравственных ценностей в практике работы пенитенциарных работников, существует крайне мало [7-9]. Представляется логичным, что для того чтобы иметь представление о традиционных российских духовно-нравственных ценностях действующий субъект воспитательной работы должен для начала уметь диагностировать (определять) состояние, проявление указанных ценностей у объекта воздействия. Помимо диагностики ценностей необходима компетентность рассматриваемого субъекта в консультативном и коррекционном направлениях работы по формированию и развитию традиционных российских духовно нравственных ценностей. Без указанных выше компонентов аксиологической компетентности субъекта воспитательного воздействия его работа лишена смысла [10, 11].

Система реализации духовно-нравственного развития и аксиологического подхода пенитенциарными работниками в учреждениях и органах УИС может быть разделена на отдельные направления и формы, имеющие свои составляющие. Каждое мероприятие должно организовываться так, чтобы, по возможности, включать в себя различные по характеру и направленности формы воздействия, например, спортивное мероприятие посвящается памяти известного ветерана УИС. То есть становиться профессиональным и историческим по подтексту влияния, исторический экскурс аккумулирует не только культурное развитие, но и патриотическое, нравственное и др., участие в акциях, флэш-мобах, конкурсах направляется не только на поддержание семейных ценностей и эстетическое воспитание, но и на иные формы воздействия – оказание добровольческой, экологической помощи и т.д.

Рис. 1. Система реализации духовно-нравственного развития и аксиологического подхода пенитенциарными работниками

Целесообразно, чтобы такие мероприятия открывали значимые и авторитетные для участников и гостей мероприятия лица: ветераны службы, знаменитые спортсмены, выдающиеся деятели культуры и искусства, герои специальной военной операции и т.д. Дата соревнований и их название может быть приурочена к дням воинской славы или памятным датам в истории России. Также актуально посвящение соревнований памяти каким-либо выдающимся деятелям спорта или людям, внесшим вклад в строительство могущества нашего государства. Важно помнить, что патриотический (исторический, профессиональный и т.д.) компонент воспитательной работы многолик и творчески разнообразен.

В соответствии с действующими приказами воспитательное воздействие на пенитенциарных работников осуществляется с использованием следующих форм информационно-пропагандистской работы: занятий по общественно-государственной подготовке; планового, оперативного общественно-политического и государственно правового информирования, просмотра учебных кино- и видеофильмов, общих собраниях, прямого обращения руководителей всех уровней к работникам УИС, научно-практических конференций, тематических вечеров, применения средств наглядной агитации и др.

Таким образом, под духовно-нравственным развитием и реализацией аксиологического подхода пенитенциарными работниками мы понимаем педагогический и социально-психологический процесс целенаправленного, многопланового, систематического, организованного и скоординированного сопровождения, направленного на формирование у пенитенциарных работников гражданственности, государственности, патриотизма, профессионально-значимых качеств, сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, а также таких важнейших социальных качеств личности работника и курсанта как граждан общества и носителей общечеловеческих ценностей: мировоззренческих, гуманистических, правовых, культурных, этических, трудовых и духовных.

Список литературы:

[1] Белик Я.Я. Психическая саморегуляция в экстремальных условиях деятельности. Академия управления МВД России Москва: 1989. С. 23.

[2] Давыдова Н.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. – 2019. – № 2. – С. 111-116.

[3] Коноплева И.Н. Эффективность тренингов для подготовки сотрудников правоохранительных органов к деятельности в экстремальных

условиях // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. С. 33.

[4] Кулакова С.В. Научно-методологический анализ проблемных аспектов систематизации мер профилактики суицидального поведения осужденных, подозреваемых и обвиняемых // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : Сборник материалов IV Международного симпозиума психологов, Рязань, 07–08 апреля 2022 года. Том Часть II. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 129-133.

[5] Кулакова С.В. Психологическая устойчивость и готовность сотрудника уголовно-исполнительной системы к действиям в сложных профессиональных ситуациях // К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М.: сборник материалов круглого стола, Рязань, 17 февраля 2023 г. Рязань: ФКУ НИИИТ, 2023. С. 194-202.

[6] Пенитенциарный контроль : Учебник (экспериментальный) / А.А. Прохожев, А.В. Новиков, А.М. Никитин [и др.]. – Москва : Академия военных наук, 2020. 346 с.

[7] Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. Москва, 2001. – 228 с.

[8] Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей редакцией А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. - Москва: Издательство Юрайт, 2020.

[9] Пузыревский Р.В. Ткаченко Н.И., Орешкова Д.О. Позитивные и негативные изменения в психической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в экстремальных условиях // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 34. С. 372-377.

[10] Смирнов В.Н. Особенности профессиональной экстремально-психологической подготовки сотрудников специальных подразделений ОВД: монография / ВИПК МВД России. – Домодедово. 2003. – 288 с.

[11] Черненилов В.И. Морально-психологическая подготовка личного состава: сущность и проблемы становления в ОВД. Академия управления МВД России Москва: 2012. 128 с.

References:

[1] Belik Ya. Ya. Mental self-regulation in extreme conditions of activity. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Moscow: 1989. P. 23.

[2] Davydova N.V. The Importance of Religious and Moral Education as a Countermeasure to Criminal and Extremist Opposition in Places of Deprivation of Liberty // Law and Education. - 2019. - No. 2. - P. 111-116.

[3] Konopleva I.N. Effectiveness of Trainings for Preparing Law Enforcement Officers for Activities in Extreme Conditions // Psychology and Law. 2011. Vol. 1. No. 1. Pp. 33.

[4] Kulakova S.V. Scientific and Methodological Analysis of Problem Aspects of Systematizing Measures to Prevent Suicidal Behavior in Convicts, Suspects, and Accused Persons // Psychology of the 21st Century: Challenges, Searches, Development Vectors: Collection of Materials of the IV International Symposium of Psychologists, Ryazan, April 7–8, 2022. Volume Part II. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2022. Pp. 129-133.

[5] Kulakova S.V. Psychological Stability and Readiness of a Penitentiary System Employee to Act in Complex Professional Situations // On the 80th Anniversary of the Birth of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V.M. Litvishkov: Collection of Round Table Materials, Ryazan, February 17, 2023. Ryazan: FKU NIIIT, 2023. pp. 194-202.

[6] Penitentiary Control: Textbook (experimental) / A.A. Prokhozhev, A.V. Novikov, A.M. Nikitin [et al.]. - Moscow: Academy of Military Sciences, 2020. 346 p.

[7] Applied Legal Psychology: Textbook for Universities / Ed. by A.M. Stolyarenko. Moscow, 2001. - 228 p.

[8] Psychology of Service Activity: Textbook and Workshop for Universities / A.V. Kokurin [et al.]; edited by A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. - Moscow: Yurait Publishing House, 2020.

[9] Puzyrevsky R.V., Tkachenko N.I., Oreshkova D.O. Positive and Negative Changes in the Mental Activity of Employees of the Criminal-Executive System of the Russian Federation in Extreme Conditions // Modern Problems of Linguistics and Methods of Teaching the Russian Language in Universities and Schools. 2022. No. 34. pp. 372-377.

[10] Smirnov V.N. Features of Professional Extreme Psychological Training of Employees of Special Units of the Internal Affairs Bodies: Monograph / VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Domodedovo. 2003. - 288 p.

[11] Chernenilov V.I. Moral and psychological training of personnel: the essence and problems of development in the internal affairs bodies. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow: 2012. 128 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-326-329
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: v.omelin@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье на основе анализа Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», научной литературы рассматривается понятие оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений. Предлагается авторское определение данного понятия.*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, понятие, значение и задачи оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute of the Federal service for execution of punishment of Russia, Doctor of low, Professor

ON THE CONCEPT OF OPERATIONAL AND SEARCH SUPPORT FOR CRIME INVESTIGATION

Annotation. *Based on the analysis of Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995, "On Operational Investigative Activities," and scientific literature, the article examines the concept of operational investigative support for crime investigation. The author proposes a definition of this concept.*

Key words: *Operational and investigative activities, operational and investigative measures, results of operational and investigative activities, concept, significance, and objectives of operational and investigative support for crime investigation.*

УПК РФ в ряде норм обязывает лиц, осуществляющих предварительное расследование, обеспечить всесторонность, полноту и объективность его производства (ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154). Задача полного, всестороннего и объективного расследования обеспечивается целеустремленным и активным его ведением и предполагает установление следователем объективной картины имевших место событий, установление всех эпизодов преступной деятельности, лиц, допускающих нарушение уголовного закона, выявление и привлечение к ответственности всех преступников, а также принятие мер по созданию обстановки, исключающей возможность совершения подобных преступлений в будущем.

При этом необходимо учитывать, что усилиям одного следователя, как правило, противостоят усилия тех, кто не заинтересован в установлении истины, не желает отвечать за содеянное либо действует в силу различных антиобщественных побуждений. Практика показывает, что действия, направленные на воспрепятствование расследованию, преследуют различные цели, в частности: выработка единой линии поведения лиц, причастных к расследованию криминальных событий; оказание давления на свидетелей, потерпевших и других граждан, располагающих информацией, имеющей существенное значение для установления истины по делу; сокрытие предметов или документов, изобличающих подозреваемых (обвиняемых) в содеянном; уклонение от следствия и др.

Обеспечивая полноту, всесторонность и объективность расследования любого преступления, следователь использует весь комплекс уголовно-процессуальных мер. Одним из способов решения этих задач является использование результатов ОРД в раскрытии и расследовании преступлений.

Эту же мысль подчеркивает Б.Я. Гаврилов,

когда указывает, что сегодня в теории уголовного процесса и ОРД и, соответственно, на практике имеет место представление, согласно которому результаты ОРД могут при определенных условиях стать содержанием уголовно-процессуальных доказательств [1, С. 37].

Оперативно-розыскная информация, своевременно переданная следователю, придает ему уверенность в правоте логических версионных построений, позволяет своевременно изменить направление усилий по установлению обстоятельств совершенного преступления, служит существенной предпосылкой реализации принципа полного, всестороннего и объективного расследования преступлений. Ценность оперативно-розыскной информации заключается также в том, что ее источниками являются, как правило, лица, исчерпывающим образом осведомленные о преступном событии или связанных с ним обстоятельствах.

Значимость оперативно-розыскной информации, имеющей отношение преступному деянию, существенно повышается в ситуации, когда оперативный сотрудник, работающий в тесном контакте со следователем, получает и, главное, своевременно передает в его распоряжение данные, характеризующие не только обстоятельства расследуемого события, но и указывающие на то, что объективно подтверждает происшедшее, где могут быть обнаружены объекты, называемые в юридической литературе «носителями доказательственной информации». Особая ценность подобного рода сведений определяется тем, что реализуя их, следователь получает возможность процессуальным путем установить и зафиксировать наличие не известных ранее документов и предметов, использованных подозреваемыми и обвиняемыми при подготовке или совершении преступлений либо служащих средством сокрытия или маскировки последних.

С учетом сказанного выясним, хотя бы кратко, что представляет собой оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений. В юридической науке данное понятие относится к числу таких, по поводу которых многолетняя дискуссия пока еще не привела к общепризнанному результату.

В теории ОРД – именно в ней развернулась в основном эта дискуссия – существует несколько точек зрения на содержания указанного понятия. Одно из первых определений оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений было сформулировано профессором Б.Е. Богданов, под которым он понимал систему логически связанных и взаимообусловленных мер, реализуемых оперативными сотрудниками для своевременного возбуждения уголовного дела по факту обнаружения конкретного преступления, решения вопроса о начале расследования, проведения его в оптимальные сроки, с достаточной полнотой и всесторонностью [2, С. 11].

По мнению А.И. Глушкова, ценность дефиниции, сформулированной Б.Е. Богдановым, заключается в том, что оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений им рассматривается как системное образование, состоящее из ряда элементов, а именно:

а) следователь и органы дознания (в лице оперативных подрадедений) объединены общей целью и обязаны принимать совместные усилия для раскрытия и расследования преступлений, сочетая присущие им методы и средства добывания информации при точном разграничении компетенции;

б) деятельность оперативных сотрудников, если она осуществляется в связи с возбуждением уголовного дела и производством предварительного следствия, носит по отношению к процессуальной обеспечивающий характер и полностью подчинены интересам следствия;

в) основной целью оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений выступает создание благоприятных условий для полного, всестороннего и объективного расследования;

г) субъектами обеспечения процесса расследования преступлений необходимой для следствия информацией и являются оперативные сотрудники, по материалам которых принято решение о возбуждении уголовного дела, и которые наделены правом и обязанностью осуществлять оперативно-розыскную функцию;

д) объектами рассматриваемой деятельности выступают факты, лица, обстоятельства, предметы и документы, которые необходимы для раскрытия и расследования преступлений, то есть сведения о носителях доказательственной информации [3, С. 43-44].

В теории ОРД оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования преступлений рассматривается как один из организационно-тактических комплексов оперативно-розыскных мер, самостоятельная организационно-тактическая форма ОРД [4, С. 278-287].

В специальной научной литературе встречается и такой термин, как оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства [5]. Представляется, что по своему содержанию наиболее точным в лингвистическом плане является термин «оперативно-розыскное обеспечение». Под термином «обеспечить» понимается «снабдить чем-нибудь в нужном количестве», «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым», «гарантировать, сделать что-нибудь верным, несомненным», а термин «обеспечение» - как

«то, чем обеспечивают кого-нибудь», а также «то, что служит ручательством, гарантией, обеспечивает сохранность, исполнение чего-нибудь» [6, С. 525]. Термин же «сопровождение» - это «то, что сопровождает какое-нибудь явление, процесс», а также «специальная группа, сопровождающая кого-, что-нибудь» [6, С. 1035].

В настоящее время термин «оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений (уголовного судопроизводства)» получает все большее распространение в научной литературе [3; 7]. Следует согласиться с авторами, которые указывают, что речь идет об обеспечении оперативными силами и средствами всего процесса расследования – от возбуждения уголовного дела до завершения следственного производства по делу и рассмотрения его в суде. При этом решается множество весьма разнообразных организационных и тактических задач, которые можно условно разделить на две группы. Первая группа - это задачи, традиционно связанные непосредственно с раскрытием и расследованием преступлений: обеспечение следователя оперативной информацией обо всех обстоятельствах преступления; выполнение его поручений о производстве розыскных и следственных действий; оказание ему помощи в подготовке и проведении сложных, трудоемких следственных действий и т.п. Вторая группа задач, образно говоря, нацелена на создание возможно благоприятных условий для процесса расследования, на предупреждение и пресечение любых попыток оказать на следователя и иных участников процесса противоправное воздействие со стороны лиц, не заинтересованных в объективном расследовании дела [8, С. 21-22].

Анализ практики раскрытия и расследования преступлений, изучение литературных и нормативно-правовых источников по данной проблеме дает основание сделать вывод о том, что легализовать результаты ОРД с целью их использования в уголовном судопроизводстве можно при соблюдении следующих требований:

а) наличие в оперативных материалах достаточных данных, указывающих на признаки преступления, в том числе время, место и способ совершения, ущерб, конкретные обстоятельства, сведения о лицах, причастных к преступлению;

б) оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) проведены в соответствии со ст. 6-8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливающими виды ОРМ, основания и условия их проведения;

в) результаты ОРМ оформлены в соответствии с нормами Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также межведомственных и ведомственных нормативных правовых актов;

г) обеспечена безопасность лиц, ведущих ОРД, в связи с использованием результатов ОРД, полученных с их участием, для формирования доказательств.

Элементом оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства следует признать представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Согласно межведомственной Инструкции результаты ОРД представляются указанным субъектам в виде рапорта об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ) или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности (приложение N 1) (п. 6) [9].

При получении материалов, собранных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следователю надлежит проверить следующее: соблюдены ли положения Закона о том, в каких целях проведено данное ОРМ; проведено ли ОРМ уполномоченным на то государственным органом; предусмотрены ли Законом ОРМ, в результате которых получена представленная информация; имелись ли законные основания для проведения ОРМ; соблюден ли установленный Законом особый порядок проведения ОРМ, который связан с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, а также прав на неприкосновенность жилища; правильно ли оформлены документы выдачи и изъятия предметов.

Для оперативных сотрудников важными задачами оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений е является: выявление оперативно-розыскным путем неизвестных следствию эпизодов преступной деятельности лиц, проходящих по уголовному делу; создание условий для подготовки и осуществления отдельных следственных действий; воспрепятствование попыткам воздействия заинтересованных в сокрытии следов преступления лиц на свидетелей содеянного и иных участников уголовного судопроизводства; обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, могущих оказать содействие в изобличении преступников; использование оперативно-розыскных возможностей в целях предотвращение попыток уклонения обвиняемых и подозреваемых от следствия и суда.

Опираясь на приведенные положения, под оперативно-розыскным обеспечением расследования преступлений следует понимать основанный на законах и подзаконных нормативных правовых актах организационно-тактический комплекс оперативно-розыскных мер, направленных на создание необходимых предпосылок для эффективного решения задач возбуждения уголовного дела и доказывания в условиях оптимальной

затраты отведенного для этого законодателем времени, умелого использования процессуальных средств, строжайшей охраны прав и свобод граждан на основе целеустремленного непрерывно протекающего процесса передачи следователю информации, характеризующей различные стороны совершенного преступления.

Список литературы:

[1] Гаврилов Б.Я. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: puo и contra // Оперативно-розыскная деятельность и современность : сборник научных трудов / под ред. д-ра юрид. наук В.С. Овчинского. – Москва : ИНФРА-М. – М., 2022. С. 37.

[2] Богданов Б.Е. Оперативно-розыскное обеспечение расследования хищений социалистического имущества, должностных и хозяйственных преступлений. Лекция.- М., 1981. С. 11.

[3] Глушков А.И. Теоретические, правовые и организационно-тактические основы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства: дис. …докт. юрид. наук. – М., 2003. С. 43-44.

[4] Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник /Под ред. З.Л. Шхагапсоева и Н.П. Голяндина.- Нальчик: Издательство журнала «Эльбрус», 2012. С. 278-287.

[5] Александров А.И. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного преследования организованных преступных групп: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2006.

[6] Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2004. С.525, 1035.

[7] Жук ОД Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства : учебное пособие. – М.: Юрайт, 2022.

[8] Волынский В.А., Удовыдченко М.А. Организация и тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений. Лекция. – М., 1999. С. 21-22.

[9] Приказ ФТС РФ, МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 года N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

References:

[1] Gavrilov B.Ya. On the use of the results of operational-search activities in proving in criminal cases: puo and contra // Operational-search activities and modernity: collection of scientific works/ed. Dr. Jurid. Sciences V.S. Ovchinsky. - Moscow: INFRA-M.. - M., 2022. S. 37.

[2] Bogdanov B.E. Operational-search support for the investigation of theft of socialist property, official and economic crimes. Lection.- M., 1981. S. 11.

[3] Glushkov A.I. Theoretical, legal and organizational-tactical foundations of operational-search support of criminal proceedings: dis.... doc. jurid. sciences. - M., 2003. S. 43-44.

[4] Fundamentals of operational-search activities of internal affairs bodies: Textbook/Ed. Z.L. Shkhagapsoeva and N.P. Golyandina. - Nalchik: Publishing house of the magazine "Elbrus," 2012. C. 278-287.

[5] Aleksandrov A.I. Operational-search support of the criminal prosecution of organized criminal groups: author. dis... cand. jurid. sciences. Vladimir. 2006.

[6] Large explanatory dictionary of the Russian language/Ed. D.N. Ushakova. - M., 2004. S.525, 1035.

[7] ZhUK Operational-search support of criminal proceedings: a training manual. - M.: Yurayt, 2022.

[8] Volynsky V.A., Udovydchenko M.A. Organization and tactics of using the results of operational-search activities in the investigation of crimes. Lecture. - M., 1999. S. 21-22.

[9] Order of the Federal Customs Service of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Federal Security Service of the Russian Federation of September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "On Approval of the Instructions on the Procedure submission of the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or court".

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-330-335

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВМЕЩЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ И СОВМЕСТИТЕЛЬСТВА НА СЛУЖБЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Целью исследования выбраны вопросы правового регулирования совмещения обязанностей и совместительства на службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в современных условиях ее развития. Для ее достижения использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. Были рассмотрены законодательные и ведомственные правовые акты, научные литературные источники по теме. Анализ организации кадровой работы в соответствии с национальным трудовым законодательством показывает, что эффективным механизмом ее оптимизации и совершенствования на современном этапе является использование таких правовых институтов как совмещение обязанностей и совместительство. Рассматриваемые правовые институты совмещения обязанностей по должностям и совместительство, несомненно актуальны в деятельности кадровой службы и ее подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее УИС). Являются составной частью правового регулирования деятельности ФСИН России в современных условиях. Существует, развивается и совершенствуется нормативно-правовая база, регулирующая совмещение обязанностей и совместительство сотрудников, проходящих службу в УИС. Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ определил, что с согласия руководителя ФСИН России или уполномоченного руководителя сотрудник вместе с выполнением обязанностей по замещаемой им должности в УИС наделяется правом исполнять обязанности по иной должности в УИС. Тем самым, законодатель относит совмещение обязанностей по должности и совместительству к числу прав сотрудника. В этой связи у сотрудника и его работодателя возникают специфические правоотношения, регулируемые национальным трудовым законодательством, а также указанным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Осуществленный контент-анализ законодательных актов позволил установить основные условия применения совмещения сотрудниками УИС обязанностей по службе. Изучение нормативно-правовой базы, регулирующей совместительство на службе в УИС показало, что оно запрещено для сотрудников УИС. Исключение составляют педагогическая, научная и иная творческая деятельность, а также участи в спортивных мероприятиях в качестве спортсменов. Законодатель также сформулировал определенные условия реализации совместительства в отношении указанных в законе категорий сотрудников УИС, которым оно разрешено. Совмещение обязанностей и совместительство на службе в УИС можно рассматривать в качестве современных релевантных механизмов повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС, соблюдения их и социальных гарантий, развития мотивации работы в УИС.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, совмещение обязанностей, совместительство, служба в уголовно-исполнительной системе, ФСИН России, сотрудники.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MODERN ISSUES OF LEGAL REGULATION OF COMBINING DUTIES AND PART-TIME EMPLOYMENT IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The purpose of the study is to determine the issues of legal regulation of combining duties and part-time employment in the penal enforcement system of the Russian Federation in the modern conditions of its development. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used.: synthesis, comparison, analogy, generalization, included observation. Legislative and departmental legal acts, scientific literary sources on the topic were reviewed. An analysis of the organization of personnel work in accordance with national labor legislation shows that an effective mechanism for its optimization and improvement at the present stage is the use of such legal institutions as combining duties and part-time work. The legal institutions of combining duties in positions and part-time work are undoubtedly relevant in the activities of the personnel service and its departments of institutions and bodies of the penal correction system (hereinafter referred to as the UIS). They are an integral part of the legal regulation of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia in modern conditions. There is, is developing and improving the regulatory framework governing the combination of duties and part-time work of employees serving in the penal system. Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 determined that, with the consent of the head of the Federal Penitentiary Service of Russia or an authorized head, an employee, along with performing duties in his position in the Penitentiary Service, is entitled to perform duties in another position in the Penitentiary Service. Thus, the legislator considers the combination of duties in office and part-time among the rights of an employee. In this regard, the employee and his employer have specific legal relations regulated by national labor legislation, as well as the specified law and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. The content analysis of the legislative acts made it possible to establish the basic conditions for the use of combining duties by employees of the management System. A study of the regulatory framework governing part-time employment in the UIS has shown that it is prohibited for UIS employees. The exceptions are pedagogical, scientific and other creative activities, as well as participation in sports events as athletes. The legislator also formulated certain conditions for the implementation of part-time work in relation to the categories of employees of the penitentiary system specified in the law, to whom it is allowed. Combining duties and working part-time in the UIS can be considered as modern relevant mechanisms for improving the effectiveness of the professional activities of UIS employees, observing their social guarantees, and developing motivation to work in the UIS.*

Key words: *legal regulation, combination of duties, part-time work, service in the penal system, Federal Penitentiary Service of Russia, employees.*

Введение. Теоретико-правовой анализ организации кадровой работы в соответствии с национальным трудовым законодательством показывает, что эффективным механизмом ее оптимизации и совершенствования на современном этапе является использование таких правовых институтов как совмещение обязанностей и совместительство.

Первый реализуется во исполнение части первой статьи 60.2 Трудового кодекса Российской Федерации и предполагает возложение на сотрудника дополнительных обязанностей, путем совмещения профессий (должностей), расширения зон обслуживания, увеличения объема работы [1]. Как правило, совмещение используется кадровыми службами организаций, их подразделениями, учреждениями и органами для:

оптимизации количества работников в экономически сложные периоды;

исполнения обязанностей временно отсутствующего коллеги;

в предпраздничные и праздничные дни, накануне летних отпусков.

При этом закон определил обязательные условия применения внутреннего совмещения обязанностей по должностям, отнеся к ним сле-

дующие:

место работы сотрудника, к которому применяется совмещение должно быть основным;

сотрудник должен работать в организации по трудовому договору;

совмещение обязанностей сотрудником возможно лишь в течение рабочего дня (смены);

наличие письменного согласия сотрудника на совмещение обязанностей по должности;

дополнительная оплата работодателем труда сотрудника, совмещающего обязанности по должности;

правовое закрепление времени и условий труда сотрудника совмещающего обязанности по должности в локальном нормативном акте, издаваемом работодателем.

Таким образом, при совмещении обязанностей по должностям работа осуществляется без отрыва от основной в соответствии с замещаемой должностью, с сотрудником не заключается новый трудовой договор, запись в трудовую книжку не производится, что подчеркивает временный характер дополнительно выполняемого объема работы.

Совместительство регулируется статьей 60.1 ТК РФ и предполагает выполнение другой регулярной работы в свободное от основной работы время с оформлением отдельного трудового договора как у основного, так и другого работодателя (внутреннее и внешнее) [2].

Рассматриваемые правовые институты совмещения обязанностей по должностям и совместительство, несомненно актуальны в деятельности кадровой службы и ее подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее УИС). Являются составной частью правового регулирования деятельности ФСИН России в современных условиях [3, с. 32-36]. Так, в разделе 18 Концепции развития УИС на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р в качестве целей определены формирование стабильного высокопрофессионального кадрового состава, а также стимулирование сотрудников, предусматривающее создание многофакторной системы мотивации [4]. В данном контексте анализируемый правовой институт совмещения обязанностей по должностям и совместительство можно рассматривать не только как механизм оптимизации деятельности служб и подразделений УИС, но и как действенная мера дополнительного стимулирования их труда, формирования и развития профессиональной мотивации сотрудников [5, с. 45-48].

Методы и принципы исследования. Для изучения вопросов правового регулирования совмещения обязанностей и совместительства на службе в уголовно-исполнительной системе России в современных условиях ее развития использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. Были рассмотрены законодательные и ведомственные правовые акты, научные литературные источники по теме.

Основные результаты. Материалы теоретико-правового исследования выявили наличие современной нормативно-правовой базы, регулирующей совмещение обязанностей и совместительство сотрудников, проходящих службу в УИС. Ее составляют следующие законодательные и ведомственные акты:

статьи 60.1 и 60.2 Трудового кодекса Российской Федерации;

Постановление Правительства РФ от 08.06.2019 № 741 «Об утверждении Положения о совмещении обязанностей на службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»;

Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;

Приказ ФСИН России от 13.11.2008 г. № 624 «Об утверждении новой системы оплаты труда гражданского персонала федеральных бюджетных и казенных учреждений уголовно-исполнительной системы».

Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ в статье 34 определил, что с согласия руководителя ФСИН России или уполномоченного руководителя сотрудник вместе с выполнением обязанностей по замещаемой им должности в УИС наделяется правом исполнять обязанности по иной должности в УИС (совмещать обязанности). Таким образом, законодатель относит совмещение обязанностей по должности и совместительству к числу прав сотрудника УИС [6, с. 81-86]. В данной связи у сотрудника и его работодателя возникают специфические правоотношения, регулируемые национальным трудовым законодательством, а также указанным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России [7, с. 419-425].

В части 2 статьи 34 анализируемого закона о службе в УИС сформулированы основные условия применения совмещения сотрудниками обязанностей по службе. Совмещение возможно если оно:

не влечет за собой ухудшение исполнения сотрудником своих обязанностей по замещаемой должности в УИС;

не приводит к возникновению конфликта ин-

тересов.

При этом издан специальный нормативный правовой акт - Постановление Правительства РФ от 08.06.2019 № 741 «Об утверждении Положения о совмещении обязанностей на службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», регламентирующий и детализирующий реализацию правового института совмещения должностей в УИС [8]. Подобный подход законодателя демонстрирует не только актуальность совмещения обязанностей сотрудников, проходящих службу в УИС, но дополнительное закрепление и детализацию в указанном законодательном акте Правительства РФ права сотрудника на совмещение обязанностей как стимулирующую его профессиональную деятельность меру.

В ведомственном правовом акте - Приказе ФСИН России от 13.11.2008 г. № 624 «Об утверждении новой системы оплаты труда гражданского персонала федеральных бюджетных и казенных учреждений уголовно-исполнительной системы» регламентированы вопросы совмещения обязанностей и совместительства и их оплаты, в отношении гражданского персонала УИС [9].

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей совместительство на службе в УИС показал, что оно запрещено для сотрудников УИС. Исключение составляют педагогическая, научная и иная творческая деятельность, а также участи в спортивных мероприятиях в качестве спортсменов [10, с. 250-255]. В данном случае законодатель пошел по пути аналогий в праве, применяя подобный подход к сотрудникам УИС по аналогии с сотрудниками других правоохранительных органов [11, с. 686-690]. При этом указанные виды деятельности, а также участие в спортивных мероприятиях не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства [12]. Об осуществлении такой деятельности сотрудник обязан уведомить непосредственного руководителя [13, с. 220-225].

Таким образом, совмещение обязанностей и совместительство на службе в УИС можно рассматривать в качестве современных релевантных механизмов повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС, соблюдения их и социальных гарантий, развития мотивации работы в УИС.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС»;

Межрегиональном круглом столе «Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи», состоявшемся 24 .04.2024 года в Вологодском институте права и экономики ФСИН России с докладом на тему: «Теоретико-методические аспекты патриотического воспитания курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России».

Заключение. Анализ организации кадровой работы в соответствии с национальным трудо-

вым законодательством показывает, что эффективным механизмом ее оптимизации и совершенствования на современном этапе является использование таких правовых институтов как совмещение обязанностей и совместительство.

Рассматриваемые правовые институты совмещения обязанностей по должностям и совместительство, несомненно актуальны в деятельности кадровой службы и ее подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее УИС). Являются составной частью правового регулирования деятельности ФСИН России в современных условиях.

Существует, развивается и совершенствуется нормативно-правовая база, регулирующая совмещение обязанностей и совместительство сотрудников, проходящих службу в УИС. Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ определил, что с согласия руководителя ФСИН России или уполномоченного руководителя сотрудник вместе с выполнением обязанностей по замещаемой им должности в УИС наделяется правом исполнять обязанности по иной должности в УИС. Тем самым, законодатель относит совмещение обязанностей по должности и совместительству к числу прав сотрудника. В этой связи у сотрудника и его работодателя возникают специфические правоотношения, регулируемые национальным трудовым законодательством, а также указанным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Осуществленный контент-анализ законодательных актов позволил установить основные условия применения совмещения сотрудниками УИС обязанностей по службе. Изучение нормативно-правовой базы, регулирующей совместительство на службе в УИС показало, что оно запрещено для сотрудников УИС. Исключение составляют педагогическая, научная и иная творческая деятельность, а также участи в спортивных мероприятиях в качестве спортсменов. Законодатель также сформулировал определенные условия реализации совместительства в отношении указанных в законе категорий сотрудников УИС, которым оно разрешено.

Совмещение обязанностей и совместительство на службе в УИС можно рассматривать в качестве современных релевантных механизмов повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС, соблюдения их и социальных гарантий, развития мотивации работы в УИС.

Список литературы:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации // Consultant.ru (дата обращения 12.07.2026).

[2] Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.П. Орловского Москва. 2014.

[3] Майдыков А.А., Ковалев О.Г. Регламентирование деятельности ФСИН России как организационно-правовая основа функционирования этой службы // Российский следователь. 2009. № 21. С. 32-36.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 12.04.2026).

[5] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. К вопросу изучения мотивации профессиональной деятельности персонала уголовно-исполнительной системы // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. № 18. С. 45-48.

[6] Ковалев О.Г. К вопросу классификации прав сотрудников уголовно-исполнительной системы // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 81-86.

[7] Ковалев О.Г. Квалификационные требования к должностям в уголовно-исполнительной системе как условие комплектования ее учреждений и органов на современном этапе // Российский научный вестник. 2026. № 3. С. 419-425.

[8] Постановление Правительства РФ от 08.06.2019 № 741 «Об утверждении Положения о совмещении обязанностей на службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 12.07.2026).

[9] Приказ ФСИН России от 13.11.2008 г. № 624 (ред. от 04.06.2025) «Об утверждении новой системы оплаты труда гражданского персонала федеральных бюджетных и казенных учреждений уголовно-исполнительной систем» // Consultant.ru (дата обращения 12.07.2026).

[10] Ковалев О.Г. Нормативно-правовое регулирование права поступления на службу в уголовно-исполнительной системе // Право и управление. 2026. № 5. С. 250-255.

[11] Ковалев О.Г. Правовые вопросы соотношения службы в уголовно-исполнительной системе с другими видами государственной службы в Российской Федерации // Образование и право. № 4. С. 686-690.

[12] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 12.07.2026).

[13] Ковалев О.Г. Запреты и ограничения как условия прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Международный научный вестник. 2026. № 5. С. 220-225.

References:

[1] The Labor Code of the Russian Federation // Consultant.ru (accessed 07/12/2026).

[2] Commentary to the Labor Code of the Russian Federation / Edited by Yu.P. Orlovsky Moscow. 2014.

[3] Maydykov A.A., Kovalev O.G. Regulation of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia as the organizational and legal basis for the functioning of this service // Russian Investigator. 2009. No. 21. pp. 32-36.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (accessed 04/12/2026).

[5] Vilkova A.V., Kovalev O.G. On the issue of studying the motivation of professional activity of the staff of the penitentiary system // Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2023. No. 18. pp. 45-48.

[6] Kovalev O.G. On the issue of classifying the rights of employees of the penal enforcement system // International Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 81-86.

[7] Kovalev O.G. Qualification requirements for positions in the penal enforcement system as a condition for staffing its institutions and bodies at the present stage // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 3. pp. 419-425.

[8] Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/08/2019 No. 741 "On Approval of the Regulations on the combination of duties in the service in the penal system of the Russian Federation" // Garant.ru (accessed 12/07/2026).

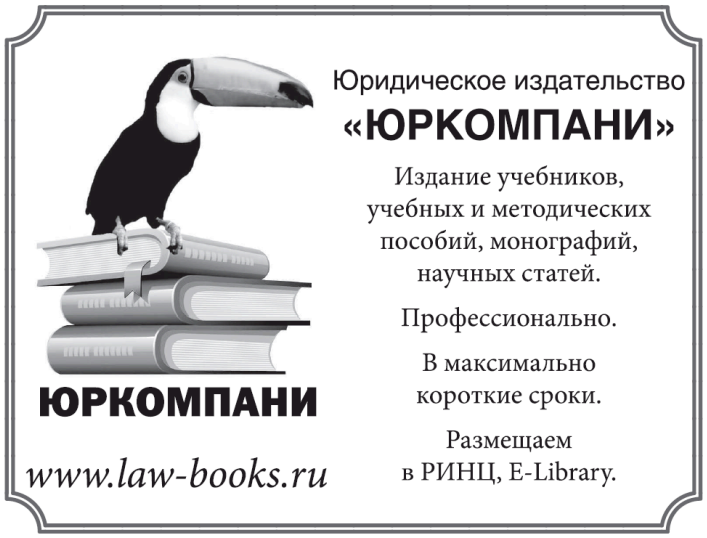
[9] Order No. 624 of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 11/13/2008 (as amended on 06/04/2025) "On approval of a new system of remuneration for civilian personnel of Federal budgetary and State-owned institutions of the penal correction system" // Consultant.ru (date of application 07/12/2026).

[10] Kovalev O.G. Regulatory and legal regulation of the right to enter the service in the criminal-the executive system // Law and Management. 2026. No. 5. pp. 250-255.

[11] Kovalev O.G. Legal issues of the relationship of service in the penal enforcement system with other types of public service in the Russian Federation // Education and Law. No. 4. pp. 686-690.

[12] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" // Garant.ru (accessed 12/07/2026).

[13] Kovalev O.G. Prohibitions and restrictions as conditions of service in the penal system of the Russian Federation // International Scientific Bulletin. 2026. No. 5. pp. 220-225.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-336-340

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2233-0230, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В материалах публикации раскрывается ряд аспектов общего вопроса воспитания духовно-нравственных качеств пенитенциарных работников в образовательном процессе. В частности, рассматривается содержание различных концептуальных оснований реализации духовно-нравственного воспитания пенитенциарных работников, а также содержание понятийно-категориального аппарата методических оснований духовно-нравственного воспитания.*

Гипотезой исследования является предположение, что, воспитательная система как саморазвивающаяся, самоуправляемая, целенаправленная, динамическая, функционирующая в соответствии с законами развития общества, развивающаяся, и ценностно-ориентированная, а также искусственно созданная социальная система способна оказывать значительное воздействие на воспитание духовно-нравственных качеств пенитенциарных работников в образовательном процессе.

Целью статьи является раскрытие теоретико-методологических и концептуальных оснований для возможностей воспитания духовно-нравственных качеств пенитенциарных работников в образовательном процессе.

Методы и методики статьи: изучение теоретико-методологических основ, концепций и теорий, посвященных воспитанию духовно-нравственных качеств пенитенциарных работников в образовательном процессе; сравнительный анализ нормативных правовых источников, регламентирующих возможности рассматриваемого вопроса.

Результатом исследования стал вывод о том, что словарные определения понятия «образование», нормативно-правовые документы и научные публикации позволяют вывести его формулу, которую мы расширили и уточнили, определив ее следующий формат: образование пенитенциарных работников – это воспитание их духовно-нравственных качеств, плюс их обучение профессионально значимым знаниям, умениям и навыка, а также плюс развитие их морально-нравственного иммунитета.

Ключевые слова: *воспитание, образование, духовно-нравственные качества, теоретико-методологические основы, концепции, пенитенциарные работники, образовательный процесс, воспитательная система, морально-нравственный иммунитет.*

KAZBEROV Pavel N.,
Leading Researcher, FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences

ON THE QUESTION OF DEVELOPING SPIRITUAL AND MORAL QUALITIES IN PENITENTIARY WORKERS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Annotation. *The publication explores several aspects of the general issue of fostering the spiritual and moral qualities of penitentiary workers*

in the educational process. Specifically, it examines the various conceptual foundations for implementing the spiritual and moral education of penitentiary workers, as well as the conceptual and categorical framework of the methodological foundations of spiritual and moral education.

The research hypothesis is that an educational system—as a self-developing, self-governing, goal-oriented, dynamic system functioning in accordance with the laws of societal development, evolving, and value-oriented, as well as an artificially created social system—is capable of exerting a significant impact on fostering the spiritual and moral qualities of penitentiary workers in the educational process.

The purpose of this article is to reveal the theoretical, methodological, and conceptual foundations for fostering the spiritual and moral qualities of penitentiary workers in the educational process.

The article's methods and techniques include a study of the theoretical and methodological foundations, concepts, and theories devoted to fostering the spiritual and moral qualities of penitentiary workers in the educational process; a comparative analysis of regulatory legal sources governing the scope of this issue.

The study concluded that dictionary definitions of the concept of "education," regulatory documents, and scientific publications allow us to derive a formula for it. We expanded and refined this formula, defining it as follows: the education of penitentiary workers involves cultivating their spiritual and moral qualities, imparting professionally significant knowledge, skills, and abilities, and developing their moral integrity.

Key words: *upbringing, education, spiritual and moral qualities, theoretical and methodological foundations, concepts, penitentiary workers, educational process, educational system, moral immunity.*

Введение.

Актуальность рассматриваемого в публикации проблемного вопроса подчеркивает положение о том, что целью современной системы реализации духовно-нравственного развития и аксиологического подхода пенитенциарными работниками должна стать подготовка профессионально и культурно ориентированной личности работника, обладающей мировоззренческим потенциалом, способностями к профессиональному, интеллектуальному и социальному творчеству, владеющей устойчивыми умениями и навыками выполнения профессиональных обязанностей.

Между тем, опыт функционирования отечественной пенитенциарной системы лпределяет, что на пенитенциарных работников возлагается широкий спектр задач, выходящих далеко за пределы механического выполнения определенного набора административных функций. Решение этих задач напрямую связано с формированием у работников профессиональных и нравственных качеств, патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к противодействию распространения идеологии терроризма и к выполнению конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Гипотезой публикации выступило предположение о том, что воспитательная система как саморазвивающаяся, самоуправляемая, целенаправленная, динамическая, функционирующая в соответствии с законами развития общества, развивающаяся, и ценностно-ориентированная, а также искусственно созданная социальная система способна оказывать значительное воздействие на воспитание духовно-нравственных качеств пенитенциарных работников в образовательном процессе.

Цель статьи – раскрытие теоретико-методологических и концептуальных оснований для возможностей воспитания духовно-нравственных качеств пенитенциарных работников в образовательном процессе.

Результаты исследования.

Отметим, что содержанием Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, как и аналогичной Стратегией на период до 2030 года (проект), определены социокультурные факторы (вызовы), влияющие на процесс воспитания в нашей стране, к числу которых относятся, в том числе:

психологическое, идеологическое воздействие по насаждению разрушительных идей, деструктивной идеологии и отношений;

проявление «информационной войны» против Российской Федерации;

факты фальсификации мировой и отечественной истории, дискредитации нашего прошлого: армии, государства, народа, традиционных конфессий, попытки разжечь межрелигиозные и межнациональные конфликты между нациями российского народа;

значительная распространенность зарубежного контента, включая тот, который деструктивно влияет на состояние традиционных российских духовно нравственных ценностей;

значительное число аккаунтов, находящихся в социальных сетях, реализующих деструктивный контент;

нехватка педагогических кадров в сфере воспитательной работы и психологической помощи;

недостаточное воспроизводство в обществе либо утрата традиционных российских духовно-нравственные ценностей;

содержание социально гуманитарного образования, в части его материального, учебного и методического обеспечения, не способствующего в полной мере формированию и развитию традиционных российских духовно нравственные ценностей.

Также отметим, что категория «ценность» определяется в педагогике как «специфическое восприятие объектов социального окружения, определяющее их как отрицательные либо положительные для личности, социума» [2, с. 262; 9, с. 373].

Аксиологический подход в педагогике – это, по мнению Сластенина В.А. философско-педагогическое направление, основанное на исследовании ценностей и их роли в образовании [4, с. 130]. С точки зрения Сластенина В.А. формирование аксиологического подхода способствовало формированию нового направления в педагогике – педагогической аксиологии (Асташова Н.А., Булынин А.М., Сластенин В.А, Чижакова Г.И. и др.).

Под педагогической аксиологией понимается «дисциплина, исследующая ценности образования, как смыслообразующие основания человеческого бытия, которые задают направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретных поступков» [1, 140; 5, с. 196].

Практика показывает, что на пенитенциарных работников возлагается широкий спектр задач, выходящих далеко за пределы механического выполнения определенного набора административных функций. Успешное решение этих задач напрямую связано с формированием у работников профессиональных и нравственных качеств, патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к противодействию распространения идеологии терроризма и к выполнению конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Потребность в совершенствовании системы воспитания пенитенциарных работников обусловлена не снижающимся уровнем нарушений служебной дисциплины, законности, дорожно-транспортных происшествий, суицидов, допущенных пенитенциарными работниками, а также наличием различного рода девиаций. Данные негативные явления в служебных коллективах требуют переосмысления, поиска новых теоретико-методологических подходов к воспитанию работников ФСИН России, выстраивания общей концептуальной позиции, парадигмальной направленности, общего дискурса субъектов воспитательной работы.

Целью современной системы реализации духовно-нравственного развития и аксиологического подхода пенитенциарными работниками должна стать подготовка профессионально и культурно ориентированной личности, обладающей мировоззренческим потенциалом, способностями к профессиональному, интеллектуальному и социальному творчеству, владеющей устойчивыми умениями и навыками выполнения профессиональных обязанностей.

Созвучно этой цели в Концепции научного обеспечения деятельности УИС заявлена необходимость перевода научного обеспечения деятельности на качественно новый уровень, повышение координации научной деятельности и внедрение полученных результатов в практику. Современная педагогика и психология все чаще рассматривают воспитание не как целенаправленное формирование личности согласно избранному идеалу, а как создание оптимальных условий для саморазвития и самореализации личности.

Воспитательная система выступает как упорядоченная целостная совокупность компонентов, взаимодействие и интеграция которых обусловливает наличие способности целенаправленно и эффективно содействовать воспитанию личности пенитенциарных работников, курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Современная педагогика показывает – чем более целостной, обобщенной, интегративной является цель воспитания, тем более комплексными, сложными являются пути её достижения. Именно поэтому в педагогическую практику так интенсивно вошло понятие «педагогические технологии». Технология воспитания – это система разработанных наукой и отобранных практикой способов, приемов и процедур воспитательной деятельности, которые подчинены единой воспитательной концепции, долговременной цели формирования целостной личности, а не отдельных её качеств [3, с. 33].

По мнению Е.А. Климова, воспитательная система – это искусственно созданная социальная система, функционирующая в соответствии с законами развития общества, а также целенаправленная, динамическая, развивающаяся, саморазвивающаяся и самоуправляемая, ценностно-ориентированная, целостная, сложная и вероятностная система, в которой взаимосвязь и взаимодействие входящих органов позволяет функционировать как единое целое и обладать интегративными качествами [10, с. 28; 11, с. 32]. Профессиональное развитие выражается, прежде всего, в уровне компетентности, опыте, уровне овладения профессиональным мастерством, прочности профессиональной позиции-профессиональной зрелости.

Понятие «образование» впервые введено в науку швейцарским педагогом И.Г. Песталоцци, жившим в период с 1746 по 1827 гг. Изначально оно использовалось в широком смысле в качестве синонима понятию «воспитание» в значении «формирование образа». Педагогика советского периода сузила его до процесса вооружения обучающихся системой научных знаний, практических умений и навыков [6-8].

Словари, включающие трактовку этого понятия, свидетельствуют об отсутствии единого

его определения. Согласно словарю В.И. Даля, термин «образование» считается производным от глагола «образовывать» в смысле «создавать», «формировать», «выращивать», «развивать ментально», «давать вид, образ», чтобы получилось нечто новое, целостное. Словарные определения понятия «образование», нормативно-правовые документы и научные публикации позволяют вывести его формулу:

ОБРАЗОВАНИЕ = воспитание + обучение + развитие

Таким образом, по результатам вышеуказанного отметим следующее, чтобы человека можно было причислить к категории образованных, он должен быть хорошо воспитан, хорошо обучен и хорошо развит. Воспитывают родители и воспитатели в системе образования, обучают учителя и педагоги, развивают – психологи и психотерапевты. В итоге получается, что образование – это основное условие пожизненного процесса социализации личности и ее индивидуального социального развития, результаты которого могут быть определены на каждой возрастной ступени жизни человека. Таким образом, образование, понимаемое как: воспитание, обучение, и развитие, и тесно связано с социализацией индивида (базовое условие полноценного осуществления этого процесса).

Расширяя и уточняя, таким образом, приведенную выше формулу, определим ее следующий формат:

ОБРАЗОВАНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ = воспитание духовно-нравственных качеств + обучение профессионально значимым знаниям, умениям и навыкам + развитие морально-нравственного иммунитета

Список литературы:

[1] Григорьева А.А. Обзор научных исследований, посвященных проблеме рискованного поведения подростков как вида аутоагрессии // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13, No 4. С. 39–48 https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-nauchnyh-issledovaniy-posvyaschennyh-probleme-riskovannogo-povedeniya-podrostkov-kak-vida-autoagressii (дата обращения: 21.05.2026).

[2] Калашникова М.М., Корсак А.А. Духовно-нравственные ориентиры сотрудников уголовно-исполнительной системы как основа их психологической устойчивости в экстремальных условиях службы // Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты, Рязань, 07 февраля 2025 года. – Тверь: ФКУ НИИ ФСИН России, 2025. – С. 261-265.

[3] Коноплева И.Н. Эффективность тренингов для подготовки сотрудников правоохранительных органов к деятельности в экстремальных условиях // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. С. 33.

[4] Кулакова С.В. Научно-методологический анализ проблемных аспектов систематизации мер профилактики суицидального поведения осужденных, подозреваемых и обвиняемых // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : Сборник материалов IV Международного симпозиума психологов, Рязань, 07–08 апреля 2022 года. Том Часть II. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 129-133.

[5] Кулакова С.В. Психологическая устойчивость и готовность сотрудника уголовно-исполнительной системы к действиям в сложных профессиональных ситуациях // К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М.: сборник материалов круглого стола, Рязань, 17 февраля 2023 г. Рязань: ФКУ НИИИТ, 2023. С. 194-202.

[6] Пенитенциарный контроль : Учебник (экспериментальный) / А.А. Прохожев, А.В. Новиков, А.М. Никитин [и др.]. – Москва : Академия военных наук, 2020. 346 с.

[7] Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. Москва, 2001. – 228 с.

[8] Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей редакцией А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. - Москва: Издательство Юрайт, 2020.

[9] Пузыревский Р.В. Ткаченко Н.И., Орешкова Д.О. Позитивные и негативные изменения в психической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в экстремальных условиях // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 34. С. 372-377.

[10] Смирнов В.Н. Особенности профессиональной экстремально-психологической подготовки сотрудников специальных подразделений ОВД: монография / ВИПК МВД России. – Домодедово. 2003. – 288 с.

[11] Черненилов В.И. Морально-психологическая подготовка личного состава: сущность и проблемы становления в ОВД. Академия управления МВД России Москва: 2012. 128 с.

References:

[1] Grigorieva A.A. Review of scientific research devoted to the problem of risky behavior of adolescents as a type of autoaggression // Psychology. Psychophysiology. 2020. Vol. 13, No. 4. pp. 39–48 https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-nauchnyh-issledovaniy-posvyaschennyh-probleme-riskovannogo-povedeniya-podrostkov-

kak-vida-autoagressii (accessed: 21.05.2026).

[2] Kalashnikova M.M., Korsak A.A. Spiritual and moral guidelines of employees of the penal system as the basis for their psychological stability in extreme conditions of service // Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects, Ryazan, February 7, 2025. – Tver: FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. – Pp. 261-265.

[3] Konopleva I.N. Effectiveness of Trainings for Preparing Law Enforcement Officers for Activities in Extreme Conditions // Psychology and Law. 2011. Vol. 1. No. 1. Pp. 33.

[4] Kulakova S.V. Scientific and Methodological Analysis of Problem Aspects of Systematizing Measures to Prevent Suicidal Behavior in Convicts, Suspects, and Accused Persons // Psychology of the 21st Century: Challenges, Searches, Development Vectors: Collection of Materials of the IV International Symposium of Psychologists, Ryazan, April 7–8, 2022. Volume Part II. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2022. Pp. 129-133.

[5] Kulakova S.V. Psychological Stability and Readiness of a Penitentiary System Employee to Act in Complex Professional Situations // On the 80th Anniversary of the Birth of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V.M. Litvishkov: Collection of Round Table Materials, Ryazan, February 17, 2023. Ryazan: FKU NIIIT, 2023. pp. 194-202.

[6] Penitentiary Control: Textbook (experimental) / A.A. Prokhozhev, A.V. Novikov, A.M. Nikitin [et al.]. - Moscow: Academy of Military Sciences, 2020. 346 p.

[7] Applied Legal Psychology: Textbook for Universities / Ed. by A.M. Stolyarenko. Moscow, 2001. - 228 p.

[8] Psychology of Service Activity: Textbook and Workshop for Universities / A.V. Kokurin [et al.]; edited by A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. - Moscow: Yurait Publishing House, 2020.

[9] Puzyrevsky R.V., Tkachenko N.I., Oreshkova D.O. Positive and Negative Changes in the Mental Activity of Employees of the Criminal-Executive System of the Russian Federation in Extreme Conditions // Modern Problems of Linguistics and Methods of Teaching the Russian Language in Universities and Schools. 2022. No. 34. pp. 372-377.

[10] Smirnov V.N. Features of Professional Extreme Psychological Training of Employees of Special Units of the Internal Affairs Bodies: Monograph / VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Domodedovo. 2003. - 288 p.

[11] Chernenilov V.I. Moral and psychological training of personnel: the essence and problems of development in the internal affairs bodies. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow: 2012. 128 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-341-346

СОКОЛОВА Татьяна Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ МЕРАХ ПРИНУЖДЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. *Уголовное судопроизводство, выступающее в качестве публично-правовой деятельности государства по расследованию преступлений и привлечению виновных к ответственности, немыслимо без наличия эффективного механизма процессуального принуждения. Закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации механизм призван обеспечивать не только ход представительного расследования и судебного производства, но и исполнение вынесенного приговора. При этом центральное место в данном механизме занимает специальная группа мер, именуемая в уголовно-процессуальном законодательстве – иные меры процессуального принуждения.*

Ключевые слова: *Уголовный процесс, меры пресечения, участники уголовного процесса, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, следователь.*

SOKOLOVA Tatyana Sergeevna,
PhD, Associate Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Deputy Head MVD of the Department of Physical Training, Colonel of Police

ON THE ISSUE OF ENFORCEMENT MEASURES AIMED AT ENSURING PROPER BEHAVIOR OF PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCESS

Annotation. *Criminal proceedings, which are the state's public legal activity aimed at investigating crimes and bringing the perpetrators to justice, are impossible without an effective mechanism of procedural coercion. The mechanism established in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is designed to ensure not only the progress of the investigation and judicial proceedings, but also the execution of the verdict. At the same time, a special group of measures known as "other measures of procedural coercion" plays a central role in this mechanism.*

Key words: *Criminal proceedings, preventive measures, participants in criminal proceedings, suspect, accused, witness, investigator.*

Иные меры процессуального принуждения, обусловленные особым научным и практическим интересом, объективируются своей универсальной правовой природой. Так, в отличие от мер пресечения, меры принуждения применяются в отношении не только подозреваемого, обвиняемого, но и иных участников уголовного процесса (свидетелям, потерпевшим, экспертам и др.), что, безусловно, расширяет сферу их действия и, соответственно, потенциал для ограничения конституционных прав и свобод личности. Непосредственно поэтому требование о точном, обоснованном и законном применении приобретает особое значение в рамках соблюдения принципов уголовного процесса.

Правовое регулирование обязательства о явке как одной из иных мер процессуального принуждения осуществляется положениями ст. 112 УПК РФ. Законодательная конструкция данной меры характеризуется лаконичностью и оставляет ряд существенных вопросов, порождающих дискуссии в теории и сложности в правоприменительной деятельности. Как следует из указанной статьи, обязательство о явке может быть взято

у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля при наличии на то необходимости, однако данный перечень субъектов вступает в системное противоречие со ст. 111 УПК РФ, которая, определяя общие условия применения мер процессуального принуждения, относит к их числу гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и понятого. Указанная коллизия неоднократно становилась предметом критики в научной доктрине, что позволяет констатировать наличие пробела в правовом регулировании [8]. В этой связи представляется необходимым законодательное закрепление исчерпывающего и непротиворечивого перечня участников уголовного судопроизводства, в отношении которых допустимо применение обязательства о явке, приведя его в соответствие с общим замыслом законодателя, отраженным в ст. 111 УПК РФ.

Правовая природа анализируемой меры раскрывается в ч. 2 ст. 112 УПК РФ и заключается в письменном обязательстве лица своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также незамедлительно сообщать об изменении места своего жительства. Кроме того, законодатель справедливо указывает на необходимость разъяснения последствий нарушения принятого обязательства, однако сама система таких последствий и форм ответственности в уголовно-процессуальном законе отсутствует. Данный недостаток правовой регламентации снижает превентивные и обеспечительные возможности меры. В целях повышения его эффективности обоснованным видится закрепление в ст. 112 УПК РФ четких санкций за неисполнение обязательства о явке, таких как привод или денежное взыскание.

Важнейшей проблемой является отсутствие в законе конкретных оснований для применения обязательства о явке. Законодатель ограничивается оценочной формулой «при наличии необходимости», что предоставляет правоприменителю широкую «вольность» и ведет к произвольному использованию данной меры [2]. В научной литературе высказывается точка зрения о том, что основания для избрания обязательства о явке могут быть коррелированы с основаниями избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде учитывая схожесть возлагаемых обязанностей (явка по вызовам) [4], однако с данной позицией согласиться нельзя, поскольку меры пресечения, обладая ярко выраженным ограничительным характером, применяются исключительно в отношении подозреваемого и обвиняемого для предотвращения противодействия с их стороны производству по уголовному делу. Обязательство о явке, будучи иной мерой процессуального принуждения, имеет иную процессуальную природу и более широкий субъектный состав. Таким образом, представляется необходимым четкое законодательное определение оснований применения обязательства о явке. В качестве таковых следует рассматривать наличие достаточных данных полагать, что участник процесса может уклониться от явки по вызову, тем самым нарушив порядок уголовного судопроизводства.

Анализ правоприменительной практики демонстрирует тенденцию, когда обязательство о явке используется как альтернатива подписке о невыезде. Это обусловлено тем, что избрание любой меры пресечения в отношении подозреваемого в соответствии с ч. 1 ст. 100 УПК РФ обязывает следователя или дознавателя предъявить обвинение в строго установленный 10-суточный срок. В ситуации, когда доказательств для предъявления обвинения недостаточно, должностное лицо, стремясь обеспечить явку, но избегая процессуальных ограничений, связанных с мерой пресечения, предпочитает использовать обязательство о явке. Хотя подписка о невыезде, безусловно, является более эффективной мерой ввиду возможности последующего избрания более строгой меры пресечения при ее нарушении, ее применение не всегда процессуально оправданно на ранних стадиях расследования [5].

Несмотря на отмеченные недостатки правовой регламентации, обязательство о явке играет существенную роль в обеспечении надлежащего поведения участников процесса, в первую очередь свидетелей и потерпевших. Его значение усиливается в контексте ст. 188 УПК РФ, закрепляющей обязанность лица, вызываемого на допрос, явиться в назначенный срок либо заблаговременно уведомить следователя о причинах неявки. В этом случае, обязательство о явке служит дополнительным правовым инструментом, обеспечивающим выполнение данной обязанности и минимизирующим риск нарушения хода предварительного расследования. Таким образом, обязательство о явке является наиболее распространенной иной мерой процессуального принуждения, сущность которой состоит в добровольном принятии лицом обязанностей по явке и уведомлению о смене места жительства без прямого ограничения его прав. Кроме того, проведенный анализ выявил ряд системных проблем в его правовой регламентации, выражающихся в противоречиях в субъектном составе, отсутствии конкретных оснований применения, а также неопределенности последствий нарушения. Также практика демонстрирует его использование в качестве подмены меры пресечения для процессуальных обязательств, связанных с предъявлением обвинения.

Следующей иной мерой процессуального принуждения, обеспечивающей надлежащее по-

ведение участников уголовного процесса, является привод (ст. 113 УПК РФ). В системе иных мер процессуального принуждения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, привод занимает особое место, поскольку обладает признаками процессуальной ответственности. В соответствии с ч. 2 ст. 113 УПК РФ, под приводом понимается принудительное доставление лица к дознавателю, следователю или в суд. Правовая природа данного института характеризуется двойственной функцией. Так, с одной стороны, он принудительно обеспечивает явку участника уголовного судопроизводства, а с другой – выступает мерой уголовно-процессуальной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей, возложенных на указанных участников [7]. Отсюда следует, что применение привода правомерно лишь при наличии процессуального правонарушения, выразившегося в умышленном уклонении от явки без уважительных причин, и направлено на восстановление нормального хода уголовного процесса [8].

Основным юридическим основанием для применения привода, как следует из ст. 113 УПК РФ, является неявка участника уголовного процесса по вызову должностного лица или органа, осуществляющего производство по делу, при отсутствии уважительных причин. Ключевым проблемным аспектом в данном контексте выступает отсутствие в УПК РФ легального перечня таких причин. Вместе с тем доктрина уголовного процесса к уважительным причинам относит обстоятельства непреодолимой силы, тяжелую болезнь самого лица или смерть близкого родственника, необходимость ухода за тяжелобольным членом семьи или малолетним ребенком при объективной невозможности поручить это иному лицу, а также несвоевременное получение или неполучение повестки. Бремя доказывания отсутствия уважительных причин лежит на стороне обвинения, что требует от следователя, дознавателя или суда тщательного и детального изучения обстоятельств неявки, проявления определенности и конкретности в оценке доводов лица.

Процессуальный порядок применения привода регламентирован не только нормами УПК РФ, но и ведомственными нормативными актами, в частности, приказом МВД России, что подчеркивает межведомственный характер данной меры. Решение о приводе принимается должностным лицом органа предварительного расследования или суда, а его исполнение осуществляется силами органов внутренних дел или службы судебных приставов. Подобное распределение полномочий порождает на практике проблему неэффективного взаимодействия и случаев применения привода без надлежащего процессуального оформления.

Безусловно, особую научную и практическую дискуссию вызывают отдельные ограничительные условия применения привода. Во-первых, законодательный запрет на его производство в ночное время, за исключением случаев, «не терпящих отлагательств», содержит оценочную и размытую формулировку, создающую риск произвольного толкования и нарушения прав граждан.

В целях обеспечения баланса публичных и частных интересов представляется обоснованной позиция ряда исследователей о необходимости исключения данного исключения из ч. 4 ст. 113 УПК РФ, что позволило бы однозначно запретить привод в ночное время как действие, чрезмерно ограничивающее право на отдых и неприкосновенность частной жизни [6].

Во-вторых, существенным законодательным пробелом является отсутствие четкой регламентации применения привода в ситуации, когда его исполнение сопряжено с вторжением в жилище против воли проживающих в нем лиц. Данная процедура, затрагивающая конституционное право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ), требует специальной уголовно-процессуальной регламентации в совокупности с положениями ст. 12 УПК РФ. В настоящее же время порядок такого проникновения должным образом не урегулирован, что обусловливает необходимость его детализации в специальных нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность полиции и судебных приставов.

Таким образом, привод представляет собой необходимую меру процессуального принуждения, обладающую свойствами процессуальной ответственности. Его применение направлено на обеспечение принципа разумного срока уголовного судопроизводства и недопущение ограничения прав граждан в доступе к правосудию. Действующая правовая регламентация привода в ст. 113 УПК РФ, подкрепленная ведомственными инструкциями, в целом создает правовые основания для его применения, однако содержит ряд существенных проблемных аспектов по типу неопределенности понятия «уважительные причины» неявки, размытости формулировки «случаи, не терпящие отлагательств» для производства привода в ночное время, а также отсутствия процедуры проникновения в жилище для принудительного доставления лица.

Также заслуживает внимания мера процессуального принуждения- временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ), которое занимает в уголовном процессе особое положение. Будучи направленным на обеспечение нормального хода предварительного расследования по уголовным делам в отношении лиц, обладающих властными или организационно-распорядитель-

ными полномочиями, данная мера призвана ограничить реализацию служебных обязанностей в обеспечительных целях. Однако, как демонстрирует анализ правоприменительной практики, приведенный нами в начале настоящей работы, за последние годы, данный инструмент используется крайне редко, что свидетельствует о наличии системных пробелов как в нормативном регулировании, так и при его реализации.

Центральной правоприменительной проблемой, детерминирующей неактуальность данной меры, является отсутствие в ч. 1 ст. 114 УПК РФ оснований применения данной меры процессуального принуждения. Подобная законодательная техника, не содержащая четких, объективированных критериев, порождает правовую неопределенность и широкую судебную самостоятельность, что противоречит фундаментальным принципам законности и соразмерности ограничения прав [3]. Следователь, находясь в условиях процессуальной экономии и высокой нагрузки, в ситуации неясности предсказать судебную перспективу ходатайства не может. Вследствие этого возникает правоприменительный дисбаланс, с одной стороны, должностные лица органов предварительного расследования, стремясь к гарантированному достижению обеспечительных целей [9, с. 68] и минимизации рисков отмены судебных решений, предпочитают обращаться к более традиционным и, с их точки зрения, надежным мерам пресечения. Такая подмена одной меры процессуального принуждения другой, более строгой, приводит к необоснованному и несоразмерному ограничению конституционных прав граждан, что представляет собой серьезную проблему с точки зрения защиты прав человека [11, с. 137]. С другой стороны, установленный законом 48-часовой срок для рассмотрения судом ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, на практике зачастую оказывается недостаточным в условиях сохраняющегося дефицита эффективного электронного взаимодействия [10, с. 61] между следственными органами и судами. Необходимость физической передачи согласованного ходатайства и объемных материалов уголовного дела создает организационные проблемы, лишая рассматриваемую меру одного из ее ключевых свойств – оперативности. В результате лицо, оставаясь в должности, получает временной пробел, который может быть использован для оказания давления на свидетелей, уничтожения документов или иного сокрытия следов преступления.

Осознание указанных правоприменительных трудностей привело к активной реакции со стороны высших органов юстиции. Так, Генеральная прокуратура РФ в своих разъяснениях предприняла попытку восполнить законодательный пробел, конкретизировав условия, при которых ходатайство об отстранении является обоснованным. В частности, речь идет о привлечении к ответственности за преступление, связанное с деятельностью организации, в которой лицо осуществляет свои функции, участии в уголовном деле в качестве других процессуальных фигур его подчиненных, а также фактах попыток препятствования следствию с использованием служебного положения. Безусловно, данная позиция имеет важное значение для унификации подходов правоприменителя и заслуживает поддержки [1]. Однако, будучи ведомственным разъяснением, она не обладает силой закона и не может в полной мере устранить исходную нормативную неопределенность.

В этой связи ученые единодушны в выводе о необходимости законодательной, а не ведомственной конкретизации оснований применения временного отстранения от должности. Представляется целесообразным внести изменения в ст. 114 УПК РФ, изложив ч. 1 в новой редакции, которая содержала бы исчерпывающий перечень обстоятельств, свидетельствующих о реальной возможности воспрепятствования производству по делу со стороны подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, временное отстранение от должности как институт уголовного процесса обладает значительным нереализованным потенциалом. Его эффективность напрямую зависит от преодоления ключевых правоприменительных проблем, разрешение которых возможно путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ и оптимизации межведомственного взаимодействия.

В заключении отметим, что рассматриваемые меры процессуального принуждения представляют собой сбалансированный, но требующий дальнейшего совершенствования юридический механизм. Их эффективное и законное применение напрямую влияет на состояние законности в уголовном судопроизводстве. Перспективы развития данного института видятся в дальнейшей дифференциации процедур их применения, усилении судебного контроля на досудебных стадиях и закреплении в законе более четких, объективизированных критериев для их избрания, что. будет способствовать достижению оптимального баланса между интересами государства и защитой прав и свобод личности в уголовном процессе.

Список литературы:

[1] О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежно-

го взыскания»: письмо Генпрокуратуры РФ от 30 марта 2004 г. № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гараева, Т.Б. К вопросу о соотношении обязательства о явке и повестки в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола № 3 со Всероссийским и международным участием. Шахты: УКК «Актуальные знания», 2022. С. 76–77.

[3] Загидуллин, М.Р. Меры процессуального принуждения неимущественного характера в административном судопроизводстве, гражданском и арбитражном процессах России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 5. С. 62–75.

[4] Калачева, А.В. Обязательство о явке: мера принуждения или мера без принуждения? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 56–61.

[5] Мусина, А.Ф. Обязательство о явке, как мера процессуального принуждения // Наука и современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 89–91.

[6] Образцов, С.В., Елисеева О.А., Звягин В.А. Проблемы применения иных мер процессуального принуждения // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (163). С. 100–104.

[7] Рыжков, Д.В. Принудительное доставление (привод) на производство следственных действий: проблемы практического применения // Ломоносовские научные чтения. Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2022. С. 61–65.

[8] Ярцев, Р.В., Ситник А.В. Особенности применения иной меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности в уголовном процессе // Законность и правопорядок. 2023. № 1 (37). С. 58–63.

[9] Хасанова, З. И. Особенности процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

[10] Шевелева, С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[11] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

References:

[1] On the direction of the Methodological Recommendations "Grounds and Procedure for Temporary Suspension from Office, Seizure of Property and Securities, and Monetary Penalties": Letter of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated March 30, 2004, No. 36-12-04. Access from the legal system "ConsultantPlus".

[2] Garaeva, T.B. On the Relationship between the Obligation to Appear and the Summons in Criminal Proceedings // Legal Science in the 21st Century: Current Issues and Prospects for Their Solution: Collection of Scientific Articles Based on the Results of Round Table No. 3 with All-Russian and International Participation. Shakhty: UCC "Actual Knowledge", 2022, pp. 76-77.

[3] Zagidullin, M.R. Non-Property Measures of Procedural Coercion in Administrative Proceedings, Civil Proceedings, and Arbitration Proceedings in Russia // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. 2020. No. 5. Pp. 62–75.

[4] Kalacheva, A.V. The Obligation to Appear: A Measure of Coercion or a Measure Without Coercion? // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 3. Pp. 56–61.

[5] Musina, A.F. The Obligation to Appear as a Measure of Procedural Coercion // Science and Modern Education: Current Issues, Achievements, and Innovations: Collection of Articles from the VI International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Education, 2022. Pp. 89–91.

[6] Obraztsov, S.V., Eliseeva O.A., Zvyagin V.A. Problems of Applying Other Measures of Procedural Coercion // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 7 (163). Pp. 100–104.

[7] Ryzhkov, D.V. Forced Delivery (Conduct) for the Production of Investigative Actions: Problems of Practical Application // Lomonosov Scientific Readings. Actual Issues of Fundamental and Applied Research: Collection of Articles from the IX International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2022, pp. 61-65.

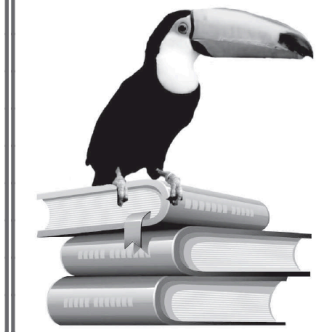
[8] Yartsev, R.V., Sitnik A.V. Features of Applying a Different Measure of Procedural Coercion in the Form of Temporary Suspension from Office in Criminal Proceedings // Legality and Law Order. 2023. No. 1 (37). Pp. 58–63.

[9] Khasanova, Z. I. Features of the procedural status of a suspect in criminal proceedings/ Z. I. Khasanova // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025. 8.3.011. – EDN INHXEA.

[10] Sheveleva, S. S. Balanced CMF of

criminal proceedings: criteria for admissibility and minimization of latent risks/S. S. Sheveleva // Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - S. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[11] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 218 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-347-350

АСЛАНОВ Марат Амурович,
преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, майор полиции, e-mail: mail@law-books.ru

БОКОВА Ирина Борисовна,
старший преподаватель кафедры административного права и административной ответственности органов внутренних дел Омской академии МВД России, подполковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *В настоящей статье рассматриваются современные направления развития административного права, обусловленные цифровизацией государственного управления, а также внедрением информационных технологий в деятельность органов внутренних дел. Несмотря на пристальное внимание со стороны правоохранительных органов к существующим проблемам, остается актуальным вопрос защиты прав граждан при использовании цифровых инструментов в деятельности полиции. В работе рассматриваются особенности электронного административного производства, автоматизированной фиксации административных правонарушений, применения технологий искусственного интеллекта и обработки персональных данных. Авторы обосновывают необходимость совершенствования нормативного регулирования электронных административных процедур и повышения цифровой компетентности сотрудников органов внутренних дел.*

Ключевые слова: *административное право, административная деятельность полиции, цифровизация, электронное производство, цифровые доказательства, искусственный интеллект, персональные данные, органы внутренних дел.*

ASLANOV Marat Amurovich,
Lecturer in the Department of Law Enforcement Organization at the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

BOKOVA Irina Borisovna,
Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Responsibility of Internal Affairs Agencies, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE PROCEDURES BY INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. *This article examines the current trends in the development of administrative law, which are driven by the digitalization of public administration and the introduction of information technologies in the activities of internal affairs bodies. Despite the close attention of law enforcement agencies to these issues, the protection of citizens' rights when using digital tools in police activities remains a relevant concern. The article explores the features of electronic administrative proceedings, automated recording of administrative offenses, the use of artificial intelligence technologies, and the processing of personal data. The authors argue for the need to improve the regulatory framework for electronic administrative procedures and enhance the digital competence of internal affairs officers.*

Key words: *administrative law, administrative activities of the police, digitalization, electronic production, digital evidence, artificial intelligence, personal data, internal affairs bodies.*

Современный этап развития государственного управления в Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий в деятельность органов публичной власти. [1] Элементы цифровизации активно внедряются во все сферы общественной жизни и, соответственно, становятся обычными явлениями в деятельности органов внутренних дел.

Полиция, наряду с другими органами исполнительной власти, использует информационные системы при предоставлении государственных услуг по рассмотрению обращений граждан, осуществлению профилактической работы, фиксации административных правонарушений и организации взаимодействия с иными структурами.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что развитие цифровых технологий опережает формирование комплексного правового регулирования их применения. На практике возникают вопросы о юридической силе электронных документов, правомерности использования цифровых материалов в качестве доказательств, пределах автоматизированной обработки информации, защите персональных данных и ответственности должностных лиц за решения, принятые с использованием информационных систем. В связи с этим можно утверждать, что Россия находится на пути постепенного перехода к цифровой модели публичного управления, что подразумевает необходимость создания нового правового поля, регламентирующего указанные изменения.

Традиционное взаимодействие гражданина с государственным органом основывается на личном обращении и бумажном документообороте, однако в последнее время, данное взаимодействие дополняется электронными сервисами. Граждане получают возможность направлять обращения в электронной форме, осуществлять запись на приём посредством использования сети Интернет, дистанционно получать государственные услуги и отслеживать результаты рассмотрения своих заявлений.

Внедрение цифровых технологий позволяет ускорить обработку информации, сократить сроки предоставления государственных услуг и повысить эффективность межведомственного взаимодействия органов внутренних дел с иным субъектами управления.

Вместе с тем крайне важно предусмотреть недопущение нарушения прав гражданина при использовании цифровых элементов в служебной деятельности. Так, например, наиболее распространенными проблемами являются ошибки в базе данных и несвоевременное направление электронного уведомления. Даже, на первый взгляд, незначительные нарушения способны повлечь неблагоприятные последствия. В связи с этим порядок функционирования цифровых систем должен быть урегулирован не только техническими регламентами, но и нормами административного права. [2]

Разумеется, внедрение цифровых технологий способно сделать административное производство более оперативным и прозрачным. Вместе с тем он требует решения целого ряда правовых вопросов. Необходимо определить, каким образом подтверждается личность участника производства, как удостоверяется факт получения электронного извещения, кто отвечает за сохранность электронного дела и каким образом обеспечивается неизменность документов после их формирования.

Следующим аспектом, на котором следует сосредоточить внимание, является обеспечение процессуальных прав граждан. Несмотря на то, что электронная форма взаимодействия призвана облегчить возможность ознакомления с материалами дела, необходимо учесть возможное отсутствие достаточной цифровой грамотности у гражданина, в связи с чем ему должна быть предоставлена возможность использовать тра-

диционные способы взаимодействия с государственным органом.

Цифровая трансформация административной деятельности органов внутренних дел сопровождается использованием электронных доказательств. В деятельности органов внутренних дел к таким доказательствам могут относиться фото- и видеозаписи, сведения информационных систем, материалы с камер наблюдения, записи с видеорегистраторов, электронные документы, данные Интернет-ресурсов и иные цифровые материалы. [4]

Однако при оценке электронных материалов необходимо учитывать не только их содержание, но и процессуальный порядок получения. В документах необходимо отражать, каким техническим средством была осуществлена фиксация, когда и кем она произведена, где хранятся исходные файлы и каким образом обеспечивается их неизменность. Недостаточная детализация этих обстоятельств может привести к сомнениям в достоверности цифрового материала.

С распространением цифровизации в административной деятельности полиции несомненно важная роль уделена технологиям искусственного интеллекта. Искусственный интеллект становится неотъемлемой частью реальной жизни [3]. Результаты работы «виртуальных помощников» могут применяться для анализа больших массивов информации, обработки обращений граждан, прогнозирования отдельных процессов и подготовки аналитических материалов. В перспективе такие технологии способны повысить эффективность управления и снизить нагрузку на сотрудников полиции.

Вместе с тем применение искусственного интеллекта сопряжено с существенными правовыми рисками. Автоматизированная система может использовать неполные или ошибочные данные, а её алгоритм не всегда позволяет должностному лицу или гражданину понять, почему был сформирован тот или иной вывод. В этой связи искусственный интеллект не должен подменять должностное лицо при принятии решений, затрагивающих права и свободы граждан. Результат работы алгоритма может использоваться как вспомогательная информация, однако окончательная правовая оценка должна осуществляться уполномоченным сотрудником. Именно должностное лицо обязано проверить достоверность полученных данных, учесть конкретные обстоятельства дела и принять мотивированное решение.

В связи с чем необходимо понимать, что ответственность за законность принятого решения или сформированного вывода должна возлагаться на государственного служащего.

Отдельную проблему составляет защита персональных данных. Органы внутренних дел обрабатывают значительный объём информации о гражданах. В информационных системах могут содержаться сведения о документах, месте жительства, транспортных средствах, обращениях, административных правонарушениях и иных обстоятельствах частной жизни. Расширение межведомственного обмена данными повышает риск неправомерного доступа к информации и её использования не по назначению. Поэтому цифровая безопасность должна рассматриваться как составная часть законности административной деятельности. Доступ к информационным системам должен предоставляться с учётом должностных полномочий сотрудника, а действия пользователей должны фиксироваться и подлежать последующему контролю.

Сотрудник полиции должен понимать, что неправомерное обращение к информационной системе, копирование сведений или передача данных посторонним лицам могут повлечь юридическую ответственность. В связи с этим обучение сотрудников работе с цифровыми ресурсами должно включать не только технические навыки, но и вопросы соблюдения законодательства о персональных данных, информационной безопасности и служебной тайне.

Особенно актуальна проблема цифрового неравенства. Не все граждане имеют одинаковый доступ к интернету, электронным устройствам и цифровым услугам. Пожилые люди, лица с ограниченными возможностями здоровья, жители удалённых территорий и социально уязвимые граждане могут испытывать сложности при использовании электронных сервисов. [5]

Поэтому цифровая форма взаимодействия не должна полностью вытеснять традиционные способы реализации прав. Электронное обращение должно дополнять возможность личного приёма, подачи документов на бумажном носителе и получения консультации должностного лица. Такой подход позволит сохранить доступность административных процедур для всех категорий граждан.

Совершенствование административно-правового регулирования в рассматриваемой сфере должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям. Прежде всего, необходимо сформировать единые правила электронного административного производства. В законодательстве и ведомственных нормативных актах следует более подробно определить порядок создания электронного дела, требования к электронным документам, способы идентификации участников, правила электронного извещения и порядок хранения цифровых материалов.

Не менее важно установить единые требования к работе с электронными доказательства-

ми. Сотрудники органов внутренних дел должны располагать понятными методическими рекомендациями, регулирующими порядок фиксации цифровой информации, использования фото- и видеозаписей, сохранения исходных файлов и описания электронных материалов в процессуальных документах.

При этом цифровые технологии должны использоваться с учётом принципа соразмерности. Получение и обработка сведений о гражданах допустимы только в той мере, в какой это необходимо для решения конкретной публичной задачи.

Важным направлением является повышение цифровой компетентности сотрудников полиции. Современный сотрудник должен уметь работать с электронными документами, оценивать достоверность цифровой информации, правильно фиксировать материалы из сети Интернет, обеспечивать защиту персональных данных и понимать ограничения применения автоматизированных систем.

Заключение

Таким образом, цифровая трансформация стала одним из главных факторов развития современного административного права. Она оказывает непосредственное влияние на организацию деятельности органов внутренних дел, порядок взаимодействия полиции с гражданами, способы фиксации административных правонарушений и формы принятия управленческих решений.

Использование цифровых технологий создаёт значительные преимущества, поскольку позволяет повысить оперативность, обеспечить более точную фиксацию событий и расширить доступ граждан к государственным услугам. Однако цифровизация одновременно порождает новые угрозы, связанные с техническими ошибками, нарушением порядка обработки персональных данных, недостаточной прозрачностью алгоритмов и возможным ограничением процессуальных прав граждан.

В связи с этим дальнейшее развитие административного права должно быть направлено не на механическое внедрение цифровых инструментов, а на формирование целостной правовой модели их использования. Такая модель должна основываться на законности, проверяемости, информационной безопасности, доступности административных процедур и персональной ответственности должностных лиц.

Цифровые системы и технологии искусственного интеллекта должны помогать сотруднику органов внутренних дел, но не подменять его правовую оценку и ответственность. Только при соблюдении данного условия цифровая трансформация сможет способствовать повышению эффективности административной деятельности полиции и одновременно обеспечивать надёжную защиту прав и свобод граждан.

Список литературы:

[1] Административная деятельность ОВД: учебник для вузов / под редакцией М. В. Костенникова, А. В. Куракина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026.

[2] Багова С.Н., Федосеева С.В. Электронное судебное делопроизводство: тенденции развития и правовое регулирование // Вестник науки: № 2 (95) том 4. С. 11 - 19. 2026 г.

[3] Фесько Д.С. Некоторые вопросы цифровизации государственного контроля в области внутренних дел // Административное право и процесс № 07/2026.

[4] Костюк И.И. 12.00.14 Административно-правовые и организационные основы информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел/Костюк Иван Иванович, автореф. дисс. 2014г.

[5] Неткачев А.А., Шадрин П.П., Эрдынеева А.Б., Коптякова А.А. Цифровизация государственных услуг в России как инструмент снижения транзакционных издержек бизнеса и населения // Финансовая экономика № 4/2026.

References:

[1] Administrative activities of the ATS: a textbook for universities/edited by M.V. Kostennikov, A.V. Kurakin. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026.

[2] Bagova S.N., Fedoseeva S.V. Electronic court proceedings: development trends and legal regulation // Bulletin of Science: No. 2 (95) volume 4. S. 11-19. 2026.

[3] Fesko D.S. Some issues of digitalization of state control in the field of internal affairs // Administrative law and process No. 07/2026.

[4] Kostyuk I.I. 12.00.14 Administrative and legal and organizational foundations of information support for the activities of the internal affairs bodies/ Kostyuk Ivan Ivanovich, author. diss. 2014.

[5] Netkachev A.A., Shadrin P.P., Erdyneeva A.B., Koptyakova A.A. Digitalization of public services in Russia as a tool to reduce transaction costs of business and the population // Financial Economy No. 4/2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-351-357

ЖДАНОВА Нина Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет» (г. Барнаул) кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин, e-mail: znina@mail.ru

ПОНОМАРЕВА Ольга Михайловна,
кандидат педагогических наук, Ставропольский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», (г. Ставрополь), e-mail: gaiukova_om@mail.ru

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. *Административно-правовые отношения в современном российском государстве претерпевают изменения в условиях внедрения в систему государственного и муниципального управления цифровых технологий. С одной стороны это создает условия реализации принципов доступности, открытости, гласности деятельности органов власти как субъектов административно-правовых отношений, а с другой стороны, порождает проблемы в части защищенности участников правоотношений, прежде всего граждан от неправомерного доступа к личным данным, нежелание части населения участвовать в отношениях с государством в цифровом формате.*

Развитие правоотношений в условиях цифровизации сопряжено прежде всего с расширением услуг, предоставляемых органами власти в цифровом формате, развитием электронных ресурсов и их интеграцией с порталом государственных и муниципальных услуг, использованием технологий для осуществления контрольно-надзорной деятельности органов власти, защиты персональных данных, в судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях, законотворческой деятельности.

Все эти тенденции связаны с комплексом различных рисков. Наличие информации, порождает возможность ее использования в недобросовестных целях. Однако, процессы цифровизации в сфере государственного управления необратимы. Необходимо преодолевать риски, развивать и детализировать нормы законодательства законодательную базу, совершенствовать цифровые инструменты, вырабатывать способы защиты административно-правовых отношений, учитывать при разработке стратегий развития сферы управления не только интересы органов власти и их должностных лиц, а прежде всего граждан.

Ключевые слова: *государственное управление, органы государственной власти, административно-правовые отношения, контрольно-надзорная деятельность, цифровизация, цифровые технологии, персональные данные, защита персональных данных.*

ZHDANOVA Nina Sergeevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Altai State Pedagogical University» (Barnaul), Department of Jurisprudence and Methods of Teaching Social and Economic Disciplines

PONOMAREVA Olga Mikhailovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Stavropol Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs Russian Federation», (Stavropol)

DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. *Administrative and legal relations in the modern Russian state are undergoing changes in the context of the introduction of digital technologies into the system of state and municipal administration. On the one hand, this creates conditions for the implementation of the principles of accessibility, openness, and publicity in the activities of government bodies as subjects of administrative and legal relations, and on the other hand, it creates problems in terms of the protection of participants in legal relations, primarily citizens, from unauthorized access to personal data, and the reluctance of some segments of the population to participate in relations with the state in a digital format.*

The development of legal relations in the context of digitalization is primarily associated with the expansion of services provided by government agencies in digital format, the development of electronic resources and their integration with the portal of public and municipal services, the use of technologies for the implementation of control and supervisory activities by government agencies, the protection of personal data, and the use of technologies in legal proceedings and administrative proceedings, as well as in legislative activities.

All these trends are associated with a complex of various risks. The availability of information creates the possibility of its use for unscrupulous purposes. However, the processes of digitalization in the field of public administration are irreversible. It is necessary to overcome risks, develop and detail the legal framework, improve digital tools, and develop ways to protect administrative and legal relations, taking into account not only the interests of government bodies and their officials, but also the interests of citizens when developing strategies for the development of public administration.

Key words: *public administration, public authorities, administrative and legal relations, control and supervision activities, digitalization, digital technologies, personal data, and personal data protection.*

Цифровизация государственного управления стала одним из главных факторов трансформации административно-правовых отношений в XXI веке. Как отмечают Н.М. Есин и А.А. Торба, влияние технологического развития на административное право проявляется в появлении новых форм административных процедур, цифровых платформ оказания государственных услуг, а также в возникновении проблем защиты персональных данных и кибербезопасности [10, с. 4].

Внедрение информационно-коммуникационных технологий меняет не только форму, но и содержание властных отношений: вертикальные связи между органами власти и гражданами дополняются горизонтальными, основанными на платформенных решениях и автоматизированном обмене данными.

Важнейшим шагом стало принятие в 2025 году законодательных актов, закрепляющих правовой статус ключевых цифровых платформ. Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 августа 2025 года № 1170 были утверждены масштабные изменения в правовое регулирование информационно-телекоммуникационной инфраструктуры государственного управления. В ноябре 2025 года Правительством РФ одобрен законопроект о платформе «Гостех», которая закрепляется в качестве единой цифровой платформы для создания государственных и иных информационных систем государственных органов, органов местного самоуправления и подведомственных организаций [14]. «Гостех» призван унифицировать подходы к созданию государственных информационных систем, обеспечить их совместимость и безопасность.

Принятие Постановления Правительства Российской Федерации от 19.09.2025 № 1443[2] является одним из ключевых шагов в формировании национальной модели цифровой идентификации, закладывая основу для дальнейшего развития доверенной цифровой среды [15]. С помощью мобильного приложения «Госуслуги» граждане могут не только получать услуги, но и подтверждать личность, подписывать электронные документы, получать уведомления от государственных органов. Постановление Правительства

РФ от 30 октября 2025 года № 1687 установило правила использования инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, за плату [3].

Другой важной сферой, где цифровизация кардинально меняет административно-правовые отношения, является контрольно-надзорная деятельность. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» в России последовательно внедряются риск-ориентированный подход и цифровые методы контроля.

Административное давление на бизнес снижается благодаря внедрению цифровых технологий – расширяется сфера электронного документооборота и дистанционных форм контроля, совершенствуется система управления рисками.

Наиболее сложным и перспективным направлением цифровизации административно-правовых отношений является внедрение технологий искусственного интеллекта в юрисдикционную деятельность, включая производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство. Происходит трансформация принципа активной роли суда под воздействием алгоритмизации [8, с. 3].

Цифровизация правосудия сегодня стоит на пороге внедрения интеллектуальных систем, способных анализировать доказательства, выявлять правовые коллизии и предлагать варианты решений. Однако объективные препятствия делают невозможным применение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правосудии в полном объеме: искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, не способен к эмпатии и не может нести ответственность за свои решения.

Министр юстиции Российской Федерации К. Чуйченко в апреле 2026 года сообщил о планах интегрировать ИИ в процесс нормотворчества – в частности, использовать при проведении правовых и антикоррупционных экспертиз. Кроме того, в 2025 году механизм дистанционного участия в судебных заседаниях стал доступен также для участников производства по делам об административных правонарушениях [4].

Ассоциация юристов России в феврале 2026 года подготовила законопроект, регулирующий использование искусственного интеллекта в органах публичной власти и на объектах критической информационной инфраструктуры. Документ предусматривает создание единого центра компетенций – автономной некоммерческой организации «Национальный центр при Правительстве РФ по вопросам применения технологий искусственного интеллекта в органах системы публичной власти» [15].

Активное внедрение цифровых технологий в административно-правовые отношения ставит вопрос о защите прав граждан в цифровой среде. С 1 сентября 2025 года в России вступил в силу закон, предусматривающий возможность обработки обезличенных персональных данных и ограничения доступа к таким данным для иностранных граждан, лиц, привлеченных к уголовной ответственности за киберпреступления [9].

Важно помнить о положениях Федерального закона от 29 декабря 2022 года № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных», который закрепил право граждан на отказ от предоставления биометрии при получении коммерческих и государственных услуг. В развитие этого закона приказом Минцифры России от 12 мая 2023 года № 453 утвержден порядок обработки биометрических персональных данных, включая требования к их размещению в Единой биометрической системе. Постановлением Правительства Москвы от 3 сентября 2024 года № 1998-ПП создан региональный сегмент Единой биометрической системы в Москве.

Одной из ключевых тенденций является нарастающая потребность в систематизации административного законодательства с использованием цифровых инструментов. К проблемам, требующим решения в сфере регулирования административно-правовых отношений, можно отнести:

значительный массив административного законодательства, включающего кроме федерального еще и законодательство субъектов РФ;

содержательный разрыв между охранительными и регулятивными административно-правовыми нормами;

отставание развития административно-правовых норм от развития динамично изменяющихся общественных отношений.

В качестве методов решения этих проблем предлагается внедрение таких инновационных средств, как цифровая консолидация, пакетное законотворчество, а также широкое использование цифровых технологий как на всех стадиях законотворческого процесса, так и в последующей систематизации административного законодательства [17].

Цифровая консолидация предполагает объединение разрозненных нормативных правовых актов в единые цифровые массивы с возможностью автоматизированного поиска, анализа и обновления, что способно значительно повысить эффективность правоприменения.

Параллельно с этим наблюдается активная

модернизация самого механизма административно-правового регулирования применительно к цифровой среде, который включает нормативную основу, функции, основные институты и процедуры регулирования различных сфер деятельности, обеспечивающих их устойчивость.

Среди предложений по модернизации механизма выделяются совершенствование процедур, кодификация законодательства, развитие саморегулирования и риск-ориентированного надзора. Правовое регулирование в условиях цифровизации должно вытспать гибким инструментом сопровождения деятельности и отражать способы воздействия.

Это свидетельствует о смене парадигмы управления, где жесткие административные методы постепенно уступают место более мягким и гибким моделям взаимодействия на основе мотивационных механизмов.

В научных исследованиях и нормах российского законодательства на сегодняшний день отсутствует единое и общепринятое определение цифровых технологий, что создает сложности их использования в правоприменительной деятельности. В правовой унификации нуждается весь понятийный аппарат в сфере цифровизации [12, с. 67].

Еще одной важной тенденцией является цифровизация производства по делам об административных правонарушениях. Анализ положений Кодекса об административных правонарушениях выявляет недостаточную проработанность вопросов, связанных с применением электронных форм взаимодействия субъектов производства, доказательств и автоматизированных систем. Предлагается внедрение не просто отдельных элементов цифровизации, а создание единого цифрового сервиса, охватывающего стадии производства: возбуждение, рассмотрение и обжалование дел. При этом предложения по поводу технологического обеспечения и его законодательного закрепления носят скорее теоретический характер и не содержат конкретных решений [11, с. 73].

Отдельные тенденции цифровизации производства по делам об административных правонарушениях получили законодательное оформление, а именно: возможность дистанционного участия в рассмотрении дела с помощью систем веб-конференции или видео-конференцсвязи (с подтверждением личности через Единую биометрическую систему или Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (портал госуслуг); извещение участников через смс-уведомления или с помощью электронной почты на основе их согласия на цифровое взаимодействие; автоматическая фиксация правонарушений с помощью специальных устройств, составление процессуальных документов в электронном виде с использованием электронной цифровой подписи.

Внедрение электронного производства соответствует современным тенденциям развития процессуального законодательства РФ и будет способствовать повышению оперативности производства, обеспечению гарантий доступности правосудия, а также сокращению процессуальных издержек. Одновременно в условиях цифрового административно-юрисдикционного производства возможен ряд рисков, обусловленных отсутствием необходимого технического оборудования субъектов, (например, не все помещения судов оборудованы для обеспечения участников производства в онлайн-режиме), отсутствием возможностей доступа к участию в рассмотрении дел в дистанционном режиме у граждан, пред всего у лиц, в отношении которых ведется производство [5, с. 47].

Особого внимания заслуживают проблемы, связанные с внедрением технологий искусственного интеллекта в административно-юрисдикционную деятельность. Тенденции по использованию ИИ очевидны в сфере фиксации нарушений правил дорожного движения, обработки массивов информации в сфере учета преступлений, в производстве по делам об административных правонарушениях. Расширение возможностей ИИ требует определения границ его использования, допустимости применения в отдельных случаях, соблюдении законности и прав граждан.

Для обеспечения законности, прозрачности и ответственности при использовании ИИ в государственном управлении необходима разработка единой системы законодательства, учитывающей как международный опыт, так и особенности отечественной правовой системы [7, с. 390].

Для защиты персональных данных административно-правовыми средствами предусмотрена административная ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ за различные нарушения в сфере порядка обработки и использования персональных данных для субъектов, которые отнесены законодательством к операторам персональных данных, а это, по сути, все организации, органы власти, граждане.

В условиях значительного количества кибермошенничеств, использования личных данных граждан в преступных целях ужесточение законодательства и ответственности необходимы.

Широкое толкование законодателем понятий «персональные данные», «оператор персональных данных» в условиях повсеместного их использования создает условия для расширения противоправных действий с ними и создает сложности при расследовании преступлений и правонарушений [1]. Усиление ответственности порож-

дает пограничные ситуации, несущие риски, в том числе, для добросовестных участников оборота.

С 1 июля 2025 года также вступил в силу закон об электронном документообороте и дистанционном участии в производстве по делам об административных правонарушениях. Согласно закону, заявление, ходатайство, жалоба, протест и иные документы, изготовленные в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, а также прилагаемые к ним документы могут быть поданы участником производства по делу об административном правонарушении в суд посредством Единого портала госуслуг, либо информационной системы, определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, либо систем электронного документооборота участников производства с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Также закрепляется порядок участия в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования системы веб-конференции [13].

Цифровизация системы государственного контроля и надзора представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся сфер деятельности, имеющей стратегическое значение [16, с. 324].

Для осуществления контроля в различных сферах управления могут применяться беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА). При выявлении с помощью БПЛА нарушений назначается проведение контрольного мероприятия. Такие возможности применяются в регионах для выявления нарушений в сфере землепользования, пользования водными ресурсами, наличия несанкционированных свалок и др. Это важно, в том числе, для земельного контроля, выявления несанкционированных свалок.

Для осуществления дистанционного взаимодействия и контроля в отношении подконтрольных лиц, прежде всего индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, разработано и применяется мобильное приложение «Инспектор», которое связано с порталом «Госуслуги». Информация о проведении дистанционной проверки осуществляется в онлайн-режиме, без выезда субъектов контроля, с учетом показаний технических средств, используемых для контроля.

Использование подобных возможностей контроля направлено на снижение давления на участников предпринимательской деятельности, некоммерческих организаций со стороны контрольно-надзорных органов.

Среди новаций в сфере контроля – расширение сферы электронного документооборота и дистанционных форм контроля, совершенствование системы управления рисками [6, с. 45].

Однако при этом возникает вопрос о балансе между эффективностью государственного управления и соблюдением прав и свобод человека. Важным направлением правового регулирования становится обеспечение так называемой «алгоритмической прозрачности» и подотчетности.

Необходимо выявление системных правовых рисков и пробелов, а также формулирование рекомендаций по созданию эффективного правового механизма, гарантирующего соблюдение прав граждан при использовании ИИ в государственном и муниципальном управлении.

Внедрение ИИ не должно вести к снижению уровня правовой защищенности граждан и организаций, а напротив, должно сопровождаться созданием дополнительных гарантий законности и справедливости принимаемых решений.

Подводя итог, можно отметить, что наблюдается устойчивая тенденция к систематизации административного законодательства с использованием цифровых инструментов, что отражает объективную потребность в адаптации правового регулирования к стремительно изменяющимся общественным отношениям. Внедрение цифровых технологий в административно-юрисдикционный процесс, включая использование ИИ, сталкивается с серьезными правовыми проблемами, среди которых отсутствие единого понятийного аппарата, технологическое неравенство участников процесса, недостаточная проработанность вопросов электронных доказательств. Решение этих проблем требует как законодательных преобразований, так и технологической модернизации.

Российское законодательство находится в процессе активной адаптации к цифровым реалиям. Создана и функционирует инфраструктура электронного правительства, внедрены цифровые методы в контрольно-надзорной деятельности, разрабатываются правовые основы применения ИИ в государственном управлении. Вместе с тем сохраняется отставание правового регулирования от темпов технологического развития, что создает правовую неопределенность и риски нарушения прав граждан. Механизм правового регулирования может эффективно работать лишь при условии, что в нормах права с помощью высокого уровня законодательной техники будут отражены интересы общества.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2025 № 1443 «О применении мобильного приложения федеральной

государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях представления гражданами Российской Федерации сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, либо иных документах, выданных гражданам Российской Федерации государственными органами Российской Федерации» // // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 30.10.2025 № 1687 «Об использовании инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, за плату».

[4] Приказ Минцифры России от 12 мая 2023 г. № 453 (ред. от 19.06.2025) «О порядке обработки биометрических персональных данных и векторов единой биометрической системы в единой биометрической системе и в информационных системах аккредитованных государственных органов, центрального банка российской федерации в случае прохождения им аккредитации, организаций, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Анисифорова М.В., Степаненко Ю.В. Риски расширения цифровой основы применения административной ответственности // Административное право и процесс. - 2025. - № 1. - С. 45-49.

[6] Блинов А. Г. О понятии административно-правового регулирования // Административное право и процесс. – 2024. – № 1. – С. 41–50.

[7] Буньков А.В., Репин Д.А., Щеголев П.Е. Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт. Социология и право. – 2025. - 17(3). – С.386-396.

[8] Буторина А. А. Влияние алгоритмизации и искусственного интеллекта на принципы активной роли суда в административном процессе // Молодой ученый. 2025. № 39 (645). С. 1–4.

[9] В России с сентября изменятся правила обработки персональных данных [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 2025. – 11 июня. – URL: https://www.mk.ru.

[10] Есин, Н. М. Влияние технологического развития и цифровизации на административное право / Н. М. Есин, А. А. Торба // Молодой ученый. – 2025. – № 47 (653). – С. 3–6.

[11] Куликова Я.А. К вопросу о перспективных направлениях цифровизации производства по делам // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025.- № 4 - С. 70–76.

[12] Куликова Я.А. Понятие и виды цифровых технологий, используемых в административно-юрисдикционном процессе // Административное и муниципальное право. - 2025. - № 1. - С. 67-78.

[13] Носенко А.В. Электронное взаимодействие контрольных (надзорных) органов и контролируемых лиц как актуальная задача теории, законодательства и практики // Административное право и процесс. - 2025. - № 4. - С. 81-84.

[14] Правительство РФ одобрило законопроект о платформе «Гостех» [Электронный ресурс] // Портал «Государственные и муниципальные услуги». - 2025. – 24 ноября. – URL: https://portal1.asdg.ru.

[15] Правовое регулирование применения мобильного приложения «Госуслуги» для представления сведений [Электронный ресурс] // Ассоциация юристов России. – 2025. – URL: https://alrf.ru.

[16] Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс: полный курс / Ю. А. Тихомиров. – М., 2001. – 652 с.

[17] Цифровое право: учебник. – М., 2025. // СПС «Гарант».

References:

[1] Federal Law No. 27.07.2006 dated 152-FZ (rev. dated 24.06.2025) "On Personal Data "// SPS" ConsultantPlus".

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 19.09.2025 No. 1443 "On the use of the mobile application of the federal state information system "Unified portal of state and municipal services (functions)" in order to provide citizens of the Russian Federation with information contained in identity documents of a citizen of the Russian Federation, or other documents issued to citizens of the Russian Federation by state bodies of the Russian Federation "// // SPS" ConsultantPlus".

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.10.2025 No. 1687 "On the use of infrastructure that provides information and technological interaction of information systems used to provide state and municipal services in electronic form, for a fee".

[4] Order of the Ministry of Digital Industry of Russia dated May 12, 2023 No. 453 (ed. 19.06.2025) "On the procedure for processing biometric personal data and vectors of a unified biometric system in a unified biometric system and in information systems of accredited state bodies, the central bank of the Russian Federation in case of accreditation, organizations performing authentication based on biometric personal data of individuals // SPS "ConsultantPlus".

[5] Anisiforova M.V., Stepanenko Yu.V. Risks of expanding the digital basis for the application of administrative responsibility // Administrative law and

process. - 2025. - № 1. - S. 45-49.

[6] Blinov A. G. On the concept of administrative and legal regulation // Administrative law and process. – 2024. – № 1. - S. 41-50.

[7] Bunkov A.V., Repin D.A., Shchegolev P.E. Legal problems of introducing AI technologies into the public administration and administration system: Russian and international experience. Sociology and law. – 2025. - 17(3). - C.386-396.

[8] Butorina A. A. Influence of algorithmization and artificial intelligence on the principles of the active role of the court in the administrative process // Young scientist. 2025. № 39 (645). S. 1-4.

[9] In Russia, from September, the rules for processing personal data [Electronic resource] // Moskovsky Komsomolets will change. – 2025. - June 11. – URL: https://www.mk.ru.

[10] Esin, N. M. The influence of technological development and digitalization on administrative law/ N. M. Esin, A. A. Torba // Young scientist. – 2025. – № 47 (653). - S. 3-6.

[11] Kulikova Y.A. On the issue of promising areas of digitalization of production in cases // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. - 2025.- NO. 4 - S. 70-76.

[12] Kulikova Y.A. Concept and types of digital technologies used in the administrative-jurisdictional process // Administrative and municipal law. - 2025. - № 1. - S. 67-78.

[13] Nosenko A.V. Electronic interaction of control (supervisory) bodies and controlled persons as an urgent task of theory, legislation and practice // Administrative law and process. - 2025. - № 4. - S. 81-84.

[14] The Government of the Russian Federation approved the draft law on the Gostech platform [Electronic Resource] // Portal "State and Municipal Services." - 2025. - November 24. – URL: https://portal1.asdg.ru.

[15] Legal regulation of the use of the State Services mobile application for presenting information [Electronic resource] // Association of Lawyers of Russia. – 2025. – URL: https://alrf.ru.

[16] Tikhomirov, Yu. A. Administrative Law and Process: Full Course/Yu. A. Tikhomirov. - M., 2001. - 652 p.

[17] Digital law: textbook. - M., 2025 . // SPS "Garant.".

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-358-363

ШАЙХУТДИНОВА Зухра Захрутдиновна,
студентка специалитета по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Казанского филиала Российского государственного университета им. В. М. Лебедева,
e-mail: flyura.shaykhutdinova@mail.ru

РОССИЙСКИЙ СПОРТИВНЫЙ ФОНД КАК НОВЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ИНСТИТУТ

Аннотация. *В статье анализируется правовой статус и особенности функционирования Российского спортивного фонда (РСФ) – нового финансового института, созданного в 2025 году для аккумулирования и распределения средств на финансовую поддержку и реализацию отдельных проектов в целях развития физической культуры и спорта в России. Сделан вывод, что РСФ обеспечивает возможность объединения бюджетных и внебюджетных средств, что повысит эффективность финансирования указанной сферы. В качестве рекомендации предлагается разработать систему стимулирования благотворителей и инвесторов (налоговые льготы, имиджевые поощрения) для увеличения объема внебюджетных поступлений.*

Ключевые слова: *Российский спортивный фонд, РСФ, целевые отчисления от азартных игр, общественно полезный фонд, развитие спорта.*

SHAYKHUTDINOVA Zukhra Zakhrutdinovna,
specialist student majoring in 40.05.04 Judicial and Prosecutor's Practice at the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the Kazan Branch of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

THE RUSSIAN SPORTS FUND AS A NEW FINANCIAL INSTITUTION

Annotation. *This article analyzes the legal status and operating features of the Russian Sports Fund (RSF), a new financial institution established in 2025 to accumulate and distribute funds for financial support and the implementation of individual projects to develop physical education and sports in Russia. It is concluded that the RSF provides the opportunity to pool budgetary and extra-budgetary funds, thereby increasing the effectiveness of financing this area. A recommendation is to develop an incentive system for philanthropists and investors (tax breaks, image incentives) to increase extra-budgetary revenues.*

Key words: *Russian Sports Fund, RSF, targeted gambling deductions, public benefit fund, sports development.*

Физическая культура и спорт – это залог физического и духовного здоровья нации, поэтому их развитие является одной из национальных целей [12]. Достижение этой цели требует соответствующего финансирования, организация которого в России активно обсуждается – как в целом [1; 2; 3], так и в отдельных аспектах [4; 5; 6; 7]. Исследователями указывается на необходимость сочетания бюджетного и внебюджетного финансирования (благотворительность, спонсорская помощь, коммерческие доходы спортивных организаций и др.). Такой подход характерен для «европейской» модели финансирования, которая радикально отличается от «американской» с превалирующим внебюджетным финансированием [8].

Одним из инструментов, обеспечивающим сочетание бюджетного и внебюджетного финансирования физкультуры и спорта, являются специализированные фонды, в рамках которых объединяются денежные средства из разных источников. Примером такого фонда является фонд поддержки спортсменов One Team Singapore Fund, созданный в Сингапуре, который аккумулирует бюджетные и внебюджетные поступления на паритетных началах на следующих условиях: сначала аккумулируются пожертвования, а затем государство выделяет субсидию в равной сумме из бюджета [10, с. 67; 11, с. 689-690].

В июле 2025 года в Российской Федерации был создан Российский спортивный фонд (далее – РСФ, Фонд), который имеет потенциал для объединения денежных средств из разных источников.

На сайте РСФ презентован как Фонд поддержки спортивных достижений и развития массового спорта в России [13].

Создание Фонда было поручено Президентом Российской Федерации [14] в рамках мероприятий, направленных на развитие детско-юношеского спорта в России. Учредителем РСФ выступило Министерство спорта Российской Федерации (далее – Минспорт России). Решением о его создании стал Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 157-ФЗ «О Российском спортивном фонде…» [15] (далее – Закон № 157-ФЗ). Он же закрепил и основы правового статуса РСФ, выполняя функцию учредительных документов. Общепринятых учредительных документов Фонд не имеет.

РСФ является новым финансовым институтом, созданным для финансирования спорта. Он учрежден в виде юридического лица, имеющего форму общественно полезного фонда [16], что свидетельствует о некоммерческом характере его деятельности и направленности на достижение социально полезных целей.

Важно подчеркнуть, что РСФ хоть и создан в указанной организационно-правовой форме, тем не менее имеет существенные особенности правового статуса, которые предопределены тем, что он создан государством для реализации задач, которым придан статус национальных [17]. Например, Фонд не может быть признан банкротом. Также ему запрещено размещать денежные средства на заграничных банковских счетах. Эти меры обеспечивают целевое расходование средств, обеспечивают их сохранность и защиту.

Деятельность РСФ как финансового института заключается в аккумулировании денежных средств и распределении их на нужды спорта.

Основной источник доходов Фонда – это целевые отчисления от выручки букмекерских контор, принимающих ставки в отношении спортивных мероприятий [18] (далее – отчисления от азартных игр). Из этого источника Фонд за вторую половину 2025 года (после своего создания) получил почти 18 млрд.руб. [19]. Важно подчеркнуть, что указанные доходы, закрепленные за РСФ, являются обязательными, тем самым государством гарантируется финансовая основа его деятельности. Важно подчеркнуть, что эти поступления защищены от принудительного взыскания [20], чем строго обеспечивается целевой характер их использования, а также финансовая стабильность деятельности Фонда.

Также в Фонд могут поступать денежные средства в виде добровольных имущественных взносов и пожертвований, а также из иных легальных источников. Это факультативные доходы. Например, за 2025 год поступлений денег из таких источников не было [20]. Тем не менее возможность их поступления создает условия для того, чтобы в перспективе обеспечить централизованное финансирование физкультуры и спорта из разных источников.

Будучи финансовой организацией, Фонд осуществляет инвестиционную деятельность, размещая временно свободные денежные средства с целью извлечения дохода. Эти операции принесли РСФ за 2025 год порядка 111 млн.руб. [20]. Деятельность Фонда как инвестора урегулирована Правительством Российской Федерации [21], чем обеспечивается взвешенный и безопасный подход к размещению аккумулированных денежных средств.

Аккумулированные ресурсы Фонд обязан использовать как на оказание финансовой помощи, так и на реализацию специальных проектов в области физической культуры и спорта.

Финансовая помощь может выделяться по заявкам [22] организаций (обществ, клубов, центов, лиг, федераций, союзов), деятельность которых направлена на развитие физической культуры и спорта в России, в том числе детско-юношеского и молодежного, любительского и профес-

сионального, адаптивного и инклюзивного. Также за финансовой поддержкой могут обращаться общероссийские общественные объединения в сфере спорта [23]. Отбор заявок осуществляется экспертным советом Фонда, чем обеспечивается обоснованность принимаемых решений о предоставлении денежных средств. Кроме того, коллегиальное принятие решений является антикоррупционным заслоном для нецелевого использования финансовых ресурсов. Фонд обязан контролировать целевое использование выделенных ресурсов, а при выявлении нецелевого расходования – приостанавливать оказания финансовой помощи, а также принимать меры к возврату выделенных сумм.

Проектная работа РСФ заключается в финансировании строительства новых и восстановлении действующих объектов спорта, создания спортивной продукции, проведения международных мероприятий. Эта работа также предусматривает выделение финансирования по заявкам.

Для управления Фондом и его имуществом предусмотрена структура органов. Высшим органом управления является попечительский совет, который возглавляется Министром спора, при этом остальные члены совета назначаются по его представлению непосредственно Правительством Российской Федерации. Также Министр спорта назначает генерального директора Фонда. Для принятия коллегиальных решений в ходе текущей деятельности попечительским советом формируется правление. Таким образом, можно говорить о том, что РСФ фактически управляется государством. С учетом того, что Фонду переданы публичные доходы в виде обязательных отчислений от азартных игр, такой подход представляется правильным.

В отношении РСФ предусмотрены мероприятия внутреннего, аудиторского и внешнего финансового контроля. Внутренний контроль осуществляется ревизионной комиссией – контрольным органом Фонда. Достоверность отчетности РСФ подтверждается по результатам аудиторской проверки. Внешний контроль осуществляется Счетной палатой Российской Федерации и Федеральным казначейством.

Важно отметить, что предусмотрены специальные правила приостановления финансовой деятельности РСФ. Такое решение принимается Правительством Российской Федерации, что свидетельствует о его упрощенном порядке. Основание для принятия такого решения – выявление нарушений в деятельности Фонда. Приостановление финансовой деятельности РСФ означает приостановление перевода отчисления от азартных игр [24], а также операций по его счетам. Указанные меры нацелены на пресечение незаконной деятельности рассматриваемого финансового института. Жесткость таких мер объясняется необходимостью строго обеспечивать законность деятельности этой автономной структуры, распоряжающейся значительными суммами публичных (государственных) ресурсов. Возобновление денежных поступлений [24] и разблокировка счетов производится при устранении выявленных нарушений [25].

Подводя итоги исследования, можно сказать, что РСФ представляет собой новый финансовый институт, обеспечивающий финансирование в сфере физкультуры и спорта, который создает основу для объединения ресурсов из разных источников для достижения национальной цели. Для того, чтобы стимулировать внебюджетные поступления в Фонд государству целесообразно разработать систему мер поддержки благотворителей и инвесторов, которая может включать налоговые льготы, имиджевые поощрения и др. При таком подходе появится возможность централизации внебюджетных средств, выделяемых на поддержку физкультуры и спорта, с целью их равномерного и прозрачного распределения и использования.

Список литературы:

[1] Ибрагимов И.Ф., Крымов Д.Р. Финансирование физической культуры и спорта в России // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 120-5. С. 143-148.

[2] Кулакова Ю.В., Логинов П.О., Шиков П.А. Проблемы финансирования развития физической культуры и спорта в России // Modern Economy Success. 2023. № 4. С. 178-183.

[3] Волков И.П., Гусов А.З. Основные источники финансирования сферы физической культуры и спорта в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 5А. С. 707-713.

[4] Лобастова М.В. Любительский спорт в России: источники финансирования, структурные проблемы и пути устойчивого развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. № 2. Т. 3. С. 132-143.

[5] Санжиева С.Е., Пушкина В.Н., Котов-Смоленский А.М., Бабаева Н.А. Анализ финансирования адаптивной физической культуры и адаптивного спорта // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/51PDMN625.pdf..

[6] Кочерьян М.А., Кудрявцев И.С. Модель финансирования профессионального спорта // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 9. С. 235-238.

[7] Кочерьян М.А., Вашляева И.В., Фагина С.С. Источники финансирования вузовского спорта // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 11. Т. 2. С. 12-17.

[8] Богаревич Н.О., Егунов Д.И. Зарубежный

опыт финансирования физической культуры и спорта // Бухгалтерский учет и анализ. 2021. № 11 (299). С. 13-16.

[9] Бида Д.А., Смирницкий С.И. Сравнительный анализ источников финансирования спорта в России и за рубежом // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24, № S2. С. 60-69.

[10] Солнцев И.В., Осокин Н.А., Власов А.Е. Финансирование спорта: зарубежная практика // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 1. С. 67-74.

[11] Халяпин А.А., Бочкарев М.В., Волошин В.В., Кочура Е.В. Социальные аспекты финансирования спорта: инвестиции в здоровье и образование // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 12А. С. 684-693.

[12] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

[13] Российский спортивный фонд [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: https://rusportfond.ru/ (дата обращения: 30.07.2026).

[14] Перечень поручений по вопросам развития детско-юношеского спорта : утв. Президентом Рос. Федерации 20 июля 2024 г. № Пр-1365. – URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/52/events/74586 (дата обращения: 23.07.2024). – Текст : электронный.

[15] Федеральный закон от 24.06.2025 № 157-ФЗ «О Российском спортивном фонде, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу частей 2–5 статьи 6 Федерального закона «О международных соревнованиях «Всемирные игры дружбы» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 30.06.2025. – № 26 (часть I). – Ст. 3487.

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ : ст. 123.17–123.20 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Федеральный закон от 12.01.1996 № 7 ФЗ «О некоммерческих организациях» : ст. 7 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

[17] Концепция развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 28 дек. 2021 г. № 3894-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 4. – Ст. 648.

[18] Федеральный закон от 29.12.2006 № 244 ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» : ст. 6.2 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (ч. I). – Ст. 7.

[19] Годовой отчет Российского спортивного фонда за 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: https://rusportfond.ru/upload/iblock/fc7/lqsgfb2byx17z7a0q0lgyhuvg9wq2cb3.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

[20] Распоряжение Правительства РФ от 11.08.2025 № 2150-р «Об утверждении перечня имущества Российского спортивного фонда, на которое не может быть обращено взыскание» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 33. – Ст. 5058.

[21] Постановление Правительства РФ от 08.10.2025 № 1569 «Об инвестировании временно свободных средств Российского спортивного фонда» (вместе с «Правилами инвестирования временно свободных средств Российского спортивного фонда», «Правилами осуществления контроля за инвестированием временно свободных средств Российского спортивного фонда», «Правилами предоставления и раскрытия отчетов об инвестировании временно свободных средств Российского спортивного фонда») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 42. – Ст. 6160.

[22] Приказ Минспорта России от 01.09.2025 № 699 (ред. от 16.02.2026) «Об утверждении правил деятельности Российского спортивного фонда» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.09.2025 № 83707) [Электронный ресурс] : документ в некоммерческой версии КонсультантПлюс доступен по расписанию. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_515647/ (дата обращения: 02.08.2026).

[23] Олимпийский комитет России, Паралимпийский комитет России, Сурдлимпийский комитет России, Специальная олимпиада России.

[24] Постановление Правительства РФ от 20.11.2025 № 1851 «Об утверждении Правил приостановления и возобновления перечисления Российскому спортивному фонду целевых отчислений от азартных игр, осуществляемых организатором азартных игр в букмекерской конторе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 48 (ч. IV). – Ст. 7320.

[25] Постановление Правительства РФ от 20.11.2025 № 1850 «Об утверждении Правил отмены решения о приостановлении операций с денежными средствами на банковских счетах Российского спортивного фонда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 48 (ч. IV). – Ст. 7319.

References:

[1] I.F. Ibragimov, D.R. Krymov. Financing of

physical culture and sports in Russia // Trends in the development of science and education. 2025. № 120-5. S. 143-148.

[2] Kulakova Yu.V., Loginov P.O., Shikov P.A. Problems of financing the development of physical culture and sports in Russia // Modern Economy Success. 2023. № 4. S. 178-183.

[3] Volkov I.P., Gusov A.Z. The main sources of financing for the sphere of physical culture and sports in Russia // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2024. T. 14. No. 5A. S. 707-713.

[4] Lobastova M.V. Amateur sports in Russia: sources of financing, structural problems and ways of sustainable development // Economics and management: problems, solutions. 2026. № 2. VOL. 3. S. 132-143.

[5] Sanzhieva S.E., Pushkina V.N., Kotov-Smolensky A.M., Babaeva N.A. Analysis of financing of adaptive physical culture and adaptive sports // World of Science. Pedagogy and psychology. 2025. T. 13. № 6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/51PDMN625.pdf..

[6] Kocherian M.A., Kudryavtsev I.S. Model of financing professional sports // Current issues of modern economy. 2023. № 9. S. 235-238.

[7] Kocheryan M.A., Vashlyaeva I.V., Fagina S.S. Sources of funding for university sports // Economics and management: problems, solutions. 2024. № 11. VOL. 2. S. 12-17.

[8] Bogarevich N.O., Egunov D.I. Foreign experience in financing physical culture and sports // Accounting and analysis. 2021. № 11 (299). S. 13-16.

[9] Bida D.A., Smirnitsky S.I. Comparative analysis of sports financing sources in Russia and abroad // Person. Sports. Medicine. 2024. VOL. 24, NO. S2. S. 60-69.

[10] Solntsev I.V., Osokin N.A., Vlasov A.E. Sports financing: foreign practice // World economy and international relations. 2019. VOL. 63, NO. 1. S. 67-74.

[11] Khalyapin A.A., Bochkarev M.V., Voloshin V.V., Kochura E.V. Social aspects of sports financing: investments in health and education // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2024. T. 14. No. 12A. S. 684-693.

[12] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 "// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 20. - Art. 2584.

[13] Russian Sports Fund [Electronic Resource]: official website. - URL: https://rusportfond.ru/ (access date: 30.07.2026).

[14] List of instructions on the development of youth sports: approved by By President Ros. Federation July 20, 2024 No. Pr-1365. - URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/52/events/74586 (access date: 23.07.2024). - Text: electronic.

[15] Federal Law of 24.06.2025 No. 157-FZ "On the Russian Sports Fund, Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Parts 2-5 of Article 6 of the Federal Law "On International Competitions "World Friendship Games" and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. - 30.06.2025. - No. 26 (part I). - Art. 3487.

[16] Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51 FZ: Art. 123.17-123.20 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301; Federal Law of 12.01.1996 No. 7 of the Federal Law "On Non-Profit Organizations": Art. 7 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 3. - Art. 145.

[17] The concept of development of youth sports in the Russian Federation until 2030: approved by by order of the Government of Ros. Federation dated December 28, 2021 No. 3894-r // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – № 4. - Art. 648.

[18] Federal Law of 29.12.2006 No. 244 FZ "On State Regulation of Activities for the Organization and Conduct of Gambling and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation": Art. 6.2 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. - No. 1 (part I). - Art. 7.

[19] Annual Report of the Russian Sports Fund for 2025 [Electronic Resource]. – URL: https://rusportfond.ru/upload/iblock/fc7/lqsgfb2byx17z7a0q0lgyhuvg9wq2cb3.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

[20] Order of the Government of the Russian Federation of 11.08.2025 No. 2150-r "On approval of the list of property of the Russian Sports Fund that cannot be foreclosed "// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 33. - Art. 5058.

[21] Decree of the Government of the Russian Federation of 08.10.2025 No. 1569 "On Investing Temporarily Free Funds of the Russian Sports Fund" (together with "Rules for Investing Temporarily Free Funds of the Russian Sports Fund," "Rules for Monitoring the Investment of Temporarily Free Funds of the Russian Sports Fund," "Rules for Providing and Disclosing Reports on Investing Temporarily Free Funds of the Russian Sports Fund") // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 42. - Art. 6160.

[22] Order of the Ministry of Sports of Russia of 01.09.2025 No. 699 (ed. 16.02.2026) "On approval of the rules for the activities of the Russian Sports Fund" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 30.09.2025 No. 83707) [Electronic resource]: a document in the non-commercial version of ConsultantPlus is available on schedule. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_

doc_LAW_515647/ (access date: 02.08.2026).

[23] Russian Olympic Committee, Russian Paralympic Committee, Russian Deaflympics Committee, Russian Special Olympiad.

[24] Decree of the Government of the Russian Federation of 20.11.2025 No. 1851 "On approval of the Rules for the suspension and resumption of the transfer to the Russian Sports Fund of targeted deductions from gambling carried out by the organizer of gambling in a bookmaker "// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. - No. 48 (part IV). - Art. 7320.

[25] Decree of the Government of the Russian Federation of 20.11.2025 No. 1850 "On approval of the Rules for canceling the decision to suspend operations with funds in bank accounts of the Russian Sports Fund "// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. - No. 48 (part IV). - Art. 7319.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-364-368
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ИОВЕНКО Андрей Романович,
аспирант,
Дальневосточный федеральный университет,
e-mail: montle@mail.ru

ХАРАКТЕР ВЫПОЛНЯЕМЫХ ФУНКЦИЙ, КАК ПРИЗНАК ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В данной статье рассматривается такой признак должностного лица, как характер выполняемых функций. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу об отсутствии законодательно-определенного понятия распорядительных функций, а также наличия противоречий в установлении понятия организационно-распорядительных функций.*

Ключевые слова: *должностное лицо, представитель власти, распорядительные полномочия, функции представителя власти, организационно-распорядительные функции.*

IOVENKO Andrey Romanovich,
graduate student, Far Eastern Federal University

THE NATURE OF THE FUNCTIONS PERFORMED AS A SIGN OF AN OFFICIAL: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *This article discusses such a feature of an official as the nature of the functions performed. Based on the results of the research, the author comes to the conclusion that there is no legally defined concept of administrative functions, as well as contradictions in the definition of organizational and administrative functions.*

Key words: *official, government representative, administrative powers, functions of a government representative, organizational and administrative functions.*

Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, Россия есть демократическое государство. И для достижения указанного положения необходима слаженная работа всего государственного аппарата, в том числе деятельность органов государственной власти, которые являются представителями государства, что поднимает их социальную значимость и как следствие несоблюдение представленными лицами положений закона приводит к значительным нарушениям прав не только отдельных граждан, но и всего государства в целом.

Анализируя статистические данные о совершаемых преступлений, стоит отметить тенденцию, связанную с ростом должностных преступлений [14].

Как утверждал в своем интервью Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, должностные преступления являются наиболее опасными преступлениями и с каждым годом их доля в массиве всех совершаемых преступлений является значительной. Большую часть таких дел составляет взяточничество.

В текущем году значительная часть обвиняемых — 3 296 лиц являются должностные лица, из которых около 55 % составляют сотрудники правоохранительных органов [15].

Немаловажную роль в борьбе с коррупцией отводится уголовному закону. Уголовно-правовые средства способны содействовать достижению одной из главных целей современной государственной политики – созданию такого аппарата публичной власти, который способен обеспечить преодоление трудностей в конкретной, сло-

жившейся исторической-правовой среде.

Однако «пораженность» общества должностными преступлениями негативно влияет как на защиту и реализацию прав граждан, так и на авторитет и эффективность институтов государства.

Говоря о противодействии указанным преступлениям, А.И. Бастрыкин обратил внимание на то, что «нарастающий вал этой преступности требует не только репрессивных, но и научно обоснованных, хорошо выверенных законодательных мер» [15].

В связи с изложенным, является актуальным решение проблем ответственности за должностные преступления как в теории, так и на практике.

В настоящее время ответственность за преступления против государственной службы регламентируются положениями главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

В рамках исследования должностных преступлений наиболее нерешенным вопросом является определение субъектного состава должностных преступлений [8, с. 47].

При определении субъектного состава должностных преступлений Б.В. Волженкин рассматривает понятие должностного лица, выделяя следующие группы:

представитель власти;

должностное лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органах и учреждениях, предприятиях и иных формированиях, перечисленных в примечании к ст. 285 УК РФ [7, с. 257].

Понятие представителя власти раскрыто в примечании к ст. 318 УК РФ, а также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее –постановление Пленума № 19). В ходе анализа представленных положений, было установлено, что Пленум ВС РФ существенно расширил область применения уголовного кодекса, определив понятие представителя власти шире, чем это установлено в примечании к ст. 318 УК РФ. В связи с чем возникает вопрос о возможности отнесения отдельных лиц к категории представителя власти и как следствие - субъекта должностных преступлений.

С точки зрения одного из критериев, позволяющих отнести лицо к категории представителя власти, выступает характер выполняемых функций, в частности врач потенциально может являться представителем власти в тех случаях, когда он будет в праве осуществлять распорядительные полномочия в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Например, в случае, когда сотрудник здравоохранения будет: оформлять лист нетрудоспособности, квоту, выписку, заполнять карту на санаторно-курортное лечение, участвовать в качестве эксперта, дающего заключение по болезни, выносить решения комиссии врачей по состоянию больного [8, с. 47].

Б.В. Волженкин при определении организационно-распорядительных полномочий указывает, что необходимо наличие у работников государственных и муниципальных учреждений права совершать по службе юридически значимые действия управленческого характера, способные порождать, изменять и прекращать правовые отношения. Поэтому, резюмировал учёный, должностным лицом следует признавать субъекта, который постоянно, временно или по специальному полномочию имеет право выдавать от имени государственного или муниципального учреждения официальные документы, подтверждающие определенный юридический факт, и тем самым как-то организовывать, направлять поведение других лиц, для которых этот акт (документ) имеет юридическую силу [7, с. 96].

Представленное мнение являться полным и обоснованным, однако наиболее сложным вопросом, с которым сталкиваются правоприменители является – отнесение того или иного лица к числу лиц, которые имеют право осуществлять распорядительные полномочия.

По мнению А.А Ильина, помимо полномочий по управлению подчиненными в самом государственном органе или учреждении организационно-распорядительными являются полномочия работника государственного органа или учреждения по наделению иных лиц, включая юридические, правами и обязанностями, а равно по изменению объема этих прав и обязанностей или их прекращению. Полномочия работника государственного органа или учреждения по совершению юридически значимых действий позволяют признать их организационно-распорядительными, а потому эти полномочия нельзя разделять [11, с. 22].

Безусловно, исследователи рассматривают именно составляющие функции должностного лица, однако для нашего исследования представленное мнение имеет ключевое значение. Ведь, рассматривая представителя власти, как разновидность должностного лица, стоит учитывать, что представитель власти должен обладать именно распорядительными полномочиями.

Понятие «распорядительные полномочия»

не определено на законодательном уровне, но учитывая позицию криминалистов относительно организационно-распорядительных функций должностного лица, стоит отметить, что организационно-распорядительные функций возможно рассматривать, как собирательное понятие распорядительным полномочиям [5, с. 14]. Однако данная позиция является неверной и приводит к ошибкам квалификации.

Так, врач-терапевт, будучи лицом, уполномоченным на основании приказа выдавать пациентам льготные направления для прохождения санаторно-курортного лечение, умышлено внес в карточку И. недостоверные сведения, на основании которых И. было предоставлено направление в ФГБУ «Санаторий», в отсутствие на то оснований.

Действия врача-терапевта не были признаны судом, как распорядительные полномочия, в результате чего врач-терапевт не был признан должностным лицом [3].

Судом в должной мере не были установлены юридические последствия, которые возникли в следствии внесения врачом недостоверных сведений в карточку пациента и выдачи направления в ФГБУ «Санаторий». В данном случае врач-терапевт фактически принял юридически значимое решение по отношению к пациенту.

Согласно абз. 1 п. 4 постановления Пленума № 19, под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

В данном случае Пленум Верховного суда России рассматривает организационно-распорядительные функции как некие полномочия, которые должностное лицо совершает по отношению к лицам, которые непосредственно входят в трудовой коллектив, в структуру государственного органа, государственного или муниципального учреждения, а также деятельность, связанную с порядком прохождения службы в представленных органах, применением мер поощрения и наказания к отдельным работникам [4, с. 178].

Ключевое значение имеет тот факт, что путем реализации организационно-распорядительных функций должностное лицо совершает юридически значимые действия в отношении лиц, которые находятся в служебной зависимости от последнего.

В свою очередь, согласно абз. 2 п. 4 постановления Пленума № 19 к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

В данном пункте высший коллегиальный орган судебной власти приводит примеры реализации должностным лицом, возложенных на него организационно-распорядительных функций.

По нашему мнению, положения абз. 1 п. 4 постановления Пленума № 19 полностью не соответствуют положения абз. 2 п. 4 рассматриваемого постановления и противоречат ему. В частности, при раскрытии организационно-распорядительных функций Пленум Верховного суда Российской Федерации подчеркивает, что данные функции осуществляются должностным лицом именно внутри самого государственного органа, государственного или муниципального учреждения, по отношению к лицам, которые находятся в самом трудовом коллективе. Однако уже в следующем абзаце рассматриваемого пункта постановления судебный орган приводит примеры реализации организационно-распорядительных функций, относя к таковым, совершение юридически значимых действий и влекущих определенные юридические последствия по отношению к лицам, которые не находятся от должностного лица в служебной зависимости, данных лиц не связывает, как это указанно раннее, наличие трудовых отношениях.

В представленном случае Пленум Верховного суда Российской Федерации допускает ошибку, приводя в качестве примеров реализации организационно-распорядительных функций, деятельность должностных лиц в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости.

Возвращаясь к понятию представителя власти, закрепленного в примечании к ст. 318 УК РФ, следует отметить, что в указанной дефиниции законодатель применяет понятие распорядительных полномочий, при этом делая отсылку на реализацию указанных полномочий в отношении лиц, не находящихся от представителя власти в служебной зависимости. Однако в полной мере содержание распорядительных полномочий законодательно не определено и даже сам Пленум Верховного суда России рассматривает организационно-распорядительные функции, как распо-

рядительные полномочия, поглощая их и смешивая, что, по нашему мнению, недопустимо.

Криминалисты при рассмотрении указанной проблемы подчеркивали: «недостаточная определенность содержания распорядительных полномочий может породить у суда сомнения относительно возможности отнесения указанных лиц к числу представителей власти» [5, с. 15].

А.Р. Саруханян определяет, что «распорядительные полномочия реализуются в праве должностного лица выносить в пределах своей компетенции указания, которые являются обязательными к исполнению другими должностными лицами и гражданами» [13, с. 97].

С точки зрения лексического значения, понятие «организационно-распорядительных функций» - рассматривается, как составное понятие. С целью сравнения рассматриваемого понятия с распорядительными функциями следует установить трактовку понятия «организационный», «организационные функции».

В словаре С.И. Ожегова, при определении содержания организационных функций указывается осуществление какой-либо деятельности внутри самой организации [16].

В Большом юридическом словаре, организационные функции рассматриваются как деятельность, относящуюся к организации, к устройству чего-либо, к объединению кого-либо [17].

Представленное толкование подтверждает позицию автора, относительно определения организационно-распорядительных функций, а также несоответствия приведенных в абз. 2 п. 4 постановления Пленума № 19 примеров осуществления должностным лицом представленных функций.

Если организационно-распорядительные функции осуществляются должностным лицом именно внутри самого государственного органа, государственного или муниципального учреждения, по отношению к лицам, которые находятся в самом трудовом коллективе, то распорядительные полномочия, исходя из содержания функций представителя власти, осуществляются в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, таковыми выступают – граждане, организации, учреждения независимо от их ведомственной принадлежности и формы собственности.

В представленном случае ключевым при определение распорядительных полномочий и отграничения их от организационно-распорядительных полномочий, являющихся одной из характерных функций должностного лица – является то, что принимаемое решение имеет юридическое значение по отношению к лицам, организациям, которые не находятся от представителя власти в служебной зависимости.

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлено отсутствие законодательно закрепленного понятия распорядительных полномочий, Пленум Верховного суда России рассматривает организационно-распорядительные функции, как распорядительные полномочия, поглощая их и смешивая, что, по нашему мнению, недопустимо;

Предложено дополнить постановление Пленума № 19 пунктом, в котором раскрыть понятие распорядительных полномочий, под которым следует понимать полномочия должностного лица по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности;

Установлено, что положения абз. 1 п. 4 постановления Пленума № 19 полностью не соответствуют положения абз. 2 п. 4 рассматриваемого постановления и противоречат ему. Высший судебный орган допускает ошибку, приводя в качестве примеров реализации организационно-распорядительных функций, деятельность должностных лиц в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости;

Представляется необходимым исключить абз. 2 из п. 4 постановления Пленума № 19, так как в указанном пункте раскрыто понятие организационно-распорядительных функций, а далее приведены примеры осуществления должностным лицом распорядительных полномочий. Считаем, что рассматриваемый абзац следует перенести в пункт постановления Пленума № 19, в котором будут раскрыты распорядительные полномочия.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63- // СПС «Консультант плюс».

[2] Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «Консультант плюс».

[3] Приговор Первомайского районного суда г. Краснодара от 9 июля 2018 г. по делу № 1-357/18 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Арутюнян О. С. Проблемы определения субъекта должностных преступлений // Матрица научного познания. 2021. № 11-1. С. 174-180.

[5] Бриллиантов А.В, Яни П.С. Должностное лицо: представитель власти // Законность. 2010. № 5. С. 14-22.

[6] Бриллиантов А.В., Яни П.С. Должностное лицо: организационно-распорядительные функ-

ции // Законность. 2010. № 6. С. 10-15.

[7] Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. 368 с.

[8] Полукаров А.В. Должностные лица сферы здравоохранения как субъекты коррупционных преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 43-51.

[9] Пономарева В.А., Гришин Д.А. Должностное лицо как специальный субъект // Вестник науки. 2019. Т. 1, № 2(11). С. 136-139.

[10] Книшенко С. Ю. Должностные преступления в сфере здравоохранения: проблемы определения должностного лица как субъекта и квалификации состава преступлений // Матрица научного познания. № 11-1. 2023. С. 362-365.

[11] Ильин А.А. Организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции должностного лица в уголовном праве: проблемы регламентации и толкования // Труды Академии управления МВД РФ. С. 20-23.

[12] Кравченко О.О. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовая характеристика и предупреждение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 132 с.

[13] Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления: учеб. пособие для вузов. Ставрополь, 2013. 239 с.

[14] Состояние преступности. Официальный сайт МВД РФ // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports?ysclid=m5p3vjvmd5151139094..

[15] Интервью Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина в 2024 г. «Российской газете». Официальный сайт Следственного комитета // URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/507340/?pdf=1..

[16] Толковый словарь Ожегова С.И. // URL: https://slovarozhegova.ru/?ysclid=m5q1ekv3a5102063793..

[17] Большой юридический словарь // URL: https://gufo.me/dict/law?ysclid=m5q1gs4dpf5626242..

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63- // SPS "Consultant Plus" dated 13.06.1996 .

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 "On the application by the courts of legislation on necessary defense and harm during the detention of a person who has committed a crime "// SPS" Consultant Plus.".

[3] Verdict of the Pervomaisky District Court of Krasnodar dated July 9, 2018 in case No. 1-357/18 // SPS "ConsultantPlus.".

[4] Harutyunyan O.S. Problems of determining the subject of official crimes // Matrix of scientific knowledge. 2021. № 11-1. S. 174-180.

[5] Diamonds A.V., Jani P.S. Official: representative of the authorities // Legality. 2010. № 5. S. 14-22.

[6] Diamonds A.V., Jani P.S. Official: organizational and administrative functions // Legality. 2010. № 6. S. 10-15.

[7] Volzhenkin B.V. Service crimes. M., 2000. 368 pp.

[8] Polukarov A.V. Health officials as subjects of corruption crimes // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2013. № 2. S. 43-51.

[9] Ponomareva V.A., Grishin D.A. Official as a special subject // Bulletin of Science. 2019. T. 1, NO. 2 (11). S. 136-139.

[10] Knishenko S. Yu. Malfeasance in the field of health: problems of defining an official as a subject and qualification of corpus delicti // Matrix of scientific knowledge. № 11-1. 2023. S. 362-365.

[11] Ilyin A.A. Organizational, administrative and economic functions of an official in criminal law: problems of regulation and interpretation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. S. 20-23.

[12] Kravchenko O.O. Abuse of office: criminal law characteristics and warning: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. Vladivostok, 2004. 132 s.

[13] Sarukhanyan A. R. Crimes against the management order: study. allowance for universities. Stavropol, 2013. 239 pp.

[14] State of crime. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // URL: https ://xn--b1aew.xn--p1ai/reports? ysclid = m5p3vjvmd5151139094.

[15] Interview of the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin in 2024 to Rossiyskaya Gazeta. Official website of the Investigative Committee // URL: https: //sledcom.ru/press/interview/item/507340/?pdf=1..

[16] Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary // URL: https://slovarozhegova.ru/?ysclid=m5q1ekv3a5102063793..

[17] Large legal dictionary // URL: https://gufo.me/dict/law?ysclid=m5q1gs4dpf5626242..

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-369-372

ВОЛКОВ Артем Васильевич,
начальник юридического отдела Региональной общественной организации «Московская федерация футбола»,
e-mail: law.mosff@yandex.ru.

БРЕМЯ СОДЕРЖАНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ, ПРЕДОСТАВЛЕННОГО ПО ЗАВЕЩАТЕЛЬНОМУ ОТКАЗУ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУ СОБСТВЕННИКОМ И ОТКАЗОПОЛУЧАТЕЛЕМ

Аннотация. *Исследуется распределение расходов на содержание жилого помещения между наследником-собственником и отказополучателем. Обосновано, что солидарная ответственность по части 2 статьи 33 Жилищного кодекса Российской Федерации регулирует отношения сторон с внешним кредитором, но не дает завершенной модели внутреннего распределения расходов. Предложен функциональный подход, учитывающий связь затрат с индивидуальным потреблением, обычным пользованием, долгосрочным сохранением объекта либо виновным причинением вреда. Сформулированы критерии выбора способов защиты и проект законодательного уточнения.*

Ключевые слова: *завещательный отказ, отказополучатель, жилое помещение, бремя содержания, солидарная ответственность, коммунальные платежи, текущий ремонт, капитальный ремонт.*

VOLKOV Artem Vasilievich,
Head of the Legal Department, Regional Public Organization “Moscow Football Federation”

THE BURDEN OF MAINTAINING A DWELLING PROVIDED BY WAY OF A TESTAMENTARY LEGACY: ALLOCATION BETWEEN THE OWNER AND THE LEGATEE

Annotation. *The article examines the allocation of dwelling maintenance expenses between an heir-owner and a legatee. It argues that the joint and several liability under Article 33(2) of the Housing Code of the Russian Federation governs relations with external creditors but does not provide a complete model for the parties’ internal allocation. A functional approach is proposed, distinguishing costs connected with individual consumption, ordinary use, long-term preservation of the property, and fault-based damage. Criteria for remedies and a legislative amendment are formulated.*

Key words: *testamentary legacy, legatee, dwelling, maintenance burden, joint and several liability, utility charges, current repairs, capital repairs.*

Введение

Завещательный отказ позволяет предоставить лицу имущественное благо, не наделяя его статусом наследника. Особое практическое значение имеет возложение на наследника обязанности предоставить отказополучателю право пользования жилым помещением или его частью на определенный срок либо пожизненно. В результате право собственности наследника длительное время сосуществует с правом пользования конкретным объектом, сохраняющимся при последующем переходе собственности [2].

Такое сосуществование порождает споры об оплате коммунальных ресурсов, содержании помещения, текущем и капитальном ремонте. Статья 210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) связывает бремя содержания имущества с собственником, а часть 2 статьи 33 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее - ЖК РФ) устанавливает солидарную с собственником ответственность дееспособного отказополучателя по обязательствам, вытекающим из пользования жильем [1; 3]. Закон, однако, не определяет, как расходы должны окончательно

распределяться между сторонами после расчета с управляющей организацией или иным кредитором.

Вопросы правовой природы завещательного отказа, статуса пользователя жилья и тенденций судебной практики получили развитие в современной литературе [4-6]. Вместе с тем самостоятельная модель окончательного распределения неоднородных расходов между сторонами не сформирована. Цель исследования состоит в разработке такой модели и в определении последствий нарушения соответствующих обязанностей. Применены формально-юридический и системный методы, анализ судебной практики и метод правового моделирования. Научная новизна выражается в разграничении внешней солидарной ответственности и внутреннего бремени, а также в классификации расходов по их функциональной связи с пользованием либо собственностью.

Внешняя ответственность и внутреннее распределение расходов

Право отказополучателя имеет специальный объем: он пользуется жильем наравне с собственником в пределах завещательного распоряжения, но не приобретает правомочия распоряжения и экономического результата от изменения стоимости объекта. Поэтому ни возложение на него всех расходов вследствие проживания, ни сохранение всех платежей за собственником независимо от фактического потребления не обеспечивают справедливого баланса.

Солидарность по статье 33 ЖК РФ прежде всего защищает внешнего кредитора. Согласно статье 325 ГК РФ должник, исполнивший солидарное обязательство, получает регрессное требование к остальным должникам в равных долях, если иной порядок не вытекает из отношений между ними [1]. Следовательно, равенство долей является диспозитивной отправной точкой, а содержание отношений собственника и отказополучателя может обосновывать иной результат. Особенно важно, что статья 33 ЖК РФ охватывает только обязательства, «вытекающие из пользования» жилым помещением. Расходы, обусловленные исключительно титулом собственника и долгосрочной судьбой вещи, не должны автоматически включаться в солидарное бремя.

В литературе предлагается возложить на отказополучателя общую обязанность содержать предоставленное по легату имущество при отсутствии иного соглашения [4]. Такое решение верно по направленности, но недостаточно определенно: понятие содержания объединяет неоднородные платежи и не показывает, какое бремя сохраняется за собственником. Требуется не единая обязанность пользователя, а дифференциация затрат. До специального законодательного уточнения функциональные критерии могут применяться как обстоятельства, из которых в смысле пункта 2 статьи 325 ГК РФ вытекает неравное внутреннее участие должников. Если характер платежа и объем пользования доказать невозможно, сохраняется диспозитивная модель равных долей.

Функциональная модель распределения расходов

Во внутренних отношениях целесообразно учитывать источник платежа, связь с фактическим потреблением, влияние работ на долгосрочную стоимость объекта, объем пользования каждой стороны и причину возникновения затрат. По этим критериям выделяются четыре группы расходов.

Во-первых, стоимость электрической энергии, воды, газа и иных ресурсов, учитываемых по индивидуальным приборам, должен нести фактический потребитель. При совместном проживании расходы распределяются по данным учета, а при невозможности точного определения - с учетом числа проживающих, периода и объема пользования. Исполнение платежа собственником перед внешним кредитором не исключает его регрессного требования к отказополучателю.

Во-вторых, плата за обычное содержание жилья и расходы на текущий ремонт, вызванный нормальной эксплуатацией, должны распределяться соразмерно фактическому пользованию. При исключительном пожизненном проживании отказополучателя его участие может быть преобладающим; при совместном пользовании обоснована пропорциональная модель. Связь текущих затрат с объемом пользования отмечается и в научной литературе [5]. Вместе с тем нельзя возлагать на пользователя работы, необходимость которых возникла до предоставления помещения либо вследствие неисполнения собственником его обязанностей.

В-третьих, взносы на капитальный ремонт, замена конструктивных элементов и инженерных систем, устранение скрытых недостатков и иные затраты, направленные преимущественно на долгосрочное сохранение объекта, относятся на собственника. Он сохраняет титул, возможность отчуждения и прирост стоимости восстановленной вещи. Отказополучатель при этом обязан допускать необходимые работы, соблюдать правила эксплуатации и своевременно сообщать о неисправностях.

В-четвертых, расходы на устранение повреждений, вызванных виновным поведением стороны, несет нарушитель независимо от общей модели. Этот критерий позволяет отделить обычный износ от бесхозяйственного обращения, самовольного переустройства либо непринятия очевидных мер к предотвращению ущерба.

Предлагаемая модель носит диспозитивный характер. Завещатель либо стороны могут определить иной порядок, включая полное освобождение отказополучателя от отдельных платежей. При отсутствии специальных указаний суду следует исходить не из механического равенства расходов, а из функции конкретного платежа и фактического объема пользования.

Последствия нарушения обязанностей

Неоплата коммунальных или эксплуатационных расходов является денежным нарушением и по общему правилу должна влечь взыскание задолженности, процентов, убытков либо удовлетворение регрессного требования. Само по себе такое нарушение не соразмерно прекращению права пользования, поскольку выселение способно разрушить волю завещателя и предоставить собственнику выгоду, несопоставимую с размером долга.

Более строгие последствия допустимы при поведении, создающем угрозу сохранности помещения. В деле № 2-3125/2018 Майкопский городской суд Республики Адыгея исходил из ранее установленного бесхозяйственного обращения отказополучателя с жилым домом, его разрушения, неустранения нарушений и продолжения такого поведения после предупреждения. Суд признал возможным применение механизма статьи 35 ЖК РФ [7].

Иной подход отражен в деле № 33-29809/2023 Московского городского суда. Ссылки собственника на длительную неоплату коммунальных платежей и установку замка без передачи ключей не повлекли прекращения пожизненного права пользования. При этом было подтверждено право собственника требовать доступ в квартиру и устранение препятствий [8]. Судебная практика тем самым позволяет разграничить денежные требования, требования об определении порядка пользования и исключительную меру в виде выселения. В доктрине также подчеркивается необходимость учитывать содержание нарушения, а не только формальный факт неисполнения обязанности [6]. При разрешении денежного спора суду необходимо установить назначение платежа, период и объем пользования каждой стороны, фактическое исполнение обязательства истцом, наличие приборов учета и причину ремонтных работ. Без такого исследования солидарность перед кредитором рискует быть ошибочно перенесенной во внутренние отношения.

Предложения по совершенствованию законодательства

Пробел следует устранить в статье 33 ЖК РФ, регулирующей статус отказополучателя. Ее целесообразно дополнить правилом о том, что, если иное не установлено завещанием или соглашением сторон, во внутренних отношениях расходы на индивидуально потребленные ресурсы несет фактический потребитель; расходы на обычное содержание и текущий ремонт распределяются с учетом объема пользования и причин их возникновения; расходы, обусловленные правом собственности и долгосрочным сохранением объекта, несет собственник; последствия виновного повреждения возлагаются на нарушителя.

Одновременно необходимо указать, что задолженность отказополучателя по участию в расходах сама по себе не прекращает право пользования. Выселение возможно по правилам статьи 35 ЖК РФ при существенном нарушении правил эксплуатации, не устраненном после предупреждения. Такое регулирование сохранит свободу завещания, обеспечит защиту собственника и сделает судебные решения более предсказуемыми.

Заключение

Солидарная ответственность собственника и отказополучателя характеризует их положение перед внешним кредитором, но не разрешает вопрос об окончательном внутреннем бремени. Его распределение должно зависеть от функции расхода: индивидуальное потребление относится на потребителя; текущее содержание - на стороны соразмерно пользованию; капитальные и иные собственнические затраты - на собственника; виновно причиненный ущерб - на нарушителя. Денежная задолженность подлежит взысканию, тогда как прекращение права пользования допустимо лишь при квалифицированном нарушении правил эксплуатации. Закрепление этой модели в статье 33 ЖК РФ обеспечит баланс воли завещателя, права собственности и экономических интересов отказополучателя.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

[3] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

[4] Волков А. В., Ахтямова Е. В., Алсынбаева Э. М., Масалимова А. А. Завещательный отказ в гражданском праве Российской Федерации: правовые особенности и проблемы реализации // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20. № 3 (77). С. 110-120. DOI: 10.33184/pravgos-2024.3.13..

[5] Безик Н. В., Безик К. С. Проблемы правового регулирования пользования жилыми помещениями отказополучателями и получателями ренты // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1 (72). С. 49-58.

[6] Смирнов С. А. Тенденции современной судебной практики по делам о завещательном отказе // Наследственное право. 2013. № 6. С. 12-19.

[7] Решение Майкопского городского суда Республики Адыгея от 14 октября 2018 г. по делу № 2-3125/2018.

[8] Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-29809/2023.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Three) No. 146-FZ dated November 26, 2001 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 49. Art. 4552.

[3] Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 29, 2004 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (part 1). Art. 14.

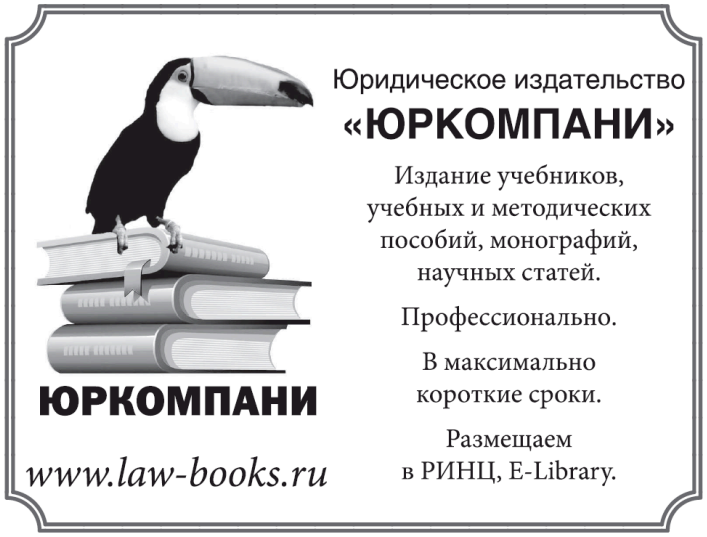
[4] Volkov A.V., Akhtyamova E.V., Alsynbaeva E.M., Masalimova A.A. Testamentary refusal in civil law of the Russian Federation: legal features and implementation problems // Legal state: theory and practice. 2024. T. 20. № 3 (77). S. 110-120. DOI: 10.33184/pravgos-2024.3.13..

[5] Bezik N.V., Bezik K.S. Problems of legal regulation of the use of residential premises by refusers and rent recipients // Siberian Legal Bulletin. 2016. № 1 (72). S. 49-58.

[6] Smirnov S. A. Trends in modern judicial practice in cases of probate refusal // Hereditary law. 2013. № 6. S. 12-19.

[7] Decision of the Maykop City Court of the Republic of Adygea dated October 14, 2018 in case No. 2-3125/2018.

[8] Appeal ruling of the Moscow City Court in case No. 33-29809/2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-373-379

ПАВЛОВ Трифон Александрович,
аспирант, ОУП ВО АТИСО, кафедра гражданского права и процесса,
e-mail: trifon2043pavlov@mail.ru

СВОБОДА ДОГОВОРА И КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ НЕПОИМЕНОВАННЫХ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуется свобода договора как правовое основание формирования непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств. Обосновывается необходимость разграничения непоименованного способа обеспечения и непоименованного договора, анализируются обеспечительная передача правового титула, обеспечительная уступка требования и обеспечительный платеж. На основе формально-юридического, системного и функционального методов предлагается система из семи критериев допустимости таких конструкций: обеспечительная направленность, определимость обязательства или риска, функциональная связь, нормативная допустимость, имущественная соразмерность, защита третьих лиц и юридическая определенность механизма реализации. Делается вывод о двойственном значении свободы договора, которая одновременно служит источником развития обеспечительных моделей и пределом их применения.*

Ключевые слова: *свобода договора; способы обеспечения исполнения обязательств; непоименованные способы обеспечения; титульное обеспечение; обеспечительная уступка требования; обеспечительный платеж; критерии допустимости; защита третьих лиц.*

PAVLOV Trifon A.,
postgraduate student, EITU HPE ALSR, Department of Civil Law and Procedure

FREEDOM OF CONTRACT AND ADMISSIBILITY CRITERIA FOR INNOMINATE SECURITY DEVICES IN CIVIL LAW

Annotation. *The article examines freedom of contract as the legal basis for developing non-statutory mechanisms securing the performance of obligations. It substantiates the need to distinguish between an unnamed security device and an unnamed contract and analyses such models as security title transfer, security assignment of claims and security payment. Using formal legal, systemic and functional methods, the author proposes a set of seven criteria for determining the admissibility of such arrangements: a security purpose, identifiability of the secured obligation or risk, a functional connection with the secured obligation, compliance with mandatory rules, economic proportionality, protection of third parties and legal certainty of the enforcement mechanism. It is concluded that freedom of contract has a dual role: it provides the legal foundation for the development of new security devices while simultaneously defining the limits of their lawful application.*

Key words: *freedom of contract; security for the performance of obligations; unnamed security devices; security title transfer; security assignment of claims; security payment; admissibility criteria; protection of third parties.*

Введение.

Открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств связан с принципом свободы договора. Совместное применение пункта 1 статьи 329 и статьи 421 ГК РФ позволяет сторонам создавать договорные способы обеспечения, адаптированные к конкретным рискам. Однако свобода договора ограничена императивными нормами, требованиями добросовестности и запретом обхода закона; при квалификации учитываются цели регулирования, имущественные последствия и баланс интересов сторон [1].

Несмотря на разработанность проблем свободы договора и обеспечения обязательств в цивилистике, единые критерии допустимости непоименованных способов не выработаны. Современные исследования раскрывают отдельные обеспечительные сделки и судебные подходы, но не формируют общей модели их квалификации [2].

Научная проблема состоит в разграничении допустимого способа обеспечения и условий, направленных на обход закона либо предоставление кредитору несоразмерного преимущества. Обеспечительный характер предполагает направленность на снижение риска, связь с обязательством и дополнительное средство защиты кредитора [3].

Цель исследования – обосновать свободу договора как основание формирования непоименованных способов обеспечения и определить критерии их допустимости. Гипотеза состоит в том, что свобода договора одновременно служит источником новых обеспечительных моделей и пределом их применения.

Научная новизна состоит в разработке системы из семи критериев: обеспечительной направленности, определимости обязательства или риска, функциональной связи, нормативной допустимости, имущественной соразмерности, защиты третьих лиц и юридической определенности механизма реализации. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и функциональный методы. Предложенные критерии применимы при договорном конструировании и судебной квалификации.

Свобода договора как основание формирования и квалификации непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств

Свобода договора – основополагающее начало частноправового регулирования, позволяющее участникам оборота выбирать контрагента и договорный тип, согласовывать условия, заключать смешанные и непоименованные договоры. Развитие оборота обусловливает появление конструкций, не требующих предварительной законодательной типизации [4].

В обеспечительных отношениях договорная автономия выражена в пункте 1 статьи 329 ГК РФ, допускающем иные способы, предусмотренные законом или договором.

Во взаимосвязи со статьей 421 ГК РФ это позволяет создавать нетипизированные обеспечительные механизмы, если они не противоречат императивным нормам и общим началам гражданского законодательства.

Непоименованный способ обеспечения не тождествен непоименованному договору. Первый характеризует функцию отдельного механизма и может быть самостоятельным соглашением либо условием поименованного, непоименованного или смешанного договора. Второй обозначает договорную модель, не предусмотренную законом, и не обязательно имеет обеспечительную направленность.

Такое разграничение важно, поскольку название соглашения не определяет его квалификацию. Согласно пунктам 43 и 47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», условия толкуются с учетом буквального значения, системной связи, цели договора и существа законодательного регулирования, а квалификация основывается на действительном содержании и признаках предусмотренных законом конструкций. Поэтому условие признается обеспечительным лишь тогда, когда оно снижает определенный обязательственный риск и предоставляет кредитору дополнительное средство защиты.

Использование элементов иного гражданско-правового института не исключает обеспечительного характера механизма. Его природа определяется фактическим назначением: необходимо установить, снижает ли он риск неисполнения, какое преимущество получает кредитор, при каких условиях оно реализуется и что происходит с имуществом или правом после исполнения обязательства.

Непоименованность означает отсутствие самостоятельной законодательной типизации. Механизм может сочетать элементы известных институтов или модифицировать поименованный способ. К таким конструкциям относят гарантийное удержание, обеспечительную уступку и передачу титула в обеспечительных целях; их объединяет укрепление положения кредитора при наступлении согласованного риска.

Признаки непоименованного способа обеспечения: направленность на снижение риска; предоставление кредитору дополнительного имущественного или юридического преимущества; функциональная связь с обязательством или риском; договорная определенность обеспечиваемого требования, порядка реализации и судьбы предоставления; дополнительность эффекта, исключающая замену исполнения или превращение обеспечения в отступное.

Свобода договора необходима, но недостаточна для признания непоименованного способа. Его действительность зависит от содержания и последствий. В частности, титульное обеспечение требует определить возврат имущества, порядок удовлетворения требования и судьбу превышения над задолженностью; договор не может воспроизводить поименованный способ с устранени-

ем установленных законом гарантий.

Таким образом, непоименованный способ обеспечения представляет собой нетипизированный законом договорный механизм, направленный на снижение обязательственного риска, связанный с обеспечиваемым отношением и предоставляющий кредитору дополнительную защиту. Его квалификация определяется совокупностью признаков, а не названием или заявленной сторонами целью.

Основные модели развития непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств

Непоименованные способы возникают вследствие приспособления гражданско-правовых средств к снижению риска неисполнения: путем сочетания элементов нескольких конструкций, использования поименованной сделки в обеспечительных целях или включения самостоятельного условия. Для квалификации важны содержание прав и обязанностей, связь с обеспечиваемым обязательством и характер преимущества кредитора. Показательными моделями являются обеспечительная передача титула, уступка требования и обеспечительный платеж.

Обеспечительная передача титула предполагает переход права собственности к кредитору не для окончательного отчуждения, а в целях снижения риска неисполнения. После исполнения обязательства имущество или титул подлежит возврату. В отличие от залога, кредитор формально становится собственником, что усиливает его позицию, но его полномочия ограничиваются обеспечительной целью и необходимостью соблюдения баланса интересов [5; 7; 8].

Допустимость титульного обеспечения определяется содержанием соглашения: в нем должны быть обозначены обеспечиваемое обязательство, основания реализации имущества, порядок возврата титула и судьба превышения его стоимости над задолженностью. Безусловное сохранение имущества кредитором независимо от объема долга способно привести к несоразмерному результату и нарушить интересы иных кредиторов. Поэтому квалификация зависит от действительного содержания соглашения, распределения прав и рисков, соблюдения императивных норм, добросовестности и запрета обхода закона.

Другой моделью является обеспечительная уступка требования, состоящая в передаче кредитору права требования к третьему лицу в целях обеспечения обязательства цедента. Цессионарий получает дополнительный источник удовлетворения, однако во внутренних отношениях его полномочия ограничиваются обеспечительной целью. После прекращения основного обязательства неиспользованное требование подлежит обратной передаче, а суммы, полученные сверх размера задолженности, должны быть возвращены цеденту [3; 6].

Для разграничения обеспечительной и обычной уступки необходимо учитывать не только форму сделки, но и экономико-правовую цель передачи требования. В соглашении целесообразно определить момент, с которого цессионарий вправе предъявить требование должнику, основания направления полученных сумм на погашение долга и порядок окончательного расчета между сторонами. Временный характер обеспечительной уступки предполагает определение в соглашении порядка осуществления и возврата уступленного требования, поскольку цедент несет риск злоупотребления цессионарием формальным положением правообладателя [6; 9; 10].

Особое значение имеет обеспечительный платеж, поскольку его развитие показывает переход договорной модели из числа непоименованных в законодательно урегулированные. До включения соответствующих положений в ГК РФ стороны использовали гарантийные взносы, денежные депозиты и иные сходные механизмы на основании статей 329 и 421 ГК РФ. После введения статьи 381.1 ГК РФ обеспечительный платеж получил самостоятельную законодательную типизацию и вошел в перечень поименованных способов обеспечения.

Обеспечительный платеж предполагает предварительное внесение одной стороной в пользу другой определенной денежной суммы. При наступлении предусмотренных договором обстоятельств эта сумма засчитывается в счет исполнения соответствующего обязательства, а при ненаступлении таких обстоятельств либо прекращении обеспеченного обязательства подлежит возврату, если соглашением сторон не предусмотрено иное (пп. 1, 2 ст. 381.1 ГК РФ). Таким образом, обеспечительный платеж сочетает предварительное предоставление денежных средств с заранее определенным порядком их зачета или возврата. До законодательного закрепления данная конструкция рассматривалась в числе непоименованных способов обеспечения, однако после введения статьи 381.1 ГК РФ приобрела самостоятельное нормативное регулирование [3].

Рассмотренные способы различаются по объекту и механизму создания преимущества кредитора. Титульное обеспечение использует право собственности, обеспечительная уступка – право требования, а обеспечительный платеж – предварительное денежное предоставление. Вместе с тем их объединяют обеспечительная направленность, связь с определимым обязательством или риском, условный характер преимущества кредитора и обязанность возвратить неиспользованное обеспечение либо стоимост-

ное превышение.

Следовательно, развитие непоименованных способов обеспечения происходит не путем произвольного создания новых терминов, а посредством функционального приспособления существующих гражданско-правовых средств к обеспечительной цели. Такая практика отражает регулятивный потенциал свободы договора, но одновременно требует установления единых критериев допустимости, препятствующих обходу обязательного правового режима и необоснованному усилению положения кредитора.

Пределы свободы договора и критерии допустимости непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств

Открытый перечень способов обеспечения, закрепленный в пункте 1 статьи 329 ГК РФ, в сочетании с положениями статьи 421 ГК РФ позволяет сторонам создавать договорные механизмы, не получившие самостоятельной законодательной типизации. При этом свобода договора носит не абсолютный, а ограниченный характер: она реализуется в рамках императивных предписаний закона, принципов гражданского права и требований устойчивости гражданского оборота.

В частности, свобода усмотрения сторон ограничивается запретом обхода закона, необходимостью соблюдения баланса интересов участников оборота, а также недопустимостью нарушения прав третьих лиц и публичных интересов.

Согласно пунктам 1, 3 и 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее – постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16), свобода определения договорных условий осуществляется с учетом императивных норм, существа и целей законодательного регулирования, а также необходимости защиты охраняемых законом интересов. При квалификации непоименованной договорной конструкции учитываются не ее название, а предмет, действительное содержание прав и обязанностей сторон и распределение рисков. В связи с этим допустимость непоименованного способа обеспечения должна оцениваться посредством совокупности критериев, одновременно определяющих пределы договорной свободы.

Оценка непоименованного способа обеспечения должна охватывать обеспечительную направленность, определимость обеспечиваемого обязательства или риска, функциональную связь с ним, соответствие обязательным нормам, имущественную соразмерность, защиту третьих лиц и юридическую определенность механизма реализации. Эти элементы образуют последовательный тест из семи критериев, одновременно раскрывающий пределы договорной свободы.

Первым критерием выступает обеспечительная направленность. Договорный механизм должен снижать конкретный риск неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства и предоставлять кредитору дополнительную юридическую либо имущественную возможность защиты. Условие, которое только определяет цену, порядок расчетов или содержание основной обязанности, обеспечительной природы не приобретает.

Вторым критерием является определимость обеспечиваемого обязательства или риска. Из содержания договора должны устанавливаться обеспечиваемое требование либо конкретный обязательственный риск, обстоятельства реализации обеспечения и предельный объем удовлетворения кредитора. Отсутствие такой определимости препятствует установлению обеспечительной функции механизма и создает риск его произвольного осуществления [1].

Третьим критерием является функциональная связь с обеспечиваемым обязательством. Такая связь не обязательно предполагает строгую акцессорность, поскольку гражданскому праву известны относительно самостоятельные обеспечительные механизмы. Вместе с тем прекращение обеспечиваемого риска должно влечь прекращение обеспечительной функции, возврат имущества или окончательный расчет. Временный характер обеспечительной собственности выражается в обусловленности титула кредитора существованием обеспеченного обязательства и необходимости его возврата после исполнения долга [5]. Обеспечительная уступка также предполагает возврат требования, либо полученного вместо него предоставления после прекращения обеспеченного обязательства [9; 10].

Четвертым критерием является нормативная допустимость. Стороны не вправе посредством непоименованного способа обеспечения устранять императивные требования к форме и государственной регистрации сделки, гарантии должника, правила очередности удовлетворения требований кредиторов или установленный порядок обращения взыскания. Отсутствие прямого запрета само по себе не свидетельствует о допустимости конструкции, направленной на обход обязательного правового режима. Согласно пункту 1 постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16, при определении императивного или диспозитивного характера нормы учитываются не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но также ее существо и цели законодательного регулирования. Если согласованная сторонами модель воспроизводит экономический результат поименованного способа обеспечения, одновременно исключая установленные для него обязательные гарантии,

к отношениям сторон должна применяться соответствующая императивная норма. Нарушающее ее договорное условие может быть признано недействительным.

Пятым критерием являются добросовестность и имущественная соразмерность. Предоставляемое кредитору преимущество должно соответствовать размеру обеспечиваемого требования и не превращать обеспечение в самостоятельный источник необоснованной имущественной выгоды. В договоре необходимо определить порядок оценки предоставленного имущества, условия его использования для погашения задолженности и последствия превышения стоимости обеспечения над размером долга. Особое значение данный критерий имеет при титульном обеспечении и обеспечительной уступке требования, поскольку такие конструкции предоставляют кредитору юридический контроль над имуществом или правом, стоимость которых может превышать объем обеспеченного требования. Поэтому осуществление обеспечительного права должно учитывать имущественные интересы обеих сторон и ограничиваться целью надлежащего исполнения обязательства.

Шестым критерием являются защита третьих лиц и противопоставимость обеспечительного эффекта. Соглашение сторон не может само по себе предоставлять кредитору вещный или банкротный приоритет, не предусмотренный законом. Применительно к залогу движимого имущества внесение сведений в реестр уведомлений создает презумпцию осведомленности третьих лиц об обременении и учитывается при определении старшинства залоговых прав. Как разъяснено в пунктах 17 и 47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей», при отсутствии записи о залоге залогодержатель вправе доказывать, что соответствующее третье лицо знало или должно было знать о существовании обременения.

Седьмым критерием является юридическая определенность механизма реализации. В договоре должны быть установлены момент возникновения обеспечительного права, условия его осуществления, объем удовлетворения кредитора, порядок оценки и реализации имущества, последствия исполнения и судьба обеспечения после прекращения обязательства.

При квалификации договорного механизма необходимо учитывать не только буквальное значение его условий, но и их системную связь, цель договора и существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств, что соответствует разъяснениям пункта 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49. Поэтому наименование сделки как купли-продажи, уступки или обеспечительного депозита не предопределяет ее квалификацию.

Критерии применяются последовательно. Сначала устанавливаются обеспечительная направленность и определимость обеспечиваемого обязательства или риска, затем функциональная связь с ним, нормативная допустимость, имущественная соразмерность, защита третьих лиц и юридическая определенность механизма реализации. Несоответствие отдельному критерию не всегда влечет недействительность всей сделки. В зависимости от характера нарушения возможны непризнание условия способом обеспечения, применение императивной нормы, частичная недействительность, переквалификация отношений либо отказ в предоставлении кредитору приоритета перед третьими лицами.

Таким образом, допустимым следует признавать непоименованный способ, направленный на снижение определимого обязательственного риска, функционально связанный с обеспечиваемым отношением, не устраняющий обязательные гарантии, не предоставляющий кредитору несоразмерной выгоды, не нарушающий права третьих лиц и содержащий юридически определенный порядок реализации. Такой подход сохраняет регулятивный потенциал свободы договора и одновременно фиксирует ее пределы, препятствуя использованию обеспечительной конструкции для обхода закона и нарушения баланса интересов участников гражданского оборота.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что свобода договора выступает юридическим основанием развития непоименованных обеспечительных конструкций. Открытый характер перечня способов обеспечения, закрепленный в пункте 1 статьи 329 ГК РФ, в сочетании с положениями статьи 421 ГК РФ предоставляет участникам оборота возможность создавать механизмы, адаптированные к конкретным обязательственным рискам. Поэтому такие конструкции являются закономерным результатом реализации диспозитивных начал.

Вместе с тем свобода договорного конструирования не означает допустимости любого механизма, которому стороны придали обеспечительное назначение. Его квалификация должна основываться на действительной функции, содержании прав и обязанностей, связи с обеспечиваемым обязательством и имущественных последствиях. Наименование договора или отдельного условия само по себе не предопределяет его правовую природу.

Анализ подтвердил двойственное значение свободы договора. С одной стороны, она создает возможность формирования новых обеспечи-

тельных моделей. С другой стороны, ее пределы определяют границы их правомерного применения. Непоименованная конструкция не должна использоваться для обхода императивных норм, устранения гарантий должника, нарушения прав третьих лиц либо получения кредитором необоснованной выгоды.

Для единообразной квалификации предложено оценивать такие конструкции по семи критериям: обеспечительной направленности, определимости обеспечиваемого обязательства или риска, функциональной связи с ним, нормативной допустимости, имущественной соразмерности, защите третьих лиц и юридической определенности механизма реализации. Несоответствие отдельному критерию должно влечь дифференцированные последствия: применение императивной нормы, переквалификацию отношений или признание соответствующего условия недействительным.

Предложенный подход сохраняет регулятивный потенциал свободы договора, не превращая ее в средство обхода обязательного правового режима. Его применение способно повысить предсказуемость судебной практики, качество договорной работы и содействовать дальнейшему развитию системы способов обеспечения исполнения обязательств.

Список литературы:

[1] Гринь О. С. Развитие общих положений об обеспечительных сделках и норм об обеспечительных денежных суммах в судебной практике // Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 107–116.

[2] Гринь О. С. Эволюция судебной практики применения норм о залоге и удержании вещи // Lex russica. 2025. Т. 78. № 9. С. 24–32.

[3] Гончарова В. А. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 184 с.

[4] Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 4. С. 12–56.

[5] Антюшин И. С. Обеспечительная собственность и ее временный характер в российском праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 3. С. 83–86. DOI:10.23672/SAE.2024.19.93.002..

[6] Прошин А. А. Обеспечительная уступка требований: основные проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8. С. 113–155.

[7] Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56–127.

[8] Зикун И. И. Конструкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 37–78.

[9] Правящий П. А. Обеспечительная уступка требования. Часть 1 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12. С. 84–113.

[10] Правящий П. А. Обеспечительная уступка требования. Часть 2 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 131–155.

References:

[1] Grin, O. S. (2024). Razvitie obshchikh polozhenii ob obespechitel'nykh sdelkakh i norm ob obespechitel'nykh denezhnykh summakh v sudebnoi praktike [Development of General Provisions on Security Transactions and Rules on Security Payments in Judicial Practice] // Lex russica [Lex Russica]. Vol. 77. No. 12. P. 107–116. (In Russ.).

[2] Grin, O. S. (2025). Evoliutsiia sudebnoi praktiki primeneniia norm o zaloge i uderzhanii veshchi [The Evolution of Judicial Practice in the Application of Pledge and Lien Provisions] // Lex russica [Lex Russica]. Vol. 78. No. 9. P. 24–32. (In Russ.).

[3] Goncharova, V. A. (2022). Nepoimenovannye sposoby obespecheniia ispolneniia obiazatel'stv v grazhdanskom prave Rossii [Unnamed Ways to Ensure the Fulfillment of Obligations in the Civil Law of Russia]: monograph. Moscow: Yustitsinform. 184 p. (In Russ.).

[4] Karapetov, A. G., Savelyev, A. I. (2012). Svoboda zakliucheniia nepoimenovannykh dogovorov i ee predely [Freedom to Conclude Unnamed Contracts and Its Limits] // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. No. 4. P. 12–56. (In Russ.).

[5] Antyushin, I. S. (2024). Obespechitel'naia sobstvennost' i ee vremennyi kharakter v rossiiskom prave [Security Property and Its Temporary Character in Russian Law] // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. No. 3. P. 83–86. DOI: 10.23672/SAE.2024.19.93.002. (In Russ.).

[6] Proshin, A. A. (2019). Obespechitel'naia ustupka trebovanii: osnovnye problemy [Security Assignment: Key Problems] // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii [The Herald of Economic Justice of the Russian Federation]. No. 8. P. 113–155. (In Russ.).

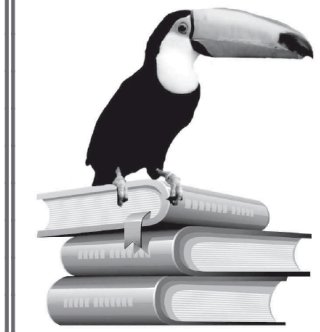
[7] Egorov, A. V., Usmanova, E. R. (2014). Zalog i titul'noe obespechenie: teoretiko-prakticheskoe sravnenie konstruktsii [Pledge and Title Security Devices: Analysis from Theoretical and Practical

Point of View] // Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]. No. 4. P. 56–127. (In Russ.).

[8] Zikun, I. I. (2016). Konstruktsiia titul'nogo obespecheniia v grazhdanskom prave: osnovnye problemy [The Construction of Security Title Transfer in Civil Law: Basic Problems] // Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]. No. 2. P. 37–78. (In Russ.).

[9] Pravyashchiy, P. A. (2022). Obespechitel'naia ustupka trebovaniia. Chast' 1 [Security Assignment. Part One] // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii [The Herald of Economic Justice of the Russian Federation]. No. 12. P. 84–113. (In Russ.).

[10] Pravyashchiy, P. A. (2023). Obespechitel'naia ustupka trebovaniia. Chast' 2 [Security Assignment. Part Two] // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii [The Herald of Economic Justice of the Russian Federation]. No. 1. P. 131–155. (In Russ.).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-380-384

ДМИТРИЕВА София Дмитриевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: Sofya.sona2004@yandex.ru

ПАТРУШЕВА Ольга Денисовна,
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: odpatrusheva@mail.ru

КИРСАНОВА Дарья Максимовна,
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: kisanova2015@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ОНЛАЙН-БАНКИНГЕ: РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА

Аннотация. *В настоящее время онлайн-банкинг подвержен двум ключевым рискам: использованию в целях отмывания доходов и финансирования терроризма. В данной статье авторы анализируют эффективность применения риск-ориентированного подхода для минимизации данных рисков. Исследование проводилось с опорой на международные акты финансового регулирования и надзора, а также на исследования, рассматривающие успешность существующего законодательства в этой сфере.*

Ключевые слова: *банковская деятельность, онлайн-банкинг, риск-ориентированный подход, ФАТФ, противодействие легализации отмывания доходов, клиент банка.*

DMITRIEVA Sofia Dmitrievna,
student, Financial University under the Government of the Russian Federation

PATRUSHEVA Olga Denisovna,
student, Financial University under the Government of the Russian Federation

KIRSANOVA Daria Maksimovna,
student, Financial University under the Government of the Russian Federation

APPLYING A RISK-BASED APPROACH TO ONLINE BANKING: REGULATION AND PRACTICE

Annotation. *Online banking is exposed to two major risks: its utilisation for the purposes of money laundering and the financing of terrorism. This article examines the effectiveness of applying a risk-based approach to mitigate these risks. The study is founded upon international legal instruments pertaining to financial regulation and supervision, as well as scholarly works evaluating the effectiveness of extant legislation in this domain.*

Key words: *banking, online banking, risk-based approach, FATF, countering the legalization of money laundering, bank client.*

Мир стремительно трансформируется, всё больше аспектов нашей жизни перемещаются в цифровое пространство. Вместе с этим растет популярность онлайн-банкинга, что представляет собой способ управления финансами через интернет. Как отмечает Ручкина Г. Ф., цифровые банки и онлайн-банкинг стремительно развиваются, и по некоторым оценкам годовой темп их роста в период с 2024 по 2028 г. составит 13 - 15% [1, с. 15]. При этом использование таких сервисов несёт в себе не только положительный аспект, но и ряд угроз, которые требуют детального рассмотрения.

Однако вместе с этими преимуществами появляются и серьёзные риски. Среди рисков, с которыми сталкиваются банки при использовании интернет-банкинга, можно выделить: операционные, репутационные, риски безопасности, стратегические, кредитные, рик онлайн-мошенничества и иные [2, с. 169]. Эти риски, существовавшие и ранее, после внедрения цифровизации трансформировались и требуют нового подхода со стороны банков.

Самой острой проблемой остаётся деятельность злоумышленников, использующих высокие технологии для кражи персональных данных. Современные мошенники постоянно совершенствуют свои методы,для того чтобы обойти защитные механизмы банков и пользователей.

Также не следует забывать и про технический аспект. Несмотря на значительные усилия банков по защите своих систем, технические сбои остаются реальностью. Они могут возникать по разным причинам: ошибки в программном коде, перегрузка серверов или целенаправленные атаки. Такие ситуации могут привести к временному отключению услуг, задержкам в проведении транзакций или даже потере важных данных. Особенно критичны такие проблемы в моменты, когда клиенту требуется срочный доступ к своим средствам.

Риск-ориентированный подход в онлайн-банкинге - это метод управления рисками, который предполагает выявление, устранение или ослабление потенциального влияния источников банковских рисков для повышения надежности банковской деятельности. Данный подход предлагает гибкое и соразмерное распределение ресурсов в зависимости от уровня потенциальной угрозы, а также дает возможность финансовым институтам эффективно выполнять предъявляемые к ним требования: обеспечивать беспрепятственный пользовательского опыта, соблюдать требования по противодействию легализации доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), а также защищать свою деловую репутацию в условиях постоянно эволюционирующего поля киберугроз и изощренных мошеннических схем.

Необходимо учитывать, что онлайн-банкинг может быть уязвим ко многим факторам, связанным с безопасностью удаленных операций. В отличие от традиционных отделений банков, где банковское обслуживание носит личный характер и специалист может полагаться на невербальные сигналы, онлайн-сервисы требуют компенсировать риски новыми, более технологичными способами. Это вызывает особую озабоченность, когда поставщики услуг базируются в юрисдикциях, где на них может не распространяться надлежащее регулирование и надзор в области ПОД/ФТ. Среди наиболее значимых рисков, на которые должен быть направлен риск-ориентированный подход, можно выделить:

риски, связанные с удаленной идентификацией, включающие в себя возможность использования поддельных или похищенных удостоверений личности. Это делает процесс онбординга критически важным, особенно когда речь идет про применение усиленных мер проверки (Enhanced Due Diligence, EDD) для клиентов из юрисдикций с повышенным риском или вовлеченных в политически значимые должности (PEP).

высокая скорость и анонимность операций, может способствовать осуществлению транзакций, направленных на легализацию средств, полученных преступным путем, поскольку цифровые платежи могут быть проведены мгновенно и через несколько стран, существенно затрудняя их отслеживание для органов финансового мониторинга без наличия продвинутых аналитических инструментов.

угрозы кибербезопасности и компрометации учетных данных, что напрямую напрямую влияет на риски ПОД/ФТ, так как в случае получения несанкционированного доступа к учетной записи клиента злоумышленники могут использовать ее для проведения мошеннических операций и отмывания денег, маскируя их под легитимную активность законного владельца счета.

Риск-ориентированный подход включает в себя идентификацию, анализ и оценку рисков, касающихся предоставления банковских услуг в сети Интернет. Данное благополучно сказывается на функционировании банков и финансовых институтов, так как позволяет эффективно распределять ресурсы для минимизации возможных убытков и обеспечения безопасности операций.

Ключевые элементы риск-ориентированного подхода:

Выявление рисков. Одним из самых важных этапов является обнаружение возможных проблем и уязвимых мест, которые способны причинить вред для онлайн-банкинга.

Оценка рисков. Необходимо изучить вероятность возникновения какой-либо угрозы и оценить возможные масштабы ущерба, который мо-

жет быть нанесен посредством этого риска.

Управление рисками. После анализа рисков происходит разработка и внедрение способов и мер для их снижения. В это будет входить использование передовых технологий защиты данных, регулярное обновление программного обеспечения и обучение пользователей правилам безопасности.

Контроль и отчетность. Необходимо систематически проводить мониторинг ситуации с рисками, выявлять насколько эффективны принятые меры.

Одним из методов управления рисками в интернет-банкинге является создание всестороннего контроля за безопасностью. Он включает в себя установку авторизационных привилегий, логический и физический контроль доступа, обеспечение безопасности инфраструктуры.

Также для управления рисками в интернет-банкинге можно использовать идентификацию личности и авторизацию клиентов. Для этого в современном мире используется множество способов. Например, пароли, смарт-карты, биометрические и цифровые сертификаты. Еще одним способом управления рисками в интернет-банкинге является использование методов идентификации транзакций. Данное будет обеспечивать безотказность работы и устанавливать возможность идентификации электронных банковских транзакций.

Применение риск-ориентированного подхода в онлайн-банкинге эффективно благодаря его универсальности. Такой подход служит защите кредитных организаций и их клиентов от любых угроз их интересам или негативных явлений независимо от степени развития законодательной базы банковской деятельности. Так, например, для борьбы с отмыванием доходов и финансированием терроризма разработаны как международные, так и национальные меры, основанные на риск-ориентированном подходе.

В целях борьбы с отмыванием доходов была создана Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее - «ФАТФ»), членом которой Россия является с 2003 года. Несмотря на то, что членство в ней было приостановлено, ее система по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма продолжают соответствовать всем стандартам [3].

Риск-ориентированный подход (РОП) имеет решающее значение для эффективной реализации пересмотренных Международных стандартов ФАТФ по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения, которые были приняты в 2012 году.

Как следует из Руководства по риск-ориентированному подходу для банковского сектора, выпущенного в 2021 году, при предотвращении кибератак на мобильный банкинг означает, что банки, финтех-компании, поставщики платежных услуг, должны выявлять, оценивать, а также понимать риски кибератак, которым они подвержены, и разрабатывать меры по предотвращению этих рисков, чтобы эффективно их смягчить [4].

Особенно интересны в отношении онлайн-банкинга Рекомендации 16, которые вводят определение «электронного перевода», а также требования касающиеся как внутренних, так и трансграничных электронных переводов, которые касаются как фиатных валют, так и виртуальных активов.

Отправляющие, а также в некоторых случаях и получающие учреждения, обязаны собирать информацию об отправителях и получателях. Как следует из Пояснительной записки к Рекомендациям, такая информация включает в себя: имя и номер счета отправителя, адрес отправителя или номер государственного идентификационного документа, или идентификационный номер клиента, или дату и место рождения, имя получателя и его номер счета.

Таким образом, ФАТФ требует, чтобы все клиенты проходили надлежащую проверку, в том числе при осуществлении электронных переводов. Названные данные позволяют идентифицировать как отправителя, так и получателя, что обеспечивает прозрачность переводов, даже если они осуществляются без открытия банковского счета.

При подозрении на осуществление запрещенной операции банк имеет право попытаться уменьшить риски, в том числе отклонив или заблокировав операцию. Все финансовые учреждения, если они подозревают или имеют основания подозревать, что средства являются доходом от преступной деятельности или связаны с финансированием терроризма, обязаны оперативно сообщать о своих подозрениях в соответствующие регуляторы. Это следует из Рекомендаций 20. С одной стороны, это создает дополнительную административную нагрузку на банки и другие финансовые учреждения, с другой - гарантирует, что государственные органы остаются в курсе всех подозрительных операций, информация о которых может способствовать раскрытию финансовых преступлений.

Российская Федерация достигла определенных успехов в сфере борьбы с отмыванием доходов и финансированием терроризма. Так, в 2019 России удалось получить пятое место по эффективности своей системы с данными проблемами в мире, что демонстрировало успехи в борьбе с отмыванием средств [5]. Этот успех был закреплен оценкой экспертов в 2023 году. Тем не менее, в связи с санкционным давлением после начала

специальной военной операции, в феврале 2023 г. членство России в ФАТФ было приостановлено. Несмотря на это, Россия продолжает добросовестно выполнять свои обязательства.

Основной федеральный закон, который в России регламентирует применение риск-ориентированного подхода - это Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Согласно нему, под осуществлением внутреннего контроля понимается реализация организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, правил внутреннего контроля, включающая в себя в том числе выполнение требований законодательства по идентификации клиентов, по проведению в установленных случаях упрощенной идентификации клиентов - физических лиц, по оценке степени риска совершения клиентами подозрительных операций и отнесению клиентов к группам риска совершения подозрительных операций.

Как следует из данного федерального закона, кредитные организации должны самостоятельно разрабатывать документацию, согласно которой они будут классифицировать риски на уровне внутреннего контроля. Так, в Указании № 3624-У отмечено, что система управления рисками и капиталом должна выявлять присущие, потенциальные и значимые для банков риски [6].

В Информационном письме Росфинмониторинга от 18.03.2009 № 2 «О порядке применения Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ» указано, что организации обязаны самостоятельно оценивать степень риска на основании признаков операций, видов и условий деятельности, имеющих риск совершения клиентами операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма [7]. При этом должны учитываться и внутренние признаки, которые были установлены самой организацией в рамках внутреннего контроля. Такими признаками могут быть:

любая деятельность, связанная с интенсивным оборотом наличности;

отсутствие информации о клиенте (юридическом лице, в том числе кредитной организации) в официальных справочных изданиях, а также невозможность осуществить связь с клиентом по указанным им адресам и телефонам;

наличие в деятельности клиента подозрительных операций, сведения по которым представлялись в уполномоченный орган и др.

При этом, как следует из ст. 7 данного федерального закона, кредитные организации и филиалы иностранных банков обязаны относить каждого клиента к одной из следующих групп риска:

низкая степень (уровень) риска совершения подозрительных операций;

средняя степень (уровень) риска совершения подозрительных операций;

высокая степень (уровень) риска совершения подозрительных операций

Уровень риска в отношении каждого клиента указывается в его анкете. Если хотя бы один из факторов из Приложения 5 оценивается как повышенный, уровень риска клиента повышается. Также существует перечень операций, контроль которых обязателен. В отношении онлайн-банкинга такому контролю подвержены:

переводы денежных средств, если отправляющей или получающей стороной является лицо с местом регистрации/проживания в стране, не входящей в ФАТФ и/или не выполняющей ее требований;

операции с цифровыми финансовыми активами;

операции, совершаемые по поручению иностранного гражданина, на сумму, равную или превышающую 50 000 рублей либо равную или ее эквиваленту в иностранной валюте и др.

Таким образом, нормы ФАТФ находят свое отображение в российском законодательстве, которое предъявляет достаточно высокие требования к банкам и другим учреждениям при осуществлении онлайн операций. Несмотря на то, что это имеет свои преимущества, которые позволяют эффективно предотвращать подозрительные переводы, у такого строгого подхода есть недостатки.

Одним из главных недостатков является большое количество ложных блокировок. Алгоритмы искусственного интеллекта исследуют счета для определения подозрительных транзакций. И если какая-то сделка покажется системе «нестандартной», велика вероятность блокировки счета без предварительных разбирательств. Это вызывает трудности, которые заставляют людей обращаться в службу поддержки для разрешения проблемы.

Также велик процент случаев, когда клиенты становятся частью мошеннической цепи, сами того не подозревая. Злоумышленники часто используются доверием граждан в своих планах, делая их непреднамеренными участниками противоправных действий. К примеру, они могут потребовать перевести на указанный ими счет денежные средства, поступившие гражданину от третьего лица. Клиент лично переводит средства на указанный счет, не подозревая, что его данные используют для отмывания денег через/с помощью счета. В подобных случаях операция может быть ошибочно классифицирована как подозрительная, хотя никакого злого умысла у клиента не было. Банковские системы, основанные на риск-

ориентированном подходе, могут заблокировать его аккаунт, что усложняет процесс.

Отметим, что несмотря на свою популярность, для достаточно большого количества людей онлайн-банкинг остается инструментом, которому они не доверяют, в том числе из-за риска стать жертвой мошенников [8].

Риск-ориентированный подход играет важную роль в защите финансовых систем от мошенничества и киберугроз. Однако его недостатки, такие как частые ошибочные блокировки, шаблонные алгоритмы и автоматизация, могут создавать серьезные неудобства для клиентов. Особенно сложными являются случаи, когда законопослушный гражданин становится жертвой мошенников или ошибочной блокировки.

Таким образом, риск-ориентированный подход в онлайн-банкинге демонстрирует высокую эффективность в выявлении и предотвращении угроз связанных с мошенническими операциями и не только. Комплексный подход позволит минимизировать риски и обеспечить доверие пользователей к цифровым финансовым сервисам. При этом меры безопасности не должны вести к несправедливому ограничению в доступе к финансовым услугам и продуктам со стороны финансовых учреждений.

Список литературы:

[1] Ручкина Г. Ф. Цифровые банки на рынке банковских услуг: необходимость правового регулирования деятельности // Banking Law. - 2024. - № 04. - С. 14-21- DOI: 10.18572/1812-3945-2024-4-14-2..

[2] Хафизова Р. Х. Риски цифрового банкинга // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2022. - № 5-3. - С. 168-170. - DOI: 10.24412/2411-0450-2022-5-3-168-170..

[4] FATF (2021), Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF, Paris, www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Updated-Guidance-RBA-VA-VASP.html..

[5] ФАТФ (2019) «Отчет о взаимной оценке мер по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, Российская Федерация» // ФАТФ, Париж https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/Mutual - Evaluation-Russian - Federation - декабрь 2019.

[6] Указание Банка России "О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы" от 15.04.2015 г. № 3624-У // Вестник Банка России. - 15.06.2015 г. - № 51. - с изм. и допол. в ред. от 06.10.2023.

[7] Информационное письмо «О порядке применения Федерального закона от 07.08.2001 N 115-ФЗ» от 18.03.2009 № 2 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67213/..

[8] РБК. Более половины россиян сочли рискованным использование онлайн-банкинга // РБК. — URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6420f14a9a79472ecdb9a69f (дата обращения: 25.10.2023).

References:

[1] G.F. Ruchkina. Digital banks in the banking services market: the need for legal regulation of activities // Banking Law. - 2024. - № 04. - S. 14-21- DOI: 10.18572/1812-3945-2024-4-14-2..

[2] Hafizova R. Kh. Risks of digital banking // Economics and business: theory and practice. - 2022. - № 5-3. - S. 168-170. - DOI: 10.24412/2411-0450-2022-5-3-168-170..

[4] FATF (2021), Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF, Paris, www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Updated-Guidance-RBA-VA-VASP.html..

[5] FATF (2019) "Report on the mutual assessment of measures to combat money laundering and terrorist financing, Russian Federation "// FATF, Paris https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/Mutual - Evaluation-Russian - Federation - December 2019.

[6] Bank of Russia Ordinance No. 15.04.2015 // Bank of Russia Bulletin, dated 3624-U, On Requirements for the Risk and Capital Management System of a Credit Institution and a Banking Group. - 15.06.2015 - No. 51. - with rev. and additional as amended by 06.10.2023.

[7] Information letter "On the Procedure for Application of Federal Law dated 07.08.2001 No. 115-FZ" dated 18.03.2009 No. 2 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67213/..

[8] WCB. More than half of Russians considered it risky to use online banking // RBC. - URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6420f14a9a79472ecdb9a69f (access date: 25.10.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-385-389
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиал) ВГУЮ РПА Минюста России, кандидат психологических наук,
ORCID:0000-0002-3852-3128,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос толерантности, суть которого формулируется на основе признания единства и многообразия человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех, уважение прав другого (в том числе права быть иным), а также воздержания от причинения вреда, так как вред, причиняемый другому, означает вред для всех и для самого себя.*

Ключевые слова: *толерантность, психология, уголовно-исполнительная система, индивидуальность.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Psychological Sciences

THE CONCEPT OF TOLERANCE IN PSYCHOLOGY

Annotation. *The article examines the issue of tolerance, the essence of which is formulated on the basis of recognition of the unity and diversity of humanity, the interdependence of all from each and everyone from everyone, respect for the rights of the other (including the right to be different), as well as abstinence from harm, since harm to another means harm to everyone and to oneself. myself.*

Key words: *tolerance, psychology, penal system, individuality.*

Феномен толерантности в последнее время привлекает все большее внимание российских и зарубежных ученых (А.Г. Асмолов (2000), Р.Р. Валитова (1996, 1997), А.А. Гусейнов (1989), В.А. Лекторский (1997) М. Уолцер (2000), О. Хеффе (1991) и др.). Значение понятия «толерантность», при употреблении его в обыденных ситуациях, легко улавливается из контекста. Однако, попытка дать научное определение толерантности связано с тем, что данное понятие используется в самых разных областях знания: этике, психологии, политике, теологии, философии, социологии, медицине и др. и таким образом многоаспектно.

Понятие «толерантности» связано с многообразными проявлениями как терпимости, так и нетерпимости особенно в последнее время, когда на лицо национальная нетерпимость, враждебность захватывает все больше и больше стран, проявляясь в терроризме.

Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана в ноябре 1995 года в Париже 185 государствами членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность означает: «Уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности». Суть понятия толерантности формулируется на основе признания единства и многообразия человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех, уважение прав другого (в том числе права быть иным), а также воздержания от причинения вреда, так как вред, причиняемый другому, означает вред для всех и для самого

себя». Это определение, наиболее масштабное, подразумевает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и пр. Особенно это характерно в местах лишения свободы, где работают сотрудники ФСИН России.

Согласно Толковому словарю русского языка «толерантность» - производное от французского tolerant – терпимый [25]. «Современный словарь иностранных слов» определяет понятие «толерантность», как «... терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо» [26]. Расширенное определение толерантности, раскрывающее необходимость и позитивную сущность данного качества, содержится в Краткой философской энциклопедии: «Толерантность (от лат. tolerantia - терпение) - терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» [27]. В немецко-прусском словаре по психологии понятие «толерантность» является синонимом «терпимости», «переносимости». В психологическом словаре-справочнике (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович) «толерантность» - отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию. Существует понимание толерантности, которое связывается с терпимостью к различным мнениям, непредубежденностью к оценке людей и событий. Антиподами толерантности выступают: агрессия, конфликт, нетерпимость, фанатизм, геноцид, ксенофобия, человекофобия [28].

Одним из полных определений, на наш взгляд является определение терпимости, данное в Словаре по этике под редакцией А. А. Гусейнова и И.С. Кона: «Терпимость - моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения» [29]. Эта дефиниция не ограничивает применения толерантности только к представителям иных наций, народностей и религий и отмечает морально-нравственную основу данного качества личности. Таким образом, мы полагаем, что толерантность находит отражение в нравственной, интеллектуальной, эмоционально-волевой составляющих структуры личности.

В нашем, случае мы полагаем, что нам ближе позиция Е.М. Щегловой, понимающей толерантность как моральное качество личности, характеризующее терпимое отношение к другим людям, независимо от их этнической, национальной либо культурной принадлежности, т.е. терпимое отношение к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность, таким образом, является признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции. Толерантность выражается в стремлении достичь взаимного уважения, понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения [30]. Мы считаем, что при таком рассмотрении данного понятия оно находит отражение и в личности сотрудников УИС, но необходимо учитывать и тот факт, что толерантность в настоящее время имеет значение более глубокое. Так анализ научных источников показал, что толерантная личность характеризуется высоким уровнем правоисполнительного поведения, что требует небезразличного отношения сотрудника к исполнению гражданами правовых норм.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образова-

ние и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[14] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[16] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[18] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[20] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[21] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[22] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[23] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[24] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[25] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: Русские словари, 1994.

[26] Современный словарь иностранных

слов. - СПб.: Дуэт, 1994 с 610.

[27] Краткая философская энциклопедия. - М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994. с.-457.

[28] См. Ермасов Е.В. Аналитический обзор по проблеме толерантного отношения осужденных к персоналу УИС Минюста России, управление исполнения наказаний Министерства Юстиции Российской Федерации по саратовской области, Саратов 2004.

[29] Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. - М.: Политиздат, 1989. с-351.

[30] Психопедагогика в правоохранительных органах, 2004, № 1(21) стр. 8-10. Толерантность как основа для формирования поликультурной компетентности Е.М. Щеглова.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[14] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities // Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[15] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation // Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[16] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/ International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[18] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025.

№ 10. S. 374-379.

[19] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[20] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[21] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[22] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[23] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/ A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov // Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[24] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[25] Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes/Ed. D.N. Ushakova. - M.: Russian dictionaries, 1994.

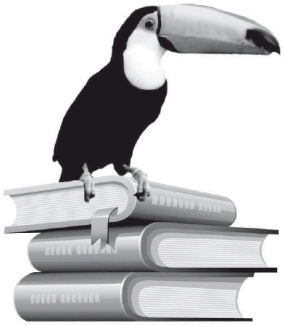
[26] Modern dictionary of foreign words. - St. Petersburg: Duet, 1994 with 610.

[27] Brief Philosophical Encyclopedia. - M.: Progress Encyclopedia, 1994. p.-457.

[28] See E.V. Yermasov. Analytical review on the problem of tolerance of convicts to the personnel of the penal system of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Department of Execution of Punishments of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Saratov Region, Saratov 2004.

[29] Dictionary of Ethics/Ed. A.A. Huseynova and I.S. Kona. - M.: Politizdat, 1989. s-351.

[30] Psychopedagogy in Law Enforcement, 2004, No. 1 (21) pp. 8-10. Tolerance as a basis for the formation of multicultural competence E.M. Scheglova.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-390-393

БЫКОВ Андрей Юрьевич,
старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскной деятельности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID ID 0000-0003-2953-6661, e-mail: bykov.ay.rus@yandex.ru

ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ И ЕГО ВИДЫ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема экстремизма как одного из наиболее опасных и многоплановых социально-политических явлений современности. Проводится анализ сущности экстремизма, его прямого и опосредованного воздействия на государственные институты, конституционный строй и общественное сознание. Особое внимание уделяется классификации основных видов экстремизма: политического, религиозного, национального (этнического), экологического, информационного, спортивного и молодежного.*

Ключевые слова: *экстремизм, национальная безопасность, противодействие экстремизму, профилактика преступлений, интернет-преступность.*

BYKOV Andrey Yuryevich,
Senior Researcher at SIC-3 Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

EXTREMISM IN MODERN SOCIETY: CONCEPT AND ITS TYPES

Annotation. *The article examines extremism as one of the most dangerous and multifaceted socio-political phenomena of our time. The author analyzes the nature of extremism and its direct and indirect impact on state institutions, the constitutional order, and public consciousness. Particular attention is given to the classification of the main types of extremism: political, religious, national (ethnic), ecological, informational, sports-related, and youth extremism.*

Key words: *extremism, national security, countering extremism, crime prevention, cybercrime.*

Экстремизм представляет собой одно из наиболее опасных и сложных социально-политических явлений современности. В последние десятилетия его стремительное распространение превратилось в серьезную угрозу мировой безопасности, стабильности государств и основам правопорядка. Данное явление затрагивает все сферы общественной жизни, подрывает устои государственности, нарушает права и свободы человека, дестабилизирует межнациональные и межконфессиональные отношения. Многоплановость и многообразие форм проявления экстремизма требуют детального анализа каждого из его видов, что позволит выработать дифференцированный подход к профилактике и борьбе с этим негативным явлением. Своей сущностью экстремизм опасен как «прямым» действием, так и «опосредованным»: с одной стороны он наносит существенный вред существующим государственным, общественным институтам и конституционному строю, с другой – способствует деградации мировоззренческих социально-одобряемых установок, распространению в обществе идей нетерпимости и ксенофобии, предпочтению противозаконных насильственных методов решения социальных проблем [1]. В научной литературе можно встретить различные мнения о видах экстремизма: националистический, молодежный, религиозный, политический, спортивный экологический, информационный и др. Раскроем особенности некоторых из указанных видов экстремизма.

Под политическим экстремизмом понимается сложнейший социально-политический фено-

мен, который сопровождает человечество на протяжении веков и является одним из следствий ненормального развития человеческой цивилизации. Политический экстремизм проявляется из-за того, что граждане недовольны законами и иными действиями государства, которые, по их мнению, направлены на ухудшение их материального и эмоционального состояния, а также их семьи и близких родственников, вследствие чего формируются группы людей, которые пытаются повлиять на ситуацию, которая их не устраивает. Практически всегда политический экстремизм возникает в период национально-государственного строительства, если оно сопровождается борьбой центрального правительства с этническим сепаратизмом и региональной автаркией [2].

Под религиозным экстремизмом понимается религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти. Основу такого экстремизма составляют насилие, крайняя жестокость и агрессивность, сочетающиеся с демагогией [3].

Рассматривая религиозный экстремизм, ученые подчеркивают: «… он ничем не отличается от любой другой формы идеологического насилия. Он проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или в противоборстве внутри одной конфессии» [4].

Под национальным, или этническим, экстремизмом подразумевается крайняя неприязнь к представителям иных наций, народов, социальных слоев населения. Участники и члены этнических экстремистских организаций являются приверженцами идей националистического толка и используют в своих целях насильственные методы борьбы в теории и практике межнациональных отношений. Опасность данного вида экстремизма кроется в том, что он посягает на неотъемлемые конституционные права и свободы граждан и целостность страны как многонационального государства. Национальный экстремизм является наиболее распространенным среди остальных видов экстремизма и представляет колоссальную угрозу для многих стран и регионов. Его идеология основана на воинствующем национализме, шовинизме и различных формах этнического насилия. Основной его целью, по мнению Т.А. Малыхиной, является так называемая этническая самоидентификация, отстаивание и расширение прав этноса в политической сфере. При этом все цели реализуются только путем применения насилия во имя идеи создания самостоятельного независимого государственного образования, в котором националисты претендуют на политическую власть [5].

Под экологическим экстремизмом понимается противоправная деятельность, направленная на достижение определенных целей путем угроз экологической безопасности страны, а также путем совершения различных посягательств на окружающую природную среду. Тисленко Д.И. считает, что крайне опасным является такая разновидность экологического экстремизма, как экологический терроризм, подразумевающий идеологию и практику насилия, которые направлены на устрашение населения путем угроз загрязнения окружающей среды [6].

Одним из самых распространенных видов экстремистской деятельности в настоящий момент является информационный экстремизм.

Данный вид экстремизма вызывает особую тревогу, поскольку в сети «Интернет» преступления экстремистской направленности совершаются все чаще. Вызвано это, в первую очередь, развитием информационных технологий. Как отметил Президент России на пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности, «особого внимания, конечно, требует сегодня безопасность глобального информационного пространства. Мы видим, что количество угроз и рисков здесь только растет». Можно с уверенностью сказать, что Интернет-аудитория в нашей стране огромна. Это приводит к тому, что одни граждане совершают Интернет-преступления экстремистской направленности, а другие граждане, наоборот, становятся жертвами подобных преступлений. Именно в Интернете значительно легче разжечь межнациональную рознь среди представителей различных этносов и национальностей нашей страны.

Спортивный экстремизм более всего присущ современной молодежи и проявляется в агрессивных действиях, драках спортивных фанатов (как правило околофутбольных фанатов) против болельщиков другой спортивной команды, сопровождающихся порчей имущества спортивных стадионов, собственности иных лиц и т.д.

Под молодежным экстремизмом можно понимать экстремизм, отличающийся меньшей организованностью и стихийностью. При этом непосредственное отношение к его деятельности могут иметь взрослые люди, которым подражают лица, как правило, юношеского возраста. Молодежный экстремизм, выступая массовым явлением последнего десятилетия, заключается, по сути, в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения.

Практически все экстремистские организации тем или иным образом вербуют подростков и молодежь, и их цели варьируются от распространения экстремистской литературы и участия

в ритуалах религиозных сект до подготовки и проведения массовых беспорядков [7]. Можно отметить, что в настоящий период государство уделяет особое внимание проблемам молодежи. Этому посвящены различные ведущие направления государственной политики [8]. Государство выделяет большое количество сил и средств, для профилактики противоправных действий, совершаемых молодыми людьми. Однако, к сожалению, в настоящий период существует ряд негативных проявлений, которые можно с уверенностью отнести к современным вызовам обществу. Приведенные суждения позволяют сделать выводы о том, что экстремизм представляет собой многогранное и чрезвычайно опасное явление, угрожающее основам конституционного строя, безопасности государства и общества. Многообразие форм и проявлений экстремизма – от политического и религиозного до информационного и молодежного – свидетельствует о необходимости комплексного и дифференцированного подхода к борьбе с этим негативным явлением.

Для эффективного противодействия экстремизму представляется необходимым ввести на государственном уровне упрощенный порядок по предоставлению установочных данных пользователей (IP-адреса, Интернет-провайдеров, телефонных номеров), которые указывают пользователи при регистрации в социальных сетях, а именно, сократить срок получения правоохранительными органами подобного рода информации от администраторов социальных сетей. Кроме того, целесообразно создать программное обеспечение, которое позволит блокировать и одновременно уничтожать экстремистские материалы, которые пользователь попытается опубликовать. По нашему мнению, данная идея позволила бы значительно сократить распространение экстремистских идей, материалов в социальных сетях. Таким образом, эффективное противодействие экстремизму требует не только совершенствования законодательства и правоприменительной практики, но и реализации масштабных профилактических мероприятий, направленных на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к любым проявлениям экстремизма, укрепление межнационального и межконфессионального согласия, повышение уровня правовой культуры граждан.

Список литературы:

[1] Ситникова, М. П. Экстремистский и хулиганский мотивы преступлений: проблемные аспекты квалификации / М. П. Ситникова, Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 425-434.

[2] Галахов С.С., Кубякин Е.О., Сальников Е.В. Тузов Л.Л. Экстремизм в современном обществе. Социальные и криминологические аспекты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. С. 162-167.

[3] Зенкин, О. И. К вопросу о понятиях экстремизма и экстремистской организации / О. И. Зенкин // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 20. – С. 37-40.

[4] Василенко В.И., Малышев В.В. Религиозный экстремизм и терроризм // Социология власти. № 3. 2012. С. 234.

[5] Малыхина Т.А. Основные детерминанты и особенности профилактики экстремизма в молодежной среде: учеб. пособие. - Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2020. – 59 с.

[6] Тисленко Д.И. Экологический терроризм: монография. - М.: Юрлитинформ, 2013. – 206 с.

[7] Гиниятуллина Е.З., Стремилова А.В. К вопросу о правовом регулировании общественных отношений в сфере информационных технологий // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 1. С. 133-139.

[8] Сидорова, Е. З. Экстремизм и терроризм: история и современность / Е. З. Сидорова // Век качества. – 2022. – № 1. – С. 163-181.

References:

[1] Sitnikova, M.P. Extremist and hooligan motives of crimes: problematic aspects of qualification/M.P. Sitnikova, D.A. Ismailov // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2024. - T. 10, NO. 4. - S. 425-434.

[2] Galakhov S.S., Kubyakin E.O., Salnikov E.V. Tuzov L.L. Extremism in modern society. Social and criminological aspects. - M.: UNITY-DANA, 2020. S. 162-167.

[3] Zenkin, O. I. To the question of the concepts of extremism and extremist organization/ O. I. Zenkin // Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Jurisprudence. – 2022. – № 20. - S. 37-40.

[4] Vasilenko V.I., Malyshev V.V. Religious extremism and terrorism // Sociology of power. № 3. 2012. S. 234.

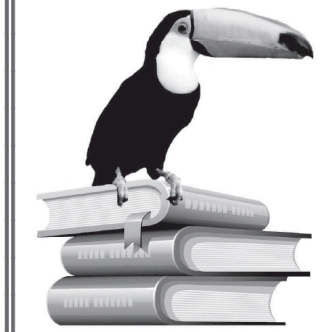
[5] Malykhina T.A. The main determinants and features of the prevention of extremism in the youth environment: tutory. manual. - Irkutsk: FGKOU VSI MVD of Russia, 2020. - 59 s.

[6] Tislenko D.I. Ecological terrorism: monograph. - M.: Yurlitinform, 2013. - 206 s.

[7] Giniyatullina E.Z., Stremilova A.V. On the legal regulation of public relations in the field of information technology // Crede Experto: transport, society, education, language. 2016. № 1. S. 133-139.

[8] Sidorova, E.Z. Extremism and terrorism:

history and modernity/E.Z. Sidorova // Century of quality. – 2022. – № 1. - S. 163-181.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-394-399

КОРНАУХОВА Татьяна Викторовна,
доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», к.ю.н., руководитель Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», e-mail: mail@law-books.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. *Образовательные учреждения в настоящее время являются одним из основных субъектов контртеррористической профилактики, что предопределяет актуальность исследования современного состояния и перспектив развития осуществляемого профилактического воздействия. В рамках представленного исследования акцентируется внимание на основных направлениях профилактики, выявлены практические проблемы каждого из них. Отмечается важнейшее значение сочетания общей, адресной и индивидуальной профилактики в образовательных учреждения. На основе проведенного анализ подчеркивается необходимость организации и обеспечения комплексного подхода к профилактике терроризма в образовательных учреждениях, который раскрывается через призму актуальных компонентов, сформированных с учетом современного состояния соответствующего воздействия. Комплексный подход требует организационного и содержательного пересмотра применяемых мер с учетом специфики мировосприятия не только различных возрастных категорий обучающихся, но и особенностей формируемого климата самих учебных заведений, возникающих проблем и эффективности их решения.*

Ключевые слова: *терроризм, контртеррористическая деятельность, профилактика терроризма, образовательные учреждения, комплексный подход.*

KORNAUHOVA Tatyana Viktorovna,
docent of the department of administrative and municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin FGBOU «Saratov State Law Academy», candidate of law, Head of the Coordinating center for forming an active citizenship among youth, preventing interethnic and interfaith conflicts, counteracting the ideology of terrorism and preventing extremism FGBOU «Saratov State Law Academy»

AN INTEGRATED APPROACH TO TERRORISM PREVENTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Annotation. *Educational institutions are currently one of the main subjects of counter-terrorism prevention, which determines the relevance of the study of the current state and prospects for the development of preventive measures. In the framework of the presented study, attention is focused on the main areas*

of prevention, and practical problems of each of them are identified. The most important importance of a combination of general, targeted and individual prevention in educational institutions is noted. Based on the analysis, the need to organize and ensure an integrated approach to the prevention of terrorism in educational institutions is emphasized, which is revealed through the prism of relevant components formed taking into account the current state of the relevant impact. An integrated approach requires an organizational and substantive review of the measures applied, taking into account the specifics of the worldview of not only different age categories of students, but also the characteristics of the emerging climate of educational institutions themselves, emerging problems and the effectiveness of their solutions.

Key words: *terrorism, counter-terrorism activities, prevention of terrorism, educational institutions, integrated approach.*

Терроризм является глобальной проблемой современности. Особую актуальность данное противоправное явление имеет для российского государства в настоящее время, поскольку в последние годы в условиях обострения геополитических конфликтов и активизации антироссийской пропаганды значительно увеличивается количество совершенных террористических деяний. Так, по данным МВД России, в 2025 году было зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера, что на 59,4% больше показателей 2024 года [6]. Рост количества террористических преступлений сохраняется и в нынешнем году: за январь – май 2026 года уже зарегистрировано 2824 данных деяний, что на 11 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [7]. Несмотря на то, что правоохранительным органам удается пресекать достаточно большое число вышеназванных преступлений в процессе приготовления и покушения, масштабирование распространения террористических идей и взглядов среди российского населения, а также их дальнейшая реализация наглядно демонстрируют фрагментарность эффективности современной профилактико-предупредительной деятельности.

Важно отметить, что профилактика терроризма и эффективность применяемых мер активно исследуется в современной научной литературе, о чем свидетельствует достаточно большое количество работ, посвященных вышеназванной проблематике. Однако многие исследования ориентированы на комплексное изучение профилактических мер, выявление существующих проблем их реализации без привязки к конкретным субъектам контртеррористической деятельности, что видится системным, но лишает возможности предметного критического анализа. В рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на функционировании образовательных организаций в системе профилактики терроризма, поскольку данные субъекты сопровождают этап становления личности индивидов и обладают существенным потенциалом влияния на формируемые ценности и выявления деструктивных установок.

Однако, прежде чем перейти к анализу современного состояния профилактических мер, реализуемых в образовательных учреждениях, видится целесообразным конкретизировать теоретико-правовые основы заявленной проблематики. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» под профилактикой терроризма следует понимать одно из основных направлений контртеррористической деятельности, которое непосредственно направлено на предупреждение данного противоправного явлений, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов [8]. Несмотря на то, что российский законодатель акцентирует внимание лишь на отдельном составе преступного поведения в контексте профилактики, принципиальное значение имеет ориентация профилактического воздействия на весь комплекс современных террористических проявлений, начиная от публичных призывов к соответствующим деяниям и заканчивая содействием и организацией террористической деятельности.

Важно отметить, что направления профилактики терроризма также конкретизированы на законодательном уровне, и к ним относятся следующие основные:

создание системы противодействия идеологии терроризма;

осуществление мер правового, организационного, оперативного, административного, режимного, военного и технического характера, направленных на обеспечение антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств;

усиление контроля за соблюдением административно-правовых режимов [4]. В Концепции противодействия терроризму также справедливо уточнены меры профилактики, которые характеризуются качественным многообразием и необходимостью реализации в различных сферах жизнедеятельности общества и государства.

Особое прикладное значение в рамках рассматриваемой проблематики имеет Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы, в ко-

тором профилактика подразделена на общую, адресную и индивидуальную [3]. Соответствующие разновидности профилактического воздействия значительно отличаются по субъектному составу, лицам, в отношении которых реализуются профилактические меры, а также содержательной специфике самих мер. Если общая профилактика характеризуется единообразием применяемых мер в общероссийском и региональном масштабах, адресная практика позволяет комплексно воздействовать на наиболее уязвимые социальные группы, то индивидуальная профилактика ориентирована уже на предметную работу с лицами, подпавшими под влияние соответствующих идеологических течений. Наличие вышеназванных разновидностей профилактики наглядно демонстрирует необходимость сочетание различных практик и потенциала воздействия многообразных субъектов, начиная от органов государственной власти и заканчивая общественными объединениями и индивидами.

Феномен терроризма демонстрирует свою социальную устойчивость и динамику совершенствования противоправной практики в большей степени за счет устойчивости идеологической основы, которая связана не просто с оправданием допустимости применения насилия, но и возможности достижения необходимых результатов таким способом, в том числе решение возникающих споров и кризисных ситуаций. В глобальном плане идеологическая составляющая терроризма направлена на достижение политических целей, которые в настоящее время в отношении российского государства проявляются в попытках дестабилизации общественной обстановки и активизации социальной напряженности [2, с. 33]. Учитывая, что процесс формирования и развития идеологических установок является достаточно длительным, следует подчеркнуть актуальность всестороннего влияния, что особенно важно в отношении молодежи.

В рамках представленного исследования видится необходимым подчеркнуть, что категория молодежь рассматривается в настоящее время достаточно широко, и к ней относятся лица в возрасте от 14 до 35 лет. С точки зрения образовательного процесса в данном случае речь идет об обучающихся школ, колледжей, техникумов и высших учебных заведений. Указанные лица качественно отличаются в мировосприятии, жизненном опыте, навыках критического мышления, однако они наиболее уязвимы к вовлечению в преступное функционирование террористической направленности.

Современная преступная практика демонстрирует качественное омоложение лиц, совершающих террористические деяния. Если дети и подростки вовлекаются в данную деятельность достаточно часто под воздействием угроз и в состоянии заблуждения, то более старшее поколение уже может быть мотивировано конкретными идеологическими установками, которые в том числе связаны с имеющимися геополитическими кризисами и организованным преступным воздействием со стороны спецслужб зарубежных государств. Однако единым для всех представителей указанной категории населения является невозможность самостоятельно противодействия террористическим идеям и взглядам, что предопределяет необходимость пристального внимание к применяемым профилактическим мерам.

В рамках представленного исследования видится необходимым в контексте омоложения террористической преступности подчеркнуть острую потребность развития профилактического воздействия посредством распространения его на детей, обучающихся в дошкольных учреждениях. В данном случае речь идет о детских садах и центрах, в которых формируется первый опыт социализации детей, что особенно значимо в контексте становления их идей и взглядов. Безусловно, профилактика в таких учреждениях не должна носить чисто антитеррористический характер, ее в большей степени следует ориентировать на недопустимость оправдания и применения насилия. Однако важно отметить, что дети в возрасте 5-6 лет в настоящее время уже способны оценивать собственные поступки и модели допустимого поведения, и в случае формирования практики насильственного достижения необходимых результатов – вполне могут зафиксировать одобрительное отношение к соответствующему методу на будущее. Кроме того, в условиях информатизации и цифровизации дети с более раннего возраста получают доступ к мобильным телефонам, компьютерным играм, что также активно используется для вербовки в настоящее время и значительно актуализирует разработку и внедрение механизмов антитеррористического воспитания и просвещения. Отдельным направлением в данном контексте следует выделить работу с родителями детей, что также актуально и для обучающихся в младших классах. Именно родители детей способны не только воздействовать на формирование ценностей и взглядов, но и обладают существенным практическим потенциалом в части выявления схем вербовки и вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность. Однако, как показывает практика, многие родители дошкольников и обучающихся младших классов крайне редко задумываются о существующих угрозах, что создает ощутимые риски дальнейшего омоложения террористического функционирования.

Образовательные организации в настоящее

время комплексно вовлечены в профилактику терроризма. Во-первых, пристальное внимание уделяется распространению антитеррористических идей в рамках самого образовательного процесса. Во-вторых, воспитательная работа и молодежная политика в последние годы содержат отдельные направления, связанные с формированием антиэкстремистского и контртеррористического мировоззрения. В-третьих, образовательные организации все чаще содействуют выявлению потенциальных преступников, поскольку учителям и педагогам удается своевременно выявлять тревожные моменты в изменении поведения их учеников и студентов [5, с. 138].

Следует подчеркнуть, что образовательным организациям доступны меры общей, адресной и индивидуальной профилактики, однако в большей степени реализуется лишь общее профилактической воздействие. Оно сочетает образовательный компонент, направленный на формирование ценностей и правомерных установок, и антитеррористическое просвещение, связанное с популяризацией негативных проявлений терроризма в российском обществе и государстве. Данная ситуация, с одной стороны, связана с единообразием существующей практики, наличием множество инструкций и методических рекомендаций, создаваемых компетентными органами власти, в том числе правоохранительной направленности, а с другой стороны – эффективность профилактики не может быть достижима исключительно общими мерами. Во-первых, такие мероприятия, как правило, проводятся в крупных коллективах, где крайне тяжело отследить усваиваемость материала всеми обучающимися. Во-вторых, за счет интенсификации террористических угроз в последние годы на практике наблюдается значительное увеличение именно количества, но далеко не всегда качества соответствующих мероприятий, что в целом может иметь обратный эффект среди детей и подростков. В-третьих, в ситуации с формальной реализацией профилактических мер у детей и подростков может возникать дополнительный интерес к заявленной проблематике, что породит дальнейший самостоятельный поиск информации и риски уязвимости к вовлечению.

В контексте функционирования образовательных учреждений следует подчеркнуть проблемы фрагментарной подготовленности учителей и педагогов к осуществлению контртеррористической профилактики. Ее эффективность во многом зависит от всестороннего понимания современных тенденций терроризма и его идеологической составляющей, что далеко не всегда учитывается лицами, организующими и проводящими соответствующие мероприятия в учебных заведениях. В условиях высокой степени загруженности указанных работников, антитеррористическое функционирование либо осуществляется формально, либо конкретизирует лишь отдельные аспекты современных угроз. В данном контексте перспективным представляется расширение практики тематического обучения сотрудников образовательных учреждений, а также регулярная подготовка и распространение актуальных методических и образовательных материалов профилактического воздействия. Особое внимание следует уделить именно организации мер адресной и индивидуальной профилактики, поскольку их реализация требует более предметного вовлечения. Кроме того, перспективным представляется масштабирование практики проведения совместных мероприятий с представителями правоохранительных органов, которые более убедительно выглядят в вопросах ответственности за террористическую деятельность и владеют всей необходимой информацией о современных схемах вовлечения детей и молодежи в соответствующее преступное функционирование.

Еще одним значимым направлением заявленной проблематики выступает контроль и оценка эффективности применяемых профилактических мер. Данное направление не фигурирует в современных правовых актах в качестве самостоятельного, что предопределяет масштабирование практики его игнорирования. Безусловно, контроль и оценка эффективности в данном случае является составной частью самой профилактики, поскольку в условиях интенсификации террористических угроз в последние годы значительно актуализируется совершенствование применяемых мер, основой чего должна стать их предварительная оценка. Данная деятельность не систематизирована, что на практике приводит к ограниченности различной отчетностью без критического практического анализа. В данном контексте важнейшее значение приобретает организация обратной связи с участниками профилактических мероприятий, что видится перспективным осуществлять теми же субъектами, что и реализуют соответствующие меры. Образовательным организациям доступны различные формы обратной связи, начиная от электронных опросов и заканчивая очными обсуждениями. Сложности в организации подобных действий минимальны, главная практическая проблема именно в игнорировании их потенциала [1, с. 60]. В связи с вышеизложенным видится необходимым систематизировать имеющиеся практики по обратной связи и внедрить единые обобщенные методики с возможностью самостоятельного их расширения при необходимости образовательными организациями.

Анализ практических аспектов организации

и проведения профилактических мероприятий позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто в их проведение вовлекаются школьники и студенты гуманитарных направлений, что с одной стороны справедливо в части их близости к социальным проблемам и поискам решений, а с другой стороны – значительно ограничивает профилактический потенциал. В данном контексте проявляется острая необходимость подготовки специализированных материалов для школьников и студентов естественных и технических специальностей, которые бы учитывали не только специфику их мышления, но и наглядно демонстрировали уязвимость к террористическим проявлениям каждого индивида. Содержательное совершенствование профилактических материалов выступает основой его актуальности и интереса для целевой аудитории, что значительно повышает усваиваемость антитеррористических идей и взглядов.

Кроме того, важное значение имеет социальный опыт детей и молодежи. Сами образовательные учреждения нередко демонстрируют игнорирование конфликтов, в том числе разрешаемых насильственными методами, между обучающимися, перекладывая ответственность за поведение ребенка на родителей и необходимость их профилактической вовлеченности. Однако, когда лица в детстве или юности сталкиваются с проявлениями насилия, они могут сформировать двойственные реакции – необходимости такого поведения в целях собственного развития или защиты от других представителей социума. В дальнейшем подобные модели и жизненные ситуации активно используются представителями террористических сообществ, в том числе в части мотивирования лиц бессилием руководства образовательных учреждений, учителей / педагогов, родителей и правоохранительных органов. Все ситуации применения насилия, как непосредственно в стенах учебного заведения, так и за его пределами, но в конфликтах, связанных с коллективом обучающихся, должны подробно разбираться и совместными усилиями обучающихся, учителей / педагогов и родителей разрешаться.

На основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что в современных реалиях особое практическое значение приобретает организация и обеспечение комплексного подхода к профилактике терроризма в образовательных учреждениях. Однако данный подход видится необходимым рассматривать через призму следующих аспектов:

вовлеченность образовательных учреждений всех уровней, начиная от дошкольных учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями;

комплексная и системная организация профилактики терроризма с учетом специфики мировосприятия различных возрастных категорий детей, подростков и молодежи;

сочетание мер общей, адресной и индивидуальной профилактики без игнорирования каждой из указанных разновидностей, но с учетом содержательной специфики и потребностей применения;

недопустимость формализации профилактического воздействия в рамках контртеррористической деятельности;

необходимость регулярной оценки эффективности применяемых профилактических мер в целях совершенствования механизмов соответствующего воздействия с учетом целевой аудитории.

Игнорирование любого из вышеназванных аспектов приводит к фрагментарности профилактического воздействия антитеррористической направленности и значительно повышает риски вовлечения детей и молодежи в преступную деятельность. Современный комплексный подход требует организационного и содержательного пересмотра применяемых мер с учетом специфики мировосприятия не только различных возрастных категорий обучающихся, но и особенностей формируемого климата самих учебных заведений, возникающих проблем и эффективности их решения.

Список литературы:

[1] Биккинин, И. А. Об опыте реализации интегративной модели работы учреждения среднего образования по профилактике терроризма / И. А. Биккинин, И. С. Сазонов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 4(24). С. 53-64.

[2] Каримов, Р. Р. Борьба с террористической идеологией в рамках обеспечения безопасности государства и общества / Р. Р. Каримов, Г. Ю. Каримова, И. А. Асеев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 32-40.

[3] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. 2009. № 198.

[5] Сазонов, И. С. Вопросы профилактики терроризма в учреждениях общего образования / И. С. Сазонов, И. А. Биккинин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 136-146.

[6] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2025

года. URL: https://media.mvd.ru/files/application/16902466 (дата обращения: 07.07.2026).

[7] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - май 2026 года. URL: https://media.mvd.ru/files/application/19610305 (дата обращения: 07.07.2026).

[8] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

References:

[1] Bikkinin, I. A. On the experience of implementing an integrative model of work of a secondary education institution for the prevention of terrorism/I. A. Bikkinin, I. S. Sazonov // Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective. 2025. № 4(24). S. 53-64.

[2] Karimov, R. R. The fight against terrorist ideology in the framework of ensuring the security of the state and society/R. R. Karimov, G. Yu. Karimov, I. A. Aseev // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 32-40.

[3] A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 (approved by President of the Russian Federation 30.12.2023 No. Pr-2610). The document was not published. Access from SPS "ConsultantPlus.".

[4] The concept of countering terrorism in the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation 05.10.2009) // Rossiyskaya Gazeta. 2009. № 198.

[5] Sazonov, I. S. Issues of terrorism prevention in general education institutions/I. S. Sazonov, I. A. Bikkinin // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 136-146.

[6] The state of crime in the Russian Federation in January - December 2025. URL: https://media.mvd.ru/files/application/16902466 (access date: 07.07.2026).

[7] The state of crime in the Russian Federation in January - May 2026. URL: https://media.mvd.ru/files/application/19610305 (access date: 07.07.2026).

[8] Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ "On Countering Terrorism" (as amended by 25.05.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-400-404

ПЕРЕВЕРЗЕВ Михаил Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры основ следственной работы Волгоградской академии МВД России,
e-mail: elektronnayapochta@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗНЫХ МЕТОДОВ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПОРТРЕТОВ

Аннотация. *В статье подробно рассматриваются и сравниваются между собой разные методы изготовления субъективных портретов разыскиваемых лиц, а именно: метод рисованного субъективного портрета, метод фото-композиционного субъективного портрета, метод рисовано-композиционного субъективного портрета, метод трехмерного субъективного портрета. В статье анализируется технология изготовления субъективных портретов разыскиваемых лиц каждым из выше перечисленных методов, Также в ней анализируются преимущества и недостатки каждого из этих методов. Автором рассматриваются возникающие проблемы при использовании каждого из перечисленных выше методов в практической деятельности органов правопорядка по раскрытию и расследованию преступлений. Статья снабжена иллюстративными материалами, подтверждающими доводы ее автора. При написании статьи автором, наряду с имеющейся в криминалистике теоретической базой, использовался собственный практический опыт изготовления субъективных портретов в процессе раскрытия и расследования преступлений.*

Ключевые слова: *фоторобот, субъективный портрет: рисованный портрет, фото-композиционный портрет, рисовано-композиционный портрет, метод трехмерного субъективного портрета.*

PEREVERZEV Mikhail Mikhailovich,
Candidate of Law Associate Professor of the Department of Fundamentals of Investigative Work Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF USING DIFFERENT METHODS OF MAKING SUBJECTIVE PORTRAITS

Annotation. *The article discusses in detail and compares different methods of making subjective portraits of wanted persons, namely: the method of hand-drawn subjective portrait, the method of photo-composite subjective portrait, the method of hand-drawn-composite subjective portrait, the method of three-dimensional subjective portrait. The article analyzes the technology of making subjective portraits of wanted persons using each of the above methods, and it also analyzes the advantages and disadvantages of each of these methods. The author examines the problems that arise when using each of the above methods in the practical activities of law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes. The article is provided with illustrative materials confirming the arguments of its author. When writing the article, the author, along with the theoretical base available in criminology, used his own practical experience in making subjective portraits in the process of solving and investigating crimes.*

Key words: *sketch, subjective portrait: hand-drawn portrait, photo-composite portrait, hand-drawn-composite portrait, three-dimensional subjective portrait method.*

Под субъективным портретом понимается изображение разыскиваемого человека, изготовленное со слов очевидца, то есть лица, которое видело и запомнило его внешность. Почему такой портрет назвали субъективным? Да потому, что в большинстве случаев изображения на таких портретах удостаиваются разыскиваемые преступники, то есть субъекты преступления. В просторечье и на полицейском жаргоне любой субъективный портрет называют фотороботом. Но на самом

дела не каждый из субъективных портретов «фото», и не каждый «робот». Наибольшее внимание тематике использования субъективных портретов при раскрытии и расследовании преступлений посвятили Зинин А.М. [1]. [2] и Снетков В.А [3]. [4].

Исторически первой формой субъективного портрета был рисованный портрет. Очевидец описывает внешность человека, художник ее рисует. Казалось бы, метод этот максимально простой и дешевый. Для него нужны всего несколько средств: очевидец, художник и карандаш с бумагой. Но, как часто бывает, чем проще сущность метода, тем сложнее его реализация. Вот и в применении этого, простого с виду, метода оказалось много сложностей. И самая главная из них заключается в том, что для него нужен художник. То есть человек, имеющий талант к живописи. К тому же еще и не любой художник. Например, художник-пейзажист вряд ли справится с такой задачей. Нужен портретист. Но и не всякий портретист способен изготовить субъективный портрет. Ведь ему нужно не просто нарисовать внешность человека, а сначала понять из объяснений очевидца, какая она была. А сами понимаете, что очевидцы бывают всякие. И далеко не каждый из них изучал криминалистическую габитоскопию, и потому знает классификацию и названия элементов внешности человека и формы их проявления. Сами попробуйте с ходу описать внешность хорошо знакомого вам человека! Так и в жизни, очевидцы описывают внешность доступными им эпитетами, скорее эмоциональными, чем информативными, типа: «такой красивый молодой человек», «глаза злющие-презлющие», «нос – картошкой», «брови – как у Брежнева», «уши уродливые», и тому подобное! Нередко очевидцы и вовсе не склонны к конструктивному диалогу. В этом случае задача художника разговорить очевидца, попытаться прочувствовать образ описываемого человека и передать его в своей работе. Поэтому, нужный нам художник должен обладать помимо художественного таланта еще и способностями психолога, иметь выдержку и непоколебимую мотивацию. Как думаете, много таких?

Другая проблема этого метода лежит в области организации раскрытия и расследования преступлений. Дело в том, что штатных художников в полиции нет. Их нужно искать и привлекать со стороны. И как сугубо гражданский человек, такой художник имеет право не согласиться работать ночью или вообще отказаться от предлагаемой работы. Но преступники действуют, не соотносят свои действия с распорядком дня нашего художника. Представим ночной грабеж. Для успешного раскрытия преступления дорога каждая минута. Чем быстрее будет изготовлен субъективный портрет преступника и разослан дежурящим на улицах сотрудникам полиции, тем больше шансов найти преступника «по горячим следам». А пока наш художник выспится, позавтракает, выпьет чашечку кофе, и будет готов к работе, грабитель может успеть сбыть похищенное, скрыться и «залечь на дно». Да, и еще! Такому художнику придется отдельно оплачивать его работу. Столько, сколько он запросит. Иначе он откажется от работы, на что имеет полное право.

Следующая проблема лежит уже на стороне самого художника. Успех его работы зависит от весьма капризного явления, называемого вдохновением. Без вдохновения у художника ничего не получится. А когда оно к нему придет – он и сам не знает. Многие великие поэты, писатели художники переживали как длительные периоды его отсутствия, из-за чего не могли творить, так и моменты бурного расцвета, когда буквально за ночь создавали величайшие произведения искусства. В. Васнецов работал над картиной «Спящая царевна» 40 лет, но так и не завершил ее. А вот А.Блок самое знаменитое свое произведение – величайшую поэму «Двенадцать» написал за несколько дней в январе 1918 года. Поэтому мы можем оказаться в ситуации, когда найденный нами, и подходящий по всем параметрам художник, искренне желающий помочь найти преступника, не сможет сделать свою работу в нужное для нас время из-за отсутствия этого самого вдохновения. И сколько придется ждать момента, когда оно к нему придет – неизвестно.

Вы спросите, если так много сложностей, почему этот метод до сих пор применяется? Дело в том, что результативность его применения, как правило, самая высокая, потому что из-под кисти художника выходят субъективные портреты больше всего похожие на разыскиваемого человека. Иногда успешные случаи применения таких портретов в поимке преступников поражают воображение. Один из таких был описан на информационном портале «Лента.ру» со ссылкой на New York Post. В американском штате Пенсильвания полицейские смогли идентифицировать преступника по простейшему портрету, который нарисовал свидетель преступления. На фото ниже приведен этот портрет рядом с фотографией задержанного. Согласитесь, что автору рисунка удалось в этом примитивном портрете поразительно передать образ человека (фото 1).

Фото 1. Сравнение облика задержанного с его субъективным портретом

Наиболее ярко эта особенность, пусть и в ироничной форме была показана в советском фильме «Клуб самоубийц или приключения титулованной особы» снятого по мотивам рассказов Р.Л. Стивенсона. Там главный герой Флоризель поручает художнику нарисовать портрет скрывшегося преступника, которого тот видел. Художник исполняет поручение, но в странной манере

авангардного искусства, где изображение и на лицо-то не похоже (фото 2). Каково же было удивление всех, когда в предъявленном весьма оригинальном портрете задержанные главари преступных шаек сразу опознали разыскиваемого преступника и дали о нем необходимые сведения. Конечно, описанная сцена - это художественное преувеличение. Но она показывает, что субъективный портрет даже при отсутствии портретного сходства, может так отобразить образ человека, что сделает его узнаваемым. Как же художнику удается этого добиться? Объясняется это одновременно, и просто, и сложно - талантом художника. А вот уже сам талант - вещь необъяснимая.

Фото 2. Сравнение облика скрывшегося преступника в исполнении Донатаса Баниониса и его портрета, нарисованного художником

Теперь понятно, почему в случаях, когда время уже не имеет критического значения (например, при расследовании серийных преступлений), а тяжесть или общественная значимость преступления настолько велики, что никакого гонорара не жалко, этот метод применяется до сих пор, и дает хорошие результаты.

Ввиду описанных сложностей, метод рисованного портрета носит скорее эксклюзивный, чем поточный характер. А для каждодневной рутинной работы по раскрытию преступлений нужен был такой метод, который мог применяться в любое время и любым сотрудником полиции, даже не обладающим художественными способностями. И тут на помощь пришла развивавшаяся бурными темпами фотография. Появился метод фото-композиционного портрета. Заключается он в том, что если подобрать фотографии разных людей в одном масштабе, а потом разрезать их на полоски по горизонтали (лоб, глаза, нос, подбородок, шея), то из этих отдельных элементов, как из деталей, можно составить лицо не существующего человека, но похожее на лицо разыскиваемого преступника. Именно тогда и появилось понятие «фоторобот». Теперь для изготовления субъективного портрета не нужен был талант художника. Это метод стал доступен для применения любым сотрудником полиции. Изготавливались даже специальные приборы для составления фотороботов, например, отечественный Прибор композиционных портретов ПКП – 2 (фото 3). Особенностью такого прибора было то, что все варианты элементов внешности были пронумерованы, что давало возможность передавать портрет на расстояние посредством последовательности соответствующих им цифр. Если у адресата был такой же прибор, то он мог на нем воссоздать портрет, изготовленный в другом месте.

Фото 3. Отечественный Прибор композиционных портретов ПКП – 2

Но быстро выявились и недостатки этого метода. Главный из них заключался в том, что разные признаки внешности имеют разную частоту встречаемости. Например, средний по размеру нос встречается во много раз чаще, чем большой или маленький. А некоторые варианты могут быть и вовсе крайне редкими. И на фотографиях чаще всего попадались именно средние, то есть наиболее распространенные признаки, а редкие – могли вообще не попасть в используемый набор признаков. Вспомните, например, нос известного советского артиста Фрунзика Мкртчяна! (фото 4, 5) Он такой вообще единственный в своем роде! Поэтому, в наборе признаков часто отсутствовали крайние формы проявления того или иного признака, что в некоторых случаях препятствовало изготовлению субъективного портрета.

Фото 4, 5. Фрунзик Мкртчян

Другой проблемой этого метода было то, что для каждого элемента внешности получалось много вариантов, мало различающихся между собой, ввиду их тяготения к среднему, то есть наиболее распространенному типу. Из-за этого очевидец, при составлении субъективного портрета, испытывал затруднения при выборе из большого числа схожих элементов одного - наиболее похожего.

Эти проблемы принципиально были решены в рисовано-композиционном методе изготовления субъективного портрета. Он объединил достоинства обоих ранее описанных методов, избавившись от их недостатков. При изготовлении субъективных портретов с подошью этого метода также применялся набор отдельных элементов внешности. Но получались они не из фотографий, а заранее рисовались художником. Это дало возможность одновременно и ограничить количество вариантов признаков, и добиться их максимального разнообразия, включая редкие крайние формы проявления.

Поначалу этот метод применялся так. Очевидец выбирал по отдельности наиболее похожие на разыскиваемого преступника варианты элементов внешности по пронумерованным изображениям в специальном альбоме. Выбранным номерам соответствовали изображения, нанесенные на прозрачные пленки, которые при накладывании друга на друга слоями, создавали изображение лица. После складывания портрета, полученное изображение фотографировалось, тиражировалось и рассылалось в качестве ориентировок на розыск. Для воспроизведения портрета на таком же приборе в другом месте мог передаваться также и цифровой код, состоящий из порядковых номеров элементов внешности. По этому принципу действовал разработанный в 1960-х годах ВНИИ МВД СССР Идентификационный комплект рисунков (ИКР) (фото 6).

Фото 6. Идентификационный комплект ри-

сунков (ИКР)

С развитием электронной вычислительной техники метод рисовано-композиционного портрета, сохранив свою суть, изменился в технологии использования. Теперь рисованные изображения элементов внешности хранятся в специальной компьютерной программе, которая позволяет просматривать их, совмещать и накладывать друг на друга, перемещать, менять размер и т.п. В качестве однорого из примеров таких программ можно привести широко применяемую программу FACES (фото 7).

Фото 7. Интерфейс программы FACES

В последнее время начало развиваться направление трехмерного моделирования при составлении субъективного портрета и были разработаны специальные программы для этого. В качестве примера можно привести программу «Klim-3D» (фото 8). Презентационные показы таких программы обычно вызывают восторг у зрителей. И действительно, на презентации выглядят они весьма убедительно. Оператор демонстрирует возможность соединять разные варианты элементов внешности, динамически изменять их расположение, форму, размер. Может поворачивать изображение и просматривать его с разных ракурсов. Казалось бы, именно этого и не хватало раньше!

Фото 8. Интерфейс программы «Klim-3D» (взято с официального сайта производителя программы)

Но так ли эффективны будут эти возможности на практике? На демонстрационных показах таких программ обычно создается абстрактный образ несуществующего человека, или показываются субъективные портреты известных людей, примелькавшихся своей внешностью: артистов, политиков и т.п. (фото 9). Но в реальной жизни субъективный портрет составляется со слов очевидца преступления, который в большинстве случаев наблюдал разыскиваемого весьма ограниченное время, чаще всего в стрессовый момент и в состоянии сильного волнения. В такой ситуации очевидец, как правило, не способен запомнить облик человека в таких подробностях, которые требуются для изготовления трехмерного субъективного портрета.

Фото 9. Примеры субъективных портретов известных людей, изготовленные с помощью программы «Klim-3D» (взято с официального сайта производителя программы)

Кроме того, метод трехмерного субъективного портрета имеет и такой недостаток как многовариантность и малая частота дискретности признаков внешности. Это делает соседние варианты мало отличимыми друг от друга. А возможность динамического изменения элементов внешности в этом случае не упрощает, а усложняет задачу.

Многократный опыт составления субъективных портретов показал, что чем меньше вариантов проявления какого либо признака, тем легче очевидцу выбрать из них наиболее похожий. Именно похожий. Ведь целью субъективного портрета является не получение портретного сходства с оригиналом, а воспроизведение узнаваемого образа.

В жизни чаще всего очевидец выбирает нужный вариант элемента внешности путем приближения к более похожему варианту методом исключения менее похожих. Наиболее оптимальное количество вариантов – примерно около сотни. Вариантов некоторых элементов можно иметь чуть больше, например, глаз и носов, других, например, лбов и подбородков –меньше. При большем количестве возможных вариантов, очевидец запутывается в них, и не может выбрать подходящий. После чего, подавленный сложностью возникшей задачи, он выбирает любой вариант, уже не особенно заботясь о конечном результате. А ведь ему еще нужно связать все элементы в одно изображение! Поэтому, не зря в упоминавшийся нами советский Идентификационный комплект рисунков (ИКР) входило всего 1037 вариантов всех элементов внешности для лиц мужского пола и 724 – для женского. Немногим большее количество элементов содержится и в программе FACES.

Программы же трехмерного субъективного портрета благодаря возможности динамического изменения признаков имеют фактически неограниченное их количество. Это исключает возможность применения самого эффективного подхода в составлении субъективного портрета – метода исключения. А высокая схожесть изготовленных в таких программах демонстрационных субъективных портретов известных людей объясняется тем, что они делаются фактически с натуры. Что не совпадает с условиями изготовления субъективного в реальной работе по раскрытию преступления. Ведь в этом случае работа с натуры не только недоступна, но и вовсе не имеет смысла Ведь, если есть фотография преступника, то субъективный портрет нам не нужен вовсе.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что далеко не всегда сложные инновационные методы оказываются эффективнее. Порою более простые методы позволяют быстрее и результативнее решать поставленные задачи. Усложнение имеет смысл только тогда, когда оно уместно и при реальном применении дает существенные преимущества.

Список литературы:

[1] Зинин А.М. Субъективный портрет. Курс лекций. М.: Изд-во «Щит-М», 2012.

[2] Зинин А.М. Фоторобот: Монография. М.: Юрлитинформ, 2016.

[3] Снетков В.А. Габитоскопия. Волгоград, 1979.

[4] Снетков, В.А. Изготовление и использование субъективных портретов в целях розыска неустановленных преступников // Методические рекомендации. М., 2011.

References:

[1] Zinin A.M. Subjective portrait. Course of lectures. M.: Publishing house "Shield-M," 2012.

[2] Zinin A.M. Photorobot: Monograph. M.: Yurlitinform, 2016.

[3] Snetkov V.A. Habitoscopy. Volgograd, 1979.

[4] Snetkov, V.A. Production and use of subjective portraits for the purpose of tracing unidentified criminals // Methodological recommendations. M., 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-405-408

МАЗДОГОВА Заира Зауровна,
Профессор кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института повышения квалификации, кандидат политологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Экстремизм в современном обществе представляет собой многогранное и сложное явление, которое проявляется в различных формах и аспектах. Он охватывает широкий спектр идеологий, от политических до религиозных, и включает в себя как насильственные, так и ненасильственные действия. Важно понимать, что экстремизм не является чем-то новым; он существовал на протяжении всей истории человечества.*

Ключевые слова: *формы экстремизма, радикальные движения, политический порядок, насилие, угроза, профилактика.*

MAZDAGOVA Zaira Zaurovna,
Professor, Department of State and Public Administration, North Caucasus Institute for Advanced Studies, Candidate of Political Sciences

PEDAGOGICAL AND ETHNOPEDAGOGICAL FACTORS IN COUNTERING EXTREMISM IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *Extremism in modern society is a multifaceted and complex phenomenon that manifests itself in various forms and aspects. It encompasses a wide range of ideologies, from political to religious, and includes both violent and non-violent actions. It is important to understand that extremism is not something new; it has existed throughout human history.*

Key words: *forms of extremism, radical movements, political order, violence, threat, prevention.*

Наиболее распространенными формами экстремизма являются политический, религиозный, этнический и экологический экстремизм. Политический экстремизм часто проявляется в радикальных движениях, которые стремятся к изменению существующего политического порядка, используя для этого насилие или угрозы.

Однако в последние десятилетия его проявления стали более заметными и разнообразными, что связано с глобализацией, развитием технологий и изменением социально-экономических условий. Экстремизм может быть, как внутренним, так и внешним, и его корни нередко уходят в глубокие социальные, экономические и культурные проблемы, которые требуют комплексного подхода к решению [1].

Религиозный экстремизм, в свою очередь, основывается на радикальных интерпретациях религиозных текстов и может приводить к насильственным действиям в имени веры. Этнический экстремизм возникает из чувства принадлежности к определенной этнической группе и может проявляться в ксенофобии, ненависти к другим народам и насильственных конфликтах. Экологический экстремизм, хотя и менее распространен, также представляет собой важную проблему, когда радикальные экологические группы прибегают к насилию в попытках защитить окружающую среду [2].

Современный экстремизм также имеет свои особенности, связанные с развитием технологий и информационных технологий. Социальные сети и интернет стали мощными инструментами для распространения экстремистских идеологий. Они позволяют радикальным группам легко находить сторонников и распространять свои идеи, используя различные формы пропаганды и манипуляции.

Виртуальные сообщества становятся платформами для обсуждения экстремистских взглядов, что способствует их распространению и нормализации. Это создает новые вызовы для общества, так как традиционные методы противодействия экстремизму, такие как образование и социальная работа, могут оказаться недостаточными в условиях быстрого изменения информационного пространства [3].

Экстремизм также часто коренится в социальных и экономических проблемах, таких как бедность, безработица, дискриминация и отсутствие доступа к образованию. Люди, испытывающие эти трудности, могут стать более восприимчивыми к радикальным идеям, которые обещают быстрое решение их проблем или предоставляют им чувство принадлежности к чему-то большему. В этом контексте важно понимать, что экстремизм не является лишь вопросом индивидуального выбора; он также является следствием более широких социальных процессов и структурных проблем, которые требуют внимания со стороны государства и общества [4].

Педагогический и этнопедагогический факторы противодействия экстремизму играют ключевую роль в формировании устойчивого общества, способного противостоять радикализации. Образование может служить мощным инструментом для предотвращения экстремизма, так как оно способствует развитию критического мышления, толерантности и уважения к различиям. Педагогические подходы, направленные на формирование у молодежи навыков конструктивного диалога и решения конфликтов, могут значительно снизить вероятность их вовлечения в экстремистские группы [5]. Кроме того, этнопедагогика, как дисциплина, учитывающая культурные и этнические особенности обучаемых, может помочь в создании более инклюзивной образовательной среды, где каждый человек будет чувствовать себя принятым и уважаемым.

Важным аспектом противодействия экстремизму является работа с молодежью, которая является наиболее уязвимой к радикализации. Молодежные программы, направленные на развитие лидерских качеств, гражданской активности и социальной ответственности, могут помочь создать альтернативные модели поведения и мышления, которые противостоят экстремистским идеям.

Важно также вовлечение родителей, педагогов и местных сообществ в процесс формирования у молодежи устойчивых к экстремизму ценностей и убеждений. Таким образом, комплексный подход, включающий педагогические и этнопедагогические факторы, является необходимым условием для успешного противодействия экстремизму в современном обществе.

Современные вызовы, связанные с экстремизмом, требуют от общества новой парадигмы мышления и действий. Необходимо не только реагировать на проявления экстремизма, но и работать на опережение, создавая условия для формирования устойчивых к радикализации сообществ. Это возможно только при условии активного участия всех членов общества, включая государственные органы, образовательные учреждения, неправительственные организации и самих граждан.

Только совместными усилиями можно создать общество, в котором экстремизм не найдет почвы для своего роста, а люди будут жить в атмосфере взаимопонимания, уважения и сотрудничества.

В ходе исследования темы «Педагогический и этнопедагогический фактор противодействия экстремизму в современных условиях» мы пришли к важным выводам, которые подчеркивают значимость образовательного процесса в формировании устойчивости молодежи к экстремистским идеологиям. Экстремизм, как явление, представляет собой не только социальную, но и культурную угрозу, затрагивающую основы общественного порядка и стабильности.

Он проявляется в различных формах и имеет многоуровневые причины, включая политические, экономические, социальные и культурные факторы. Понимание сущности и особенностей экстремизма в современном обществе позволяет нам более эффективно разрабатывать стратегии противодействия этому явлению, особенно в контексте образования.

Педагогические подходы к противодействию экстремизму, рассматриваемые в данной работе, подчеркивают важность формирования критического мышления у молодежи, развития навыков анализа информации и способности к конструктивному диалогу. Образование должно стать не только источником знаний, но и площадкой для обсуждения актуальных социальных вопросов, что позволяет молодежи осознавать последствия экстремистских идеологий и принимать осознанные решения. Важно, чтобы образовательные учреждения внедряли программы, направленные на развитие эмоционального интеллекта, толерантности и уважения к культурным различиям. Эти элементы помогают создать безопасную образовательную среду, способствующую личностному росту и социальной интеграции.

Этнопедагогические аспекты борьбы с экстремизмом, в свою очередь, акцентируют внимание на необходимости учитывать культурные и этнические особенности различных групп населения. В условиях многонационального общества важно развивать программы, которые будут способствовать межкультурному диалогу и взаи-

мопониманию между народами. Этнопедагогика, опираясь на культурные традиции и ценности, может стать мощным инструментом в формировании у молодежи уважения к своему и другим культурам, что, в свою очередь, снижает вероятность возникновения экстремистских настроений. Понимание культурных контекстов и использование этнопедагогических методов в образовательном процессе способствуют созданию атмосферы доверия и сотрудничества, что является важным фактором в противодействии экстремизму.

Роль образования в предупреждении экстремистских убеждений нельзя переоценить. Образовательные учреждения должны не только передавать знания, но и формировать у студентов активную гражданскую позицию, критическое мышление и навыки решения конфликтов. В этом контексте важно, чтобы образовательные программы включали в себя темы, связанные с правами человека, демократией и гражданской ответственностью. Студенты должны быть вовлечены в проекты, способствующие развитию их социальной активности и ответственности, что поможет им стать не только потребителями информации, но и активными участниками общественной жизни.

Эффективные практики противодействия экстремизму, учитывающие педагогические и этнопедагогические факторы, показывают, что комплексный подход к образованию может значительно снизить уровень экстремистских настроений среди молодежи. Важно, чтобы в образовательных учреждениях разрабатывались и внедрялись программы, направленные на развитие межкультурной компетенции, навыков критического мышления и эмоциональной устойчивости. Такие программы могут включать в себя как теоретические занятия, так и практические мероприятия, такие как тренинги, семинары и проекты, которые способствуют формированию у молодежи активной жизненной позиции и способности к конструктивному диалогу.

Ключевым аспектом успешной реализации образовательных программ противодействия экстремизму является сотрудничество различных стейкхолдеров, включая образовательные учреждения, государственные органы, неправительственные организации и местные сообщества. Только совместными усилиями можно создать эффективную систему, способствующую формированию у молодежи устойчивости к экстремистским идеологиям [6]. Важно, чтобы все участники этого процесса понимали свою роль и ответственность в борьбе с экстремизмом, что позволит создать единую стратегию, направленную на профилактику этого опасного явления.

В заключение, можно сказать, что противодействие экстремизму в современных условиях требует комплексного подхода, в котором педагогические и этнопедагогические факторы играют ключевую роль. Образование должно стать основным инструментом формирования у молодежи навыков, необходимых для противостояния экстремистским идеологиям, и создания общества, основанного на уважении, толерантности и взаимопонимании. Важно помнить, что борьба с экстремизмом начинается с каждого из нас, и именно через образование мы можем заложить основы для мирного и безопасного будущего.

Список литературы:

[1] Авакьян М. В. и др. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма // Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. – 2023. – Т. 44. URL: https://nfreg.ru/wp-content/uploads/2023/12/Metodicheskie-rekomendatsii_profilaktika-ekstremizma-i-terrorizma_proekt_itog-1.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Андрианова Р. А. Профилактика экстремизма как актуальная проблема современного российского общества // ББК 74.00+ 88 Н 34. – 2018. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36802279_20488870.pdf#page=63 (дата обращения: 14.04.2026).

[3] Апанасюк Л. А. Теоретико-методологические основы профилактики ксенофобии в студенческой среде средствами социально-культурной деятельности // дис.... д-ра пед. наук. – 2014. – Т. 13. – №. 05. URL: https://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/dissertacii/apanasuk.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

[4] Вердиханова А. Н., Голубкова Н. И. Противодействие экстремизму в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – №. 4 (68). – С. 155-167. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-v-sovremennyh-usloviyah-1 (дата обращения: 14.04.2026).

[5] Гогиберидзе Г. М., Реан А. А., Кузьмин Р. Г. Педагогическая профилактика проявлений молодежного экстремизма: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2025. – №. 3. – С. 42-67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-profilaktika-proyavleniy-molodezhnogo-ekstremizma-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 14.04.2026).

[6] Машекуашева М.Х. Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России в условиях противодействия экстремизму и терроризму. Право и управление. 2024. № 4. С. 35-37.

References:

[1] Avakyan M.V. et al. Methodological recommendations for the prevention of the spread of the ideology of terrorism and extremism // Kaliningrad: Publishing House BFU named after I. Kant. – 2023. - T. 44. URL: https://nfreg.ru/wp-content/uploads/2023/12/Metodicheskie-rekomendatsii_profilaktika-ekstremizma-i-terrorizma_proekt_itog-1.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

[2] R. Andrianova. Prevention of extremism as an urgent problem of modern Russian society // BBK 74.00+ 88 N 34. – 2018. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36802279_20488870.pdf#page=63 (access date: 14.04.2026).

[3] Apanasyuk L. A. Theoretical and methodological foundations of the prevention of xenophobia in the student environment by means of socio-cultural activities // dis.... Dr. ped. sciences. – 2014. - T. 13. – №. 05. URL: https://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/dissertacii/apanasuk.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

[4] Verdikhanova A. N., Golubkova N. I. Countering extremism in modern conditions // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. – 2023. – №. 4 (68). - S. 155-167. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-v-sovremennyh-usloviyah-1 (дата обращения: 14.04.2026).

[5] Gogiberidze G. M., Rean A. A., Kuzmin R. G. Pedagogical prevention of manifestations of youth extremism: domestic and foreign experience // Bulletin of Moscow University. Series 20. Teacher education. – 2025. – №. 3. - S. 42-67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-profilaktika-proyavleniy-molodezhnogo-ekstremizma-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 14.04.2026).

[6] Mashekuasheva M.Kh. The resource potential of patriotism and the peculiarities of its implementation in modern Russia in the context of countering extremism and terrorism. Law and governance. 2024. № 4. S. 35-37.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-409-412

САВЧЕНКОВ Алексей Викторович,
ректор ГБУ ДПО Челябинский институт развития профессионального образования, доктор педагогических наук, профессор, e-mail: alex2107@mail.ru

ЗИНИНА Нелли Александровна,
консультант Департамента психологической работы Министерства обороны РФ, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: zinina.nel@yandex.ru

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России г. Москва, Российская Федерации, ID orcid.org // 0000-0002-0045-6062, e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ВОСПИТАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У КАДЕТОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Аннотация. *В статье речь идет о воспитании традиционных семейных ценностей у кадетов. Авторы отмечают, что воспитание традиционных семейных ценностей у воспитанников кадетских корпусов является стратегически важной задачей, находящейся на стыке государственной политики в сфере образования, духовно-нравственного развития и военно-патриотического воспитания, а также ими рассматриваются методологические подходы к проблеме воспитания традиционных семейных ценностей у воспитанников кадетского корпуса.*

Ключевые слова: *методология, самоценность, личность, духовность, воспитание, кадетский корпус, подход.*

SAVCHENKOV Alexey Viktorovich,
Rector of the Chelyabinsk Institute of Professional Education Development, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

ZININA Nelly Alexandrovna,
Consultant of the Department of Psychological Work of the Ministry of Defense of the Russian Federation r. Moscow, Russian Federation

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Chief Researcher of the Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

EDUCATING TRADITIONAL FAMILY VALUES IN CADET: METHODOLOGICAL APPROACHES

Annotation. *The article discusses methodological approaches to the problem of educating traditional family values in cadet corps students. The authors emphasize that it is methodologically incorrect to educate*

values in a child in isolation from the family. The methodology of educating traditional family values in a cadet corps should be based on the principle of unity of word and deed.

Key words: *methodology, self-worth, personality, spirituality, education, cadet corps, approach.*

В современных условиях скачкообразного перехода российского общества от существовавшего несколько десятилетий единообразия жизненного пространства к многоукладности наблюдается катастрофическое падение нравов и высоких принципов в общественной жизни. Соответственно быстро изменяются идеалы и ценностные ориентации у людей. Молодое поколение, находящееся в активном периоде социализации, особенно остро воспринимает влияние новых экономических и политических преобразований.

Высокие духовные национальные ценности бытия такие, как любовь к Отечеству и забота о ближних, самоценность личности каждого человека, стремление к доброте и отвержение насилия по отношению к другим в этих условиях существенно утрачивают свое значение. Нравственность начинает определяться по принципу «что не запрещено законом, то можно», совестливость вообще уходит в разряд недостатков, а идеалы стираются. Вследствие этого наблюдается противоречие между потребностью в позитивных социокультурных преобразованиях в обществе и недостатком высокодуховных, патриотически настроенных людей, готовых их осуществлять. Проблема духовно-нравственного обновления современного российского общества становится в данных условиях весьма актуальной.

Воспитание традиционных семейных ценностей у воспитанников кадетских корпусов является стратегически важной задачей, находящейся на стыке государственной политики в сфере образования, духовно-нравственного развития и военно-патриотического воспитания. Кадеты – это будущая элита силовых структур и госслужбы, поэтому устойчивость их будущих семей напрямую влияет на стабильность общества.

История кадетских корпусов в России началась в 1731 году при императрице Анне Иоановне, когда был создан первый кадетский корпус для подготовки юношей из дворянских семей к военной и государственной службе.

Кадетские корпуса являлись первой ступенью подготовки офицеров и гражданских служащих, давая воспитанникам не только военное, но и широкое светское образование.

Нормативно-методологическая база, прежде всего, строится на основе Указа Президента РФ № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Федеральных государственных образовательных стандартов в части духовно-нравственного развития, Концепции воспитания обучающихся в системе образования РФ.

Для эффективной работы в кадетском корпусе рекомендуется использовать не один, а целый комплекс подходов.

Аксиологический (ценностный) подход заключается в формировании иерархии ценностей, где семья, верность, преемственность поколений и забота о ближнем занимают приоритетное место. Его реализация в кадетском корпусе возможна через осмысление понятия «Честь» не только в воинской категории, но и как семейной (честь рода, фамилии), изучение биографий великих полководцев через призму их семейной жизни (Суворов, Кутузов, Ушаков и др.). дискуссионные клубы на темы «Служение Отечеству и служение семье: конфликт или единство?».

Сущность системно-деятельностного подхода в том, что ценности не даются в готовом виде, а усваиваются через личную деятельность и опыт. В практической деятельности – это участие в социальных проектах. Например, шефство над многодетными семьями ветеранов, помощь детским домам (формирование опыта работы). Восстановление истории своих семей, участие в акции «Бессмертный полк», изучение семейных архивов – это суть поисковой работы, а волонтерская деятельность позволит участвовать в мероприятиях, поддерживающих институт семьи.

Смысл культурно-исторического подхода в понимании семьи как ячейки, сохраняющей культурный код нации, реализация которого видится в изучении традиций русского быта, обрядов (свадьба, крещение, праздники) в светском и культурологическом ключе; во встречах с представителями военных династий, в экскурсиях в музеи истории семьи и быта.

С учетом специфика кадетских классов необходимо уделить внимание и гендерному подходу поскольку в кадетских корпусах часто преобладает мужской контингент и акцент важно делать на формировании образа мужчины-защитника, отца и главы семьи. На практике было бы хорошо формировать установки: «Защита Отечества – это защита своих жен, матерей и детей, организовать курсы по основам отцовства, мужской ответственности и лидерства в семье. Для девочек-кадетов – акцент на роли женщины как хранительницы очага и равноправного партнера в военной династии.

Важен и интересен компетентностный подход, суть которого в формировании практических навыков для создания крепкой семьи. Его реали-

зация возможна посредством элективных курсов, таких как «Основы семейной жизни», «Психология общения», «Семейный бюджет», а также тренингов по конфликтологии и коммуникации (умение договариваться – ключевой навык для семейной жизни).

Воспитание традиционных семейных ценностей в кадетском корпусе имеет уникальную особенность – синтез воинского долга и семейного долга:

Кадетское братство можно представить, как модель семьи через взаимовыручку в строю и в быту, которая моделирует семейные отношения поддержки, старшие кадеты (наставники) берут шефство над младшими, что формирует навык заботы о «младших братьях», проецируемый в будущем на собственных детей.

Введение ритуалов, связывающих кадетов с их родителями. Например, посвящение в кадеты с обязательным участием родителей, вручение погон в присутствие семьи. Дни открытых дверей, где родители показывают пример уважения к учреждению.

Трансляция идеи – любовь к Родине начинается с любви к своему дому и близким. Безответственный человек в семье не может быть надежным защитником Отечества это и сеть патриотизм через семью.

Формы и методы работы

Группа методов	Конкретные формы реализации в корпусе
Информационные	Лекции, беседы, просмотр тематических фильмов, анализ художественной литературы о семье и о войне
Практико-ориентированные	Проект «Генеалогическое древо кадет», конкурс сочинений «Письмо будущим детям», акция «Позвони родителям»
Эмоционально-образные	Встречи с матерями погибших военнослужащих, с многодетными офицерскими семьями, театральные постановки
Интерактивные	Ролевые игры «Семейный совет», тренинги на сплочение взводов с привлечением родителей

Методологически неверно воспитывать ценности у ребенка в отрыве от семьи. Необходимо проводить родительский лекторий о важности личного примера, совместные спортивные праздники, туристические слеты, а мониторинг семейного благополучия кадетов (социальный педагог, психолог) направлен на обратную связь, чтобы в будущем учесть положительные и устранить отрицательные моменты, проведенных мероприятий.

Показателем эффективности проделанной работы будут сформированное осознанное отношение к браку, желание иметь многодетную семью, уважение к старшим поколениям, проявление заботы о родителях, участие в жизни семьи, отсутствие асоциального поведения, готовность в будущем создать военную династию или продолжить службу, опираясь на семейную поддержку.

Методология воспитания традиционных семейных ценностей в кадетском корпусе должна базироваться на принципе единства слова и дела. Кадет должен видеть, что офицерская честь и семейная верность – это части одного целого. Успех достигается только при синергии усилий педагогического состава, командиров подразделений и, что критически важно, самих родителей воспитанников.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[2] Вилкова А. В. Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60-64.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Основные трудности, ожидающие молодых ученых // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 92-101.

[4] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. С. 204.

[5] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Пути ранней психодиагностики и профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 29-37.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка научной смены – важнейшая составляющая нау-

ки / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 188-191.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Педагог и конфликтная семья / Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 152-155.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Воспитательно-коррекционная работа с несовершеннолетними / Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 190-193.

[10] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Психологическая тенденция к правонарушениям у несовершеннолетних осужденных / Международный научный вестник, № 9. 2025 С.

[11] Вилкова А. В., Антипов а. Н. Ювенальная юстиция в России: «за» и «против» / Вестник Кузбасского института. 2012. № 3(11). С. 105-110.

References:

[1] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

[2] Vilkova A.V. Khairutdinova I.V., Yakupov F.A. Russian sign language - a means of communication or a linguistic system ? // Modern pedagogical education. 2025. № 5. S. 60-64.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The main difficulties awaiting young scientists // Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 92-101.

[4] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. C. 204.

[5] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

[6] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Ways of early psychodiagnosis and prevention of deviant behavior of minors // In the collection: Penitentiary and post-penitential resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 29-37.

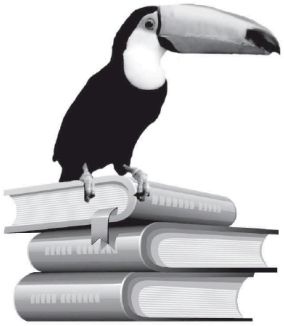
[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Preparation of a scientific shift is the most important component of science/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 188-191.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Teacher and conflict family/Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. S. 152-155.

[9] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Educational and correctional work with minors/Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. S. 190-193.

[10] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Psychological tendency to offenses in juvenile convicts/ International Scientific Bulletin, No. 9. 2025 PP.

[11] Vilkova A.V., Antipov a. N. Juvenile Justice in Russia: "for" and "against "/Bulletin of the Kuzbass Institute. 2012. № 3(11). S. 105-110.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-413-418

ХАМАТХАНОВ Або-Мансур М-Б.,
Студент 2 курса Юридического факультета,
направление «Социальная работа»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ХАМАТХАНОВА Мадина Макшариповна,
старший преподаватель кафедры Философии
и социальной работы ФГБОУ ВО «Ингушский
государственный университет», Магас, Россия,
e-mail: meddina17@mail.ru

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У РАБОТНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. *Проблема профессионального выгорания сегодня является одной из наиболее острых в системе социальной защиты. Эмоциональное истощение, деперсонализация и снижение удовлетворённости трудом оказывают разрушительное воздействие не только на личность специалиста, но и на функционирование организации в целом. Поскольку выгорание социальных работников вызвано сочетанием множества факторов — организационных, профессиональных и индивидуальных, — бороться с ним нужно системно. Анализ этих компонентов помогает выстроить стратегию профилактики, которая включает как глобальные изменения в организации труда, так и адресную психологическую помощь каждому специалисту.*

Ключевые слова: *выгорание, профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, внутренний конфликт, индивидуальные личностные факторы, социально-психологический климат, социально-экономическую нестабильность.*

KHAMATKHANOV Abo-Mansur M-B.,
2nd year student of the Faculty of Law, direction
"Social work

Scientific supervisor:
KHAMATKHANOVA Madina Maksharipovna,
senior Lecturer at the Department of Philosophy and
Social Work, Ingush State University, Magas, Russia

CAUSES AND FACTORS OF PROFESSIONAL BURNOUT AMONG SOCIAL WORKERS

Annotation. *The problem of professional burnout is one of the most acute in the social protection system today. Emotional exhaustion, depersonalization, and decreased job satisfaction have a devastating effect not only on the personality of a specialist, but also on the functioning of the organization as a whole. Since burnout of social workers is caused by a combination of many factors — organizational, professional and individual — it must be dealt with systematically. The analysis of these components helps to build a prevention strategy that includes both global changes in the organization of work and targeted psychological assistance to each specialist.*

Key words: *burnout, professional burnout, emotional burnout, internal conflict, individual personality factors, socio-psychological climate, socio-economic instability.*

Выгорание как психологический феномен оказывает выраженное негативное воздействие на психофизическое состояние человека и снижает результативность профессиональной деятельности специалистов, работающих в социальной сфере. Впервые данное явление было зафиксировано в 1950-е годы и на протяжении длительного времени рассматривалось как заболевание неизвестной природы, предположительно связанное с вирусной инфекцией [4, с. 165]

В 1970-е в начале 1980-х годов медицинские специалисты обратили внимание на социальную избирательность данного «заболевания»: около 75 % выявленных случаев приходилось на представителей так называемых «белых воротничков» и членов их семей. В группу наибольшего риска входили работники сферы обслуживания, а также администраторы крупных и малых организаций. Проведённые исследования позволили установить прямую связь между профессиональным стрессом, перегруженностью на рабочем месте и ухудшением состояния здоровья специалистов [4, с. 168].

Наиболее часто синдром выгорания наблюдается у представителей профессий коммуникативного и социального характера, функционирующих в системе «человек о человек». К данной категории относятся медицинские работники, педагоги, менеджеры сферы услуг, консультирующие психологи и психотерапевты.

Понятие «выгорание» (англ. burnout, что означает «угасание», «прекращение горения») было введено в научный оборот американским психологом Дж. Фрейденбергером в 1974 году. В своей статье, опубликованной в «Журнале социальных проблем», он использовал данный термин для описания психологического состояния здоровых людей, находящихся в условиях интенсивного и эмоционально насыщенного взаимодействия с клиентами и пациентами. Изначально данное явление рассматривалось в рамках концепции профессионального стресса и определялось как неспособность личности эффективно справляться с нагрузками, что приводило к деморализации, разочарованию и снижению продуктивности деятельности [1, с. 6].

На сегодняшний день профессиональному выгоранию существует большое количество определений, однако анализируя их все, можно выделить одно универсальное: профессиональное выгорание это состояние крайнего истощения, которое является следствием хронического стресса, связанного с профессиональной деятельностью, и проявляющееся в нарушениях эмоциональной, психической, поведенческой и соматической сфер.

Существенный вклад в разработку теории выгорания внесли К. Маслач и её коллеги 0 С. Джексон и А. Пайнс. Их исследования стали основой для дальнейшего научного изучения данного феномена. Понимание выгорания неоднократно уточнялось и расширялось. Так, в 1976 году К. Маслач охарактеризовала выгорание как реакцию на хронический рабочий стресс, проявляющуюся в эмоциональном дистанцировании от клиента, снижении гуманистического отношения и падении профессиональной эффективности [5, с. 296]. В 1981 году К. Маслач и С. Джексон определили выгорание как синдром эмоционального истощения и циничного отношения, характерный для специалистов, работающих с людьми, и ведущий к нарушению взаимодействия с клиентами. В более поздних работах К. Маслач подчёркивала, что представители сферы образования и услуг вынуждены проводить значительное количество времени в интенсивном межличностном общении, что является объективной особенностью и фактором риска данных профессиональных областей [15, с. 77].

Согласно определению С.П. Безносова, эмоциональное выгорание представляет собой сформированный личностью механизм психологической защиты, выражающийся в частичном либо полном подавлении эмоциональных реакций в ответ на воздействие психотравмирующих факторов [3, с. 86]. Данный механизм является приобретённой моделью эмоционального реагирования и, как правило, обусловлен профессиональной деятельностью. В одних случаях он способствует более экономному и рациональному использованию психоэмоциональных ресурсов человека, в других оказывает деструктивное влияние на межличностные отношения в профессиональной среде.

Склонность к интроверсии как личностное качество предполагает ориентацию человека на внутренний мир и стремление к психологической изоляции. Во внешних взаимодействиях это может проявляться в формальных и закрытых формах общения. В стрессовых ситуациях такие люди нередко оказываются неспособными выйти из закрепившегося эмоционального состояния: первоначально это выражается в тревожности, которая впоследствии может трансформироваться в выраженную агрессию. О.И. Бабич отмечает, что как правило, они испытывают трудности в перестройке жизненных планов и поведенческих стратегий, что снижает их способность эффективно справляться с эмоциональным выгоранием. В результате повышается риск развития психосоматических заболеваний [2, с. 45].

Симптоматика синдрома эмоционального выгорания условно подразделяется на три основные группы: психофизические, социально-психологические и поведенческие. К психофизическим симптомам относятся: устойчивое ощу-

щение непрекращающейся усталости, сохраняющееся утром, вечером и сразу после сна, что соответствует признакам хронической усталости; состояние эмоционального и физического истощения; снижение чувствительности к изменениям внешней среды и замедленная реакция на них, утрата интереса к новому и отсутствие адекватной реакции на потенциально опасные ситуации и др. [6, с. 42].

Социально-психологические симптомы проявляются в виде нехарактерных для психически здорового человека переживаний и реакций, среди которых: пониженный эмоциональный фон и депрессивные состояния; повышенная раздражительность по незначительным и объективно несущественным поводам; внезапные вспышки гнева без очевидной причины либо уход в эмоциональную изоляцию с отказом от общения и т.д.[7, с. 94]. Поведенческие симптомы эмоционального выгорания и связанные с ними модели деятельности включают: восприятие профессиональной деятельности как чрезмерно сложной и обременительной, сопровождающееся ощущением невозможности качественного выполнения рабочих обязанностей; нарушение установленного режима труда, выражающееся в систематических опозданиях, ранних уходах с рабочего места либо, напротив, чрезмерном пребывании на работе; регулярный перенос рабочих заданий домой без их фактического выполнения; эмоциональное дистанцирование от коллег и клиентов, проявление завышенной критичности и неадекватных поведенческих реакций [8, с. 212]. В состоянии эмоционального выгорания также наблюдается совокупность характерных чувств, мыслей и форм поведения: чувства: ощущение ущемлённости, хронической усталости, страх допущения ошибок, тревожность перед неопределёнными ситуациями, боязнь утраты социально одобряемого образа, депрессивные переживания; мысли: убеждённость во враждебности окружающей среды, переживание несправедливого социального положения, ощущение отсутствия признания собственных профессиональных усилий, формирование негативного и нереалистичного образа «Я»; поведение: выражение негативных оценок в адрес окружающих и самого себя, колебания между стремлением привлечь внимание и желанием социальной изоляции, крайние поведенческие стратегии — от чрезмерного перфекционизма до полной апатии.

Синдром эмоционального выгорания наиболее характерен для специалистов, чья профессиональная деятельность предполагает интенсивное и продолжительное межличностное взаимодействие. К данной категории относятся руководители высшего и среднего звена, медицинские и социальные работники, консультанты, педагоги, а также сотрудники органов внутренних дел. Особую группу риска составляют лица с выраженными интровертированными чертами и индивидуально-психологическими особенностями, не полностью соответствующими требованиям профессий коммуникативного профиля. Для таких людей характерны ограниченные энергетические ресурсы, скромность, застенчивость, склонность к уединению и сосредоточенность на профессиональной деятельности. Они быстрее испытывают эмоциональный дискомфорт и, как правило, не обладают достаточными механизмами психологической защиты для переработки негативных переживаний [11, с. 7].

Наиболее подвержены выгоранию специалисты, находящиеся в состоянии постоянного внутреннего конфликта, испытывающие напряжение в профессиональной сфере, сложности в совмещении работы и семейной жизни, а также давление, связанное с необходимостью регулярного подтверждения своей профессиональной компетентности. Постоянная тревога за сохранение рабочего места и отсутствие уверенности в будущем значительно повышают риск развития эмоционального выгорания. В современных российских условиях к данной группе риска особенно относятся работники в возрасте старше 45 лет [13, с. 55].

При условиях хронического стресса синдром эмоционального выгорания, как правило, развивается в ситуациях вхождения человека в новую, незнакомую профессиональную среду, где от него требуется демонстрация высокой компетентности и ответственности. Так, молодой специалист, переходя из относительно комфортной и поддерживающей образовательной среды высшего учебного заведения к реальной профессиональной деятельности, нередко сталкивается с возросшими требованиями и осознанием недостатка практического опыта. В подобных обстоятельствах первые признаки эмоционального выгорания могут проявиться уже спустя шесть месяцев после начала трудовой деятельности.

Анализ исследований, посвящённых проблеме выгорания, показывает, что жители крупных городов находятся в условиях постоянного межличностного взаимодействия, характеризующегося высокой плотностью социальных контактов и вынужденным общением с большим числом незнакомых людей в общественных пространствах, что значительно повышает уровень психоэмоциональной нагрузки. В то же время меньшей подверженностью синдрому эмоционального выгорания и риску ухудшения здоровья отличаются специалисты, обладающие рядом личностных и поведенческих ресурсов. К ним относятся осознанная забота о физическом состоянии (регулярная физическая активность, соблюдение

принципов здорового образа жизни), адекватная и устойчивая самооценка, уверенность в собственных силах, способностях и возможностях. Работники, имеющие опыт успешного преодоления профессионального стресса и способные гибко адаптироваться к изменяющимся и напряжённым условиям деятельности, значительно реже сталкиваются с проявлениями эмоционального выгорания.

Ключевым личностным качеством людей, устойчивых к эмоциональному выгоранию, является способность поддерживать позитивный и оптимистичный эмоциональный настрой, формировать конструктивное отношение к себе, окружающим и жизни в целом. Для таких индивидов характерны высокая психологическая мобильность, открытость, развитые коммуникативные навыки, самостоятельность и ориентация на опору на собственные ресурсы [14, с. 7-7].

Изучив различные подходы к причинам профессионального выгорания, а также ознакомившись с основными функциями специалистов и особенностями их работы, можно условно подразделить все причины появления синдрома выгорания у социальных работников на внутренние (личностные), организационные, профессиональные. Предрасполагающими факторами могут быть индивидуальные особенности – перфекционизм, стремление все контролировать, нежелание или неумение делегировать обязанности. А современный мир непрерывно создаст условия для выгорания. Теперь мы проводим перед экраном по 8-10 часов в день, практически не общаемся лично, пользуемся соцсетями и мессенджерами, поток поступающей информации постоянно растет, часто это тревожная информация, которая требует непрерывного участия в процессе и принятия решений в условиях неопределенности. В таких обстоятельствах выгорание – неизбежное следствие.

Одним из основных факторов, влияющих на развитие профессионального выгорания, является хроническое сочетание высокого эмоционального напряжения и значительного объёма работы. Исследования показывают, что социальные работники часто работают в условиях ограниченных ресурсов, сталкиваются с дефицитом материальной и организационной поддержки, а также испытывают трудности, связанные с нехваткой времени на выполнение задач и подготовку документации. Высокая загруженность и частые конфликты между требованиями профессиональной роли и реальными возможностями приводят к накапливающемуся стрессу, который является предвестником развития синдрома эмоционального истощения [12, с. 95].

Исследование Г. Кесвы, проведённое в провинции Восточный Кейп, иллюстрирует, как сочетание недостатка материальных ресурсов, отсутствия эмоциональной поддержки со стороны руководства и большой рабочей нагрузки связано с ухудшением психологического благополучия социальных работников и снижением их профессионального функционирования. В числе факторов, способствующих выгоранию, участники исследования называли нехватку транспорта, компьютерной техники и другие условия труда, которые мешают им эффективно выполнять свои обязанности [10, с. 44].

Помимо организационных, индивидуальные личностные факторы играют существенную роль в предрасположенности социального работника к эмоциональному выгоранию. Личности с повышенной эмпатией, высокой степенью самооценки зависимости от внешнего признания, склонностью к самокритике, а также сотрудники, испытывающие трудности в психологической регуляции эмоций, чаще сталкиваются с эмоциональным истощением. В рамках качественного исследования, проведённого среди социальных работников центров реабилитации зависимых лиц, было выявлено, что чувство собственной некомпетентности, чрезмерная привязанность к клиентам и навязчивые мысли о профессиональной значимости способствуют развитию психоэмоционального истощения.

Работа с травматическими случаями и сложными жизненными ситуациями клиентов также является мощным детерминантом выгорания. Социальные работники оказывают помощь лицам, переживающим острые социальные и психологические кризисы (безработица, утрата жилья, потеря родственных связей, насилие, злоупотребление субстанциями и др.). Регулярное погружение в эти проблемные контексты повышает эмоциональную нагрузку и может привести к не только деперсонализации и снижению чувствительности, но и формированию защитных психологических стратегий — цинизма, утраты энтузиазма по отношению к клиентам и снижению мотивации к профессиональному росту.

Ещё один немаловажный элемент - социально-психологический климат в рабочем коллективе. Отсутствие взаимоподдержки, конфликты между коллегами, слабая командная культура и неэффективная система супервизии оказывают значительное влияние на психологическое состояние социальных работников. Неблагоприятная рабочая атмосфера усиливает чувство изоляции, затрудняет обмен опытом и снижает общую устойчивость к стрессу. В результате, даже сотрудники с сильным профессиональным самосознанием могут испытывать более выраженные проявления эмоционального выгорания [9, с. 87-88].

Среди внешних факторов следует выделить

социально-экономическую нестабильность, рост потребностей населения и расширение круга задач социальных служб. В современных условиях увеличивается число уязвимых групп населения, что повышает нагрузку на социальные службы и создаёт давление на качество оказываемой помощи. Социальные работники вынуждены выполнять задания в условиях дефицита времени и ресурсов, что усиливает риск развития профессионального стресса и выгорания.

Помимо внешних обстоятельств, психоэмоциональное здоровье социальных работников зависит и от их способности справляться со стрессом. Результаты новейших исследований указывают, что высокая воспринимаемая стрессовость и хроническое эмоциональное истощение связаны с увеличением клинических проявлений тревожности и депрессии, что в долгосрочной перспективе негативно сказывается на самоощущении, профессиональной эффективности и общей удовлетворённости работой.

Таким образом, профессиональное выгорание социальных работников нельзя объяснить воздействием одного-единственного фактора. Это процесс, включающий в себя организационные, профессиональные, индивидуальные и социально-структурные компоненты. Систематическое изучение этих факторов позволяет не только глубже понять механизм формирования выгорания, но и разработать целевые стратегии профилактики и поддержки социальных работников - начиная от изменений в организационной культуре и заканчивая индивидуальными программами психологической устойчивости.

Список литературы:

[1] Акулинина Ю. Н. Профилактика профессионального «выгорания» специалистов социальной сферы // Социальная педагогика. 2013. № 5. С. 1–8. URL: https://narodnoe.org/journals/socialnaya-pedagogika/2013-5/profilaktika-professionalnogo-vigoraniya-specialistov-socialnoiy-sferi (дата обращения: 08.04.2026).

[2] Бабич О. И. Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения. Волгоград: Учитель, 2017. 122 с.

[3] Безносов С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2016. 272 с.

[4] Кокорева Ю. В. Основные причины профессионального выгорания социальных работников и супервизия как метод его профилактики // Молодой ученый. 2020. № 41. С. 165–166. URL: https://moluch.ru/archive/331/74110 (дата обращения: 08.04.2026).

[5] Маслач К., Джексон С. Е. Измерение профессионального выгорания // Journal of Occupational Behaviour. 2012. № 33. С. 296–300.

[6] Новосёлова Л. Ф. Выявление и профилактика профессионального выгорания у специалистов по социальной работе // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2023. № 2. С. 41–47. URL: https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/65733/view (дата обращения: 08.04.2026).

[7] Райкова Е. Ю. Терапия и профилактика профессионального выгорания у представителей помогающих профессий // Молодой ученый. 2011. № 5. С. 92–97. URL: https://moluch.ru/archive/28/3228 (дата обращения: 08.04.2026).

[8] Борисова М. В., Ансимова Н. П. Основные направления профилактики и коррекции профессионального выгорания // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 2. № 2. С. 212–215.

[9] Касимова О. Ю. Пути профилактики профессионального выгорания педагогов социально-реабилитационных центров // Молодой ученый. 2024. № 40. С. 87–91. URL: https://moluch.ru/archive/539/118088/ (дата обращения: 08.04.2026).

[10] Козин В., Агибалова Т. Синдром эмоционального выгорания: происхождение, теории и профилактика // Неврологический вестник. 2013. Т. XLV. № 2. С. 44–52.

[11] Крупнова И. С. Профилактика профессионального выгорания у социальных работников. М.: МГППУ, 2019. 7 с. URL: https://psychlib.ru/resource/pdf/studwork/2019/KrupnovaIS_2019/KrupnovaIS_7.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

[12] Маслач К., Лейтер М. П. Профилактика и интервенции при профессиональном выгорании // Journal of Organizational Behavior. 2012. Т. 33. С. 432.

[13] Осухова Н., Кожевникова В. Профилактика профессионального выгорания // Психологический журнал. 2015. № 4. С. 55–60.

[14] Широков В. А. и др. Профилактика синдрома эмоционального выгорания в профессиональных группах // Гигиена и санитария. 2023. Т. 102. № 11. С. 1–10. URL: https://journals.eco-vector.com/0016-9900/article/view/638295 (дата обращения: 08.04.2026).

[15] Maslach C., Leiter M.P. A multidimensional Theory of Burnout // Theories of Organizational Stress / ed. C.L. Cooper. New York, 2000.

References:

[1] Akulinina Yu. N. Prevention of professional "burnout" of social specialists // Social pedagogy. 2013. № 5. S. 1-8. URL: https://narodnoe.org/journals/socialnaya-pedagogika/2013-5/profilaktika-professionalnogo-vigoraniya-specialistov-socialnoiy-sferi (дата обращения: 08.04.2026).

[2] Babich O. I. Prevention of professional

burnout syndrome of teachers: diagnostics, trainings, exercises. Volgograd: Teacher, 2017. 122 s.

[3] Beznosov S.P. Professional deformation of personality. St. Petersburg: Speech, 2016. 272 pp.

[4] Kokoreva Yu. V. The main reasons for the professional burnout of social workers and supervision as a method of its prevention // Young scientist. 2020. № 41. S. 165-166. URL: https://moluch.ru/archive/331/74110 (access date: 08.04.2026).

[5] Maslach K., Jackson S.E. Measuring professional burnout // Journal of Occupational Behavior. 2012. № 33. S. 296-300.

[6] Novosyolova L.F. Identification and prevention of professional burnout among specialists in social work // Psychological and pedagogical problems of human and public safety. 2023. № 2. S. 41-47. URL: https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/65733/view (access date: 08.04.2026).

[7] Raikova E. Yu. Therapy and prevention of professional burnout in representatives of helping professions // Young scientist. 2011. № 5. S. 92-97. URL: https://moluch.ru/archive/28/3228 (access date: 08.04.2026).

[8] Borisova M.V., Ansimova N.P. The main directions of prevention and correction of professional burnout // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2011. VOL. 2. № 2. S. 212-215.

[9] Kasimova O. Yu. Ways of preventing professional burnout of teachers of social rehabilitation centers // Young scientist. 2024. № 40. S. 87-91. URL: https://moluch.ru/archive/539/118088/ (access date: 08.04.2026).

[10] Kozin V., Agibalova T. Burnout syndrome: origin, theories and prevention // Neurological Bulletin. 2013. T. XLV. № 2. S. 44-52.

[11] I. Krupnova. Prevention of professional burnout in social workers. M.: MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 2019. 7 c. URL: https://psychlib.ru/resource/pdf/studwork/2019/KrupnovaIS_2019/KrupnovaIS_7.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

[12] Maslach K, Leiter M. P. Prevention and intervention in occupational burnout // Journal of Organizational Behavior. 2012. T. 33. S. 432.

[13] Osukhova N., Kozhevnikova V. Prevention of professional burnout // Psychological journal. 2015. № 4. S. 55-60.

[14] Shirokov V.A. et al. Prevention of burnout syndrome in occupational groups // Hygiene and sanitation. 2023. T. 102. № 11. S. 1-10. URL: https://journals.eco-vector.com/0016-9900/article/view/638295 (access date: 08.04.2026).

[15] Maslach C., Leiter M.P. A multidimensional Theory of Burnout // Theories of Organizational Stress / ed. C.L. Cooper. New York, 2000.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-419-425

КАТУНИНА Наталия Павловна,
Декан факультета физической культуры
ФГБОУ ВО, доктор биологических наук, доцент
Брянского государственного университета имени
академика И.Г. Петровского,
e-mail: mail@law-books.ru

КРЕСТНИКОВА Евгения Петровна,
Старший преподаватель кафедры физической
подготовки и спорта Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

АРТЁМОВ Антон Владимирович,
Преподаватель кафедры огневой и
тактико-специальной подготовки Брянского
филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

АБДУЛЛИН Салават Нурисламович,
Преподаватель кафедры физической подготовки
Казанского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРАНИЦЫ АДАПТАЦИИ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ВКЛАДА АНАЭРОБНЫХ И АЭРОБНЫХ СИСТЕМ В ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЕ МЫШЦ ПРИ ИНТЕНСИВНЫХ НАГРУЗКАХ

Аннотация. *Данная работа анализирует, как именно организм вырабатывает энергию во время предельных нагрузок, определены типы расчетов кислородного дефицита. В процессе поисковой работы авторами отобраны рецензируемые научные статьи, в которых рассматривались результаты исследований, проводившиеся как с мужчинами, так и с женщинами, а также работы со смешанным составом участников. При проведении анализа данных основное внимание уделялось, особенностям физических упражнений, методам оценки и относительному вкладу в энергетическую систему. Во время исследования использовалось не линейное регрессионное моделирование для оценки влияния анаэробных и аэробных нагрузок на различную продолжительность тренировки. В статье раскрывается сущность и организация комбинированных приемов воздействия оценки аэробного и анаэробного порога субмаксимальной мощности. Особое внимание сосредоточено на условиях детального достижения целей, способного изменить устаревавшие доводы. В соответствии с этим определена степень значимости проведенных сравнительных компетенций и их влияние на развитие организма в целом.*

Ключевые слова: *энергетическая потребность, физическая нагрузка, систематизация, расчет, потребление кислорода, работоспособность, пиковая нагрузка, анаэробная нагрузка, аэробная нагрузка.*

KATUNINA Natalia Pavlovna,
Dean of the Faculty of Physical Culture, FSBEI HE
Doctor of Biological Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician
I.G. Petrovsky

KRESTNIKOVA Evgenia Petrovna,
Senior Lecturer, Department of Physical Training and Sports, Stavropol Branch of Krasnodar University, Ministry of Internal Affairs of Russia

ARTYOMOV Anton Vladimirovich,
Teacher of the Department of Fire and Tactical Special Training Bryansk branch of the Oryol legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova

ABDULLIN Salavat Nurislamovich,
Lecturer, Department of Physical Training Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LIMITS OF ADAPTATION: A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE CONTRIBUTION OF ANAEROBIC AND AEROBIC SYSTEMS TO MUSCLE ENERGY SUPPLY UNDER INTENSE LOADS

Annotation. *This work analyzes how exactly the body produces energy during extreme loads, the types of calculations of oxygen deficiency are determined. In the process of search work, the authors selected peer-reviewed scientific articles that examined the results of studies conducted with both men and women, as well as work with a mixed composition of participants. Data analysis focused on exercise patterns, assessment methods, and relative contributions to the energy system. During the study, non-linear regression modeling was used to assess the effects of anaerobic and aerobic exercise on different exercise duration. The article discloses the essence and organization of combined techniques for assessing the aerobic and anaerobic threshold of submaximal power. Particular attention is focused on the conditions for the detailed achievement of goals that can change outdated arguments. In accordance with this, the degree of significance of the comparative competencies carried out and their impact on the development of the body as a whole was determined.*

Key words: *energy demand, physical activity, systematization, calculation, oxygen consumption, performance, peak load, anaerobic load, aerobic load.*

Способность генерировать энергию во время физических упражнений зависит от биоэнергетических путей в мышечных клетках. Эти пути включают фосфагенную, гликолитическую и окислительную системы фосфорилирования, которые работают сообща для ресинтеза аденозинтрифосфата (АТФ) и удовлетворения энергетических потребностей при физической нагрузке. Понимание относительного вклада этих систем во время максимальной физической нагрузки имеет теоретическое и практическое значение для оптимизации спортивных результатов и тренировок. Цель данного исследования – систематизировать обзор литературы об относительном вкладе анаэробных и аэробно-энергетических систем во время одиночных нагрузок различной продолжительности. Авторскому коллективу предстояло объединить данные, полученные на основе различных методологий, для обеспечения более точного понимания взаимодействия энергетических систем и использования, как теоретических знаний, так и практических применений в спортивных достижениях и тренировках. В связи, с чем был проведен систематизированный поиск по электронным базам данных. При проведении анализа данных основное внимание уделялось, особенностям физических упражнений, методам оценки и относительному вкладу в энергетическую систему. Во время исследования использовалось не линейное регрессионное моделирование для оценки влияния анаэробных и аэробных нагрузок на различную продолжительность тренировки [1].

В процессе рассмотрения данной темы, стояла задача более углубленно разобраться в молекулярном изменении мышечных тканей во время проведенных нагрузок. Для того чтобы мышцы могли сокращаться, им постоянно нужна энергия. Главный источник этой энергии — молекула АТФ. Проблема в том, что запасы АТФ в клетках очень малы, а расходуются они мгновенно. Поэтому организм приспособился «проектировать» восстанавливать эти запасы, используя три разных

энергетических механизма. Ученые выделяют три основных пути получения энергии: фосфагенный, гликолитический и окислительный.

Первые два работают без участия кислорода — это так называемый анаэробный обмен. Он запускается, когда мы даем организму интенсивную, мощную нагрузку, например, спринтерский забег или работа с отягощением. В этом случае энергия берется из расщепления креатинфосфата и запасов гликогена в мышцах. Если же нагрузка совершается продолжительное время, организм переключается на аэробный путь (окислительное фосфорилирование). Здесь уже активно задействуется кислород. Переломным моментом является, когда анаэробные системы начинают уступать место аэробным, этот период наступает примерно через 75–80 секунд после начала интенсивной работы. Важно понимать, что эти системы не работают по отдельности, а постоянно взаимодействуют. Однако определить, какая именно доля энергии пришлась на анаэробный процесс во время полноценной тренировки, до сих пор остается непростой задачей для спортивной физиологии. Это требует сложных расчетов, так как в работу включаются почти все группы мышц одновременно [2].

Каждый подход включает в себя методологические вариации, которые приводят к несоответствиям в сообщаемых значениях. Во время упражнений высокой интенсивности поглощение кислорода значительно увеличивается, внося существенный аэробный вклад даже при кратковременных максимальных усилиях. Ускоренная кислородная кинетика может повысить скоростную выносливость, замедлить утомление и повысить производительность, особенно если она поддерживается эффективными стратегиями стимуляции.

Спортсмены, тренеры и практикующие специалисты могут оптимизировать производительность, адаптируя интенсивность тренировок, регулируя соотношение работы и отдыха выбирая стратегии стимуляции к конкретным требованиям энергетической системы на их упорядочивание. Спрогнозированные высокоинтенсивные тренировки могут улучшить как анаэробные, так и аэробные показатели, поддерживая работоспособность в широком спектре видов спорта [3]. Аэробная тренировка строится в диапазоне от скорости анаэробного порога мощности или скорости максимального потребления кислорода (МПК). Рассмотрим этот диапазон на простом примере, допустим, идет выполнение непрерывной работы на велотренажере или может быть это обычный бег по дистанции с какой-то равномерной скоростью, далее происходит ускорение, организм начинает ощущать усталость, быстрее уставать появляется одышка, и другие субъективные ощущения. Это является началом диапазона нагрузки, где длительные равномерные тренировки уже переходят в фазу интенсивности, каждый такой рывок постепенно увеличивает скорость утомления, следствием чего происходит физиологический отказ в продолжение работы. На данном этапе фиксируется, максимальное потребление кислорода, называют это состояние максимальной аэробной мощностью, когда наблюдается высокое или около максимальное значение ЧСС. Такой диапазон тренировочной нагрузки рекомендован в спринтерской интервальной тренировке.

Для восстановления АТФ (главного источника энергии в клетках) организм использует три энергетические системы. Анаэробные пути позволяют мышцам работать на предельной мощности, но очень недолго. Их ресурс быстро расходуется из-за того, что запасы фосфокреатина и гликогена заканчиваются, а в мышцах накапливаются продукты распада, повышающие кислотность среды. Совсем иначе работает аэробная система. Она использует кислород для расщепления жиров и углеводов в митохондриях. Этот процесс не такой быстрый, как анаэробный, зато он позволяет поддерживать работоспособность организма в течение долгого времени. Главный ограничитель здесь — возможности сердца, сосудов и легких по доставке кислорода к мышцам. Важно понимать, что в организме нет «переключателя», который включает только одну систему. Все три пути энергообеспечения работают одновременно и дополняют друг друга, чтобы покрыть потребности организма при любой нагрузке. Даже если человек делает всего несколько движений, задействованы все системы, где одна из них берет на себя основную нагрузку в зависимости от интенсивности и длительности упражнения[4].

Из-за этого деление видов спорта на «аэробные» и «анаэробные» считается довольно условным. Оно скорее описывает характер нагрузки, чем реальные физиологические процессы. Поэтому при оценке физической формы спортсмена важно смотреть не на общую категорию вида спорта, а на то, как именно системы энергообеспечения работают при конкретной длительности нагрузки (например, при 10-секундном спринте или длительном марафоне).

Традиционные параметры, такие как пиковые значения мощности, до наступления утомления или суммарный объем выполненной работы, безусловно, важны для оценки функционального состояния атлета. Однако они не позволяют с высокой точностью рассчитать реальные энергозатраты организма. По этой причине использование данных показателей в качестве эквивалентов энергетических систем (например, для оценки анаэробной или алактической работоспособно-

сти) зачастую является методологически неверным и может привести к искаженным выводам [5]. Для анализа того, как именно организм вырабатывает энергию во время предельных нагрузок, физиологи часто прибегают к расчету кислородного дефицита. Суть метода проста: сначала спортсмен выполняет несколько упражнений с умеренной интенсивностью. В это время замеряют, какое количество кислорода потребляет организм. Это позволяет вывести четкую закономерность: как именно растет потребности в кислороде при увеличении нагрузки.

Затем эту закономерность переносят на сверхвысокие нагрузки, с которыми организм уже не справляется только за счет дыхания. Таким образом, определяется «теоретическая потребность» — объем кислорода, который был бы нужен, если бы аэробная система могла работать без ограничений. Разница между этим теоретическим числом и тем, сколько кислорода человек реально потребляет, и есть кислородный дефицит. Этот показатель наглядно показывает, какая доля энергии была получена за счет «быстрых» анаэробных процессов, а какая — за счет дыхания. Помимо этого метода, существуют, и другие способы способные оценить работу энергетических систем:

Биохимический анализ: это когда осуществляется забор, крови или мышечной ткани до и после нагрузки, чтобы посмотреть, как изменился уровень АТФ, креатинфосфата, лактата и других продуктов обмена.

Математическое моделирование: расчеты строятся на базе уже существующих научных данных и формул.

Анализ EPOC: измерение того, как долго и интенсивно организм потребляет кислород уже после завершения тренировки (так называемый «кислородный долг»), чтобы восстановить потраченные ресурсы.

В спортивной науке принято считать, что анаэробная энергия вырабатывается двумя путями: через фосфагенную систему (АТФ-ПЦр) и гликолиз. Однако на практике точно измерить, сколько именно энергии тратит организм при работе всех мышц сразу, крайне сложно. Прямые методы, которые хорошо работают при изучении отдельных мышц, не подходят для полноценных тренировок. А брать биопсию или делать сложные анализы крови прямо во время соревнований невозможно. Поэтому идеального способа оценки анаэробного вклада до сих пор не существует — все текущие методы лишь косвенные и опираются на определенные допущения [6].

Тема нашего исследования логически затрагивает еще один очень важный вопрос о том, как именно распределяется энергия в организме при предельных физических нагрузках, что вызывает споры в научной среде. Результаты исследований часто противоречат друг другу, что объясняется использованием разных методик, неодинаковыми условиями проведения тестов и индивидуальными различиями между спортсменами. Хотя основные принципы работы энергетических систем были описаны еще 25 лет назад, сегодня эти данные нуждаются в пересмотре с учетом современных технологий и накопленной статистики. Требуется провести сравнительную работу и систематизировать актуальные научные публикации уточнить, какую роль играют аэробные и анаэробные процессы при выполнении упражнений на пределе возможностей, в зависимости от их длительности [7].

В процессе изучения данного вопроса авторский коллектив попытался собрать и проанализировать все доступные данные о том, как именно работают аэробная и анаэробная системы организма во время предельных физических нагрузок. Чтобы ничего не упустить, мы провели масштабный поиск по семи научным базам данных. Мы охватили период с 1984 года по начало 2025 года. Для максимальной продуктивности мы объединили наши усилия с коллективом специализирующемся на спортивной медицине, составили список ключевых слов, касающихся взаимодействия энергетических систем. Полный перечень поисковых запросов для каждой базы данных можно найти в оформленной таблице. Помимо официальных научных публикаций, мы искали информацию в «неофициальной» литературе через Google. Также мы изучили список литературы из уже существующих обзорных статей по этой теме, чтобы не пропустить важные первоисточники. Все найденные материалы мы загрузили в программу, где автоматически удалили все повторы. Далее учли названия и краткие описания (аннотации) каждой работы, чтобы понять, подходят ли они нам для детального анализа. В процессе поисковой работы были отобраны рецензируемые научные статьи, в которых рассматривались результаты исследований, проводившиеся как с мужчинами, так и с женщинами, а также работы со смешанным составом участников. Кроме того, из выборки были исключены исследования, сфокусированные на взаимодействии энергетических систем в специфических условиях: при выполнении интервальных упражнений, в командных дисциплинах с частыми паузами или при нагрузках субмаксимальной интенсивности.

Анализируя данные, было принято решение систематизировать данные по нескольким ключевым критериям: демографические характеристики и уровень подготовки участников, размер выборки, а также параметры экспериментальных нагрузок. Особое внимание уделялось деталям тренировочного процесса — режиму, интенсив-

ности, темпу и длительности занятий. Также фиксировались методы оценки и количественные показатели вклада аэробного и анаэробного компонентов в энергообеспечение организма [8].

Поиск по профильным электронным базам данных позволил выявить около двух тысяч публикаций. Еще 90 источников были обнаружены при изучении списков цитирования, что в сумме составило 3000 работ. После удаления дубликатов мы провели первичный отбор, проанализировав названия и аннотации статей. Из этого массива 20 отчетов не удалось найти в полном доступе, 254 работы были исключены после детального изучения текста. С учетом исследований, которые были перенесены из нашего предыдущего обзора, итоговое количество публикаций, вошедших в данный анализ, составило 2750 единиц.

В рамках данного обзора все проанализированные научные работы были систематизированы по принципу оценки энергетического вклада. Мы выделили три ключевых подхода, которые применялись авторами для определения источников энергии:

Метод кислородного дефицита: базируется на расчете разницы между суммарной потребностью в энергии и фактическим уровнем потребления кислорода.

Комбинированные (смешанные) методы: включают прямые измерения концентрации метаболитов в мышечных волокнах и кровотоке, а также оценку быстрого компонента EPOC (избыточного потребления кислорода после завершения нагрузки).

Теоретическое моделирование: основано на математических расчетах, использующих литературные данные.

Расчет аэробного вклада в энергообеспечение является общепринятой практикой, основанной на прямой корреляции между легочным газообменом и синтезом АТФ. В представленных исследованиях для оценки энергозатрат применялся анализ выдыхаемого воздуха с учетом респираторного коэффициента, что позволяет дифференцировать окисление жиров и углеводов. Поскольку при выполнении упражнений максимальной интенсивности основным источником энергии выступают углеводы, большинство исследователей использовали энергетический эквивалент кислорода, равный 20,9 кДж/л O2 (в отдельных работах применялись значения 21,0 или 21,1 кДж/л).

Оценка анаэробной составляющей сопряжена с большими трудностями, так как общепринятая методика отсутствует, и ученые опираются на косвенные показатели. Тем не менее, под анаэробной емкостью в данном контексте понимается максимальный объем АТФ, ресинтезируемый без участия кислорода в ходе предельно интенсивной нагрузки.

Стоит подчеркнуть, что для полной реализации анаэробного потенциала требуется работа высокой интенсивности продолжительностью от 2 до 3 минут. Несмотря на то, что часть протоколов в рассматриваемых исследованиях была короче этого временного интервала, интенсивность нагрузки позволяла достичь пиковых значений энерговыделения. Это дает нам основания считать, что полученные данные об относительном вкладе энергетических систем являются достоверными и пригодными для анализа.

Для комплексного анализа метаболизма при предельных нагрузках часто применяются «смешанные методы». В их основе лежит трехкомпонентная модель оценивания, которая делит анаэробную энергию на фосфагенную и гликолитическую составляющие. Несмотря на то, что в старых публикациях часто встречаются термины «алактический» и «лактатный», современная физиология отдает предпочтение более строгим определениям. Оценка вклада этих систем может быть как прямой, так и косвенной, а итоговые данные выражаются либо в энергетических единицах (кДж), либо в эквивалентах кислорода.

В заключении можно с уверенностью сказать методы представляющие оценку «кислородного долга», а также расчеты, основанные на физиологических запасах в мышцах, позволяют достаточно точно оценить роль фосфагенной системы в энергообеспечении. Выбор конкретной методики обычно продиктован техническими возможностями лаборатории и спецификой выполняемого упражнения. Несмотря на различия в математических моделях, оба подхода остаются фундаментальными инструментами для понимания механизмов энергопродукции в спорте высоких достижений.

Понимание взаимодействия между энергетическими системами и их вклада в общее энергоснабжение во время максимальной физической нагрузки по-прежнему имеет важные практические последствия, выходящие за рамки наших теоретических знаний. Представленные здесь данные подтверждают концепцию ограниченной анаэробной способности, которая ограничивает нашу способность тренироваться со сверх максимальной интенсивности в течение определенного периода времени. Чем больше продолжительность, тем ниже средняя интенсивность на протяжении всего упражнения и тем меньше вклад анаэробной энергетической системы в общее поступление энергии.

Анализ исследований позволил нам лучше понять динамическое взаимодействие между этими системами при различной продолжительности тренировки. Наши результаты подчеркивают, что продолжительность физических упражнений

влияет на все энергетические системы, хотя обобщенные данные следует интерпретировать с осторожностью из-за различий в протоколах физических упражнений и методах измерения в разных исследованиях. Более точные или новые подходы к проблеме могут дать дальнейшее представление об относительном вкладе фосфагенной, гликолитической и окислительной энергетических систем в достижение максимальной физической нагрузки в будущем.

Список литературы:

[1] Бортникова, С. А. Организационно-педагогические условия повышения эффективности оздоровительной работы с населением по месту жительства на базе муниципального физкультурно-спортивного центра / С. А. Бортникова // Эффективный ответ на современные вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий: социально-экономические и экологические проблемы лесного комплекса : материалы XIII Международной научно-технической конференции, Екатеринбург, 02–04 февраля 2021 года. – Екатеринбург: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Уральский государственный лесотехнический университет", 2021. – С. 585-590.

[2] Гайдаш, А. И. Человек спортивный в современном обществе / А. И. Гайдаш // Культура физическая и здоровье современной молодежи : Материалы II Международной научно-практической конференции, Воронеж, 25 сентября 2019 года / Редколлегия: Е.В. Богачева [и др.]. Под редакцией А.И. Бугакова, С.А. Бортниковой. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – С. 3-6.

[3] Гайдаш, А. И. Физические упражнения с собственным весом их значимость и плодотворное влияние на организм в целом / А. И. Гайдаш // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества : Сборник научных трудов по материалам региональной научно-практической конференции, Ставрополь, 23 марта 2018 года / Под редакцией А.В. Власова, Л.Г. Устиновой, В.В. Евдошенко. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "СЕКВОЙЯ", 2018. – С. 112-115.

[4] Гайдаш, А. И. Сочетание аэробной и анаэробной нагрузки во время занятий по физической культуре в образовательных организациях МВД России / А. И. Гайдаш, Е. В. Кувалдина // Здоровый образ жизни человека - национальная проблема современного общества : Электронный сборник материалов VII национальной научно-практической конференции студентов и преподавателей, Невинномысск, 25 апреля 2018 года. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2018. – С. 189-194.

[5] Гайдаш, А. И. Спортивное питание и спорт плюсы и минусы / А. И. Гайдаш // Научно-методические проблемы профессиональной и служебной подготовки в органах внутренних дел России : электронный сборник материалов всероссийской научно-практической конференции : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", Ставропольский филиал, 2017. – С. 155-159.

[6] Гайдаш, А. И. Физические упражнения с собственным весом их значимость и плодотворное влияние на организм в целом / А. И. Гайдаш // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества : Сборник научных трудов по материалам региональной научно-практической конференции, Ставрополь, 23 марта 2018 года / Под редакцией А.В. Власова, Л.Г. Устиновой, В.В. Евдошенко. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "СЕКВОЙЯ", 2018. – С. 112-115.

[7] Положительно-направленная физическая активность, как индивидуальный путь к здоровью и благополучию / А. И. Гайдаш, Д. В. Ошурков, Д. В. Ефимов, С. С. Сергеев // Право и управление. – 2025. – № 4. – С. 345-348.

[8] Гайдаш, А. И. Продолжительный бег и его положительное воздействие на организм человека / А. И. Гайдаш // Физическая культура и спорт. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 9-13.

References:

[1] Bortnikova, S. A. Organizational and pedagogical conditions for increasing the efficiency of health work with the population at the place of residence on the basis of the municipal physical culture and sports center/S. A. Bortnikova // Effective response to modern challenges, taking into account the interaction of man and nature, man and technology: socio-economic and environmental problems of the forestry complex: materials of the XIII International Scientific and Technical Conference, Yekaterinburg, 02-04 February 2021. - Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Forestry University," 2021. - S. 585-590.

[2] Gaidash, A.I. A sporty man in modern society/A.I. Gaidash // Physical culture and health of modern youth: Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Voronezh, September 25, 2019/Editorial Board: E.V. Bogacheva [and others]. Edited by A.I. Bugakov, S.A. Bortnikova. - Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2019. - S. 3-6.

[3] Gaidash, A.I. Physical exercises with own weight, their significance and fruitful influence on

the body as a whole/A.I. Gaidash // Humanitarian and legal aspects of the development of Russian society: Collection of scientific works based on the materials of a regional scientific and practical conference, Stavropol, March 23, 2018/Edited by A.V. Vlasov, L.G. Ustinova, V.V. Evdoshenko. - Stavropol: SEQUOIA Limited Liability Company, 2018. - S. 112-115.

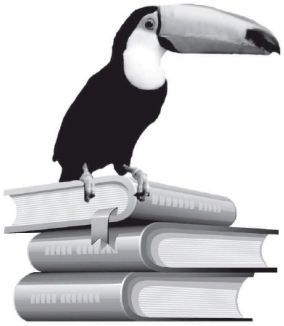
[4] Gaidash, A.I. Combination of aerobic and anaerobic load during physical education classes in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia/A.I. Gaidash, E.V. Kuvaldina // Healthy human lifestyle - a national problem of modern society: Electronic collection of materials of the VII National Scientific and Practical Conference of Students and Teachers, Nevinnomyssk, April 25, 2018. - Nevinnomyssk: Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, 2018. - S. 189-194.

[5] Gaidash, A. I. Sports nutrition and sports pros and cons/A. I. Gaidash // Scientific and methodological problems of professional and official training in the internal affairs bodies of Russia: electronic collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference: Federal State State Educational Institution of Higher Professional Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation," Stavropol branch, 2017. - S. 155-159.

[6] Gaidash, A.I. Physical exercises with own weight, their significance and fruitful influence on the body as a whole/A.I. Gaidash // Humanitarian and legal aspects of the development of Russian society: Collection of scientific works based on the materials of a regional scientific and practical conference, Stavropol, March 23, 2018/Edited by A.V. Vlasov, L.G. Ustinova, V.V. Evdoshenko. - Stavropol: SEQUOIA Limited Liability Company, 2018. - S. 112-115.

[7] Positive physical activity as an individual path to health and well-being/A. I. Gaidash, D. V. Oshurkov, D. V. Efimov, S. S. Sergeev // Law and management. – 2025. – № 4. - S. 345-348.

[8] Gaidash, A.I. Long running and its positive effect on the human body/A.I. Gaidash // Physical culture and sports. – 2023. - T. 1, NO. 1. - S. 9-13.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-426-431

ШАЙХУТДИНОВА Зухра Захрутдиновна,
студентка специалитета по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Казанского филиала Российского государственного университета им. В. М. Лебедева,
e-mail: flyura.shaykhutdinova@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТРАНАХ СНГ: ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ, КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регулирующих отношения в сфере искусственного интеллекта на пространстве СНГ (Модельный закон СНГ, национальное законодательство). Исследование охватывает подходы к закреплению правовых основ в сфере ИИ, принципы правового регулирования, понятийный аппарат, классификацию ИИ. В результате исследования выявлены как общие подходы, обусловленные единым модельным ориентиром, так и существенные. Сделан вывод о необходимости дальнейшей гармонизации законодательства стран СНГ в сфере ИИ на основе совместных исследований и унификации ключевых понятий и принципов.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, ИИ, СНГ, модельный закон, сравнительно-правовой анализ, риск-ориентированный подход, понятие ИИ, классификация ИИ, принципы регулирования.*

SHAYKHUTDINOVA Zukhra Zakhrutdinovna,
specialist student majoring in 40.05.04 Judicial and Prosecutor's Practice at the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the Kazan Branch of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CERTAIN ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE REGULATION IN THE CIS COUNTRIES: LEGAL REGULATORS, KEY CONCEPTS, CLASSIFICATIONS

Annotation. *This article provides a comparative legal analysis of regulations governing artificial intelligence in the CIS (the CIS Model Law and national legislation). The study covers approaches to establishing legal foundations in AI, principles of legal regulation, conceptual frameworks, and classifications of AI. The study identified both common approaches, driven by a single model, and significant ones. It concludes that further harmonization of CIS countries' AI legislation is necessary through joint research and the unification of key concepts and principles.*

Key words: *Artificial intelligence, AI, CIS, model law, comparative legal analysis, risk-based approach, concept of AI, classification of AI, regulatory principles.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед законодателями всех стран мира задачу создания адекватного правового регулирования, способного одновременно стимулировать инновации и обеспечивать безопасность личности, общества и государства [1; 2; 3; 4; 5].

Указанная задача решается и на пространстве Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). За последние два года сформировался пул таких документов: Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» [11] (далее – Модельный закон СНГ), Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» [12] (далее – Закон Казахстана), Цифровой кодекс Кыргызской Республики [13] (далее – Цифровой кодекс Кыргызстана); внесены точечные поправки в целях регулирования ИИ в законодательство Узбекистана [14]; в России презентован законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [15]; в Армении прошли парламентские чтения изменений в действующее законодательство Армении в целях легализации ИИ [16], кроме того, ею была подписана Рамочную конвенцию Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права [17]. Активно обсуждается разработка специального законодательства в сфере ИИ в Беларуси [18] и Таджикистане [19], при этом отдельные шаги в регулировании этой сферы уже предприняты.

С учетом изложенного представляется необходимым проведение сравнительно-правового исследования правовых основ ИИ государств – участников СНГ с целью оценки перспектив формирования общего правового поля в этой области на постсоветском пространстве. Модельный закон СНГ, на который возлагается функция концептуального ориентира, только задает базовые принципы и подходы, которые в той или иной мере могут быть восприняты национальными законодателями. Вместе с тем он носит рекомендательный характер, и рамочность его определений оставляет значительный простор для национальной конкретизации.

С учетом масштабности и сложности правовой базы в сфере ИИ в рамках настоящей работы будет уделено вниманию рассмотрению ее отдельных аспектов.

1. Источники правового регулирования ИИ. Описание законодательства, приведенное выше, демонстрирует, что государства – участники СНГ определили разные источники для закрепление соответствующих правовых норм. Отдельные законы предпочли Казахстан и Россия. На это же нацелены Беларусь и Таджикистан. В Кыргызстане нормы об ИИ вошли в кодифицированный акт, регулирующий отношений в цифровой сфере, который также можно считать специальным законом с учетом масштабных поправок, внесенных в Цифровой кодекс Кыргызстана в целях урегулирования ИИ. Такой подход представляется предпочтительным, поскольку позволяет обеспечить комплексный подход к правовому регулированию: сформировать понятийный аппарат, закрепить принципы, обозначить круг субъектов правоотношений, закрепить их права и обязанности, установить виды и формы ответственности, др. Узбекистан и Армения предпочли «рассредоточить» нормы по правовыми актами, что безусловно отразится на системности и полноте правовой основы ИИ. Последнее государство выбрало в качестве правового ориентира европейский международный договор, обозначив направление отраслевой интеграции.

2. Важный аспект правового регулирования – базовые принципы. Принципы формируют установки, в рамках которых формируются и развиваются законодательство и правоприменительная практика. Этим предопределяется их важность. Закрепление принципов свидетельствует о фундаментальности законодательства, его ценностно-ориентированном характере.

В Модельном законе СНГ сформулированы общие принципы правового регулирования отношений в сфере технологий ИИ, среди которых: антропоцентричность (приоритет прав и свобод человека); техническая надежность и безопасность; устойчивость; предосторожность (предусмотрительность); прозрачность функционирования технологий ИИ; контроль за функционированием; защита персональных данных (ст. 10-19). Важнейший принцип, предусмотренный Модельным законом СНГ – принцип абсолютной и солидарной ответственности – действует по умолчанию: если иное не предусмотрено национальным законодательством. Точно также действует и «дополняющий» принцип страхования ответственности при высокорисковой деятельности.

Также в Модельном законе СНГ указано, что в национальном законодательстве могут быть сформулированы специальные принципы с учетом степени риска отдельных технологий ИИ (п. 3 ст. 20).

Принципы нашли закрепление о специальном отраслевом национальном законодательстве:

в Законе Казахстана – это принципы законности, справедливости и равенства, прозрачности и объяснимости, ответственности и подконтрольности, приоритета благополучия человека, свободы воли в принятии им решений, защиты данных и конфиденциальности, безопасности и защищенности (ст. ст. 4-11);

в Цифровом кодексе Кыргызстана закреп-

лены принципы проектирования, разработки и применения систем искусственного интеллекта (снижения рисков, открытости, объяснимости, подконтрольности, точности, надежности, безопасности) (ст. 191). Это – в риторике Кодекса – отраслевые принципы, которые применяются вместе с принципами регулирования цифровой сферы, которые подразделяются на общеправовые (справедливости, определенности, участия) и организационные (технологической нейтральности, контентной нейтральности, устойчивости, открытости, подотчетности) (ст. 4). Таким образом, продемонстрирован системный подход к правовому регулированию в сфере цифровизации, в том числе – через формирование общих принципов права;

в российском законопроекте предусмотрены общие принципы регулирования отношений в сфере применения технологий искусственного интеллекта (верховенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, уважения автономии и свободы воли человека, риск-ориентированного подхода к регулированию применения искусственного интеллекта, обеспечения благоприятных условий для развития технологий искусственного интеллекта, технологической независимости, учета и уважения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, безопасности) (ст. 4).

Следует заметить, что принципы права, перечисленные в национальном законодательстве Казахстана и России, являются общими (основными, базовыми), а не специальными.

Важно, что в перечисленные принципы права, регулирующие ИИ, «зашита» одна и та же основная идея: защита человека, обеспечение его интересов, контроль со стороны государства за ИИ с целью предупреждения и предотвращения возможных рисков и угроз. Она же звучит, например, и в законодательстве Узбекистане без указания на ее статус принципа права [20].

Между тем формулировки – как самих принципов, так и их содержания – отличаются значительным разнообразием. С учетом важности этого правового регулятора представляется необходимым провести специальное исследование с целью выработки общих подходов к формулированию принципов в сфере ИИ. Как представляется, это возможно. Однако предшествовать этому должно формирование общих подходов к сущности ИИ.

3. Понятийный аппарат. Формирование базовых понятий требует понимания сущности ИИ как объективного феномена. Изучение категориального аппарата показывает, что четкое и единообразное понимание не сложилось.

Единообразное определение ИИ приводится в Модельном законе СНГ, российском законопроекте, Законе Узбекистана «Об информатизации»: под ИИ поднимается комплекс технологических решений, образуемый оборудованием и компьютерными программами с имитацией когнитивных функций человека. При этом в Законе Казахстана под ИИ понимается «функциональная способность к имитации когнитивных функций … человека» без указания кому или чему эта функция присуща.

Цифровой кодекс Кыргызстана вообще понятие собственно ИИ не формулирует, используя только понятие «системы искусственного интеллекта», под которой понимает «цифровую технологическую систему» (ст. 1), при этом отсылка к когнитивным способностям человека отсутствует.

Термин «система ИИ» предусматривается и в российском законопроекте, но в иной интерпретации: под ней понимается информационная система, использующая ИИ. Еще одно отличительное определение системы ИИ приводится в Законе Казахстана: под системой ИИ понимается объект информатизации, функционирующий на основе одной или нескольких модели ИИ.

Наряду с термином «система ИИ» используется понятие «технологии ИИ»: в Модельном законе СНГ это соответствующе технологии; по российскому законопроекту – компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи и др. В другом законодательстве определение этого термина не приводится.

Широко используется термин «модель ИИ» (Модельный закон СНГ, российский законопроект, Закон Казахстана). При этом в части этого термина подходы единообразны: под моделью ИИ понимается компьютерная программа.

Используются и другие понятия: в российском законопроекте предусмотрен «сервиса ИИ», то есть решение для ЭВМ, обеспечивающее пользователям доступ к ИИ; в Законе Казахстана вводятся понятия «результаты деятельности системы искусственного интеллекта» (информация, решение, действие, работа или услуга), «синтетические результаты деятельности системы искусственного интеллекта» (изображение, видео, аудио, текст или их комбинация, имитирующие внешность, голос, поведение человека или событие, которого не было).

Представляется, что подобное разнообразие в описании ИИ через понятийную систему является следствием отсутствия четкого понимания его сущности, в том числе, технологической специфики. Надо сказать, что эти же сложности возникают во многих случаях правового регулирования технологических явлений.

4. Классификация ИИ. В условиях многообразия технологий ИИ представляется важным их классифицировать с тем, чтобы выстраивать правовое регулирование с учетом их особенностей.

В рассматриваемом законодательстве это выполнено. При этом в основе классификации технологий (систем, моделей) ИИ лежит риск-ориентированный подход, что представляется принципиально важным. С учетом уровня риска, скрытого в той или иной разновидности ИИ, должны различаться и правила регулирования.

Так, Модельный закон СНГ в зависимости от уровня риска выделяет пять категорий технологий ИИ: запрещенные; высокорисковые; с ограниченным риском; со специальными требованиями к прозрачности; с малым или минимальным риском (ст. 21).

В Законе Казахстана по степени риска системы делятся на три вида – минимальной, средней и высокой степени риска. При этом закрепляются еще классификации по степени автономности (низкой, средней и высокой автономности) и режиму использования (открытые, закрытые, локальные) (ст. 17).

Цифровой кодекс Кыргызстана отдельно выделяет системы ИИ повышенной опасности (п. 64 ст. 1, ст. 194 и др.).

Российский проект вводит особую категорию «доверенных моделей искусственного интеллекта», которые допускаются к применению в государственных информационных системах и на значимых объектах критической информационной инфраструктуры (п. 13 ст. 3, ст. 8). Также выделяются «большие фундаментальные модели» – в зависимости от «масштаба» модели ИИ (функциональности, производительности) (п. 12 ст. 3), которые, отталкиваясь от «происхождения», подразделяются на суверенные и национальные исходя (ст. 7).

Таким образом, прослеживается общая тенденция классификации ИИ в зависимости от рисков, связанных с ее использованием. Такой подход представляется взвешенным, поскольку с учетом потенциальной «опасности» ИИ должно выстраиваться правовое регулирование – от «мягкого», разрешительного, до «жесткого», основанного на запретах, при котором отдельные технологии ИИ выводятся за пределы правового поля. Вместе с тем очевидны существенные отличия при классификации ИИ в национальном законодательстве отдельных государств. Это является следствием отсутствия единства взглядов на существующие риски, связанные с использованием и функционированием ИИ.

Изложенное свидетельствует о необходимости проведения комплексного и системного сравнительно-правового исследования правовых основ ИИ государств – участников СНГ с целью оценки перспектив формирования общего правового поля в этой области на постсоветском пространстве. При этом помимо рассмотренных аспектов важно затронуть такие важнейшие вопросы как круг участников правоотношений в сфере ИИ, их правовой статус, государственная инфраструктура, обеспечивающая управление и контроль в сфере ИИ, и др.

В целом следует сказать, что пока сделаны только первые шаги в формировании специального законодательства, регулирующего ИИ. Дальнейшее его развитие будет продолжено, в том числе, с учетом критического осмысления правового регулирования учеными-исследователями разных государств-участников СНГ, которые уже ведут эту работу [6; 7; 8; 9; 10]. Представляется, что большую пользу принесут совместные исследования, которые обеспечат гармонизацию законодательства в сфере ИИ на пространстве СНГ.

Список литературы:

[1] Асадуллина А.В., Белоусов В.С. Регулирование технологий искусственного интеллекта на территории Европейского Союза // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 8. С. 20-35.

[2] Аристов Е.В., Беликова К.М. Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в странах БРИКС (на примере Индии) // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2022. № 2. С. 238-250.

[3] Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 1. С. 46-73.

[4] Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.М., Михалевич Е.А. Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае // Современная Европа. 2024. № 6 (127). С. 156-167.

[5] Алферова Е.В., Скурко Е.В. Нормативные подходы Европейского союза и Соединенных Штатов Америки к регулированию искусственного интеллекта: сравнительные аспекты // АПЕ. 2025. № 2 (126). С. 161-183.

[6] Ёкубов Ш. Успевает ли правовая система Республики Узбекистан за искусственным интеллектом? // Общество и инновации. 2025. № 12/S. С. 202-210.

[7] Турецкий Н.Н. О Законе Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2025. № 4. С. 398-408.

[8] Бегишев И.Р., Томашевский К.Л. Новые исследования правового регулирования искусственного интеллекта и цифровизации сферы труда в России и Беларуси (2021–2025 гг.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. № 3. С. 42-53.

[9] Чиквин А.Б. Сравнительно-правовой анализ проектов информационных и цифровых кодексов стран СНГ // Гуманитарные, социально-

экономические и общественные науки. 2025. № 6. С. 214-221.

[10] Пащенко И.Ю. Законопроект об искусственном интеллекте: перспективы принятия и концептуальные проблемы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2026. № 1. С. 28-37.

[11] Постановление МПА СНГ от 18.04.2025 № 58 8 «О модельном законе “О технологиях искусственного интеллекта”». – URL: https://eccis.org/document/7183 (дата обращения: 01.07.2026).

[12] Закон Республики Казахстан от 17.11.2025 № 230 VIII «Об искусственном интеллекте». – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=34207749 (дата обращения: 01.07.2026).

[13] Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31.07.2025 № 178. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/230029914/edition/35412/ru (дата обращения: 01.07.2026).

[14] Закон Республики Узбекистан от 21 января 2026 г. № ЗРУ-1115 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих при применении искусственного интеллекта» : [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан : [сайт]. – URL: https://lex.uz/ru/docs/8011377 (дата обращения: 01.07.2026).

[15] Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424 (дата обращения: 01.07.2026).

[16] Использование ИИ в Армении ограничат: В парламенте Армении обсуждается новый проект закона. – URL: https://news.am/ru/news/941796 (дата обращения: 01.07.2026).

[17] Подписание Конвенции о защите прав человека в сфере использования искусственного интеллекта. – URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2026/01/27/Mirzoyan_convention/13747 (дата обращения: 01.07.2026).

[18] В Беларуси готовят закон об искусственном интеллекте и предупреждают об ответственности за фейки. – URL: https://belarusnews.by/other/v-belarusi-gotovyat-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-i-preduprezhdayut-ob-otvetstvennosti-za-fejki (дата обращения: 01.07.2026).

[19] Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года : п. 47. – URL: https://egov.tj/site/innovation/documents/details/545?lang=ru (дата обращения: 01.07.2026).

[20] Закон Республики Узбекистан от 11 декабря 2003 г. № 560-II «Об информатизации» : ст. 71 (в ред. Закона от 21 января 2026 г. № ЗРУ-1115). – URL: https://lex.uz/ru/docs/82956 (дата обращения: 15.07.2026) (далее - Закон Узбекистана «Об информатизации»).

References:

[1] Asadullina A.V., Belousov V.S. Regulation of artificial intelligence technologies in the European Union // Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. № 8. S. 20-35.

[2] Aristov E.V., Belikova K.M. Constitutional and legal dimension of artificial intelligence in the BRICS countries (on the example of India) // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2022. № 2. S. 238-250.

[3] Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: the experience of China // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 1. S. 46-73.

[4] Bazarkina D.Yu., Pashentsev E.M., Mikhalevich E.A. Regulation of risks associated with malicious use of artificial intelligence in the USA, EU and China // Modern Europe. 2024. № 6 (127). S. 156-167.

[5] Alferova E.V., Skurko E.V. Regulatory approaches of the European Union and the United States of America to the regulation of artificial intelligence: comparative aspects // APE. 2025. № 2 (126). S. 161-183.

[6] Sh. Yokubov. Does the legal system of the Republic of Uzbekistan keep up with artificial intelligence ? // Society and innovation. 2025. № 12/ S. S. 202-210.

[7] Turkish N.N. On the Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence "// Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2025. № 4. S. 398-408.

[8] Begishev I.R., Tomashevsky K.L. New studies of the legal regulation of artificial intelligence and digitalization of the labor sphere in Russia and Belarus (2021-2025) // Uchen. zap. Kazan. University. Ser. Humanite. sciences. 2025. № 3. S. 42-53.

[9] Chikvin A.B. Comparative legal analysis of draft information and digital codes of the CIS countries // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2025. № 6. S. 214-221.

[10] Pashchenko I.Yu. Draft Law on Artificial Intelligence: Prospects for Adoption and Conceptual Problems // Legal Bulletin of Kuban State University. 2026. № 1. S. 28-37.

[11] Resolution of the IPA CIS dated 18.04.2025 No. 58 8 "On the Model Law "On Artificial Intelligence Technologies."" - URL: https://eccis.org/document/7183 (access date: 01.07.2026).

[12] Law of the Republic of Kazakhstan dated 17.11.2025 No. 230 VIII "On Artificial Intelligence." - URL: https://prg.kz/document/?doc_id=34207749 (access date: 01.07.2026).

[13] Digital Code of the Kyrgyz Republic of

31.07.2025 No. 178. - URL: https://cbd.minjust.gov.kg/230029914/edition/35412/ru (access date: 01.07.2026).

[14] Law of the Republic of Uzbekistan dated January 21, 2026 No. ZRU-1115 "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan in Connection with the Regulation of Relations Arising from the Use of Artificial Intelligence": [Electronic Resource] // National database of legislation of the Republic of Uzbekistan: [website]. - URL: https://lex.uz/ru/docs/8011377 (access date: 01.07.2026).

[15] Draft federal law "On the Basics of State Regulation of the Areas of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation." - URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424 (access date: 01.07.2026).

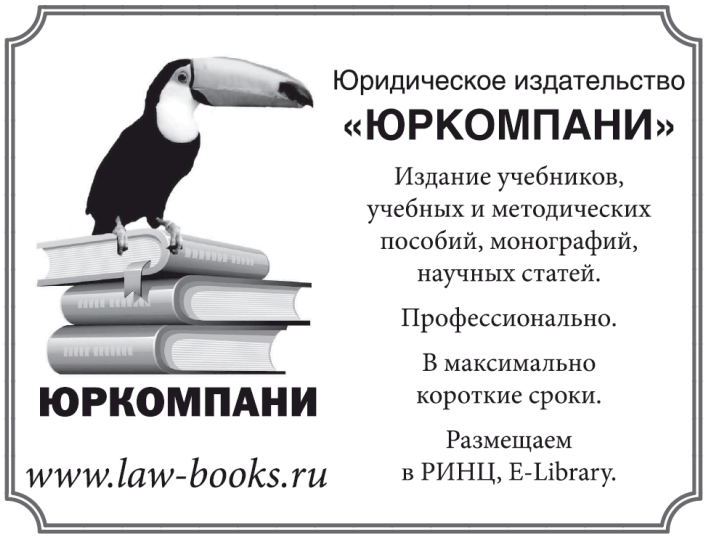
[16] The use of AI in Armenia will be limited: A new draft law is being discussed in the Armenian parliament. - URL: https://news.am/ru/news/941796 (access date: 01.07.2026).

[17] Signing the Convention for the Protection of Human Rights in the Field of Artificial Intelligence. - URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2026/01/27/Mirzoyan_convention/13747 (access date: 01.07.2026).

[18] Belarus is preparing a law on artificial intelligence and warns of responsibility for fakes. – URL: https://belarusnews.by/other/v-belarusi-gotovyat-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-i-preduprezhdayut-ob-otvetstvennosti-za-fejki (дата обращения: 01.07.2026).

[19] Strategy for the development of artificial intelligence in the Republic of Tajikistan for the period up to 2040: p. 47. – URL: https://egov.tj/site/innovation/documents/details/545?lang=ru (дата обращения: 01.07.2026).

[20] Law of the Republic of Uzbekistan dated December 11, 2003 No. 560-II "On Informatization": Art. 71 (as amended by the Law of January 21, 2026 No. ZRU-1115). - URL: https://lex.uz/ru/docs/82956 (date of reference: 15.07.2026) (hereinafter referred to as the Law of Uzbekistan "On Informatization").

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-432-439

АРСАМАКОВА Хадишат,
e-mail: arsamakova.h@odin.mgimo.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ: ДОПУСТИМОСТЬ ПЕРЕПИСКИ, ЦИФРОВЫХ ПОДПИСЕЙ И ДАННЫХ CRM

Аннотация. *В условиях цифровой трансформации экономики электронные доказательства становятся одним из ключевых средств доказывания при рассмотрении корпоративных споров. Расширение использования электронного документооборота, цифровых подписей, корпоративных информационных систем и электронных средств коммуникации обусловливает необходимость совершенствования правовых механизмов оценки их допустимости и достоверности в арбитражном процессе. Цель исследования заключается в комплексном анализе особенностей использования электронных доказательств в корпоративных спорах, выявлении критериев их допустимости и определении существующих проблем судебной практики. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы научного познания, а также анализ норм российского законодательства, материалов судебной практики и научных публикаций по исследуемой тематике. Проведенное исследование позволило систематизировать требования, предъявляемые к электронной переписке, документам, подписанным электронной подписью, и данным CRM-систем при их использовании в качестве доказательств. Выявлено, что признание электронных доказательств допустимыми зависит от возможности идентификации участников электронного взаимодействия, подтверждения их полномочий, обеспечения целостности цифровой информации и соблюдения процессуальных требований при представлении доказательств. Сделан вывод о необходимости дальнейшей унификации судебных подходов и совершенствования нормативно-правового регулирования использования электронных доказательств в корпоративных спорах, что позволит повысить эффективность защиты прав участников корпоративных отношений в условиях цифровизации.*

Ключевые слова: *электронные доказательства; корпоративные споры; арбитражный процесс; электронная подпись; электронная переписка; CRM-системы; цифровые доказательства; допустимость доказательств; судебная практика; цифровизация.*

ARSAMAKOVA Hadishat

ELECTRONIC EVIDENCE IN CORPORATE DISPUTES: THE PERMISSIBILITY OF CORRESPONDENCE, DIGITAL SIGNATURES, AND CRM DATA

Annotation. *In the context of the digital transformation of the economy, electronic evidence is becoming one of the key means of proving corporate disputes. The increasing use of electronic document management, digital signatures, corporate information systems and electronic means of communication necessitates the improvement of legal mechanisms for assessing their admissibility and reliability in the arbitration process. The purpose of the study is to comprehensively analyze the features of the use of electronic evidence in corporate disputes, identify criteria for their admissibility and identify existing problems of judicial practice. The methodological basis of the research was formed by formal legal, comparative legal and systematic methods of scientific knowledge, as well as an analysis of the norms of Russian legislation, materials of judicial practice and scientific publications on the subject under study. The conducted research made it possible to systematize the requirements for electronic correspondence, electronically signed documents, and CRM system data when used as evidence. It is revealed that the recognition of electronic evidence as acceptable depends on the possibility of identifying participants in electronic interaction, confirming their authority, ensuring the integrity of digital information and compliance with procedural requirements when presenting evidence. It is concluded that it is necessary to further unify judicial approaches and improve the legal regulation of the use of electronic*

evidence in corporate disputes, which will increase the effectiveness of protecting the rights of participants in corporate relations in the context of digitalization.

Key words: *electronic evidence; corporate disputes; arbitration; electronic signature; electronic correspondence; CRM systems; digital evidence; admissibility of evidence; judicial practice; digitalization.*

Введение. В условиях стремительной цифровизации бизнес процессов актуальность исследования вопросов допустимости электронных доказательств в корпоративных спорах приобретает принципиально новое значение. Трансформация экономической деятельности, обусловленная повсеместным внедрением цифровых технологий, неизбежно влечёт за собой изменение форм фиксации юридически значимых обстоятельств, поскольку традиционная бумажная документация всё активнее вытесняется электронными аналогами - перепиской в мессенджерах и электронной почте, документами с электронной подписью, данными CRM систем и иными цифровыми следами хозяйственной деятельности.

Проблема допустимости электронных доказательств имеет как теоретическое, так и прикладное измерение. С теоретической точки зрения, она затрагивает фундаментальные вопросы доказательственного права: как обеспечить баланс между необходимостью учёта современных технологических реалий и сохранением гарантий достоверности и аутентичности доказательств. С практической - напрямую влияет на эффективность защиты корпоративных прав, поскольку отсутствие чётких критериев допустимости нередко приводит к отклонению судом важных доказательств исключительно из за их электронной формы.

Материалы и методы. Материалами исследования выступили положения действующего российского законодательства, регулирующего использование электронных доказательств в арбитражном процессе и корпоративных спорах, включая нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федерального закона «Об электронной подписи», а также разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Эмпирическую основу исследования составили материалы судебной практики арбитражных судов различных округов Российской Федерации по делам, связанным с использованием электронной переписки, документов, подписанных электронной подписью, а также данных информационных систем и CRM-платформ в качестве доказательств.

Методологическая основа исследования сформирована совокупностью общенаучных и специальных юридических методов. Диалектический метод позволил рассмотреть развитие института электронных доказательств в условиях цифровизации хозяйственных отношений. Формально-юридический метод использовался при анализе действующего законодательства и определении правовой природы различных видов электронных доказательств. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении нормативных положений с подходами, сформировавшимися в судебной практике. Метод системного анализа позволил исследовать взаимосвязь процессуальных требований, технических особенностей электронного документооборота и практики их применения в корпоративных спорах. Кроме того, использовался метод анализа судебной практики, направленный на выявление устойчивых тенденций при оценке судами допустимости электронной переписки, цифровых подписей и данных CRM-систем.

Применение указанной совокупности методов обеспечило комплексный анализ проблем допустимости электронных доказательств, позволило выявить существующие пробелы правового регулирования и сформулировать предложения, направленные на совершенствование практики использования цифровых доказательств при рассмотрении корпоративных споров.

Результаты и обсуждения. В условиях цифровизации хозяйственных отношений эффективное использование электронных доказательств требует системного подхода, сочетающего правовые, организационные и технические меры. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет сформулировать ряд ключевых рекомендаций, направленных на повышение достоверности и допустимости цифровых данных в судебных разбирательствах.

Договорное закрепление правил электронного взаимодействия выступает первостепенным условием. Положениями ст. 434 ГК РФ допускается заключение договора посредством обмена электронными документами. В целях минимизации рисков, сопряженных с возможностью оспаривания, в договоры включаются специальные разделы, посвященные электронному документообороту. В рамках данных разделов подлежит определению перечень официальных каналов связи (корпоративная электронная почта, мессенджеры, платформы ЭДО), конкретные адреса и идентификаторы участников, регламентируется порядок подписания и обмена документами, а также устанавливаются правила фиксации и хра-

нения данных.

Применение систем электронного документооборота, функционирующих на базе квалифицированной электронной подписи, служит инструментом, гарантирующим высокий уровень правовой защиты. Положениями Федерального закона «Об электронной подписи» устанавливается, что документы, заверенные усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП), признаются юридически равнозначными бумажным аналогам, содержащим собственноручную подпись. К числу неоспоримых преимуществ подобного подхода относятся: автоматизированная регистрация момента подписания, обеспечение криптографической защиты целостности документации, а также возможность верификации подлинности подписи посредством обращения к аккредитованным удостоверяющим центрам.

Фиксация договорённостей в письменной электронной форме (e mail, CRM, корпоративные порталы) требует соблюдения сохранение полной цепочки переписки без редактирования, указание в сообщениях реквизитов договора или иных идентифицирующих данных, использование корпоративных адресов, а не личных почтовых ящиков. Как показывает практика арбитражных судов, переписка признаётся допустимым доказательством, если она относится к предмету спора, содержит волеизъявление сторон, позволяет идентифицировать отправителя и получателя [11].

Основная трудность состоит в разрозненности применяемого компаниями подхода к выстраиванию электронного документооборота. Отдельными предприятиями внедряются лишь некоторые элементы (к примеру, системы ЭДО) при полном игнорировании сопутствующих мер — фиксации метаданных, процедур аудита доступа. Подобная практика формирует уязвимости, используемые для оспаривания доказательственной силы документов.

В корпоративных спорах, разрешаемых арбитражными судами в условиях тотальной цифровизации бизнес-процессов, электронные доказательства выступают неотъемлемым компонентом доказательственной базы. Анализ нормативно-правовых актов, материалов судебной практики и доктринальных положений позволяет сформулировать принципиальные выводы относительно роли и перспектив использования средств доказывания рассматриваемой категории. Применением электронных доказательств обеспечивается существенное расширение возможностей сторон, направленных на обоснование заявленных требований и возражений. Как свидетельствуют материалы арбитражных судов, судами все чаще признаются допустимыми доказательствами электронная переписка, документы, заверенные электронной подписью, сведения из CRM-систем, а также иные цифровые следы при соблюдении совокупности условий: идентификации участников коммуникации, подтверждения их полномочий, обеспечения целостности и неизменности информации.

В судебной практике последних лет при применении электронных доказательств фиксируются две взаимосвязанные проблемы: детализированные формальные требования к их подаче и отсутствие единых оценочных критериев. Указанные обстоятельства формируют существенные барьеры для использования таких доказательств в корпоративных спорах. Регламентация оформления цифровых материалов носит крайне конкретизированный характер. При подаче скриншотов судами неизменно требуются обязательные атрибуты: URL-адрес источника, точная дата и время фиксации, сведения о лице, производившем захват изображения, а также технические характеристики устройства. Подобная степень детализации диктуется необходимостью обеспечения идентифицируемости и верифицируемости цифрового объекта. Отсутствие хотя бы одного из указанных элементов ставит под сомнение достоверность доказательства и служит формальным основанием для его отклонения судом. Отказ в приобщении скриншотов по причине отсутствия отметки о времени фиксации, несмотря на их содержательную ценность, иллюстрируется постановлением арбитражного суда [12].

Иные разновидности электронных доказательств (переписка, файлы, метаданные), помимо скриншотов, подчиняются жестким регламентам оформления. Полные заголовки сообщений (включая IP-адреса и идентификаторы серверов) обязаны содержать распечатки электронной переписки, а сведения о пользователе, внёсшем изменения, и времени модификации записей - выгрузки из CRM-систем. Стороны сталкиваются с отсутствием единых стандартов оценки электронных доказательств при соблюдении всех формальных требований. Лишь общие принципы допустимости устанавливаются законодательством (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ), что оставляет судам широкую свободу усмотрения при определении степени достоверности цифровых следов, методов проверки подлинности (нотариальное заверение, экспертиза, внутреннее убеждение судьи), веса доказательства в совокупности с иными материалами дела.

Обсуждение. Споры, связанные с привлечением к корпоративной ответственности, рассматриваются в рамках процессуальной категории корпоративных споров и подпадают под компетенцию арбитражных судов.

В соответствии с п. 3 ч. 1 статьи 225.1 АПК РФ, арбитражные суды рассматривают споры, связанные с требованиями учредителей,

участников, членов юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, а также о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и/или о применении последствий недействительности таких сделок, что означает то, что споры о корпоративной ответственности рассматриваются в специализированных арбитражных судах и имеют свои особенности в процедуре рассмотрения [1]. Достаточно распространенными остаются корпоративные споры, связанные с установлением аффилированности, посредством которой могут быть использованы в том числе электронные доказательства.

Так, например, в деле № А40-139272/2017 суд признал допустимым доказательством публикацию должника в соцсети, где он сообщал о переезде за рубеж [5]. Данные сведения стали основанием для наложения ареста на его имущество в РФ. Также указание лица в соцсети как родственника помогло признать недействительными сделки по продаже недвижимости должника в деле о банкротстве.

Принцип «отделения» является одним из основополагающих принципов корпоративного права, согласно которому юридическое лицо отделено от личности и имущества его участников, что означает, что участники юридического лица несут ответственность только в пределах своего вклада или иных оговоренных обязательств, а не за обязательства самого юридического лица. Однако, существуют исключения из этого принципа, прямо установленные законом. К числу таких исключений следует отнести, например, субсидиарную ответственность контролирующих лиц при банкротстве.

В рамках данной ответственности контролирующие лица могут нести субсидиарную ответственность за обязательства юридического лица в случае недостаточности его активов для удовлетворения требований кредиторов. В таких случаях привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц является исключением из принципа «отделения» и служит механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов [3]. Однако суды должны учитывать сущность конструкции юридического лица и его имущественную обособленность при применении этого механизма.

Юридическая сила электронных подписей определяется их разновидностью (простая, усиленная неквалифицированная, усиленная квалифицированная), а также степенью соблюдения нормативных предписаний ФЗ «Об электронной подписи». Вопросы о допустимости электронной переписки приобретают повышенную актуальность, так как именно в ней сторонами нередко фиксируются существенные условия договоренностей. В то же время основаниями для оспаривания подобной переписки выступают отсутствие идентификации отправителя либо нарушение установленного регламента обмена данными. Дополнительный круг проблем формируется в контексте данных CRM-систем: хотя история взаимодействий с контрагентами и фиксируется указанными системами, под сомнение ставятся их неизменность и возможность внесения несанкционированных корректировок.

Неоднозначность, присущая подходам к оценке означенных доказательств, демонстрируется материалами судебной практики. Постановлением Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019 допускается возможность приобщения электронных документов к материалам дела в качестве доказательств, но при условии предварительного установления их достоверности [3]. Вместе с тем, на практике судами нередко выносится отказ в приобщении выгрузок из CRM-систем или скриншотов переписки, мотивированный отсутствием нотариального удостоверения или экспертного заключения, которым подлинность была бы подтверждена.

В условиях цифровой трансформации экономики вопросы правового регулирования и практического применения электронных доказательств обретают повышенную актуальность. Современным российским законодательством последовательно осуществляется интеграция цифровых форматов в систему доказывания, однако теоретическая база по-прежнему выступает предметом научных дискуссий и правоприменительных коллизий. Действующим процессуальным законодательством электронные доказательства рассматриваются в качестве разновидности письменных доказательств.

В ГПК РФ к письменным доказательствам отнесены «документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством электронной связи». Аналогичная норма закреплена в АПК РФ: документы, полученные через электронную связь, а также подписанные электронной подписью, допускаются в качестве письменных доказательств «в случаях и в порядке, которые предусмотрены АПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором».

Законодательное определение электронного документа содержится в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]. Так, электронный документ «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно телекоммуникаци-

онным сетям или обработки в информационных системах». ГК РФ дополняет это определение, указывая, что электронный документ — информация, зафиксированная с применением программных средств и передаваемая через электронные средства связи.

Для признания электронной переписки допустимым доказательством необходимо соблюдение определенных условий. Так, достаточно важно установить принадлежность электронных адресов или номеров мессенджеров конкретным лицам, что может быть подтверждено договором (указание официальных адресов), деловым обычаем (длительная переписка) или дополнительными доказательствами (например, оплатой счетов, отправленных на указанный адрес). Кроме того, необходимо доказать, что лицо, ведущее переписку, уполномочено действовать от имени организации или в рамках договора. Для этого могут потребоваться доверенности, приказы о назначении на должность с указанием полномочий.

Арбитражные суды признают заключение договора путём обмена электронными документами, если в них согласованы все существенные условия, а стороны идентифицированы. Так, например, в деле № А40-65915/11-32-525 суд принял распечатки электронной переписки как доказательство [6]. Если в договоре не указаны официальные адреса, но переписка велась длительное время и стала деловой практикой, суды могут признать её допустимой, что подтверждает судебная практика.

Регистрация электронных адресов и аккаунтов в мессенджерах часто носит анонимный характер, что затрудняет установление принадлежности этих средств коммуникации конкретным лицам. Так, например, если переписка велась с личного адреса, а не с корпоративного, доказать принадлежность ящика контрагенту может быть невозможно, особенно если сервис не хранит персональные данные пользователей. В таких случаях суды учитывают косвенные доказательства: например, если на указанный адрес ранее направлялись счета, которые были оплачены, или если в переписке присутствуют персональные данные отправителя.

В другом примере из судебной практики подрядчик пытался подтвердить частичную выполнение работ перепиской с гендиректором и другими сотрудниками компании-заказчика. Заказчик возражал, так как сотрудники писали с личных адресов, а не с корпоративных. Однако суд принял переписку в качестве доказательства, поскольку в договоре не было запрета на обмен электронными документами, и заказчик не возражал против такого способа общения в течение длительного времени [7].

Даже если принадлежность аккаунта доказана, необходимо подтвердить, что лицо, отправившее сообщение, имело полномочия действовать от имени компании, что особенно актуально, когда переписка ведётся не с официальных адресов, а с личных аккаунтов сотрудников.

Цифровые подписи также играют ключевую роль в корпоративных спорах, обеспечивая юридическую силу электронным документам и упрощая документооборот. Их применение регулируется ФЗ «Об электронной подписи», который определяет виды подписей, условия их использования и юридическую значимость. Ст. 6 федерального закона устанавливает, что документы, подписанные УКЭП, признаются равнозначными бумажным документам с собственноручной подписью, если иное не предусмотрено законом, при этом документы, подписанные ПЭП или УНЭП, имеют юридическую силу в случаях, установленных федеральными законами, нормативными актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия.

Для признания электронного договора действительным необходимо, чтобы стороны заранее согласовали использование электронной подписи в отдельном соглашении или включили соответствующие условия в основной договор. Для УКЭП такое соглашение не требуется. Суды часто признают документы, подписанные УКЭП, действительными, если соблюдены все процедурные требования. В случаях с ПЭП и УНЭП ключевое значение имеет наличие соглашения между сторонами. Так, например, арендодатель и арендатор обменялись сканами подписанного договора аренды, актов передачи и других документов. Арендатор получил транспорт и спецтехнику, но не платил по договору. Суд подтвердил заключение договора и долг, так как в электронном документе были прописаны существенные условия, имелись подписи и печати сторон, а арендатор подписал акты без замечаний [8].

При отсутствии доказательств законности использования подписи суд может признать документ недействительным. В другом примере, в деле № А40-27244/2016 суд признал допустимыми доказательствами электронные товарные накладные, подписанные УКЭП. Суд учёл, что стороны в договоре установили возможность использования электронного документооборота, а также наличие доверенности на подписание документов электронной подписью. Ответчик не представил доказательств, опровергающих достоверность доверенности, что подтвердило доказательную силу электронных накладных.

В решении Арбитражного суда Кемеровской области суд принял в качестве доказательства переписку в WhatsApp, учитывая её постоянный характер и содержание, отражающее волеизъявление сторон [9]. Однако в другом деле,

распечатки переписки в WhatsApp не были признаны допустимыми, так как не были заверены нотариально и не подтверждали принадлежность аккаунтов уполномоченным лицам [10].

CRM-системы аккумулируют совокупность сведений, которая выступает значимым элементом доказательственной базы в рамках судебных процессов. Фиксацию корпоративно значимых фактов, мониторинг исполнения поручений и документирование допущенных нарушений обеспечивают подобные информационные массивы. Фиксируемые события включают взаимодействие с контрагентами, ход реализации задач, а также обстоятельства, свидетельствующие о несоблюдении установленного регламента (таковыми, в частности, являются эпизоды невыполнения договорных обязательств, попытки получения неправомерного доступа к информационным ресурсам либо игнорирование корпоративных предписаний).

Тенденция обращения к сведениям, аккумулируемым в CRM-системах, в качестве доказательственной базы прослеживается в судебной практике последних лет. Вместе с тем, ряд значимых угроз, затрагивающих фундаментальные институты доказательственного права — вопросы установления подлинности, процедуры авторизации доступа к информационным массивам и обеспечения неизменности (целостности) зафиксированных сведений, сопряжен с вовлечением подобного рода данных в орбиту процессуального доказывания.

Одним из самых частых инструментов противодействия стороне, апеллирующей к CRM, выступает оспаривание достоверности сведений. Оппонент обладает правом заявлять о внесении изменений, дополнений либо удалении информации уже после начала судебного разбирательства ввиду нахождения системы под управлением её владельца (как правило, истца или ответчика). В юридической литературе констатируется, что доверие к данным информационной системы как к объективному источнику доказательств существенно снижается, если система находится в исключительном владении одной из сторон. Подобная ситуация влечёт за собой на практике возможность требования судом дополнительных гарантий неизменности информации — нотариального удостоверения скриншотов, протоколов осмотра системы либо заключения технической экспертизы. Вероятность отклонения доказательства сохраняется на высоком уровне при отсутствии названных подтверждений.

Требование доказать, что конкретное действие в CRM (создание записи, изменение статуса сделки, отправка сообщения) совершило уполномоченное лицо, порождает необходимость подтверждения авторизации доступа. Установление авторства становится нетривиальной задачей в условиях, когда учётные записи могут быть скомпрометированы, переданы третьим лицам или использованы без ведома владельца. Стороны нередко ссылаются на несанкционированный доступ, как показывает судебная практика: например, утверждают, что злоумышленник выполнил действия в системе, а пароль был украден. Бремя доказывания в таких случаях ложится на сторону, представившую данные CRM: ей необходимо продемонстрировать, что сотрудник, чьё действие фиксируется, действительно обладал соответствующими полномочиями и что система обеспечивала достаточный уровень аутентификации (двухфакторная проверка, журналы входов, IP-фильтрация).

Критическим аспектом, требующим повышенного внимания, выступает целостность информации. Достоверность данных может быть поставлена под сомнение из-за потенциальных технических сбоев, ошибок синхронизации либо некорректного импорта или экспорта даже при отсутствии явного изменения данных. Анализ судебных решений показывает, что суды признают CRM-данные допустимыми чаще в тех случаях, когда сторона заранее закрепила в локальных актах или договорах правила работы с системой (обязательность внесения информации в CRM, порядок назначения прав доступа), представила доказательства невозможности изменения данных без следа (журналы аудита, защищённые от редактирования), а также обеспечила прозрачность процедуры фиксации информации (нотариальное удостоверение скриншотов или выгрузок).

Способность электронных доказательств оказывать решающее воздействие на разрешение корпоративного спора иллюстрируют проанализированные примеры. Вместе с тем от совокупности обстоятельств ставится в зависимость признание их допустимости и достоверности, среди которых: соблюдение условий договора (при закреплении в нем порядка электронного взаимодействия), установление личности отправителя и получателя информации, применение электронной подписи либо иных механизмов верификации подлинности, а также неукоснительное следование процессуальным предписаниям (в отдельных случаях - обращение к нотариальному удостоверению).

В контексте всей совокупности материалов дела судебные инстанции производят оценку электронных доказательств с установлением их относимости, допустимости и достаточности. Предварительное закрепление регламентов электронного документооборота в текстах договорных конструкций, применение квалифицированной электронной подписи, а также нотариальное фиксирование доказательственной базы при воз-

никновении угроз её утраты либо несанкционированной модификации практикуется для увеличения вероятности признания подобного рода доказательств.

В качестве центральной проблемы рассматриваемой предметной области выступает несбалансированность технологического потенциала CRM-систем и правовых инструментов их верификации. Современными CRM-решениями предоставляется функционал для осуществления детализированного аудита пользовательских операций, процедур шифрования информационных массивов, а также интеграции с механизмами электронной подписи. Практика эксплуатации указанных систем характеризуется неполноценным задействованием обозначенных возможностей.

Заключение. Как показывает анализ постановлений арбитражных судов округов (2022–2024 гг.), критерии принятия электронных доказательств варьируются даже в рамках одного региона. В одних случаях суды принимают распечатки переписки без дополнительных подтверждений, если она велась через корпоративные сервисы, в других - требуют экспертного заключения о неизменности данных.

Исходные контуры правового поля для обращения цифровых доказательств заданы действующими нормами права, однако существенная неопределенность интерпретационных подходов сопровождает практику правоприменения. Вариативность в оценке отдельных разновидностей электронных доказательств демонстрируют судебные инстанции: практически безусловно принимают к рассмотрению документы, подкрепленные квалифицированной электронной подписью, тогда как простая электронная подпись либо переписка, зафиксированная в мессенджерах, нуждаются в привлечении дополнительных подтверждающих механизмов (нотариальное удостоверение, производство экспертных исследований).

Необходимость разрешения ряда проблемных вопросов обусловливает перспективы развития законодательства в сфере цифровых доказательств. Одной из приоритетных задач признаётся уточнение критериев допустимости и достоверности отдельных видов электронных доказательств, в особенности в контексте внедрения блокчейна, технологий искусственного интеллекта и данных из мессенджеров. Внедрение унифицированных стандартов фиксации и хранения цифровых следов, охватывающих метаданные и логи доступа, видится целесообразным параллельно с этим. Свою актуальность сохраняет вопрос гармонизации норм гражданского и арбитражного процесса, адаптированных к специфике цифровых доказательств.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрании законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 31 (часть I). - Ст. 3448.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. - № 3.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. - № 3.

[5] Постановление арбитражного суда Московского округа от 16.10.2019 // «Судебные и нормативные акты РФ».

[6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.07.2021 № Ф01-2738/2021 // «Судебные и нормативные акты РФ».

[7] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.07.2021 № Ф01-2738/2021 // «Судебные и нормативные акты РФ».

[8] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2021 № Ф09-1869/21 // «Судебные и нормативные акты РФ».

[9] Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 18.04.2023 по делу № А27-13467/2022 // «Судебные и нормативные акты РФ».

[10] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.02.2022 по делу № А56-35798/2021 // «Судебные и нормативные акты РФ».

[11] Постановление АС Московского округа от 15.03.2023 по делу № А40 215432/2022 // «Судебные и нормативные акты РФ».

[12] Постановление АС Московского округа от 14.10.2019 по делу № Ф05 388/2019 // «Судебные и нормативные акты РФ».

References:

[1] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 N 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.

[2] Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ (as

amended 24.06.2025) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (Part I). - Art. 3448.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. - № 3.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 "On some issues related to bringing the debtor's controlling persons to justice in bankruptcy "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. - № 3.

[5] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 16.10.2019 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[6] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 12.07.2021 No. F01-2738/2021 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[7] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 12.07.2021 No. F01-2738/2021 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

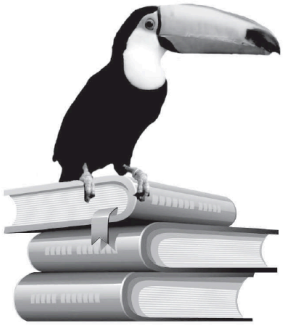
[8] Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 26.04.2021 No. F09-1869/21 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[9] Decision of the Arbitration Court of the Kemerovo Region dated 18.04.2023 in case No. A27-13467/2022 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[10] Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 04.02.2022 in case No. A56-35798/2021 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[11] Resolution of the NP of the Moscow District dated 15.03.2023 in case No. A40 215432/2022 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[12] Resolution of the NP of the Moscow District dated 14.10.2019 in case No. F05 388/2019 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-440-442

МАШУКОВ Амур Сафарбиевич,
Преподаватель кафедры огневой подготовки, Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

О ВОПРОСЕ УСПЕШНОСТИ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье предпринята попытка рассмотрения роли и места общественных институтов и потенциалу образовательных организаций в вопросах борьбы с экстремистскими угрозами, а также отмечается важность повсеместного повышения цифровой грамотности населения. Автор отмечает необходимость постоянного совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере информационного противодействия экстремизму и использование технических решений для защиты населения России.*

Ключевые слова: *цифровизация общества, информационная безопасность, технологии нейросетей, защита граждан от цифровых угроз, информационная компетентность, цифровая грамотность, экстремистские угрозы в цифровом пространстве.*

MASHUKOV Amur Safarbievich,
Lecturer, Department of Firearms Training, North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

ON THE SUCCESSFUL FIGHT AGAINST EXTREMISM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF MODERN SOCIETY

Annotation. *This article examines the role and place of public institutions and the potential of educational organizations in combating extremist threats, and notes the importance of broadly enhancing the digital literacy of the population. The author emphasizes the need for continuous improvement of legal and regulatory frameworks in the field of information counteraction to extremism and the use of technical solutions to protect the Russian population.*

Key words: *digitalization of society, information security, neural network technologies, protecting citizens from digital threats, information competence, digital literacy, extremist threats in the digital space.*

Современные средства и методы использования средств массовой информации и имеющихся ресурсов сети Интернет активно используются к сожалению в деструктивных направлениях и следует изменить вектор этого воздействия для правовой пропаганды, просвещения и информирования населения, разоблачения деструктивной информационной повестки, формируемой экстремистскими организациями и отдельными злоумышленниками.

Разумеется, приоритетным направлением информационной борьбы с экстремистскими организациями и их деструктивной деятельностью должна оставаться профилактическая работа. Недостаточным является лишь изучение актуальных тенденций в использовании цифрового пространства экстремистскими организациями.

Обстоятельно проработанная научно-теоретическая база должна иметь развитые механизмы реализации в практической плоскости и интеграции тех идей и предложений, которые обоснованно предлагаются на ведущих научных площадках нашей страны, где рассматриваются вопросы противодействия экстремизму. Нужна активизация работы органов государственной власти и местного самоуправления, а также вовлечение в эту деятельность общественных организаций и различных групп населения.

Требуется дальнейшее повышение бдительности граждан нашего государства, а также иных лиц, проживающих на его территории, необходимо постоянно информирование населения о признаках радикализации, обучение проверке достоверности интернет-ресурсов, а также формирование у жителей страны культуры доверительных отношений с сотрудниками правоохранительных органов, в том числе с целью своевременного сообщения неравнодушными гражданами о любых подозрительных публикациях и негативных призывах, которые они выявили в цифровом пространстве.

Обязательным условием успешности борьбы с экстремизмом в условиях цифровизации современного общества является постоянное повышение информационной и цифровой грамотности населения с особым акцентом на наиболее уязвимые категории людей.

Необходимо повсеместное внедрение базовых знаний и навыков работы с информацией, безопасного пользования сетью Интернет, пониманию алгоритмов и приёмов, используемых преступниками, чтобы в дальнейшем защититься от их противоправных действий [1].

Требуется широкое обучение жителей России кибергигиене, посредством повсеместного внедрения в школьные, вузовские и иные программы занятий по выявлению манипулятивного воздействия злоумышленников и противодействию ему. Для работающих граждан, а также пенсионеров следует также проводить мастер-классы и курсы, где доступными и понятными категориями доводились бы основы цифровой безопасности, информационной грамотности и способности самостоятельно противостоять деструктивному воздействию.

Наряду с указанными мерами объективно существует необходимость постоянного совершенствования отечественного законодательства, а также международных договоров Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму.

Правовые нормы должны оперативно адаптироваться к новым видам преступлений, совершаемым с использованием цифровых технологий, а также следует рассмотреть возможность более обстоятельной проработки законодательства, устанавливающего ответственность за противоправное использование нейросетей, в том числе в части создания с их помощью экстремистского контента [2].

Следует подчеркнуть, что объем информации, ежесуточно размещаемый в сети Интернет чрезвычайно велик и обеспечить её постоянный мониторинг силами ответственных должностных лиц невозможно. Необходима грамотная автоматизация процессов мониторинга цифрового пространства, с целью выявления контента, создаваемого и размещаемого экстремистскими организациями и отдельными злоумышленниками.

Успешность такой работы будет строиться на своевременном внедрении программных комплексов и грамотном определении алгоритмов, позволяющих обрабатывать и фильтровать значительное количество информации, правильно определяя ту её часть, которая представляет потенциальную опасность для населения России [3].

В сложившихся условиях повсеместного распространения программных решений, предлагающих различные способы обхода блокировок ресурсов, признаваемых в Российской Федерации опасными и нежелательными для жителей России, следует рассмотреть возможность реализации и иного подхода, помимо ограничительного [4].

Речь идёт об использовании средств массовой информации и имеющихся ресурсов сети Интернет для правовой пропаганды, просвещения и информирования населения, разоблачения деструктивной информационной повестки, формируемой экстремистскими организациями и отдельными злоумышленниками.

Необходимо отыскание оптимального баланса между введением запретов и использованием иностранных информационных платформ в собственных социально полезных целях для взаимодействия с населением, информирования его, осуществления контрпропаганды и просвещения людей [5].

Поскольку методы и способы вовлечения населения в деятельность экстремистских организаций постоянно трансформируются и развиваются, требуется постоянное проведение научно-прикладных исследований текущих и перспективных тенденций в деструктивной деятельности экстремистских организаций с целью выработки оптимальных механизмов противодействия им, в том числе в информационной среде.

Список литературы:

[1] Фризен П. Д. К вопросу о понятии о соотношении экстремизма и терроризма в России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России № 1 (38). 2020. С. 186. С. 186-187.

[2] Эргешов А. К., Эрматова А. К. К вопросу о понятии экстремизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-3 (89). С. 173-177.

[3] Машекуашева М.Х. О значимости информационно - психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. XXI век. 2024. № 2. С. 375.

[4] Машекуашева М.Х. Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в со-

временной России в условиях противодействия экстремизму и терроризму. Право и управление. 2024. № 4. С. 35-37.

[5] Трушина И.П. Новые вызовы и современные решения в противодействии преступлениям экстремистской направленности // Криминологический журнал. 2025. № 1.

References:

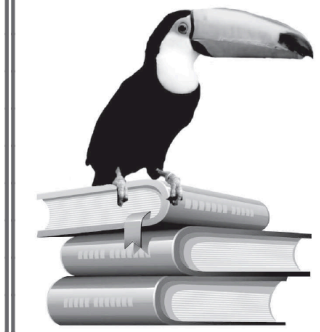
[1] Friesen P. D. To the question of the concept of the ratio of extremism and terrorism in Russia // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (38). 2020. S. 186. S. 186-187.

[2] Ergeshov A.K., Ermatova A.K. To the question of the concept of extremism // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 2-3 (89). S. 173-177.

[3] Mashekuasheva M.Kh. On the importance of information and psychological protection of the individual and society: features of the influencing potential. Law and governance. XXI century. 2024. № 2. P. 375.

[4] Mashekuasheva M.Kh. The resource potential of patriotism and the peculiarities of its implementation in modern Russia in the context of countering extremism and terrorism. Law and governance. 2024. № 4. S. 35-37.

[5] Trushina I.P. New challenges and modern solutions in countering extremist crimes // Criminological Journal. 2025. № 1.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-443-447

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
судья в отставке, старший преподаватель Института кибербезопасности и цифровых технологий Российского Технологического Университета «МИРЭА», e-mail: sherlen.new@ yandex.ru

ПРИМАК Василий Геннадьевич,
судья в отставке, старший преподаватель Института кибербезопасности и цифровых технологий Российского Технологического Университета «МИРЭА», e-mail: pvg1972.primak@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема правового регулирования использования систем искусственного интеллекта в современном мире. Актуальность темы обусловлена необходимостью пересмотра правовых механизмов регулирования ИИ в связи с трансформацией правовых категорий и возникновением новых рисков. В результате исследования выявлены ключевые проблемы правового регулирования ИИ, включая отсутствие унифицированной терминологии, нерешенность вопросов ответственности и безопасности. Проанализированы три основных подхода к регулированию: легалистский, технологический и комбинированный. Представлен обзор международных практик регулирования ИИ в ведущих странах мира.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровая трансформация, межгосударственное сотрудничество.*

BEGICHEVA Elena V.,
Retired Judge; Senior Lecturer, Institute of Cybersecurity and Digital Technologies, Russian Technological University "MIREA"

PRIMAK Vasily G.,
Retired Judge; Senior Lecturer, Institute of Cybersecurity and Digital Technologies, Russian Technological University "MIREA"

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. *The paper addresses the challenges of legal regulation of artificial intelligence (AI) systems in the contemporary world. The relevance of the research is determined by the need to revise existing legal mechanisms for AI governance in light of the transformation of legal categories and the emergence of new risks. The study identifies key obstacles to effective legal regulation of AI, including the absence of a unified terminological framework and unresolved issues pertaining to liability and safety. Three principal regulatory approaches are analysed: the legalistic, the technological, and the combined approach. The paper provides an overview of international AI regulatory practices in leading jurisdictions.*

Key words: *artificial intelligence; digital transformation; interstate cooperation.*

В настоящее время во всём мире отмечается повышенный интерес к разработке и использованию систем искусственного интеллекта. Данный интерес обусловлен расширением соответствующего технологического рынка, увеличением числа патентов и ростом инвестиций. Юниты ИИ уже нашли широкое применение в медицине («IBM Watson» и «DeepMind Health» разработали интеллектуальные помощники для теоретического содействия врачам и анализа генетической предрасположенности к патологиям) [1], промышленности (постепенная роботизация рабочих мест), образовании (платформа «Third Space Learning» позволяет отслеживать уровень знаний, адаптировать учебный материал и информировать преподавателей об усвоении информации) [2], сельском хозяйстве (робот «Hortibot» Орхусского университета способен распознавать и уничтожать сорняки) [3], транспортной сфере (беспилотные автомобили, системы сбора данных с камер наблюдения и светофоров) и в быту (системы «умный дом»).

Находясь на постоянной стадии развития, технология ИИ по-прежнему остаётся в зоне правового вакуума, поскольку отставание теории права от научно-технического прогресса влечёт отсутствие регламентации взаимодействия человека с искусственным разумом, а также нерешённость вопросов ответственности, морали и безопасности. Вопреки тому, что многие видят в ИИ технологическую панацею, в Заявлении ВМА по дополненному интеллекту в медицинской помощи 2019 года обоснованно подчёркивается, что реализация преимуществ таких медицинских систем затрудняется отсутствием унифицированной терминологии и общепринятых стандартов, нечёткой регламентацией использования персональных данных, нерешённостью вопросов ответственности, а также усиленным надзором и повышенными требованиями к клинической эффективности и безопасности алгоритмов [4]. Повсеместное внедрение ИИ предопределяет необходимость оперативного разрешения возникающих нравственно-этических и правовых проблем, причём отстранение государства от регулирования данных процессов не решит назревшие вопросы, а лишь усугубит текущую ситуацию.

Регулирование любых достижений научно-технического прогресса (НТП), включая ИИ, подчинено объективным закономерностям, формирующимся на стыке:

общественных отношений в области использования результатов НТП,

оказания медицинской помощи,

функционирования права как регулятора,

функционирования самих ИИ-систем.

Как отмечает А.В. Зажигалкин, научно-технический прогресс оказывает влияние не только на содержание, но также на функции, форму права, пространственную сферу действия и пределы правового регулирования [5], в противном же случае, по справедливому замечанию В.А. Дозорцева, нарушение подобных закономерностей раньше или позже жестоко мстит за себя [6]. Пределы правового регулирования ИИ условно делятся на две группы:

Внешние пределы, возникающие на стыке правовой системы и социума, обусловлены тем, что международные обязательства накладывают ограничения исключительно на ратифицировавших их субъектов. При этом далеко не все нюансы частной жизни граждан подлежат нормативному регулированию, поскольку прямое вмешательство государства во многих случаях экономически неоправданно или попросту невозможно технически. На эту закономерность чётко указывал правовед С.В. Черниченко, справедливо утверждавший, что именно межгосударственные отношения очерчивают объективные границы международного права [7].

Внутренние пределы правового регулирования кроется в самой природе юриспруденции, ведь ориентация норм на многократное применение неизбежно заставляет абстрагироваться от уникальных особенностей частных случаев. Ситуация усугубляется размыванием правовой определенности из-за злоупотребления так называемыми «каучуковыми» формулировками, которые дестабилизируют систему. При этом классический критерий познаваемости законов сегодня перерастает в плоскость их «программируемости», обнажая проблему дефицита инструментов для прямого перевода громоздких юридических предписаний в чёткий машинно-исполнимый код, что заставляет искать точки соприкосновения правовой науки с математическим моделированием и программированием.

Своевременно выявлять и устранять пробелы в законодательстве позволяет непрерывный диалог между государством и частным сектором, который выступает залогом гибкости всей регуляторной системы. При этом создаваемое правовое поле должно гармонизировать запросы разработчиков, конечных пользователей и общества, поскольку явный перекос в сторону преференций для отдельных игроков неизбежно затормозит общую эволюцию искусственного интеллекта. По мнению профессора О.Н. Толочко, базовый вектор нормотворчества обязан быть направлен на конструирование такой инновационной экосистемы, которая стимулировала бы реализацию высокотехнологичных проектов [8]. Одновременно с этим, как аргументированно доказывает В.В. Архипов, разнонаправленные векторы притязаний различных социальных институтов в конечном счёте пересекаются в общей для всех

фундаментальной необходимости - запросе на формальную определенность и стабильный комплекс общеобязательных правил игры [9].

Реализация теоретических моделей правового регулирования искусственного интеллекта осложнена различиями в нормотворчестве разных стран. Более пятидесяти государств разработали национальные стратегии, которые основаны на принципах конкретных правовых семей. В юридической доктрине выделяют три подхода: легалистский, технологический и комбинированный.

Государства лидеры индекса GTCI избирают разные пути. Германия, Эстония и Нидерланды изменяют дорожное законодательство и создают цифровые регуляторные песочницы. Франция внедряет хартии алгоритмов. Япония предоставляет чат-ботам вид на жительство. Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, Израиль и ЮАР формируют профильные ведомственные структуры. США, Канада, Сингапур, Новая Зеландия и Великобритания применяют механизмы гибкого мониторинга.

В России же и, в частности, в Москве действуют экспериментальные правовые режимы. Существующие нормативные определения трактуют ИИ как программное обеспечение, технологию или совокупность решений, имитирующих когнитивные функции человека для самообучения на больших массивах данных с использованием информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Отсутствие консенсуса относительно правосубъектности ИИ и его двойственная природа ограничивают возможности точечного законотворчества. Учитывая трансграничный характер технологии, риски дискриминации и угрозы правам человека, необходимо обратить внимание на международно-правовые механизмы гармонизации национальных норм и унификации правил мирового рынка.

Глобальное правовое сопровождение систем ИИ охватывает полный жизненный цикл: проектирование, создание, сервисное обслуживание, вывод на гражданский рынок, безопасную эксплуатацию и утилизацию, включая сопутствующий трансграничный обмен технологиями и массивами данных. Специализированные многосторонние конвенции под эгидой ООН отсутствуют. Усилиями учёных и экспертов сформирована обширная база международных технических стандартов и актов «мягкого права», которая фиксирует основные векторы развития отрасли. Для построения эффективного наднационального режима необходимо проанализировать социально-экономические последствия цифровизации, особенности гуманитарного содействия, инженерную специфику функционирования платформ и баланс интересов всех заинтересованных сторон, опираясь на внутреннюю логику права. Традиционно правовое регулирование концентрируется в трёх системообразующих направлениях.

Первым направлением является обеспечение безопасности, надёжности и защита прав пользователей. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, открытая для подписания 5 сентября 2024 года, является первым юридически обязывающим международным договором, который закрепил принципы подотчётности, прозрачности, недискриминации, равенства, уважения человеческого достоинства и безопасных инноваций [Конвенция СЕ 2024]. Антропоцентрический подход на глобальном уровне отражён в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/265 от марта 2024 года, которая ставит во главу угла международную кооперацию для устойчивого развития и ликвидацию цифрового разрыва.

На региональном уровне нормативные требования кодифицированы в Регламенте ЕС 2024/1689 (AI Act), вступившем в силу 1 августа 2024 года. Указанный регламент внедряет риск-ориентированную модель, устанавливает строгие критерии для высокорисковых систем и вводит запрет на неприемлемые практики. Данный комплекс документов, наряду с Принципами Азиломар 2017 года и Рекомендациями ОЭСР 2019 года, формирует современную архитектуру правового регулирования отрасли [10].

В «Принципах Азиломар», подписанных тысячами учёных и представителей технологических компаний, детализировано фиксируется: создание систем, направленных на пользу человечеству, а не бесцельного разума; субсидирование исследований полезных применений (надёжность, благосостояние, право, этика); конструктивный диалог и культуру взаимодействия, доверия и открытости; безопасность и верифицируемость на протяжении всего жизненного цикла; открытость сбоев и обоснование решений для органов правосудия; моральную ответственность разработчиков; синхронизацию ИИ с человеческим достоинством, свободами и культурным разнообразием; право людей на доступ, контроль и защиту персональных данных без необоснованного сокращения свободы; сохранение права человека определять процедуру передачи функций принятия решений; купирование катастрофических рисков и жёсткое регулирование рекурсивного автообучения; широкое распространение экономических выгод; отказ от гонки вооружений в сфере автономного летального оружия и ориентацию сверхразума на благо всего человечества.

Техническая сопрягаемость, стандартизация и свободный трансграничный обмен. Прак-

тическим инструментом реализации выступают международные стандарты, разрабатываемые ISO, IEC и ITU. В 2017 году в структуре ISO создан технический комитет по ИИ (ISO/IEC JTC 1/SC 42), полноправными членами которого являются 30 государств (14 наблюдателей). Комитетом уже опубликованы и действуют следующие основополагающие стандарты: по концепциям и терминологии ИИ (ISO/IEC 22989:2022, опубликован в июле 2022 г., с корректировкой в декабре 2025 г.); фреймворку машинного обучения (ISO/IEC 23053:2022, опубликован в июне 2022 г.); управлению рисками (ISO/IEC 23894:2023, опубликован в феврале 2023 г.); смещению алгоритмов (ISO/IEC TR 24027:2021); обзору доверия к ИИ (ISO/IEC TR 24028:2020); этическим и социальным аспектам (ISO/IEC TR 24368:2022). По состоянию на 2026 год комитет продолжает работу над новыми стандартами, включая поправки к базовым документам в связи с развитием генеративного ИИ. В робототехнике стандарты принимаются комитетом ISO/TC 299 (напр., ISO 10218-1:2011, ISO 8373:2012, ISO 13482:2014, ISO/TS 15066:2016, ISO/TR 20218-1:2018, ISO 18646-2:2019, ISO/TR 23482-1:2020 и 23482-2:2019). Хотя международные стандарты разрабатываются на основе консенсуса и носят добровольный характер, на практике их соблюдение выступает критерием конкурентоспособности и допуска на мировой рынок, требуя обязательных испытаний на безопасность до выпуска продукции [11].

Приоритизация публично-правовых начал, этических ориентиров и человеческого контроля. Как отмечает профессор С.В. Бахин, создание правового режима технологий следует начинать именно с формирования публично-правовых начал (обеспечение сотрудничества и безопасности), без которых систематизация правовых институтов невозможна [12]. Эту тенденцию наглядно иллюстрирует деятельность ЮНЕСКО, зафиксировавшей на конференции 2019 года по гуманистическому подходу к искусственному интеллекту международное согласие относительно антропоцентричного управления технологиями, а в ходе своей 40-й Генеральной конференции обязавшей государства разработать морально-этические нормативы на фундаменте прав человека. Постоянное обновление нормативной базы за счет гибкого механизма обратной связи было прямо кодифицировано в Рекомендации ЮНЕСКО 2021 года, затрагивающей этику ИИ [13]. В то же время данный вектор содержательно расширяется Принципами Азиломар и стандартами ОЭСР, предписывающими сохранить за человеком жёсткий контроль над делегированием права принятия решений, гарантировать прозрачность алгоритмов, обеспечить беспрепятственный доступ к личной информации и направлять инвестиции сугубо на полезные варианты интеграции систем. Параллельно актуализируется необходимость формирования культуры открытого обмена опытом между ИТ-разработчиками и властными структурами, а также инклюзивного распределения экономических дивидендов цифровизации для блага всего общества. Если же говорить о развитии академической доктрины, то здесь эксперты видят значительный потенциал в теоретическом моделировании статуса «электронного лица публичного права» применительно к комплексам, внедряемым в государственное управление для реализации властных полномочий, что обусловлено их предельной автономностью, многокомпонентной инженерной структурой и огромной скоростью анализа данных.

Безопасная интеграция способных к адаптации интеллектуальных платформ, обязанных функционировать строго в рамках своего целевого назначения и отвечать фундаментальным человеческим ценностям, напрямую зависит от оперативного формирования гибких регуляторных инструментов. Текущие геополитические реалии заставляют Российскую Федерацию выстраивать наднациональное взаимодействие в сфере ИИ исключительно с добросовестными участниками международного общения. Под ними при реализации любых совместных проектов на глобальной арене понимаются государства, не включенные в утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 года № 430-р официальный перечень недружественных стран и территорий, совершающих недружественные действия против России, её компаний или граждан. Учёт данного внешнеполитического критерия служит императивным условием для запуска любых международных технологических инициатив.

Полноценное раскрытие преимуществ интеллектуальных платформ для социума при одновременной минимизации угроз их злонамеренного использования возможно исключительно путём создания сбалансированной международно-правовой модели, органично сочетающей механизмы межгосударственного партнёрства, общие нормативы безопасности, этические императивы и защиту базовых свобод человека. Комплексное законодательное регулирование позволит не только избежать негативных последствий, но и будет способствовать повышению имиджа страны как лидера в развитии законодательства, а также улучшению инвестиционного климата, требуя содействия международному и многосекторальному сотрудничеству.

Список литературы:

[1] Topol E.J. High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // Nature Medicine. - 2019. - Vol. 25. - P. 44-56.

[2] Education and Artificial Intelligence: Promising Directions // OECD Publishing. - 2023. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https: //www.oecd.org/education/education-and-ai/ (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Датский робот определяет и вырывает сорняки. - Текст: электронный // Хабр. - 2007. - URL: https://habr.com/ru/articles/11917/ (дата обращения: 13.03.2026).

[4] World Medical Association. Statement on Augmented Intelligence in Medicine. Adopted by the WMA General Assembly, October 2019. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https://www.wma.net/policies-post/wma-statement-on-augmented-intelligence-in-medicine/ (дата обращения: 05.04.2026).

[5] Зажигалкин А.В. Влияние научно-технического прогресса на развитие права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2020. - № 4. - С. 21.

[6] Дозорцев В.А. Тенденции российского гражданского права. - М.: Статут, 2002. - С. 89.

[7] Черниченко С.В. Пределы правового регулирования в международных отношениях // Государство и право. - 2003. - № 5. - С. 14.

[8] Толочко О.Н. Правовое регулирование цифровых инноваций: баланс интересов // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 8. - С. 112-115/.

[9] Архипов В.В. Социальная природа права и цифровая трансформация общества // Вестник Томского государственного университета. - 2022. - № 475. - С. 188.

[10] Future of Life Institute. Asilomar AI Principles. 2017. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https://futureoflife.org/open-letter/asilomar-ai-principles/ (дата обращения: 10.04.2026).

[11] ISO/IEC TR 24027:2021. Artificial intelligence - Bias in AI systems and AI aided decision making. - Geneva: ISO/IEC, 2021. - 42 p.; ISO/IEC TR 24028:2020. Artificial intelligence - Overview of trustworthiness in artificial intelligence. - Geneva: ISO/IEC, 2020. - 36 p.

[12] Бахин С.В. Публично-правовые начала в регулировании цифровых технологий // Международное право и международные отношения. - 2020. - № 3. - С. 45.

[13] ЮНЕСКО. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. Принята на 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. 23 ноября 2021 г. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 11.04.2026).

References:

[1] Topol E.J. High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // Nature Medicine. - 2019. - Vol. 25. - P. 44-56.

[2] Education and Artificial Intelligence: Promising Directions // OECD Publishing. - 2023. - [Electronic resource]: access mode: URL: https://www.oecd.org/education/education-and-ai/ (access date: 15.04.2026).

[3] A Danish robot identifies and pulls out weeds. - Text: electronic // Habr. - 2007. - URL: https://habr.com/ru/articles/11917/ (access date: 13.03.2026).

[4] World Medical Association. Statement on Augmented Intelligence in Medicine. Adopted by the WMA General Assembly, October 2019. - [Electronic resource]: access mode: URL: https://www.wma.net/policies-post/wma-statement-on-augmented-intelligence-in-medicine/ (access date: 05.04.2026).

[5] Zazhazhalkin A.V. Influence of scientific and technological progress on the development of law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2020. - № 4. - S. 21.

[6] Dozortsev V.A. Trends in Russian civil law. - M.: Statute, 2002. - S. 89.

[7] Chernichenko S.V. Limits of legal regulation in international relations // State and law. - 2003. - № 5. - S. 14.

[8] O.N. Tolochko. Legal regulation of digital innovations: balance of interests // Law and state: theory and practice. - 2021. - № 8. - S. 112-115/.

[9] Arkhipov V.V. Social nature of law and digital transformation of society // Bulletin of Tomsk State University. - 2022. - № 475. - S. 188.

[10] Future of Life Institute. Asilomar AI Principles. 2017. - [Electronic resource]: access mode: URL: https://futureoflife.org/open-letter/asilomar-ai-principles/ (access date: 10.04.2026).

[11] ISO/IEC TR 24027:2021. Artificial intelligence - Bias in AI systems and AI aided decision making. - Geneva: ISO/IEC, 2021. - 42 p.; ISO/IEC TR 24028:2020. Artificial intelligence - Overview of trustworthiness in artificial intelligence. - Geneva: ISO/IEC, 2020. - 36 p.

[12] Bakhin S.V. Public legal principles in the regulation of digital technologies // International law and international relations. - 2020. - № 3. - S. 45.

[13] UNESCO. Recommendation on ethical aspects of artificial intelligence. Adopted at the 41st session of the UNESCO General Conference. November 23, 2021 - [Electronic Resource]: Access Mode: URL: https://unesdoc.unesco.org/ark :/48223/pf0000381137 (Accessed: 11.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-448-451

ШУМАКАЕВА Софья Елтаевна,
старший руководитель проекта Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы,
e mail: shumakaevase@transport.mos.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ С НУЛЕВОЙ ЦЕНОЙ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем правовой квалификации доминирующего положения хозяйствующих субъектов на цифровых рынках, функционирующих по модели «нулевой цены». Традиционные методы анализа рынка, основанные на ценовых параметрах (в частности, тест гипотетического монополиста), оказываются неприменимыми в условиях, когда товар или услуга предоставляются потребителям бесплатно. Автор анализирует теоретические и методологические подходы к определению границ релевантного рынка и доминирующего положения на таких рынках, рассматривает практику российского антимонопольного органа (ФАС России). Особое внимание уделяется новеллам пятого антимонопольного пакета, а также альтернативным инструментам оценки рыночной власти – тесту гипотетического снижения качества, учету сетевых эффектов, значению «больших данных» и неценовых параметров конкуренции. В заключение формулируются предложения по совершенствованию российского антимонопольного законодательства и правоприменительной практики в части адаптации института доминирующего положения к реалиям цифровой экономики.*

Ключевые слова: *доминирующее положение, цифровые рынки, нулевая цена, антимонопольное регулирование, многосторонние платформы, сетевые эффекты, пятый антимонопольный пакет, релевантный рынок, рыночная власть.*

SHUMAKAEVA Sofya Eltaevna,
Senior Project Manager of the Department of Transport and Development of Road Transport Infrastructure of the city of Moscow

PROBLEMS OF DETERMINING DOMINANT POSITION IN ZERO-PRICE DIGITAL MARKETS

Annotation. *The article examines the legal qualification problems of determining the dominant position of economic entities in digital markets operating under the "zero-price" model. Traditional antitrust analysis methods based on price parameters (in particular, the SSNIP test) prove inapplicable when goods or services are provided to consumers free of charge. The author analyzes theoretical and methodological approaches to defining the boundaries of the relevant market and dominant position in such markets, examines the practice of the Russian antitrust authority (FAS Russia). Special attention is paid to the novelties of the fifth antimonopoly package, as well as alternative tools for assessing market power — the SSNDQ test, consideration of network effects, the significance of "big data" and non-price competition parameters. In conclusion, proposals are formulated for improving Russian antimonopoly legislation and law enforcement practice in terms of adapting the institution of dominant position to the realities of the digital economy.*

Key words: *dominant position, digital markets, zero price, antitrust regulation, multi-sided platforms, network effects, fifth antimonopoly package, relevant market, market power.*

Цифровая трансформация экономики привела к появлению новых бизнес-моделей, в которых товары и услуги предоставляются потребителям

по нулевой цене. Поисковые системы, социальные сети, электронная почта, картографические сервисы, видеохостинги – все эти продукты стали неотъемлемой частью повседневной жизни, оставаясь для конечного пользователя бесплатными. Однако отсутствие денежной цены не

означает отсутствия рынка как такового: такие платформы монетизируют свою деятельность за счет рекламных доходов, сбора и обработки пользовательских данных, а также предоставления платных услуг на других сторонах многостороннего рынка.

Данное обстоятельство создает серьезные вызовы для антимонопольного регулирования. Как отмечает П.А. Леваков, классические методы определения границ рынка могут давать неверные результаты из-за феномена нулевых цен [1]. Заместитель руководителя ФАС России Андрей Цыганов в своем выступлении на Глобальном форуме по конкуренции ОЭСР подчеркнул, что стандартные механизмы экономического анализа недостаточны, когда регулятор имеет дело с цифровыми платформами и рынками с «нулевой ценой» [3].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении проблем правовой квалификации доминирующего положения на цифровых рынках с нулевой ценой, анализе существующих подходов к их решению в российском и зарубежном праве, а также в разработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Феномен нулевой цены имеет не только экономическое, но и психологическое измерение. Как показывают экспериментальные исследования, эффект нулевой цены (zero-price effect) оказывает на потребительское поведение значительно более сильное влияние, чем любое снижение положительной цены. Это означает, что переход от платной модели к бесплатной создает качественно иную конкурентную среду, которую невозможно оценить с помощью традиционных инструментов.

Важно подчеркнуть, что нулевая цена для конечного потребителя не означает отсутствия издержек. Пользователи расплачиваются за «бесплатные» услуги своими данными, вниманием и временем.

Цифровые платформы, функционирующие по модели нулевой цены, как правило, являются многосторонними рынками. Они обслуживают одновременно несколько групп пользователей: например, поисковая система взаимодействует с конечными пользователями (бесплатно) и рекламодателями (платно). Для таких рынков требуется рассматривать границы рынка для каждой группы агентов.

Ключевой характеристикой многосторонних цифровых рынков являются сетевые эффекты – явление, при котором ценность платформы для одного пользователя возрастает по мере увеличения числа других пользователей. Сетевые эффекты могут препятствовать конкуренции, концентрируя рыночную власть и предоставляя значительные преимущества действующему участнику. Именно сетевые эффекты создают барьеры входа на такие рынки и позволяют доминирующим платформам сохранять свое положение даже при отсутствии денежной цены.

Вопрос о том, может ли предоставление товаров и услуг по нулевой цене образовывать релевантный рынок в смысле антимонопольного законодательства, вызывает дискуссии. Представляется, что преобладающим в современной доктрине и практике является подход, согласно которому нулевые рынки признаются релевантными для целей применения антимонопольного законодательства.

Традиционное антимонопольное регулирование исходит из ценовой парадигмы: товар предоставляется на возмездной основе. Определение доминирующего положения традиционно связано с анализом: 1) продуктовых и географических границ релевантного рынка; 2) количественных показателей рыночной доли; 3) способности хозяйствующего субъекта оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара.

Одним из ключевых инструментов определения границ релевантного рынка является тест гипотетического монополиста (также тест SSNIP). Данный тест предполагает, что рынок определяется через оценку реакции потребителей на гипотетическое повышение цены на 5-10%.

В условиях нулевой цены тест SSNIP становится принципиально неприменимым. Повышение цены с нуля до любого положительного значения представляет собой бесконечно большое относительное изменение, что делает тест бессмысленным. Как отмечает ОЭСР, тест SSNIP непригоден для использования на рынках с нулевой ценой. Помимо теста SSNIP, под вопросом оказываются и другие ценовые критерии доминирования. Так, понятие монопольно высокой цены, закрепленное в статье 6 Закона о защите конкуренции, предполагает сравнение цены, установленной доминирующим субъектом, с ценой в сопоставимых условиях. При нулевой цене такое сравнение невозможно. Аналогичная проблема возникает с понятием монопольно низкой цены.

Таким образом, традиционный инструментарий антимонопольного регулирования, ориентированный на ценовые параметры, оказывается неработоспособным в условиях цифровых рынков с нулевой ценой.

В качестве альтернативы тесту SSNIP для рынков с нулевой ценой был предложен тест SSNDQ (Small but Significant Non-transitory Decrease in Quality) – «небольшое, но существенное и долговременное снижение качества». Данный тест был рекомендован ОЭСР для использования на рынках с быстрыми технологическими

изменениями вместо традиционного SSNIP-теста.

Логика SSNDQ-теста заключается в том, что рыночная власть на рынках с нулевой ценой проявляется не через повышение цены, а через ухудшение качества продукта. Например, поисковая система может ухудшать качество выдачи, увеличивая количество рекламных результатов, или социальная сеть может снижать уровень конфиденциальности пользовательских данных.

Однако, как справедливо отмечается в литературе, SSNDQ-тест предоставляет лишь концептуальную основу для оценки определения рынка. На практике его применение сопряжено с трудностями измерения качества и определения пороговых значений его снижения.

ФАС России на протяжении последних лет активно рассматривает дела о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках в отношении крупнейших российских и иностранных компаний, включая Google, Apple, Microsoft Corporation, Booking, Gett Taxi.

Как отмечает Андрей Цыганов, в рамках проведенных расследований стало очевидно, что стандартные механизмы экономического анализа недостаточны. Ведомство начало вырабатывать новые подходы к оценке многосторонних рынков, определению рыночных долей исходя из иных показателей: количество приложений, пользователей, объявлений, скачиваний, транзакций через платформу, объема «больших данных». Также учитываются уровень прямых и косвенных сетевых эффектов и степень влияния ключевой цифровой инфраструктуры на зависимые рынки.

В качестве примеров подходов к анализу продуктовых и географических границ товарных рынков Цыганов привел расследования ФАС России в отношении Google и Microsoft.

Для применения пятого антимонопольного пакета ФАС России разработала проект изменений в Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденный приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 (Порядок-220).

Однако, как выявлено в научной литературе, положения обсуждаемого проекта касаются далеко не всех основных проблем, возникающих в связи с анализом конкуренции на цифровых рынках. В частности:

не предложены методы анализа границ рынков при нулевых ценах;

нет подходов к оценке сетевых эффектов;

не отражены проблемы рыночной власти при конгломератных слияниях;

не уточнено понятие многостороннего рынка и его соотношения с цифровой платформой.

Данные пробелы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования методологической базы антимонопольного анализа цифровых рынков. Как справедливо отмечается в современной доктрине, традиционная концепция рыночной власти, используемая антимонопольными органами, не может взаимодействовать с новой реальностью, в которой (экономическая) власть проявляется за пределами цены и объема выпуска в рамках релевантного рынка. Это привело к появлению множества предложений по введению новых концепций власти, таких как «стратегический рыночный статус», «конгломератная рыночная власть», «власть посредничества», «структурирующие цифровые платформы» или «привратники».

Представляется, что российское антимонопольное законодательство должно двигаться в направлении признания многомерной концепции рыночной власти, учитывающей не только ценовые, но и неценовые параметры.

Для эффективного антимонопольного регулирования цифровых рынков с нулевой ценой необходимо: законодательное закрепление альтернативных критериев доминирования; разработка методики SSNDQ-теста; расширение субъектного состава регулирования; внедрение элементов ex ante контроля.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных методик оценки рыночной власти на цифровых рынках с нулевой ценой, а также на анализ правоприменительной практики по делам о злоупотреблении доминирующим положением на таких рынках.

Список литературы:

[1] Леваков П.А. Определение границ рынка для цифровых платформ: теория и антимонопольная практика // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2024. Т. 16. № 1. С. 24–45. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-1-7-24-45..

[2] Мелешкина А.И. Слепые зоны в Порядке проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке // Современная конкуренция / Journal of Modern Competition. 2025. Т. 17. № 5.

[3] Представители ФАС России приняли участие в сессии Глобального форума по конкуренции ОЭСР // Конкуренция и право. 15 декабря 2020 г.

[4] Матяшевская М.И. Регулирование не должно быть ограничено лишь трансакционными платформами // Конкуренция и право. Аналитика.

[5] О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (с изм. и доп.).

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (пятый антимонопольный пакет): проект Федерального

закона № 848331-7.

[7] Разъяснение № 1 Президиума ФАС России «Определение монопольно высокой и монопольно низкой цены товара» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 10.02.2016 № 2).

References:

[1] Levakov P.A. Defining the boundaries of the market for digital platforms: theory and antitrust practice // Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal of the Faculty of Economics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 2024. T. 16. № 1. S. 24-45. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-1-7-24-45..

[2] Meleshkina A.I. Blind spots in the Procedure for analyzing the state of competition in the commodity market // Modern competition/Journal of Modern Competition. 2025. VOL. 17. № 5.

[3] Representatives of the FAS Russia took part in the session of the OECD Global Competition Forum // Competition and Law. December 15, 2020.

[4] Matyashevskaya M.I. Regulation should not be limited only to transaction platforms // Competition and law. Analytics.

[5] Protection of Competition: Federal Law No. 135-FZ of 26 July 2006 (as amended).

[6] On amendments to the Federal Law "On Protection of Competition" and certain legislative acts of the Russian Federation (fifth antimonopoly package): draft Federal Law No. 848331-7.

[7] Clarification No. 1 of the Presidium of the FAS of Russia "Determination of the monopoly high and monopoly low price of goods" (approved by Protocol of the Presidium of the FAS of Russia dated 10.02.2016 No. 2).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-452-455

МАСАЛИМОВА Эльвира Ирековна,
студентка юридического факультета
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: masalimova.elvira@bk.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
канд. эконом. наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕМ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовых механизмов пресечения злоупотребления доминирующим положением на цифровых платформах в условиях стремительной трансформации рыночных отношений. Автор рассматривает феномен цифровой экономики как многоуровневой экосистемы, в которой платформы, формально выступая посредниками, фактически контролируют существенные условия сделок, создавая зависимость как для потребителей, так и для продавцов. Особое внимание уделяется принятому Федеральному закону № 301-ФЗ («пятому антимонопольному пакету»), вступившему в силу с 1 сентября 2023 года, который вводит принципиально новые для российского законодательства категории, включая понятие «сетевого эффекта» и количественные критерии доминирования. В работе исследуются антимонопольные риски, связанные с использованием больших данных (Big Data), такие как самопредпочтение, дискриминационное ценообразование и препятствование переносимости данных, а также рассматриваются проблемы контроля за сделками экономической концентрации на цифровых рынках. Отдельно анализируются сложности практической реализации закона, в частности доказывание нарушений в условиях алгоритмической непрозрачности и недостаток правовых инструментов для оценки поведения платформ. В заключении формулируются ключевые вызовы, сохраняющиеся в правовом регулировании: разграничение ответственности платформы как посредника и как самостоятельного участника рынка, правовая неопределённость в сфере оборота данных, а также необходимость выработки сбалансированного подхода, стимулирующего инновации, но не допускающего злоупотреблений (обеспечение баланса частных и публичных интересов). Автор приходит к выводу, что, несмотря на существенный прогресс в адаптации конкурентного права к реалиям цифровой экономики, требуется дальнейшее совершенствование правовых механизмов для обеспечения добросовестной конкуренции и защиты прав участников платформенных отношений.*

Ключевые слова: *Доминирующее положение, сетевой эффект, цифровая платформа, антимонопольное регулирование, большие данные, алгоритмическая непрозрачность, злоупотребление, конкуренция.*

MASALIMOVA Elvira Irekovna,
Student, Faculty of Law Financial University under the
Government of the Russian Federation

Supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor

LEGAL MECHANISMS FOR SUPPRESSING ABUSE OF DOMINANT POSITION ON DIGITAL PLATFORMS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of legal mechanisms for suppressing abuse of dominant position on digital platforms in the context of rapid transformation of market relations. The author examines the phenomenon of the digital economy as a multi-level ecosystem in which platforms, formally acting as intermediaries, actually control the essential terms of transactions, creating dependence for both consumers and sellers. Special attention is paid to the adopted Federal Law No. 301-FZ (the "Fifth Antimonopoly Package"), which entered into force on September 1, 2023, introducing fundamentally new categories for Russian legislation, including the concept of "network effect" and quantitative criteria for dominance. The work explores antimonopoly risks associated with the use of big data, such as self-preferencing, discriminatory pricing and hindering data portability, as well as examines the problems of control over economic concentration transactions in digital markets. The practical difficulties of implementing the law are analysed separately, in particular proving violations under conditions of algorithmic opacity and the lack of legal tools to assess platform behaviour. The conclusion formulates key challenges that persist in legal regulation: delimiting the liability of the platform as an intermediary and as an independent market participant, legal uncertainty in the field of data circulation, as well as the need to develop a balanced approach that stimulates innovation but does not allow abuses (ensuring a balance between private and public interests). The author comes to the conclusion that, despite significant progress in adapting competition law to the realities of the digital economy, further improvement of legal mechanisms is required to ensure fair competition and protect the rights of participants in platform relations.*

Key words: *Dominant position, network effect, digital platform, antimonopoly regulation, big data, algorithmic opacity, abuse, competition.*

Рынок цифровой экономики является быстроразвивающимся феноменом, который за последнее десятилетие прошел путь от простой автоматизации торговли до формирования сложных многоуровневых экосистем. Сегодня цифровизация проникает во все сферы жизни: от образования и медицины до государственного управления и банковского сектора. Главными источниками этого роста выступают повсеместное распространение информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», доступность мобильных устройств и, что самое важное, изменение потребительских привычек, поскольку для современного человека наибольшую ценность представляет скорость, удобство и персонализация. На данном этапе именно цифровые сервисы отвечают всем заявленным требованиям, так как они предлагают пользователю принципиально иной уровень взаимодействия с продавцом. В отличие от традиционных форм торговли или оказания услуг, цифровые платформы работают по принципу «здесь и сейчас»: товар можно найти за считанные секунды, сравнить сотни предложений, прочитать отзывы реальных покупателей и оформить доставку в пару кликов, при этом не выходя из дома. Мобильные приложения и сайты адаптируются под конкретного человека, запоминая его предпочтения, историю покупок и даже геолокацию, что позволяет формировать индивидуальные предложения. Именно эта способность к персонализации и мгновенному удовлетворению запросов кардинально меняет потребительские стандарты: пользователь быстро привыкает к тому, что сервис «понимает» его запросы, и уже не готов мириться с очередями, ограниченным ассортиментом или отсутствием информации о товаре или услуге. Формируется такое потребительское поведение, в рамках которого ключевыми факторами выбора становятся не столько цена или качество товара сами по себе, сколько качество цифрового опыта — удобство интерфейса, скорость обработки заказа, предсказуемость алгоритмических рекомендаций. Однако одновременно с этим возникает ряд рисков, связанных с особенностями работы онлайн-платформ. Алгоритмы, запоминающие предпочтения, историю покупок и геолокацию, создают возможность для скрытого манипулирования потребительским выбором [1, с. 79]. Создаются так называемые «пузыри фильтров», когда пользователю показываются только те товары, которые алгоритм считает релевантными на основе его прошлого поведения, что может искусственно ограничивать ассортимент и сужать потребительский спрос. Более того, сбор и анализ персональных данных, лежащий в основе персонализации, создает риски для конфиденциальности и информационной безопасности потребителей.

Для хозяйствующих субъектов данный риск заключается в том, что доступ на рынок опосредован самой платформой и соблюдением пользовательского соглашения. Более того, продавец не может напрямую выстроить отношения с клиентом — он вынужден соблюдать правила платформенной экосистемы, которая определяет, как его товар будет показан, по каким критериям ранжирован и за какую комиссию. Таким образом, возникает «зависимость» от цифровой платформы: для малого и среднего бизнеса потеря доступа к крупному маркетплейсу может означать факти-

ческое исчезновение с рынка, поскольку классические каналы не обеспечивают сопоставимого охвата аудитории.

В правовом поле описанные процессы ставят перед законодателем ряд принципиальных вопросов. Если в классическом понимании механизма функционирования рыночных отношений, где потребитель нуждается в защите от профессионального продавца, то в платформенной экономике возникает несколько взаимозависимых отношений: потребитель — платформа — продавец. Платформа, формально выступая посредником, фактически контролирует все существенные условия сделки: видимость товара, его ценовое позиционирование, условия доставки и возврата. При этом алгоритмический характер этого контроля делает его непрозрачным для внешнего наблюдения и труднодоказуемым с точки зрения юридической ответственности. Именно данное противоречие, которое возникло между растущей зависимостью потребителей и продавцов от цифровых платформ и непрозрачностью механизмов, с помощью которых платформы реализуют свою власть, является главным вызовом законодателя.

Принятие Федерального закона № 301-ФЗ [2], вступившего в силу с 1 сентября 2023 года, стало ключевым этапом к адаптации современного российского конкурентного права к реалиям цифровой экономики. Данный Закон, поименованный как «пятый антимонопольный пакет», был разработан в целях совершенствования антимонопольного регулирования в условиях развития цифровых рынков, а также предупреждения и пресечения монополизации цифровых платформ. Так, например, Закон вводит принципиально новое для российского законодательства понятие «сетевой эффект», под которым подразумевается «свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (далее - цифровая платформа), изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей» [2]. Иными словами, принцип функционирования сетевого эффекта заключается в том, что «ценность платформы для каждого отдельного потребителя растет с увеличением числа других потребителей, использующих платформу» [3, с. 186]. Наибольший интерес для развития эффективной конкурентной среды представляет установление конкретных критериев, которые позволяют определить, что платформа занимает доминирующее положение. В первую очередь, наличие сетевого эффекта, который дает цифровой платформе возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на рынке, во-вторых, доля сделок, совершаемых посредством цифровой платформы, превышает 35% в стоимостном выражении от общего объема сделок на соответствующем товарном рынке, в – третьих, выручка хозяйствующего субъекта за последний календарный год превышает 2 миллиарда рублей. Введение этих количественных и качественных критериев позволяет идентифицировать тех участников цифровых рынков, чье поведение требует особого антимонопольного контроля.

Важно уделить особое внимание «большим данным» (Big Data), то есть совокупности структурированных данных огромных объемов, которые обрабатываются с помощью программных инструментов и алгоритмов, позволяющих выявлять скрытые закономерности, корреляции и тенденции, недоступные для традиционных методов анализа [3, с. 186]. В работе цифровых платформ «большие данные» приобретают ключевое значение, поскольку именно они лежат в основе всех основных функций платформы: персонализации предложений, ранжирования товаров, динамического ценообразования и прогнозирования спроса, таким образом, Big Data становится самостоятельным фактором рыночной власти. В связи с этим возникают следующие антимонопольные риски, связанные с «большими данными»:

Самопредпочтение (self-preferencing), то есть ситуация, когда платформа, анализируя данные о продажах сторонних продавцов, может выявлять наиболее успешные товарные категории и запускать собственные аналоги, используя при этом преимущества в ранжировании (собственные товары показываются выше товаров конкурентов).

Дискриминационное ценообразование, когда анализ больших данных позволяет платформам осуществлять ценовую дискриминацию (персонализированное ценообразование), когда каждому пользователю предлагается индивидуальная цена, максимизирующая прибыль платформы.

Препятствование переносимости данных (data portability), ситуация, при которой отсутствуют эффективные механизмы переноса данных с одной платформы на другую создает эффект блокировки, когда пользователь или продавец не может покинуть платформу без потери накопленной информации (истории заказов, рейтинга, отзывов).

Еще одним вызовом для антимонопольного регулирования цифровых платформ выступает контроль за сделками экономической концентрации. Специфика цифровых рынков такова, что подобные сделки способны оказывать существенное негативное воздействие на конкурент-

ную среду: они не только ведут к сокращению числа независимых игроков, но и снижают интенсивность инновационной деятельности, поскольку устранение перспективного конкурента (зачастую на ранней стадии его развития) уменьшает стимулы к технологическому соперничеству для доминирующих платформ [1, с. 79].

Таким образом, подводя итог ко всему вышеизложенному, можно отметить, что несмотря на значительный прогресс в формировании правовой базы, сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшего осмысления и совершенствования: во-первых, сложность доказывания нарушений в условиях алгоритмической непрозрачности и использования платформами сложных математических моделей, во-вторых, проблема разграничения ответственности и определения границ. Пятый антимонопольный пакет исходит из модели, в которой платформа выступает как посредник, обеспечивающий взаимодействие продавцов и покупателей. Однако в реальности крупнейшие экосистемы (Яндекс, Ozon, Wildberries) выходят далеко за рамки простого посредничества: они оказывают услуги хранения, доставки, обработки возвратов, управляют программами лояльности и даже выступают производителями товаров под собственными торговыми марками. В этой многофункциональной структуре становится крайне сложно определить, в каких отношениях платформа выступает как нейтральный посредник, а в каких — как полноценный участник рынка, конкурирующий с собственными же партнерами. В-третьих, важно учитывать правовую неопределенность регулирования больших данных (Big Data), что создает системные риски не только для участников платформенных отношений, но и для конкурентной среды в целом.

Список литературы:

[1] И. Н. Дехтярь Нарушения антимонопольного законодательства в деятельности цифровых платформ // Вестник СГЮА. 2021. – № 2 (139). – с. 78-87. – с. 79.

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» : Федер. закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ : [принят Государственной Думой 27 июня 2023 г. : одобрен Советом Федерации 5 июля 2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – 17 июля. – № 29. – Ст. 5319.

[3] С.А. Паращук, Я.В. Посохова Правовые аспекты антимонопольного регулирования деятельности хозяйствующих субъектов, использующих цифровые платформы // Право: история и современность. 2023. – № 2. – с. 183 – 190. – с. 186.

References:

[1] I. N. Dekhtyar Violations of antimonopoly legislation in the activities of digital platforms // Bulletin of SSLA. 2021. – № 2 (139). - p. 78-87. - p. 79.

[2] On amending the Federal Law "On Protection of Competition": Feder. Law of July 10, 2023 No. 301-FZ: [adopted by the State Duma on June 27, 2023: approved by the Federation Council on July 5, 2023] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023. - July 17. – № 29. - Art. 5319.

[3] S.A. Paraschuk, Ya.V. Posokhova Legal aspects of antitrust regulation of the activities of business entities using digital platforms // Law: history and modernity. 2023. – № 2. - p. 183-190. - p. 186.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-456-459

ХАМЕТОВА Алиса Расимовна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса, подполковник полиции, ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», e-mail: alisa.hametova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы нормативно-правового регулирования следственного действия – контроля и записи переговоров в условиях стремительной цифровизации общества и распространения новых форм коммуникации. Автор анализирует коллизию между широким толкованием понятия «иных переговоров» и узкой процессуальной формой фиксации этих переговоров. В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства предлагается расширить перечень следственных действий направленных на контроль и фиксацию информации информационно-телекоммуникационного обмена в любой форме.*

Ключевые слова: *контроль, запись телефонных переговоров, следственные действия, доказательства, оперативно-розыскная деятельность, цифровая коммуникация.*

KHAMETOVA Alisa Rasimovna,
PhD, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Lieutenant Colonel of Police

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CONTROL AND RECORDING OF NEGOTIATIONS IN DIGITAL COMMUNICATION

Annotation. *The article discusses the current problems of legal regulation of investigative actions, such as monitoring and recording of negotiations, in the context of rapid digitalization of society and the spread of new forms of communication. The author analyzes the conflict between the broad interpretation of the concept of "other negotiations" and the narrow procedural form of recording these negotiations. In order to improve the criminal procedure legislation, it is proposed to expand the list of investigative actions aimed at monitoring and recording information in any form of information and telecommunication exchange.*

Key words: *monitoring, recording of telephone conversations, investigative actions, evidence, operational search activities, and digital communication.*

С развитием информационных технологий и цифровизации общества произошла существенная трансформация законодательства в области уголовного судопроизводства, связанного с необходимостью противостоять новым формам и способам совершения преступлений, получения, фиксации и изъятия следов, которые в последующем используются в качестве доказательств. На сегодняшний день, большинство преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, мошенничеств, совершаются в удаленном формате, с использованием мессенжеров как средств связи. Кроме мессенжеров, также используются и различные сервисы, приложения, предназначенные для организации доставки, передвижения на такси, платформы поиска и бронирования отелей, которые имеют функцию коммуникации в разделе сообщений и обращений, установлены и случаи использования аккаунтов игровых площадок для коммуникации, при осуществлении противоправной деятельности [5, ч. 126]. Своевременный мониторинг указанной информа-

ции может не только способствовать получению доказательств, но и предотвратить преступные действия в отношении участников уголовного судопроизводства, служить основанием для своевременного применения мер безопасности.

При этом, нормативно-правовая регламентация работы с информацией, содержащейся в указанных источниках обладает явной недостаточностью и требует адаптации к современным условиям цифрового [6, с. 62] информационного обмена. Некоторые исследователи указывают, что существует неопределенность в вопросе о том, относится ли обмен сообщениями в мессенджерах к категории «переговоров» в контексте ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Буквальное толкование данной нормы предполагает контроль и запись устной речи, в то время как коммуникация в мессенджерах преимущественно осуществляется в текстовой форме [3, С. 40-44]. Предположение весьма разумно, так как в 2001 году, когда был принят УПК РФ и соответственно введена данная норма, приложения, позволяющие обмениваться сообщениями как письменными, так и голосовыми не существовали. Анализируя п. 1 ст. 186 УПК РФ, обращаем внимание, что допускается осуществление контроля и записи не только телефонных переговоров, а также иных форм коммуникаций, и уже сама формулировка нормы задает достаточно широкий охват, хотя это не всегда прямо считывается при первом обращении к тексту. Термин «иные переговоры» подлежит расширительному толкованию и включает не только голосовую информацию, передаваемую по телефонной связи, но и сведения, передаваемые с использованием иных средств электросвязи, однако границы такого толкования в правоприменительной практике остаются не до конца определенными.

Нормативное содержание категории «электросвязь» раскрывается в п. 35 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (далее – ФЗ «О связи»), где под ней понимается передача и или прием знаков, сигналов, голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков либо иных сообщений с использованием электромагнитных систем. Это определение носит заведомо широкий, универсальный характер, охватывая различные способы передачи информации без жесткой привязки к конкретным технологиям.

Указанный подход в определенной степени соотносится с положениями п. 14.1 ст. 5 УПК РФ, закрепляющими допустимость осуществления контроля и записи переговоров при использовании различных средств коммуникации, и в этом просматривается стремление законодателя сохранить технологическую нейтральность регулирования, хотя на практике такая нейтральность иногда оборачивается неопределенностью.

Однако, п.п. 6, 7, 8 ст. 186 УПК РФ, ограничивают правоприменителей, указывая на фонограмму, предоставляемую по результатам контроля и записи, которая в дальнейшем приобщается к уголовному делу в качестве доказательства. Такое правоопределение подталкивает к выводу, что это следственное действие фактически ориентировано на фиксацию аудио информации, то есть звуковых разговоров между лицами, которые могут быть зафиксированы на фонограмму, без каких-то дополнительных вариантов. Если в телефонной связи информация в любом случае сводится к звуку, то через интернет она передается иначе, иногда одновременно в нескольких форматах, и это уже не укладывается в привычную схему. Это может быть аудио, видео, изображения, текстовые сообщения, или вообще смешанный поток данных, который сложно свести к одному типу. Например, IP-телефония передает не только звук, но и видео, текст, изображения и другие данные. С одной стороны, сама структура ст. 186 УПК РФ по своему содержанию как будто допускает применение этого следственного действия к разным видам коммуникаций через сети электросвязи, но с другой стороны, она же ограничивает результат только звуковой информацией, то есть фонограммой, и это уже выглядит как явное сужение возможностей. В поисках решения указанной дефиниции мнения исследователей расходятся. В.Ю. Стельмах справедливо отмечает, что «формулировка закона отражала состояние средств связи на момент его принятия, когда практически единственным каналом, пригодным для контроля переговоров, был телефон. Кроме того, в начале XXI века технологии передачи голосовых и не голосовых сообщений были совершенно различными и не сочетались в одном устройстве» [2, с. 156]. В его работах можно встретить весьма логичное предположение о фактическом переносе оперативно-розыскного мероприятия под названием «прослушивание телефонных переговоров» в уголовно-процессуальное законодательство в качестве следственного действия. Аналогичное сходство отмечает и В.И. Шаров предполагая их тождественность: «в конечном счете, система деятельности одна и та же вплоть до исполнителя» [4, С. 179-181]. С.П. Петров, А.В. Бобарт, рассуждая о схожести контроля и записи телефонных переговоров и прослушивания телефонных переговоров указывают, что нельзя отождествлять понятие следственное действие и понятие оперативно-розыскное мероприятие, подчеркивая негласный характер осуществления последней категории [1, С. 48-54]. Проведенный анализ позволяет констатировать наличие институционального диссонанса, между объектно-ори-

ентированной конструкцией уголовно-процессуальной нормы и средо-ориентированной природой современных цифровых коммуникаций. Если законодатель в 2001 году конструировал норму исходя из канало-центричной модели связи, предполагающей жесткую привязку к абонентскому номеру и голосовому трафику, то в парадигме пакетной передачи данных (IP-телефония, мессенжеры со сквозным шифрованием) идентификатором коммуникации выступает не единый номер, а множество токенов: Device ID, IP-адрес, учетная запись, сессионный ключ.

Следовательно, буквальное толкование ст. 186 УПК РФ вступает в коллизию с принципом технологической нейтральности, заявленным в ст. 2 ФЗ «О связи». Мы предлагаем рассматривать указанную коллизию не как частный пробел, а как проявление «эффекта нормативного запаздывания», который в цифровой среде имеет экспоненциальную природу: темпы обновления протоколов связи опережают законотворческий цикл в 5-7 раз. Выход видится не в экстенсивном расширении перечня объектов контроля, а в переходе к функциональному критерию: значимым для следствия является не среда передачи (голос, текст, видео), а коммуникативный акт между идентифицированными лицами, независимо от формы сигнала.

В ходе анализа правоприменительной практики, нами проведено анкетирование следователей органов внутренних дел, по результатам которого 90 % респондентов никогда не проводили следственное действие «контроль и запись телефонных переговоров», а при необходимости получения информации, содержащейся в переговорах - «подменяли» его отдельным поручением органу дознания об осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. По результатам исполнения поручения, орган дознания предоставлял полученную информацию как результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Лишь 10 % производили контроль и запись телефонных переговоров в качестве следственного действия по тяжким преступлениям, при этом, кратность производства сводится к единичным случаям. В данном контексте отметим, что процессуальный порядок получения и приобщения результатов ОРД более объёмный, несет значительные временные затраты, так как сама деятельность является негласной и кроме получения решения суда, требуется рассекречивание предоставляемых материалов.

Контроль и запись телефонных переговоров, в свою очередь, предусматривает возможность получения фонограммы без процедуры «рассекречивания», что существенно экономит сроки производства расследования, но не предусматривает получения в ходе этого следственного действия других результатов коммуникаций. В связи с чем, в практической деятельности де-факто не применяется, подменяясь оперативно-розыскными мероприятиями, при этом их цели и порядок производства существенно различаются.

Полученные в ходе анкетирования данные, требуют не просто констатации, но социолого-правовой интерпретации. Столь высокая доля «отказов» от производства этого следственного действия в пользу ОРД свидетельствует не только о процессуальных сложностях, но и о сформировавшемся у правоприменителя когнитивном стереотипе: контроль и запись переговоров воспринимается как рискоемкая, процессуально-обремененная процедура, сопряженная с повышенным стандартом судебного санкционирования (ст. 165 УПК РФ) и не гарантирующая получения доказательства, отвечающего критериям относимости и допустимости. Примечательно, что 10% следователей, применявших норму, делали это исключительно по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Это коррелирует с позицией Верховного Суда РФ, который в ряде определений указывал на необходимость соблюдения баланса между тайной связи (ст. 23 Конституции РФ) и публичными интересами правосудия, однако единообразной практики не выработано. Мы отмечаем двойственность процессуального выбора: либо следователь идет по пути наименьшего сопротивления: ОРД с последующим рассекречиванием, что затягивает расследование на 10-14 суток, либо рискованно пытается применить ст. 186 УПК РФ, сталкиваясь с невозможностью процессуальной фиксации текстового чата или пересылаемых файлов.

Так, существующие процессуальные механизмы не обеспечивают в полной мере потребности правоохранительных органов [7, с. 69] в получении доказательственной информации путем производства контроля и записи телефонных переговоров. В связи с этим, на первый взгляд видится целесообразным предложить изменения, которые бы послужили толчком возрождения этого следственного действия: дополнить п.п. 6, 7, 8 ст. 186 УПК РФ возможностью фиксировать письменную речь [8, с. 83] в стенограмме как альтернативного результата производства этого следственного действия, в зависимости от вида прослушиваемых переговоров. Такое дополнение видится рациональным по цели, при этом недостаточным по юридико-техническому исполнению. С технической точки зрения, стенограмма это текстовый протокол, который не является простым видом фонограммы – это производный вторичный документ, который в доказывании по ст. 74 УПК РФ скорее будет относится к «иным документам», а не к «вещественным доказательствам» или «протоколам следственных действий». Следова-

тельно, простое дополнение одной фразой, без изменения статуса этого носителя информации, породит ряд вопросов: каковы требования к заверению стенограммы, кто проводит лингвистическую идентификацию участников чата, и главное – как быть с удаленными сообщениями. Более системным, видится дополнение гл. 25 УПК РФ новым самостоятельным следственным действием – «Контроль и фиксация цифровой коммуникации», объектом которого станет не звук, а информационно-телекоммуникационный обмен в любой форме. Результатом фиксации будет выступать цифровой носитель с обеспечением его криптографической верификации. Новое следственное действие на наш взгляд, существенно расширит возможности правоприменителей в условиях нынешнего техногенного прогресса.

Список литературы:

[1] Петров С.П., Борбат А.В. О необходимости расширения пределов прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. 2025. № 11. С. 48 - 54.

[2] Стельмах В.Ю., Васюков В.Ф., Ефремова О.М. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации: монография. – М.: Норма, 2020. – С. 156.

[3] Черявко Е.Д., Майборода Э.Т. Процессуальные аспекты использования информации из мессенджеров и социальных сетей при расследовании создания диверсионных сообществ // Российский следователь. 2026. № 2. С. 40 - 44.

[4] Шаров В.И. Контроль и запись переговоров как следственное действие и как оперативно-разыскное мероприятие // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 179 - 181.

[5] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[6] Шевелева, С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[7] Хасанова, З. И. Особенности процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

[8] Мирхайдарова, М. Ю. Некоторые вопросы рабочего этапа предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам опознаваемого лица / М. Ю. Мирхайдарова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 82-88. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.012. – EDN MIGCFP.

References:

[1] Petrov S.P., Borbat A.V. On the need to expand the limits of prosecutorial supervision of operational-search activities // Russian investigator. 2025. № 11. S. 48 - 54.

[2] Stelmakh V.Yu., Vasyukov V.F., Efremova O.M. The production of investigative actions aimed at obtaining and using computer information: monograph. - M.: Norma, 2020. - S. 156.

[3] Cheryavko E.D., Mayboroda E.T. Procedural aspects of the use of information from instant messengers and social networks in the investigation of the creation of sabotage communities // Russian investigator. 2026. № 2. S. 40-44.

[4] Sharov V.I. Control and recording of negotiations as an investigative action and as an operational-search event // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (47). S. 179-181.

[5] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 218 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[6] Sheveleva, S. S. Balanced CMF of criminal proceedings: criteria for admissibility and minimization of latent risks / S. S. Sheveleva // Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - S. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[7] Khasanova, Z. I. Features of the procedural status of a suspect in criminal proceedings / Z. I. Khasanova // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

[8] Mirkhaidarova, M. Yu. Some issues of the working stage of presenting a person for identification by the voice and speech properties of the identified person / M. Yu. Mirkhaidarov // Law and statehood. – 2026. – № 1(10). - S. 82-88. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.012. – EDN MIGCFP.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-460-466

ЩЕДРИН Григорий Алексеевич,
магистрант Международно-правового института
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
САВЕНКО Оксана Евгеньевна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
Международного частного права имени
Г.К. Дмитриевой Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Lab.kmchp@msal.ru

АСИММЕТРИЧНЫЙ КОЛЛИЗИОННЫЙ ЭФФЕКТ ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ТРАСТАХ: ОПЫТ ИТАЛИИ, НИДЕРЛАНДОВ И ШВЕЙЦАРИИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. *В статье исследуются правовые последствия ратификации Конвенции о праве, применимом к трастам, и их признании 1985 года (далее – Конвенция) государствами континентальной правовой традиции. На примере итальянской конструкции trust interno показано, что механизм Конвенции, предназначенный для признания иностранных трастов, может быть обращён к национальному правопорядку государства, ратифицировавшего Конвенцию, и использован для создания трастоподобных конструкций, единственным иностранным элементом которых является избранное применимое право. Сравнительный анализ имплементации Конвенции в Нидерландах и Швейцарии показывает, что защита от возникновения внутренних трастов строится не на прямом законодательном запрете, отсутствующем во всех рассмотренных правопорядках, а на косвенных нормах материального права и доктрине континентально-правовой юрисдикции. Обосновывается вывод о том, что ратификация Конвенции сама по себе относит государство континентального права к категории риска возникновения внутренней трастовой практики; реализация же этого риска не предопределяется ратификацией, а зависит от особенностей взаимодействия конвенционных норм с национальным правом, что должно учитываться при оценке целесообразности присоединения к Конвенции, в том числе Российской Федерацией.*

Ключевые слова: *траст, Гаагская конвенция 1985 года, trust interno, признание трастов, имплементация международного договора, международное частное право.*

SHCHEDRIN Grigoriy Alekseevich,
Master's student, International Law Institute, Kutafin
Moscow State Law University (MSAL) Moscow,
Russian Federation

Academic Supervisor:
SAVENKO Oksana Evgenievna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor at the Department of International Private Law named after G.K. Dmitrieva Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Moscow, Russian Federation

THE ASYMMETRIC CONFLICT-OF-LAWS EFFECT OF THE HAGUE CONVENTION ON THE LAW APPLICABLE TO TRUSTS AND ON THEIR RECOGNITION: INSIGHTS FROM ITALY, THE NETHERLANDS AND SWITZERLAND FOR CIVIL LAW JURISDICTIONS

Annotation. *The article examines the legal consequences of the ratification of the 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition (hereinafter – the Convention) by states of the civil-law tradition. Drawing on the Italian construction of trust interno, the author demonstrates that the Convention's recognition mechanism may be turned towards the national legal order of the ratifying state itself and used to create trust-like arrangements whose sole foreign element is the chosen applicable law. A comparative analysis of the implementation of the Convention in the Netherlands and Switzerland shows that protection against the emergence of internal trusts rests not on an express statutory prohibition — which is absent in all the legal orders considered — but on indirect rules of substantive law and doctrinal positions. The author substantiates the conclusion that ratification of the Convention as such places a civil-law state in the risk category for the emergence of domestic trust practice; the materialisation of that risk, however, is not predetermined by ratification but depends on the specific interaction between the Convention's provisions and national law, which should be taken into account when assessing the expediency of accession to the Convention, including by the Russian Federation.*

Key words: *trust, 1985 Hague Convention, trust interno, recognition of trusts, implementation of an international treaty, private international law.*

Введение

Институт траста, сложившийся в системе общего права, на протяжении столетий оставался чуждым континентальной правовой традиции, построенной на единстве права собственности, принципе numerus clausus вещных прав и неделимости патримония. Континентальный правопорядок не располагал ни концепцией расщеплённого титула, ни системой права справедливости, в рамках которой возникает фигура бенефициара траста. Тем не менее потребности трансграничного оборота потребовали выработки международно-правового механизма, позволяющего государствам признавать трасты, учреждённые по иностранному праву, даже при отсутствии данного института в собственной правовой системе.

Таким инструментом стала Конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании, принятая в Гааге 1 июля 1985 года [1]. Италия стала первой крупной юрисдикцией романо-германской традиции, ратифицировавшей Конвенцию без каких-либо оговорок [9, с. 2]. Этот шаг породил одну из наиболее острых коллизионно-правовых дискуссий в европейской цивилистике, поскольку незамедлительно обнажил системные противоречия между конвенционным механизмом признания и основополагающими принципами итальянского гражданского права.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ правовых последствий ратификации Конвенции государством континентального права, квалифицируемых автором как асимметричный эффект. Материалом для исследования служит итальянская конструкция trust interno, представляющая собой наиболее показательный пример такого эффекта.

1. Двухуровневая модель Гаагской конвенции

Коллизионная модель Конвенции (то есть механизм определения применимого права) построена на двух уровнях. Первый уровень определяет выбор применимого права: согласно статье 6 траст регулируется правом, избранным учредителем прямо или подразумеваемо, а при отсутствии такого выбора, в силу статьи 7, применяется право, имеющее наиболее тесную связь с трастом [1]. Принципиально важно, что Конвенция не требует наличия объективной территори-

альной связи между трастом и избранным правопорядком: учредитель свободен избрать право любого государства независимо от местонахождения активов, трастодержателя или бенефициаров.

Второй уровень составляет механизм признания. В соответствии со статьёй 11 траст, соответствующий применимому праву, признаётся во всех государствах-участниках, что влечёт обособление трастового имущества от личного имущества трастодержателя, недопустимость обращения на него взыскания личными кредиторами трастодержателя, а также иммунитет от включения в конкурсную и наследственную массу, а также в общее имущество доверительного собственника и его супруга [1]. Данный перечень составляет минимальный стандарт признания, который национальное право вправе расширять.

Именно сочетание двух элементов, а именно свободы выбора права без требования объективной связи и обязательного признания имущественного обособления, создало предпосылки для появления конструкций, вышедших за рамки того, что предвидели разработчики Конвенции [10, с. 412].

2. Феномен trust interno: обращение механизма вовнутрь

Ратификация Конвенции создала в Италии правовую базу для признания иностранных трастов. Однако итальянские практики воспользовались Конвенцией в обратном направлении: они начали создавать трасты, в которых учредитель, трастодержатель, бенефициары и имущество являются всецело итальянскими, но применимым правом избирается иностранное, как правило английское или право острова Джерси. Эта конструкция получила в доктрине наименование trust interno [6]. Единственной целью подобного выбора было достижение эффекта имущественной изоляции, недостижимого средствами итальянского права.

Наиболее последовательную критику данной практики высказал профессор Франческо Гаццони в серии публикаций в «Rivista del notariato». В работе «Tentativo dell'impossibile» он доказывал, что регистрация трастового имущества в итальянском реестре недвижимости принципиально невозможна, поскольку передача в пользу трастодержателя лишена каузы в смысле итальянского обязательственного права [7, с. 11]. В открытой статье «In Italia tutto è permesso, anche quel che è vietato» Гаццони квалифицировал trust interno как инструмент обхода норм о защите кредиторов [8, с. 1252]. По выражению части итальянской доктрины, вся конструкция представляла собой «юридического монстра» (mostro giuridico): применение иностранного права к сугубо внутренним отношениям без какого-либо иностранного элемента.

Вопреки доктринальной критике, траст постепенно проник в итальянский правопорядок через судебную практику. Переломным стало решение Трибунала Кальяри от 4 августа 2008 года, подтвердившее законность trust interno autodichiarato и допустившее регистрацию трастового имущества в реестре недвижимости [5]. Окончательно место траста закрепил принятый в 2016 году Закон № 112, прямо легализовавший имущественное обособление в рамках трастов для защиты лиц с тяжёлыми формами инвалидности. Граница между признанием иностранного института и его имплементацией во внутренний правопорядок оказалась стёрта накопленной судебной практикой, а не законодательным решением.

3. Асимметричный эффект и самонейтрализация статьи 13

Значение описанной ситуации выходит далеко за рамки итальянского внутреннего права, ратификация Конвенции произвела двойной коллизионный эффект. С одной стороны, она обязала Италию признавать иностранные трасты, обеспечивая имуществу в трастах стандарт правового признания, закреплённый в статье 11. С другой стороны, та же Конвенция теоретически обязала государства общего права признавать итальянские конструкции, в том числе в форме trust interno. Механизм Конвенции оказался симметричным, поскольку не проводит различия между трастами, учреждёнными в юрисдикциях общего права, и конструкциями, лишь формально им подчинёнными [14, с. 1685].

Вместе с тем статья 13 Конвенции предусматривает защитный механизм: государство вправе отказать в признании траста, все существенные элементы которого, кроме выбора применимого права, связаны со страной, не знающей данного института [1]. Однако применение этой нормы к итальянскому trust interno сопряжено с принципиальной сложностью. По мере того как итальянская судебная практика накапливала решения о признании trust interno, а законодатель прямо легализовал трастовое обособление имущества, Италия перестала быть страной, «не знающей» траста. Тем самым основание для отказа по статье 13 фактически исчезло в результате самого распространения trust interno.

В этом и состоит асимметричный эффект: защитный механизм, призванный оградить континентальный правопорядок от злоупотребления свободой выбора права, самонейтрализуется по мере того, как соответствующая практика укореняется во внутреннем праве. Возникает устойчивая правовая неопределённость: конвенционный механизм обязывает признавать полноценным трастом конструкцию, единственная связь кото-

рой с избранным правопорядком состоит в самом выборе применимого права. Расщепление титула, конституирующее траст в системе права справедливости, обеспечивается в такой конструкции именно избранным иностранным правом, тогда как все прочие её элементы остаются сугубо внутренними, тем самым стирается граница между трастом, укоренённым в порождающей его правовой системе, и конструкцией, подчинённой этой системе лишь формально, ради достижения недостижимого по праву форума эффекта имущественного обособления [4].

4. Нидерландская модель: двухуровневая косвенная защита

Асимметричный эффект, проявившийся в Италии, не является неизбежным следствием ратификации Конвенции государством континентального права. Это доказывает опыт Нидерландов, государства той же романо-германской традиции, ратифицировавшего Конвенцию в 1995 году, всего через три года после Италии [13]. Несмотря на общность правовых систем, эффект Конвенции на нидерландское право оказался принципиально иным, чем на итальянское.

Показательно, что Нидерланды, в отличие от Италии, до настоящего времени вообще не ввели собственного внутреннего трастового права: законодатель неоднократно отказывался от создания «специфического нидерландского внутреннего трастового права», не находя для этого достаточных оснований [13, с. 269–270]. Вместе с тем, ратифицировав Конвенцию, нидерландский законодатель принял специальный закон о коллизионном праве трастов Wet conflictenrecht trusts (1995), впоследствии инкорпорированный в титул 10.11 «Trust law» (статьи 10:142–10:146) Книги 10 Гражданского кодекса Нидерландов. Этот закон устранил конкретные технические препятствия, которые в Италии остались неразрешёнными и стали предметом доктринальной критики. Статья 10:143 прямо разрешила трастодержателю регистрировать трастовое имущество на своё имя с указанием его статуса, благодаря чему сама регистрационная запись показывает третьим лицам трастовую природу имущества; тем самым была снята именно та проблема регистрации, на которую применительно к итальянскому trust interno указывал Гаццони. Статья 10:144, в свою очередь, установила, что нидерландские нормы о переходе права собственности, обеспечительных правах и защите кредиторов при банкротстве не препятствуют наступлению последствий признания траста, предусмотренных статьёй 11 Конвенции.

Защита нидерландского правопорядка от возникновения внутренних псевдотрастов строится при этом на двух независимых рубежах. Первый рубеж действует на уровне вещного права и работает превентивно, ещё до какого-либо обращения к Конвенции. Запрет фидуциарной передачи (fiduciaverbod), закреплённый в статье 3:84(3) Гражданского кодекса Нидерландов, признаёт ничтожным правовой титул сделки, направленной на передачу имущества в обеспечительных целях либо не имеющей целью действительный переход имущества в имущественную массу приобретателя [13, с. 281–282]. Поскольку передача имущества трастодержателю по своей природе не преследует цели сделать его собственником для его личных нужд, попытка оформить между нидерландскими лицами чисто внутреннюю передачу по образцу trust interno столкнётся с ничтожностью самой вещно-правовой сделки независимо от избранного сторонами договорного права. Тем самым fiduciaverbod закрывает техническую возможность учреждения внутреннего псевдотраста ещё на этапе его создания, что подчёркивается нидерландской доктриной [11]. Дополнительным материально-правовым барьером служит защита обязательной доли наследников (legitieme portie), препятствующая использованию трастовых механизмов для обхода императивных норм наследственного права [13, с. 286–289].

Второй рубеж, статья 13 Конвенции, действует независимо от первого и на последующем этапе: он выступает резервным фильтром на случай, если конструкция всё же была создана и встал вопрос о признании порождаемых ею трастовых последствий. М.Э. Коппенол-Лафорс предложила ограничительное толкование этой нормы: отказ в признании оправдан лишь тогда, когда единственный трастодержатель имеет обычное место жительства в Нидерландах, а трастовое имущество также находится на нидерландской территории [12, с. 274]. Тем самым нидерландская доктрина заранее очертила чёткие пределы действия защитного механизма, тогда как в Италии его применение оказалось размыто накопленной практикой признания trust interno.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальное обстоятельство: нидерландское законодательство не содержит прямой нормы, запрещающей создание внутренних трастов или признание конструкций, все элементы которых связаны с Нидерландами. Оба рубежа защиты носят косвенный характер: первый вытекает из общего запрета фидуциарной передачи, второй опирается на факультативную норму Конвенции и её доктринальное толкование. Иными словами, отсутствие в Нидерландах практики, аналогичной trust interno, обеспечивается не прямым законодательным запретом, а сочетанием косвенных материально-правовых барьеров и доктринальных позиций.

5. Швейцарская модель: избирательная защита через статью 15

Швейцарский опыт демонстрирует третий,

ещё более гибкий вариант имплементации Конвенции, отличный как от итальянского, так и от нидерландского. Подобно Нидерландам, Швейцария не имеет и не имела собственного внутреннего трастового права; ратифицировав Конвенцию с вступлением в силу 1 июля 2007 года, она полностью полагается на признание иностранных трастов, не создавая швейцарского аналога [15].

Ключевое отличие швейцарской модели состоит в том, что защита от злоупотреблений строится не столько на статье 13 Конвенции, сколько на статье 15, сохраняющей действие императивных норм швейцарского права в отдельных областях независимо от факта признания траста в целом. К их числу относятся правила о защите обязательной доли наследников, права кредиторов при оспаривании сделок, правило Lex Koller о приобретении недвижимости иностранными лицами и императивные нормы семейного права при расторжении брака [15]. Тем самым швейцарский законодатель избрал не блокирование признания траста как такового, а точечную нейтрализацию отдельных его последствий, противоречащих конкретным императивным нормам форума.

Практическое применение этого механизма иллюстрирует решение Федерального верховного суда Швейцарии от 26 апреля 2012 года по делу Rybolovlev v Rybolovleva, одно из первых решений высшей судебной инстанции после ратификации Конвенции, рассматривавшее иностранные (кипрские) трасты в контексте швейцарского режима имущественных отношений супругов [16]. Суд не отказал в признании трастов на основании статьи 13: напротив, он счёл трасты действительными. Однако, применяя императивные нормы швейцарского права о режиме имущества супругов, суд заключил, что супруг являлся единоличным бенефициарным собственником трастового имущества либо лицом, сохраняющим над ним контроль. Тем самым кипрское трастовое право, которое по общему правилу должно было определять природу и объём интереса бенефициара, было по существу вытеснено швейцарским подходом к режиму имущественных отношений супругов [16].

Из этого следует принципиальный вывод: защита континентального правопорядка от злоупотребления трастовой формой не обязательно требует применения статьи 13 Конвенции. Швейцарская модель показывает, что предотвращение обхода императивных норм континентального права под видом иностранного траста достижимо через избирательное применение статьи 15, при котором признаётся сам траст, но нейтрализуются его отдельные последствия, вступающие в противоречие с конкретными защищаемыми интересами (наследников, кредиторов, супруга). Существенно, однако, что швейцарское законодательство, как и нидерландское, не содержит прямой нормы, запрещающей конструкции, все элементы которых связаны со Швейцарией: статьи 149a–149e Закона о международном частном праве регулируют признание трастов и вопросы юрисдикции, но не устанавливают запрета внутренних трастов как таковых. Защита и здесь носит косвенный характер, опираясь на точечное действие императивных норм, а не на прямое законодательное исключение. Этим швейцарский подход отличается от нидерландского, делающего акцент на превентивных барьерах вещного права, и тем более от итальянского, где ни статья 13, ни системное применение статьи 15 не были задействованы в качестве последовательного защитного механизма.

6. Значение для государств континентального права

Итальянский опыт следует оценивать критически с позиций международного частного права. Конструкция trust interno имитирует функциональный эффект траста в части имущественной изоляции, заимствуя его правовую природу из избранного иностранного права при отсутствии какой-либо объективной связи с этим правопорядком, кроме самого выбора права. В доктрине она обоснованно характеризуется как «гибридный правовой продукт» (ibrido giuridico): попытка достичь результата, свойственного системе права справедливости, средствами континентального обязательственного права при отсутствии системных предпосылок.

Для Российской Федерации, не являющейся участницей Конвенции, сопоставление итальянского, нидерландского и швейцарского опыта имеет прямое практическое значение. Оно демонстрирует, что ратификация Конвенции не является нейтральным актом, ограниченным признанием иностранных трастов: в отсутствие продуманной модели имплементации она способна породить внутреннюю трастовую практику, подрывающую принцип единства собственности.

Принципиально важно при этом следующее наблюдение. Ни один из трёх рассмотренных правопорядков не содержит прямой законодательной нормы, запрещающей создание внутренних трастов, то есть конструкций, все существенные элементы которых связаны с данным государством, за исключением избранного применимого права. Италия ограничилась фактом ратификации, и внутренняя практика trust interno была легализована судами. Нидерланды опираются на косвенные барьеры вещного права (fiduciaverbod) и на доктринальное толкование статьи 13, судебной практикой не проверенное. Швейцария полагается на избирательное действие императивных норм через статью 15 Конвенции. Во всех трёх случаях защита от внутренних псевдотрастов

держится на косвенных нормах и толкованиях, а не на прямом запрете. Итальянский опыт показывает, что именно такая опора уязвима: судебная практика способна последовательно обойти косвенные механизмы и де-факто ввести внутренний траст.

Из этого следует систематический вывод: ратификация Конвенции сама по себе относит государство континентального права к категории риска возникновения внутренней трастовой практики. Конвенционный механизм признания в сочетании со свободой выбора применимого права создаёт постоянно действующую возможность конструирования псевдотрастов, а отсутствие прямых законодательных запретов оставляет судьбу этой возможности на усмотрение судебной практики каждой конкретной юрисдикции. Нидерландская и швейцарская модели снижают этот риск, повышая порог, который практике пришлось бы преодолеть, однако юридически не устраняют его.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать вывод о существовании риска асимметричного коллизионного эффекта Гаагской конвенции 1985 года. Этот эффект состоит в том, что механизм признания, предназначенный для иностранных трастов, может быть обращён вовнутрь континентального правопорядка, а защитная норма статьи 13 утрачивает действенность по мере легализации внутренней трастовой практики. Сопоставление итальянского, нидерландского и швейцарского опыта показывает, что ни один из рассмотренных правопорядков не установил прямого законодательного запрета внутренних трастов: защита повсеместно строится на косвенных нормах материального права, факультативных положениях Конвенции и доктринальных толкованиях. Именно поэтому ратификация Конвенции государством континентального права сама по себе помещает национальный правопорядок континентального права в категорию риска возникновения внутренней трастовой практики. Различие между Италией, с одной стороны, и Нидерландами и Швейцарией, с другой, состоит лишь в высоте барьеров, которые такая практика должна преодолеть. Поскольку ни один из рассмотренных правопорядков не устанавливает прямого законодательного запрета, а защита везде носит косвенный характер, сама возможность появления такой практики нигде не исключена полностью. Данное обстоятельство должно учитываться при решении вопроса о ратификации Конвенции иными государствами континентального права, включая Российскую Федерацию.

Список литературы:

[1] Конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании (Гаага, 1 июля 1985 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59 (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[3] Канашевский В.А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. 2013. № 4. С. 63–67.

[4] Паничкин В.Б. Англо-американское трастовое право : монография. М. : Проспект, 2022. 320 с.

[5] Tribunale di Cagliari. 04 agosto 2008 // Trusts e attività fiduciarie. 2009.

[6] Braun A. Italy: The Trust Interno // Trusts in Mixed Legal Systems / ed. by R. Atherton. Cambridge : Intersentia, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2002783 (дата обращения: 15.03.2026).

[7] Gazzoni F. Tentativo dell'impossibile (osservazioni di un giurista «non vivente» su trust e trascrizione) // Rivista del notariato. 2001. P. 11–35.

[8] Gazzoni F. In Italia tutto è permesso, anche quel che è vietato (lettera aperta a Maurizio Lupoi sul trust e su altre bagattelle) // Rivista del notariato. 2001. P. 1247–1268.

[9] Gazzoni F. Il cammello, il leone, il fanciullo e la trascrizione del trust // Rivista del notariato. 2002. P. 1107–1130.

[10] Hayton D. The International Trust. 4th ed. Bristol : Jordans, 2018. 720 p.

[11] Aertsen D.W. De trust. Beschouwingen over invoering van de trust in het Nederlandse recht. Deventer : Kluwer, 2004. 360 p.

[12] Koppenol-Laforce M.E. Het Haagse Trustverdrag : diss. Deventer : Kluwer, 1997. 329 p. (Serie Recht en Praktijk, Vol. 101). (Summary. P. 269–277).

[13] Filesia K.R. Speaking the same language: de invoering van de Anglo-Amerikaanse trust in het Nederlandse recht. Deventer : Wolters Kluwer, 2023. (Meijers-reeks). [Электронный ресурс]. URL: https://hdl.handle.net/1887/3643074 (дата обращения: 20.03.2026).

[14] Dicey, Morris & Collins on the Conflict of Laws. 16th ed. London : Sweet & Maxwell, 2022. 2400 p.

[15] Recognition of Foreign Trusts in Switzerland under the Hague Convention: Legal, Tax & Practical Guide. [Электронный ресурс]. URL: https://foundation-switzerland.com/hague-convention-foreign-trusts-recognition-switzerland/ (дата обращения: 25.03.2026).

[16] Tribunal fédéral suisse. Arrêt du 26 avril 2012 (Rybolovlev v Rybolovleva) // Trusts & Trustees.

2012. Vol. 18. Iss. 8. P. 746.

References:

[1] Convention on the Law Applicable to Trusts and their Recognition (The Hague, 1 July 1985). [Electronic resource]. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59 (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 49. Art. 4552.

[3] Kanashevsky V.A. On the law applicable to offshore trusts and their recognition // Law. 2013. № 4. S. 63-67.

[4] Panichkin V.B. Anglo-American Trust Law: Monograph. M.: Prospect, 2022. 320 s.

[5] Tribunale di Cagliari. 04 agosto 2008 // Trusts e attività fiduciarie. 2009.

[6] Braun A. Italy: The Trust Interno // Trusts in Mixed Legal Systems / ed. by R. Atherton. Cambridge : Intersentia, 2012. [Electronic resource]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2002783 (access date: 15.03.2026).

[7] Gazzoni F. Tentativo dell'impossibile (osservazioni di un giurista «non vivente» su trust e trascrizione) // Rivista del notariato. 2001. P. 11–35.

[8] Gazzoni F. In Italia tutto è permesso, anche quel che è vietato (lettera aperta a Maurizio Lupoi sul trust e su altre bagattelle) // Rivista del notariato. 2001. P. 1247–1268.

[9] Gazzoni F. Il cammello, il leone, il fanciullo e la trascrizione del trust // Rivista del notariato. 2002. P. 1107–1130.

[10] Hayton D. The International Trust. 4th ed. Bristol : Jordans, 2018. 720 p.

[11] Aertsen D.W. De trust. Beschouwingen over invoering van de trust in het Nederlandse recht. Deventer : Kluwer, 2004. 360 p.

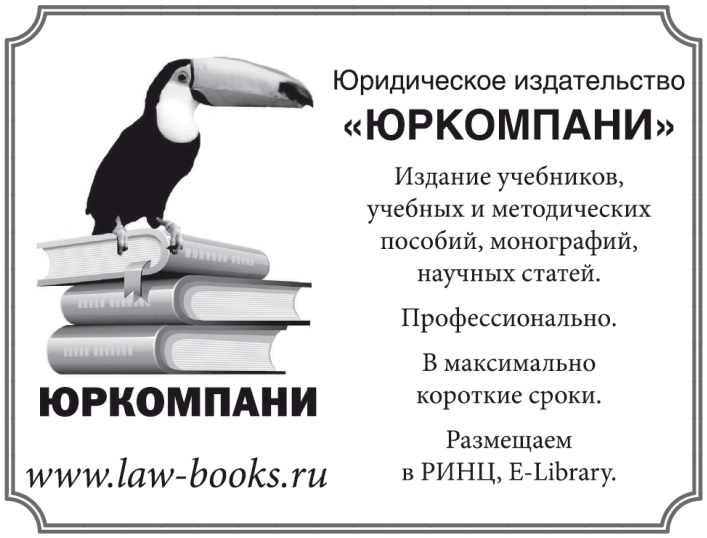
[12] Koppenol-Laforce M.E. Het Haagse Trustverdrag : diss. Deventer : Kluwer, 1997. 329 p. (Serie Recht en Praktijk, Vol. 101). (Summary. P. 269–277).

[13] Filesia K.R. Speaking the same language: de invoering van de Anglo-Amerikaanse trust in het Nederlandse recht. Deventer : Wolters Kluwer, 2023. (Meijers-reeks). [Electronic resource]. URL: https://hdl.handle.net/1887/3643074 (access date: 20.03.2026).

[14] Dicey, Morris & Collins on the Conflict of Laws. 16th ed. London : Sweet & Maxwell, 2022. 2400 p.

[15] Recognition of Foreign Trusts in Switzerland under the Hague Convention: Legal, Tax & Practical Guide. [Electronic resource]. URL: https://foundation-switzerland.com/hague-convention-foreign-trusts-recognition-switzerland/ (дата обращения: 25.03.2026).

[16] Tribunal fédéral suisse. Arrêt du 26 avril 2012 (Rybolovlev v Rybolovleva) // Trusts & Trustees. 2012. Vol. 18. Iss. 8. P. 746.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-467-471
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

МУЖУХОЕВА Эльза Джунидовна,
Профессор кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук ФГБОУ «Ингушский государственный университет», e-mail: mail@law-books.ru

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПЕРИОД НАМЕСТНИЧЕСТВА И.И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

Аннотация. *Данная статья посвящена ретроспективному рассмотрению некоторых аспектов деятельности одного из институтов Российской империи. Внимание автора сосредоточено на том, какой вклад внес Илларион Иванович Воронцов-Дашков, один из последних наместников российского императора на Кавказе. Интерес к теме вызван ее своевременностью в свете провозглашения текущего года годом единства народов России. Автор обращает внимание на то, что незнание истории собственной страны и безразличие к судьбе собственного народа – это путь в никуда, дорога духовной деградации и потери национальной идентичности. Особый интерес автора вызывает устройство Терской области и ситуация, сложившаяся в ней в период восстановления наместничества. Целью работы является краткий анализ того, как складывались взаимоотношения имперского центра с Кавказом в период до упразднения наместничества и после его восстановления. В числе прочего автор затрагивает вопрос о роли личности в истории, в частности о том, какие преобразования, прежде всего в Терской области, удалось реализовать И.И. Воронцовым-Дашковым либеральными методами.*

Ключевые слова: *институт наместничества; Кавказский регион; межэтнические отношения; «замирение Кавказа»; Кавказская война; революционная смута.*

MUZHUKHOEVA Elsa Dzhunidovna,
Professor, Department of Russian History, PhD in History, Ingush State University

THE TEREK REGION DURING THE PERIOD OF I.I. VORONTSOV-DASHKOV'S VICEROYALTY

Annotation. *This article is devoted to a retrospective examination of certain aspects of the activities of an institution of the Russian Empire. The author focuses on the contribution made by Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov, one of the last viceroys of the Russian Emperor in the Caucasus. This topic is of particular interest due to its timeliness, given the proclamation of this year as the Year of Unity of the Peoples of Russia. The author draws attention to the fact that ignorance of one's own country's history and indifference to the fate of one's people are a road to nowhere, a path to spiritual degradation and the loss of national identity. The author is particularly interested in the structure of the Terek Oblast and the situation that developed there during the restoration of the viceroyalty. The aim of the work is to briefly analyze the relationship between the imperial center and the Caucasus in the period before the abolition of the viceroyalty and after its restoration. Among other things, the author touches on the role of the individual in history, in particular the reforms, primarily in the Terek Oblast, that I.I. Vorontsov-Dashkov managed to implement using liberal methods.*

Key words: *institute of viceroyalty; Caucasus region; interethnic relations; "pacification of the Caucasus"; Caucasian War; revolutionary turmoil.*

Без малого полвека назад, благодаря повести Ч. Айтматова «И дольше века длится день…» (в дальнейшем выходившей под названием «Буранный полустанок») в русский язык вошло понятие «манкурт», обозначающее человека, утратившего духовную связь со своим прошлым. Это слово встало в один ряд с фразеологизмом, ведущим отсчет со времен крепостного права, об «Иване, не помнящем родства». В обоих случаях речь идет о человеке, который не знает традиций и истории своей страны, демонстрирует безразличие к судьбе собственного народа. Такое отно-

шение тождественно утрате корней, духовной деградации, потере национальной идентичности. Очевидно, что в текущих условиях, когда со стороны некоторых элементов мирового сообщества делаются попытки навязывания чуждой идеологии, единственным способом противостояния этому становится знание и понимание истории российского государства, вклада в нее конкретных исторических личностей, своими действиями обеспечивших процветание России, ее приращение новыми территориями, бесконфликтные межэтнические отношения. Более того, понимание актуальности важности такого противодействия присутствует на государственном уровне. Так, 25 декабря 2025 г. Президентом Российской Федерации был подписан указ «О проведении года единства народов России». Предполагается, что данная инициатива послужит не только укреплению межнационального согласия народов (а их более 190), сохранению культурного разнообразия и богатства традиций как ключевой силы Российской Федерации. На это же указывают и высказывания многих знаковых исторических личностей, включая М.В. Ломоносова с его «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего» и В.О. Ключевского, высказавшего мысль о том, что «история – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого» [1]. Именно поэтому целью статьи является раскрытие одного из уроков прошлого – деятельности И.И. Воронцова-Дашкова на Кавказе, народы которого уже с XVI-XVIII вв. постепенно стали принимать подданство России.

Вопрос о роли личности в истории был и остается достаточно спорным: от формулировки Л.Н. Толстого «исторические деятели – это «рабы истории» до позиции Г.В. Плеханова, что «выдающиеся личности могут ускорить или замедлить ход событий, благодаря своим талантам». В то же время следует признать, что действия, предпринимаемые значимыми фигурами, как правило, продиктованы потребностями времени и объективными законами общественного развития.

Одной из таких личностей последней трети XIX – начала XX вв. был выдающийся государственный деятель Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Родившийся в 1837 г. он был представителем старинного аристократического рода Воронцовых, двойная же фамилия объясняется родством его семьи с Екатериной Дашковой, близкой соратницей Екатерины Великой, поскольку смерть сына самой Дашковой стала причиной пресечения мужской линии князей Дашковых. Сам Илларион Иванович, с юности избравший военную карьеру. В 1859-1862 гг. принимал участие в военных действиях на Кавказе; в 1865 г. штурмовал крепость Ура-Тюбе в Бухаре; в 1866 г. был назначен помощником военного губернатора Туркестанской области; в период первой русско-турецкой войны выполнял функции помощника военного губернатора Туркестанской области; в следующую русско-турецкую войну (1877-1878 гг.) командовал тем отрядом кавалерии, которым руководил цесаревич Александр (будущий Александр III). Интересным фактом из жизни И.И. Воронцова-Дашкова является и то, что именно он организовал в 1881 г. Священную дружину для охраны императора Александра III (после того, как был убит Александр II). Параллельно с должностью начальника охраны императора И.И. Воронцов-Дашков занимал пост министра императорского двора и уделов [2]. Даже столь краткое изложение некоторых эпизодов жизни Иллариона Ивановича позволяет говорить о его вхождении в круг доверенных лиц российских самодержцев, участии в государственных делах и труде на благо отечества.

Что касается Кавказа, значимой фигурой для развития которого как одной из частей российской империи был И.И. Воронцов-Дашков, остановимся сначала на ретроспективе основных этапов его развития. В истории принято оперировать термином «Кавказская война», носящим обобщающий характер и обозначающим военные действия, которые велись русской императорской армией в связи с присоединением Северного Кавказа к России и длительным военным противостоянием с Северокавказским азаматом. Взаимодействие имперского центра с данным регионом складывалось следующим образом:

в период с 1801 по 1811 гг. в состав Российской империи вошли Картли-Кахетинское и Имеретинское грузинские царства; в 1804-1813 гг. – Закавказские ханства (часть бывших северных территорий Ирана) [3, с. 359];

между территориями, которыми приросла Россия, находились другие земли, населенные северокавказскими народами, зачастую вынужденно и в целом формально присягнувшими на верность российскому самодержавию, но на деле постоянно реализующими так называемую набеговую систему [4] и противодействие имперскому влиянию;

основными районами боевых действий на всем временном отрезке 1817-1864 гг. были северо-западный и северо-восточный районы Кавказа (современные Черкесия, Дагестан и Чечня);

в 1825 г. произошло усмирение Большой Кабарды, однако в игру вступили новые противники – адыги, проживавшие на побережье Черного моря и в районе Кубани, горцы военно-теократического государства под управлением Шамиля;

параллельно с Кавказской войной в 1826-1828 гг. велась Русско-персидская, а в 1828-1829 гг. – Русско-турецкая война, в каждой из которых победа осталась за Россией;

обострение конфликта выпало на середину

1830-х гг. в Дагестане и 1840 г. в Чечне, когда резко активизировалось религиозно-политическое движение в форме газавата (малый джихад, т.е. набег), поддержанное Османской и Британской империей и особенно усилившееся в 1853-1856 гг. (Крымская война);

в 1859 г. с взятием в плен Шамиля было сломлено сопротивление горцев Дагестана и Чечни;

–в 1864 г. Кавказская война, самая длительная в истории нашей страны, закончилась; ее итогом в национальном отношении стал массовый исход в Османскую империю большинства некоторых народов (адыги, абхазы, абазины) и депортация их оставшегося меньшинства на равнинные земли близ Кубани [3].

А. Зубов, анализируя ситуацию на Кавказе, сложившуюся к моменту окончания Кавказской войны, отмечает, что данный регион был проблемой не только при Александре II, но и при Николае I, высылавшем туда декабристов и других молодых людей, сеявших (с точки зрения Николая «Палкина») смуту и фактически призывавших к революционным преобразованиям [5]. Безусловно, значительное число неугодных власти людей погибало под пулями горцев, не выдерживало тяжелого климата и болезней, однако ситуацию на Кавказе, сравнимую с бурлящим котлом, это не решало. Хотя, следует признать, что завершение Кавказской войны позволило устранить область войны, пролегавшую между Закавказьем и основной территорией империи, что позволило сохранить новые границы, тогда как в противном случае пришлось бы вернуться к прежним границам по Кубани и Тереку (как это было в XVIII в.).

В то же время требовалось найти решение не просто для нахождения Кавказа в составе России, но для его «замирения». Это было особенно важно с учетом того, как указывает А. Зубов, ссылаясь на исследования И.Л. Бабич, В.О. Бобровникова и В.Х. Кожарова, Кавказ очень дорого обходился казне и обществу, поскольку требовал колоссальных финансовых вливаний и человеческих ресурсов, принося государству одни проблемы [5].

Отчасти этот вопрос в более ранний период (знаковое совпадение – после посещения Николаем I Кавказа в 1837 г., т.е. как раз в год рождения И.И. Воронцова-Дашкова) был решен структурированием вертикали власти за счет установления ответственного лица – наместника – во главе Кавказа. В 1844 г. было создано Кавказское наместничество, центр которого находится в Тифлисе, в 1845 г. в Санкт-Петербурге был организован Кавказский комитет. Институт наместничества включал собственно наместника – генерала, являвшегося доверенным лицом и представлявшим российского самодержца на всей территории Кавказа. Наместник, хотя и руководил всем в регионе, подчинялся высшей инстанции – Комитету в составе министра финансов, министра государственного имущества, министра юстиции и других членов, назначаемых самим императором (аналогичные комитеты действовали для Польши и Финляндии) [5]. Несмотря на успешность наместничества, институт был упразднен в ноябре 1881 г. в связи с общим поворотом внутренней политики национальных окраинах. М.А. Волхонский отмечает, что такое изменение способствовало «слиянию края с общим организмом государства» [6, с. 171].

Смена парадигмы управления Кавказом позволила в следующие два десятилетия обеспечить приближение уклада региона не только в административном плане, но и в социальном и экономическом отношении к укладу внутренних губерний Российской империи. Так, управление округом было передано главноначальствующим гражданской частью, которые являлись командующими войсками. Структуру новой административной системы составили совет главноначальствующего и управление отдельными частями центральных ведомств. Как отмечает Н.Н. Тумаков, ссылаясь на доклад С.А. Шереметева (бывшего главноуправляющим в 1895 г.), «обрусение» Северного Кавказа шло весьма успешно, однако Закавказье требовало более осторожного подхода. В рапорте Г.С. Голицына (1902 г.) градус оптимизма значительно снизился, хотя сам вектор правительства на слияние Кавказа с основной частью империи по-прежнему считался верным [7]. Очередной поворот произошел в связи с резким нарастанием революционных настроений в 1905 г., приведя к тому, что был восстановлен институт наместничества и в целом изменены принципы политики на Кавказе. Фактически такие меры должны были купировать кризис, связанный с революционным движением и начавшимися межэтническими столкновениями.

Важная роль в преодолении революционной смуты была отведена новому наместнику, которым как раз стал И.И. Воронцов-Дашков. Выбор был неслучаен:

предложение о назначении исходило от министра П.Д. Святополк-Мирского, поскольку И.И. Воронцов-Дашков разделял те же либерально-бюрократические настроения, что и сам министр;

наличие у И.И. Воронцова-Дашкова значительного административного опыта, который был накоплен им на протяжении длительного времени, включая службу непосредственно на Кавказе;

кровопролитные столкновения между армянами и азербайджанцами в январе 1905 г. и полная беспомощность властей в этой ситуации

(бегство низших полицейских чинов, отсутствие войск, тщетные попытки губернатора единолично решить ситуацию и прекратить резню) требовали усиления кавказской администрации [7].

Но решающим фактором стала полученная императором от самого И.И. Воронцова-Дашкова «Записка о затруднениях, встреченных главноначальствующими гражданской частью на Кавказе, следствие неполноты предоставленной им власти и зависимости от министерств, а также о необходимости учреждения на Кавказе наместничества». В ней Илларион Иванович аргументировал преждевременность упразднения наместничества, недостаточность прав, которыми были наделены главноначальствующие. Важно, что Воронцов-Дашков, говоря о такой недостаточности, не требовал полномочий на репрессии, но напротив, указывал на необходимость расширения полномочий «для положительного воздействия на жизнь края, для удовлетворения насущнейших местных нужд», чтобы преодолеть негативизм местного населения по отношению к центральной власти [7]. Сочетание перечисленных факторов и привело к назначению И.И. Воронцова-Дашкова наместником с особыми гражданскими и военно-полицейскими управленческими полномочиями. На практике это означало непосредственное подчинение всех правительственных учреждений Кавказа наместнику; право наместника на самостоятельное назначение, увольнение и перемещение значительного круга чиновников в пределах региона.

Плюсы назначения И.И. Воронцова-Дашкова стали заметны еще до его выезда на Кавказ, поскольку он за несколько месяцев разработал то, что сейчас бы назвали «антикризисной», а именно программу «умиротворения Кавказа». Это урегулирование вопросов, которые непосредственно касались его полномочий и структуры административного аппарата. Речь шла о том, чтобы соблюсти баланс общегосударственной пользы, обеспечения интересов, повышения благосостояния и развития духовных сил нерусского населения Кавказа. Несмотря на очевидность того, что предложенные Воронцовым-Дашковым меры не могли дать немедленного результата в сфере стабилизации ситуации на Кавказе, по настоянию С.Ю. Витте деятельность наместника была быстро взята под непосредственный министерский контроль, что заметно снизило скорость реализации реформ, предложенных наместником. В связи с этим, как справедливо замечает А.Т. Урушадзе, И.И. Воронцов-Дашков, будучи «одним из последних сильных региональных администраторов, …больше опасался не революционеров, а министров и депутатов» [8]. Тем не менее, многие из намеченных в программе И.И. Воронцовым-Дашковым шагов ему удалось реализовать:

отказ от бюрократического давления, исходящего из центра;

выстраивание диалога с местным населением, включая народы Терской области;

отказ применения в управлении «общих формул», исходящих от государственной власти, в пользу учета культурного, религиозного и социального многообразия региона;

инициация сбора записок, консультаций, встреч с представителями разных сословий и этносов для установления реальных потребностей и нужд местного населения;

отмена по результатам полученных запросов ограничений дискриминационного характера, развитие школьного образования, упорядочение земельных отношений [9, с. 41].

Действия, на которых настоял И.И. Воронцов-Дашков, позволили хотя бы на определенном временном отрезке (после первой русской революции) снизить уровень напряженности на Кавказе.

В то же время следует отметить и такой сложный момент, как выделение в составе Терской области Веденского округа для более жесткого контроля населения чеченского высокогорья (1905 г.) и Назрановского округа для управления ингушами (статус постоянного с 1909 г.). Первопричина заключалась в стремлении имперского центра к усилению контроля над горскими обществами, что вылилось в резкие противоречия административного и земельного характера и попытки регулирования межэтнических отношений силовыми методами. Более того, такой подход никак не улучшал положение местного населения, поскольку наиболее плодородные земли относились к казачьим станицам или же принадлежали крупным землевладельцам, неизбежно приводя к обострению межэтнических отношений. Действия И.И. Воронцова-Дашкова в этой сфере, направленные на преодоление конфликта, заключались в том, что его усилиями было созвано межведомственное совещание, которое должно было решить вопросы поземельного устройства кавказских крестьян. Совещание позволило принять в 1912 г. проект самого Дашкова о предоставлении крестьянам закавказских территорий права выкупа своих земель. Кроме того, И.И. Воронцов-Дашков понимал необходимость балансирования между земельным положением коренных представителей крестьянства и переселенческой политикой государственной власти [7].

Более того, в качестве основного способа, направленного на преодоление социальных противоречий, И.И. Воронцов-Дашков указывал аграрные преобразования, но никак не карательные меры. Так, с его точки зрения именно малое количество земли у крестьянства являлось од-

ной из главных причин революционных волнений. Наиболее заметным ход преобразований (и не только аграрных) оказался в Терской области. Это земельное устройство горцев; ликвидация неграмотности за счет открытия школ в Хасав-Юрте и Ведено для местного населения; создание учительской семинарии в Грозном; создание округов, о чем было сказано ранее; предоставление горцам права свободного проживания в населенных пунктах Терской области.

Таким образом, прослеживается не только широта и масштаб реформаторской деятельности И.И. Воронцова-Дашкова, но и то, что наместник, в силу своего статуса имевший по сравнению с правительством значительно более четкое понимание обстановки на Кавказе, степени напряженности социальных и национальных противоречий, действовал преимущественно либеральными методами. Фактически это было показателем доверия И.И. Воронцова-Дашкова к «массе благомыслящего населения» и необходимости «отделять мирных националистов от революционеров-террористов», что не могло не вызывать доверия у многих народов Кавказа по отношению к наместнику.

Список литературы:

[1] Афоризмы и цитаты известных и великих людей // AFORIZM.org [Электронный ресурс]. URL: https://aforizm.org/aforizmy/8855-narod-ne-znayushchij-svoego-proshlogo-ne-imeet-budushchego (дата обращения 21.07.2026).

[2] Илларион Воронцов-Дашков // Календарь событий [Электронный ресурс]. URL: https://www.calend.ru/persons/7093/ (дата обращения 22.07.2026).

[3] Кавказская война 1817-1864 гг. // Большая российская энциклопедия в 35 т. Т. 12 / Под ред. Ю.С. Осипова. М.: Большая российская энциклопедия, 2008.

[4] Козлов В.И. Русские в Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65. № 3. С. 195-205.

[5] Зубов А. «Замирение Кавказа». Лекция // Курс истории России. XIX век [Электронный ресурс]. URL: https://abzubov.com/russiaxix/lecture058 (дата обращения 23.07.2026).

[6] Волхонский М.А. Упразднение наместничества на Кавказе в 1881-1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 171-188.

[7] Тумаков Н.Н. Первая русская революция и восстановление наместничества на Кавказе // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010.

[8] Урушадзе А.Т. «Кавказ – величина особого рода»: борьба за выбор курса на окраине России // Научное обозрение [Электронный ресурс]. URL: https://ostkraft.ru/ru/articles/1988 (дата обращения 24.07.2026).

[9] Соколов А.С. Наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков: программа социальных реформ и проблемы ее осуществления // Кавказология. 2017. № 2. С. 41-47.

[10] Терская область. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833-1917) // Исследовательский проект РНБ [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/elibrarypro/memo/RA6259/terskaya-oblast (дата обращения 25.07.2026).

References:

[1] Aphorisms and quotes from famous and great people // AFORIZM.org [Electronic resource]. URL: https://aforizm.org/aforizmy/8855-narod-ne-znayushchij-svoego-proshlogo-ne-imeet-budushchego (дата обращения 21.07.2026).

[2] Illarion Vorontsov-Dashkov // Calendar of events [Electronic resource]. URL: https://www.calend.ru/persons/7093/ (date of contact 22.07.2026).

[3] The Caucasian War of 1817-1864 // Large Russian Encyclopedia of 35 vols. T. 12/Ed. Yu.S. Osipova. M.: Great Russian Encyclopedia, 2008.

[4] Kozlov V.I. Russians in the Russian Federation // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1995. T. 65. № 3. S. 195-205.

[5] Zubov A. "Reconciliation of the Caucasus." Lecture // Course of Russian History. XIX century [Electronic resource]. URL: https://abzubov.com/russiaxix/lecture058 (date of contact 23.07.2026).

[6] Volkhonsky M.A. Abolition of governorship in the Caucasus in 1881-1882 // Russian history. 2018. № 3. S. 171-188.

[7] Tumakov N.N. The first Russian revolution and the restoration of governorship in the Caucasus // Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2010.

[8] Urushadze A.T. "The Caucasus is a value of a special kind": the struggle for the choice of course on the outskirts of Russia // Scientific Review [Electronic Resource]. URL: https://ostkraft.ru/ru/articles/1988 (date of contact 24.07.2026).

[9] Sokolov A.S. Governor of the Caucasus I.I. Vorontsov-Dashkov: the program of social reforms and the problems of its implementation // Caucasology. 2017. № 2. S. 41-47.

[10] Terek region. Commemorative books of the provinces and regions of the Russian Empire (1833-1917) // Research project of the RSL [Electronic resource]. URL: https://nlr.ru/elibrarypro/memo/RA6259/terskaya-oblast (date of contact 25.07.2026).

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 7 июль)

2026 год

Подписано в печать 16.08.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 59. Тираж 100 экз. Заказ № 69.

Отпечатано в типографии ООО «Юркомпани»
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3.